
ЛЕНИНГРАД

«ХУДОЖНИК РСФСР» · ЛЕНИНГРАД · 1973

НАШЕ ДЕЛО ПРАВОЕ

ПОБЕДА БУДЕТ ЗА НАМИ

ХУДОЖНИКИ ГОРОДА-ФРОНТА

ВОСПОМИНАНИЯ

И

ДНЕВНИКИ

ЛЕНИНГРАДСКИХ

ХУДОЖНИКОВ

«ХУДОЖНИК РСФСР». ЛЕНИНГРАД · 1973

Редакционная коллегия:
народные художники СССР
В. А. СЕРОВ, Ю. М. НЕПРИНЦЕВ, В. Б. ПИНЧУК;
художник В. Н. ПРОШКИН,
заслуженный деятель искусств РСФСР И. А. БРОДСКИЙ

РЕДАКТОР-СОСТАВИТЕЛЬ И. А. БРОДСКИЙ

В подборе материалов сборника принимали участие:
А. М. Земцова, Г. К. Леонтьева.

Литературная редакция
С. П. Варшавского, В. И. Серебряной.

Б $\frac{0812\text{-}080}{М173(03\text{-}73)}$ 219-72

В. СЕРОВ

ВМЕСТЕ С НАРОДОМ

С первых дней Великой Отечественной войны ленинградские художники вместе со всем народом стали в ряды защитников своей Родины.

Ленинградцы жили непосредственно на фронте. Огромной, притаившейся волчьей стаей лежал враг вокруг Ленинграда, он обложил его железным кольцом блокады и пытался задушить. Но город-фронт был полон героическими людьми, которые готовы были отдать за него жизнь. Несокрушимая ненависть к врагу и горячая любовь к своему городу жили в сердцах ленинградцев—и этим они были сильны.

В холоде, во мраке, под бомбежками и обстрелами, голодные, вместе с остальными жителями выполняли художники свой гражданский долг. Во всем героическом величии встает сейчас перед нами облик блокадного Ленинграда, облик ленинградского художника, который сохранил свою волю к победе, жажду к труду и, превозмогая огромную человеческую слабость, не выпустил кисти из рук. Поднимаясь в черную осеннюю ночь на крышу дома, мы видели, как огненным кольцом пожаров, огненным кольцом войны опоясан Ленинград. Справа, слева, спереди и сзади — всюду были видны пожары, вспышки зениток, беспрерывно слышна канонада. И когда в небе над Ленинградом появлялись вражеские самолеты и сбрасывали бомбы, разрушая красивейшие улицы города, убивая женщин, детей, стариков, когда начинались грозные воздушные бои, мы, ленинградцы, чувствовали себя бойцами города-фронта!

И поэтому не было для нас черной и белой работы. Делалась всякая работа, которая нужна была сегодня для фронта. Никакой труд, который мог принести пользу общему боевому делу, не считался позорным.

Помимо напряженной творческой работы, художники выполняли множество гражданских обязанностей. Почти все они участвовали в трудовых работах, в строительстве оборонительных рубежей, очищали город от грязи, шли на лесозаготовки.

Был организован отряд художников, рота, боевая единица, которая стояла подготовительной на случай подступа фашистов к Ленинграду. Мы находились в Союзе на казарменном положении, систематически проводили военные занятия и одновременно занимались своей творческой работой.

Почти все художники были в командах МПВО. Было установлено постоянное круглосуточное дежурство. Как только начиналась тревога, мы разбегались по своим постам: на крышу, в подвалы, в подворотни. Мастерские пустели, а когда раздавался отбой воздушной тревоги, снова собирался народ и начинали ходить кисти по бумаге!

Огромная работа была проведена художниками по маскировке военных объектов, особенно аэродромов (за эту работу многие получили благодарность командования). Изо дня в день художники работали в агитпунктах, в госпиталях, на фабриках и заводах — на всех участках Ленинградского фронта, действуя любым оружием, которое подсказывала и диктовала боевая обстановка, и трудились так много, что приходится удивляться, когда находилось время работать творчески. А искусство оставалось главным.

Ведь с нас спрашивали так же, как с любого бойца. Нам говорили: «Товарищи, на вас возложено фронтовое задание, и вы должны его выполнить. Ваше искусство — оружие большой разящей силы, вы творите большое патриотическое дело, делаете агитационные бомбы». И мы смотрели на свой труд, как на оружие, которым можно эффективно драться с врагом. Как бы ни были тяжелы условия, мы знали, что нужно работать с предельным напряжением сил, работать днем, ночью, непрерывно.

Надо сказать, что с первых дней войны оказались в Союзе такие люди, настроение которых сводилось к тому, что художнику во время войны нечего делать, что искусство должно отмереть, что надо воевать, а не писать. Некоторые товарищи видели даже в войне гибель искусства, утверждали, что искусство, в частности изобразительное, не найдет места в войне. Некоторые считали даже, что Союз нужно закрыть, повесив на двери замок. К счастью, эта группа оказалась небольшой, основной костяк Союза был настроен так, чтобы воевать, если нужно — с оружием на фронте, а если нужно — оружием искусства.

А действительно реальная возможность закрытия ленинградского Союза художников встала с момента организации народного ополчения. Почти все художники записались в ополчение, не только молодые, но и среднего возраста и даже старики. Одно время Союз был закрыт на несколько дней, так как все работники перешли в казармы, где проходили обучение, чтобы идти на передовую. Но затем городские организации приняли необходимые меры, и основная масса ведущих художников была категорически отозвана и возвращена в Союз. Им было сказано: «Ваше оружие — искусство, карандаш. Никто не имеет права отбросить это оружие, оставить его без бойца. Это оружие должно быть в руках художника, потому что оно тоже действенно разит врага и приносит колоссальную пользу нашему делу».

Художников в блокадном Ленинграде оставалось мало. Состав нашего Союза сильно поредел. Многие наши товарищи ушли на фронт, многие были эвакуированы вместе с семьями в глубокий тыл. Многих мы потеряли. Они погибли в Ленинграде — каждый на

В. Пинчук. Плакат. 1942

своем боевом посту. С любовью и острой болью вспоминаем мы об этих людях, их светлые имена останутся навсегда в нашей памяти, потому что погибли эти люди как настоящие герои. Их безвременная гибель звала оставшихся в живых работать с еще большим энтузиазмом, требовала от них еще большей выдержки, еще большего сплочения во имя боевой клятвы, данной у могил погибших друзей,—работать за себя и за них. И ленинградские художники работали с полной отдачей всех своих сил. Огромные героические трагедии не могли оставить художника равнодушным. Естественно, что он смотрел на жизнь открытыми глазами, с открытым чувством, и язык его стал более четким и более страстным.

Художники должны были запечатлеть для потомков те замечательные деяния, участниками и свидетелями которых они были. Но не только о будущих поколениях думали мы в эти суровые дни, месяцы и годы. Мы работали прежде всего на военное сегодня.

Первоочередной задачей была работа над плакатом, лубком, лозунгом, открыткой. Ленинградский Союз художников с первого дня войны стал штабом по наглядно-массовой изобразительной агитации. Мы делали десятки и сотни рисунков для газет, выпускали сотни листов и сотни плакатов. Работали часто целыми сутками. Эти мобильные жанры давали возможность донести боевые лозунги партии в каждый блиндаж, в окопы, в кубрики боевых кораблей, на улицы города. Сразу определился более или менее крепкий плакатный коллектив, о котором можно говорить как о костяке. Многие художники включились в работу над плакатом, они понимали, что на нее нужно обратить особое внимание, что плакатом нужно насытить город. Стремление показать широкому массовому зрителю свои произведения привело ленинградцев к мысли превратить Ленинград в город-выставку. Большие панно появились на стенах города, на трассах, по которым шли ленинградцы. Художники писали панно с плакатов, картин. Было создано много десятков декоративных панно в пятьдесят—восемьдесят метров. Скульпторы затеяли изготовление барельефных плакатов.

С осени 1941 года у нас установился тесный контакт с Политуправлением Ленфронта, для которого художники создавали маленькие по размеру плакаты, рассчитанные на блиндажи, окопы и т. д. С первого дня войны работал и коллектив художников «Боевой карандаш», пользовавшийся большой популярностью в городе, в армии и флоте.

Была третья, не менее важная группа художников, которая работала для Политуправления фронта по агитации среди войск противника. Главным образом в ней создавались листовки для немецкой и финской армий.

Одновременно все мы готовились к выставкам. Настойчиво и упорно собирали материал для произведений, которые должны были появиться сегодня же, чтобы чувства, вложенные в них, мгновенно воспламеняли, поднимали, зажигали зрителей.

2 января 1942 года открылась первая выставка ленинградских художников в дни Отечественной войны. Этой выставке предшествовало некоторое время предварительной работы. В мае была открыта еще одна выставка, которая состояла из произведений зимней выставки и закрытой выставки работ по партизанской тематике. В июле открылась третья городская выставка, в нее вошли все станковые вещи, сделанные за период войны. Эта

В. Серов. Балтийский десант. 1943

выставка осенью 1942 года экспонировалась в Москве в Музее имени А. С. Пушкина. На ней было представлено четыреста произведений. Можно без преувеличения сказать, что выставка в Москве пользовалась очень большим успехом. Основная часть ее картин пошла на выставку 25-летия Советской власти, часть была также на выставке к 25-летию Красной Армии.

Кроме больших экспозиций в Москве и Ленинграде, было организовано довольно большое количество передвижных выставок по госпиталям, частям Красной Армии, воздушного флота и Балтфлота. Интерес к ним был очень велик, и требовались они в таком количестве, что мы даже не в состоянии были всех удовлетворить. Никогда еще не было у ленинградцев таких настоящих родственных, близких чувств к художникам, как в это тяжелое время.

Ленинградцы смотрели на нас как на людей, которые занимаются одним с ними огромным ответственным делом. Редкая близость художника со зрителем давала нам возможность быстрее двигаться, скорее прощупывать и почувствовать основной нерв, который должен держать искусство сегодняшнего дня. Это чувство близости поддерживало нас, вело в бой и давало возможность переносить те чудовищные трудности, которые выпали на долю ленинградцев.

Сейчас кажется совершенно непостижимым, что в страшную зиму 1941/42 года выставка так широко посещалась. Голодные, худые, закутанные люди шли в обледеневшие выставочные залы смотреть новые произведения ленинградских живописцев, графиков, скульпторов.

Тесная дружба связывала художников с партизанами. Было создано большое количество произведений по партизанской тематике. Была налажена и организована связь с партизанами: художники работали на партизанской базе отдыха под Ленинградом. Довольно большая группа была направлена в партизанские базы вне города, за черту блокады. Некоторые художники работали во вражеском тылу среди партизан. В Ленинграде Союз был местом встреч художников с партизанами, приезжавшими в город, ставшими постоянными нашими гостями. Мы много писали их.

Тесной была связь ленинградских художников и с фронтовиками. Они приезжали к нам, позировали для портретов; были организованы и поездки художников на фронт на большие сроки.

Будучи свидетелями и участниками героической эпопеи бессмертной обороны Ленинграда, ленинградские художники с честью выполнили свой гражданский долг, несмотря на все тяготы блокадного времени. Побросав свои квартиры, оставив дома вещи, отправив семьи в эвакуацию, перебрались они в Союз и всецело отдались творческой работе. В Союзе образовалось своеобразное общежитие, жили по нескольку человек в комнате, тут же работали. Была организована своеобразная коммуна, о существовании которой до войны даже трудно было подумать. И горести и радости делились пополам. Было у нас заведено такое правило: каждый вечер собиралась вся группа, каждый показывал свои работы, сделанные за день, а каждое утро художники получали задания. И вечером начиналось

В. Серов. Плакат. 1942

обсуждение сделанных работ, делались замечания друг другу, поправки, зачастую вдвоем-втроем садились за одну и ту же вещь, начинали работать вместе, не считаясь со временем, часов до трех ночи. Спали вообще очень мало, иной раз и совсем не ложились. Некоторые задания, которые давались сегодня вечером на завтра, к утру уже выполнялись. Люди работали ночами.

Была тогда необычайно творческая обстановка, вряд ли она когда-нибудь повторится. Каждая работа пропускалась через коллективный фильтр. Причем не было какого-то строгого расписания, а делалось все это само собой. Сама среда, сами условия создавали такую обстановку. Это была счастливая пора, был творческий накал, особенно развито было чувство ответственности за работу.

Вскоре наступило очень тяжелое время, погас свет, а для художника свет—все, стало жутко и холодно, температура в мастерских была значительно ниже нуля, масляные краски замерзали, выдавить их на палитру было невозможно, погреешь их спичкой—выдавишь. Мы встали перед большими трудностями. Но работать всем очень хотелось.

Вспоминается тогдашняя рабочая обстановка... Большущая комната—мастерская. За столиками коптилки, освещающие несколько вершков бумаги, над которой склонился человек в шубе и валенках. В мастерской буквально стоит чад от коптилок, художники сидят с черными носами, закоптелые и... творят. Холодно, и работают в перчатках. Снимет художник перчатки, погреет руки дыханием, опять оденет и работает!

В этой же мастерской стояла печурка. На ней поджаривались кусочки хлеба на касторовом масле. Несчастные сто двадцать пять граммов хлеба, разделенные на три части—на день!

Силами правления был организован актив, который сам-то еле-еле передвигал ноги, но все же ходили к более слабым товарищам, носили им еду. Это было трогательное и страшное зрелище. Люди, почти умирающие, пытались организовать помощь другим. Работали много, изо дня в день. Ленинградские художники считали это своей священной обязанностью. Преодолевая исключительные трудности блокадного существования, они испытывали настоятельную потребность донести до зрителя большие волнующие их чувства и мысли. Это непрестанное горение поддерживало их силу духа, звало к творчеству, к кистям и замерзающим краскам. Это большое, благородное патриотическое чувство и давало им возможность плодотворно работать, творить яростно и вдохновенно.

И хотя многие произведения были еще сырыми и нужно было немало времени, чтобы их завершить, каждому из них присуще одно драгоценное качество—непосредственная правда жизни.

Казалось бы, условия войны и блокады были крайне неблагоприятны для развития творческих способностей. Но на самом деле многие художники творчески выросли именно в это время. Патриотический подъем в условиях блокадной жизни необычайно обострил их чувства, собрал в едином фокусе их мысли, волю, творческий порыв.

Художники яснее, чем когда-либо в прошлом, знали, что и как нужно изображать, стал ясен непререкаемый критерий оценки произведений изобразительного искусства. Если произведение действенно, если оно зовет к бою, если оно волнует и потрясает сердца—значит оно подлинное, понятное и нужное людям.

В огне величайших испытаний еще более закалились наши сердца, а творчество, которое всегда принадлежало народу, воистину стало в эти годы его грозным оружием.

В. ПРОШКИН

В БЛОКАДНЫЕ ДНИ

Вечером 22 июня мы все собрались в Союзе. Приехало большинство членов правления, чтобы совместно обсудить дальнейшие действия и работу Союза. Те задачи, которые решались нами до начала Великой Отечественной войны, и большая работа по подготовке к выставке «Наша Родина» сейчас уже не являлись основными, важными и актуальными. Необходим был новый план действий, целиком отвечающий нуждам и запросам войны.

Много и горячо говорили. Сидели почти всю ночь. А утром, вместе с Матвеем Генриховичем Манизером, председателем правления ЛССХ, поехали в горком партии с планом работы в военных условиях.

План сводился в основном к следующему: главное внимание уделить наглядной массовой агитации—плакату во всех его видах, возрождению «Боевого карандаша», созданию всевозможного рода агиток, оформлению призывных пунктов и мест массового скопления людей, маскировке военных аэродромов и важнейших гражданских объектов. Предполагалось также использование брандмауеров домов для живописных плакатов. Уточнению этих задач очень помогали совещания с Военным отделом горкома и Политуправлением Ленинградского военного округа.

В Союзе были организованы бригады художников для работы над плакатом. Собрались энтузиасты «Боевого карандаша», и началась кипучая практическая работа. На третий день войны вышел из печати первый плакат В. А. Серова «Били, бьем и будем бить!» А по прошествии нескольких дней уже были созданы интересные, остро решенные плакаты и листы «Боевого карандаша».

Параллельно велась подготовка групп художников для работ по маскировке военных объектов. В последних числах июня по области разъехалось около пятидесяти человек, которые несмотря на малознакомую им специфику работы в условиях фронтовых аэродромов вполне справились со своей задачей. Некоторые художники получили даже благодарность командования.

В те же дни мы провожали многих наших товарищей на фронт. На общем собрании членов Союза выступали художники, которые говорили о новых задачах, стоящих перед нами в военное время. Остающиеся напутствовали уходящих, давались взаимные обещания...

Была осуществлена очень удачная маскировка ряда зданий—Смольного и других важных объектов города. Началась срочная эвакуация Эрмитажа и Русского музея, необходимо было во что бы то ни стало вывезти из Ленинграда хранившиеся здесь сокровища искусства. Большинство художников—членов Союза и горкома ИЗО—помогали сотрудникам музеев в этой огромной работе. Необычно и даже как-то зловеще выглядели большие залы музеев с пустыми рамами по стенам и горами песка на полу.

Фронт приближался к Ленинграду. Надо было срочно подумать о судьбе детей художников. Решили организовать детский лагерь и немедленно вывезти детей в глубь страны.

Много внимания правление и партийная организация Союза уделили подбору воспитателей, руководителей лагеря, закупке необходимых вещей, продуктов, медикаментов. В первой половине июля детский лагерь выехал в Ярославскую область.

В июне 1941 года я вместе с художником В. В. Пакулиным поехал на Кексгольмский аэродром, где мы—после ознакомления и облета местности— в течение нескольких дней разработали эскизы маскировки и тут же приступили к их выполнению.

На маскировке этого аэродрома работала большая группа рабочих и служащих Кексгольмской мануфактуры, которые буквально сутками не покидали летного поля, чтобы как можно скорее завершить маскировку.

На этом аэродроме мы впервые испытали на себе вражескую бомбардировку. Но ни эта, ни последующие частые дневные и ночные бомбардировки почти не наносили ущерба, так как сделанная нами маскировка в значительной степени путала представление противника о нахождении нашей материальной части.

Ленинград тем временем окружал себя сложной системой всякого рода оборонительных сооружений, которые призваны были преградить врагу путь к городу. В этих работах принимало участие все население Ленинграда, в том числе и художники.

...Создаются полки народного ополчения. В их ряды вступают не только представители молодого, но и старшего поколения.

Но для защиты города тоже нужен был труд художников. Решением городского комитета партии многие из наших товарищей были отозваны из армии. В Союзе развернулась многообразная и кипучая творческая деятельность.

Никогда, пожалуй, не было такой острой нужды в горячем и взволнованном патриотическом слове, выраженном изобразительными средствами, как во время этой войны, к тому же в особых условиях блокадного Ленинграда. Работа ленинградских живописцев, графиков и скульпторов приобретала все большее и большее значение.

В первые же месяцы было создано много выразительных плакатов, таких, как «Били, бьем и будем бить!» В. А. Серова, «Смерть фашизму!» В. А. Власова, Т. И. Певзнер и Т. В. Шишмаревой, «Напоролся» В. В. Лебедева, «Наше дело правое. Победа будет за нами!» В. А. Серова, «Бей крепче, сынок!» И. А. Серебряного, «Молодежь, к оружию!» А. А. Казанцева, «Н-да, Адольф, что-то у тебя тут не получается...» А. М. Любимова и другие.

Вышло большое количество листов «Боевого карандаша», выполненных художниками Ленинграда для города-фронта, для войск и для тыла противника.

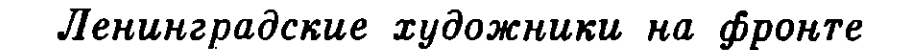
Скульпторы создали в первые же дни войны несколько больших и весьма выразительных скульптурных плакатов-барельефов, которые были установлены на Невском проспекте. Так возник совершенно новый жанр скульптуры.

В начале сентября 1941 года в связи с отъездом в Москву Манизера и с уходом в армию или отправкой в эвакуацию многих художников встал вопрос о реорганизации президиума и правления Союза. Председателем Союза был единогласно избран заместитель

Манизера — Владимир Александрович Серов, который все годы войны и блокады возглавлял коллектив нашей ленинградской творческой организации. Как показало время, этот выбор художников был правильным. Напряженная и многообразная работа Серова несомненно способствовала развертыванию полноценной деятельности Ленинградского Союза художников в трудных условиях блокированного города.

Начались сильные бомбежки. Художники несли дежурства, каждый знал свое место и что он должен делать в случае опасности. Даже когда здание Союза подверглось яростной бомбежке и было забросано «зажигалками», дому не было нанесено почти никакого вреда: самоотверженная работа дежурных ликвидировала не раз возникавшие угрозы.

Вокруг Ленинграда сомкнулось кольцо блокады. Прервалась связь с Большой землей, участились бомбежки и артиллерийские обстрелы. Основная группа художников перешла теперь на казарменное положение в здании Союза. Этого требовали обстоятельства: здесь все время должны были находиться люди, которые бы могли быстро и оперативно выполнять срочные задания. Переход на казарменное положение одновременно содействовал и сохранению сил самих художников, так как они очень ослабли и были уже совершенно не в состоянии приходить в Союз из отдаленных районов города.

Ленинградские художники на фронте

И. Астапов и В. Курдов. Плакат. 1943

С первых же дней войны вся деятельность Союза была теснейшим образом связана с городскими партийными и советскими организациями. Все задания горкома выполнялись буквально в тот же или в крайнем случае на следующий день. Разрабатываемые художниками эскизы и оригиналы их произведений без каких-либо задержек передавались в горком партии на рассмотрение и утверждение и после апробации сейчас же шли в печать. Инициатива носила двусторонний характер: идеи, которые возникали в горкоме, немедленно доводились до сведения Союза для дальнейшей разработки, а все интересные предложения, выдвигавшиеся Союзом и отдельными художниками, неизменно находили живой отклик и поддержку горкома. В итоге все, что являлось ценным и полезным, тут же претворялось в жизнь.

Внимательное отношение партийных организаций к деятельности Союза и ко всему нашему коллективу вселяло в нас бодрость и помогало выполнять стоявшие перед нами задачи.

Вспоминается такой случай. Мы с Серовым пришли однажды в горком партии, в Смольный, согласовать эскизы нескольких плакатов и листов «Боевого карандаша»,

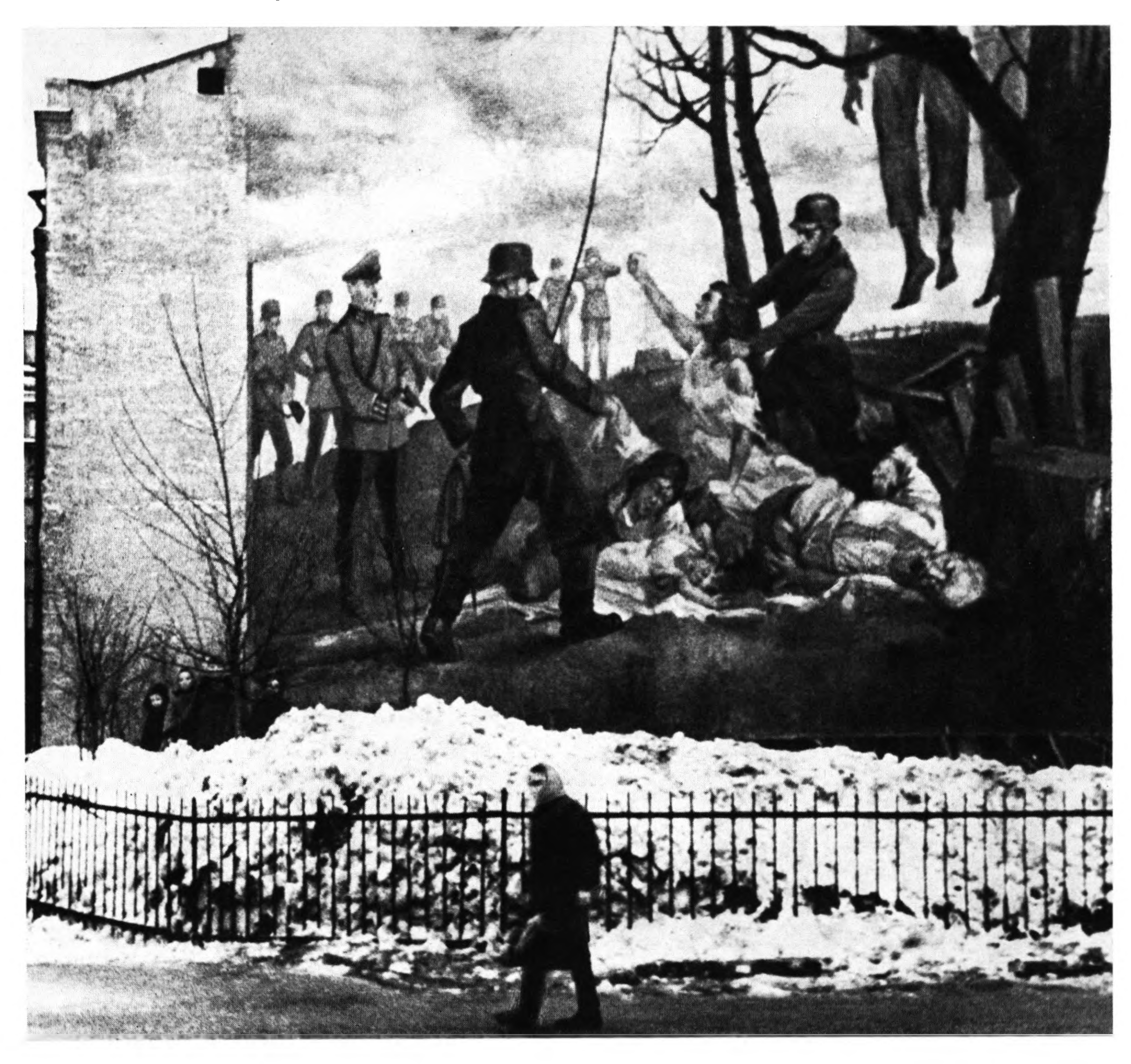
А. Любимов. Плакат. 1941

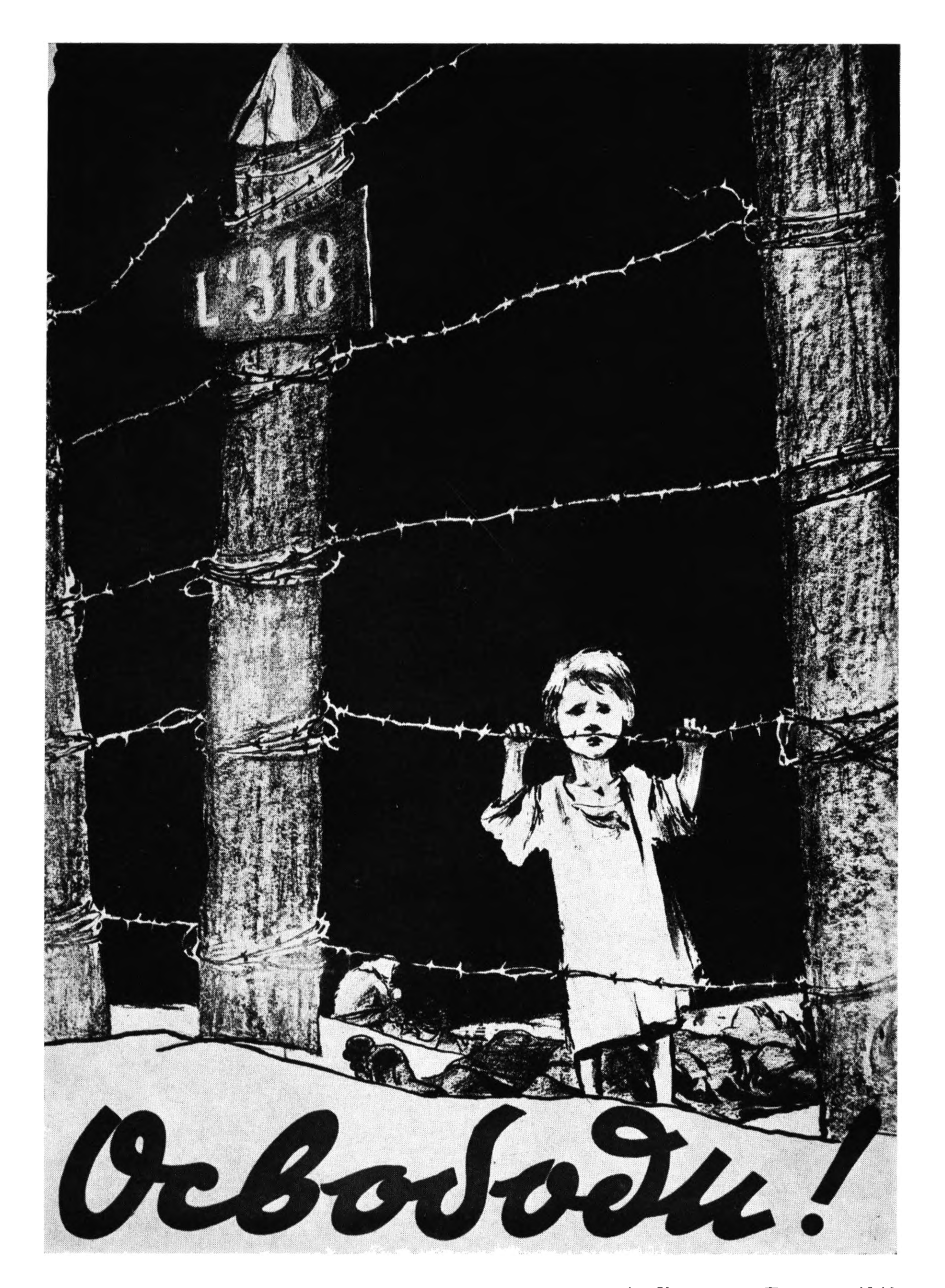

а также решить кое-какие организационные вопросы. Это было в начале 1942 года. До Смольного тащились пешком около трех часов.

Но вот наш разговор с секретарем горкома товарищем Н. Д. Шумиловым состоялся, приняты нужные решения. Сидим мы с Серовым в приемной и чувствуем, что сил на обратный путь у нас нет. Тут из своего кабинета выходит Шумилов и, посмотрев на нас, сразу понимает, в чем дело. Он участливо говорит:

Панно на улицах Ленинграда. 1942

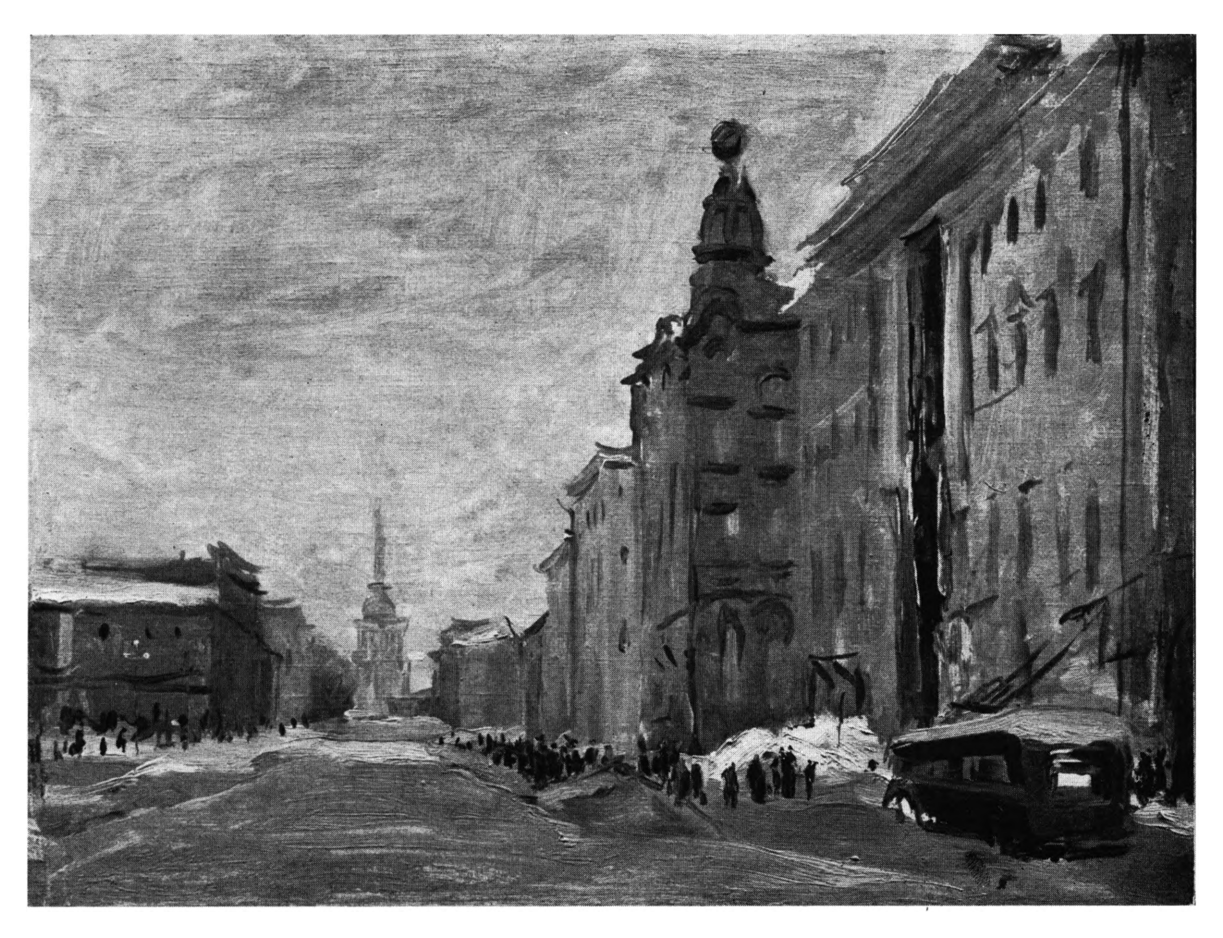

А. Казанцев. Плакат. 1943

В. Пакулин пишет этюд на Невском в 1942 году

В. Пакулин. Невский проспект. 1942

— У нас сейчас, как вы знаете, с транспортом очень плохо, но я узнаю, и если есть хоть малейшая возможность, отвезем вас в Союз на машине.

Вскоре нам и в самом деле сообщили, что у подъезда ожидает машина, которая доставит нас на улицу Герцена.

Трудно сейчас представить себе, как мы тогда обрадовались: обратный путь из горкома в Союз казался нам совершенно нереальным, а тут через каких-нибудь пятнадцать—двадцать минут мы были уже у себя в Союзе, подле дымящейся буржуйки!

Большое внимание, которое с первых дней войны уделялось наглядно-массовой агитации, только временно отодвинуло на второй план работу над станковыми произведениями в области живописи, графики и скульптуры. Уже в декабре 1941 года Союз приступил к организации небольшой выставки произведений, созданных за первые месяцы блокады. В крайне тяжелой обстановке 1941 года художники один за другим стали приносить

К. Кустодиев.
Петроградская сторона. 1942

в Союз или привозить на саночках свои, правда, небольшие по размерам картины и скульптуры, расходуя на это трудное и опасное путешествие последние силы.

И вот 2 января 1942 года в промерзшем, заиндевевшем зале Союза состоялось открытие первой блокадной выставки художников города-фронта.

Выставка явилась ярким выражением непреклонной воли совершенно обессилевших людей, преодолевавших физическую немощь и продолжавших бороться своим творчеством за жизнь и свободу любимой Родины.

Глядя на эту небольшую группу исхудавших, закутанных во что попало бледных людей, у которых заострились носы и лихорадочно блестели глубоко запавшие глаза, чувствовалось, что для них нет ничего невозможного, что они готовы преодолеть любые трудности.

Со стен на посетителей смотрели трепетные живые образы защитников Ленинграда, возникали хорошо знакомые сцены фронтовой и блокадной жизни, воссозданные художниками, многие из которых, израсходовав оставшиеся силы, умирали тут же в стенах Союза. Свои последние работы показали такие талантливые ленинградские художники и скульпторы, как Д. Е. Загоскин, В. А. Гринберг, Е. Л. Панов, М. М. Суцкевер, Н. И. Хлестова, С. З. Кляцкин, М. П. Герец.

Эта первая экспозиция положила начало большой выставочной работе ленинградских художников, которая проводилась на протяжении всех последующих лет Великой Отечественной войны. В Союзе к этому времени отчетливо определилась точка зрения, что, помимо крайне нужной работы по наглядно-массовой агитации, следует бороться за создание больших и серьезных произведений, посвященных войне и обороне Ленинграда.

По предложению городского комитета партии небольшая группа художников выехала на фронт, чтобы обогатить себя живыми наблюдениями, необходимыми и для повседневной оперативной работы и для создания в дальнейшем серьезных творческих произведений. Предполагалось также, что ленинградские художники близко ознакомятся с боевыми делами ленинградских партизан. Все яснее становилось, что надо упорно собирать изобразительный материал для создания Музея обороны Ленинграда.

С этого времени начинается в Союзе систематическая работа по просмотру эскизов будущих работ, горячо обсуждаются темы новых произведений.

В. Прошкин. На Ладоге. 1943

Коллектив ленинградских художников составлял теперь уже только сто с лишним человек. Мы потеряли восемьдесят товарищей, каждый из которых погиб на своем посту, скажу без преувеличения—смертью героя.

Умерли крупные ленинградские мастера, еще недавно полные творческой энергии и сил: А. А. Андреев, А. В. Андреева-Петошина, Г. М. Бобровский, И. Я. Билибин, С. А. Власов, Я. М. Гуминер, Н. Я. Данько, В. А. Зверев, С. М. Зейденберг, А. К. Жаба, А. Е. Карев, М. А. Кирнарский, Н. Ф. Лапшин, А. Ф. Максимов, С. А. Павлов, Т. И. Певзнер, А. И. Савинов, А. В. Скалон, П. И. Смукрович, В. В. Сухов, Н. А. Тырса, А. А. Успенский, А. А. Ушин, В. И. Федоров, Т. П. Чернышев, С. А. Чугунов, П. А. Шиллинговский и другие.

. . .Как-то поздно вечером у подъезда Союза остановилась грузовая машина. Оказалось, что это московские товарищи прислали в Ленинград двух представителей оргкомитета, которые на грузовике—через Ладогу—привезли обессилевшим ленинградским собратьям шоколад, сгущенное молоко, печенье и другие продукты.

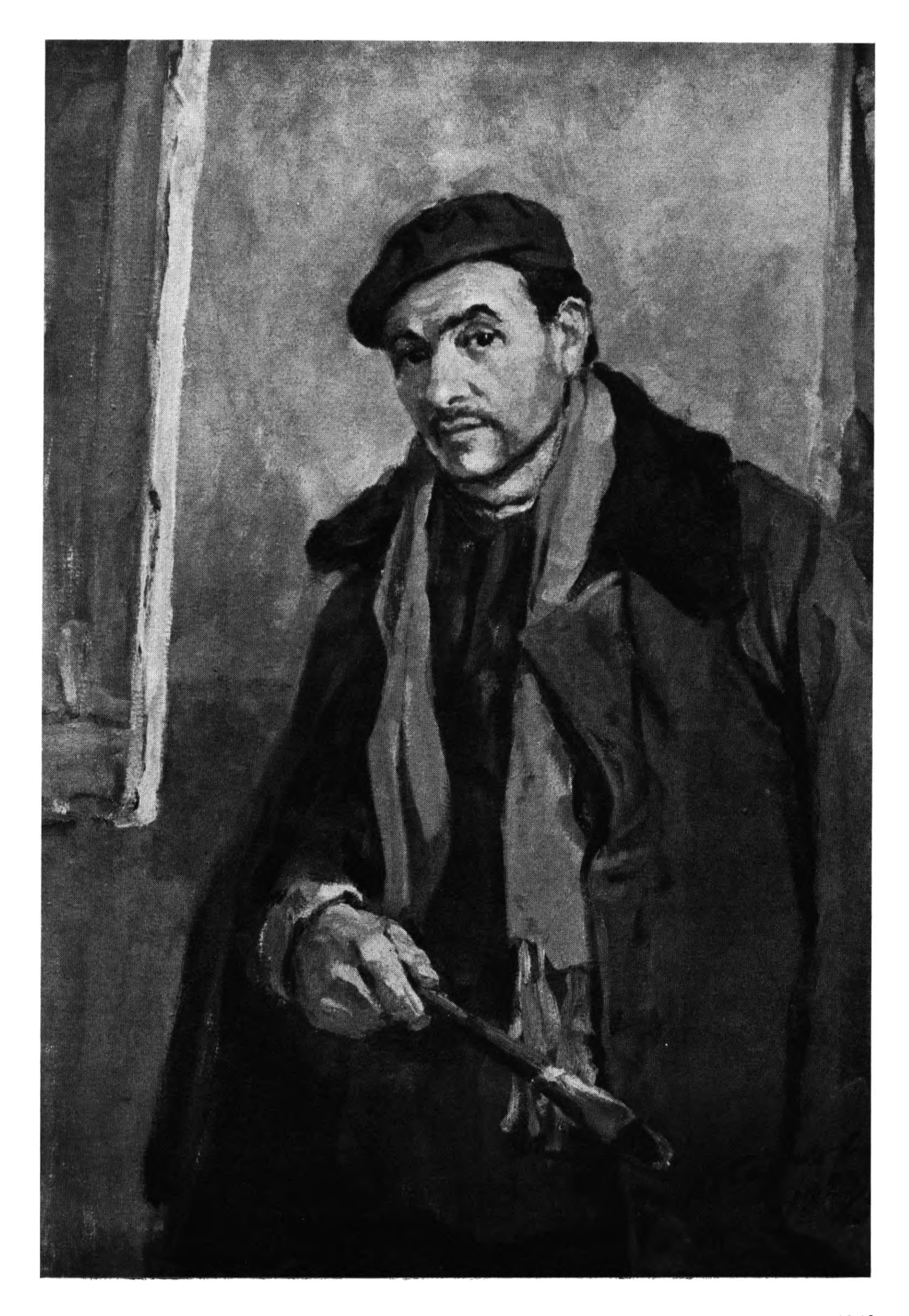
Беседа с прибывшими из Москвы товарищами—художником И. М. Гурвичем и представителем оргкомитета Союза художников СССР А. М. Шабельниковым длилась всю ночь. До утра не иссякали взаимные расспросы! Нас интересовало, как живут московские художники, чем живет страна. В свою очередь и мы едва успевали отвечать на вопросы, которыми наперебой засыпали нас москвичи.

Забота о нас, проявленная оргкомитетом, лишний раз подтвердила, что мы не одиноки, что страна с нами, что московские художники высоко ценят наш труд и всеми доступными средствами стремятся нас поддержать. Нечего и говорить, что присланные в обильном по тому времени количестве продукты основательно поддержали силы ленинградских художников, а многих буквально спасли от голодной смерти.

. . .Весной 1942 года художники наравне со всеми гражданами Ленинграда принимали активное участие в очистке города. Больно и трогательно было смотреть на исхудавших, обессилевших людей, которые, с трудом поднимая лом или лопату, под бомбежками и артобстрелами медленно, шаг за шагом приводили в порядок свой район. В течение трех недель старосты групп аккуратно отмечали в книжках трудармейцев отработанные художниками часы по очистке родного города. Работали дружно, никогда ни у кого не было стремления отделиться, найти себе более легкое дело, поставить себя в лучшие условия. Все всегда делалось сообща, с энтузиазмом, и каждый в любой момент был готов прийти на помощь своему товарищу.

В начале мая 1942 года двадцать художников выехали на партизанскую базу в Кавголово для встречи с партизанами, чтобы сделать зарисовки и разработать первоначальные эскизы будущих картин. А в конце того же месяца другая группа художников (свыше десяти человек) была направлена в партизанские базы Волховского фронта и провела там большую работу по сбору и накапливанию творческого материала.

Художники ежедневно общались с партизанами, делали множество зарисовок, слушали рассказы народных мстителей, побывали в тылу врага.

В. Серов. Портрет художника А. Блинкова. 1942

В. Пинчук. Эскиз плаката «Прорыв блокады». 1943

Выставка, открытая в Ленинграде 2 января, была дополнена целым рядом произведений, посвященных жизни города-фронта и боевой деятельности армейских и партизанских частей. В сентябре 1942 года все эти произведения были доставлены в Москву, где вскоре состоялось открытие большой выставки ленинградских художников.

В ноябре 1942 года Союз провел работу по оформлению Ленинграда к празднованию 25-й годовщины Великого Октября. Улицы украсились огромными панно, созданными по уже известным произведениям живописи на темы Великой Отечественной войны, а также и по специально разработанным эскизам, подготовленным для данного случая. Панно явились весьма действенной формой наглядно-массовой агитации.

Не прекращалась в Союзе и напряженная работа в области плаката, выпускались листы «Боевого карандаша». И все же теперь художники все больше включались в работу над станковыми произведениями. Создается серия портретов героев фронта и тыла. В Союз все чаще приезжают позировать прославленные снайперы, летчики, танкисты, боевые командиры и труженики ленинградских заводов и фабрик.

23 февраля 1943 года в Доме Красной Армии открылась выставка, на которой были представлены живопись, графика и скульптура. В процессе подготовки к этой выставке художники получили первые заказы. Многолюдное по тому времени открытие выставки сопровождалось проникновенными выступлениями представителей командования и Политуправления Ленинградского фронта, Ленгорисполкома, Управления по делам искусств и Союза художников.

Открытию этой выставки предшествовало событие, имевшее огромное значение не только для ленинградцев, но и для всей страны: 18 января 1943 года было прорвано кольцо блокады. Я помню, какое ликование царило в Союзе, когда мы узнали об этом событии. Все собрались в мастерской у Серова, необыкновенное возбуждение охватило каждого из нас. Мы дали друг другу обещание ежегодно собираться в этот день всем вместе, где бы мы ни находились. В честь прорыва Серов, Серебряный и Казанцев приняли на себя обязательство: к выставке 25-летия Красной Армии буквально за месяц, остававшийся до этой знаменательной даты, общими усилиями создать картину на тему «Встреча двух фронтов» (Волховского и Ленинградского).

Наряду с подготовкой и проведением больших выставок Союз устраивал массовые передвижные выставки, которые были показаны в частях, в госпиталях и на отдельных участках фронта.

Несколько раз организовывались встречи участников выставки с фронтовыми зрителями. Союз получал немало отзывов и благодарностей из воинских частей и госпиталей. В одном очень характерном письме говорилось: «Ваша выставка помогла мне подняться на ноги, скорей окрепнуть, набраться сил и вновь вернуться на фронт для дальнейшей борьбы с врагом».

В письмах с фронта бойцы сообщали: «Выставленные вами пейзажи с изображением нашей родной природы вдохновили и взволновали нас. То, что показано в ваших работах, заставило еще метче стрелять наши винтовки и наши пулеметы».

Выставочная деятельность показала, что не только произведения наглядно-массовой агитации, но и станковые вещи успешно делали свое большое агитационное дело.

Почти все ленинградцы, во всяком случае каждый, кто обладал хоть небольшим запасом сил, занимались в ту пору огородами, которые разводились в скверах, в садах, на улицах города, а также в ближайших к нему пригородах. Копали землю, сажали овощи, пололи. Возможности посадок были очень ограниченными, так как в Ленинграде семена овощей и особенно картофеля почти отсутствовали.

Огородный участок Союза был расположен в Токсове. Многие художники ездили туда и работали как могли. Даже такие пожилые люди, как В. М. Конашевич и его жена, стали активными огородниками. Осенью плоды каждого огородника служили ему и его семье большим подспорьем.

В начале лета 1943 года весь наш коллектив пережил радостное событие: нам сообщили, что художники будут награждены за активное участие в обороне города медалями «За оборону Ленинграда». Вскоре в Доме учителя на Мойке состоялось торжественное их вручение. Непередаваемое волнение овладевало каждым из нас, когда его вызывали к столу президиума и после дружеского рукопожатия и пожелания новых успехов представители

Л. Самойлов. В бомбоубежище. 1941

Ленгорисполкома вручили скромную медаль с бледно-зеленой ленточкой. Получение этой награды вселяло в нас чувство гордости и налагало на каждого еще большую ответственность за его дальнейшее участие в деле окончательного разгрома врага.

В эти дни в Союзе началась подготовка к организуемой в Москве всесоюзной выставке «Фронт и тыл». Были собраны для просмотра и оценки все имеющиеся в наличии произведения живописи, графики и скульптуры, и в июне Союз организовал в своих стенах показ этих работ. Выставка, открывшаяся в торжественной обстановке, занимала большой и малый выставочные залы и убедительно показала, что весьма значительное число произведений достойно отправки в Москву.

Ленинградский раздел всесоюзной выставки «Фронт и тыл», размещенный в отдельном помещении, пользовался у зрителей большим успехом и был высоко оценен прессой и общественностью.

В двадцатых числах января 1944 года небывалой силы канонада возвестила жителям города, что войска Ленинградского фронта повели последнее решающее наступление на позиции противника, а 27 января Ленинград был освобожден из вражеского кольца.

Вечером все мы вышли на улицу, на первый салют в честь снятия блокады Ленинграда.

Улицы оставались по-прежнему пустынными, но на набережной Невы, у здания Биржи и на мостах наблюдалось небывалое для того времени скопление народа.

Казалось странным и как-то не верилось, что в Ленинграде, где обычно можно было встретить лишь несколько человек, появилась вдруг такая масса людей. Мы, привыкшие к темноте, были буквально ошеломлены феерическими каскадами огня, которые залили светом все вокруг. Чувство гордости владело в этот день и нами, художниками, ибо мы сознавали, что известная доля участия в разгроме врага под Ленинградом принадлежала и нашему коллективу, нашему Союзу.

Вскоре начались разговоры о возвращении из эвакуации многих художников-ленинградцев. Составлялись списки, уточнялось местонахождение эвакуированных, проводились консультации по этим вопросам с городскими партийными и советскими организациями. С весны 1944 года художники начали постепенно возвращаться в родной город. . .

В этих заметках нельзя не упомянуть и о таком значительном событии в художественной жизни Ленинграда военных лет, как празднование двухсотлетия существования Государственного фарфорового завода имени М. В. Ломоносова. Несмотря на все еще трудные условия военного времени, на массу забот и необходимость решать множество жизненно важных задач по восстановлению Ленинграда и его промышленности, партийные организации города нашли возможным уделить внимание организации и проведению празднования этого юбилея.

Торжественное заседание состоялось в Доме Советской Армии. Этому предшествовала напряженная работа по организации юбилейной выставки, которую возглавил главный художник Государственного фарфорового завода имени М. В. Ломоносова Н. М. Суетин. Всему нашему коллективу было приятно отметить эту знаменательную в истории русского искусства дату, так как значительный отряд ленинградских художников издавна работал на заводе.

Товарищи, приехавшие из Москвы, и представители партийных и советских организаций Ленинграда тепло приветствовали работников завода и огласили решение правительства о награждении многих из них, в том числе художников, орденами и медалями Советского Союза. Орденом Ленина был награжден Н. М. Суетин, старейшая художница А. В. Щекатихина была награждена орденом «Знак почета», получили ордена художницы Л. В. Протопопова, Л. И. Лебединская и другие наши товарищи.

Секретари горкома и обкома партии Н. Д. Шумилов и А. И. Маханов, так же как и представители командования Ленинградского фронта, живо интересовались делами художников, их творческими успехами, посещали выставки и мастерские. Бывал в Союзе и на выставках командующий Ленинградским фронтом маршал Советского Союза Л. А. Говоров. Не раз посещал нас и секретарь М. Н. Никитин: особенно интересовался он работами ленинградских художников на партизанские темы.

Очень помогал Союзу начальник Управления по делам искусств при Ленгорисполкоме Б. И. Загурский, который вникал во все наши дела и оказывал содействие всем союзным мероприятиям. Самоотверженно трудились ленинградские художники над созданием Музея обороны Ленинграда. Уже в 1942 году многие из нас сознавали необходимость тщательного сбора и бережного накопления материала, чтобы на его благодарной основе могли в дальнейшем быть созданы произведения, отражающие в правдивых образах героическую эпопею легендарной обороны города. В начале 1943 года встал вопрос о реконструкции помещений бывшего Сельскохозяйственного музея в Соляном переулке и о создании эскизов оформления и экспозиции новой выставки. Всю группу возглавил Н. М. Суетин, назначенный главным художником выставки, а в разработке разделов экспозиции приняли участие К. Л. Иогансон, А. А. Лепорская, В. А. Петров и ряд других ленинградских художников и архитекторов.

Работа протекала в помещении Союза и непосредственно в залах будущей выставки, где писались портреты, панно, плакаты и картины. Для создания больших диорам и панно были использованы помещение филармонии, декоративные мастерские Театра оперы и балета имени С. М. Кирова и Малого оперного театра.

Активное участие в организации выставки приняла группа фронтовых художников. Ими был создан и оформлен ряд разделов выставочных экспозиций.

Торжественное открытие выставки, преобразованной впоследствии в музей, состоялось в начале лета 1944 года.

Деятельность ленинградских художников в трудные военные годы убедительно свидетельствует о том, насколько важно было своевременно объединить их творческие усилия в условиях блокады и выработать соответствующие этим условиям организационные формы.

Ленинградский Союз художников сумел создать единый дружный крепкий коллектив, оказавшийся в состоянии преодолеть выпавшие на его долю трудности и невзгоды; перед лицом неслыханных испытаний он не только не растерялся и не отступил, но, наоборот, превратился в грозный для врага отряд бойцов-ленинградцев, делавший все, что было в его возможностях, чтобы внести свой посильный вклад в общенародную борьбу с ненавистным врагом.

И. СЕРЕБРЯНЫЙ

ОРУЖИЕМ ИСКУССТВА

Передо мной лежит давняя запись моего выступления в одном из военных госпиталей в начале 1942 года. То была встреча раненых бойцов с ленинградскими художниками. По прошествии тридцати лет я читаю ее как документ истории. Сейчас я не нашел бы таких слов. Вот эта запись:

«...Ленинград уже завоевал себе мировую славу города-героя. Немало славных страниц вписали в историю ленинградцы своими подвигами. Город Ленина стал фронтом, передовой линией фронта. Ленинградцы бьются насмерть с фашистами, истребляя врага, самоотверженно работают для фронта, давая больше вооружения, боеприпасов, всего, что необходимо для полного и окончательного уничтожения фашистских оккупантов. Незабываемые волнующие напряженные дни переживают и ленинградские художники.

Начало Великой Отечественной войны застало нас, художников, в самую творческую пору подготовки к юбилейной дате—25-летию Великой Октябрьской социалистической революции. Мы в полную силу работали над капитальными произведениями к всесоюзной художественной выставке «Наша Родина», которая должна была открыться в 1942 году в Москве. Началась война, и сразу же резко изменилось творческое русло нашей работы. Вместе со всей страной, вместе со всеми ленинградцами художники с энтузиазмом взялись за работу на оборону Родины. Пробудились новые волнующие чувства, появилась страстная потребность заражать этими чувствами других. Я вспоминаю митинг 23 июня в Ленинградском Союзе художников: стихийно создавались творческие бригады для работы над политическим плакатом, лубком, открыткой. Так появилась наша бригада плакатистов, куда вошли живописцы В. А. Серов, А. Г. Ситтаро, Н. Х. Рутковский, А. А. Казанцев, Ю. Н. Петров, И. А. Серебряный и скульптор В. Б. Пинчук. В полную свою силу работает рожденный еще во время войны с белофиннами коллектив «Боевого карандаша», художники Ю. Н. Петров, Н. Е. Муратов, В. И. Курдов, И. С. Астапов и другие.

Зайдите в любой день в Ленинградский Союз советских художников. В одной из мастерских, где из-за недостатка топлива температура бывает ниже нуля, вы почти всегда застанете одетого в пальто и меховые унты художника Серова за мольбертом с палитрой в руке, работающего над картиной «Балтийцы». Вечером или ночью вы увидите его сидящим за столом при коптилке и рисующим плакат, лубок или открытку для фронта. Его часто отвлекают, с ним советуются, так как он является и художественным редактором «Боевого карандаша», и председателем Союза, где он также работает со всей свойственной ему страстностью и энергией.

В мастерских Ленинградского Союза художников по-разному укутанные в зимние одежды работают живописцы Н. Х. Рутковский, В. А. Раевская, Я. С. Николаев, А. Г. Сит-

таро, А. А. Казанцев, А. Д. Кокош, В. И. Малагис, А. А. Блинков, графики Н. А. Павлов, П. П. Григорьянц, скульпторы В. Б. Пинчук, В. В. Исаева. Они трудятся вечерами, а часто и ночью при коптилках по заданию фронта. Художники Н. М. Кочергин, Я. С. Николаев вынуждены по состоянию здоровья в настоящее время рисовать только лежа на спине и держа папку с бумагой у себя на груди.

В мастерских, где расположился коллектив «Боевого карандаша», вы почти всегда застанете низко склонившегося над листом бумаги художника Н. Е. Муратова, рисунки которого бьют фашистов оружием острой сатиры и хорошо известны бойцам Ленинградского фронта. Здесь же и другие художники, с увлечением готовящие для фронта листы «Боевого карандаша». Каждый работает без устали, отрываясь лишь на минуту, чтобы посоветоваться с товарищами—как сделать рисунок острее и выразительнее.

На улицах, площадях или набережных можно часто встретить в ватнике, ушанке и валенках укутанного шерстяным платком и шарфами В. В. Пакулина перед складным треножным мольбертом, пишущего в лютый мороз, при любом обстреле блокадный ленинградский пейзаж, по особому и неповторимо красивый.

Ни фашистские разбойничьи артиллерийские обстрелы, ни воздушные налеты, ни холод, ни голод, ни отсутствие света не снижают бодрости духа художников, не умаляют их страсти и воли работать на оборону Ленинграда до полного истребления гитлеровских захватчиков, работать больше и лучше. Для пользы этого великого дела почти все члены коллектива «Боевой карандаш» и плакатисты добровольно перешли на казарменное положение, ибо задачи фронта требуют высокой оперативности в работе, особой срочности, необходимости ночных работ. Художники различных творческих установок спаялись в единый боевой коллектив, вместе живущий и вместе работающий на оборону.

Каждый новый день войны приносит художнику исключительно волнующие темы для творческой работы. Это эпизоды невиданного героизма и бесстрашия красных воинов-богатырей; это боевые и суровые будни жизни и труда ленинградцев; это факты неслыханных преступлений гитлеровских бандитов. Пройдите на выставку эскизов и этюдов на темы Великой Отечественной войны, открытую сейчас в Союзе художников. Если вы знакомы с произведениями участников выставки в мирное время, вы не сможете не заметить особого накала, особой страстности в их военных работах. Сейчас это преимущественно эскизы, замыслы, волнующие художников,—собирание на бумаге, холсте и в глине виденного воочию на улицах, на фронте. Но все это бесспорно послужит богатейшим материалом для капитальных произведений, которые должны будут передать в художественных образах события героической борьбы сынов и дочерей нашей Родины с фашистскими захватчиками.

Великая Отечественная война — неисчерпаемый родник волнующих тем советского искусства. И огромное счастье для нас, ленинградских художников, работать на оборону Родины. История никогда не простит нам, если мы теперь же, сейчас не запечатлеем виденного собственными глазами и пережитого собственным сердцем. Мы имеем честь быть очевидцами и участниками волнующих картин боевой жизни нашего славного города в дни блокады. Эти картины никогда не повторятся и никогда не забудутся. И уже

в наступившем 1942 году они должны найти свое яркое воплощение в живописи, в графике, в скульптуре. Думаю, что именно в этом заключена историческая миссия ленинградских художников.

Я был недавно у славных федюнинцев; я повседневно встречаюсь с ленинградцами различных профессий, с партизанами нашей области. В их сердцах неугасимо пылает благородный огонь любви и ненависти, огонь невиданного мужества. В грозные и суровые дни Отечественной войны сердца всех ленинградцев объединены великим чувством патриотизма, беспредельной любви к Родине, к своему народу, к своей Коммунистической партии, чувством гнева и ненависти к фашистским варварам. Это святые чувства. Они умножают силы народные в жестокой схватке с ненавистным врагом. И с этими чувствами советские художники своим искусством, с полной отдачей своих творческих и физических сил будут славить наш героический великий народ, который в недалеком будущем обязательно раздавит фашистскую гадину и навсегда сотрет ее со страниц истории».

...Я привел мою запись полностью потому, что, как мне сейчас кажется, ее содержание и форма представляют бесспорный документальный интерес.

Время обобщает факты и события: чем дальше пережитое отодвигается в прошлое, тем отчетливее всплывают на поверхность необыкновенные и высокие человеческие поступки.

В нашей памяти никогда не изгладятся воспоминания о трагических событиях той поры. Много было у ленинградцев горя, мук и страданий. Но именно на фоне этих страданий еще ярче, рельефнее выявляются в людях драгоценные черты высокого патриотизма, мужества, душевной красоты.

Люди ощущали трагедию блокады, но вряд ли они тогда полностью осознавали ее. У всех было одно желание—победить. Это желание заслоняло все остальное. Оно ожесточало сердца ленинградцев, и невыносимые жизненные условия воспринимались как норма жизни. Никакими словами не передать остроту этого специфического, именно ленинградского ожесточения, меру которого может ощутить лишь тот, кто сам видел, ощущал и защищал родной Ленинград.

Весной 1943 года шесть суток добирался я до Москвы на восьмой пленум оргкомитета Союза художников СССР. Кроме меня, от ленинградских художников там были В. А. Серов, В. Б. Пинчук и Н. А. Павлов. Обратно мы поочередно возвращались на самолетах. Помню, один человек нам сказал: «Куда вы летите? Вы сумасшедшие! Оставайтесь и работайте здесь!» И это звучало тогда оскорблением, хотя говоривший, конечно, не имел в виду ничего плохого.

Хочется рассказать о многих замечательных ленинградцах той поры, о хороших людях, и до сих пор остающихся в нашей памяти, о партизанах, летчиках, постоянно живущих в каждом из нас доброй памятью сердца.

Говорить о художниках периода блокады — значит говорить о защитниках города, ибо невозможно отделить творческую жизнь блокадного Ленинграда от общей борьбы. Художники находились в теснейшем контакте с воинами Ленинградского фронта, и многие воевали на передовых позициях с оружием в руках. Тем же из нас, кто сражался оружием

искусства, посчастливилось соприкасаться с людьми и событиями, очень разными и очень необыкновенными.

С первых же дней войны в Союз приходили для работы в «Боевом карандаше» Николай Тихонов, Александр Прокофьев, Виссарион Саянов, Борис Тимофеев и другие писатели; прямо с передовых позиций по распоряжению Политуправления Ленинградского фронта приходили в Союз и позировали художникам знатные снайперы, минометчики, партизаны.

Герои фронта приезжали к нам с увольнительным документом, как правило, на один-два дня. Мы писали их с натуры в невероятно короткие сроки, да еще в провидении того, что портреты эти должны будут затем экспонироваться в Москве на всесоюзной художественной выставке. Нам некогда было особенно заботиться о форме и языке живописи; все выходило как-то само собой, и помогала, конечно, исключительность ситуации.

Наряду с такой «натурной» работой, в которую, кроме портретов, входили и многочисленные городские и фронтовые зарисовки, осуществлялись и станковые замыслы — в картине, скульптуре, гравюре, эстампе. Каждый делал все, что мог, в присущем его призванию жанре. Но станковой работе художники в большинстве своем отдавали лишь досуг, ибо считали основным своим делом работу над плакатом, агитационной открыткой, листовкой, маскировкой оборонительных объектов, то есть то, чего немедленно требовал фронт.

Я хорошо помню, как умело и энергично художник В. В. Лебедев руководил работой плакатистов, пока сам по состоянию здоровья не был вынужден покинуть Ленинград. Память добавляет еще фамилии художников В. М. Конашевича, А. Ф. Пахомова, С. Б. Юдовина, В. А. Власова, Т. Н. Шишмаревой, Н. И. Дормидонтова, Н. X. Рутковского, В. А. Раевской, В. Н. Прошкина, Т. И. Ксенофонтова, В. В. Исаевой, В. В. Лишева, которые с первого дня войны и блокады буквально с ходу включились в активную оборону Ленинграда, выполняя любую необходимую оборонную работу, любое задание Политуправления фронта и самозабвенно отдавая себя искусству наглядной агитации и сколько позволяло время — своей прямой профессии — станковой графике, живописи, скульптуре.

Нас в городе оставалось совсем мало, несколько десятков человек. Но активности, инициативы, целеустремленности и энергии, казалось, хватило бы на сотни людей. Никакое выставочное помещение не вместило бы полностью экспозицию произведений, которые создали художники Ленинграда за время войны. И бесконечно много можно было бы говорить о том, как создавались эти вещи.

Художники работали без устали. Поочередно дежурили на крыше нашего дома (памятный пост № 5) и иногда тушили зажигательные бомбы. В первые месяцы блокады по сигналу тревоги мы весьма дисциплинированно спускались в бомбоубежище, которое находилось в подвалах дома. Под грохот разрывов бомб и снарядов хором пели песни и тем коротали это тягостное время. Постепенно же, по мере возрастания количества обстрелов, бомбежек и воя тревожных сирен, люди как-то к ним попривыкли и перестали прятаться в бомбоубежище: в повышенном темпе и накале наших творческих дел любой такой вынужденный «простой» казался непоправимым бедствием. Да и в сознании постепенно отрабатывалась фатальная мыслишка о том, что, мол, нас обязательно минет и бомба и снаряд.

И. Серебряный. Портрет снайпера Т. Ширинского. 1943

Не могу забыть встречу Нового 1942 года в одной из комнат Союза и наш «богато» сервированный стол, покрытый белоснежной скатертью. Чего только тут не было, блюда на любой вкус—колбасы, рыба, икра, салаты... И все это...—где красками, где бутафория, но сделано было искусно. А в натуре лишь сэкономленный «эрзац»—хлеб, котлеты из конины и немного пива.

Однажды в мою мастерскую рано утром с увольнительной явился уже немолодой усатый солдат—снайпер Ширинский. Он был явно недоволен и, не скрывая своего раздражения, заявил:

— Вы сорвали мне охоту!

Оказывается, когда Ширинский выследил вражеского снайпера, он получил приказ явиться в Союз художников. Как тут было не разозлиться!

Тихон Михайлович Ширинский был человеком исключительным. Сибиряк, профессиональный охотник, он стрелял навскидку виртуозно, абсолютно без промаха. На личном его счету было уже свыше двухсот пятидесяти убитых фашистов. Помню, как во время нашего сеанса он с азартом рассказывал, что незадолго до этого «перехитрил» фрица. Оба выследили «секреты» друг друга, и оба залегли в такой позиции и дистанции, которая позволяла видеть врага в оптический прицел, но по каким-то сложным законам траектории не могли один другого достать пулей.

«Тогда я озлился,— рассказывал Ширинский,— плюнул на «оптику», вскочил во весь рост и навскидку выстрелил в упор в фашиста и тут же упал. И все это в секунду. Расчет мой оказался правильным: фашист на ту самую секунду обалдел. Он был убит, хотя тоже успел выстрелить».

Тихон Михайлович был нашим гостем два дня. Как-то в разгар сеанса начался сильный артобстрел района. Ширинский позировал молча и вдруг спросил:

— Может, хотите пойти в укрытие?

Я ответил, что мы, художники, привыкли и работаем во время обстрелов, особенно когда горячая пора—иначе ничего не напишешь, зимние дни коротки, а при свете коптилок писать нельзя. Он понимающе кивнул, посидел молча, потом сказал:

— Раз так, то с сегодняшнего дня я за этот обстрел открываю счет на ваши имена: на вас и Серова. Буду бить фрицев и за себя и за вас!

Портрет был закончен, и Ширинский уехал в свою часть. Вскоре я получил от него ряд сложенных треугольничком писем. Оригиналы их были после войны переданы на хранение в Артиллерийский музей, а себе я оставил копии. Эти необыкновенные строки я всегда перечитываю с огромным волнением. Вот некоторые из них:

«15 января 1943 года

Здравствуйте, Иосиф Александрович Серебряный! Посылаю вам свое товарищеское почтение и желаю вам хорошо работать на своем производстве. Я вам сообщаю, что прибыл 15 числа в свое подразделение утром в 2 часа и уже в 10 часов уничтожил четырех фашистов за вас. Доехал я хорошо на машине. Продуктами меня снабдили, курить дали махорки по 50 грамм. Иосиф Александрович, я хотел и вам послать махорки со своим

И. Серебряный.
Портрет летчика И. Шишканя. 1942

лейтенантом, он должен поехать, но чего-то маринуется. Но все-таки я вам пошлю махорки, ожидайте... Большая вам благодарность за ваше хорошее отношение. Я вас прошу, чтобы вы прислали ответ... Я, если приеду в Ленинград, заеду к вам, а если вам придется выехать на передний край, посмотрите, как мы живем. Пока, до свидания».

Через два дня снова письмо:

«17 января 1943 года.

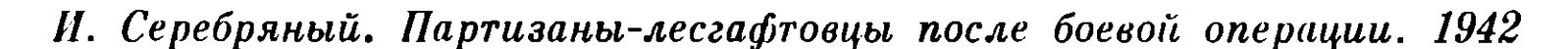
Здравствуйте, дорогие товарищи Серебряный и Серов. Посылаю вам товарищеский привет и желаю всего хорошего и хорошего здоровья. Я вам сообщаю, что сего числа я уничтожил четырех фашистов за вас. Вам махорки не с кем прислать. Я, как прибыл от вас, уничтожил восемь фашистов—вот вам по четыре фашиста на каждого. До свидания».

Последнее письмо было от 1 февраля 1943 года:

«Здравствуйте, дорогие мои товарищи — Иосиф Александрович Серебряный и товарищ Серов! Я ваши письма получил, благодарю вас за них. Ваши письма читало все наше подразделение. Посылаю вам товарищеское почтение и пожелание всего лучшего. Я по вашей просьбе продолжаю уничтожать сволочей, фашистских оккупантов, и уже увеличил свой счет до 255 фашистов. Когда я приехал от вас, у меня еще больше стало ненависти к врагу, и вот 24 января меня ранила в глаз разрывная пуля, разорвалась около моего носа, поранила мне нос и правый глаз. Сейчас я выздоравливаю, 2. II. 1943 года я хочу снова пойти на охоту. Дорогие мои товарищи, я до последней капли крови буду драться с этой сволочью за свою Родину, за свое Отечество. Буду уничтожать сволочь. Я буду бить и громить врага, а вам желаю хорошо работать. Я вам буду сообщать свой счет».

Чем, какой мерой измерить сердце этого героя?! И как знаменательно его уважение и признание труда художника в осажденном Ленинграде.

У меня хранится еще один документ, вернее, копия документа, перепечатанная из архивных материалов. Это социалистическое обязательство одного из моих тогдашних портретируемых, доблестного минометчика-истребителя И. Ф. Демина, подписанное им 16 января 1943 года. Привожу дословно первую половину этого поразительного документа:

И. Серебряный. Партизаны-лесгафтовцы после боевой операции. 1942

«Я, минометчик-истребитель Демин И. Ф., имеющий на личном счету 123 убитых фашиста, познакомившись, с какой любовью и энтузиазмом работают ленинградские художники к выставке 25-летия Красной Армии, беру на себя социалистическое обязательство к этому всенародному празднику убить еще 77 фашистских гадов, доведя личный счет ненависти и мести до 200».

На одном из прифронтовых аэродромов я работал над портретом летчика Героя Советского Союза И. М. Шишканя. Это был красивый двадцатишестилетний молодой человек, плотный, коренастый, с мужественными чертами лица. В первый раз я его увидел на снегу перед очередным боевым вылетом. На нем была темно-синяя куртка, на фоне которой контрастно выделялись желтые — «охристые» — парусиновые лямки парашюта. В зимнем антураже летчик представлял собой необычайно живописное зрелище. На следующий день была пурга — погода нелетная. Я зашел к летчику в его натопленную избу и, разумеется, попросил постоять для портрета во вчерашнем боевом облачении. К моему удивлению, он наотрез отказался позировать с парашютом.

— И так знают, что Шишкань летчик, вы меня пишите вот так, в унтах.

Он сел и, развалясь, положил ногу на ногу.

— Пусть Шишкань на портрете будет гордым человеком! А парашюта я терпеть не могу.

Я стал писать его в этом положении. Через два-три сеанса портрет был готов. Он его посмотрел и говорит:

— У меня к вам просьба. Подарите мне портрет. За это я вам буду стоять с парашютом как вкопанный и сколько надо.

Я подарил портрет и написал новый уже с парашютом. Но в моей памяти ясно видится уходящий в белое марево пурги огромный силуэт Шишканя, который уносит мой подарок, стараясь закрыть его от ветра и снега своей широкой спиной. Вскоре я узнал, что Илья Шишкань погиб.

Помню, как в лютую и голодную зиму 1941/42 года в концертном зале академической капеллы собралась немногочисленная аудитория. После горячего выступления Всеволода Вишневского на трибуну взошел архитектор Ф. Ф. Олейник. Он был крайне истощен и начал свою речь так: «У меня сегодня с утра чудесное настроение. Я вышел на улицу и увидел наш Ленинград, освещенный солнцем...»

По особенному остро воспринималась красота нашего великого города в первую суровую зиму блокады. Улицы и площади с их прекрасной архитектурой под толстым покровом неубранного снега, почти безлюдные, то здесь, то там среди сугробов гигантские деревянные ящики с землей—укрытие для памятников, намертво примерзшие к невскому льду военные корабли со своей действующей артиллерией; это действительно была особая, ни с чем несравнимая красота блокадного Ленинграда, которая отзывалась в сердцах ленинградцев тем большей болью и гневом, чем дольше, сильнее подвергался наш город варварским обстрелам и бомбежкам.

Зимой 1942 года в качестве художника я был откомандирован в один из партизанских отрядов Ленинградской области, командиром которого был Д. И. Власов, ныне главный

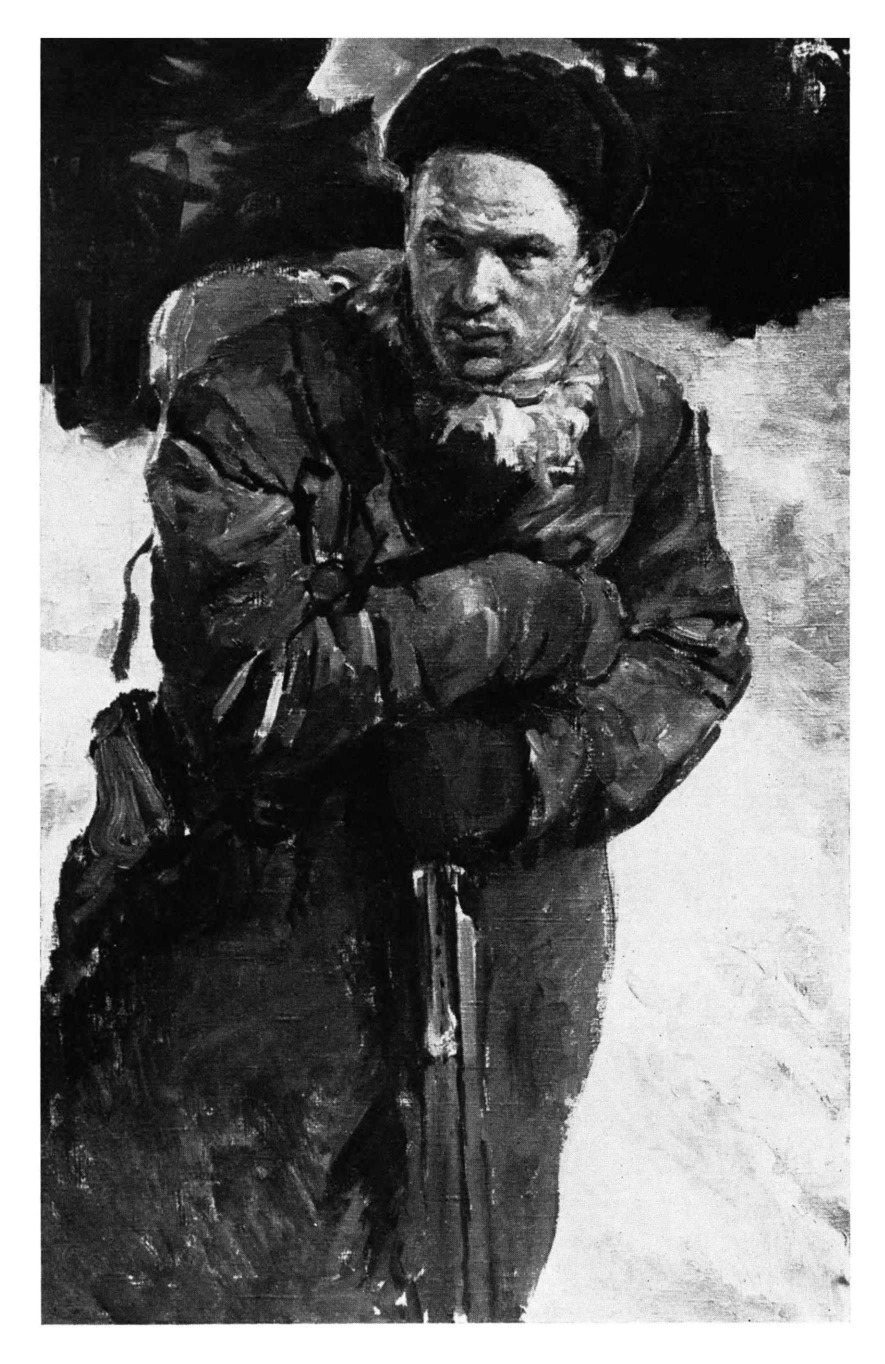
инженер Ленинградского лесного порта, человек скромный, мужественный. Много хороших воспоминаний связано у меня с этой командировкой, среди них особенно тепло вспоминается как будто весьма неприметный факт. Дело было в поселке Жихареве. В избе, где расположились на ночлег партизаны, топилась железная печурка. Ночь, за окнами тридцатиградусный мороз, люди спят на полу, на соломе, укрытые полушубками. Просыпаюсь и вижу: Дмитрий Иванович не спит. Сперва походил между спящими бойцами; кому подложит соломы, кому поправит полушубок. Потом подсел к печурке, подкинул в огонь дров, вытащил из своей полевой сумки школьную тетрадь и что-то пишет, пишет... Оказалось, это были стихи.

Позднее я написал портрет Д. И. Власова. Еще позднее—портреты славных партизан Ленинградской области И. И. Сергунина, И. Г. Болознева, В. С. Тимачева. Мне посчастливилось работать и над групповым портретом целого партизанского отряда. Это были отважные партизаны-лесгафтовцы—бывшие студенты Ленинградского института физкультуры имени Лесгафта. Командиром отряда был человек большого сердца и исключительной отваги — педагог института Дмитрий Федорович Косицын, комиссаром—студент Владимир Шапошников (ныне заслуженный тренер по лыжному спорту).

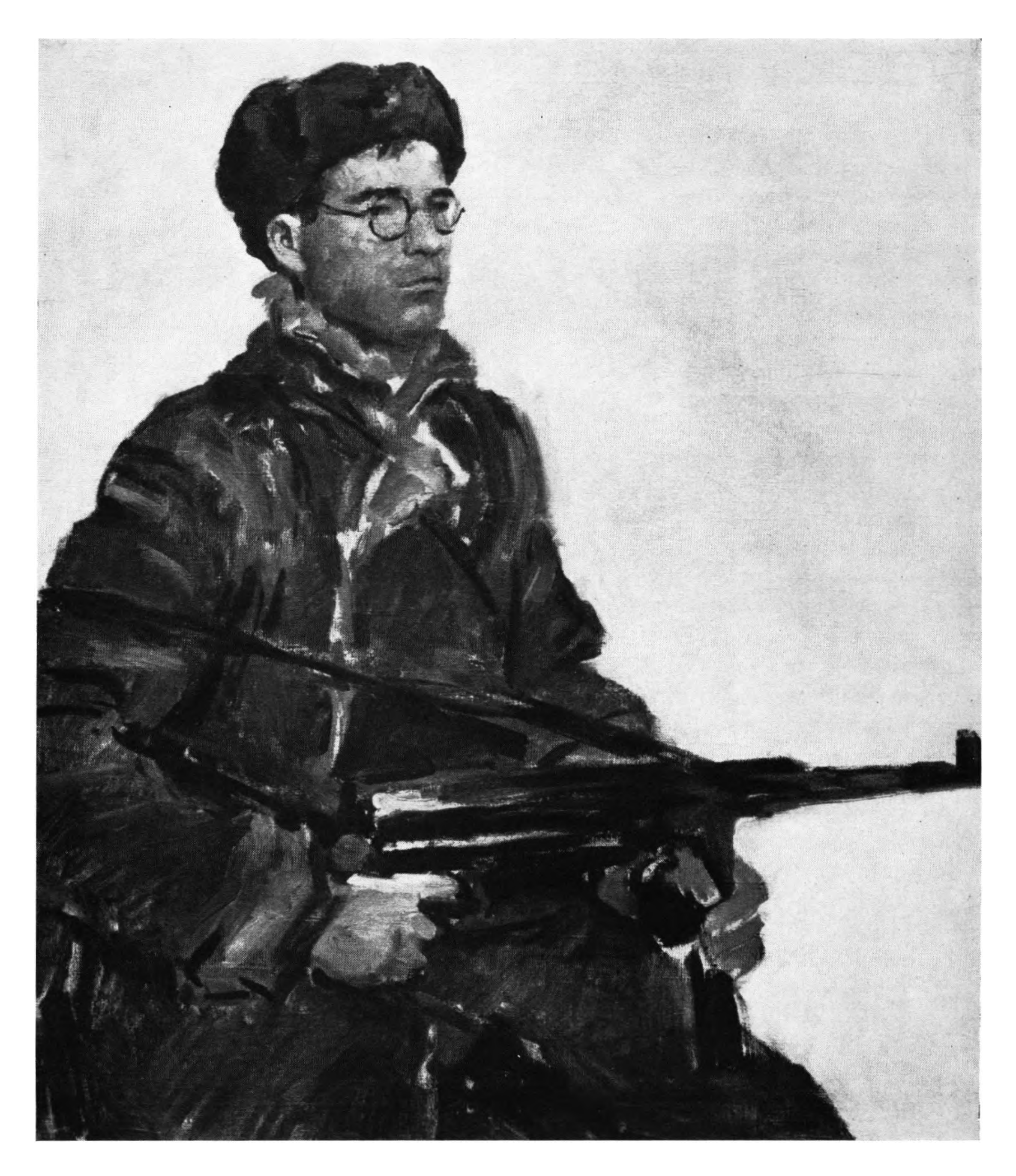
Искусные лыжники, они сеяли в рядах гитлеровцев ужас и панику своими стремительными боевыми рейдами. Хорошо помню их всех. Это были незабываемые сеансы. Я писал прямо с натуры, в холст, по весьма скороспелому эскизу. Молодые, энергичные, мужественные, обвешанные трофейным оружием, в маскхалатах, в синих (специально сшитых) лыжных костюмах и «финских» шапочках, они на фоне белого снега представляли необычайно живописное зрелище. Картина «Партизаны-лесгафтовцы после боевой операции» написана в 1942 году и тогда же вместе с другими работами ленинградцев отправлена самолетом в Москву, где и экспонировалась на выставке произведений художников блокадного Ленинграда.

Надо сказать, что никогда еще жизнь так непосредственно не влияла на творчество, как в те девятьсот дней блокады. Именно этой блокадной порой отмечены творческие взлеты живописцев Я. С. Николаева (картины «За что?», «На Большую землю», «Автопортрет», «На Неве») и В. В. Пакулина (серия пейзажей «Ленинград в блокаде»), графика А. Ф. Пахомова (серия автолитографий «Ленинградская летопись») и В. И. Курдова (серия автолитографий «По дорогам войны»).

Никогда, конечно, ни до, ни после войны не было в Ленинграде подобного взлета искусства. В осажденном городе требовалось искусство быстрого, короткого воздействия. И работа над плакатом стала для художников кровной внутренней потребностью. Сюжеты не приходилось придумывать — жизнь постоянно давала их на каждом шагу. Когда я по одной из фронтовых дорог возвращался на партизанскую базу в поселок Жихарево, то увидел у обочины партизана, крепко стоящего на обеих ногах, а у ног его—убитого гитлеровца. Сразу же по приезде в Ленинград я изобразил увиденное почти буквально и внизу поместил надпись: «Русский народ никогда не будет стоять на коленях». Так возник этот плакат.

И. Серебряный. Портрет командира партизанского отряда И. Болознева. 1942

И. Серебряный. Портрет партизана Д. Власова. 1943

В 1944 году, еще задолго до окончания войны, ленинградцы начали восстанавливать разрушенное, залечивать раны города. Был брошен клич: «Все на восстановление Ленинграда!» Тогда и родился у меня замысел плаката «А ну-ка, взяли!» Решение плаката, сюжет и даже слово к нему—все было взято из жизни. А дело было так: во время одного из авралов по уборке дворов я и художник Ксенофонтов работали на одних носилках. И случилось такое: я наложил на носилки всякий мусор, а мой напарник взялся за другой край носилок, пригнулся, посмотрел на меня и скомандовал: «А ну-ка, взяли!» Так появился и этот плакат: вместо мусора — кирпич, вместо напарника — девушка МПВО, специально откомандированная по моей просьбе начальником отряда в Союз для позирования.

В моей памяти о блокаде одно из первых мест занимает музыка. Когда ее не было— не было и жизни. Сейчас это трудно себе представить. Но было действительно страшно: город без музыки, круглосуточно! По радио только нервный стук метронома. Только вой сирен, тревоги и сигналы отбоя—и снова тревоги, и снова отбои...

Музыка в осажденном Ленинграде воспринималась по-особенному остро.

Как-то ранней весной 1942 года после очередного налета вражеской авиации я увидел на скамье сквера Исаакиевской площади напротив «Астории» одинокую фигуру пожилого мужчины в наглухо застегнутом пальто. Он грелся на солнышке, а перед ним стоял большой патефон с играющей пластинкой. Помню, что я не придал тогда никакого значения самому этому факту и подумал лишь о том, какой тяжелой ношей должен был быть патефон для этого крайне изнуренного голодом человека.

В передовой шеренге защитников нашего города во всю свою силу действовали все сферы искусства — литература, музыка, живопись, графика, скульптура, театр. Кажется невероятным, но в суровые зимние вечера блокады в нетопленом Театре комедии ленинградцы смотрели балет «Эсмеральда» и оперу «Травиата». В нетопленом Пушкинском театре Н. Я. Янет ставил спектакли музыкальной комедии. В холодном зале филармонии давались концерты. Никогда не забуду, как зимой, в начале 1942 года, возращаясь из партизанского отряда в Ленинград, я отправился в филармонию на симфонический концерт. Исполняли Шестую симфонию Чайковского. В ту же ночь при двух коптилках я написал эскиз будущей картины.

Живое впечатление — это несомненно ценнейший исток творчества. Лишь много лет спустя, работая над большим полотном «Концерт в Ленинградской филармонии. 1942 год», я понял и ощутил остроту первого, непосредственного ощущения, которую вызвал во мне этот на всю жизнь запомнившийся концерт. Это действительно надо было видеть. На улицах подле филармонии лежали трупы. Начался артиллерийский обстрел, но концерт не прекращался. Лишь в антрактах слышались громкие голоса:

— Петров! В штаб! Иванов! В штаб!..

Дирижировал Карл Элиасберг в холодном, промерзлом зале, но во фраке. Играл оркестр радиокомитета. Оркестранты в шарфах и валенках. У многих на руки были натянуты шерстяные носки с дырками для пальцев. В почти пустом зале полумрак. Лишь передние ряды и ложи заполнены укутанными людьми, среди них—девушки из МПВО, военные.

И. Серебряный. Плакат. 1943

Запомнилось: в середине симфонии входит опоздавшая худенькая девушка в шинели, идет по центральной дорожке зала вдоль рядов белых кресел, кирзовые сапоги скрипят, это ее смущает, и она касается пола одними носками, тихо садится в середине зала, одна среди пустых кресел и, затаив дыхание, смотрит в оркестр широко распахнутыми глазами. . . Мне подумалось тогда: какой чудесный образ!

Потом я еще много раз ходил на подобные концерты. И после войны долго искал приемлемые варианты композиции. И всякий раз первый, весьма невразумительный эскиз, сделанный при коптилках, оказывался и вернее и выразительнее.

Но вот что интересно: ленинградцы, увидевшие мою новую картину, почти неизменно восклицали: «Седьмая симфония Шостаковича!» Ошибка? Да. Но признаться, такая зрительская поправка импонировала мне. В ней звучало признание достоверности моего искусства, хотя ошибка была явной, так как приметы времени не совпадали. На картине—зима, стужа, почти пустой зал, а премьера Седьмой симфонии состоялась 9 августа 1943 года.

Я прекрасно помню тот вечер, я сам был тогда в филармонии. Стояла теплая, летняя погода, и сотни слушателей заполняли зал, снова нарядный и светлый.

Надо было видеть, с каким волнением слушали люди осажденного города Седьмую симфонию Шостаковича, о которой так замечательно сказал потом Алексей Толстой: «. . .Красная Армия создала грозную симфонию мировой победы. Шостакович прильнул ухом к сердцу Родины и сыграл песнь торжества. . .» И в городе была тишина необыкновенная — наше командование, зная об этом замечательном и знаменательном событии, специально задало гитлеровцам такой артиллерийский «концерт», что те так и не смогли дать по городу ни одного выстрела. Это ли не глубокий символ блокадного Ленинграда? Да, музыка была в одном строю с борющимися ленинградцами. Это понимали все. Именно поэтому в трудные дни блокады, когда каждая винтовка была на счету, был издан приказ, по которому музыканты отзывались на репетицию Седьмой симфонии прямо из окопов.

Иногда приходится слышать разговоры среди художников о «надоевших» темах — блокады и войны. Так могут говорить только люди, не пережившие, не чувствующие и не понимающие подлинного величия тех героических дней.

Очень памятна по-боевому крепкая замечательная дружба нашего маленького коллектива. И это чувство спаянности и особой боевой творческой наполненности целеустремляло и возвышало работу художника.

Плакат И. Серебряного «А ну-ка, взяли!» на улицах Ленинграда в 1944 году

И. Серебряный. На Ладоге. 1943

У нас много говорят о том, что художнику нужно изучать жизнь. В условиях войны и блокады мы не «изучали» жизнь. Мы жили этой жизнью. Все советские люди, все ленинградцы насмерть бились с ненавистным врагом, и этот смертный бой для всех нас был всем смыслом и самой сутью жизни.

Когда-то, в 1942 году, нас, немногих художников, собирали в Политуправлении Ленфронта. Нам говорили: «Фронту необходимо ваше искусство. Враг у ворот! Рисуйте, товарищи, рисуйте много, рисуйте так, чтобы сегодня ты нарисовал, а завтра утром твое искусство уже было в действии». И так было. Тогда мы каждой клеточкой нашего организма ощущали необходимость борьбы с врагом. Все сердца бились в унисон, и у всех была одна мысль, одна цель — все для победы!

Конечно, жизненная ситуация сейчас иная, нежели в военные годы. Но нужен не меньший накал сердца. Не меньший эмоциональный заряд. Не меньшее напряжение воли. Наш художник—мастер коммунистического воспитания человека, а это дело большой профессиональной и душевной тонкости. Нужно писать лучше. Нужно создавать большое искусство.

Преследуя новые цели, решая новые мирные задачи, пронесем ту же ненависть к врагу, будем следовать той же боевитости и партийной ответственности, которыми были полны ленинградцы в дни обороны своего прекрасного города.

В. РАЕВСКАЯ-РУТКОВСКАЯ

В ОСАЖДЕННОМ ГОРОДЕ

Первые часы и дни войны.

Началось все в смятении мыслей и чувств. Что надо делать, как менять привычный уклад, темп жизни и работы?

Весь город наполнен звуками музыки вперемежку с выступлениями по радио. На улице слышу увертюру к «Руслану», близкую, родную. Внезапное сознание: «Я—русская, Россия в страшной беде!»—и я не могу удержать слез.

Повсюду митинги. Мы идем в Союз. Председатель ЛССХа М. Г. Манизер предлагает повесить на двери замок и разойтись для полезной работы на заводы.

Но замок не повешен, и жизнь в Союзе, первоначально сумбурная, входит в нужное русло работы на помощь Родине. Бразды руководства берет в свои крепкие руки В. А. Серов и становится командиром отряда ленинградских художников.

Начинается жизнь по двум адресам — дома, на Петроградской, и в Союзе. Дома надо заклеивать окна полосками бумаги, снимать вторые рамы, принимать всяческие меры предосторожности, которые впоследствии покажутся такими наивными.

В Союзе проводятся занятия по МПВО. Когда разговор заходит о ядовитых газах, мне становится тошно и страшно.

Во дворе ЛССХа В. П. Белкин, старый кавалерист, тренирует добровольцев. Они маршируют, повторяют ружейные приемы.

Мы прощаемся с молодыми товарищами, уходящими на фронт,—Н. Малышевым и И. А. Тарнягиным. Тарнягин, участник боев в Финляндии говорит: «Чувствую, что не вернусь с этой войны. . .» Предчувствие его не обмануло.

Начинаются дежурства по дому и в Союзе. Двор наш—каменный мешок с шестиэтажными стенами, над ним—звездное небо, в небе—«фашист». . . Слышен противный звук его мотора. Лучше, думается, погибнуть в открытом поле, чем под развалинами каменного дома. Невеселые мысли лезут в голову.

Николай Христофорович Рутковский, мой муж, несет дежурство в Академии художеств, я—в Союзе.

Одно из первых дежурств в ЛССХе запомнилось мне своей необычностью. В большом выставочном зале мерцает синий свет, в середине зала, как саркофаг, высится ванна с водой, кругом уродливые защитные маски и железные щипцы против зажигательных бомб.

Мне становится не по себе, не могу выдержать этой «мистики» и удираю на лестницу, где и сижу всю ночь. Нервы еще не притупились!

Начинается эвакуация детей.

В ЛССХе—сбор. Затем посадка в автобусы, проводы на вокзал.

В городе ловят шпионов. Кое-кто из художников, наиболее подходящие по костюму и типу,—М. А. Асламазян в ярком жакете, А. А. Горбов, как всегда элегантный, В. В. Кремер с бакенбардами и в ковбойской шляпе,—не раз препровождаются «для проверки».

25 августа—последняя отправка на Большую землю.

Мы отрезаны, мы в кольце.

6 сентября налет вражеской авиации на бадаевские склады. Страшное бурое облако нависает над городом—горят мука, масло, сахар, горят несколько дней! 8 сентября вечером снова налет. Большой силы фугасная бомба падает у Кронверкского проспекта. Я в Союзе на дежурстве. Николай Христофорович дома. От ударной волны распахивается окно, падают вещи, хотя расстояние от места взрыва большое. Это—первое знакомство с фугасками.

Днем работаем в мастерской. Я пытаюсь делать плакаты. Неудачно. Пишу картину «Маленькие снайперы» (мальчик с самострелом). Николай Христофорович продолжает руководить занятиями в Академии художеств. Его ученики заканчивают дипломные работы.

Мы постепенно постигаем науку жить и работать в условиях блокады. Наука страшная! Хорошо, что человеку неизвестно будущее...

Несколько слов о бомбоубежищах.

Особенно славятся бомбоубежище под Александринским театром, под Исаакием, под Зимним дворцом, под Академией художеств—все старые, на сводах, подвалы.

Своеобразна здесь жизнь—постели, времянки отопительные и для варки пищи, целый город под землей! В Союзе бомбоубежище ненадежное—с деревянными подпорками. В него переселились некоторые художники. В. В. Пакулин, комендант, старается установить порядок.

Кое-кто занят вязанием маскировочных сетей. Некоторые достигают в этом деле большого совершенства. Вязальщикам сетей выдают рабочую карточку.

Медленно, но верно надвигается зима. Все больше развалин, непрестанные ночные тревоги, незатухающее зарево на небе...

Сокращена подача электричества. Первые холода выводят из строя водопровод и центральное отопление.

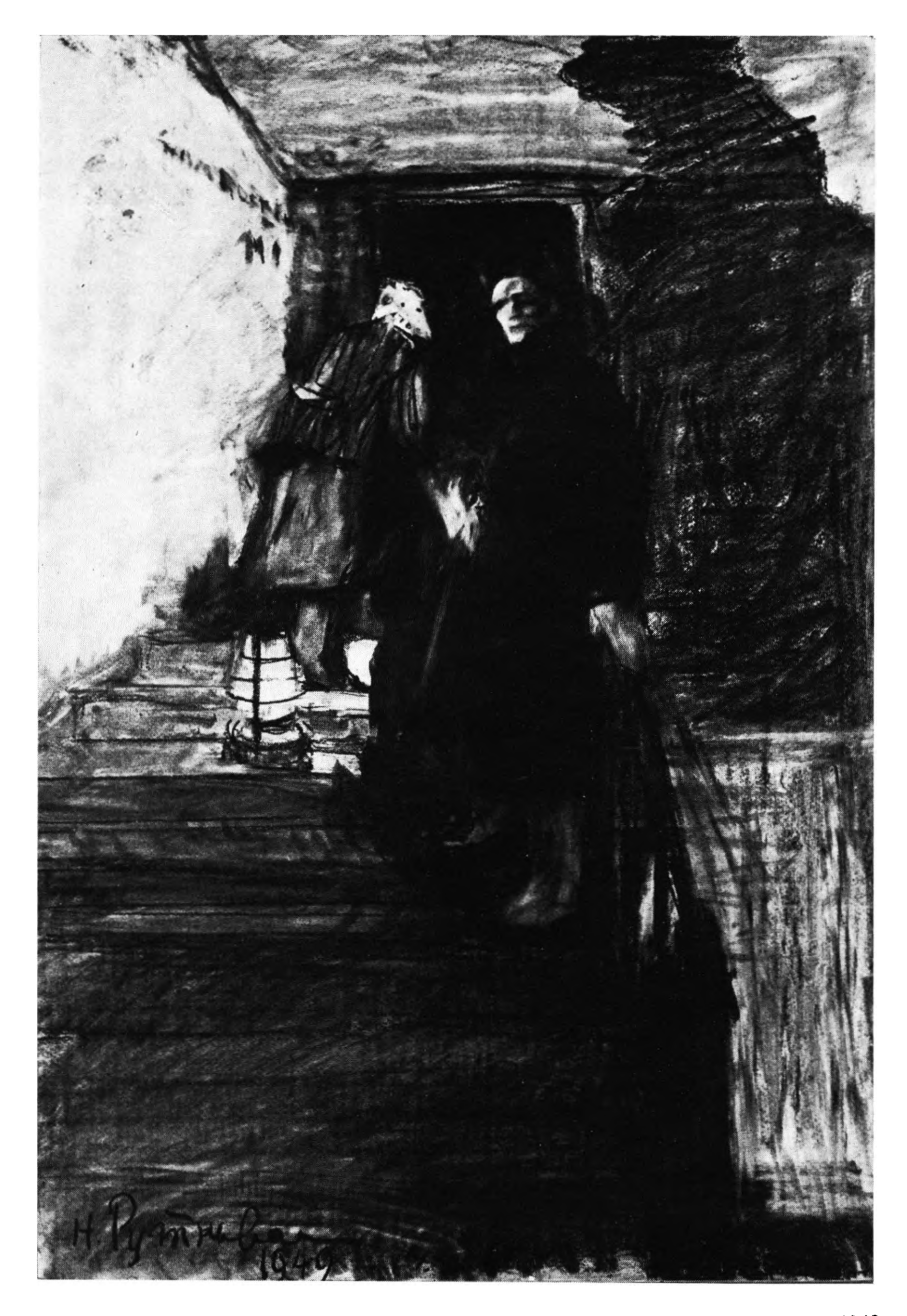
Население сопротивляется морозам, в квартирах устанавливают печки-времянки. Дома ощетиниваются трубами, выведенными в форточки. Особенно нелепый и комичный вид у Крестовского жилмассива: из каждого окна торчит труба с крышкой. Морозное солнце, снег на крышах, и целый лес дымков над домами (к концу зимы дымки исчезают—нет топлива и топить некому).

В Союзе организуется своеобразная коммуна—оставшиеся без семей художники живут на казарменном положении во втором этаже ЛССХа.

В коридорах и на лестницах темнота. В комнатах—коптилки.

Ресторан превращен в общественную столовую. Художники, живущие в своих квартирах, приходят сюда питаться. Выискивают рецепты питательной пищи, увлекаются горчицей и солью, достают лекарства, обычно служившие средством от малокровия.

В Академии художеств защита дипломов. После защиты молодые художники идут в армию.

Н. Рутковский. Дежурный по чердаку. 1942

Морозы усиливаются. Налетов нет. Дежурства как-то сами собой прекращаются.

Декабрь.

Первые жертвы голода. Умирает А. А. Андреев, Я. М. Гуминер, С. А. Павлов. Мы заметно слабеем. В Союз ходим пешком. За бидоном горячей воды с несколькими крупинками на дне. У булочных в метель и вьюгу часами стоят очереди. Мы получаем карточки служащих. Тело легкое, невесомое, идешь как на носках, при малейшем толчке падаешь.

Первая блокадная выставка. Решили собрать скульптуру и картины в малый выставочный зал. В. Г. Самойлов, работавший в выставочном секторе ЛССХа, не в силах вешать картины и вообще организовывать выставку. Тогда появляется в Союзе энергичная А. М. Земцова. Ребята-школьники старших классов развешивают картины, и 4 января выставка открывается.

Мы так ослабели, что едва можем перенести свои небольшие картины с четвертого этажа из мастерской по лестницам в малый зал.

Скульпторы Н. И. Хлестова и М. М. Суцкевер, сдав свои работы на выставку, умирают.

Союз художников проявляет заметную творческую активность. Нам дают рабочие карточки. Надо срочно обменять наши. Идем с Пакулиным на угол Невского и Гоголя в огромное здание бывшего банка Вавельберга. Коридоры и лестницы в полной темноте. Дым от времянок и бумажных факелов для освещения ест глаза.

...Январь, февраль 1942 года. Без света, без воды, без топлива...

Дома углы комнаты в белой изморози. Утром обнаруживаем, что одеяло примерзло к волосам. Самое тяжелое—ожидание рассвета. Ночь тянется без конца...

В Союзе верхний этаж и наша мастерская—ледяная пустыня, в коридорах кучи песка—следы противопожарной обороны. Жизнь теплится только во втором этаже. Работать над картинами невозможно. Николай Христофорович не расстается с карандашом и альбомом. Зарисовывает людей и обстановку—в стационаре Академии художеств, в гостинице «Астория», дома.

Каждый день мы ходим пешком в Союз за пищей и видим, что делается вокруг.

В городе пожары от времянок—бесконечно долго горит огромный дом у моста Строителей—общежитие университета. Огонь спокойно, «методично» переходит из этажа в этаж. На улице стоят пожарные машины—рукава замерзли, тушить нечем.

Встречаем вереницы людей, с трудом волокущих санки с покойниками, завернутыми в одеяла.

Союз теряет свыше ста человек.

Николай Христофорович находится в стационаре Академии художеств: огромная комната нижнего этажа, посредине стол со своеобразным светильником—сковородка, наполненная маслом для живописи, крест-накрест два фитиля из ваты, горят четыре огня. Склонясь над огнем, И. Я. Билибин что-то рассказывает... Кругом кровати, мрак, холод, печурка не дает тепла.

Умирают художники И. Я. Билибин и А. И. Савинов.

В. Раевская. В госпитале. 1942

Умирает Г. М. Бобровский. Его тело до апреля лежит в мастерской.

Как-то, идя домой, встречаем на Пушкарской В. А. Зверева с ведром, наполовину наполненным водой. Колодец тут же, на углу: открытый люк, внизу течет чистая вода из лопнувшей магистрали. Его жена и дочь ушли работать в красноармейскую часть на кухню. Он остался в квартире один.

В Союзе А. В. Скалон с огоньком безумия в глазах. Вскоре и он становится жертвой голода.

Академия художеств эвакуируется. В дороге погибает Д. И. Киплик, наш любимый профессор.

Наступает март. День прибывает.

В городе замечается некоторое оживление—идет очистка улиц от нечистот, льда и снега. Еле живые люди ходят с лопатами, ломами и фанерными носилками.

В дни жестоких морозов в городе лопнули трубы, и вода хлынула через колодцы на улицы, заливая их и замерзая слоями. У нас, на Большом проспекте Петроградской

стороны, лед достиг высоты роста человека, и чтобы освободить трамвайные линии, приходится пробивать ломами и кирками траншеи. Двери пустых магазинов завалены ледяными торосами.

Мы, художники, работаем по очистке двора и крыш в Союзе под наблюдением снисходительного бригадира Аси Михайловны, сотрудницы ЛССХа.

Поражает бодростью и здоровьем А. Ф. Пахомов. В его руках лопата и лом не только «символы», как у нас...

Розенберг, заведующий нашей литографией, решает, что художникам надо помыться и организует из прачечной во дворе ЛССХа баню, и какую! На полу—решетка, ванна—на подставке; котлы топят остатками угля от центрального отопления, вышедшего из строя, и бумажной макулатуры; на окнах лед и на полу под решеткой мороз! Все записываются в очередь.

В бане обнаруживается наша потрясающая худоба—одни кости да кожа.

Художник Василий Николаев, мастер спорта, динамовец, чуть не погибает в теплой ванне. Потеряв сознание, он уже пускает пузыри, но приятель, приехавший с фронта и разыскавший своего друга в бане, приводит его в чувство.

Мы перебираемся в мастерскую с печкой, первую справа от круглой лестницы.

Я осторожно касаюсь засохшей краски на палитре—неужели это правда, и мы снова будем работать, писать картины?

Первые трамваи возобновляют движение по городу, а вот влезть по ступенькам в трамвай едва хватает сил!

Все пустыри, сады, дворы разбиты на гряды под огороды. В Румянцевском сквере возле Академии художеств посадки не удались—под тенью деревьев отростки тянутся бледные, чахлые...

Секретарь обкома товарищ М. Н. Никитин задумал организовать Музей партизанского движения. И. А. Серебряный включился в работу еще зимой. Мы, десять человек—живописцы, скульпторы и графики,—выезжаем на месяц на партизанскую базу в Кавголово, на дачу Института имени П. Ф. Лесгафта, чтобы познакомиться с людьми и работать над эскизами. Николай Христофорович остается в Ленинграде, он теперь заместитель председателя правления. В. А. Серов улетает в командировку в Москву, мы все провожаем его, как на подвиг. Вид у него плохой, он очень худ, шея тонкая, одет в полувоенный костюм, на боку револьвер. Волнуемся—долетит ли, вернется ли благополучно назад?

...На партизанской базе ранняя весна, снег еще лежит в канавах. Начало мая.

А. Ф. Гунниус так слаба, что едва может подняться по лестнице в наше общежитие.

А. В. Андреева-Петошина бродит по лесу, ищет травы и сучки: травы—для пищи, сучки—для скульптуры. В. Я. Боголюбов и В. В. Исаева устраивают себе мастерские в лодочном сарае и в сарайчике для дров. Графики и живописцы под началом бригадира Г. Н. Траугота устраиваются на балконах и террасах для работы. Я брожу по окрестностям, присматривая материал для эскизов. Работаю затем в лодке, вытащенной на луг по соседству за дачей.

Питаемся в столовой вместе с партизанами. Партизаны, прибывающие на базу, обросли бородами. Девушки учатся на курсах радисток. Зарисовываем их, Исаева лепит.

Начинаются белые ночи, налетов и обстрелов в Кавголове нет. Тихо, пустынно.

Приезжает товарищ Никитин смотреть эскизы. Работы Исаевой, Боголюбова им одобрены.

Вижу, что картину здесь не напишешь—нет помещения. Наш лагерь сворачивается, и мы возвращаемся в Ленинград. Здесь ждет другая работа—выставка в павильоне Аничкова дворца «Зверства фашистов». Николай Христофорович назначен бригадиром по этой выставке.

Впервые в нашей мастерской появляется Л. Ф. Фролова-Багреева. В дальнейшем мы видимся с ней каждый день, вместе работаем, вместе переживаем и горести и радости нашей блокадной жизни.

В верхнем этаже ЛССХа живет и работает В. А. Серов. В его мастерской и штаб и своеобразный клуб—он обладает удивительной способностью работать и одновременно участвовать в разговорах с художниками, которые вечно толпятся у него в мастерской. Творческая трудоспособность—исключительная.

И. А. Серебряный переносит наверх пианино из нижнего помещения и в часы досуга разучивает «Прелюд» Рахманинова. Эти минорные звуки слышны у нас в мастерской. В угловой—В. Б. Пинчук, в боковом коридоре—А. А. Казанцев, наверху, в «светелке»—Я. С. Николаев.

Мы с Николаем Христофоровичем каждый день ездим ночевать домой на Петроградскую сторону, но на случай какой-нибудь оказии у нас и в мастерской организован ночлег.

Питаемся в столовой работников искусств в Большом драматическом театре. Нас усиленно кормят (насколько это возможно в условиях блокады), но, подобно тощим фараоновым коровам, мы не толстеем. Сказываются три страшных зимних месяца.

...Итак, мы работаем над панно для выставки «Зверства фашистов». Николай Христофорович делает эскизы. Один из них (женщина, упавшая без силы у фонарного столба, рядом девочка, сзади развалины) использован впоследствии в картине «В тылу врага», законченной в 1944 году.

Исаева выполнила для входа в павильон фигуры партизан—юноши и девушки. Эта красивая работа, к сожалению, погибла.

Одновременно трудимся над картинами для партизанского музея.

Нашу первую блокадную выставку отправляют на самолете в Москву.

...Близится осень. По предложению горкома партии мы пишем огромные агитационные панно во всех районах города. Николай Христофорович—бригадир Петроградского района. Нам отдают для работы над нашим панно помещение Театра Ленинского комсомола. Битые стекла, сквозняки. Б. И. Загурский решает собрать артистов, оставшихся в городе, и организовать спектакли в помещении Театра комедии.

Николай Христофорович как театральный художник приглашен оформить два спектакля—«Русские люди» и «Фронт». Декорации выполняют подростки из ремесленного училища. Они спят за кулисами на холстах, собравшись в кучку. Во время обстрелов жалуются Николаю Христофоровичу: «Дяденька, страшно!»

Н. Рутковский. Потерял карточки. 1943

Дома мы складываем своими руками печку из кирпичей, взамен «ведра», отоплявшего нас в минувшую зиму. Кирпичи таскаем из разбитого дома по одному на четвертый этаж (больше взять сразу не хватает сил). Достаем дровишки, керосин для лампы—все это контрабандой. Налаживается к зиме «уют». Выбитые стекла заменены целлофаном.

Настает 7 ноября 1942 года. Город дает электрический свет на несколько часов в квартиры. Мы зажигаем лампочки повсюду—в передней, в кухне. Все знакомые предметы на месте, но ни души кругом—кто умер, кто уехал.

Наступает 18 января 1943 года, день соединения двух фронтов—Ленинградского и Волховского!

Обстрелы продолжаются. Однажды останавливаемся на Дворцовом мосту, смотрим на реку, насчитываем девятнадцать дыр во льду подле самого моста, мост, однако, невредим.

Долго держались стекла в окнах Зимнего дворца, но и тут теперь фанера.

Николай Христофорович проходит по залам пустого Эрмитажа в поисках стендов для выставки «Зверства фашистов». Незабываемое впечатление! Покоробленные полы, кучи песку, оставшиеся от противопожарной обороны, пустые рамы на стенах. Полутьма.

Зимой организуется очередная выставка—собираем по мастерским работы, даже не вполне готовые. В экспозицию включена «Девушка во ржи» Николая Христофоровича. Зритель удивительно чутко воспринимает выставку, особенно красноармейцы.

Николай Христофорович начинает писать блокадные картины: «Потерял карточки», «Тревожная ночь», «С дровами», «Огороды», «Светляки» и другие. Я пишу, как всегда, ребят—«Охотники за «зажигалками» (два мальчика выглядывают из слухового окна на крыше), «Эвакуация детей», «Маленькие партизаны».

В мастерской работаем, порой не обращая внимания на сигнал тревоги. Снизу звонят по телефону, требуют, чтобы мы спустились, дескать, «бьют по нашему квадрату». Из мастерских выходят их обитатели и пережидают обстрел за капитальной стеной коридора, подальше от окон.

Мы с Николаем Христофоровичем добываем, где можем, кто—чай, кто—кофе, и приготовляем их мастерски. Боголюбов приходит зачастую с чашечкой кофе. Николай Христофорович пишет его сидящим на диване. Работает также над портретом Фроловой-Багреевой. Она позирует в черном костюме и шапочке-пилотке.

...Идет весна 1943 года, вторая блокадная весна. В городе на стенах домов девушки МПВО трафаретят надписи: «При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». На синем фоне белые буквы.

Фашисты нещадно обстреливают город. Однако немецкая аккуратность сказывается и здесь: после одиннадцати часов вечера вражеская артиллерия «отдыхает» и нам предоставляется относительный покой.

По вечерам часто слушаем по радио голос И. Нечаева, исполняющего русские песни по заказу слушателей. Нечаев—любимец блокадников.

Круглый день громкоговорители передают музыку, над улицами и площадями звучит Бетховен, его прерывает вой сирены. Тревога! Какой райской музыкой звучит отбой!

1 мая с утра начался обстрел города. На углу Невского и Садовой убит скульптор Б. Р. Шалютин. Он с трудом получил командировку в Ленинград, с увлечением делал эскизы. Срок командировки истек, он хлопотал о продлении...

Открывается большая (в обоих залах) выставка в ЛССХе.

Группа художников решает работать над серией рисунков размером в лист ватмана. Темы—Ленинград и война. Выразительные рисунки дает Н. И. Дормидонтов—«Двор чудес» (замерзший дом зимы 1942 г.), «Очередь за хлебом» (метель, люди, засыпанные снегом).

Осенью предстоит празднование 25-летия Комсомола. К нам в Союз присылают из Октябрьского райкома комсомола особенно отличившихся комсомольцев, портреты которых следовало бы написать. Я «получаю» девушку-ударницу с Судомеха—Марию Хазову, пишу ее портрет. К Николаю Христофоровичу в мастерскую робко входит заплаканное (долго не могла найти художников!) большеглазое существо с неровно подрезанными светлыми косичками. Из-под юбочки висят шаровары, на ногах большущие, не по размеру, ботинки. Это—Верочка Смирнова, школьница, пионервожатая, вырастившая рекордный урожай капусты в пионерлагере в Мельничьих Ручьях. Портрет Верочки положил начало нашей нежной дружбе—и с ней, и с ее братишкой. Наша «блокадная дочка» заняла главенствующее место на многих картинах Николая Христофоровича, с нее же написана фигура девушки на картине «Салют Победы на Неве». Я рисую ее братишку. Он становится героем картины «Награжденный медалью». Эти блокадные ребята живут одни-одинешеньки в Ленинграде. Мать давно умерла, отец—на фронте, вестей от него нет.

Серебряный делает остроумный плакат о героях-железнодорожниках «Накося, выкуси!»

В начале июня получаем медали «За оборону Ленинграда».

Каждый день радио приносит победные вести с фронтов, а еще нет облегчения—фашисты все сильнее обстреливают Ленинград. Тревоги становятся все продолжительнее. Жителей не выпускают на улицы, пока не уберут трупы и не смоют с камней кровь. Вечерами следим по карте за передвижением наших войск.

В Союзе трудовая жизнь течет по-прежнему. В мастерской Серова встречаемся с артистами и писателями-блокадниками.

Фролова-Багреева пишет картину «Летчики на могиле Суворова». Вместе ездим в Александро-Невскую лавру, посещаем Лазаревскую церковь с могилой Суворова и Некрополь.

Боголюбов начинает работу над памятником Римскому-Корсакову, нередко заглядывает к нам в мастерскую отдохнуть. Часто спорим, можем без конца обсуждать достоинства поэзии Лермонтова и другие, столь же «актуальные» проблемы,

Увы, наш стеклянный фонарь—слабая защита от небесных гостинцев. Нашей гостье Фроловой-Багреевой осколок зенитного снаряда попадает (к счастью, без вреда) за воротник.

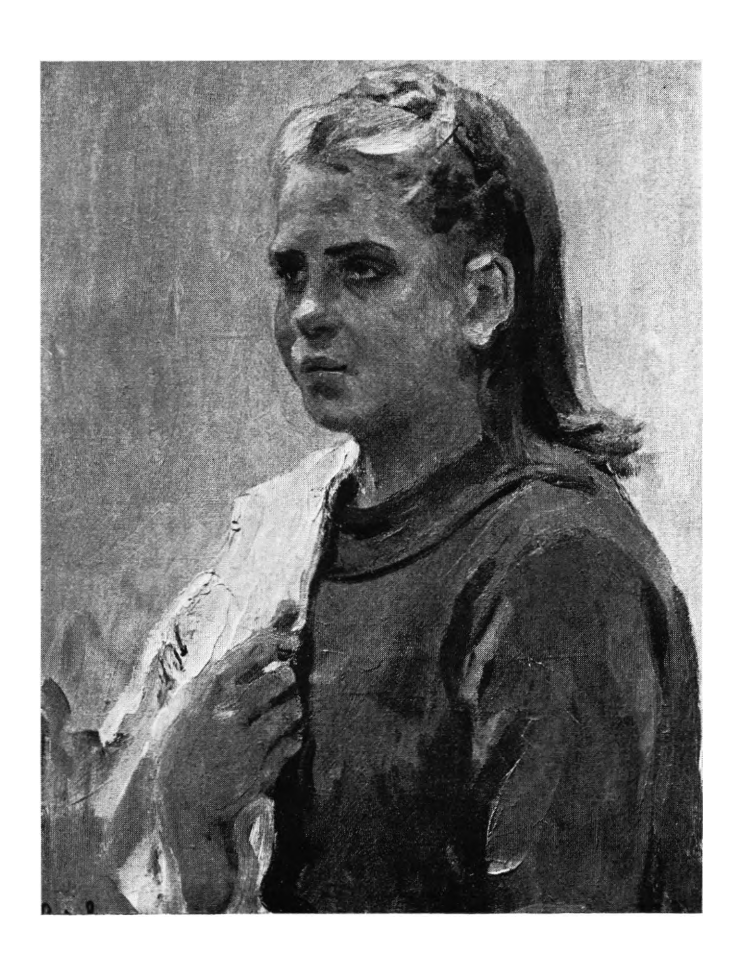
Возвращается Большой драматический театр и начинает спектакли. Фашисты сразу учли это и усиленно обстреливают новый «объект». Приходится изменять часы начала и окончания спектаклей.

Разрешено осветить синими лампочками номера домов и лестницы. Какое счастье, как светло! Трамваи освещены синей лампой под абажуром над местом кондуктора. Мы, двое художников, уже не идем, а едем к себе домой на Петроградскую.

Дома есть электричество, радио, но окна наши выходят на юго-запад, а эта сторона «при артобстреле наиболее опасна».

Приступаем к эскизной работе над картинами для будущего Музея обороны Ленинграда. Николай Христофорович пишет «Десант на острове Ханко», я—картину «Снайпер Смолячков» и делаю рисунок «Эвакуация детей».

Кончается 1943 год...

В. Раевская. Женский портрет. 1944.

Ждем событий. Их приближение ощущается во всем—в передвижении воинских обозов на запад, в перемещении кораблей на Неве и Невках. Наблюдаем и ждем!

Я еду с эскизом для Музея обороны в Союз: в мастерской Серова назначен просмотр работ. У Сада трудящихся меня застигает обстрел—немец еще кусается.

12 января с раннего утра загремела такая канонада, что ясно без слов—началось!

Крейсер «Киров» снят с причала у моста Лейтенанта Шмидта и мощным силуэтом вырисовывается у Дворцового. От его залпов и залпов других кораблей вылетают последние стекла в домах на набережных. Грохот орудий удаляется. Мы слушаем сводки об освобождении города Пушкина, Красного Села... И, наконец, настает 27 января 1944 года!

Днем Серов сообщает нам, что в восемь часов вечера будет салют Победы.

К восьми часам мы направляемся к Дворцовому мосту.

Немного запоздав, слушаем поздравительный приказ на Университетской набережной. Только подошли к Зимнему, как раздался гром орудийных залпов с кораблей и из пушек,

поставленных у ростральных колонн и у стены Петропавловской крепости. Небо осветилось ракетами, и мост, совершенно безлюдный (никто в городе не знал о предстоящем салюте), представился нам торжественным залом, а небо—сводом над ним.

Мы стояли, онемев, слезы текли из глаз. Так вот оно, счастье!

Медленно направились домой пешком. Шедшие перед нами женщины переговаривались между собой: «Этого никогда не забыть!»

Сколько было всего залпов—мы, естественно, не считали, кажется, гораздо больше, чем полагалось по приказу. Ракеты долго еще взлетали с крыши Зимнего дворца, с кораблей, от крепости...

Итак, Ленинград свободен! Надо привыкать к этому счастью, надо заново учиться ходить по улицам выпрямившись, теперь можно глядеть спокойно на небо, не ожидая оттуда всяческих гостинцев.

Март. В город входят отряды партизан. Это необычайно красочное зрелище; бородатые лица, костюмы—неповторимы! Командование направляет в ЛССХ особо отличившихся партизан. Это, прежде всего, Долинин, командир 2-й Ленинградской бригады, и Корицкий—5-й бригады. Пинчук лепит портрет Корицкого. Я начинаю писать Долинина, но не заканчиваю портрета, так как модель не выдерживает скуки позирования: на втором сеансе Долинин засыпает и больше не приходит...

Николай Христофорович пишет молоденького партизана с автоматом в руках. Его имени мы не знаем. Жесткий огонек в глазах. Его рассказы ужасны. Я пишу четырнадцатилетнего мальчика Витю Шилова, маленького «адъютанта» Корицкого, его любимца. Забавная фигурка в подобранной по росту партизанской «справе»—белый тулупчик, лихо заломленная шапка-кубанка с красной лентой наискось. На боку пустая кобура от нагана. Позирует он нехотя, старается удрать, как с урока (живот болит), но все же мне удается его написать.

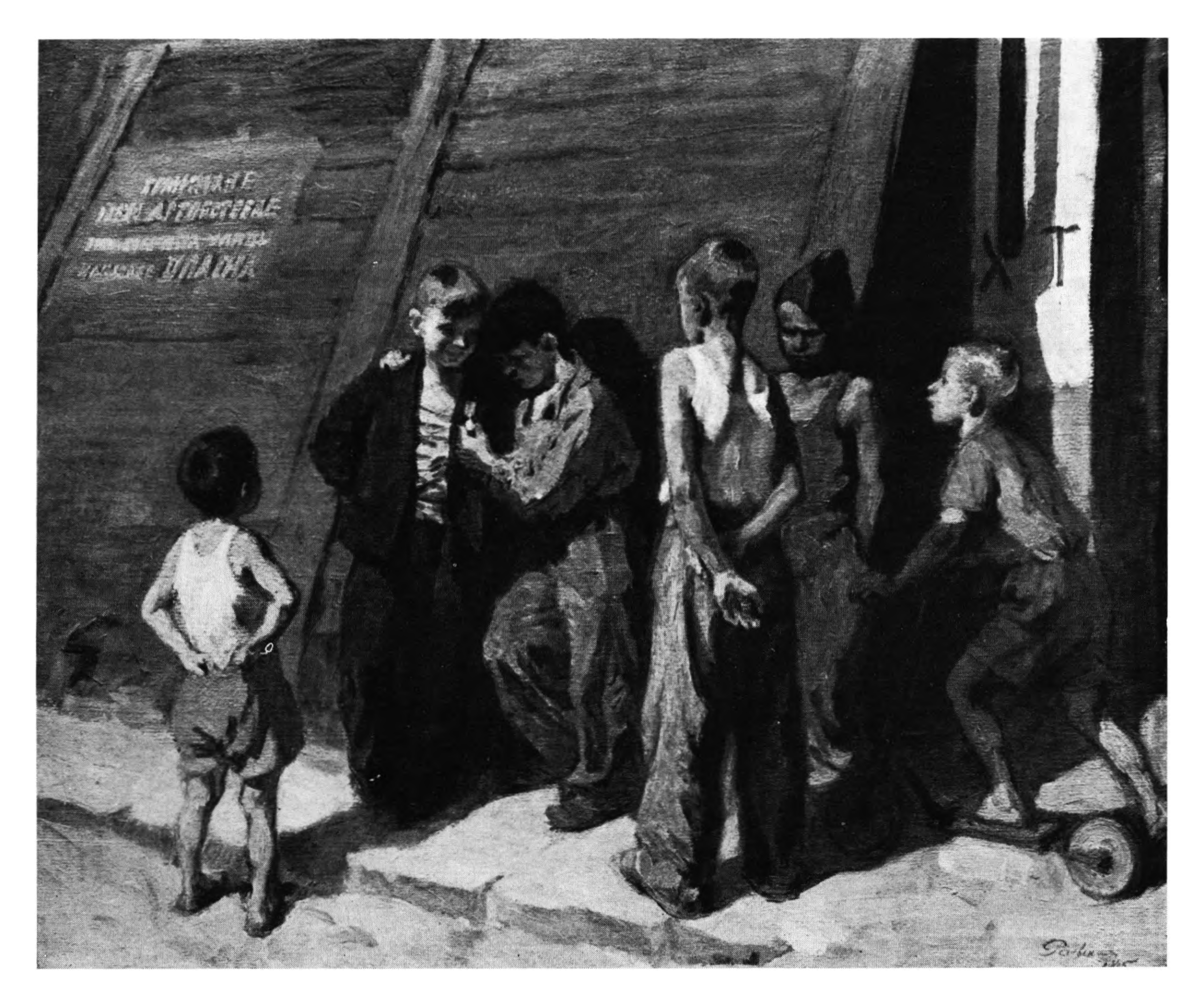
На один сеанс к нам приходит Герой Советского Союза Егоров. Это на редкость красивый синеглазый юноша с правильными чертами лица. Я успеваю сделать только карандашный набросок—он тоже не выдерживает скуки позирования.

Последней моделью оказался мальчик шестнадцати лет—Коля Яковлев, самый терпеливый из всех. Я сделала с него портрет, а затем, когда выяснилось, что он ученик средней художественной школы при Академии художеств, мы помогли ему выехать в Загорск, где в то время находилась школа.

Прилетают «первые ласточки» с Большой земли. В один прекрасный день по дороге в ЛССХ мы встречаем на углу Гороховой Е. Хигера—он стоит на тротуаре и машет нам рукой. Приезжает Сильвия Кофман и обосновывается в Союзе. На ночь перебирается спать в нашу мастерскую, так как печь у нас топится углем и относительно тепло.

В Москве организуется выставка «Фронт и тыл», на которой экспонируются картины Николая Христофоровича «Потерял карточки», «Тревога», «За водой» и другие.

Мы пишем картины: Николай Христофорович—«Салют Победы», я—«Награжденный медалью» и «Маленькие герои». Дома сами ремонтируем наши комнаты.

В. Раевская. Награжденный медалью. 1945

Осенью 1944 года едем на могилу Репина в Куоккалу, едем в большом автобусе Ленсовета. Вдали слышны взрывы и горят болота—это очищают от мин окрестности Ленинграда.

«Пенаты» взорваны, дом разрушен. Крыша взлетела на воздух и опустилась на землю недалеко от развалин дома. Беседки, колодец целы.

Наконец, приходит и День Победы—9 мая 1945 года. Мы бродим по городу. На площади Декабристов памятник Петру уже освобожден от деревянного чехла, но скала еще засыпана песком. Мы взбираемся на песчаный холм, подходим вплотную к коню и заглядываем Петру в глаза.

Единственный случай увидеть вблизи великолепные детали памятника!

В Ленинград возвращаются части Советской Армии.

Жаркий летний день, безоблачное небо. Улицы полны народа, у многих в руках цветы.

В. А. Серов, Н. И. Дормидонтов, Н. А. Павлов выполнили акварелью портреты героев дивизии. Портеты застеклили, и мы—П. П. Григорьянц, Н. А. Павлов, я—едем к Нарвским воротам передать подарки бойцам.

Командный состав верхом, во главе колонны. Лошади—одна лучше другой. Идут танки, артиллерия, пехота.

На площади, у памятника Кирову—митинг.

После ухода войск на асфальте остаются лежать увядшие цветы, их много: иван-чай, ромашка. Увядая, они пахнут сеном.

Войска идут через весь город по направлению к Финляндскому вокзалу. По всему их пути стоит ликующий народ.

Война кончена.

Г. КОФМАН

«ОКНА», КОТОРЫЕ НЕ ЗАТЕМНЯЛИСЬ

...Я пришел в комнату фоторедакции, где работал художник Николай Игнатьев, чтобы сообщить ему о назначении меня редактором, а его—главным художником «Окон ТАСС». Не успел я открыть рта, как Николай огорошил меня предложением:

— Давай будем делать «Окна ТАСС»!

Мы подивились совпадению идей, в это время из коридора послышались шаги прихрамывающего Виктора Слыщенко. Внешностью он был чем-то похож на Маяковского: всегда наголо бритый, с упрямой челюстью боксера, с глазами одновременно и добрыми и злыми. Он распахнул дверь и сказал:

— Давайте, друзья, делать «Окна»!..

Уже то, что мысль об «Окнах ТАСС» возникла одновременно по меньшей мере в четырех головах, свидетельствовала об ее жизненности.

Очень хотелось, чтобы и художников у нас было много. Поэтому я сразу позвонил Владимиру Гальбе и Борису Лео. По предложению Лео собрались у него тем же вечером. До поэтов дозвониться было невозможно, и мы решили сами начать работу.

Наметили форму «Окон»: на открытие—большая, броская карикатура или плакат, в центре—ежедневно меняющаяся сводка Совинформбюро; справа—еще плакат; внизу—серийная карикатура, нечто вроде шестикартинного фильма о Васе Теркине. И обязательно—фотохроника.

Ночью доложили наш план И. М. Анцеловичу. Оказалось, что он уже наметил прекрасное место для «Окна»—витрину бывшего Елисеевского магазина—там, где Театр комедии, на Невском. Был намечен Анцеловичем и срок выпуска первого «Окна»:

Завтра!

ВОТ ОНО — ПЕРВОЕ!

Плакат на открытие делали мы с Николаем Игнатьевым. Николай нашел простое и верное решение темы: красноармейский штык насквозь пробивает алчно разинутую пасть змеи — Гитлера. Но каким текстом сопроводить это выразительное изображение? Горько переживая недостатки четверостишия собственного изготовления, я, за неимением лучшего, вынужден был предложить именно его в качестве подписи к рисунку:

Ты привыкла, гадина,
Лопать, что украдено, —
Будет тебе, гадина,
По-советски дадено!

Второй плакат рисовал Б. Лео. К сожалению, не сохранилось даже его воспроизведения. На публикуемом в издании редком снимке, сделанном Анцеловичем спустя несколько дней, 29 июня 1941 года, виден плакат Н. Игнатьева, а работы Б. Лео к тому времени уже нет, так как она была заменена фотоплакатом В. Тарасевича «Родина зовет!»

Сейчас снимки корреспондента «Огонька» В. Тарасевича хорошо известны многим. Тогда это был порывистый вихрастый мальчик, норовивший пробираться на самые горячие участки фронта и совавшийся со своей поразительно меткой «лейкой» в самое пекло. Оперативность и мастерство быстро выдвинули его в ряды истинных художников военного фоторепортажа. Интересно напомнить, что упомянутый плакат юного Тарасевича «Родина зовет!» был высоко оценен зарубежной прогрессивной общественностью и отмечен в 1942 году специальной медалью на выставке в Нью-Йорке.

Вообще говоря, нельзя обойти здесь молчанием героический труд многих фотокорреспондентов, чьи работы стали неотъемлемой, органической частью «Окон ТАСС».

Несколько позже, вскоре после захвата фашистами Таллина, известный ныне карикатурист Л. С. Самойлов, в то время еще совсем молодой краснофлотец, принес карикатуру для «Окон» и рассказал нам о гибели фотокорреспондента ТАСС Янова, очевидцем которой он был. Корабль, шедший из Таллина, подорвался на мине, и сам Самойлов спасся только потому, что ему удалось уцепиться за какой-то деревянный обломок, плававший в море.

— За другой конец обломка, — говорил Самойлов, — держался Янов. Увидев, что под тяжестью двух человек «плотик» уходит под воду, Янов отпустил руки. «Держитесь, утонете!—кричу я ему, а он отвечает: «Держись сам, ты моложе! А я поплаваю... Больше я его не видел, — закончил Самойлов свой трагический рассказ и вдруг, побелев, как бумага, уставился на открывшуюся дверь, в которой стоял... живой Янов!

— Я же тебе говорил, что большевики не тонут! — воскликнул Янов, крепко обнимая молодого художника.

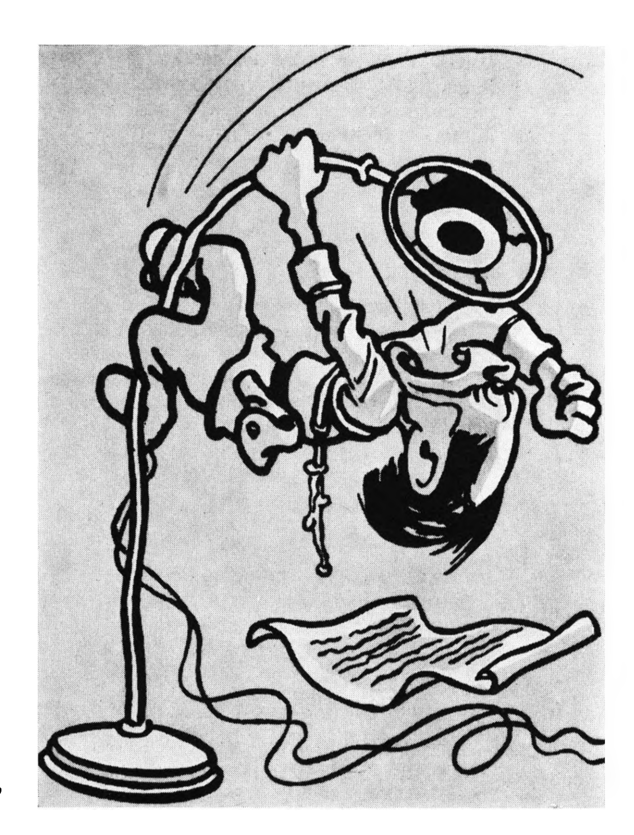
Чувство товарищества у наших людей было неотделимо от чувства патриотического долга. Этими высокими чувствами жили боевые фотокорреспонденты Трахман и Нордштейн, когда из осажденного города летали в далекие леса, чтобы на наших «Окнах» могли появиться документальные снимки из партизанского края. Эти чувства руководили Чертовым и Анцеловичем, когда они выползали в зону между позициями войск и фотографировали для «Окон» трупы убитых фашистов: нужно было убедительным фотоматериалом подтвердить ленинградцам то, о чем говорили плакаты и карикатуры.

...Дружными усилиями работа над первым «Окном» была закончена в одни сутки, и 24 июня у первого «Окна» на Невском уже толпился народ.

КОЛЛЕКТИВ НАЧИНАЕТ СКЛАДЫВАТЬСЯ

Телефонный звонок В. М. Саянова успокоил меня как автора подписи к первому плакату.

— Молодцы, — сказал Виссарион Михайлович, — получилось — вполне! Действуйте, будем помогать!

В. Гальба. Сатирический рисунок. Геббельс. 1942

В тот же день, прямо от елисеевской витрины на Невском, пришла в редакцию Ольга Берггольц:

— «Окна» — это здорово! Давайте работать вместе!

И совсем отпала тревога о «кадрах», когда в редакцию ввалилась группа выпускников Академии художеств.

Первыми пришли Елена Мелик-Багдасарова и Моисей Ваксер. Не буду описывать их внешность: скажу только, что Ваксер выглядел ужасно: его лицо, его сильные, талантливые руки были покрыты струпьями экземы.

Смущаясь, он умоляюще глядел на нас:

— Понимаете, меня вот такого — не берут в армию... Можно, мы пока будем работать здесь, в «Окнах»?..

— Ваксер очень хороший художник, — «ходатайствовала» Мелик, протягивая нам альбом с его иллюстрациями. Это был, если не ошибаюсь, «Тиль Уленшпигель». А может быть — гончаровский «Обломов». А может быть — «1001 ночь» с его рисунками... Достаточно было беглого взгляда, чтобы оценить незаурядность дарования молодого художника.

— Этот будет работать! — сразу, безаппеляционно заявил Игнатьев.

Мы не ошиблись: в самое тяжелое время наши «академисты» работали вовсю, под бомбежками и обстрелами, голодные и холодные, день и ночь...

Вскоре в наш коллектив влились художники Д. Капиц, А. Семихатов, Л. Торич, В. Григорьев (Гри), а позднее — Ф. Горбунов, В. Селиванов и другие.

Но теперь люди приходили к нам не только для работы в «Окнах». Приходили с фабрик, с заводов, из воинских частей, с кораблей Балтфлота и требовали: «Дайте «Окна» и нам!» «Окна» стихийно становились многотиражными. За две-три недели их тираж превысил сто экземпляров. Появились новые заботы. Сначала, не имея собственной полиграфической базы, мы размножали сводки Совинформбюро так: печатали их на пишущей машинке прописными буквами, делали с этого негатив, а затем, во много раз увеличивая, печатали на метровые листы фотобумаги. Бумага эта постоянно свертывалась в трубку, срывалась с кнопок, и, помню, возясь с ней в первый раз на витрине Елисеевского магазина, я уронил и разбил банку с вареньем, стоявшую за нашим щитом. (Сколько раз потом, в голодные ночи блокады, я просыпался, увидав во сне эти плавающие в густом сиропе крупные сливы!)

Впоследствии нам удалось договориться с типографией «Ленинградской правды», и мы стали набирать и печатать сводки типографским способом.

С плакатами и карикатурами дело обстояло сложнее. Бригада молодых художников с Капиц во главе занималась их копировкой. Копировщикам приходилось выдерживать немыслимый темп. Это была в полном смысле слова адова работа, так как очень трудно было обеспечить копиями все «Окна», число которых росло и росло. Решили делать плакаты трафаретом. Это потребовало большого напряжения от художников: резко менялась сама техника рисунка. Но и с этими трудностями коллектив справился отлично. Стремясь к предельной простоте и скупости изобразительных средств, художники добивались и максимальной выразительности.

ОРУЖИЕМ ПЛАКАТА

Основная задача, которую ставила ленинградская партийная организация перед нами, агитаторами, была ясна и проста: нужно всячески крепить душевную бодрость жителей осажденного города и поддерживать их уверенность в нашей конечной победе; нужно непрерывно контратаковать вражескую пропаганду, раздувающую легенду о непобедимости гитлеровцев, нужно вести яростное наступление на трусов, болтунов, паникеров...

Один за другим, словно говоря: «Не так страшен черт, как его малюют», — появляются плакаты о фашистских вояках: Ваксера «День воюет, три ворует», Гальбы «Немощное подкрепление»...

На славный удар нашей авиации по снабжавшим фашистов нефтепромыслам близ Плоешти «Окна» откликаются острым и талантливым плакатом Ваксера и Мелик с их же стихами «Раньше брали нефть в Плоешти, а теперь — нате, ешьте!»...

8 сентября впервые полетели на Ленинград зажигательные бомбы, а 9 уже появляется на «Окне» серия рисунков Игнатьева и Слыщенко со стихами О. Берггольц «Тетя Даша

Б. Лео.
Сатирический рисунок. Гитлер. 1942

на посту!» Так родилась замечательная ленинградка тетя Даша — ближайшая родственница Васи Теркина.

С плаката она призывала женщин Ленинграда не пугаться «зажигалок», а гасить их. Едва раздался призыв работниц фабрики «Пролетарская победа» создать фонд в помощь фронту, О. Берггольц, В. Слыщенко и В. Игнатьев дали новую серию плакатов с тетей Дашей: «Оборонный создан фонд, чтоб крепить советский фронт». Полмиллиарда рублей собрали тогда ленинградцы за несколько дней, и в этом вкладе есть какая-то доля творческого труда наших художников и поэтов.

...Вот образные плакаты Слыщенко — «Позор трусу!», Ваксера — «Каков поп, таков и приход», остросатирические карикатуры Лео, Гальбы с не менее выразительными стихотворными подписями В. Саянова, А. Прокофьева... Нет никакой возможности перечислить здесь все, рассказать обо всем, что было сделано.

...Топливо в городе на исходе. Черные шторы на окнах квартир почти теряют смысл: в городе выключен свет.

...Остановились, замерли трамваи и троллейбусы. Газеты выходят нелепо малыми тиражами, с очень частыми перебоями. Подписчикам их уже не доставляют — нет почтальонов. Центральные газеты не поступают. Комсомольцы едва справляются с разноской писем, которых с таким нетерпением ждут ленинградцы от родных, ушедших на фронт, от детей, эвакуированных на Большую землю.

В ТАСС умолк треск телетайпов. Связь с Москвой держится только на радио. Иссохшая стенографистка, напрягая последние силы, ловит сквозь свист и вой фашистской глушилки слова диктора из Москвы: «От Советского информбюро...»

Наш маленький коллектив все острее сознает необходимость вовремя и как можно большим тиражом давать ленинградцам не только плакаты, но и то, чего они ждут еще больше, чем писем: сводки с фронтов.

У «Окон ТАСС» в Ленинграде

В. Гальба.
Плакат. 1943

От руки делаем плакаты. Руками же крутим тяжелую плоскопечатную машину, помогая самоотверженным труженикам — рабочим типографии «Ленинградской правды» — печатать очередные сводки.

Еще до света, под обстрелами, под бомбежками приходят за сводками голодные, тощие люди, приходят за много километров, со всех концов города в нашу маленькую экспедицию на Международном, 30. Приходят и ждут...

Но мы печатали не только сводки.

...В одну из ночей приняли очередное сообщение Совинформбюро, сдали его в набор. Смотрю — стенографистка не снимает наушники и все пишет, пишет... Спрашиваю:

— Что вы еще принимаете? Приказ Главнокомандующего?

Она отвечает отрывисто, боясь пропустить хоть слово:

— Нет. Стихи...

— Какие стихи?

— Хорошие.

Заглядываю через ее плечо на бумагу. Москва передает обращение Джамбула: «Ленинградцы, дети мои!»

В эту минуту, вернувшись из поездки на фронт, в комнату влетел Анцелович. Сует мне и стенографистке фронтовой «гостинец»: по сухарю.

— Как дела?

Объясняю. Анцелович звонит в редакцию. Номера газет уже сверстаны: как быть? Пять минут он совещается со своим заместителем, любимым другом и советчиком «окнотассовцев» Н. Я. Шуром. Решает:

— Набираем, печатаем и выпускаем Джамбула сами, утром, в «Окнах»!

Спускаемся в типографию все: Игнатьев и Мелик, Торич и Капиц, Галочка Ашрапян и Ваксер, Анцелович и стенографистка, фотокорреспондент Чертов и приехавший с Анцеловичем с фронта корреспондент ТАСС Е. Капланский, все, кто был «под рукой». Пришел даже Слыщенко, совершенно больной.

Наборщики ставят в верстатки букву за буквой... Они только что набрали длинную сводку, устали. Но и их волнуют строки стихов Джамбула. Двадцать восемь строк в листе. Кто-то говорит, что не хватит шрифта... Решаем срочно отпечатать хоть один лист сводки и разобрать его, чтобы пополнить наборную кассу...

Пока делался набор, в немыслимо короткий срок заведующий отделом фотохроники секретарь нашей парторганизации Романов с цинкографами сделали большое клише — портрет Джамбула. (Это был последний вклад Романова в «Окна». На другой день он ушел на фронт и вскоре погиб.)

Наконец, набор готов. Поголовно все, сменяя друг друга — художники, рабочие, журналисты, — крутим машину, тискаем триста экземпляров стихов.

К этому времени (Анцелович и это предусмотрел!) уже был приготовлен клей в ведрах, и все мы вышли на улицы расклеивать плакаты.

А утром ленинградцы, идущие на работу, за водой, за хлебом, уже останавливались у наших щитов и просто у стен, где наклеены длинные листы «Окон», и читали:

Ленинградцы, дети мои!
Ленинградцы, гордость моя!..

ПОДВИГ

...В короткие минуты отдыха художники (чаще других — молодежь) приходили к Мелик в темную кухню, служившую нам жилищем, в соседний с ТАСС дом на Социалистической, 16. Тут грелись, спорили, писали стихи, набрасывали эскизы плакатов... Тут, между

ПРЯМОЙ НАВОДКОЙ

10 мая 1942 г. | Сатирическое приложение к газете Ленинградского фронта „На страже Родины" | № 12 (51)

Рис. ЛЕО

Славься, год сорок второй
Для фашизма роковой!
Бей врага, как бомба, в лоб,
Уложи бандита в гроб!

Б. Лео. Плакат. 1942

прочим, встречали и Новый, 1942 год — при лучине, за плитой, на которой для каждого из нас тетушка Аня приготовила по полторы дурандовых лепешки. Тосты произносили, наполняя кружки водой из бутылок, в которых, как уверяли оптимисты, еще жил, цепляясь за этикетки, древний аромат вин. И пьянели. Конечно, не от воды. Пьянили тосты.

— За победу! За жизнь!

И улыбались висевшей на стене табличке: «Уходя из комнаты, не забудь погасить зажигательную бомбу!» Это воззвание написал Игнатьев еще 10 сентября, в тот самый вечер, когда мы с ним дежурили вдвоем на чердаке, на шестом этаже типографии «Ленинградской правды»; пылали бадаевские склады, и, кажется, никогда так остро нами не ощущалась потребность в шутке, как в ту памятную ночь, потому что тогда нам действительно было очень страшно. Теперь к бомбам привыкли. Смерть, прыгающая с неба, оказалась не так страшна, как смерть, притаившаяся рядом, бок о бок с нами: голод...

Чтобы в нашей кухне можно было погреться, каждый приносил с собой разнообразную мелкую древесность.

...В тот день я на опыте познал горечь сизифова труда. Подобрав на улице оброненный с грузовика увесистый чурбан, я по меньшей мере полчаса пытался втащить его по обледеневшим ступеням на третий этаж. Чурбан перевешивал, и мы с ним все время съезжали вниз... Но вот осталось преодолеть всего два лестничных марша. И тут я услышал какой-то жалобный писк из-за двери квартиры, в которой жил художник Романовский. Знакомы мы с ним не были. Знал я только, что он — художник, что живет он с женой и ребенком. С начала войны я его почему-то не встречал... Я прислушался: кошка? Нет, это — ребенок. Стучу. Никто не подходит. Спустился вниз в подвал, где проживал наш дворник Гордей. Взяли топор. Долго били по замку. Наконец входим. Под самой дверью шевелится худой легкий до невесомости ребенок. В комнатах темно. Сорвали шторы. На кровати — прибранной — лежит художник. Рядом, положив голову и руки на кровать, сидит женщина. Тоже мертвая. На столе — эскиз маслом. Стираю пыль: залитый солнцем город ...[1]

Умер Ваксер. С этим невозможно примириться. Фашисты задушили голодом человека, которому предстояло так много дать искусству!

Пришла Галочка Ашрапян. Поминали добрым словом нашего друга. Ни о чем не мог он говорить, не рисуя что-либо при этом... В его письмах рисунков было больше, чем слов... Он просто не мог не рисовать... А с каким вдохновением работал он над своими плакатами! Как радовался, уже совсем темный от голода, когда в сводке блеснули первые зарницы наших побед: Тихвин, Ростов, Елец... Совсем недавно Ваксер аплодировал коллективному плакату Игнатьева, Слыщенко и Торича к частушкам «Про фашистских генералов и про то, что с ними стало» и как был доволен, когда эти частушки перепечатала «Смена» и передали их (списав прямо с «Окна»!) по радио.

---

[1] В те времена я рассказывал об этом Р. Бершадскому. Недавно вышла книга его рассказов «Путь к подвигу».

Сюжет рассказа «Все-таки вертится» — о жизни и смерти художника — во многом совпадает с этим действительным случаем.

В. Гальба. Рисунок. 1943

В последний раз я видел его, совсем слабого, в Академии. Он показывал чудесные эскизы своего проекта восстановления Павловского парка. Он верил, что своими руками будет оживлять красоту, которую растоптали фашисты.

Ваксер очень хотел выздороветь, его тянуло на фропт, он, как и все юпоши того времени, мечтал о подвиге. Подвигом стала вся его короткая, честная и мужественная жизнь.

КАРАНДАШ РАЗИТ ВРАГА

...Я зашел в «Ленинградскую правду» и разыскал похудевшего, поседевшего Гальбу, он немедленно договорился с редактором и получил разрешение отлучиться на три дня.

Мы сперва направились к нему домой, ему непременно хотелось переодеться, чтобы, как он говорил, «прийти к бойцам в приличном виде». Поэтому ночь застала нас по дороге на фронт, на окраине города, и мы решили побыть до утра в первом попавшемся доме. Постучались. Нас впустили.

Только успели расположиться и вскрыть драгоценную банку консервов (мой трехдневный «сухопай»), как раздался стук в дверь. Пришел бдительный управдом:

— Ваши документы?

Мои были в порядке, а вот Владимир, переодеваясь, оставил все бумаги в старом костюме. Положение осложнялось. Вместо дивизии мы рисковали попасть в соответствующие органы и «провыясняться» там длительное время.

— Я — Владимир Гальба! Знаете? Вы мои карикатуры видели в газете? — пытался втолковать Владимир.

Я попробовал воздействовать на управдома более примитивно: приглашением к нашей банке с консервами.

Крепко обтерев губы рукавом, управдом мужественно отказался от консервов. Владимиру же ответил:

— Карикатуры Гальбы мы все хорошо знаем, и я знаю, но я же не знаю, что вы и есть Гальба!..

И это было резонно.

Выход нашел Владимир. Он быстро вскинул на нос очки, раскрыл альбом, взял карандаш и... управдом поверил! И не только поверил, но даже выпросил «на память» удивительно похожие наброски. Попросил, несмотря на то, что злой Гальбин карандаш метко запечатлел его козлиную бородку и дырявый ватник, а, главное, тот голодный взгляд, которым он уставился на банку. Увековечена была сама банка, кстати, весьма быстро, с помощью того же управдома, опустошенная нами...

Утром мы пешком добрались в дивизию. Переходя с Гальбой из землянки в землянку, я увидел, как смеялись бойцы, глядя на своих заклятых врагов, то и дело возникавших на листах ватмана под быстрым карандашом Гальбы.

По рисункам и карикатурам Владимира Гальбу знали все, кто был в Ленинграде в то время. Но живое общение популярного художника с бойцами давало какой-то неожиданный эффект непосредственности художественного творчества. Вот один боец «заказывает» художнику:

— А теперь — Гитлера!

И тут же раздается другой голос:

— Здорово! А Геббельса можешь!?

— Вот это — черт! А Маннергейм какой?..

— А вон его нарисуешь?

С легкостью, свойственной немногим, Владимир выполнял просьбы солдат, рисовал с азартом... Карикатура на врага сменялась дружеским шаржем на повара, злой усмешкой в адрес заснувшего на посту...

Снайперы обратились к Владимиру с просьбой помочь им выманивать вражеских солдат из их укрытий. Они даже придумали способ, как это потолковее сделать. Гальбе очень понравилась идея, и, вернувшись в Политотдел, он на огромном полотне сделал удивительно ехидную карикатуру на Гитлера и Маннергейма одновременно. Карикатура была великолепна по исполнению, но по сюжету... не для печати!

Разведчики ночью вытащили и поставили щит с карикатурой в «нейтральной» полосе — между нашими укреплениями и укреплениями противника.

Утром, едва рассвело, во вражеских окопах раздался громкий хохот: фашисты не могли не узнать своего вождя, но удержаться от смеха было тоже невозможно. Едва дождавшись наступления темноты, офицеры посылали солдат на «нейтральную» полосу снимать произведение Гальбы. Но тут принялись за дело наши снайперы. Они славно поработали две ночи подряд.

— Днем смеются, ночью плачут! — говорили бойцы.

Наконец, по щиту был открыт минометный огонь. Осколки пробивали полотно, но щит все не падал. Только через час удалось, наконец, сбить карикатуру. Ночью разведчики утащили ее обратно в наше расположение. Несмотря на некоторую свою «нецензурность», карикатура эта, как мне потом передавали, все же попала в фонды Музея Советской Армии.

А. ЗЕМЦОВА

ВЫСТАВКИ

В декабре 1941 года мне поручили вести выставочную работу в ЛССХе (Ленинградском Союзе советских художников). Нужно сказать откровенно, что к этому предложению я отнеслась несколько скептически. Организовывать выставки в самые мрачные блокадные месяцы зимы 1941/42 года казалось мне несбыточным и, пожалуй, даже не нужным делом.

Обстановка в Союзе в это самое трудное время блокады Ленинграда была тяжелой. Встречая многих художников, знакомых мне с довоенных времен, я часто не узнавала их, настолько они изменились. Распухшие, отекшие лица, опустившиеся плечи, исхудавшие руки. Картина была очень грустная.

В маленькой комнатке, в бывшем кабинете президиума, жили В. А. Серов, В. Б. Пинчук, В. Н. Прошкин, А. А. Казанцев, скульпторы М. Ф. Бабурин, Н. В. Томский и другие. Здесь было мрачно, темно, холодно, и все же эта небольшая группа, сохраняя бодрое, оптимистическое настроение, была полна энергии и благотворно воздействовала на остальных товарищей.

Выставочные помещения, темные, промерзшие, с выбитыми окнами не располагали к устройству выставок, но, проникшись общим рабочим настроением, я неожиданно для себя стала склоняться к мысли, что, быть может, выставка и в самом деле осуществима.

В первое полугодие Великой Отечественной войны ленинградские художники работали почти исключительно над плакатами, листами «Боевого карандаша», лозунгами, листовками — всем тем творческим материалом, который относится к наглядной агитации, самой действенной форме изобразительного искусства военных лет. Станковыми произведениями никто до декабря 1941 года не занимался, ибо отсутствие света и прочих элементарных условий не позволяло над ними работать.

Из имевшихся у художников работ я смогла отобрать только ряд рисунков, эскизов, набросков. Эти вещи после просмотра их членами правления ЛССХа и было решено показать на первой нашей военной выставке.

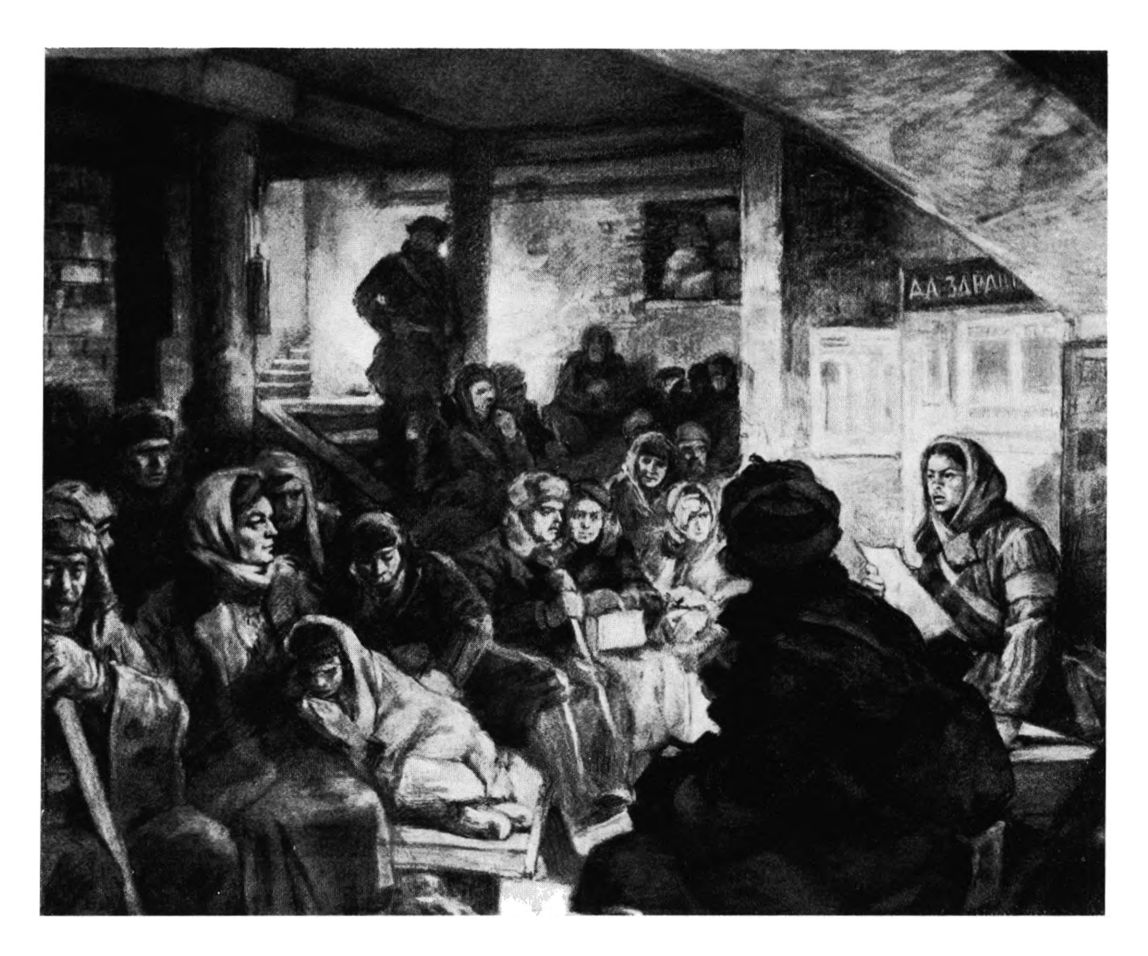
В. А. Серов обратился к художникам с призывом принести в ЛССХ имеющиеся у них работы, в которых хоть как-то запечатлены отдельные эпизоды Великой Отечественной войны, жизнь блокадного города, образы защитников Ленинграда. Но даже собрав этот материал, было чрезвычайно трудно организовать его показ. Не было ни одного технического помощника, не хватало рам, некому было натянуть на подрамники эскизы и небольшие законченные работы. Я сама кое-как натягивала и набивала их на оставшиеся с мирного времени подрамники, с трудом подбирала рамы и сама все вешала. Работали в очень тяжелых условиях: температура в малом выставочном зале держалась на уровне десяти градусов, стекла были выбиты, а физические силы катастрофически убывали.

Н. Петрова.
Возвращение домой.
Зима 1942/43 года. 1943

Помогал мне художник Зарянов. Он переносил одну из последних стадий дистрофии, но мне хотелось втянуть его в работу, заинтересовать его, вывести из того сонного состояния, в котором он пребывал уже не первый день. Я непрерывно обращалась к нему, просила помочь перенести с места на место лестницу, взобраться на нее, вешать картины. Он охал, охал, но все-таки двигался. И все же после открытия выставки он вскоре умер.

На этой первой открытой в условиях блокады выставке демонстрировалось семьдесят работ — живопись, скульптура, графика. В основном все это были этюды, эскизы, рисунки, наброски. Только Серов представил трехметровое законченное полотно «Балтийцы».

П. Павлов. В убежище. 1942

Несмотря на эскизность, недоведенность, показанные работы — правдивые, искренние — вызывали живой интерес. Их главной и основной темой была героическая действительность города-фронта. Измученные жестоким голодом и холодом самых тяжелых блокадных месяцев, художники Ленинграда не складывали своего оружия и сумели найти в себе моральные силы, чтобы запечатлеть мужественный облик родного города, героически сопротивляющегося фашизму.

Скульпторы Н. И. Хлестова и М. М. Суцкевер совместно выполнили для выставки небольшую скульптуру «За Родину!». Оба находились в состоянии тяжелой дистрофии. Когда Суцкевер в конце декабря еле добрел с Васильевского острова в Союз, я его не узнала, до того он был истощен и слаб. Он принес работу и обратился ко мне со следующими словами:

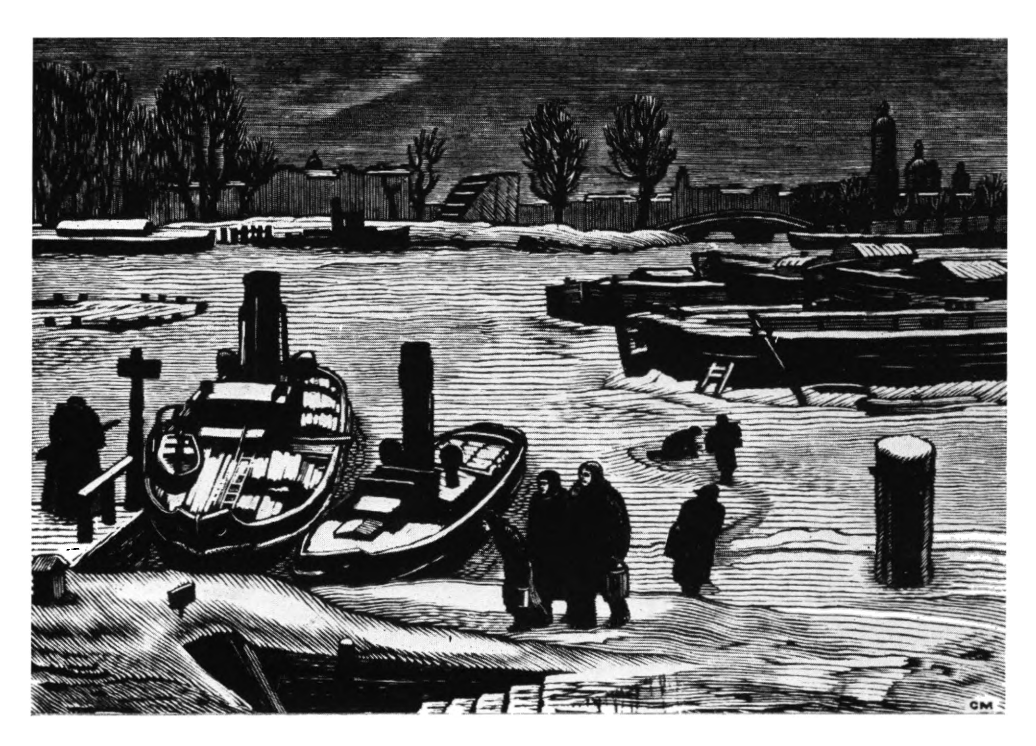

В. Пакулин. Набережная Мойки. Весна. 1943

— Я чувствую, что мы не протянем долго, но я обязательно хочу, чтобы работа, которую мы сделали вместе с женой, была выставлена на этой первой военной выставке.

В день открытия выставки Хлестова скончалась. Расходуя последние силы, Суцкевер кое-как дотащился в Союз на открытие. Он был буквально сражен смертью жены. Эта потеря потрясла его, и через несколько дней он умер. Принесенная им работа, еще далекая от завершенности, представляла известную художественную ценность. Я долго хранила ее, пока в 1944 году она окончательно не рассыпалась.

Художник-живописец М. П. Герец тоже жил на Васильевском острове. Он принес на выставку два довольно больших эскиза, один из них размером около 1,5 м в тяжелой золоченой раме. Я была поражена истощенным видом Гереца, передо мной стоял человек в последней стадии дистрофии. По-видимому, ему стоило нечеловеческих усилий проделать

С. Мочалов. За водой. 1943

длинный путь с Васильевского острова до Союза с такой тяжелой ношей. В ответ на мое замечание, что эскизы можно было принести и без рам, он ответил:

— Я хочу, чтобы на первой военной выставке мои эскизы выглядели хорошо.

Это непосильное путешествие было для него последним испытанием. На второй день после открытия выставки, 3 января 1942 года, он скончался в здании Союза.

Другой участник выставки молодой, способный художник Е. Л. Панов чувствовал себя хорошо, был всегда бодр, любил говорить о своих дальнейших творческих планах. На выставку он принес два мастерски выполненных эскиза «Постройка баррикад». Он довольно часто приходил в Союз, и мы с ним о многом беседовали. Я знала, что живет он со старушкой матерью и обеспокоен состоянием ее здоровья. Он прилагал все усилия, чтобы спасти ее. Вместе с Пановым мы рассматривали принесенные художниками работы, обменивались мнениями.

Незадолго до открытия выставки Панов решил взять один из своих эскизов домой для того, чтобы по возможности закончить работу над ним к самому открытию. Несколько дней он не появлялся в Союзе. Я была этим очень обеспокоена. Накануне нашего первого блокадного «вернисажа» я пошла к нему и с ужасом узнала, что он скончался.

Помню, эта смерть произвела на меня особенно удручающее впечатление. Ведь Панов так молод, полон надежд, бодр и стоек!

С. Юдовин. Крыши. 1944

Обе работы Панова были представлены на выставке.

Молодой скульптор С. З. Кляцкин принес скульптурную группу «Дружинница уносит раненого с поля боя». Работа обещала быть интересной, но в данном виде была еще сырой, незаконченной. Скульптор взял ее домой для доработки.

К сожалению, закончить ее ему не удалось. Он был эвакуирован с Академией художеств и в дороге умер.

Открытие первой военной выставки в условиях блокированного города, состоявшееся 2 января 1942 года, осталось в памяти всех ее участников. Несмотря на царивший в помещении холод, оно было торжественным. Зал прибрали, чисто вымели, на полу даже лежали дорожки. К работам был сделан этикетаж.

Собралось около пятидесяти художников. В этот день мороз был очень сильным, и люди пришли, укутанные во что пришлось — кто в платке, кто с обернутой шарфом головой, кто в женской теплой кофте. У большинства вид был плохой — заросшие, похудевшие, немытые. Выступил председатель Союза В. А. Серов. Его речь была горячей, полной энтузиазма, убедительной. Он говорил о том, что мы открываем выставку в необычной обстановке блокированного города, что перед художниками города-фронта стоит огромная историческая задача — запечатлеть героически обороняющийся город, прославить защитников Ленинграда

и воинов Ленинградского фронта. Оружием искусства нужно разить врага насмерть! Это помощь художников городу, фронту, стране...

На собрании с грустью вспоминали товарищей, которые не дожили до этого дня.

Открытие прошло очень хорошо. Решили пополнять выставку вновь представляемыми работами. Наметили дни просмотров. Через несколько дней набралось изрядное количество эскизов. Их просматривали члены правления, отмечали недостатки и достоинства.

В марте 1942 года мы дополнили нашу первую выставку этими произведениями. Экспозиция расширилась, на ней уже было сто двадцать шесть вещей. Интересные работы представили Пакулин, Николаев, Серов, Пахомов, Казанцев. На этот раз свои работы принесли художники, которые не участвовали в первой выставке, — по-видимому, у многих снова появился стимулирующий «выставочный» интерес.

В это же примерно время горком партии предложил ЛССХу заключить договоры с художниками на создание работ, посвященных Великой Отечественной войне. Все оживились, у художников появились перспективы материального порядка, и — главное — перспектива участвовать во всесоюзной выставке на такую грандиозную животрепещущую тему. Затем в Союз обратился штаб партизанского движения с предложением запечатлеть эпизоды из жизни и боевой деятельности партизан Ленинградской области. С этой целью некоторые наши художники были командированы на партизанские базы. Было также предложено командировать желающих в тыл врага.

Организовались две группы художников. Первая поехала в Кавголово на партизанскую базу. Эта поездка имела большое значение и для поддержания сил людей. Один из наших талантливых графиков, Е. Белуха, был очень истощен и слаб; поездка на базу дала ему возможность подкормиться, окрепнуть и вернуться в строй работающих. Другая группа, «молодежь» — А. Н. Прошкин, В. Н. Прошкин, И. А. Серебряный, А. А. Стрекавин, В. И. Курдов, А. А. Блинков — была отправлена по ту сторону фронта, в район Малой Вишеры. Многие из них участвовали в партизанских операциях. Эскизы, привезенные художниками из этой поездки, представляли несомненный интерес и послужили основой для создания большой выставки.

Между прочим, нашу первую, январскую выставку первоначально было решено сделать закрытой — только для художников. В феврале мы рискнули открыть ее для более широкого обозрения. Опыт оказался удачным: в самые трудные месяцы блокады — февраль, март, апрель — выставку посещало пятнадцать — восемнадцать человек в день! Для того времени это было непостижимо много!

Следующую нашу выставку мы открыли в мае. На ней было представлено сто пятьдесят работ. Выставка всем понравилась. Предложили открыть подобную же выставку работ, выполненных в партизанских базах. Что ж, материала накопилось достаточно, и в июне мы уже разместили выставку в первом отсеке большого зала.

Экспонировалось восемьдесят живописных и скульптурных работ.

Секретари горкома партии и представители штаба партизанского движения ознакомились с выставкой и одобрили проделанную Союзом работу.

Многочисленные графические листы представил Е. Белуха, окрепший и плодотворно поработавший на Кавголовской базе. В. Раевская написала ряд произведений на партизанские темы — «Раненый партизан», «Подпольная почта» и другие, а Н. Рутковский — картину «Где партизаны».

Интересные работы показал В. А. Серов — «Портрет редактора партизанской газеты», большую картину «Этого мы никогда не забудем», «Портрет партизана В.», эскиз «В Шахматном зале Смольного», «Автопортрет».

А. Ф. Пахомов представил несколько листов из своей серии «Ленинградская летопись». Тут же экспонировались скульптуры А. В. Петошиной-Андреевой, В. В. Исаевой, А. А. Стрекавина, В. Б. Пинчука и других.

Когда весь материал был собран, руководство Союза приняло решение объединить обе выставки — январскую и выставку работ, выполненных на партизанских базах, и открыть одну большую традиционную весеннюю выставку, посвященную Великой Отечественной войне.

12 июня 1942 года в большом выставочном зале Союза состоялось открытие этой выставки. Зал был своими силами приведен в порядок, полы вымыты, разостланы ковры, в вазах стояли букеты полевых цветов. Всех работ на выставке было около трехсот.

Кипучая деятельность В. А. Серова в годы войны просто поражала. В самые трудные, беспросветные зимние месяцы им было написано при мерцающей коптилке большое полотно «Ледовое побоище», экспонированное теперь на весенней выставке. Писал он картину в совершенно нетопленной мастерской, в теплой цигейке, в перчатках. Несколько раз в течение дня он спускался вниз для того, чтобы погреть у буржуйки закоченевшие руки. Им же была написана большая картина «Враг над городом», а к самому открытию выставки он закончил картину «Здесь прошел враг», несколько портретов воинов Ленинградского фронта и артистов, игравших в театрах осажденного города.

Большую серию пейзажей блокадного Ленинграда показал на этой выставке В. В. Пакулин. Очень часто на улицах города в отчаянную зимнюю стужу можно было увидеть человека в каком-то невообразимом головном уборе, в меховом женском жакете. Это был художник Пакулин. Он ставил свой мольберт на пустынных мостовых и неистово писал. Только особенно жестокий обстрел района или воздушный налет могли заставить его прервать работу. Удивительно поэтичные, мастерски исполненные пейзажи Пакулина глубоко волновали всех.

Большим успехом пользовались работы Я. С. Николаева «Возвращение партизана», «Проводы», «Предатель» и особенно его картина «Пурга». С чувством глубокого уважения вглядывались зрители в портреты народных мстителей — партизан, выполненные И. А. Серебряным. Привлекали внимание работы В. А. Раевской и Н. Х. Рутковского.

Много хороших отзывов получили работы графиков Е. Д. Белухи, Г. Н. Петрова, В. И. Курдова, С. М. Мочалова, Н. А. Павлова и других.

Интересную серию рисунков, посвященную жизни блокированного города, выставил Н. И. Дормидонтов.

«Ленинградская летопись» А. Ф. Пахомова потрясала своей правдивостью и трагизмом.

Афиша о выставке, расклеенная по всему городу, была выполнена художником В. Д. Двораковским. Она получила известность и широкое признание не только в Ленинграде, но и на Большой земле. Все помнят ее: на фоне весенней небесной голубизны три образные приметы ленинградской весны 1942 года — шпиль Адмиралтейства, ствол зенитного орудия, направленный в небо, и зеленеющая ветка пробудившегося к новой жизни дерева. Это лаконичное решение служило жизнеутверждающим символом возрождающегося города.

К выставке были напечатаны пригласительные билеты, составлен и выпущен каталог — первый за время войны.

Экспозицию посетил секретарь горкома партии товарищ А. И. Маханов, представители армии, командования Балтийского флота, штаба партизанского движения. Все с удовлетворением отмечали большую работу, проделанную ленинградскими художниками.

В конце июля 1942 года Союз получил предложение показать весеннюю выставку ленинградских художников в Москве. Мы тут же стали деятельно готовиться к отправке произведений из блокированного Ленинграда в столицу нашей Родины.

Работа предстояла сложная, так как с подсобной силой было очень трудно. Когда выставка организовывалась в Ленинграде, ее «оснащали» и вешали вместе со мной четыре мальчика дистрофика, живших во дворе ЛССХа. Я исхлопотала для них обеды в нашей столовой, и это во многом определило успех дела. Но демонтировка и отправка выставки в Москву представляла дополнительные трудности. Мы получили разрешение отправить работы самолетом. Необходимо было выдержать определенные габариты и вес ящиков. Я снимала работы с подрамников и наворачивала их на валы, оставшиеся от мирных времен. Помогал мне художник-макетчик И. Ю. Берзин. Труднее было с упаковкой скульптуры, которая требовала специальных ящиков и материалов. Всего мы упаковали восемнадцать ящиков и отправили их самолетом. Мне же и художнику Н. И. Дормидонтову, сопровождавшим выставку, пришлось добираться до столицы сложным железнодорожным путем. Преодолев большие трудности, мы, наконец, приехали в Москву.

Наши ящики с работами были уже здесь. Для организации выставки предоставили помещение Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. В нашем распоряжении была бригада квалифицированных сотрудников музея, которые с энтузиазмом принялись за работу.

Выставка была открыта 4 октября. Впечатление — огромное. Говоря откровенно, я несколько сомневалась, целесообразен ли такой широкий показ ленинградских работ в Москве, многое казалось сырым и носило незаконченный, эскизный характер. Сомнения почти рассеялись, когда все работы были развешаны в прекрасных залах музея. В целом выставка звучала сильно, она являла собой картину реальной жизни блокированного города.

Вместе с Николаем Ивановичем Дормидонтовым мы провели большую организационную подготовительную работу. Исхлопотали выпуск каталога. Вступительную статью согласился написать искусствовед О. М. Бескин. Придя на выставку для ознакомления с работами, Осип Мартынович был потрясен. Я увидела слезы на глазах этого человека. В течение ночи он написал пафосную, яркую вступительную статью к каталогу.

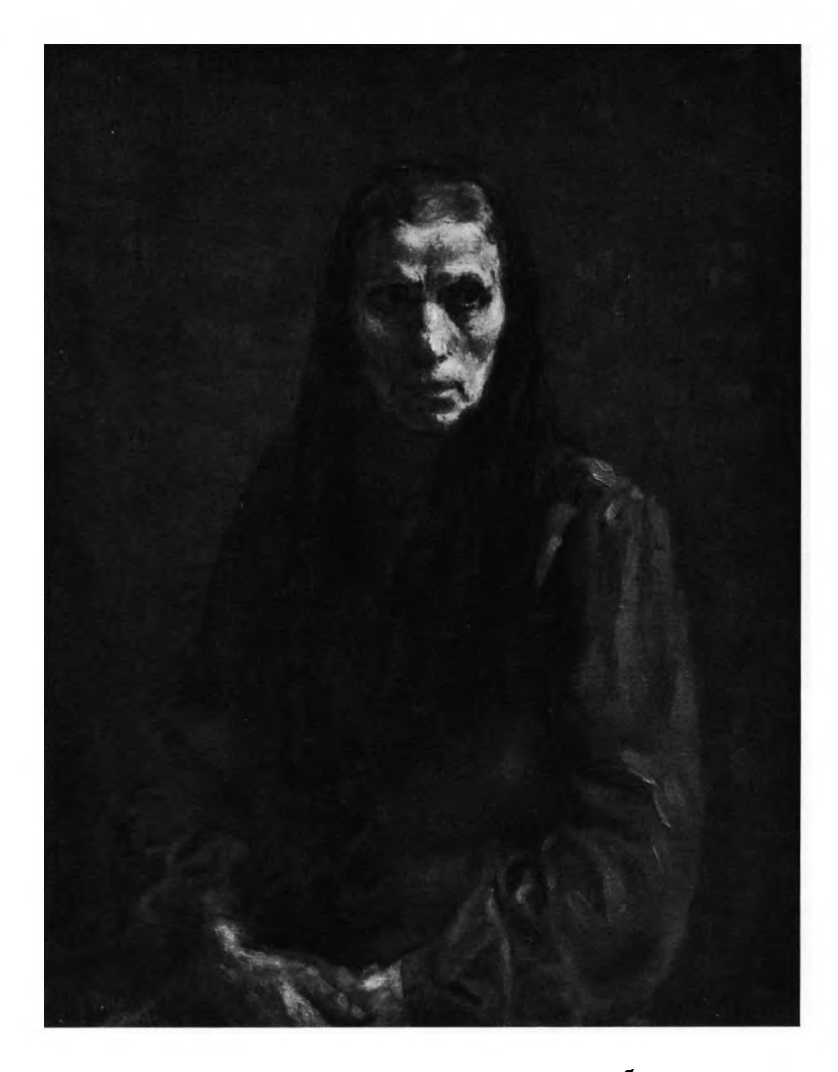
Н. Шиллинговский. Лист из серии «Осажденный город». 1942

Открытие было торжественным, залы осаждали толпы народа, люди покидали выставку с заплаканными глазами. Она вызвала исключительный интерес, вся московская печать откликнулась содержательными, взволнованными статьями. Экспозиция была целиком приобретена Советом Народных Комиссаров РСФСР и передана Государственному Русскому музею. Для ленинградских художников это было большим праздником!

В Москве мы пробыли до самого закрытия выставки. Нас осаждали корреспонденты, засыпали вопросами о жизни и работе художников в условиях блокированного города. Я подготовила экскурсоводов, сфотографировала всю выставку, сделала сообщение по радио для заграницы и отправила за рубеж фотографии многих работ.

Командировка наша кончилась, и 8 ноября мы отправились поездом в обратный трудный и дальний путь. Стояли сильные морозы, теплых вещей у нас не было. Через неделю добрались, наконец, до Ленинграда. После этой поездки я заболела и долго не могла поправиться.

С апреля 1942 года Ленинградский Союз советских художников стал проводить большую работу по устройству пользующихся большой популярностью передвижных выставок в госпиталях, эвакопунктах, воинских частях, фронтовых клубах, на переднем крае. Воин-

*В. Малагис.
Женский портрет. 1942*

ские части изо дня в день одолевали нас просьбами организовать выставку. Это было трудно, ибо работ, пригодных для экспозиции, было не так уж много. Дело дошло до того, что один начальник клуба буквально похитил у другого выставку, чтобы показать ее у себя в части. Автолитографии А. Ф. Пахомова «Ленинградская летопись», экспонированные в одной фронтовой воинской части под Ленинградом, дошли с нашими войсками до Берлина. В местах стоянок частей умелые начальники клубов разворачивали эту выставку и затем передавали ее в другую часть. Таким образом вместе с «катюшами» наше искусство гнало врага с советской земли!

Обычно в воинских частях и на переднем крае организовывались выставки графических работ и плакатов «Боевого карандаша». На переднем крае они имели огромное агита-

ционное значение. Бойцы шли в атаку, видя в этих образах своих матерей, жен и сестер, уводимых в неволю фашистскими извергами. Горящие города, пылающие деревни, концентрационные лагеря, обнесенные колючей проволокой, полные горя и гнева лица советских людей, исстрадавшихся под фашистской пятой, взывали к мести, разжигали чувство священной ненависти к врагу.

Необычайными были художественные выставки в военных госпиталях. Первым с просьбой организовать экспозицию обратился к нам эвакогоспиталь № 62. Я поехала посмотреть помещение и стала продумывать, как сделать выставку в столь трудных условиях. А ведь было над чем подумать! Людям, вернувшимся с передовой, тяжело раненным, жестоко страдающим, вряд ли будет интересно смотреть работы художников. Предполагалось организовать выставку сроком дня на два, на три. Я отобрала около сорока работ и с помощью двух солдат развесила их в большом зале. В первый же день явилось около семидесяти человек; они подолгу простаивали перед картинами. В течение трех дней я с 9 часов утра до 9 вечера проводила экскурсии с легкоранеными. Скажу откровенно, что во время первой экскурсии язык меня не слушался, я все боялась, что не сумею заинтересовать раненых воинов, что они не поймут, не оценят труд художников. Но я быстро воспряла духом. Раненые с интересом смотрели вещи, слушали мои пояснения, не хотели покидать зал, расспрашивали, как работают художники, как они пишут, как создавалась та или иная картина, откуда художники знают фронтовую жизнь и так далее, и так далее.

Комиссар госпиталя обратился ко мне с просьбой показать тяжелораненым, не имеющим возможности передвигаться бойцам и командирам некоторые картины с выставки. Я взяла эскиз к картине В. А. Серова «Этого мы никогда не забудем» и небольшую батальную работу И. А. Владимирова (точно не помню ее названия) и понесла их прямо в палаты к тяжелораненым. Рассказала им о том, что у нас в Ленинграде есть художники, которые много работают, чтобы помочь фронту, стране. Меня слушали со вниманием, задавали вопросы. Этот первый опыт принес большое удовлетворение. Не только раненые, но и медицинский персонал был заинтересован выставкой и просил провести с ним экскурсию.

После этого удачного опыта в Союз художников стали обращаться представители многих госпиталей с настойчивыми просьбами организовать выставку и у них. Вскоре работы ленинградских живописцев и графиков были показаны в эвакогоспиталях № 97, № 226, № 926, на эвакопункте № 140 и в Доме отдыха фронтовиков. Передвижные выставки были устроены также на курсах политсостава резерва Ленинградского фронта, на строительно-пулеметных курсах младших лейтенантов, в концертном зале общества камерной музыки, в фойе кинотеатров.

Часто устраивались и встречи с художниками. Особенно интересной была встреча на курсах политсостава Ленинградского фронта в мае 1943 года. Поехали туда В. А. Серов, Н. Х. Рутковский, Н. А. Павлов, А. Ф. Пахомов, В. Б. Пинчук и другие. Сразу установилось душевное общение. Живо и горячо говорил Серов. Он рассказал о работе художников. Н. Павлов, только что вернувшийся с Ладоги, где он попал под бомбежку и получил

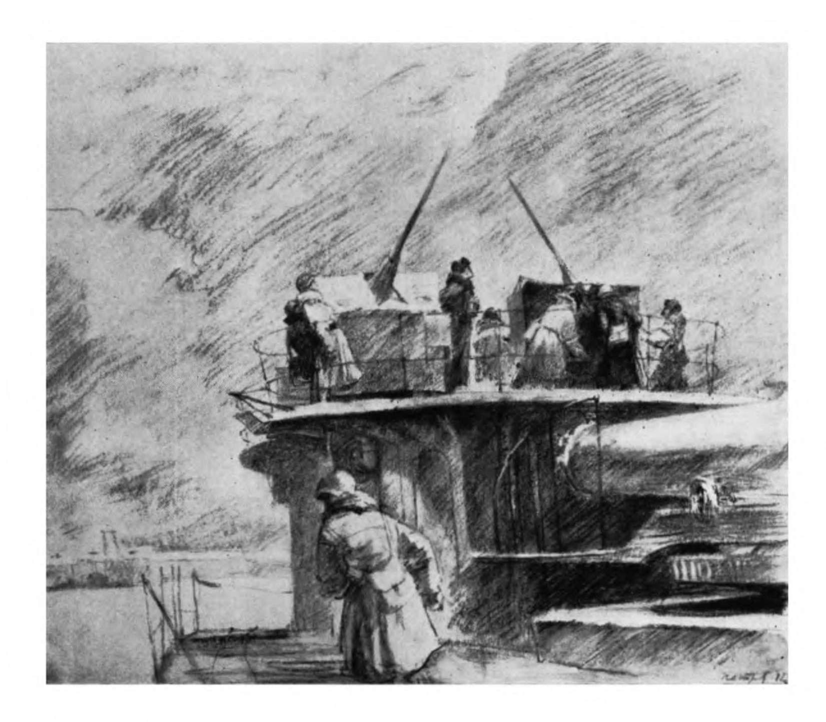
несколько ранений, был перевязан. Его очень тепло встретили. Он говорил о своей работе во флоте. Народу было очень много, слушали с большим вниманием.

Таких встреч было проведено несколько. Правление Союза не раз получало письменные благодарности от командиров и комиссаров частей и соединений, от Политуправления Ленинградского фронта.

18 января 1943 года была прорвана блокада Ленинграда. Выступая поздно ночью по радио, В. А. Серов, И. А. Серебряный и А. А. Казанцев дали обещание к 23 февраля, ко дню празднования 25-й годовщины создания Красной Армии, написать большую картину-панно «Прорыв блокады». Это обещание они выполнили. На выставке, открытой 23 февраля в Доме офицеров, действительно висело огромное полотно «18 января 1943 года», написанное в рекордный срок—за один месяц.

Здесь экспонировалось сто семьдесят работ—живопись, графика, скульптура, керамика. Выделялась большая серия портретов героев Ленинградского фронта, написанная И. А. Серебряным и В. А. Серовым.

Значительными работами были представлены А. А. Казанцев («Русская женщина», «Переправа через реку «Н»), В. Н. Прошкин («Ладога»), И. А. Серебряный («Партизаны-лесгафтовцы»).

Г. Петров.
Зенитчики. 1942

Е. Белуха. Зенитки на набережной Невы. 1942

Надо отметить, что эта выставка многим отличалась от выставки, экспонированной в Москве. В некоторых работах, выполненных более законченно, не чувствовалось того глубокого трепетно-острого восприятия образов и событий, которое на весенней выставке рождало у зрителей непосредственное ощущение пережитого. В среде художников разгорелись творческие споры. В связи с этим правление Союза решило организовать обсуждение выставки, которое состоялось 6 марта 1943 года и было первым за годы войны. Происходило оно в специфических условиях военного времени; обсуждение началось в большом выставочном зале Союза, но из-за жестокого обстрела (осколки снарядов попадали через поврежденную стеклянную крышу прямо в зал) его пришлось перенести в мастерскую Серова.

Споры продолжались несколько дней. В итоге оживленного товарищеского обмена мнениями было решено добиваться еще более тесной связи художников с армией, с фронтом.

В марте участились поездки групп художников на передовые линии. Ездили Казанцев, Ксенофонтов, Пакулин, Пинчук, Владимиров. Обогатившись впечатлениями, они сделали много портретов и фронтовых зарисовок.

К концу войны было организовано несколько персональных выставок. Интересно прозвучала в сентябре 1943 года выставка В. М. Конашевича. Живопись, рисунок, книжная

иллюстрация, автолитография—около трехсот работ широко знакомили ленинградцев с творчеством этого мастера.

Выставка пяти была открыта в залах Государственного Русского музея в 1944 году. На ней демонстрировались произведения Пакулина, Конашевича, Пахомова, Рудакова и Стрекавина. Высокое профессиональное мастерство, жизнеутверждающая мажорность, цветовая напряженность—вот, пожалуй, те общие творческие черты, которые объединили эту группу художников.

В том же 1944 году в помещении ЛССХа была открыта выставка акварелей С. Г. Невельштейна—первая выставка вернувшегося с Большой земли художника; она была воспринята с интересом и симпатией.

Выставка акварелей А. С. Ведерникова и А. М. Романова «Пулково—Псков—Пушкин» показывала разрушенные фашистскими захватчиками замечательные окрестности Ленинграда. Кроме творческого интереса, она имела еще и историко-документальное значение, фиксируя разрушения, причиненные нашим архитектурным сокровищам фашистскими варварами.

Была организована также юбилейная выставка старейшего ленинградского художника В. А. Кузнецова в связи с его семидесятипятилетием. На ней было представлено большое число работ, начиная с дореволюционных и кончая выполненными в годы Великой Отечественной войны.

Заканчивая неполный обзор выставочной деятельности Ленинградского Союза советских художников, следует упомянуть о небольшой выставке эскизов и рисунков К. И. Рудакова к «Евгению Онегину» и о выставке А. П. Остроумовой-Лебедевой.

В годы войны и блокады ленинградские художники приняли активное участие и в двух международных выставках—в Иране и в Англии, что также характеризует большую и разностороннюю деятельность ЛССХа в исключительно трудных условиях города-фронта.

ИЗ КНИГИ ОТЗЫВОВ НА ВЕСЕННЕЙ ВЫСТАВКЕ ЛЕНИНГРАДСКИХ ХУДОЖНИКОВ[1]

Когда от голода, в зиму 1941/42 года, погибла моя сестра и ее муж, когда умирал их ребенок, я не плакал. Смерть стояла за моей спиной. Имя этой смерти—Гитлер. Но мы оказались сильнее смерти. Ленинград выстоял. А вот рассказ кистью художника об этой схватке со смертью заставил меня заплакать, ожесточил еще больше мое сердце, усилил мою ненависть к фашистам.

Прочти, боец, мои слова, посмотри картину Я. Николаева «Пурга» и запомни, что только гранатой, штыком, пулеметным ливнем, бомбами надо ответить врагу за наши муки.

---

[1] Выставка была открыта 30 мая 1943 года в помещении Ленинградского Союза советских художников.

П. Бучкин. За водой. 1942

Умерла моя сестра, ее муж. Я спас их ребенка. Он часто говорит мне: «Я пойду на фронт». Но ведь он еще ребенок.

Убей фашиста, боец, отомсти.

Подпись

Выставка этого года очень хороша. Несмотря на трудность условий, созданных войной, общий качественный уровень нашей выставки выше, чем на выставках довоенных. Сильная вещь Серова: «Мы этого никогда не забудем», как по живописному исполнению, так и по теме. Большое впечатление получаешь также от картины «Балтийцы». Хороши живописные работы Николаева Я. «Пурга». Хороши и этюды Казанцева. Бесподобно оформление «Ревизора» худ. Рудакова—замечательные вещи.

Много можно было бы еще отметить—Рутковского и др., вообще выставка хороша. Честь и слава ленинградским художникам.

Подпись

Я не могу подыскать более сильных и убедительных слов для выражения тех мыслей и чувств, которые я выношу из зал выставки, нежели те слова, которыми названа картина тов. Серова: «Мы этого никогда не забудем».

Зверства врага, раны города, безымянные герои, беженцы и, наконец, просто страдания человека. . . все это увековечилось чуткими и умными руками наших ленинградских художников.

Я, ленинградка, пережившая блокаду города, потерявшая всех самых близких мне людей, особенно восприняла ваши картины, товарищи художники. Меня одинаково убеждают в совершающейся несправедливости и жестокая расправа в Вашей большой (по силе) картине, тов. Серов, тупое страдание человека и беспредельная тоска и усталость в Вашей «Пурге» и портрете Петровой, тов. Николаев, обломки и разрушения моего любимого города в Ваших картинах, тт. Белуха, Кучумов, Пахомов и Павлов. Ваши картины меня глубоко взволновали. Если это уместно и своевременно—спасибо Вам, тт. художники. Спасибо и Вам, тов. Тимков, за улыбку в Ваших солнечных этюдах. Это так нужно.

Подпись

Время очень дорого, тем не менее решил урвать несколько минут для осмотра выставки. Все два года войны я прожил в Ленинграде. Я спокойно переношу бомбежки и артобстрелы, но, должен сознаться, что увиденные мной на выставке картины меня глубоко взволновали. Перед глазами прошла галерея потрясающих эпизодов, столь памятных ленинградцам. Картины «Эвакуация детей», «Пурга», «Кухня», «Мы этого никогда не забудем», «Ленинградский пейзаж», «18 января 1943 года»—ярки и надолго запечатлеваются в памяти. Спасибо, товарищи художники.

Подпись

Спасибо вам, что в такое тяжелое время вы отобразили жизнь нашего любимого города. Много прекрасных картин, особенно много хорошего в этюдах, которые просятся на большие полотна.

Прекрасная работа—портрет артистки Петровой, автопортрет Рутковского, Янкова «Огород».

Пожелание: пока свежо в памяти все пережитое, дайте и отразите в картинах все упущенное, так как тогда будущие поколения будут благодарны Вам, как благодарны сегодня мы.

Подпись

Большое спасибо ленинградским художникам, сумевшим в дни суровых испытаний, выпавших на долю Ленинграда, невзирая ни на что, творчески работать. Особенно удивлен работоспособностью и ростом художника В. А. Серова. Очень хороши портреты Серебряного, неплохие работы у Николаева Я. Хорошо передана фронтовая жизнь в рисунках Николаева В. А. Большое впечатление производят работы художников Белухи, Тимкова, Пакулина и других. Желаю художникам дальнейших творческих успехов.

Подпись

Впечатление от просмотра выставки—потрясающее. Я, ленинградка, живу в Ленинграде как многие, тружусь как многие. Люблю искусство и поражена тем, что такую большую, поистине титаническую работу сделали ленинградские художники в условиях блокады. Такой труд—труд настоящего героя. Особенно понравился труд художника Тальянцева «Один на один», художника Серова В. «Мы этого никогда не забудем», художника Николаева «Пурга». Большая благодарность всему творческому коллективу за гигантский труд.

Подпись

Молодцы художники-ленинградцы. Их кисть дышит гневом и местью. Особенно хороши в своих работах художники Серов, Николаев, Пакулин и Казанцев.

Спасибо Вам, дорогие друзья.

Подпись

В трудные дни блокады выставка является одним из замечательных явлений нашей действительности. Изображение в портрете и видах города незабываемых дней 1941—1943 гг. останется памятником для будущих счастливых поколений.

Ленинградские художники проделали большую почетную работу. Спасибо им.

Очень хороши зарисовки города художника Пакулина, исполненные с большой любовью и чуткостью, чрезвычайно приятные по колориту.

Как всегда хорош В. Н. Кучумов. Ран Эрмитажа мы тоже не забудем, как нельзя простить ран, нанесенных врагом близким и дорогим существам.

Замечательны картины В. А. Серова, нельзя без волнения смотреть на них.

Художник Раевская отметила в своей картине «Эвакуация детей в 1941 году» один из самых горьких и мучительных моментов в жизни ленинградцев. Думаю, что многие плакали над этим полотном. . .

Подпись

Вспоминая с ужасом прошлое, невольно сжимаешь кулаки с мыслью, что за «это» нужно отомстить. Художникам Ленинграда, давшим эти картины, взывающие к мести—великая благодарность.

Подпись

Н. ДОРМИДОНТОВ

С ВЫСТАВКОЙ В МОСКВУ

Во второй половине 1942 года в Ленинграде оставалось всего несколько десятков художников, да и этот небольшой, но сплоченный коллектив каждый месяц нес тяжелые потери. Однако в здании Союза художников, чудом сохранившем стекла почти во всех окнах, жизнь ни на мгновение не замирала. С первого же дня войны всем стало ясно, что в дни испытаний, в дни борьбы с сильным и жестоким врагом, оружие художника—его искусство—может разить так же метко, как и снайперская винтовка.

Созданные ленинградскими художниками многочисленные плакаты и лозунги призывали граждан Ленинграда стать на защиту Родины. Всюду пестрели листы «Окон ТАСС» и «Боевого карандаша». О мужестве и стойкости советского народа, о его непреклонной вере в победу говорили в самую трудную военную пору монументальные панно, поставленные на площадях и главных магистралях города. В воинских частях и на боевых кораблях, в партизанских отрядах и на аэродромах, всюду бывали художники, собирали материал для своих картин, скульптур, литографий, рисунков.

В середине 1942 года в Союзе художников возникла мысль показать в Москве выставку-отчет о работе художников Ленинграда.

Нетрудно было собрать работы, но как переправить их через кольцо блокады? Выход, хотя и опасный, подсказывала обстановка. Было известно, что самолетам удавалось под обстрелом фашистских зениток проходить на большой высоте над линией фронта.

Мысль об организации выставки в Москве была одобрена партийными инстанциями.

Вот в ЛССХ уже свезены работы, предназначенные для выставки, уже отобраны лучшие, наиболее достойные. Первоначальный список дополнен новыми, только что законченными произведениями. Быстро, хотя и с большими трудностями, сколочены ящики для картин, небольших скульптур, эстампов, рисунков, плакатов. В назначенный день приходят грузовики, забирают ящики и увозят на аэродром.

Другим, куда более сложным путем должны были пробиваться в Москву два представителя ленинградских художников—Анна Марковна Земцова, заведовавшая выставочным сектором ЛССХа и автор этих строк.

В серенький сентябрьский день мы начали этот путь. Финляндский вокзал, пробитый многими бомбами и снарядами, казался неживым. Только на одной платформе толпились люди, эвакуировавшиеся из города. Это были истощенные, обессилевшие ленинградцы. Сильно укороченный поезд направлялся до станции Борисова Грива. Весь этот короткий путь он шел медленно, как бы ощупью, часто останавливаясь. После долгого ожидания в Борисовой Гриве грузовые машины доставили нас к самому берегу Ладожского озера. Здесь мы пересели на небольшой военный катер и по спокойной в тот день

Н. Дормидонтов. Очистка города. 1942

воде пересекли озеро. Вдали—на юге—голубым силуэтом виднелся город Шлиссельбург, занятый фашистами.

До селения Кабоны, на том берегу, нам нужно было пройти по вязкому песку несколько километров. На обочинах дороги валялись брошенные еще зимой заржавевшие детские санки. Кое-где можно было видеть полуистлевшие обрывки одежды. Все это отмечало тяжкий зимний путь эвакуировавшихся из города обессиленных ленинградцев. Что могло заставить голодных, полуживых людей отказаться от санок, от этой по тем временам единственной возможности спасти последние свои пожитки? Налет фашистских самолетов, смерть от истощения? Какие трагедии разыгрывались здесь?

До вечера мы ждали в Кабонах товарного поезда, которым нужно было проехать километров двадцать до станции Войбокала. Продрогшие (в холодную ночь ехали на открытой платформе), утром добрались мы до станции. Здесь все оказалось разрушенным, но рельсовый путь, один-единственный, был вновь проложен. Этим путем и доехали мы до Тихвина, тоже сильно разбитого. Дальше следовала Вологда, затем Вятка. На отрезке

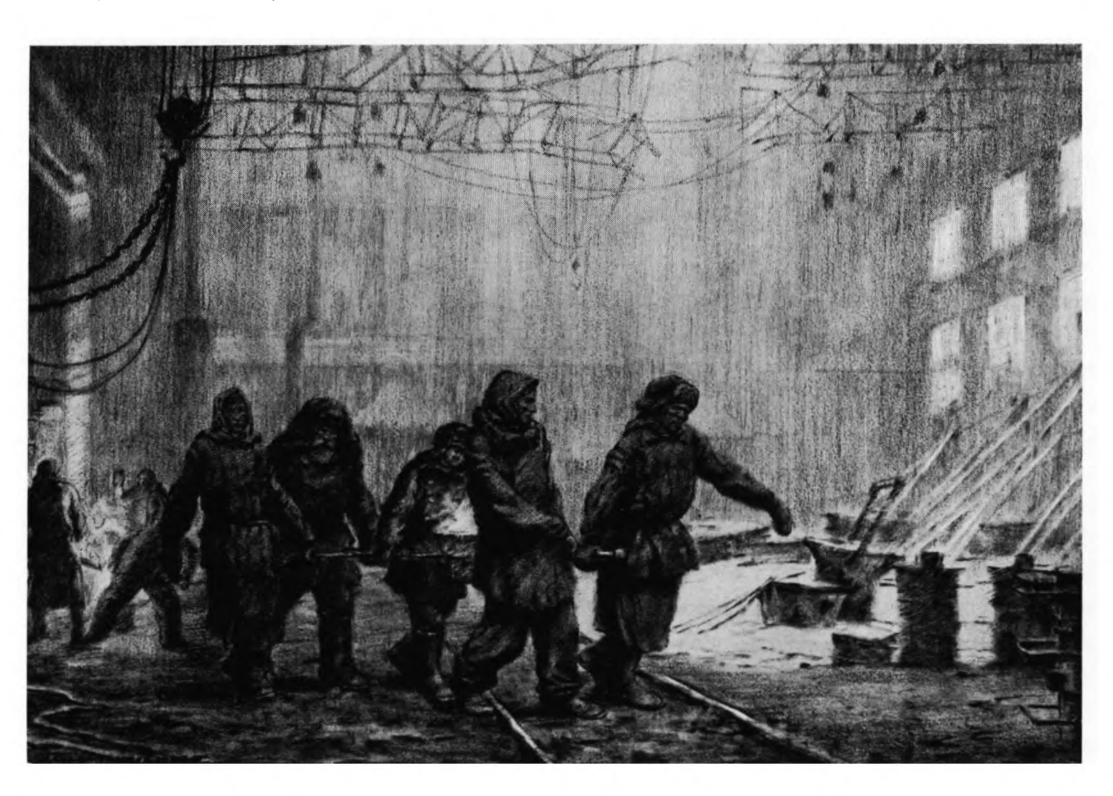
пути Вятка—Москва мы попали в пассажирский вагон, очень чистый, недавно, видимо, окрашенный. Но что доставило нам здесь особенное удовольствие—это свежий, яркий, золотистый свет лампочки. В вагоне был электрический свет! За нескончаемо долгие месяцы блокады ленинградцы отвыкли от электричества. То, что по всей справедливости именовалось «коптилкой», давало больше густых черных теней, чем слабого безрадостного света.

Одна за другой мелькали за окном подмосковные станции, наш путь приближался к концу, и нам жаль было расставаться с таким благоустроенным вагоном, а как часто можно было тут мыться!

Пять суток мы были в пути, и на шестые в каком-то сложном, но радостном душевном состоянии вышли, наконец, на привокзальную площадь Москвы.

Совсем недавно трудные дни испытаний пережила и Москва, но сейчас, с первого же взгляда, можно было понять, что в сравнении с нашим Ленинградом столица жила совсем иначе. По площади мчались автобусы, трамваи, автомобили. На улицах было множество пешеходов. Мы отвыкли от такой деятельной сутолоки. Москва сразу произвела на нас сильное впечатление полнокровным биением жизненного пульса.

Н. Дормидонтов. В горячем цеху. 1943

Н. Дормидонтов. Зарево над Ленинградом. 1943

В первые же дни мы встретились с художниками, искусствоведами, работниками музеев, большей частью знакомыми еще с довоенных времен. Нас принимали с дружеской теплотой, расспрашивали обо всем, что относилось к Ленинграду, и, конечно, о судьбе художников, многих из которых уже не было в живых. Было решено, что наша выставка должна разместиться в залах Государственного музея изобразительных искусств имени А. С. Пушкина. Заместитель директора этого музея В. А. Чернова отнеслась с большим воодушевлением к порученному ей делу.

После того как экспонаты были доставлены с аэродрома, В. А. Шквариков, начальник отдела Изо Комитета по делам искусств, попросил познакомить хотя бы с некоторыми работами художественную общественность Москвы, очень интересовавшуюся предстоящей выставкой. Встреча была назначена в самом Комитете. Нам пришлось ограничиться показом одних только графических листов, так как перевозка картин и скульптур была слишком затруднительна.

Интерес московских художников был действительно очень велик. В зале, отнюдь не маленьком, все места заняли задолго до начала беседы. Пришли почти все известные художники, а также многие писатели, журналисты, актеры.

Показывая работы, мы давали необходимые объяснения, отвечали на вопросы. Весь процесс демонстрации работ проходил в искренней, дружеской атмосфере. Во всех выступлениях отчетливо звучало признание высоких художественных достоинств работ ленинградских художников.

Дни, предшествовавшие открытию выставки, были для нас весьма хлопотливыми. Приходилось ежедневно бывать в музее, беседовать со многими сотрудниками газет и журналов, бегать по разного рода учреждениям, а физических сил было очень мало.

Наконец, в солнечный осенний день, 4 октября 1942 года, выставка открылась. Четыре музейных зала залиты светом; на паркете, хорошо натертом, постланы новые дорожки вишневого цвета; множество живых цветов. . . Экспонировалось около четырехсот произведений ленинградских художников.

Картины, графические и скульптурные работы рассказывали о первых трудных месяцах войны, о строительстве оборонительных сооружений, о солдатах, летчиках и матросах, о партизанах, о жизни блокированного города. К защите родной земли, к обороне города Ленина звали плакаты и листы «Боевого карандаша». Все эти работы как бы развертывались перед взволнованными зрителями длинным свитком, правдиво запечатлевшим тяжкий жребий Ленинграда. Это были не только произведения искусства—это были документы истории. Художники не вносили в свои работы ни единой ноты безнадежности или отчаяния. Напротив, их произведения выражали непоколебимый дух защитников Ленинграда, говорили о любви к Отчизне, об уверенности в победе.

Как только распахнулись двери музея, множество зрителей заполнили залы. Здесь были военные и ученые, артисты и писатели, репортеры и фотографы и, конечно, художники. Казалось, вся Москва устремилась сюда!

По мере ознакомления с выставкой лица зрителей становились все сосредоточеннее, а выражение глаз делалось жестче и тверже. Гости этой необычайной выставки, встречаясь в гардеробной, весело, как это всегда бывает, приветствовали друг друга, но после осмотра первых же работ голоса их стихали, а в последнем, четвертом, зале царило уже полное, ничем не нарушаемое молчание.

Так прошел первый день. Видимо, выставка и в самом деле производила глубокое впечатление. Всюду в Москве о ней велись разговоры, и посетителей с каждым днем становилось все больше и больше. Печать откликнулась статьями, написанными в горячем, взволнованном тоне. Не было газеты, которая бы не поместила обзора выставки.

Особенно почетным было посещение нашей выставки Советом Министров РСФСР. Работы осматривались внимательно и подробно, а через несколько дней мы узнали о решении правительства приобрести полностью всю выставку. В этом выразилось не только желание правительства оказать материальную поддержку художникам, но, что еще более ценно, признание значительности того, что было сделано ленинградскими мастерами.

13 октября состоялось обсуждение выставки. После вступительного слова заместителя председателя оргкомитета Союза советских художников СССР М. Г. Манизера, отметив-

шего, что экспонаты выставки по своим художественным достоинствам превзошли самые оптимистические ожидания, с большим докладом выступил председатель правления ЛССХ В. А. Серов, прибывший к тому времени в столицу. Затем говорили искусствоведы и литераторы, художники и зрители. Все высоко оценивали показанные в Москве работы и называли подвигом деятельность ленинградцев.

В эти же дни в Третьяковской галерее шла подготовительная работа к открытию всесоюзной выставки «Великая Отечественная война». В ее экспозицию должны были войти и работы ленинградцев. Поэтому наша выставка была открыта всего две недели. В день закрытия, 18 октября, народу собралось так много, что к некоторым работам было невозможно подойти.

5 ноября, поблагодарив всех, кто нам помогал, и попрощавшись с друзьями, мы тронулись в многотрудный обратный путь.

Ехали мы в пассажирском вагоне, даже отапливаемом, но приходилось не раз, после долгого ожидания на холоде, ехать в теплушке, промерзшей насквозь. Так двигались мы до Кабон, где ждало нас самое тяжелое испытание.

Проделав последний отрезок пути пешком от Кабон до Ладожского озера, мы вступили на занесенный снегом узкий и длинный пирс, далеко уходящий в озеро. С нами шло еще несколько человек, возвращавшихся из командировок.

Морозный ветер нес с берега колючий песок, смешанный со снегом. Дойдя до конца пирса, мы убедились, что озеро вплоть до самого горизонта покрыто льдом. О переправе водным путем не могло быть и речи. По тусклому, серому небу гряда за грядой уныло тянулись зимние тучи. А Ленинград был так близок! И это расстояние, совсем небольшое, сейчас никак нельзя было преодолеть!

Матрос, вышедший из будки, на крыше которой торчала зенитка, сказал, что озеро покрылось льдом на несколько километров и что катеру с ним теперь не справиться. Очевидно, придется ждать неопределенное время, пока с той стороны не пришлют более мощное судно, способное сломать лед, пока еще не очень толстый. Уйти в Кабоны мы не могли решиться, потому что судно могло прийти в любой момент—сегодня, а может быть, через неделю!

Никакого укрытия от мороза на пирсе не было. В одном только месте были сложены метровой длины дрова. Только они, когда-то сырые, а теперь промерзшие и занесенные снегом, в какой-то степени могли защитить от ветра. У каждого из нас был хлеб и немного масла. Соли не было. Вокруг свай, поддерживавших пирс, вода не замерзла. Опуская на веревке кружку, можно было достать воды, чтобы напиться. В дороге Анна Марковна потеряла перчатку. На двоих у нас было три перчатки.

Итак, нужно было запастись терпением. Мы стали ждать. Утро перешло в день, день склонился к вечеру, вечер перешел в ночь. По временам слышен был ноющий звук немецких самолетов. Часто били зенитки. Так прошел первый день, первая ночь. Так же прошел и второй день и вторая ночь. К этому времени на пирсе скопилось не менее двухсотпятидесяти—трехсот человек, которым, как и нам, нужно было попасть в Ленинград.

Прошел и третий день, прошла и третья ночь. Холод, недоедание окончательно надломили наши силы. Появились какие-то провалы в сознании. На четвертый день пирс, черный от скопившихся на нем людей, заволновался.

Пронеслось известие, что идет судно, которое должно снять нас, и что, если понадобится, придут и другие суда.

Первый небольшой корабль, пробив лед, захватил столько людей, сколько мог взять. Из-за толчеи и давки у узеньких сходней мы даже не пытались попасть на это судно. К вечеру пришел второй корабль, который захватил всех оставшихся.

В трюме, где люди стояли плечом к плечу, приятно было ощущать, наконец, тепло, которого мы так давно были лишены.

Переезд через озеро и на этот раз прошел благополучно. Радостное сознание, что совсем близко Ленинград, помогло нам провести последнюю мучительную ночь в холодном вагоне. Утром мы были в родном городе.

В Союзе художников мы без конца рассказывали обо всем, что касалось выставки, Москвы, московских товарищей. Несмотря на беспримерно тяжелые условия, в которых находились ленинградцы, эти известия вызывали у художников новый душевный подъем и желание работать с удвоенной силой, создавать новые произведения.

К. АРДЕНТОВА

О ЛЕНИНГРАДСКИХ СКУЛЬПТОРАХ

В архиве покойного ленинградского скульптора В. Я. Боголюбова сохранилось небольшое письмо, написанное не слишком грамотно на листочке белой бумаги, вот оно:

«Вениамин Яковлевич!

Я чувствую, что во время работы Вы затрачиваете много энергии и калорийность употребляемой пищи для Вас недостаточна. А поэтому, у меня есть излипший хлеб— будьте добры, возьмите его.

21/1—42 г. Федор Иванович»

Как много говорят эти строчки, написанные неизвестным Федором Ивановичем в самое страшное время, какое видел осажденный Ленинград в период Великой Отечественной войны.

Это письмо, адресованное Боголюбову, который в числе немногих скульпторов оставался в городе в период блокады,—яркое свидетельство трогательной заботы простых советских людей о своих художниках. История воистину не знала еще такого тесного единения людей искусства со своим народом, какое оказалось возможным в социалистическом обществе и так ярко проявилось в годы Великой Отечественной войны в осажденном городе.

Ленинградские скульпторы с первых же дней войны принимали участие в работах, связанных с обороной Ленинграда. Их умелые руки бережно упаковывали бесценные сокровища Эрмитажа и Русского музея, готовя их для эвакуации или длительного хранения в укрытиях. Скульпторы осуществляли маскировку жизненно важных промышленных и военных объектов, состояли в отрядах МПВО и в сандружинах, дежурили долгими ночами на крышах, тушили зажигательные бомбы, оказывали первую помощь пострадавшим. Они убирали улицы города и выращивали овощи в скверах Ленинграда и его пригородах, мужественно переносили голод и холод, вражеские бомбардировки и обстрелы.

Но участвуя в обороне города, они не переставали быть художниками. Они обязаны были пристально смотреть на самое страшное, чтобы суметь выразить в художественных образах жестокие страдания и беспримерное мужество своих сограждан.

Вместе с живописцами и графиками ленинградские скульпторы выполняли свой патриотический долг. Они создавали художественные листовки и плакаты, панно и барельефы, статуи и скульптурные композиции, призывавшие к защите социалистической Родины, рассказывавшие о боевых буднях и подвигах ленинградцев. В самые тяжелые дни зимы 1941/42 года они участвовали своими произведениями на выставке, открывшейся в неотапливаемых залах Союза художников. Позже они не раз демонстрировали свои работы на всех художественных и тематических выставках, устраиваемых в Ленинграде, отчитываясь тем самым перед своими согражданами.

В пластических образах ленинградские скульпторы создали своеобразную летопись исторической обороны Ленинграда. В небольших эскизах, а порой и в монументальных формах запечатлели то, чем жил в те годы город-воин. Ими создана обширная галерея Героев Советского Союза, воевавших на Ленинградском фронте,—выразительные портреты солдат, бойцов МПВО, партизан. И если, быть может, некоторые из этих произведений бывали порой в художественном отношении несколько ниже возможностей автора, то их общественное и историческое значение трудно переоценить.

К сожалению, многие работы, созданные в блокированном Ленинграде, безвозвратно погибли, а об иных сохранились лишь беглые упоминания.

Мало рассказывают и сами скульпторы о себе. Как все ленинградцы, они не считают своей особой заслугой, что оставались в осажденном городе, что продолжали работать как художники, что жили и боролись вместе с согражданами против ненавистного врага. В их скупых рассказах все выглядит сурово, обыденно и просто. Авторы не стремятся усилить впечатление теми или иными эффектными деталями. Вспоминая дни Великой Отечественной войны, они охотнее рассказывают о своих товарищах, оставаясь сами в тени. К сожалению, подлинных документов, относящихся к этому времени, почти не сохранилось. И все же можно и следует говорить о том серьезном вкладе в сокровищницу советского изобразительного искусства, который несомненно был сделан скульпторами блокированного города.

ВСЕВОЛОД ВСЕВОЛОДОВИЧ ЛИШЕВ

От Песочной улицы на Петроградской стороне до угла Шестой линии Васильевского острова и Среднего проспекта путь неблизкий. Он кажется еще длиннее от того, что с каждым днем убывают силы, от того, что на улицах рвутся снаряды и часто приходится укрываться по сигналу «тревога».

Но идти все-таки надо. Славный старик с добрыми ясными глазами ожидает свою маленькую модель и беспокоится о ней.

Девочке всего двенадцать-тринадцать лет, но, потеряв дом и родных, она уже много пережила на своем коротком веку. Когда фашисты подошли к ее родному Новгороду, она под обстрелом бежала из города. Последний пароход, уходивший на неоккупированную сторону, подобрал ее. Так очутилась она в Ленинграде у своего родственника — формовщика Д. М. Бройдо. А теперь старый скульптор Всеволод Всеволодович Лишев делает ее портрет. Он сказал ей, что она смелая, отважная девочка и что свою работу, для которой она позирует, он назовет «Беженка». Но ведь она и в самом деле беженка — беженка из Новгорода.

...Только уж очень холодно, когда приходится долго сидеть неподвижно, позируя скульптору. Его мастерская находится на четвертом этаже, и потолок в ней наполовину стеклянный. Он объединяется с большим, чуть ли не во всю стену окном. От окна сильно дует, а в мастерской уже давно не топлено.

В. Лишев. Проверка документов. 1942

Еще хуже стало, когда где-то рядом разорвался снаряд и часть стекол вылетела. Вместо них вставили листы фанеры и картона, кое-где битые стекла заклеили бумагой. В мастерской убавилось света и стало еще холоднее; два новых снаряда, упавших поблизости, сделали работу совершенно невозможной.

Но портрет был уже закончен, осталось отформовать его в гипсе. Формовку «Беженки» и ряда других работ пришлось производить уже в заметенной снегом мастерской, где было так же холодно, как на улице. Это сделал Матвей Евстафьевич Громов.

— Хороший, честный человек и большой мастер своего дела,—сказал В. В. Лишев, тепло вспоминая о нем спустя восемнадцать лет.

...Мы вели наш разговор со Всеволодом Всеволодовичем в той же мастерской, где два десятилетия тому назад ему позировала девочка. Голова «Беженки», отлитая в гипсе, стояла на одной из полок, опоясывающих стены мастерской. Перед нами совсем юная девушка, почти ребенок. Стриженые волосы, закрывая уши, обрамляют густыми прядями ее осунувшееся лицо. Наклон головы, нервно сдвинутые брови, опущенные вниз большие глаза и какое-то скорбное выражение лица свидетельствуют о тяжелых переживаниях, выпавших на долю девочки. Но есть в ее портрете что-то говорящее о духовной силе маленького советского человека, мужественно и с достоинством встретившего испытания.

— Покинув мастерскую,—вспоминал Лишев,—мы перебрались с женой этажом ниже, в квартиру родственников. От больших работ пришлось отказаться, но не лепить я не мог. События развивались с возрастающим напряжением, и я считал своим долгом по возможности точно запечатлевать для истории то, что происходило перед глазами.

В начале войны я сделал две аллегорические композиции —«Драка первобытных» и «Драка». В отвлеченных образах я хотел отобразить события, происходившие на мировой арене за пределами Советского Союза. Обе работы варьировали мысль о том, что война— варварство, недостойное цивилизованного человечества...

В. Лишев. Похороны. 1942

Члены бригады Н. Томского работают над агитплакатом в 1942 году

Первобытные дрались из-за пищи, это было для них вопросом жизни, а милитаристы XX века? Ради чего ввергают они человечество в жесточайшие войны?.. Но вот война пришла в Ленинград, пришла на мою улицу. Около нашего дома появились дежурные МПВО. Сначала эти дежурства как-то не принимались всерьез. Облик дежурных, их мирный вид привлекали к себе критическое внимание художника. Я сделал тогда три варианта дежурных—все три по непосредственному наблюдению и впечатлению. То это была толстая-претолстая бабка с котом на коленях, то девушка-студентка в широкополой шляпке с книгой в руках, то мужчина с таксой. Прообразом последнего был врач-старик, живший у нас на острове. Это был доктор Борнель. Когда-то он служил военным врачом, и это сказывалось в его выправке. Он представлял собой чрезвычайно мирную фигуру. На дежурство всегда являлся с таксой на поводке, с тростью в руке, а через плечо, как тогда полагалось, был повешен противогаз.

Всеволод Всеволодович подошел к стеллажу, отодвинул занавеску. На полках тесно стояли многочисленные, небольшого размера этюды в воске, пластилине, реже в гипсе. Это были работы периода блокады. Он поставил на стол миниатюрную фигурку сидящей девушки. Этюд очень живо передавал хорошо знакомый каждому ленинградцу облик сидевших у ворот дежурных.

Скульптор показывал этюды, многие из которых мало кому доводилось видеть.

— Для меня война стала очевидностью лишь тогда, когда я увидел первые ее жертвы. Поздней осенью шел как-то к своему брату. На лестнице его дома на подоконнике второго этажа сидел, прислонившись к стеклу, мальчик, одетый в форму ремесленника. Он был мертв. Эта смерть произвела на меня очень сильное впечатление. Погиб ребенок, и не от взрыва бомбы или снаряда, а от голода. Многие умирали тогда голодной смертью, замерзали на улице и в своих жилищах. Скоро подобные зрелища стали обычными. Поражало, что люди больше не воспринимали смерть с естественной для живого существа остротой. Она перестала быть чрезвычайным событием. Ее игнорировали, с ней не хотели считаться. Целый ряд фактов свидетельствовал о притуплении чувств, впечатлений, об ослаблении реакции на те или иные явления.

Помню, перестал работать водопровод. Воды в доме не было. В соседнем здании, где-то в подвале, сохранилась незамерзшая труба, из которой струйкой била вода. К этой воде жильцы протоптали в сугробе дорожку. Однажды на дорожке упал и умер юноша. Четыре дня подряд, пока не убрали труп, все ходившие за водой спокойно перешагивали через него: обойти—не было сил, а мертвый человек ни у кого не вызывал ни страха, ни отвращения.

Все это выходило за рамки того, что было до сих пор известно из истории прошлых войн, и я считал себя обязанным вести летопись событий в пластических образах. В то время я не мог уже работать в мастерской, силы иссякали, приходилось сидеть дома и ограничиваться небольшими композициями в пластилине — делать эскизы на основе рассказов очевидцев или изображать самого себя за неимением других объектов наблюдения...

Показывая работы, скульптор объяснял:

В. Симонов. Эскиз скульптурного плаката «К оружию, товарищи!» 1941

— Эти эскизы относятся к началу войны, например «За мужа». Женщина-дворник подметает улицу, рядом—ее маленькие дети. Муж ушел на фронт, жена заменила его. Так появились в Ленинграде дворники-женщины, ставшие вскоре единственными представителями этой профессии.

Или другая группа—«На новую квартиру». Женщина и мальчик-подросток в зимней одежде с усилием тянут санки, на которые погружена домашняя утварь, уцелевшая после бомбежки. На эти же сани положен закоченевший труп женщины. Скульптор воссоздал предельно трагическую сцену, но изображенные им люди, лишившиеся крова и близкого

человека, не утратили воли к борьбе. Сгорбившись, дрожа от холода, шатаясь от слабости, они находят в себе достаточно сил, чтобы жить в условиях вражеской осады.

— Лично я такую сцену не видел, мне рассказал о ней племянник, но я видел, как мужчина нес на голове доску и на ней двух мертвых детей... Мне приходилось выполнять без модели даже портреты,—добавил скульптор, указывая на стоящий рядом бюст мужчины в военной гимнастерке с автоматом в руках, исполненный в натуральную величину.— Это портрет комиссара отряда, пробившегося с продовольствием через кольцо блокады в Ленинград. Дело в том,—пояснил Всеволод Всеволодович,—что комиссар не смог позировать, и мне пришлось делать портрет по фотографии. Его писал также И. А. Серебряный. На основании, нижней части бюста, был помещен барельеф, изображающий боевые действия и сцены из жизни партизан.

— Этот портрет был мне официально заказан, — вспоминал скульптор, — но за ним никто не пришел. Так и остался он у меня в мастерской. Позднее мне пришлось сделать еще один портрет по фотографии—бюст Героя Советского Союза летчика-балтийца Бринько. Оба бюста были выполнены в 1942 году. Портрет Бринько моряки тогда же увезли в Кронштадт.

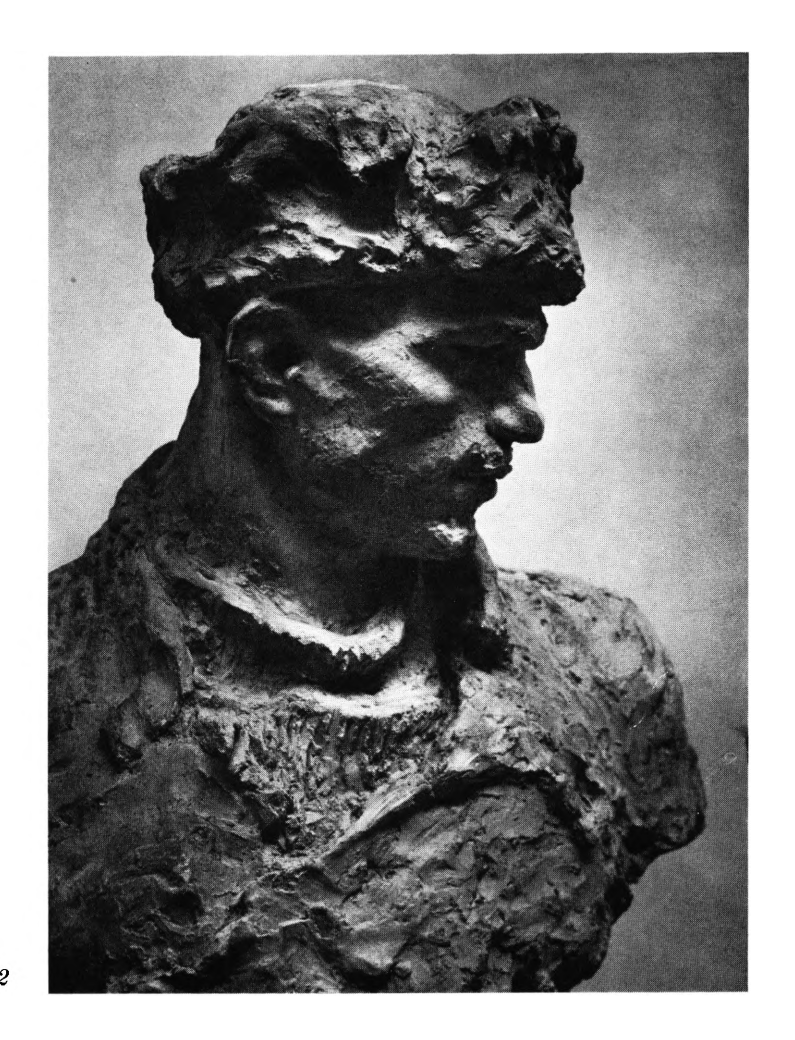
— Каждая работа воскрешает в памяти факты, свидетельствующие о беспримерном мужестве моих сограждан. Вот, например, эта группа,—говорит Всеволод Всеволодович, пододвигая к свету эскиз «Врачи».— Я хорошо помню, как эти люди (я лепил их по памяти, по впечатлению) шли через Неву по льду. Они с жаром о чем-то спорили и, видимо, куда-то спешили. Ветер распахивал их пальто, показывая белые халаты медработников. Вдруг совсем близко от них на лед упал снаряд. Взрывом взметнуло вверх столб воды и осколков льда, но врачи продолжали свой путь и беседу, словно ничего не произошло.

— Удивительные люди!—восклицал Всеволод Всеволодович с восхищением.—А эти—ведущие раненого!—продолжал он, указывая на другую группу.—Сколько их было, людей благородных, с добрым сердцем! Они помогали другим, не щадя сил, порой рискуя собственной жизнью.

Скульптор показал и широко известные свои работы—«Спасение командира» и «Последняя граната».

— Первую я сделал по рассказу того самого человека, который спас своего командира. Правда, случай этот произошел во время финской войны, но и в период обороны Ленинграда бойцы не раз под яростным обстрелом выносили раненых с поля боя. В данном случае командир и его помощник объезжали участок далеко впереди своих позиций, чтобы определить возможность выдвижения форпостов. Осколком снаряда командира тяжело ранило, лошадь под ним убило. Его помощник был на лыжах. Он связал лыжи, посадил на них раненого и под вражеским огнем доставил к своим частям.

Большой экспрессией отличается вторая группа. Это небольшая композиция из трех фигур: два советских солдата и девушка-санитарка. Один из воинов мертв, другой—смертельно ранен. Бой продолжает девушка. В руках у нее последняя граната. Девушка

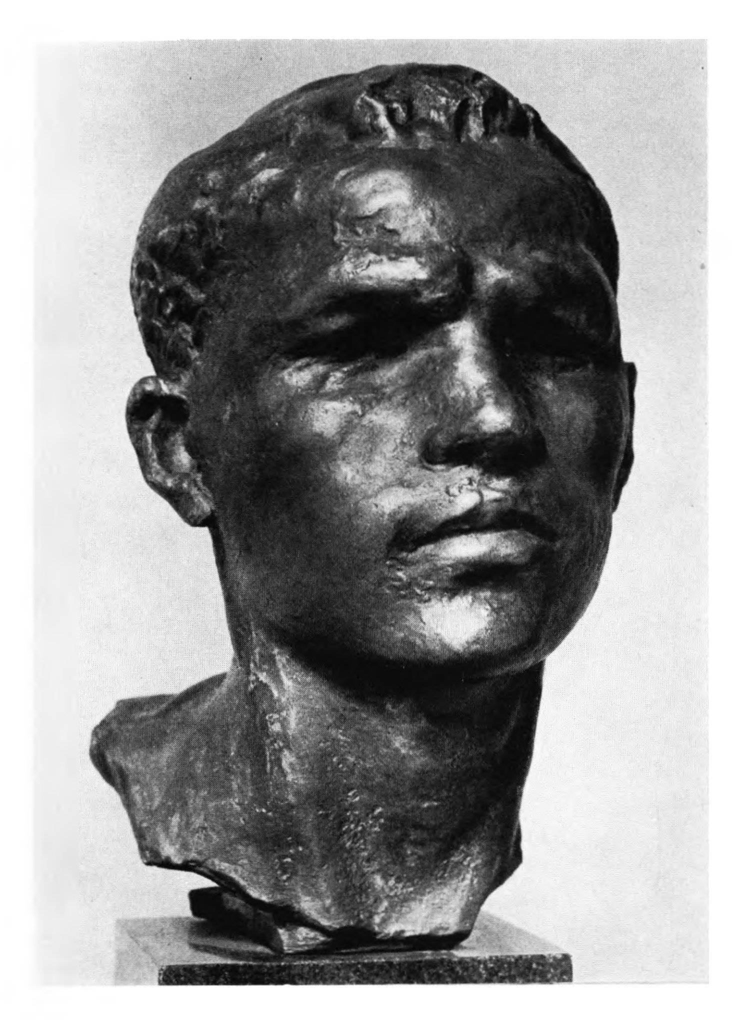
В. Исаева. Партизан. 1942

изображена во весь рост, в стремительном движении вперед в момент наивысшего напряжения моральных и физических сил. Взмах руки, и граната полетит сейчас в окруживших ее врагов.

Смелая и гордая девушка встречает смерть без страха, не прося у врага пощады...

Рядом стоит совсем маленький выразительный этюд—первый эскиз к известной группе Лишева «Мать».

В нем дана только беглая наметка замысла, как бы запись основной идеи. Сама работа, выполненная скульптором в натуральную величину лишь в 1945 году, отлита в бронзе и находится в Русском музее. Это—одно из наиболее известных произведений станковой скульптуры периода Великой Отечественной войны.

В. Исаева.
Портрет молодого партизана. 1942

Извечная, полная драматизма тема материнского горя. Но скульптор удачно выбрал момент, создал близкие советским людям образы. Простая русская женщина склонилась над телом убитого сына-солдата. Движения ее сдержаны и, вместе с тем, чрезвычайно выразительны: она смотрит в лицо погибшему, нежно касаясь рукой его лба, и беззвучно рыдает.

Произведение это глубоко национально и высоко патриотично по своему содержанию и художественному выражению. Именно так, как эта женщина—просто и с сознанием неизбежности—приносил русский народ величайшие жертвы в борьбе с фашистскими захватчиками: отдавал Родине самое дорогое — миллионы жизней своих сыновей и дочерей, память о которых всегда будет жить в сердцах народа.

В. Исаева.
Краснофлотец. 1944

ВЕРА ВАСИЛЬЕВНА ИСАЕВА

На железнодорожном билете «Ленинград—Москва» компостер пробил номер поезда и дату его отправления: 21—VI. Этим вечером 1941 года ленинградский скульптор Вера Васильевна Исаева выехала в столицу, где должно было состояться присуждение премий за лучшие проекты памятника 26-ти бакинским комиссарам.

Всего одна ночь пути отделяла Ленинград от Москвы, и эта же ночь, проведенная скульптором в поезде, отделила мир от войны. Страна и весь советский народ вступили в период суровой борьбы и тяжких испытаний. Но тысячи нитей—живых связей—тянулись еще к мирному прошлому, вынужденному нежданно уступить место войне. Не прервало

свою работу и жюри конкурса. Проект Исаевой и ее соавтора Р. К. Таурита был признан наилучшим. Однако об осуществлении его в условиях тяжелого военного времени нечего было и думать.

Едва дождавшись итогов конкурса, Вера Васильевна заторопилась в обратный путь. Но тяжело заболела сестра, и как ни стремилась Исаева в родной город, ей удалось возвратиться сюда только с последним поездом, пробившимся сквозь смыкавшееся кольцо вражеской блокады. . .

— Город был неузнаваем, — рассказывала Исаева. — Он казался крепостью, готовой к бою. Изменились и сами ленинградцы. Они стали солдатами передовой линии фронта. Ко времени моего возвращения в Ленинград у скульпторов возникла идея создать большие панно-барельефы агитационного назначения. Н. В. Томский возглавил бригаду, в состав которой, кроме меня, вошли скульпторы В. Я. Боголюбов, М. Ф. Бабурин, Р. Н. Будилов, А. А. Стрекавин и Б. Р. Шалютин. Мы работали в мастерской Н. В. Томского и в городских мастерских. Лепили в глине довольно большие скульптурные панно размером приблизительно 6×5 метров. На одном из них, помнится, в центре композиции был изображен А. А. Жданов, вокруг него народ, рабочие, моряки. Назывался этот рельеф «За победу!» Отлитый в гипсе, он был установлен на Невском проспекте в районе Публичной библиотеки.

Два барельефа несколько меньших размеров делали мы с Будиловым. Первый— под названием «Победим!» — изображал молодую отважную женщину, второй — рабочего. Эти барельефы были тоже установлены на Невском.

— Разные люди—разные характеры,—рассказывала Исаева о своих товарищах по бригаде,—и вели они себя по-разному. В то время уже изрядно бомбили и обстреливали Ленинград. По радио то и дело объявляли тревогу. Мы работали все вместе в мастерской, и вот смотришь: как тревога—Шалютин немедленно бежит на крышу выяснять обстановку, Бабурин спускается в подвал, сдержанный Будилов и я обычно оставались на месте. Работать тогда было уже нелегко, но все трудились дружно, с большим увлечением, хотя бывали и горячие «потасовки» творческого порядка, конечно,— улыбаясь, поясняла Вера Васильевна Исаева.

Вскоре Н. В. Томский уехал из Ленинграда, и наша бригада по окончании работы над рельефами распалась. Условия жизни в городе ухудшались с каждым днем. Многие товарищи-скульпторы были в очень тяжелом состоянии. Рано погибла одна из любимейших учениц А. Т. Матвеева Галина Пьянкова. Здоровье у нее было слабое, а в быту она была неорганизованной и сумбурной. Она не умела распределить ни свой скудный паек, ни свои силы. Сохранились некоторые ее работы, например, очень хорошая скульптура «Женщина», выполненная еще до войны и экспонированная на выставке художников РСФСР в 1941 году, а также небольшая фигурка девочки, относящаяся к тому же времени. В период блокады Г. Пьянкова выполнила несколько работ. Помню «Раненого бойца с собакой» и «Идущего бойца». Последняя работа в пластилине хранится у меня,—заметила художница. — Многие скульпторы уехали на Большую землю. С трудом удалось эвакуировать Шалютина, у которого в семье были маленькие дети. Он ни за что не хотел

покинуть родной город. Вскоре из большого коллектива скульпторов в Ленинграде осталось всего четырнадцать—шестнадцать человек. Это было очень тяжелое время. В мастерских и дома царил холод. В городе почти во всех окнах стекла заменяли фанера и картон. Работать приходилось при свете чадящих коптилок или в короткие дневные часы там, где еще уцелели стекла...

В начале 1942 года люди были уже крайне истощены, и несколько скульпторов направили в так называемый стационар, организованный в гостинице «Астория». Вера Васильевна Исаева оказалась в их числе. Но и в стационаре скульпторы продолжали работать: лепили из пластилина портреты, делали эскизы новых произведений. Это было в те годы чрезвычайно характерно для всех художников: в каком бы физическом состоянии и в каких бы условиях они ни были, их творческая деятельность не прекращалась. В холодной ли мастерской Союза художников, в обледеневших ли комнатах опустевших квартир и даже на больничной койке ленинградские скульпторы продолжали претворять виденное и пережитое в пластические образы.

— У меня и у моих товарищей много работ погибло из-за того, что мы не всегда успевали их отформовать, а некоторые вещи, выполненные в пластилине или воске, «перевоплощались» из-за недостатка материала в другие произведения. Еще и еще раз хочется вспомнить добрым словом Матвея Евстафьевича Громова,—добавила художница,—он работал буквально не покладая рук, стараясь отформовать все наши произведения. И делал он это совершенно бескорыстно. Это был его личный вклад в общее дело...

В конце 1941 года, еще до своего перехода в стационар, Вера Васильевна работала дома, выполняя небольшие вещи. Среди них были очень острые карикатуры на Гитлера: «Вандал XX века» и «Гитлер на осле». Обе карикатуры экспонировались на первой выставке в ЛССХе в начале 1942 года.

Тогда Исаева исполнила ряд произведений, посвященных жизни и боевой деятельности партизан. Вновь к партизанской тематике скульптор обратилась после поездки группы художников на партизанскую базу под Ленинградом.

— Отправили нас, несколько живописцев и скульпторов, на базу ленинградских партизан,— вспоминала Вера Васильевна Исаева. Вместе со мною были В. Я. Боголюбов, А. Ф. Гунниус и А. В. Петошина. Последняя сделала небольшую вещь «Партизанка» и барельеф «Сандружинница». Несколько позднее она выполнила свою «Партизанку» в увеличенном размере.

— Вспоминаются многие комические и вместе с тем трогательные моменты, связанные с пребыванием на партизанской базе скульптора В. Я. Боголюбова. Он много работал, много читал и, как бы ни было трудно, стремился не отступать от норм поведения мирного времени.

Вениамин Яковлевич был большим любителем черного кофе, которым всегда угощал друзей. На базе в то время, конечно, кофе не было и в помине. Вениамин Яковлевич выкапывал корни одуванчиков и готовил из них какой-то отчаянный напиток. Этим «кофе» он и потчевал всех желающих. Подружился Боголюбов и с местными рыбаками, которые

иногда приносили ему несколько мелких рыбешек. В таких случаях Вениамин Яковлевич не забывал постучать в мою дверь и приглашал: «Вера, иди костер жечь, у меня рыба!» Слово «рыба» звучало в его устах необыкновенно внушительно и многообещающе.

На партизанской базе Боголюбов выполнил небольшую группу «Партизан передает А. А. Жданову трофейный автомат». Позже он увеличил ее для Музея обороны Ленинграда. Там же, на базе, Боголюбову несколько раз позировал маршал Л. А. Говоров. На партизанской базе мы все работали, так сказать, «вприглядку». Партизаны позировали нам очень скупо. Мне удалось сделать всего несколько рисунков с натуры и скульптурные этюды «Партизан» и «Партизанка». Позже, у себя в мастерской, в середине 1942 года, несмотря на сильные обстрелы, я выполнила на основе этих этюдов двухметровые фигуры, которые закончила лишь в 1943 году...

Позже была направлена на выставку в Москву работа Исаевой «Мать», или, как она еще называлась, «Женщина с мальчиком», которая экспонировалась в Ленинграде на выставке 1942 года. По описанию автора группа изображала сидящую женщину, одетую в военную форму, и подле нее—мальчика лет четырех.

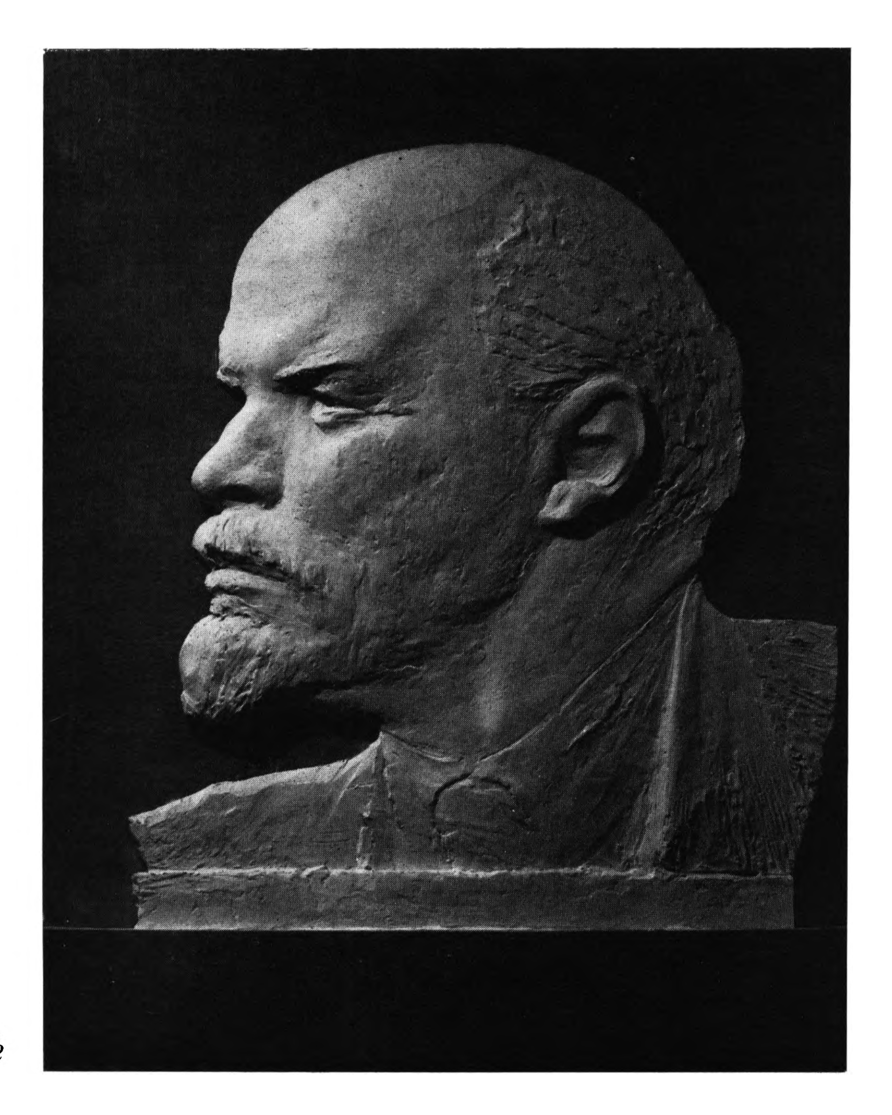
— Женщина всецело поглощена ребенком,—объясняла свой замысел Вера Васильевна,—скоро она пойдет в бой и будет сражаться за Родину, за своих детей, следуя своему солдатскому долгу, но сейчас, в этот короткий миг прощания с сыном, она только мать, и ничто другое ее не трогает. Эту вещь я очень любила. В ней я хотела выразить переживания, волновавшие тогда советских женщин, всех советских людей. К сожалению, работа где-то затерялась, пропала,—сокрушенно добавила скульптор...

Произведение это нашло живой отклик у ленинградцев, посетивших выставку в 1942 году. Однажды в зале около своей группы Исаева заметила военного, внимательно рассматривавшего скульптуру. Он долго стоял подле нее, затем прочитал этикетку и вдруг, обращаясь к случайному соседу, произнес: «И любит же она советских людей, эта Исаева!»

— Не скрою,—призналась Вера Васильевна, вспоминая об этом случае,—это была для меня высшая похвала и лучшая награда!

...Наша беседа близилась к концу. Исаева, взволнованная воспоминаниями, продолжала ходить по мастерской, светлой, опрятно прибранной, где на станках, на полках и стеллажах стояли ее работы—плод многих лет вдохновенного и упорного творческого труда.

— Да,— прервала Вера Васильевна недолгую паузу,— трудное было время, тяжело вспоминать о войне даже спустя много лет. Но каждого из нас поддерживало сознание, что труд твой нужен Родине, что ты вносишь вклад в дело борьбы с ненавистным врагом. Это окрыляло, умножало силы, заставляло жить и работать. Очень много значила в то время и товарищеская поддержка. Мы, оставшиеся в Ленинграде в самое тяжелое время, старались держаться вместе, постоянно чувствовали локоть друг друга. Порой это была только моральная помощь: вовремя сказанное одобряющее слово, проявленное к тебе внимание,—но как много она значила! В обезлюдевшем, темном и промерзшем здании ЛССХа становилось теплее и радостнее, когда из соседней мастерской услышишь, бывало, голос Боголюбова: «Вера, как дела?» Или во время бомбежки, когда где-то совсем рядом

В. Пинчук.
В. И. Ленин. Рельеф. 1942

рвутся снаряды над головой, зазвучит музыка Шопена и знаешь—это в своей мастерской играет на рояле И. А. Серебряный...

ВЕНИАМИН БОРИСОВИЧ ПИНЧУК

Мы в мастерской скульптора Пинчука. На стенке—эскиз памятника: почти законченная в пластилине фигура Владимира Ильича Ленина. Скульптор отходит в сторону, внимательно смотрит, затем заметным прикосновением что-то дополняет, уточняет форму.

В. Пинчук.
Автопортрет. 1942

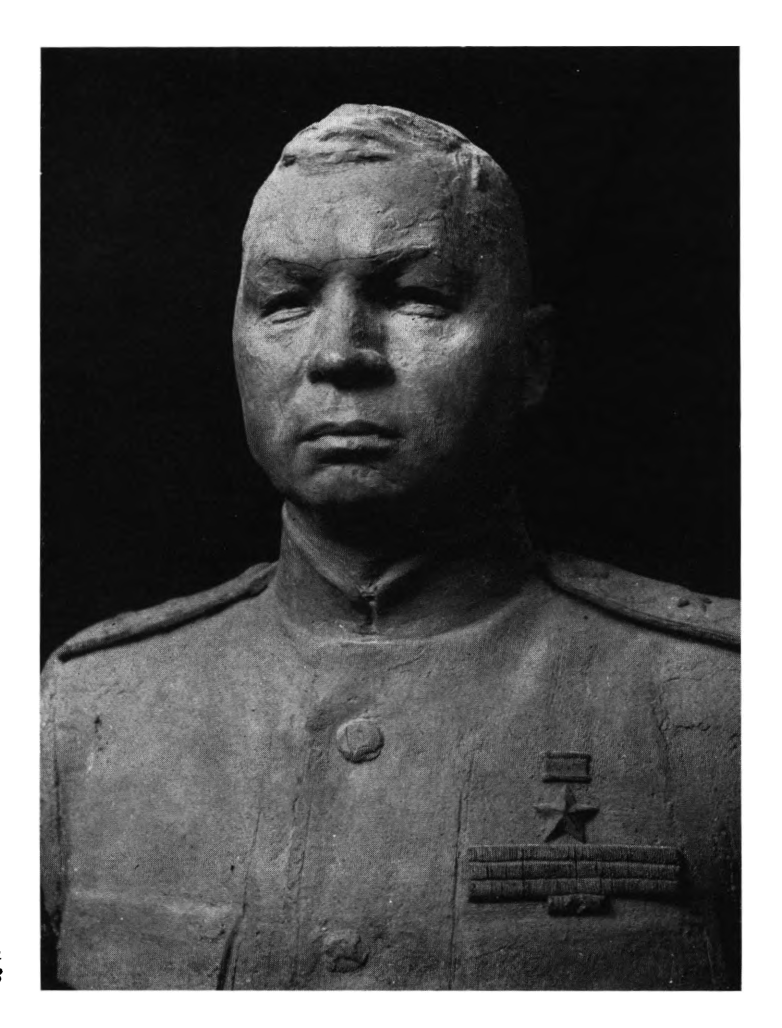
Разговор идет о Великой Отечественной войне, о блокаде Ленинграда, которую Пинчук пережил в родном городе.

Подчиняясь движениям пальцев, кусочек пластилина, оставшийся в руках, принимает причудливые формы, как бы отражая стремительный бег мысли художника, мгновенную смену возникающих в его памяти минувших событий.

Наконец, Вениамин Борисович начинает свой рассказ:

— Война застала меня в этой же мастерской за работой над памятником Владимиру Ильичу Ленину для Казани. Его сооружение было поручено мне, как победителю в закрытом конкурсе.

Очень скоро, однако, стало известно, что осуществление памятника откладывается из-за войны на неопределенный срок...

В. Пинчук. Герой Советского Союза генерал-лейтенант Н. П. Симоняк. 1943

Углубившись в воспоминания, Вениамин Борисович рассказывает, как он нес дежурства по МПВО, как вместе со всеми ленинградцами возводил оборонительные сооружения, как настойчиво искал применения своему скульптурному мастерству, чтобы поставить его на службу всенародному делу борьбы с врагом.

Напряженный темп событий требовал и от искусства каких-то очень мобильных форм, пригодных для массового распространения.

— Этим требованиям,—говорит Вениамин Борисович,—более всего отвечал плакат, и я, скульптор, решил попробовать силы в этой области искусства.

Не сразу удалось овладеть техникой и спецификой плаката. Первые работы—«Подруги, на фронт!» и другие—не были достаточно лаконичны и оказались сложны для массового издания.

Осенью, когда враг подошел вплотную к городу, в Союзе художников организовалась группа плакатистов, и я вскоре включился в работу.

По заданию Политуправления Ленинградского фронта художники делали плакаты небольшого размера и листовки для армии. Первый плакат Пинчука выполнен на тему о зверствах фашизма. Он сохранился вместе с десятью другими моими плакатами в собрании Государственной Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде.

Перед годовщиной Октября, когда Ленинград подвергался жестоким обстрелам и бомбежкам, рассказывает скульптор, я выполнил плакат «Отстоим город Ленина—колыбель революции» и несколько позднее другой—«Молодежь, на разгром врага!» Оба плаката были приняты, но в свет не вышли. Осенью 1942 года вместе с бригадой художников я сделал на основе своих плакатов четыре больших панно для оформления Кировского района. Одно из этих панно долго висело на воротах Кировского завода.

Замкнулось кольцо блокады, но вместе с трудностями рос и энтузиазм в работе. Мы переселились в ЛССХ, здесь жили все вместе, вместе делили скудную пищу, вместе голодали, во всем поддерживали друг друга...

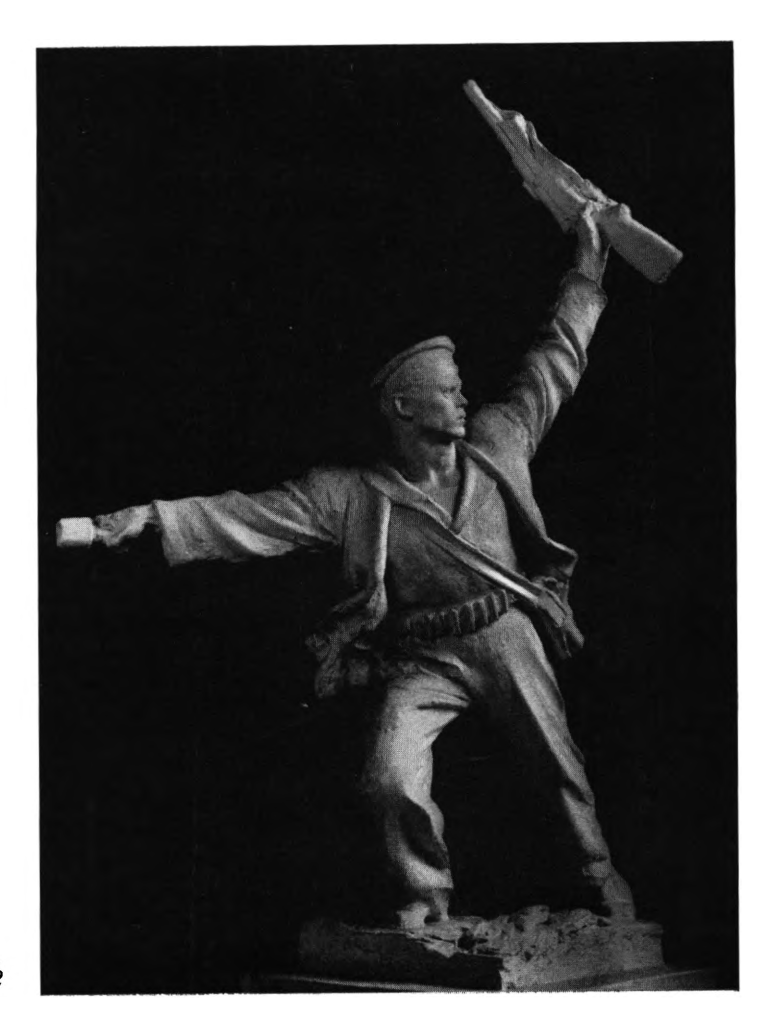
Вениамин Борисович вспоминает о собрании ленинградской интеллигенции, состоявшемся в зале капеллы, на котором он был делегатом от Союза художников вместе с В. А. Серовым и И. А. Серебряным.

— Это было необыкновенное собрание: электричества нет, холод страшный, все сидят в зимних пальто, в шубах, кто в чем пришел. Собрание проходит под непрерывный шум постукивающих от холода ног. Все в шапках, и лишь один Всеволод Вишневский с непокрытой головой. На него смотрят с ужасом, говорят, что он непременно заболеет. От Союза художников выступил один В. А. Серов, хотя мы все трое готовились к этому собранию. Много позже мне попался в руки текст речи, подготовленный мною для выступления в капелле. Помню, я сам удивился, насколько оптимистическим было тогда наше настроение, сколько было задора! Объяснялось это, конечно, и тем, что мы жили в дружном и боевом коллективе, взаимная помощь, товарищеская поддержка, сознание того, что мы делаем важное дело, все это придавало силы, поддерживало в нас уверенность в победе...

С декабря 1941 года и в течение всех последующих лет Пинчук был председателем правления Художественного фонда и членом правления Союза художников. Нужно было принимать чрезвычайные меры, чтобы сохранить жизнь больных и ослабевших художников. Приходилось бороться за каждый грамм дополнительного пайка, помогать пострадавшим от бомбежек, хоронить умерших.

— И в это-то страшное время,—делится своими воспоминаниями скульптор,—мы задумали сделать выставку работ ленинградских художников!

— Устройство выставки явилось большим событием для всех членов Союза,—продолжает Вениамин Борисович и рассказывает о том, как он сам при температуре минус семь градусов, одетый в пальто, работал в своей мастерской над скульптурой «За Родину!», которую хотел показать на выставке, работал с каким-то ожесточением, как бы бросая вызов врагу.

В. Пинчук.
Балтиец («За Родину!»). 1942

Скульптор снимает с полки фигуру моряка с автоматом и гранатой в руках. Работа, высотой около 60 см, отлита в гипсе. Она экспонировалась на первой выставке военного времени в ЛССХе в январе 1942 года.

Движение фигуры кажется каким-то неистовым, экспрессия, граничащая с театральностью... Быть может, это было выражением того страстного желания всех ленинградцев разгромить врага, которое владело также и скульптором, жестоко страдавшим вместе со всеми в осажденном городе...

Эта работа, известная под названием «Балтиец», вошла в собрание Русского музея в числе других произведений, приобретенных с выставки ленинградских художников 1941/42 года.

Л. Барбаш. Партизан. 1943

После «Балтийца» Пинчук снова начал работать как скульптор, и на выставке в мае 1942 года уже показал серию эскизов.

К концу зимы 1942 года относится интересный автопортрет, выполненный скульптором углем на листе ватмана. Вениамин Борисович изобразил себя в зимнем пальто, накинутом на плечи, в высокой меховой шапке, с небрежно обернутым вокруг шеи шарфом. В его правой руке—стека, на втором плане справа—фигура «Балтийца». Лишь эти атрибуты говорят о том, что скульптор находится в мастерской. Лицо художника—осунувшееся, с большими темными кругами под глазами—поражает какой-то особенной напряженностью, бесстрашным строгим взглядом широко открытых глаз. Это не только автопортрет, но и правдивый, выразительный образ художника-ленинградца, жившего и работавшего в осажденном городе.

С весны 1942 года успешнее пошла работа и над плакатом. Пинчук вполне овладел его формой и техникой литографии. С этого времени почти все плакаты скульптора выходят в свет.

К июльской выставке 1942 года Пинчук сделал эскиз скульптурной композиции «Клятва мести».

— В то время,—вспоминает Вениамин Борисович,—наши партизаны, действовавшие на занятой врагом территории, на каждом шагу встречали следы страшных злодеяний фашизма. Многие ленинградские художники работали тогда по заданию обкома партии и партизанского штаба, и мне довелось познакомиться с подлинными материалами и фотодокументами, изобличавшими фашистов, пришлось услышать рассказы очевидцев о зверствах врагов. Об этом нельзя было молчать... Скульптура «Клятва мести» и явилась моим ответом фашистам...

Работа хранится в фондах Русского музея. Это—небольшая, высотой около 30 см, группа, отлитая в гипсе. Она изображает партизана, склонившегося над телом замученного фашистами советского воина. Холоден и неумолим ненавидящий взгляд партизана, уста словно бы произносят слова священной клятвы мести.

В своих графических и скульптурных работах периода Великой Отечественной войны Вениамин Борисович неизменно обращается к теме беззаветного служения Родине, к образам сильных телом и духом советских людей. Работы его полны оптимизма, веры в неиссякаемые силы народа, веры в победу.

В ряде произведений того времени скульптор запечатлел образ секретаря ЦК ВКП(б), ленинградского городского и областного комитетов партии товарища А. А. Жданова.

Весною 1943 года Пинчук начал работать над скульптурой «Стоять насмерть». Он собирался показать ее на выставке «Фронт и тыл», намечавшейся на осень того же года. Работа выполнялась в глине в 3/4 натуры. Она представляла собой раненого советского солдата с повязкой на голове и перевязанной правой рукой. Собрав последние силы, воин готовится бросить во врага зажатую в левой руке гранату. Статуя эта погибла до того, как ее успели отформовать.

Глубокое впечатление произвел на художника героизм ленинградских женщин, проявлявших исключительное мужество в дни блокады. Он выполнил несколько вариантов

скульптурной композиции «Ленинградка». Сохранились два ранних эскиза в пластилине и фигура, отлитая в гипсе, выполненная уже после окончания войны и экспонированная в 1947 году на выставке, открытой к 30-летию Великой Октябрьской социалистической революции.

Скульптор изобразил немолодую ленинградскую женщину, стоящую на посту, на крыше здания в момент воздушной тревоги. На ней ватник, высокие сапоги, платок. Через плечо надет противогаз. Последний вариант близок к первоначальным эскизам «Ленинградки», но в нем скульптор уделил особое внимание передаче душевного состояния женщины. В напряженном ожидании всматривается она в небо, держа наготове щипцы для захватывания зажигательных бомб.

После прорыва блокады, уже весной 1943 года, Пинчук сделал с натуры портрет генерал-лейтенанта Н. П. Симоняка. В обобщенных формах скульптор передал образ талантливого полководца, одаренного большим умом, прозорливого, волевого, гуманного.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ СТРЕКАВИН

Декабрь 1941 года. Стоят на линиях трамваи, то здесь, то там громоздятся занесенные снегом автобусы и троллейбусы. Снежные сугробы высятся на мостовых и тротуарах, скрывая под собою страшные следы разрушений и трупы погибших от голода, замерзших людей. Узенькие протоптанные переходами тропинки вьются среди сугробов, связывая кратчайшим путем улицы и дома.

Морозы стоят особенно лютые, а силы на исходе: их уже едва хватает на ежедневное путешествие с Васильевского острова в Союз художников и возвращение домой. Каждый шаг требует огромных усилий, самый незначительный подъем представляется непреодолимым препятствием. И все же поставленную перед собой задачу скульптор Александр Алексеевич Стрекавин во что бы то ни стало должен выполнить.

Трудились вместе со Стрекавиным скульпторы М. Ф. Бабурин, Р. Н. Будилов, В. В. Исаева, Н. В. Томский и Б. Р. Шалютин. Бригада создала три барельефа: самый большой из них — «Оборона Ленинграда» (3×3 метра). Барельеф несколько меньших размеров под названием «За Родину!» изображает группу ленинградцев со знаменами (2×2 метра), а третий, высотой около метра и несколько более метра в ширину, представляет собой карикатуру на Гитлера. К началу декабря все члены бригады, кроме В. В. Исаевой и А. А. Стрекавина, эвакуировались, но теперь скульптор не мог допустить, чтобы плакаты погибли, не выполнив своего агитационного назначения: их нужно было установить в городе, чего бы это ни стоило!

Старый формовщик Громов, отформовавший с большими трудностями эти барельефы в ноябре и также совсем ослабевший, вызвался помочь скульптору. А. А. Барташевич дал в помощь еще двух женщин. И вот в один из январских дней 1942 года в лютый мороз четверо шатающихся от слабости и совершенно промерзших людей привезли на саночках скульптурные плакаты к месту их установки.

— Мы взяли с собой только два барельефа,—вспоминает А. А. Стрекавин,—те, которые были поменьше: «За Родину!» и карикатуру на Гитлера. Ставить их мы решили на Невском. Огромные зеркальные окна гастронома № 1—бывшего Елисеевского магазина—были зашиты досками. К одному из этих дощатых щитов на высоте полутора метров мы и прикрепили барельеф «За Родину!»

Карикатуру на Гитлера мы установили также на Невском по другую сторону Малой Садовой. Помню, измучились и устали беспредельно, но барельефы, тонированные под бронзу, стояли теперь в центре города, и мы были счастливы. В марте, когда потеплело, ходили с Громовым подновлять их окраску. Когда и кем барельефы были сняты, я уже не могу вспомнить—это совсем изгладилось из моей памяти...

Голод Стрекавин переживал очень тяжело. Крупный, высокого роста, он особенно остро ощущал недостаток питания. В самый критический момент его спасло от гибели переливание крови.

В начале весны 1942 года ленинградские художники получили в подарок от товарищей-москвичей две машины с продуктами. Это многим сохранило жизнь. Несколько окрепнув, Стрекавин смог возобновить работу. На основе довоенного этюда он выполнил в пластилине небольшую фигуру «Сталевар с лопатой», которую показал на художественной выставке в ЛССХе.

Тогда же, весной 1942 года, Александр Алексеевич обратился с письмами в президиум правления Союза и в обком партии. Скульптор просил направить его на Ленинградский фронт и к партизанам.

— Нам необходимо было видеть как можно больше собственными глазами,—говорит А. А. Стрекавин.—Должно быть, не я один писал такие письма, и вскоре же руководство Союза получило от штаба партизанского движения согласие командировать художников на партизанские базы. Многие из нас быстро снарядились в путь.

В моей группе оказались живописец П. А. Горбунов и два графика—В. А. Кобелев и Н. М. Быльев-Протопопов. Штаб направил нас на партизанскую базу в Валдае.

Партизаны встретили художников необыкновенно тепло и гостеприимно.

— Наше состояние,—вспоминает скульптор,—было тогда, правда, не слишком блестящим, и партизаны оставили нас на некоторое время на базе для поправки здоровья. Лишь после того, как мы немного окрепли, Кобелева, Горбунова и меня отправили на самолете в тыл врага в партизанский край.

Это было на Западном фронте, в Ашевском районе Псковской области. Совершенно неожиданно я оказался на своей родине. До моей деревни—бывшей Голодуши—я не дошел всего двадцать километров. Партизанская бригада стояла в лесу. В ее состав входило несколько партизанских отрядов, расположенных на некотором расстоянии друг от друга. В бригаде уже находился живописец Блинков, с которым я подружился. С винтовками за плечами, то пешком, то на конях мы вместе переходили с ним из отряда и собирали материал. Сердца наши переполнялись ненавистью к врагу при виде сожженных деревень и бесчисленных могил замученных фашистами советских людей.

Свои зарисовки и композиции из пластилина я делал очень небольшого размера — три на четыре см, не более, так как их приходилось носить с собой. . .

У Стрекавина сохранилось несколько любительских снимков, сделанных художником Блинковым. На фотографиях, сделанных на стоянках и в походе, легко можно узнать среди партизан самого Александра Алексеевича в гимнастерке, с винтовкой. Только под осень Стрекавин вернулся вместе с товарищами на базу в Валдай.

— Здесь я встретил партизана Соболева,—рассказывает Александр Алексеевич.—Это был необыкновенно яркий тип партизана. Человек лет сорока, мужественный, смелый, огромного роста, широкоплечий, настоящий русский богатырь,—вспоминает скульптор.— Если не ошибаюсь, до войны он работал директором машинно-тракторной станции где-то в Ленинградской области.

Соболев согласился позировать, и Стрекавин выполнил в глине его портрет и отлил с него форму. Скульптор и партизан договорились, что если оба останутся живы, то Стрекавин отдаст партизану его портрет в законченном виде.

— Обещание свое я сдержал,—продолжает рассказ Александр Алексеевич.— В начале 1944 года Соболев приехал ко мне и я отдал ему портрет.

Вернувшись осенью 1942 года в Ленинград, Стрекавин стал разрабатывать композиции на партизанские темы, а примерно с февраля 1943 года начал работать совместно с В. В. Исаевой для выставки «Героическая оборона Ленинграда». В одном из залов этой выставки была установлена выполненная ими в гипсе крупная композиция (4,5 × 3 м) «Литье из большого ковша». Героический труд ленинградских женщин, заменивших на самых тяжелых работах ушедших на фронт мужей и братьев, нашел в этой скульптуре яркое отражение. Наклонив огромный ковш, две женщины-литейщицы разливают по опокам расплавленный металл. Поверхность металла в ковше и в опоках и льющейся через край струи светилась красноватым светом, озаряя мягкими мерцающими бликами фигуры, лица женщин. Скульпторы смогли осуществить этот декоративный эффект с помощью системы неоновых ламп.

Для этой же выставки Стрекавин сделал небольшую композицию «Клятва». Она изображала трех партизан, стоящих подле тела убитого фашистами товарища. Здесь же была экспонирована метровая статуя «Партизан с автоматом» также работы Стрекавина.

На одной из выставок в 1943 году А. А. Стрекавин показал «Партизана», «Партизанку» и рельеф с изображением сталеваров мартеновского цеха, читающих сводку Совинформбюро.

— Весной 1944 года Александр Алексеевич задумал серию «Литейщицы». Материал для своей работы собирал в литейном цехе Кировского завода. На выставке пяти художников, открывшейся в том же году в Русском музее, он показал, наряду с другими вещами военных лет, несколько композиций этой серии. Кроме того, по заказу Комитета по делам искусств сделал еще три композиции, изображавшие литейщиц в различные моменты работы. Вся серия, отлитая в бронзе, находится сейчас в Музее русского и латышского искусства в городе Риге.

Ночь царила над Ленинградом. Спали все, кто не должен был нести боевую вахту. Но вот послышался рокот моторов: вражеский самолет над городом! Люди замерли, вслушиваясь в тишину, которую нарушал только мерный стук метронома, доносившийся из репродуктора. Что же это? Галлюцинация? Нет! Опять отчетливо рокочут где-то высоко в небе моторы чужого самолета. Почему же нет сигнала тревоги? Почему не слышно наших самолетов, атакующих врага? Почему репродуктор передает успокаивающие сигналы?

Многие ленинградцы задавали себе тогда эти вопросы и не находили ответа. Напряженно ждали взрывов авиабомб, но их не было. Понемногу усталость брала верх над тревожным ожиданием, и люди снова забывались во сне.

Этот непрошеный гость, летавший над городом, нарушил в ту ночь покой и Вениамина Яковлевича Боголюбова, скульптора-монументалиста, жившего в верхнем этаже одного из домов в центре города. Старый моряк, бывший командир корабля, он, подобно другим ленинградцам, ждал, чем кончится наглый визит вражеского самолета. Однако и он не мог объяснить себе странного поведения нашей противовоздушной обороны, позволявшей фашисту безнаказанно бороздить ленинградское небо.

Вечером следующего дня скульптор принимал у себя в мастерской знаменитого советского аса—Героя Советского Союза майора В. Мациевича. Летчик ходил на сеансы в короткие часы отдыха, которые редко выпадали в то страдное время на долю защитников Ленинграда.

Работа над портретом подвигалась успешно. Скульптор внимательно вглядывался в уже хорошо знакомые черты, стараясь уловить в них то сокровенное, что отличает героя. Перед ним сидел, непринужденно ведя разговор, советский офицер с самым обыкновенным лицом, и только едва уловимые штрихи в его внешности и прямой взгляд усталых глаз говорили о сильной воле и железной внутренней дисциплине этого человека.

Вспомнив ночной случай, Вениамин Яковлевич рассказал о нем майору. Лукавым блеском загорелись глаза летчика. Едва дослушав до конца, В. Мациевич рассеял недоумение своего друга-скульптора. Оказывается, в ту ночь летал сам Мациевич, испытывая летные качества трофейного фашистского самолета.

Это было в 1943 году. Перед нами лежит фотография, запечатлевшая облик двух друзей—Героя Советского Союза Мациевича и скульптора Боголюбова. На фотографии дарственная надпись, сделанная рукой летчика:

«Талантливому скульптору Вениамину Яковлевичу Боголюбову, увековечившему память героических защитников Ленинграда, в память сердечной боевой дружбы в суровые дни Отечественной войны 1941—43 г.

От В. Мациевича. Ленинград, 1943».

Запечатлеть образы защитников Ленинграда и самих ленинградцев, мужественно сражавшихся с врагом,—именно эту задачу ставил перед собой в годы Великой Отечественной войны В. Я. Боголюбов. Скульптор провел в Ленинграде всю блокаду, страдал от голода и других лишений, но ни на минуту не прерывал творческой деятельности.

О работах военного времени Боголюбов писал в автобиографии:

«В начале Отечественной войны совместно с Томским, Бабуриным, Шалютиным, Стрекавиным и Исаевой сделали гипсовые рельефы: «Оборона Ленинграда», «За Родину!», «Конец Гитлера». В зиму 1941/42 года слепил статуэтки И. А. Орбели, партизана, портреты. Тогда же я начал работу над сюитой «Великая Отечественная война», для которой выполнил: большую группу «А. А. Жданов у партизан» (Музей обороны Ленинграда), фигуру И. В. Сталина—по эскизу В. И. Ингала (ГТГ), статую «Юный партизан» и другие. В 1944 году выполнил для Музея обороны Ленинграда большой монумент т. Сталина, три проекта памятника Римскому-Корсакову для Ленинграда и два бюста композитора (совместно с В. И. Ингалом). В 1945 году—статую маршала Говорова, проект «Памятника Славы» (с В. И. Ингалом) и ряд эскизов к статуе В. И. Ленина. . .» [1]

Конечно, перечень названных здесь работ далеко не полон. Неопубликованные письма и другие материалы тех лет позволяют несколько подробнее осветить отдельные факты творческой деятельности покойного мастера, рассказать о задуманной им скульптурной сюите, лишь вскользь упомянутой в автобиографии.

Перед нами черновик письма В. Я. Боголюбова к председателю исполкома Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся П. С. Попкову. Письмо не имеет даты, но, по-видимому, оно было написано осенью 1942 года.

«Многоуважаемый Петр Сергеевич. С начала войны я работаю над скульптурной сюитой, ставящей целью создать памятник, достойный героической борьбы советского народа с фашистскими захватчиками. План этой сюиты прилагаю. Она мыслится мною как целостная, объединенная общей идеей композиция, каждая отдельная часть которой в то же время является законченным целым.

Ряд работ, составляющих эту сюиту, выполнен мною в эскизах, группа «Тов. Жданов и тов. Поруценко» выполняется в натуре.

Я сознаю те огромные трудности, которые стоят на пути к осуществлению этого большого замысла, но в преодолении этих трудностей и в масштабах поставленной перед собой задачи вижу свой долг советского художника перед Родиной, ее народом и правительством. . .»

Далее скульптор предлагает включить задуманную им сюиту в систему Музея городской скульптуры, установив входящие в сюиту статуи в бывшей Благовещенской церкви Александро-Невской лавры. «Место это,—пишет Вениамин Яковлевич,—связано с памятью двух наших великих предков: Александра Невского и Суворова, могила которого, наряду с могилами ряда выдающихся русских полководцев, находится в этой церкви. Она могла бы послужить тем помещением, которое вместило бы в себя скульптурную сюиту, посвященную Великой Отечественной войне и способную стать ее достойным памятником» [2].

В этом письме скульптор просил связать его с частями действующей армии и дать возможность бывать на фронте, где он мог бы «почерпнуть темы и модели для своих работ».

---

[1] Архив В. Я. Боголюбова.

[2] Там же.

Мысль о создании сюиты возникла у Боголюбова во время пребывания в стационаре для деятелей науки и искусства, куда ослабевший от голода скульптор был направлен на лечение в январе-феврале 1942 года.

По выходе из стационара Вениамин Яковлевич с увлечением принялся за осуществление своего замысла. Осенью 1942 года он сообщал в одном из своих писем: «...в текущем году я выполнил одиннадцать тем сюиты»,—и тут же коротко писал об условиях работы: «За 9 месяцев я получал паек три раза и вот сейчас четвертый, и не смог использовать лето для накопления сил на зиму. У меня в мастерской грязно и нет света; у большой группы, которую я сейчас работаю, почти все время головы в тени—свет крайне необходим... Бóльшая часть моего времени уходит на изготовление металлических каркасов, добычу и доставку дров, переноску глины, формовку и прочую черную работу, которую мне приходится делать самому, так как я работаю без помощников».

...Прошло несколько месяцев. Миновало самое трудное время. К весне 1943 года положение ленинградцев улучшилось. Иной стала жизнь и в мастерских скульпторов. Корреспондент ТАСС К. Сухин в дневном выпуске «Вестника ленинградской информации» от 25 марта 1943 года так рассказывал о скульпторе В. Я. Боголюбове и его мастерской:

«Яркое мартовское солнце заливает большую комнату, золотит гипсовые бюсты, рисует на полу причудливые узоры теней. Полки, шкафы, даже подоконники заставлены разнообразными работами скульптора. Здесь и модели давно законченных вещей и вылепленные смелыми мазками эскизы, воплотившие в глине искания автора, и уже отформованные скульптурные портреты деятелей науки и искусства. Особое место занимает в мастерской гипсовая группа высотой почти 2 1/4 метра. Партизан в полушубке и шапке-ушанке передает трофейный автомат Андрею Александровичу Жданову.

— Я долго работал над этой группой,—говорит скульптор...—Она родилась под сильным впечатлением: в прошлом году партизаны сквозь линию фронта доставили обоз с продовольствием Ленинграду.

Законченная формовкой группа «А. А. Жданов и партизан» является частью обширного замысла».

Затем корреспондент приводит слова В. Я. Боголюбова, свидетельствующие, что скульптор не оставил замысла, изложенного в письме к П. С. Попкову:

«Сюита представляется мне как огромная композиция, отражающая в различных формах ваяния—барельеф, горельеф, круглая статуя, бюст—героику нашей борьбы с фашистскими захватчиками... Ясно, что сюита может возникнуть только как плод коллективного творчества. Ведь каждый из нас, скульпторов,—и В. В. Лишев, и В. В. Исаева, и другие—изо дня в день воплощает в глине отдельные явления борьбы и жизни города-фронта...»

Далее Сухин называет работы, которые показал ему хозяин мастерской. Здесь и эскизы динамических фигур и групп «В засаде», «Комиссар», «Юный мститель» и композиции «А. А. Жданов вручает знамя гвардейцам», «Краснофлотцы в атаке» и портреты снайперов Федора Дьяченко и Николая Казакова, уничтоживших вдвоем свыше пятисот вражеских солдат и офицеров.

«Он полон творческих замыслов, этот живой, подвижной человек, с седеющей шевелюрой и восторженными глазами художника...» — пишет о Боголюбове Сухин и в заключение приводит слова самого скульптора:

— Как много хочется сделать. Темы, одна острее другой, манят к себе. Их так много, что минутами теряешься: за какую браться? Вот сейчас я работаю над фигурой «Гвардеец клянется» для майской выставки, а в голове уже зреют новые темы. Хочется теперь же, не откладывая, сделать бюсты — портреты отважных летчиков-героев. Хочется творить и творить, когда рядом происходит величайшая битва между светом и мраком, прогрессом и варварством. И я мечтаю только об одном — стать скульптором-летописцем победы нашего народа над его злейшим врагом — фашизмом.

АННА ВАСИЛЬЕВНА ПЕТОШИНА

Среди ленинградских скульпторов, безвременно погибших в годы Великой Отечественной войны, Анна Васильевна Петошина вспоминается с особой теплотой и уважением. Это была талантливая и деятельная художница, творчество которой проникнуто глубокой идейной убежденностью, искренностью и подлинным гуманизмом; она была человеком прекрасного морального облика, кристальной душевной чистоты, патриотом и гражданином, до конца дней своих служившим любимой Родине.

Анна Васильевна Петошина родилась в 1898 году в деревне Васильевское Череповецкого уезда, в семье сельского учителя. После окончания Череповецкой женской гимназии в 1917 году она учительствовала в школе первой ступени, а с 1921 по 1927 год училась в Академии художеств у профессоров А. Т. Матвеева и Л. В. Шервуда. В 1933 году Петошина стала членом Союза советских художников.

Еще в довоенные годы Петошина как скульптор получила признание советской общественности. Ее работы приобретались крупнейшими музеями страны, а на международной выставке в Париже в 1937 году ей была присуждена золотая медаль. Перед войной Анна Васильевна напряженно готовилась к выставке, которая должна была открыться в Москве в ознаменование 25-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Для этой выставки она задумала и выполнила в эскизах четыре композиции, каждая из которых последовательно отражала этапы революционной борьбы русского пролетариата. В одном из писем того времени Анна Васильевна писала:

«Я хочу довести эти вещи до большой идейной высоты и эмоциональной выразительности. Хочется в содержание первой скульптуры положить песню «Замучен тяжелой неволей», второй — «Варшавянку», третьей — «Волочаевские дни», четвертой — «Широка страна моя родная».

Осуществлению замыслов скульптора помешала война. Муж Анны Васильевны умер, а двое маленьких детей были эвакуированы. Анна Васильевна осталась в Ленинграде с матерью, с которой ее связывала не только дочерняя любовь, но и глубокие чувства взаимной дружбы и уважения.

В. Драчинская. За водой. 1943

Условия жизни были чрезвычайно тяжелыми. Зимой 1943 года Петошина вместе с матерью ютилась в одной из комнат опустевшей квартиры. В верхнем и нижнем этажах не оставалось никого.

Кругом царили мрак и леденящий холод.

От бомбежек спасались в маленьком темном коридорчике. Долгие зимние вечера мать и дочь просиживали вместе, закутавшись в одеяла, и старались отвлечь друг друга от мрачных мыслей. Часто тишину прерывали сигналы тревоги, слышались взрывы, стрельба зенитных орудий.

— Она в это время,—рассказывает Анна Васильевна о матери,—старалась мне почитать. Помню как вот сейчас, у меня была книжка Станиславского о театре, и она мне несколько глав прочитала. Сидит на подушках у стенки, в одной руке коптилка, в другой книжка, сама в теплом платке и в перчатках... И какая энергия и уверенность в ней жили всегда, прямо поражаешься. 1941 и 42 годы мы с ней пережили бодро, борясь за жизнь, а вот с начала 1943 года обе сдали: попали в больницы, несмотря на то, что условия жизни были уже значительно лучше. Голод изжили, и на вид поправились все, а последствия остались.

И вот мать гибнет на руках дочери, бессильной чем-либо ей помочь.

Читаю письмо:

«...Я была поражена переменой, которая в ней произошла,—писала Анна Васильевна сестре о матери.— Я не могла отвести глаз от ее лица и старалась вспомнить, где я видела такую женщину—и вспомнила,—что всегда видела такое лицо, когда старалась представить себе великий образ русской трудовой, многострадальной женщины,.. тех женщин что сейчас идут в партизаны, что грудью встают на защиту Родины,—и вот она сейчас передо мной... да, это было то лицо, о котором я мечтала...»

Глубокое горе подорвало силы Петошиной. Через две недели после смерти матери она вынуждена была в тяжелом состоянии лечь в клинику на стационарное лечение. В результате нервного истощения она теряла зрение. Но не ушла в себя, не замкнулась в своих личных переживаниях. Тяжело болея, Анна Васильевна не находила оправдания своей вынужденной бездеятельности. «...Совесть мучает,—писала она сестре,—время такое напряженное, а от меня какая польза? И тоска грызет...»

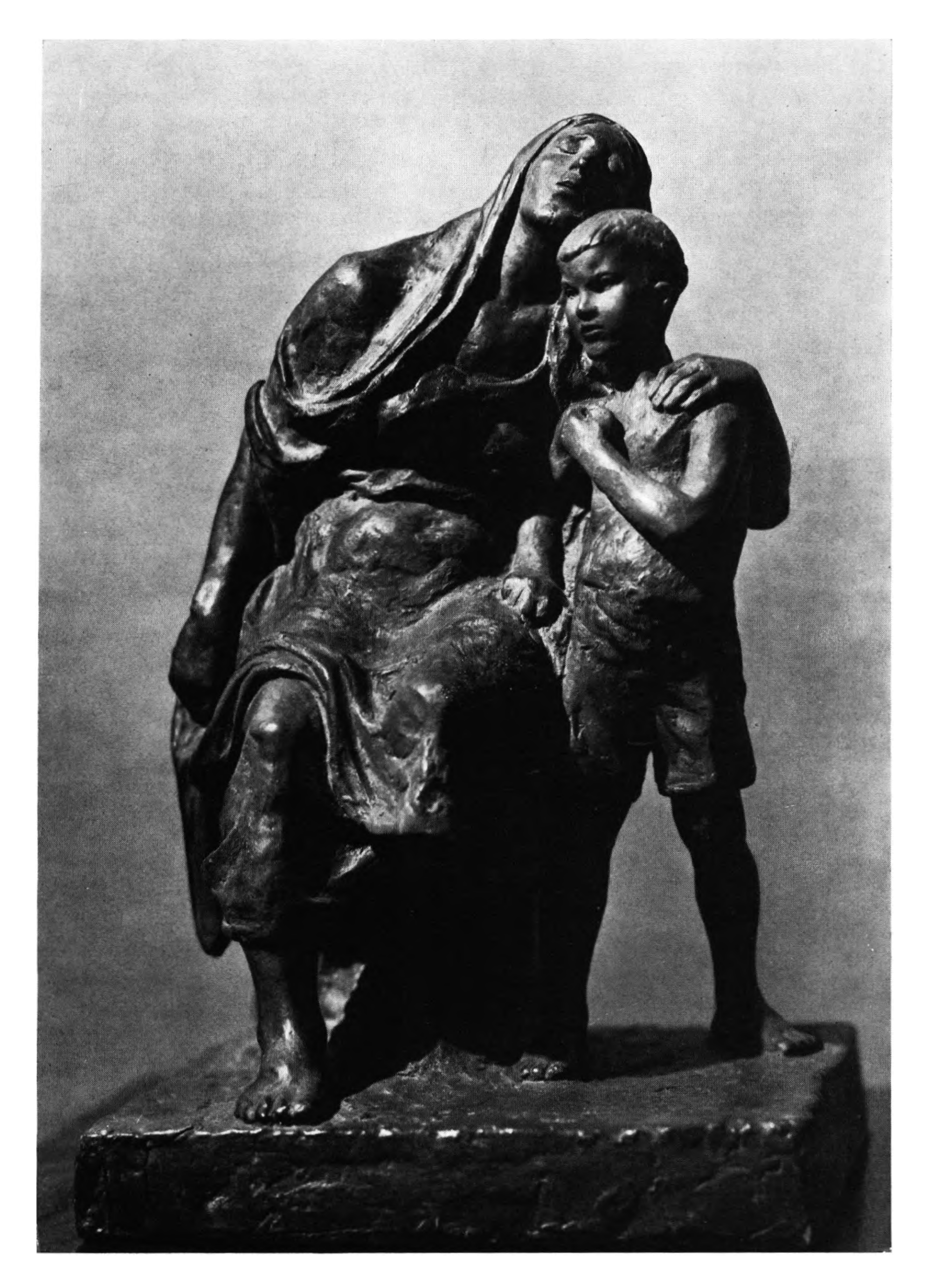
Выйдя через несколько месяцев из клиники, она много и напряженно работает в мастерской, как бы торопясь осуществить свои замыслы, отдать долг Родине. Но силы уже были исчерпаны, и 13 января 1944 года Петошина скончалась.

К годам Великой Отечественной войны относятся две работы А. В. Петошиной, хранящиеся в Русском музее,—барельеф «Сандружинница» (гипс, 41 × 54 × 3 см) и композиция «Партизанка» (гипс, 40 × 18 × 24 см).

Особенно интересна последняя работа. Образ этой немолодой партизанки действительно имеет нечто общее с тем образом русской женщины, который скульптор нарисовала в своем письме к сестре.

Простое суровое лицо, высокая статная фигура, решительные, уверенные движения—перед нами человек сильной воли и большого мужества, человек долга. Родина позвала—и вот уже шагает по неведомым лесным тропам русская женщина-партизанка с винтовкой на ремне, опоясанная лентой с патронами, готовая к встрече с врагом.

В этой работе Петошина так же, как и в других ее известных произведениях довоенных лет—«С. М. Киров на Апатитах», «Политкаторжане», «На баррикадах», «Мать»,—ярко выражена глубокая жизнеутверждающая идея. Созданные скульптором образы отличаются большой эмоциональностью и необыкновенно высоким и светлым настроением, созвучным благородному душевному складу их автора.

А. Гунниус. В тылу у врага. 1944

«Призыв» — так назывался небольшой эскиз в пластилине, экспонированный в ЛССХе в январе 1942 года среди немногих скульптурных работ первой художественной выставки в осажденном Ленинграде.

Сказочным богатырем летит вперед на быстроногом коне советский воин-горнист. Высоко поднял он к небу свой горн с трепещущим на ветру флажком и громко, призывно трубит.

Пусть не слышно звуков горна, но каждому понятен условный сигнал трубача: весь облик воина, его устремленный вдаль взгляд, наклоненный вперед корпус, стремительный бег коня с развевающейся гривой — все это создает впечатление взволнованности, передает ощущение радостной тревоги.

Смысл скульптуры был близок и понятен любому ленинградцу: для него этот всадник являлся провозвестником грядущих событий, символом могучего порыва советского народа вперед, начало ожидаемого наступления на врага. Образ горниста был полон оптимизма, выражал несокрушимость духа граждан осажденного города, их уверенность в победе.

Автор эскиза — Вера Семеновна Драчинская — провела в Ленинграде все годы Великой Отечественной войны и блокады.

— Одна из первых бомб, сброшенных вражескими самолетами на Ленинград, — рассказывает Вера Семеновна, — упала против моего дома. Это было 8 сентября 1941 года. От взрывной волны в моей комнате рухнул буфет и разбил многие мои работы. В этот день я переселилась к сестре, заведовавшей вторым хирургическим отделением 1-го Медицинского института имени И. П. Павлова на Петроградской стороне, где в то время находился госпиталь.

Вскоре Вера Семеновна окончила санитарные курсы и стала дежурить в МПВО — в госпитале, в своем доме и в ЛССХе, куда приходила почти ежедневно.

— Сейчас трудно понять, — говорит скульптор, — до какой степени велика была тогда потребность быть в коллективе, работать наряду со всеми. Как бы мы ни были слабы, никто из нас не прекращал творческой деятельности.

Так возникла статуэтка «Минерша», выполненная Драчинской в 1942 году по заказу Комитета по делам искусств. Это — небольшая, около 40 см высотой, фигурка девушки в военной форме с миной в одной руке и саперной лопаткой в другой. Бесстрашно, уверенным шагом идет девушка-минер на выполнение боевого задания. Одновременно скульптором была выполнена фигура девушки-огородницы, но этот эскиз, подобно многим другим, к сожалению, бесследно исчез.

В 1943—1944 годы скульптор, наблюдая самоотверженную работу ленинградских девушек, заменивших мужчин в пожарных частях, запечатлела образ одной из них в статуэтке под названием «Пожарная». Эта работа экспонировалась на выставке в ЛССХе в 1945 году. Тогда же Драчинская выполнила погрудный, в натуральную величину портрет писательницы Веры Инбер. Позже бюст был переведен в мрамор.

Сохранились еще две работы военного времени, выполненные скульптором в 1943—1944 годах,—два эскиза в пластилине высотой 40—60 см. Первый—ослабевшая от голода женщина в длинном пальто и брюках, закутанная в платок. Сгорбленная, с подгибающимися коленями, она идет неверным медленным шагом, опираясь на палку. Голова опущена, не видно лица. В левой руке—небольшое ведро. «За водой»—называется эта работа.

Второй эскиз—«В дни блокады»—изображает сидящего человека в теплой одежде с тощим мешочком за спиной. О драматизме положения этого обессилевшего от голода человека красноречиво говорят сгорбленная от слабости спина, склоненная голова, отяжелевшие слабые руки... Эскиз был тогда же переведен в гипс и отправлен в Москву на выставку. Однако сами эскизы в те годы в Ленинграде не выставлялись, ввиду их пессимистического звучания.

— К сожалению,—говорит Вера Семеновна,—многие произведения того времени погибали еще до формовки, другие были утрачены в годы войны и сохранились лишь в фотографиях, а иной раз—только в памяти самих авторов или их товарищей.

ТАТЬЯНА СЕРГЕЕВНА КИРПИЧНИКОВА, АЛЕКСАНДРА ФЕДОРОВНА ГУННИУС, ТАТЬЯНА ФЕДОРОВНА ЛИНДЕ

Скульптор Татьяна Сергеевна Кирпичникова пережила в Ленинграде все испытания и лишения, выпавшие на долю защитников осажденного города. Ее ловкие, умелые руки бережно упаковывали бесценные сокровища Государственного Эрмитажа, готовя их к эвакуации, плели маскировочные сети, скалывали лед на улицах города весной 1942 года, оказывали помощь более слабым товарищам и всегда неудержимо тянулись к любимому делу: послушные скульптору, они передавали в пластических образах увиденное и пережитое.

Так появилась небольшая скульптурная группа, изображавшая двух мальчиков-партизан, несущих ящик со снарядами. Композиция называлась «Дети—помощники партизан». Она была экспонирована на выставке в ЛССХе в июле 1942 года.

Ко времени блокады Ленинграда относится и бюст мальчика-партизана, выполненный в натуральную величину. На выставке в Союзе художников 1943 года Кирпичникова показала небольшую композицию «Два Максима», представлявшую пулеметчика с пулеметом. Эта работа, так же как и предыдущая, хранится у автора.

Интересна небольшая фигурка «Девочка с кошкой», выполненная в дереве, в сентябре—ноябре 1941 года. Композиция эта тонко передает душевное состояние девочки-подростка, лишившейся дома и близких. Одинокая, испуганная, она прижимает к себе кошку—единственное живое существо, оставшееся с нею. Глаза девочки, полные ужаса, смотрят в пространство, как бы обращаясь ко всему человечеству с вопросом: «За что?» Эта же тема варьируется в композиции «После бомбежки»: у развалин дома одинокая фигурка сидящей девочки. Образ ее глубоко трагичен и будит у зрителя чувство ненависти к врагу, обездолившему ребенка.

На выставке 1945 года Кирпичникова показала своего «Ремесленника». Работа отразила характерное для последнего периода войны явление: ленинградские ремесленники — юноши и девушки — восстанавливали разрушенные бомбежками здания. Перед нами юный водопроводчик в момент работы. Статуэтка была приобретена Русским музеем и хранится в его фондах. На одной из последующих выставок в ЛССХе Татьяна Сергеевна представила работу периода военных лет «Матрос на оборонной стройке».

— Вот, пожалуй, и все, — говорит скульптор. — Впрочем, есть еще один портрет, — и, осторожно отодвинув другие работы, снимает с полки бюст девушки в военной гимнастерке и форменном берете.

— Девушку звали Клава Иванова, — рассказывает скульптор. — Она служила в части местной противовоздушной обороны, стоявшей в 1943 году поблизости от Союза художников. Девушка позировала мне всего несколько раз. Однажды Клава не явилась на сеанс, и мне передали, что она погибла на боевом посту. Портрет я заканчивала по памяти.

— Одновременно с Татьяной Сергеевной портреты девушек МПВО делали скульпторы А. Ф. Гунниус и Т. Ф. Линде.

Александра Федоровна Гунниус исполнила бюст девушки в форме МПВО. Девушку звали Дуся Чайкина.

Гунниус принадлежит к числу немногих ленинградских скульпторов, которые пережили войну и блокаду в Ленинграде.

Об этом времени Александра Федоровна вспоминает неохотно, мало рассказывает о себе.

— Мы делали все, что требовала от нас обстановка, — говорит она. — В конце декабря 1941 года правление ЛССХа объявило о подготовке к художественной выставке, намеченной на начало января. Это чрезвычайно ободрило всех, прибавило силы. Каждый что-то готовил к выставке. Чаще всего это были небольшие эскизы в пластилине. Я сделала тогда эскиз «Мальчик-дистрофик с ведром воды».

Весной 1942 года А. Ф. Гунниус была направлена вместе с В. В. Исаевой, В. Б. Боголюбовым и А. В. Петошиной на партизанскую базу в Кавголово. На основе сделанных здесь эскизов Александра Федоровна выполнила трехфигурную композицию «Молодые партизаны», экспонированную на выставке в ЛССХе в июле 1942 года. Гипсовый отлив этой группы находился затем в партизанском музее.

В 1943 году А. Ф. Гунниус сделала группу «После бомбежки»: над лежащей без сознания женщиной склонилась сандружинница с фонариком в руке.

К периоду блокады Ленинграда относится также и выразительная группа «В тылу у фашистов». Эта композиция представляет собой сидящую женщину, обнявшую за плечи мальчика. Весь облик женщины, ее поза, движение, мимика, очень сдержанные и строгие, раскрывают без малейшего намека на аффектацию душевное состояние героини. Гнетущее горе обессилило ее, но ни стона, ни жалобы не слетает со сжатых губ. Горе и мука, но не рабская покорность выражена в образе страдающей женщины-матери. Группа эта была воплощением актуальных событий, понятных каждому советскому патриоту, взывала к мести, борьбе за освобождение томившихся под фашистским гнетом советских граждан.

На выставке 1945 года Гунниус экспонировала новую работу «На лесозаготовках»: одетая в комбинезон девушка-боец МПВО несет на плече бревно. Тема, взятая из действительности раскрывает одну из сторон деятельности команд местной противовоздушной обороны, которые, наряду с исполнением своих прямых воинских обязанностей, выполняли и различные работы по городу, помогая гражданскому населению.

Две другие небольшие группы посвящены отдыху бойцов. Перед зрителем фигурка сидящей девушки, бойца МПВО с шитьем в руках. Это не суровый солдат при исполнении воинских обязанностей, а тихая молодая девушка, вышивающая кисет или платочек на память другу.

Вторая фигурка — играющий на баяне молодой солдат. Он весь поглощен игрой, и нет в нем ничего грозного, воинственного. В песне раскрылась его поэтическая натура.

Таков неполный перечень произведений Гунниус периода Великой Отечественной войны.

Скульптор Татьяна Федоровна Линде, подобно Кирпичниковой и Гунниус, провела всю блокаду в Ленинграде. Уже к январской выставке 1942 года она выполнила в пластилине эскиз «Полевая почта». Это была небольшая группа из трех фигур, скомпонованная в виде пирамиды. Около наблюдателя, стоящего во весь рост, с биноклем расположились два связиста, один — ведущий разговор по телефону, другой — с телеграфной лентой в руках.

На выставке 1943 года в Доме Красной Армии и в ЛССХе экспонировался ее эскиз «Уничтожай фашизм беспощадно!» (пластилин). Композиция представляла лихого кавалериста, на всем скаку поражающего шашкой вражеского солдата. Фашист бросил оружие и, упав на колено, заслонился от удара руками.

К 1943 году относится триптих «Прорыв блокады», хранящийся сейчас в Русском музее. Центральная часть триптиха представляет собой барельеф, изображающий историческую встречу Волховского и Ленинградского фронтов. В левой части триптиха стремительный натиск войск Ленинградского фронта, сломивших сопротивление врага. В верхней части этого барельефа даны в виде фриза — Нева, здания Биржи и Петропавловской крепости. В правой части композиция, изображающая воинов Волховского фронта, побеждающих фашистских захватчиков; в верхней части — барельеф Волховстроя.

Значительно интереснее и удачнее работы Линде на темы, более близкие скульптору, чем батальные, например, группа «Юные огородники» или статуэтка «Сандружинница»: девушка, одетая в комбинезон, с повязкой красного креста на рукаве, изображена в момент, когда она, готовясь оказать первую помощь пострадавшему, открывает висящую на ремне через плечо санитарную сумку.

К 1943 году относится и скульптурный портрет бойца МПВО Аси Исаковой.

Обобщенные образы рядовых тружеников войны — солдат и партизан Ленинградского фронта, бойцов МПВО и граждан Ленинграда — неоднократно воплощались ленинградскими ваятелями. Значительно реже встречаются подлинные портреты конкретных людей — защитников Ленинграда.

К числу подобных работ относятся портретные бюсты трех девушек МПВО, выполненные Т. С. Кирпичниковой, Т. Ф. Линде и А. Ф. Гунниус в 1943 году по заказу одной

из частей МПВО города. По неизвестным причинам за бюстами никто не явился, и они остались в мастерских авторов.

Перед нами одетые в военные гимнастерки русские девушки. Скульпторы изобразили их без малейшей идеализации, без попытки героизировать образы. Облик девушек отличается сдержанностью и внутренней собранностью. Их роднит друг с другом суровость лиц, смелый, прямой взгляд. Это те, кто днем и ночью нес нелегкую службу по обороне города, кто смело входил в горящие дома, кто спасал пострадавших из-под развалин рухнувших зданий, оказал первую помощь ослабевшим и раненым.

Не тысячелетия и не века скрывали от нас историю трех юных патриоток, и все же восстановить ее долгое время было невозможным.

Оказалось, что девушек знают и помнят бывшие командиры и сослуживцы по отдельному городскому батальону МПВО, обслуживавшему Октябрьский район Ленинграда.

Научный сотрудник одного из ленинградских учреждений Т. Молчанова, служившая в годы войны вместе с девушками, сообщила, что, вопреки сведениям скульптора, Клава Иванова не погибла и что она живет и работает в Ленинграде.

Вскоре сама Клавдия Алексеевна Кантурова (Иванова) рассказала свою историю, чрезвычайно типичную для ленинградской молодежи.

Осенью 1941 года школьница десятого класса Клава Иванова пошла работать на завод, выпускавший военную продукцию. В марте 1942 года в числе других комсомолок завода она была призвана на службу в части МПВО Ленинграда. Там получила она воинское звание старшины и вступила в ряды КПСС.

Клава Иванова была командиром взвода дегазационной роты, которая в то время выполняла службу саперных частей.

По первому сигналу днем и ночью при обстреле и бомбежках выезжала она со своим взводом на очаги поражения.

— Иногда,— вспоминает К. А. Кантурова,— спасательные работы велись беспрерывно в течение нескольких суток. Осторожно, вручную разбирали мы огромные завалы, борясь за жизнь каждого пострадавшего ленинградца. Что касается моей мнимой гибели, то это было простым недоразумением. В тот злополучный день я не попала ни к скульптору, ни на торжественное вручение медалей «За оборону Ленинграда», которую я должна была получить в числе первых награжденных в городе. С серьезным повреждением ноги я была доставлена в госпиталь, откуда вышла лишь несколько месяцев спустя.

Бывший командир отдельного городского батальона майор Б. В. Абрамов помнит всех трех девушек, неоднократно отмечавшихся командованием за хорошую службу.

— Командир отделения санитарной роты Ася Исакова, — рассказывает майор, — была очень смелой девушкой. Она вынесла более двухсот пострадавших во время обстрелов и бомбежек, оказав им первую медицинскую помощь непосредственно на месте событий.

Т. И. Нафранович (Суслова), бывший командир взвода санитарной роты, в которой служила Ася Исакова, также очень тепло отзывается о ней: «. . .Ася считалась лучшей санитаркой в нашей роте. . . была отличницей боевой и политической учебы. . . когда были очаги

поражения от бомб или обстрела, то она первая шла туда и очень многим оказывала медицинскую помощь. . .»

— Дусю Чайкину я также хорошо помню, — говорит майор Б. В. Абрамов. — Она была в числе лучших разведчиц при штабе МПВО. Служба эта, трудная и опасная, требовала, кроме знания дела, особых личных качеств — мужества, смелости, находчивости, которыми и обладала эта девушка.

Так постепенно удалось восстановить жизненно реальный образ каждой из трех скромных ленинградских девушек, чьи портретные бюсты были созданы в осажденном городе в 1943 году. Вскоре вслед за Клавой Ивановой нашлись в Ленинграде и Ася Исакова и Дуся Чайкина.

На одной из швейных фабрик Ленинграда работает Анастасия Васильевна Коршунова — депутат районного Совета, та самая отважная девушка из МПВО, Ася Исакова, о которой не раз писали ленинградские газеты и имя которой было занесено в книгу почета горкома ВЛКСМ Ленинграда. С 1945 года в столовой при швейной фабрике имени Володарского работает в должности заместителя заведующего производством Евдокия Александровна Ионова (Дуся Чайкина). Евдокия Александровна помнит, как в 1943 году за хорошую службу она была премирована командованием и награждена грамотой горисполкома, как ей, разведчице из МПВО, было приказано явиться к скульптору А. Ф. Гунниус, которая затем и создала ее портрет.

Это было более тридцати лет тому назад, в осажденном Ленинграде, в дни, когда защитники города-героя — будь то воин или художник — отстаивали право советского народа на мирную жизнь, на созидательный труд, на счастье свободного творчества.

Сейчас эти портретные бюсты девушек МПВО хранятся в Музее истории Ленинграда.

М. ГРИЦЕНКО

КОМАНДИРОВКА В ЛЕНИНГРАД

В годы войны я находилась в Москве и принимала участие в подготовке и проведении первых двух больших всесоюзных художественных выставок военных лет: в 1942 году — «Великая Отечественная война» и в 1943 году — «Фронт и тыл». В связи с подготовкой второй из этих выставок мне довелось в августе 1943 года провести неделю в Ленинграде. Свои впечатления об этой незабываемой командировке, о работе Ленинградского Союза советских художников и о жизни наших товарищей в необычайно сложной и ответственной обстановке города-фронта я каждодневно заносила в дневник, выдержки из которого публикуются ниже.

Наступил долгожданный день — 18 января 1943 года!

Из оргкомитета мы вышли вчетвером: Георгий Семенович Верейский, Яша Ромас, Миша Дерегус и я. Расстались с Верейским по дороге. У МХАТа какие-то люди возбужденно обсуждали «Последний час», но никто в точности не знал, что именно передали: говорят — прорыв блокады?! Мы бросились ко мне на Огаревку. Бежали, спотыкаясь в темноте, волнуясь, что нет с нами Георгия Семеновича. Знает ли он уже и поспеет ли домой до «Последних известий»?.. Ура!!! Правда!!! Блокада прорвана!!! Какое счастье!

Великая победа города-фронта, принесшая первое реальное облегчение его жителям и позволившая установить общение с ними уже не только через ладожскую «дорогу жизни», крепила общую уверенность советских людей в том, что в самом скором времени враг будет разгромлен на всех подступах к Ленинграду.

Теперь все более стали шириться творческие связи оргкомитета Союза советских художников СССР с ЛССХом, увеличивалось непосредственное личное общение художников Москвы и Ленинграда, крепла дружба.

19 августа 1943 года

...К одиннадцати часам бегу в ЦК Рабис: вчера мне здесь обещали броню на самолет. Вылететь в Ленинград невероятно трудно. Курсирует только несколько «Дугласов». Десять дней тщетно пыталась получить место... Застаю товарища, на которого возлагаю все упования за телефонным разговором с Аэрофлотом. «Ну, а Гриценко отправляем сегодня, даже если машина отменена», — говорит он утвердительно в телефонную трубку.

...Дома наскоро собираю маленький чемоданчик и рюкзак с посылками — поручения художников и знакомых: разве можно отказать в передаче посылки для ленинградца?..

...Проводить меня до аэродрома приходят наши художники-моряки — И. Ф. Титов и Я. Д. Ромас. Они на днях вернулись с Балтики и очень представительны в своих новых синих офицерских кителях, при погонах, орденах и медалях. Нынче роли переменились: не я их провожаю в Ленинград, а они меня.

...В отделе перевозок Аэрофлота узнаю, что, несмотря на отмену пассажирского «рейса» на Ленинград, я улетаю на военном грузовом «Дугласе». Протекция Рабиса действует магически!.. Титов и Ромас дают прощальные наставления: в Ленинграде ходить только по западным и южным сторонам улиц, а во время обстрела укрываться в подъездах, а не в подворотнях. «Если будут очень стрелять и не успеешь зайти в дом, —говорят они, — ложись прямо на улице, не стесняйся, знаешь, это там очень принято!» Я смеюсь, а про себя думаю, что вряд ли «очень принято», но меня трогает их забота.

...В машине, загруженной основательно, только четверо пассажиров, возвращающихся из командировок... Ровно в 17.00 отрываемся от московской земли. Круг над аэродромом — и мы, набрав высоту, «ложимся на север».

...Через 1 час 45 минут делаем посадку. Сейчас это один из важных пунктов Ленфронта, откуда выполняются и задания партизанского центра Ленобласти. Небольшой аэродром в сосновом лесу. Пахнет хвоей, тишина, покой... Так и тянет погулять, размять ноги. Но кругом замаскированные боевые машины, землянки, рации, склады. Вечернюю тишину все чаще нарушает рев стартующих машин.

Как не вяжутся эти звуки с чудесным вечером, мягкой хвоей, в которой утопает нога, ковром цветущего вереска и краснеющей брусники, золотистыми лучами заходящего солнца, сквозящими через красные стволы сосен... А нам долго не дают старта: Ленинград не принимает. Темнеет, становится холодно.

Наконец, в 22.30 аэродром нас выпускает. «Сейчас увидите, — говорит мне один из спутников, молодой летчик-штурмовик в звании капитана — что мы называем «летать на брюхе», — прикрытия не дают, а условия сложные, иначе лететь не можем...»

И в самом деле, набрав высоту, мы идем резко на снижение: кажется, что ветки деревьев цепляются за машину.

Так, маскируясь, мы словно «ползем» по земле, невозможно избавиться от ощущения, что движемся очень медленно.

...Освещение совершенно феерическое, весь ландшафт приобретает какой-то мистический облик, напоминая по цвету полотна Рериха и Чурлиониса. На темно-коричневом фоне земли, лишенном деталей, зеленоватым отблеском сверкают воды речушек и болот. Воздух пронизан серебряной сеткой испарений, местами они сгущаются, превращаясь в туманы, рыхлые, расплывчатые пятна причудливых форм, в которые мы от поры до времени «ныряем». Впереди, у горизонта, на ярких лимонно-оранжевых просветах заката — нагромождение фиолетовых и серо-бурых облаков. Там, где сливается небо с землей, горит узкая пурпурная полоса...

Даже в надвинувшейся темноте довольно отчетливо видны развалины Тихвина. Перелетаем Волхов. На серебристом фоне реки — вздыбленный к небу силуэт взорванного моста: его фермы торчат в воздухе, как большие окоченевшие руки... Синявино, Мга... Слева, вдали, на сплошном сером облачном экране вспыхивают разрывы орудийных залпов, какие-то мерцающие в воздухе круглые расплывчато-огневые пятна. Это — фронтовой пейзаж ночью, здесь идут сейчас серьезные операции.

Недолго летим над Ладогой. В ее опаловой воде отражаются потрясающие по интенсивности краски заката, который все еще окончательно не погас. Зеркальный рельеф озера врезан в темную поверхность земли... Красота и необычность этого пейзажа заставляют совершенно забыть о полете — ощущаешь себя как бы вне времени... И вдруг все резко меняется: влетаем в сплошной туман. Темнота все сгущается, наконец в машине уже ничего различить нельзя, и кажется, будто даже шум мотора стал глуше. «Хорошо, что такой туман, — кричит мне наш спутник — летчик-штурмовик, — мы на самом паршивом участке трассы». Внезапно в воздухе, впереди и рядом с нами, возникают огромные мерцающие огневые шары. Они растут, приближаются к машине, ширятся, заливают ярким светом кабину, затем начинают меркнуть и растворяются, наконец, в тумане. «Бомбежка, налет на Ленинград, — кричит мне капитан, — скоро будет аэродром».

Пелена тумана несколько рассеивается, мы идем на посадку, но из-за налета посадочные знаки не зажжены. Пилот долго кружит, «ощупью» выискивая площадку. Наконец сильная встряска, нас всех вместе с грузом изрядно подбрасывает, и машина оседает хвостом вверх.

Мы приземлились в сплошную грязь — по колено! Холодно, моросит дождь. Бухают зенитки... В Ленинграде действительно налет. При свете ракет кое-как с большим трудом добираемся до диспетчерской.

Ждем конца налета. Наконец, отбой. Спустя некоторое время из города приходит автобус, он должен нас отвезти в центр, до агентства Аэрофлота.

20 августа. Ленинград

...Ослепительно сияет луна, освещая пригородное шоссе. При выезде из зоны аэродрома последняя проверка документов. По пути становятся все заметнее следы бомбежек. Переезжаем Охтинский мост. И сразу попадаем в обстановку, которую трудно воспринять как реальность. По обеим сторонам улиц тянутся причудливые кружевные руины разбомбленных и сгоревших многоэтажных городских зданий, груды развалин — ни одного уцелевшего дома! Яркий свет луны, резкие светотени придают всему антуражу вид гигантских декораций... Тишина, пустота... Середины улиц и площадей освобождены от обломков, чисто прибраны, и это еще больше подчеркивает безлюдие пейзажа и его безмолвие...

Необычайность зрелища, его монументальность, особое торжественное спокойствие и красота освещения действуют ошеломляюще.

...Проезжаем Охту, Суворовский. Разрушения столь велики, что я с трудом ориентируюсь. По мере приближения к центру облик города заметно меняется: фасады пострадавших зданий заделаны, задекорированы, зияющие пустоты окон закрыты. Чисто прибраны улицы, площади. И в этом казавшемся сперва пустынном, мертвенном ночном облике города начинаешь реально чувствовать мужественный дух его жителей, граждан-бойцов, из которых каждый вот уже двадцать пятый месяц отстаивает и защищает свой город от оголтелого врага!

...На Литейном проспекте останавливаемся у дома 48 — агентство Аэрофлота. Я попала в район Литейного, где прошло мое детство... Одна из моих спутниц — полковник медицинской службы — берется меня подвезти к ЛССХу. Садимся в ее «эмку». «Со мной не пропадете», — успокаивает она, так как у меня нет ленинградского ночного пропуска.

...Торжественная, строгая перспектива Невского... Залитые лунным светом Аничков дворец, Александринка, Казанский собор... Ни единого человека. Тишина.

Заворачиваем на улицу Герцена. У подъезда Союза меня высаживают — прощаюсь и благодарю. Машина уходит. Я остаюсь одна на пустынной улице, перед домом, служащим столько лет русскому искусству.

Долго стучу. Открывает заспанная сторожиха. Объясняю, кто я, и прошу кого-нибудь позвать. Она долго что-то соображает и только после того, как я даю ей коробок спичек, отправляется на пятый этаж, в мастерские, разбудить товарищей. Слоняюсь в одиночестве по просторному, едва освещенному вестибюлю бывшего Общества поощрения художеств. Присаживаюсь на табуретку и чувствую, что очень устала. Тишина нарушается равномерным и медленным тиканием радиометронома. Это значит, что в городе тихо — тревоги нет. Часы бьют половину третьего.

Итак, я у цели. Рой воспоминаний мелькает в сознании: «Мир искусства», «Союз русских художников», Община святой Евгении, Ленинградский Союз советских художников предвоенных лет... В памяти встают давние события, образы близких друзей и просто добрых знакомых, с которыми довелось совместно переживать радости и тревоги художественной жизни минувших десятилетий.

...Шум шагов сбегающего по лестнице человека и незнакомый голос, радушно и ласково окликающий меня, возвращает к действительности. В полосу света вихрем врывается фигура, бросающаяся ко мне. Крепкое объятие. По сильному акценту догадываюсь, что это Григорьянц. Вслед за ним появляется Серов, еще с верхней площадки басом приветствующий меня. Первые нелепые фразы, обычные при неожиданных встречах, вопросы без ответов, ответы невпопад. Я прошу простить, что разбудила. «Какое там спать, — басит Серов. — Я и не ложился, мы с Григорьянцем работаем. Идемте, будем пить чай и разговаривать».

...В большой мастерской Серова, на пятом этаже, яркий свет «юпитера». Мастерская уютно обставлена, затянута ковром, завешана этюдами, портретами. На мольбертах несколько работ, которые он ведет одновременно: «Расстрел», «Ленинградка», портреты героев Ленфронта, женские портреты.

С тахты поднимается Серебряный, он очень смущен: задремал и не слышал сообщения сторожихи о моем приезде. Кипятят электрический чайник, и начинаются бесконечные разговоры, перескакивающие с одной темы на другую.

...Перед тем как нам разойтись, Серов снимает затемнение и раскрывает окно верхнего света мастерской. Мы все влезаем на высокий подоконник. Шестой час утра. Город

просыпается. Под нами Мойка, на противоположной стороне многие здания пострадали от бомбежек и артобстрелов, всюду следы осколков, окна забиты фанерой. На набережной тихо. Где-то под нами слышатся шаги одинокого прохожего. На середине Мойки — остов разбомбленной, наполовину затонувшей баржи. Восток затянут серой пеленой утреннего тумана. Где-то вдали заглушенно, почти равномерно, бухают орудия. «Это не наши передовые, — говорит Серов, — где-то дальше, на Ленфронте». Зарождается новый день города... Невольная мысль: уцелеет ли этот дом к концу нового дня?..

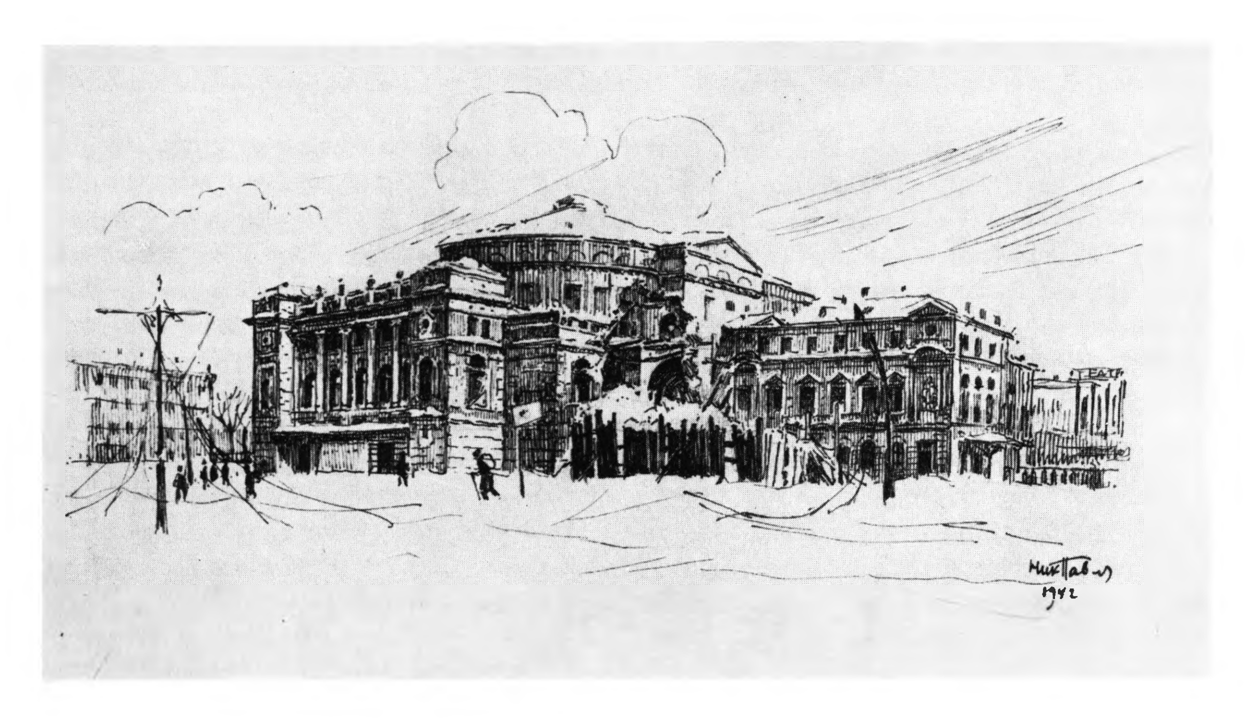
...В десять часов в мастерскую Серебряного, куда я определена на жительство, стучит Малагис. Приподнявшись на цыпочки, обнимает и целует. «Ну как же это так?.. А?.. Нехорошо, надо было разбудить», — и заботливо тащит меня обедать! Я протестую — еще очень рано. «Нет, нет. Обязательно надо хорошо покушать». Я сдаюсь, и мы спускаемся на второй этаж в столовую Союза.

Вопрос питания все еще стоит остро. Травма 1942 года до сих пор дает себя знать, несмотря на значительно улучшившееся снабжение. Сейчас художники Ленинграда получают нормы, равные московским. Снабжение и отоваривание карточек организованы в городе идеально. В Союзе есть закрытая столовая для членов ЛССХа и сотрудников, карточки отовариваются здесь готовыми блюдами. Меню довольно разнообразно, по 2—3 блюда на выбор. В столовой чистота и порядок, порции большие, очереди никакой. Дефицит — чайная посуда и стаканы (как и во всем городе!). Проблема чая решается просто: его в столовой не пьют.

...Встречи с лоссховцами, живущими и работающими в Союзе: с Пинчуком, с которым успела подружиться в этом году в Москве, со старым моим знакомым ответственным секретарем В. Н. Прошкиным, с А. М. Земцовой, в полном контакте с которой уже год я работаю по организации и подготовке выставок... Ярослав Николаев — до ужаса худой, весь состоит из углов. Шумный, круглый, экспансивный В. И. Курдов говорит без умолку, у него слова не поспевают за мыслями; он буквально вцепился в меня — хочет сразу обо всем расспросить, все рассказать! Толя Казанцев очень молод (по крайней мере с виду) и поэтому, вероятно, держит себя подчеркнуто серьезно и сдержанно; Астапов говорит громко, отрывисто, часто закатывается смехом, заглушая тихий размеренно ровный голосок Павлова.

...Мой приезд до некоторой степени событие: после приезда зимой 1942 года И. М. Гурвича и А. М. Шабельникова, доставивших ленинградцам пищевые концентраты и медикаменты, я — первый представитель оргкомитета Союза советских художников СССР, специально приехавший к ним из Москвы, — «человек с Большой земли».

...Меня поражает и трогает: все лоссховцы, вне зависимости от степени знакомства со мной, проявляют не только деловой интерес к моему приезду, но и по-человечески заботятся обо мне: как долетела, каково самочувствие и, конечно, сыта ли? Серьезно обсуждают вопрос о том, как я буду одна ходить по улицам, требуют соблюдения всех правил поведения при обстрелах и обязательной явки в канцелярию Союза до ухода в город и по возвращении из города...

Н. Павлов. Театр имени С. М. Кирова. 1942

...В Союзе восемьдесят шесть членов. Из них двадцать два человека живут в доме ЛССХа на улице Герцена. Они работают и живут в своих мастерских, питаются тут же в столовой ЛССХа. Графическая мастерская (литография) Союза уже более года работает без перебоев, выпуская листы «Боевого карандаша», плакаты, открытки, портреты и другие агитационные издания.

Весь творческий актив Союза во главе с правлением находится в состоянии постоянной «мобилизационной готовности». Заказы распределяются между художниками с учетом индивидуальных особенностей того или иного автора. Каждый художник, каждая работа на учете правления, несущего ответственность перед заказчиком за идейные и художественные достоинства исполнения. Такая «централизация» не всем по душе, но она очень эффективна в особых условиях Ленинграда и служит хорошим организующим началом. Правление является своего рода художественным советом, без решения которого не визируется выпуск изданий в свет. Актив Союза чрезвычайно работоспособен, но число работающих художников невелико, и они не могут удовлетворить запросы города-фронта. Отсюда перегрузка каждого автора.

Мастерская Серова — это «штаб Союза». С утра, один за другим, приходят сюда художники показать эскизы, посоветоваться, приносят готовые работы. Хотя многие и не согласны с творческими установками Серова, но все отдают ему должное — он хорошо чувствует политическую остроту момента и верно подсказывает, учитывая творческие возможности

авторов, как наиболее актуально «решить» тему, помогает найти, откристаллизовать художественный образ, отвечающий поставленной задаче. Как организатор Серов — незаменимая величина.

Наиболее активное участие в организационно-творческой работе Союза принимают Серебряный, Пинчук, Прошкин, Малагис, Казанцев, из графиков — Павлов.

Графическая секция воспринимается в Союзе как «государство в государстве», однако это не мешает графикам активно участвовать во всех общесоюзных боевых предприятиях, и нельзя не признать, что в годы блокады наиболее значительные произведения созданы ленинградцами именно в графике, как наиболее мобильном жанре. Скульптура — наименее оперативный вид изобразительного искусства — все еще не нашла форм своего участия в общей большой работе коллектива по наглядной агитации. Поэтому и скульпторы несколько «в тени», да их и немного.

21 августа

Утром принимаюсь за хозяйство. На пятом этаже — живут «холостяки», у всех семьи эвакуированы, поэтому в мастерских порядок мужской. Толстые, наглые крысы сжирают все, вплоть до радиошнуров, — вести борьбу с ними трудно, тем более, что кошек в городе не осталось. Что поделаешь, примирились: стали подвешивать продовольствие в мешочках на стены... Я очень огорчена и сетую: при таком беспорядке пропадают ценнейшие материалы — подготовительные эскизы к большим работам, рисунки, наброски, этюды с натуры, всякие записки, заметки.

Союзу во что бы то ни стало надо организовать сбор и хранение всего отработанного материала, впоследствии он представит ценную документацию. Говорю художникам, что запомнила на всю жизнь, как в свое время сердился Алексей Максимович Горький, когда начался сбор материала по истории гражданской войны, сердился по поводу того, что на местах плохо хранили документы первых лет революции.

...Во время утреннего завтрака (чай кипятят в электрочайнике, но пьют по очереди — на весь пятый этаж только три чашки) приносят для корректуры оттиски цветных литографий — иллюстрации Серова к «Сказке о царе Салтане».

Издательским хозяйством Союза ведает Горбунов. Одновременно с упомянутыми работами литографская мастерская готовит иллюстрации к литературно-художественному сборнику «Женщины Ленинграда». Это — ударная работа. Каждый художник делает один рисунок. Несколько рисунков уже готовы, самый удачный из них принадлежит Серебряному. Авторы работают с прохладцей, и Серов очень сердится, хотя и сам только сейчас начал свой лист...

...К двенадцати спешу в Управление по делам искусств — назначена встреча с П. Е. Корниловым по вопросам подготовки всесоюзной выставки «Фронт и тыл» и по делам Третьяковской галереи. Там застаю Анну Петровну Остроумову-Лебедеву, принесшую Корнилову свои новые работы. Она еще очень бодрая, деятельная. «Благодетель он наш, — говорит она мне про Корнилова, — сколько сделал для нас, стариков!» В душевных качествах Кор-

нилова я убедилась еще вчера — как деликатно и тактично рассказывал он мне, совершенно чужому для него человеку, об обстоятельствах гибели моих родных.

. . .Возвращаюсь в ЛССХ по Невскому. Гостиный двор, сгоревший еще зимой 1942 года, внешне выглядит так же, как и до войны, но все это бутафория: арки фасада заделаны выкрашенной в тон здания фанерой. Перинная линия разбита, частично разрушено здание бывшей Городской думы. Дом книги сильно поврежден осколками. Здание банка неподалеку почти не сохранилось, но так искусно замаскировано расписанным холстом, что на первый взгляд разрушения даже незаметны. . .

Внезапно усилившаяся стрельба и разрыв снаряда где-то поблизости заставляют меня вспомнить строгие наказы моих друзей и зайти в подъезд. Фашисты теперь пристрелялись и бьют очень метко. В последние месяцы их излюбленными мишенями стали трамвайные остановки (трамваи ходят по Невскому и Садовой), причем бьют они особенно рьяно в часы наибольшего скопления людей — в начале и в конце рабочего дня. Поэтому остановки почти ежедневно переносят на новые места. Наблюдаю людей, вместе со мной ожидающих отбоя, — никто не выражает какого-либо волнения: одни читают газету или книгу, другие просто ждут — состояние, хорошо известное мне по московским бомбежкам: привыкли. . .

Н. Павлов. Невский проспект. 1942

От Штаба по улице Гоголя возвращаюсь в Союз. Тут есть место, особенно меня умиляющее: на углу Кирпичного переулка дом совершенно разрушен снарядом. Угол замаскирован, и «дом» отнесен в глубь квартала метра на три. Освобожденное таким образом пространство между домом и мостовой поднято от уровня земли на полтора-два метра, аккуратно утрамбовано и превращено в... огород с такими же, как и всюду, пышно произрастающими брюквами и другими овощами. Жаль, что до сих пор никто, даже Павлов, не увековечил этого места в рисунке...

На улице Гоголя полчаса тому назад тоже разорвался снаряд, но разборочная бригада уже кончила уборку, щебень и мусор с улицы убраны. Поражаешься, с какой быстротой ликвидируются последствия обстрелов. Чистота и порядок в центре города удивительны. По утрам дворничихи в белых фартуках с бляхами на груди подметают улицы; площади убираются воинскими частями. На центральных магистралях так чисто, что, закуривая папиросу, не решаешься спичку бросить.

...В ЛССХе уже волновались, не случилось ли чего со мной во время обстрела. Трогательные люди! Меня ждали с обедом — Серебряный, Павлов и Серов. Серов просит извинить за минутную задержку — надо надеть воротничок и галстук. «Но ведь так жарко»,— замечаю я. — «Что вы, нельзя же обедать без галстука!» Все это мелочи, но как они характерны для Ленинграда.

Поднимаюсь к Серебряному. Огромная мастерская с верхним светом наполовину занята большим холстом «Прорыв блокады» — коллективная работа Серова, Серебряного и Казанцева. Картина еще не закончена, в ней неплохие куски, в целом же она еще сыра и мало собрана в цвете. В мастерской меня особенно подкупают портреты, и среди них, в первую очередь, портрет ныне погибшего летчика Ленфронта Героя Советского Союза, украинца Шишканя. Образ этого простого мужественного украинца особенно близок мне, так как символизирует не только героизм Ленинграда, но и дружбу двух народов. Портрет притягивает чем-то неуловимым, пожалуй — обаянием простоты. И по цветовому решению он тоже хорош. К сожалению, автор сейчас «дописывает» этот портрет, что ввергает меня в страх за его судьбу.

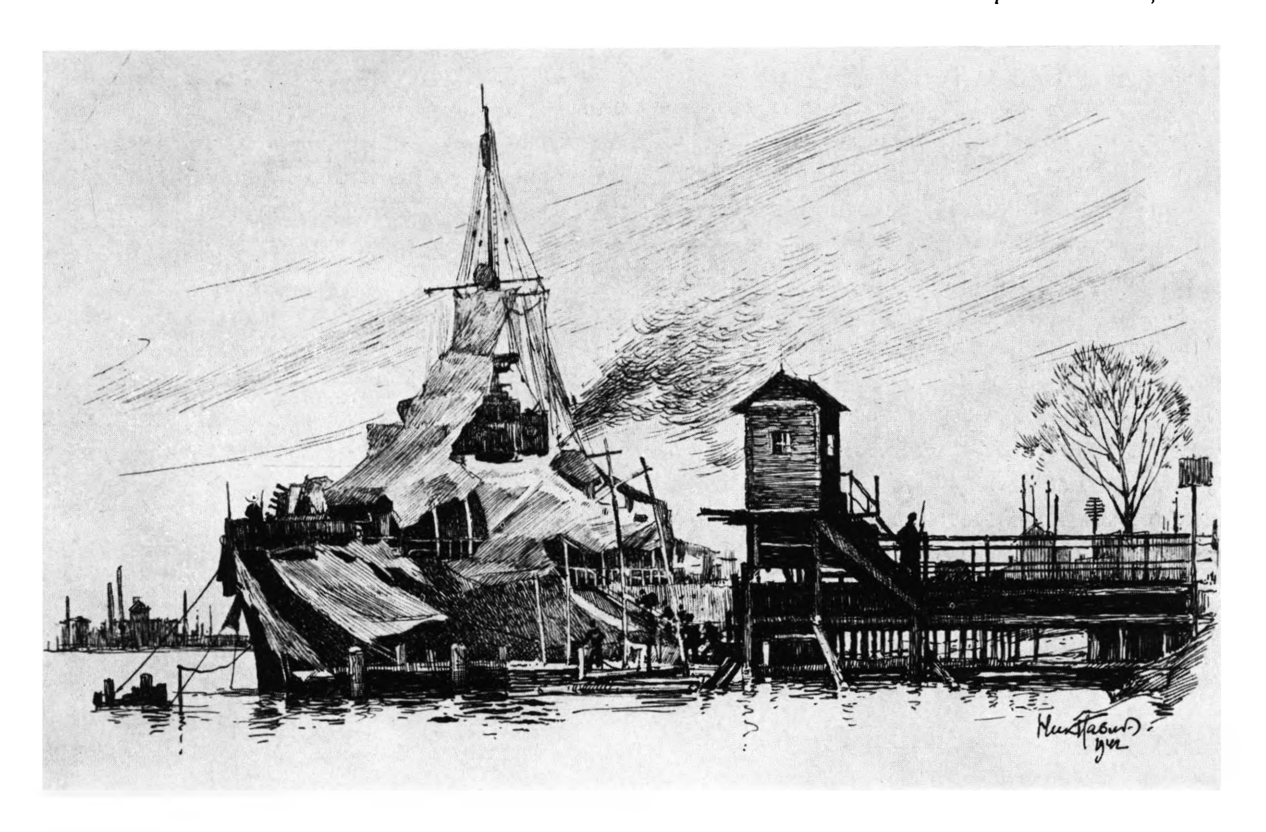
Встретила в Союзе Н. И. Дормидонтова. Встреча — радостная. В памяти еще свежи острота и выразительность его автолитографий, поразивших меня еще в прошлом году на ленинградской выставке в Москве. Подлинную глубину творчества этого мастера раскрыла нам только блокада.

...И еще одна встреча — с новым знакомым, М. А. Величко, или Мишей, как зовут его в Союзе, несмотря на отнюдь неюношеский возраст. Сейчас Величко единственный в ЛССХе фотограф, специалист по репродуцированию. Большая, грузная, немного мешковатая фигура, крупные неправильные черты лица, замедленные движения. Миша перенес крайнюю степень дистрофии, последствия ее сказываются до сих пор. Художники говорили мне, что никто не верил, что он выживет. На мой шутливый вопрос, как же ему удалось всех так обмануть, — Миша отвечает совершенно серьезно: «Но ведь было столько дел — надо было все успеть сделать — вот и тянул, и жил, а там и Серов помог!»

Наша долгая беседа — один из тех разговоров, которые воспринимаешь как естественное явление только в Ленинграде, когда люди, еще вчера не знавшие друг друга, разговаривают с той степенью откровенности, с которой в обычной, мирной обстановке человек может говорить только с испытанным другом.

Мишина история начинается в 1941 году с момента бомбежки Гатчинского дворца, где он работал и жил. Фанатичный поклонник и знаток всех пригородных дворцов и музеев, Миша исключительно тяжело переживает трагическую судьбу Гатчины. «Понимаете, не здания, не вещи гибли, а для меня — живые существа». Он вместе с другими сотрудниками с трудом вывез часть фондов музея и свою семью в город — немцы уже были рядом, но снова возвратился, чтобы довывезти ценности дворца и забрать своего друга... собаку, овчарку. Отправив с нашими последними отступающими частями еще какое-то число тюков и ящиков, он сам едва не погиб под обломками дворца. В городе Управление по делам искусств поручило Мише работу по душе: еще до войны у него был большой негативный фонд памятников архитектуры и музейных ценностей Ленинграда, но теперь ему стало казаться, что не все достаточно зафиксировано и что он обязан увековечить как можно

Н. Павлов. Укрытый эсминец. 1942

больше. Ведь каждый день, каждый час на его глазах гибло несметное число памятников культуры и искусства. Миша напряженно и лихорадочно работает. При любых обстоятельствах таская на себе аппаратуру, он во время бомбежек и обстрелов рыскал повсюду, чуть ли не ползал, когда сил уже не хватало, но снимал, снимал, лишь бы успеть. Его контузило в Петропавловке, но и тогда он думал только о результатах произведенной съемки[1]... Зимой 1942 года умерла жена... Ребенок долго болел, но выжил. Теперь Миша весь свой досуг отдает ребятам. Его знают во всех детских домах, малыши ожидают его с нетерпением, он с ними играет, приносит гостинцы. Миша чутьем угадывает способности детей. Несколько одаренных он уже определил в балетную школу. «Вот завтра я покажу Иордан девочку в одном детском доме — такую грациозную, такую талантливую», — и лицо Миши светится особой нежностью.

22 августа

...Утром с удовольствием пью чай у Владимира Ильича Малагиса (Ильичка, как мы его зовем) в его маленькой мастерской, выходящей окном во двор. Мастерская заставлена мебелью (он здесь и живет); тут же нелепой конструкции печка, собственноручно им сложенная. Небольшая фигурка Ильички размеренно двигается по мастерской; милый, с чуть заметным акцентом, говорок действует как-то успокоительно. Он хлопочет со свойственной ему хозяйственной деловитостью и очень сокрушается: не из чего пить чай! «Ай, как нехорошо, верно? — непорядок, у вас в Москве не так, верно?» (в любую фразу Ильичка вставляет свое любимое словечко «верно?», при этом каждый раз взглядывает на собеседника поверх своих толстенных очков)... С Ильичкой мы дружим еще с прошлого года, когда в Москве, в промерзшем Музее имени А. С. Пушкина вместе готовили первую выставку ленинградцев. Сколько радости она доставила нам, москвичам, сколько гордости испытали мы за наших товарищей, наглядно показавших нам в своих произведениях несокрушимую волю, геройство, мужество и веру в победу города-героя!

...К чаепитию подоспел С. С. Боим, специально отпросившийся «на берег», чтобы повидать меня (он ушел добровольцем на флот в первые дни войны и с тех пор все время находится на Балтике). Не видались мы больше года. Теперь он — настоящий «морской волк», погрубел, загорел, отпустил усы, сосет трубку. Ильичка, ранее его не знавший, радушно принимает и, конечно, кормит. Разговоры о Москве, друзьях, советы, как Боиму лучше организовать работу. В Пубалте его очень ценят, но загружают так, что на творческие дела не остается времени.

...Днем собираюсь в милицию. Меня берется проводить Павлов. Ему необходимо еще раз «взглянуть» на Казанский собор для офорта, над которым он сейчас работает.

Чудесный солнечный день. Обстрела нет. Народу на Невском почти не видно. Все заняты на огородах. Одинокие прохожие имеют праздничный вид. Это сразу бросается в глаза. У девушек подкрахмалены платья, у многих живые цветы приколоты к лифу,

---

[1] После окончания войны материалы М. А. Величко были использованы комиссией ущербов, а также при реставрационных работах по восстановлению памятников архитектуры. — *Примеч. автора.*

В. Слыщенко.
Больная мать. 1941

В. Слыщенко.
В палате 6 градусов мороза.
1942

к волосам. Павлов говорит, что это вполне понятная реакция после пережитых зимою ужасов. В милиции меня быстро отпускают, и я прошу Павлова доставить мне удовольствие — обойти кругом Александринку: мне хочется взглянуть на улицу Росси. Пересекаем совершенно пустой Невский, насколько глаз видит — ни одной машины, но едва вступаем на тротуар — перед нами вырастает фигура девушки-милиционера в белом кителе и белых перчатках. Она вытягивается перед Павловым и, беря под козырек, говорит: «Штраф, гражданин, здесь перехода нет».

В Саду отдыха — народ, играет оркестр. Сквер перед театром разросся, деревья обступили памятник, он стоит не закрытый. Публичная библиотека пострадала от бомбежек, скульптуры на фасаде изуродованы. В сквере на днях свалило снарядом столетнее дерево. Оно лежит с вывороченными корнями, огромная, еще не увядшая крона свешивается через решетку к библиотеке, достигая почти середины улицы. Павлов, работающий в Комиссии по ущербам, интересно рассказывает историю каждого разрушения. Почти все значительные повреждения памятников архитектуры им зарисованы...

...Доходим до Казанского собора. Садик перед колоннадой изрыт укрытиями, заросшими травой и засаженными капустой. Возле статуй Кутузова и Барклая — большие копны свежескошенной травы. Пахнет сеном. Оба полководца не закрыты и пока невредимы. После того, как Павлов нагляделся на собор с нужной ему «точки», обходим его кругом. Обратная сторона Казанского пощерблена осколками бомбы, разорвавшейся рядом на маленькой площади.

...Предвечерняя тишина внезапно нарушается стрельбой зениток: над ними, на значительной высоте, сверкая в лучах солнца, серебрится «Хейнкель». Мы возвращаемся в ЛССХ.

23 августа

...С утра иду в Эрмитаж — сегодня мне должны показать хранящиеся здесь архивы моей семьи, интересующие Третьяковскую галерею.

Дворцовая площадь производит необычное впечатление. Здания Главного штаба и Зимнего дворца, относительно мало пострадавшие с фасадов от бомбежек, изломаны пестротой маскировочного декора. Наши молодцы здорово нарушили ансамбль площади, ее перспективу, исказили пропорции ее изумительных зданий! Только колонна, зашитая в леса, очень «некстати» теперь торчит посредине!..

На улице Халтурина так же чисто и пустынно. Здание Эрмитажа сильно пощерблено. Портик главного подъезда пострадал от прямого попадания: его правый верхний угол точно ножом срезан ровно по голову атланта... Очень романтично выглядит Зимняя канавка: большие, сочные пучки травы пробиваются сквозь каменные плиты набережной, свешиваются из расщелин зданий Эрмитажа! Эрмитажная служительница широкой метлой тщательно подметает тротуар, из-под арки перехода ослепительно сияет красавица Нева!.. Военные корабли, пришвартованные здесь, похожи на огромные чудища: ветер развевает нагроможденные на них маскировочные «дома», «окна», «деревья». Как своеобразен и необычен этот пейзаж!..

В. Власов. Партизанки. 1943

В. Власов. Партизанка. 1943

...Вся работа Эрмитажа — обеспечение его громадных территорий противовоздушной и противопожарной охраной, административно-хозяйственной службой, чисто научной работой — хранением оставшихся фондов и сбором ценных выморочных частных коллекций — проводится сейчас крайне ограниченной группой научных и технических работников. Обязанности директора выполняет Михаил Васильевич Доброклонский.

...Коридор нижнего этажа заставлен мебелью различных стилей и эпох — ценными экземплярами, спасенными в городе из выморочных имуществ. Архивные материалы того же происхождения свалены грудами в маленьких залах, выходящих окнами на набережную. Поистине эти люди, сами еле живые от дистрофии, проявили невероятный героизм, перетаскивая в Эрмитаж под бомбежками на своих плечах все эти ценности!

...Из Эрмитажа спешу в Союз. Сегодня — первый просмотр живописных работ для выставки, которая откроется в Москве в ноябрьские дни [1]. Своеобразное — не «выездное», а «выходное» — жюри, состоящее из членов правления ЛССХа, обрастает художниками по

---

[1] Всесоюзная выставка «Фронт и тыл». — *Примеч. автора.*

мере того, как мы ходим из мастерской в мастерскую. Каждый участник жюри высказывает автору свое мнение, и все дружески-деловито обсуждают достоинства и недостатки произведения, дают советы. Не обходится, конечно, без колкостей, но все это в границах творческих споров. В разношерстной компании художников чувствуется единый коллектив, который готовится выступить со своей общей работой на Большой земле. Для себя констатирую одно серьезное обстоятельство: травма 1941—1942 годов была слишком велика, художникам еще трудно преодолеть навязчивые образы этих страшных лет, и почти каждый снова и снова в своих работах возвращается к прошлому. Образы эти уже теряют силу и остроту, и наиболее выразительными на эти темы остаются работы прошлого года.

Мы осмотрели двадцать мастерских, переходя с этажа на этаж в доме ЛССХа на улице Герцена, 38. Осмотр сопровождался бесконечными дискуссиями чуть ли не у каждой работы. Утомительно, но как приятны были все эти, в большинстве своем искренние, горячие споры, порожденные товарищеской спайкой и стремлением помочь друг другу...

За вечерним чаем в мастерской Серова, кроме завсегдатаев, появляется Юрий Непринцев. Это молодцеватый моряк, он служит на Балтике с первых дней войны. Показал неплохие акварели-пейзажи блокадного Ленинграда; по сравнению с прежними его работами они производят серьезное впечатление.

...Во время чаепития беспрерывно работающее радио внезапно умолкает. Все переглядываются, что объявят—обстрел района или тревогу? Но тишину прерывает голос Левитана: «Говорит Москва». И тут же из репродуктора раздается оглушительный свист, треск—едва улавливается Москва, передающая последние известия. И все же мы слышим, что Харьков освобожден!!! Что делается в мастерской! Сбегаются все обитатели ЛССХа—радость проявляется бурно: крики, рукоплескания, даже объятия! А голос Левитана продолжает прерываться звероподобным ревом, воем, выкриками фашистов... Народ постепенно расходится, и мы продолжаем уже под шум усилившегося артобстрела прерванное чаепитие, горячо обсуждая знаменательную победу. Снаряды, судя по звукам разрывов, ложатся где-то поблизости: «А ну-ка, ребята, может пойдем в убежище?»—говорит Серов.—Удивляюсь, спрашиваю: где убежище? «Это у нас такая «традиция»,—смеется он,—повелась она еще в те времена, когда мы нуждались в разных психологических воздействиях: если обстрел района заставал нас в мастерской, то «убежище» было в мастерской Серебряного, а если заставал у него,—переходили ко мне! Ну так как же? Пошли?»

Общий смех. Остаемся: чаепитие в самом разгаре.

24 августа

Просматривали работы графиков для московской выставки. На этот раз собрание «сидячее», многолюдное. Графическая секция представлена в полном составе. Все принимают горячее участие в обсуждении, и опять та же товарищеская рабочая обстановка: критика—в глаза! Авторы (даже неугомонный Курдов!) внимательно выслушивают замечания, вслед за которыми часто рождаются контрпредложения. И так завязываются дружелюбные дискуссии. Поражает и то, что некоторые художники выносят на обсуждение коллектива еще

В. Серов. Снайпер. 1942

только-только рожденную «наметку» композиции, только намек найденного образа и спрашивают у товарищей совета. Это не от беспомощности, а от вошедшего уже в привычку метода коллективно мыслить и работать, практически оправдавшего себя во время блокады. Мы смотрим карандашные рисунки В. А. Власова (фронтовые зарисовки и типажи бойцов), фронтовые и городские пейзажи В. А. Кобелева, большую серию фронтовых рисунков И. С. Астапова, ленинградские пейзажи А. Л. Каплана (памятник А. В. Суворову, набережная, Горный институт), пейзажи Т. М. Правосудович, акварели В. А. Успенского (Адмиралтейство, огороды у Исаакия) и другие работы. Особенно врезаются в память рисунки Е. Д. Белухи, ныне уже покойного, сделанные им в страшную зиму 1941/42 года (тушь, акварель, карандаш). По силе выразительности и остроте замысла эта серия содержит, пожалуй, наиболее правдивые свидетельства о блокадной зиме, с документальной правдивостью запечатлевает образы осажденного города.

Серия литографий, зарисовки у партизан и фронтовые рисунки Курдова значительно интереснее тех, что он ранее уже посылал в Москву. Павлов показывает офорты, пейзажи

В. Серов. Расстрел. 1942

Ленинграда. Он с увлечением работает на целлулоиде и немного разочарован, узнав, что его «изобретение» практикуется и на Большой земле.

Только незначительная часть просмотренного материала отбирается для московской выставки. И вновь я стою перед фактом рождения новой формы работы, в условиях которой ложное авторское самолюбие почти отсутствует. Здесь автор—участник своеобразного коллективного творческого процесса, частица дружного сплоченного коллектива, заинтересованного в том, чтобы максимально отточить, создать убедительные, до предела действенные образы.

На заседании информирую правление о громадном интересе на Большой земле к работе и жизни ленинградских товарищей. Прошу организовать систематическую информацию оргкомитета СХ СССР для центральной прессы, Информбюро и ВОКС. Также прошу организовать специальный архивный фонд в Союзе и бережно хранить в нем историческую документацию—изобразительную, эпистолярную и прочую.

26—27 августа

. . .Бегу в Эрмитаж прощаться, а оттуда в управление Аэрофлота—на Дворцовую площадь. Шансы на вылет слабые. Только после звонка Серова меня включили в список. Вылет—на исходе дня. . .

В Союзе последние деловые разговоры, последние свидания. С Боимом—радостно-печальное прощание: доволен, что застал, грустит, что уезжаю; самому очень хочется на время вырваться, чтобы по-настоящему поработать—здесь это невозможно. Обещаю поговорить в Главном Политическом управлении. При нем акварели. Как он здорово вырос за минувший год, есть прекрасные по передаче состояния природы и по цвету. Трогательно прощаемся. . . С лоссховцами договариваемся о материалах для Информбюро—для центральной прессы и особенно для зарубежной. Товарищи плохо себе представляют, как велик интерес к их работам, к деятельности Союза, к художественной жизни города и как много у них «есть, что сказать».

Земцова рассказывает о предполагаемой хронике-летописи. Задумано хорошо, лишь бы выполнили. . .

. . .Решили увековечить нашу встречу, снимаемся в мастерской Серова, на фоне его «Расстрела»: Серов, Пинчук, Серебряный, Малагис, Павлов, Курдов, Прошкин, Земцова и я. Жалею, что без Величко, но заменить его за аппаратом некому. «Зато моя съемка будет»,—жертвенно-сокрушенно говорит Миша. . . Традиционный «вечерний чай» по случаю моих проводов сегодня носит торжественный характер: собрались все обитатели пятого этажа, даже какао где-то раздобыли и посуды на всех хватило!

Сердечно прощаемся. . . Лоссховцы всей гурьбой спускаются проводить до порога. В руках у меня цветы—увожу с собой на Большую землю большой букет белых и розовых гладиолусов, выращенных на родной для меня земле. На улице, у подъезда дома, еще раз обнимаемся. Напутственные слова. . . Добрые пожелания. . .

. . .Сегодня ясный, солнечный, теплый день—и совсем тихий. . . Радио транслирует концерт для фортепиано с оркестром Чайковского. . . По Невскому, освещенному лучами зари, добираемся до Литейного. На перекрестке последний раз оборачиваюсь: в конце перспективы резко вырисовывается силуэт Адмиралтейства. . .

Б. ТИМОФЕЕВ

В «БОЕВОМ КАРАНДАШЕ»

24 июня 1941 года. Третий день войны. Вся страна объята великим патриотическим подъемом.

В тот день я увидел на улицах Ленинграда первые военные плакаты и тут же поспешил на улицу Герцена в Союз художников.

Среди ленинградцев встречались в ту пору и паникеры-обыватели, верившие всяким нелепым росказням и распространявшим самые невероятные слухи. Немалый вред приносили также болтуны и разгильдяи, забывавшие о том, что в условиях военного времени необходима строжайшая бдительность. Против них-то я и написал свои первые строки военных лет:

Паникеры, болтуны,
Разгильдяи, шептуны—
В дни войны
Втройне вредны.

Это четверостишие я предложил как тему для плаката «Боевого карандаша». Тема и стих были одобрены, и вот в рекордно короткий срок—через несколько дней—на улицах военного Ленинграда появился этот плакат.

Так я вступил в дружный творческий коллектив, которому суждено было много поработать в Ленинграде в героические годы Великой Отечественной войны.

Принимаясь за работу поэта, пишущего стихи к плакатам, я невольно вспомнил свой первый опыт на том же поприще.

. . .Начало лета 1920 года. Москва. Я, молодой красноармеец, сочинил стихотворный текст к плакату, призывающему к борьбе с сыпным тифом, и пришел в «Окна РОСТА».

Подаю свой текст Владимиру Владимировичу Маяковскому. Прочитав мои строки

Будет грязь—будет вошь. . .
Будет вошь—ты помрешь!

он сказал: «Здесь отжато все лишнее. . . Принято!»

Вскоре я уехал на Западный фронт.

Этот давний эпизод вспоминался мне в суровые дни конца июня 1941 года, и, взявшись писать стихи для «Боевого карандаша», я старался «отжимать все лишнее».

Я начал также работать над стихами для плакатов «Окна ТАСС», для «Балтийского прожектора» и издательства «Искусство», но главная моя работа протекала все же в «Боевом карандаше».

Многие темы карандашисты черпали непосредственно из сводок Советского информбюро. Обсудив их всем коллективом, мы совместно разрабатывали тему очередного плаката

Плакат «Боевого карандаша» № 1. 1941

и тут же приступали к делу. Работали в боковом отсеке выставочного зала Союза художников, куда я стал приходить каждый день, как на службу.

Ведущую роль в «Боевом карандаше» играли художники, прозванные нами Три богатыря: Иван Астапов, Валентин Курдов и Николай Муратов. Кроме них, активно и повседневно работали Юрий Петров, Владимир Гальба, Николай Быльев, Иосиф Ец, Иван Холодов, Иван Королев и Василий Николаев.

Из поэтов в нашей работе принимали участие Николай Тихонов, Виссарион Саянов, Александр Прокофьев и Сергей Спасский.

. . .Наступили тяжелые дни июля-августа 1941 года. Враг приближался к Ленинграду. И снова то тут, то там возникали провокационные слухи, особенно нетерпимые в прифронтовом городе. Вместе с художником Муратовым мы задумали создать плакат на эту тему и наглядно показать их вражеское происхождение. Я написал четверостишие:

Н. Муратов. Плакат. 1942

Слухи—врага оружие,
Гитлера скрытая речь,
Всех шептунов—обнаруживай!
Слухи—спеши пресечь!

Муратов создал хлесткий плакат, на котором весьма образно первоисточником слухов был изображен Гитлер. Помню, как я шел по Невскому и увидел группу людей, рассматривающих что-то на стене дома. Подойдя ближе, я убедился, что рассматривают они наш плакат, и удовлетворенно применил к себе слова Маяковского:

Это
мой труд—
вливается
в труд
моей республики...

Наступил сентябрь. На Ленинград упали первые фашистские бомбы. Враг подходил все ближе. Надо было призвать всех ленинградцев овладевать оружием.

Вместе с художником Астаповым мы решили создать плакаты-инструкции.

Умейте, патриоты,
вести расчет с врагом
Винтовкой, пулеметом,
гранатой и штыком!

Художниками Юрием Петровым и Иваном Холодовым был создан большой многофигурный плакат «Песня о нашем штыке». Стихи напоминали о роли русского штыка во времена Петра, при взятии Берлина в 1759 году, при Суворове, при Кутузове . . .Они кончались словами:

Как прежде—наш советский штык
Бьет вражеских солдат.
Фашистским гадам он знаком
И скор тот день, когда
Фашизм, проколотый штыком,
Издохнет навсегда!

Крепло и ширилось партизанское движение. Мы задумали отметить смелые действия доблестных народных мстителей выпуском плаката «Партизаны» (художники В. Курдов и Н. Муратов) и рассказать об их героических делах.

Наступила страшная зима 1941/42 года. Враг подошел вплотную к Ленинграду, все крепче сжимая тиски блокады.

Коллектив «Боевого карандаша» стремился поддерживать в воинах Ленинградского фронта и во всех жителях города беззаветное мужество, прославлять героев и клеймить позором трусов. Так был создан плакат (художник И. Астапов), состоявший из двух картин:

Слава герою, который в бою
Смело за Родину бьется свою!
Слава отважным! Их имена
Знает и любит вся наша страна!
Вечный позор и проклятья печать
Трусу, который задумал бежать,
Пуля тому, кто за шкуру свою
Предал страну и родную семью!

Как было в эту трудную пору не напомнить ленинградцам, что их славный город—колыбель трех революций—никогда не сдавался врагу?!

Художником Муратовым был создан яркий сатирический плакат с моими короткими стихами-подписями:

И. Астапов, В. Курдов, Н. Муратов. Плакат. 1942

Шли от кайзера к нам гости—
Да от них остались кости...
Шел Юденич-генерал,
Да чуть жив от нас удрал...
Маннергейм к нам сунул нос—
Да едва его унес...
И с фашистом будет то же:
В землю лечь ему поможем!

И. Астапов и Ю. Петров выполнили плакат «Защищай свой город, свой дом!»

Организованным трудом
Свой город защитим,
В стальную крепость каждый дом
Умело превратим...

То был последний плакат, созданный в содружестве с Юрием Петровым: вскоре этот замечательный художник погиб на фронте.

Работа в «Боевом карандаше» становилась все тяжелей: было трудно ходить пешком с улицы Некрасова, где я жил, на улицу Герцена, было трудно работать в холодном помещении при слабом свете. А тут еще и жестокое недоедание. Помню, с каким, буквально физическим, напряжением писал я стихи к плакату художника В. Курдова «Балтийцы»:

В наш город—врагам не пробиться,
Не пить им из нашей реки,
Как прежде—на страже балтийцы,
Советской страны моряки...
Они, как стальная ограда,
Свой город родной берегут,

В. Курдов, Н. Муратов. Плакат. 1941

И. Астапов, В. Курдов. Плакат. 1943

На этом надолго прервалась моя работа в «Боевом карандаше». Наступила самая тяжелая пора страшной блокадной зимы: январь—март 1942 года. Я был вынужден временно растаться с нашим дружным творческим коллективом. Жестокая дистрофия свалила меня с ног, а затем, вызвав тяжелую болезнь, бросила на больничную койку.

Это случилось ранней весной 1942 года. Болезнь потребовала операции в Нейро-хирургическом институте, из стен которого я вышел только к концу лета.

В сентябре 1942 года я был уже сотрудником Дома Военно-Морского Флота в Кронштадте и к работе в «Боевом карандаше» смог вернуться только в начале 1943 года.

С грустью узнал я, что дружные ряды художников «Боевого карандаша» поредели. Кроме Юрия Петрова, смертью храбрых пал на фронте Иосиф Ец, погиб от дистрофии Иван Холодов, умер во время эвакуации Николай Тырса. . .

Но по-прежнему были на посту сильно похудевшие «богатыри»—Астапов, Курдов, Муратов. Меньше других изменился Гальба, с которым, кроме «Боевого карандаша», мы стали теперь совместно работать и в «Ленинградской правде».

К началу 1943 года в ходе Великой Отечественной войны наступил решающий перелом. Фашистская армия после разгрома под Сталинградом уже не могла оправиться. Блокада Ленинграда была прорвана. Теперь плакаты «Боевого карандаша» призывали уже к наступлению.

С большим подъемом готовился наш творческий коллектив к выпуску плаката «Медаль «За оборону Ленинграда». Его делали художники В. Курдов и В. Николаев. Последнего постигла трагическая судьба: перед самым выпуском плаката он был убит на улице осколком вражеского снаряда.

Вскоре этот плакат вышел в свет. Фамилия В. Николаева была обведена на нем черной траурной рамкой.

Фронт откатился далеко на запад. . . Пришла пора Ленинграду приступать к восстановительным работам, к залечиванию тяжких ран, нанесенных войной. И «Боевой карандаш» выпускает агитационный лист (художник И. Астапов), посвященный теме восстановления Ленинграда, со стихами:

Великий город над Невой!
Мы восстановим облик твой
    Работой дружной и ударной. . .
Залечим тяжких ран следы,
Чтоб стал еще прекрасней ты,
    Наш город славы легендарной!

Увеличенный в десятки раз, этот лист был вскоре воспроизведен в виде гигантского плаката, высотой с двухэтажный дом, и выставлен на пустыре, который находился на Литейном проспекте—напротив улицы Салтыкова-Щедрина. Помню, с каким чувством радостного удовлетворения не раз проходил я мимо, заново перечитывая свои строки.

И. Астапов, В. Курдов. Плакат. 1942.

Фотоснимок с этого плаката был помещен 18 февраля 1944 года в газете «Ленинградская правда».

Приближался конец войны. Не раз мы в «Боевом карандаше» шутили: «Наш сотый, юбилейный плакат будет посвящен победе!» И исподволь готовились к выпуску этого «юбилейного» номера. Мы решили его выпустить в увеличенном двойном размере. Всем коллективом разработали тему. Было решено изобразить группу бойцов, рассматривающих плакат «Боевого карандаша», наклеенный на раздвижную дверь вагона-теплушки. Плакат должен был изображать этот же лист в соответственно уменьшенном виде.

Я написал стихи:

Художник — воину сродни,
Удар его искусства точен...
Все для победы! В наши дни
И карандаш, как штык, отточен!..

Газета «Литература и искусство» известила об этом плакате своих читателей особой заметкой: «Сотый номер «Боевого карандаша». Однако с ним произошел у нас довольно необычный казус. Еще не готовый, он заранее значился под № 100, а потому после плаката № 99 мы вынуждены были печатать очередной порядковый № 101.

Между тем наступил великий и долгожданный день: Советская Армия овладела Берлином, враг капитулировал, Великая Отечественная война завершилась нашей победой.

«Боевой карандаш» в это время готовил свой 103-й номер. «Юбилейный» плакат так и не увидел света.

С гордостью смотрю я на папку, в которой собраны плакаты «Боевого карандаша». Они были не только свидетелями, но и участниками суровых и грозных дней Великой Отечественной войны—от ее начала до Дня Победы.

Художники «Боевого карандаша»[1]

Астапов И. С.
Быльев Н. М.
Верейский Г. С.
Гальба В. А.
Горбунов П. А.
Григорьянц П. П.
Елькович Л. Я.
Ец И. М.
Жаба А. К.
Казанцев А. А.
Кобелев В. А.
Королев И. П.
Кокош А. Д.
Кочергин Н. М.
Кукс М. И
Курдов В. И.
Мочалов С. М.
Муратов Н. Е.
Николаев В. А.
Пелипейко С. Ф.
Петров Ю.(Г.)Н.
Серов В. А.
Тамби В. А.
Тырса Н. А.
Холодов И. Ф.

Поэты «Боевого карандаша»

Дилакторская Н.
Саянов В.
Спасский С.
Тименс М.
Тимофеев Б.
Тихонов Н.

---

[1] Списки художников и поэтов, работавших в этом коллективе в годы Великой Отечественной войны, приведены в издании: Каталог выставки ленинградского плаката «Боевого карандаша». Рига, 1947.

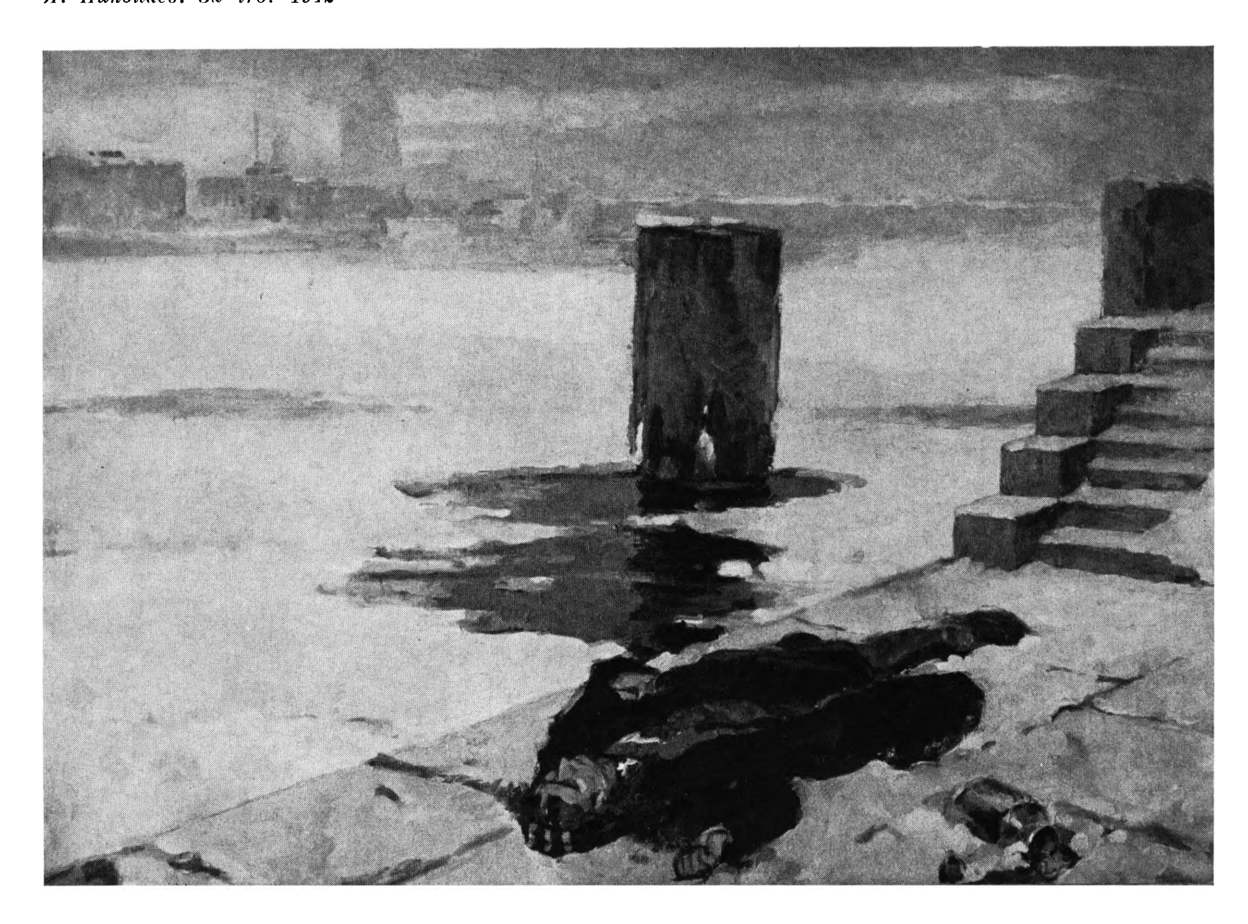
Я. НИКОЛАЕВ

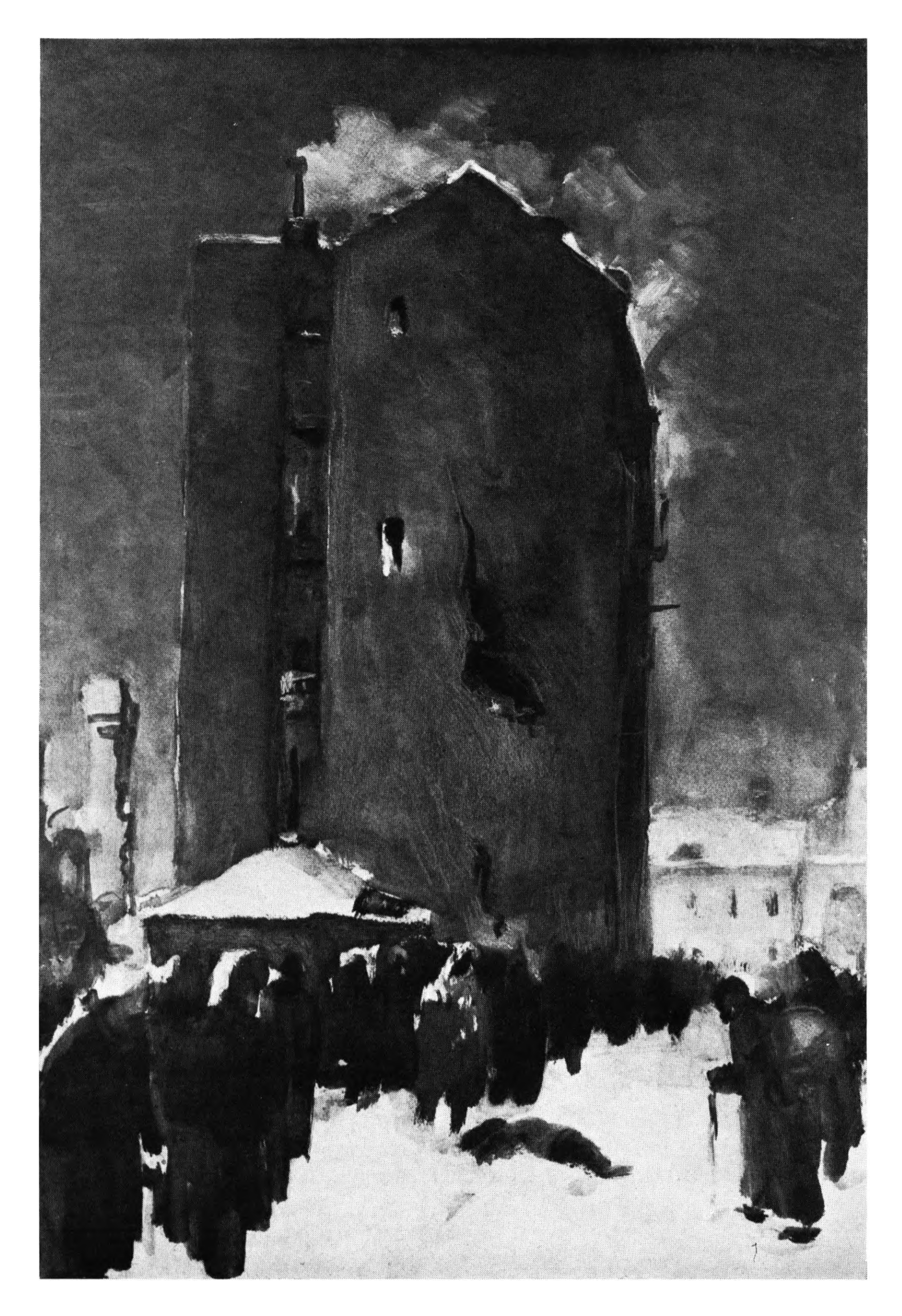
В ТЕ ГОДЫ...

Мне очень дороги старые, потрепанные альбомы военных лет, хранящие зарисовки, сделанные в осажденном Ленинграде. Кое-что было использовано впоследствии в работе над большими произведениями, остальное, как мне кажется, сохранило документальную ценность.

В те годы наш любимый город преобразился. Даже в облике зданий, не пострадавших от обстрелов и бомбежек, было нечто мужественное и трагическое. Необычен был город и ночью, настороженный, притихший, освещаемый лишь заревами пожаров, но ни

Я. Николаев. За что? 1942

Я. Николаев. За хлебом. 1943

Я. Николаев. На Большую землю. 1943

на минуту не прекращающий героической борьбы. Запомнились ночи, проведенные в мастерской за работой при свете коптилок над плакатами.

С волнением вспоминаю мужественных защитников Ленинграда, отыскивая среди старых эскизов их портреты, сцены боевой жизни.

Вот идут сквозь холод и туман блокады ополченцы. Эшелон повезет их сейчас с Финляндского вокзала. Ехать придется недалеко—фронт рядом. И хотя памятник Ленину на броневике зашит досками, они идут, словно осеняемые вождем.

Вот портрет маленького партизана, чье детство взяла война, кому рано пришлось изведать горе и стать мужественным. Непокорный взгляд старика, скорбно сжатые губы женщины—всегда будут дороги мне торопливые наброски тех героических лет.

Всем художникам, на чью долю выпало работать в те трудные годы, вечно будет памятно великое чувство причастности ко всенародному делу, к общей борьбе.

ИЗ ЗАПИСЕЙ ХУДОЖНИКА

Такой был Ленинград в январе 1942 года. Страшная зима! Я смотрю назад и вижу себя в небольшой комнате у дочери, на Петроградской стороне. Нас четверо. Двое больных: зять лежит, дочь едва бродит. На жену легли все тяжести домашнего хозяйства. Я работаю. И вижу, как я все-таки много сделал—в холоде, во тьме, голодный. И тоже больной: у меня фурункулез, обморожены руки, верикозная рана на ноге.

В начале зимы, с первым снегом, пораженный новой красотой белеющего снегами Ленинграда, я написал из окна нашей комнаты в Геслеровском переулке несколько акварельных пейзажей. Потом нарисовал три большие композиции на тему «Ленинград в дни блокады». С января началась большая работа для атласа по истории и технике переливания крови. Взявшись за эту работу неохотно, с большими сомнениями, я скоро заинтересовался темой, имеющей большое оборонное значение, не говоря уже о научно-педагогическом, и нашел новый, необычный для такого типа изданий подход. За то же время,

В. Конашевич.
Лист из дневника. 1942

В. Конашевич.
Портрет санитарки-орденоносца
Л. Орловой. 1943

все за ту же страшную зиму, я сделал еще несколько плакатов оборонного содержания. И это еще не все: вот уже несколько месяцев пишу свои воспоминания. Начал издалека, с четырехлетнего возраста. Написал уже две толстые тетради, но дошел только до шести лет! Это уже старческая болтливость, не так ли? Вспоминаются не столько факты и события, сколько люди. Среди них оказалось много интересных фигур. Может быть, только для меня?

Сейчас писал к 25-летию Октября огромные панно. Работа мало мне свойственна и не стариковская: до сих пор болят ноги и спина. Трудился с удовольствием...

Л. ФРОЛОВА-БАГРЕЕВА

ПОДВИГ КАЖДОДНЕВНОСТИ

Сколько себя помню, больше всего в изобразительном искусстве меня интересовали люди. А в более зрелые годы привлекало выражение жизни души через внешний человеческий облик. Блокада— это время, когда люди открывались и проверялись. Отпадала всякая декорация, всякая шелуха, и человеческая сущность выступала отчетливо и ясно. Никогда до этого мне не приходилось так часто встречать хороших людей, как в суровое время блокадных испытаний, когда проявление гражданственности и человечности нередко угрожало самому человеку утратой жизни. Это был подвиг каждодневности, незаметный, неизвестный—мужество, как само собой разумеющаяся, единственно возможная норма поведения, соответствующая человеческому достоинству. Тогда особенно было понятно, что жизнь отдельного человека—лишь часть общей.

Немногое мне удалось реализовать из виденного и пережитого. Бытовые зарисовки (часть которых я использовала для картины «Комсомольская помощь»), портреты (маслом и углем), частично экспонировавшиеся на выставках, ряд композиций (одна из них «Бомбоубежище», выполненная углем, тоже выставлялась). Хочется, чтобы во всей моей последующей работе память о том времени служила как бы внутренним камертоном, обязывающим к душевной значительности того, что буду находить и выражать в меру своих сил.

*Л. Фролова-Багреева.
Комсомольская помощь. 1944*

Г. ВЕРЕЙСКИЙ

ОБРАЩЕНИЕ К ЛЕНИНГРАДСКИМ ХУДОЖНИКАМ, ГОРОДУ И ЕГО ЗАЩИТНИКАМ-БАЛТИЙЦАМ

В дни, предшествующие наступающему Новому году, мысль с особой силой и любовью обращается к родному моему городу, доблестным его защитникам и к дорогим друзьям, товарищам по искусству, оставшимся в нем.

В памяти встает все пережитое вместе с ними, тяжелая зима прошедшего года, мрачные и холодные коридоры ЛССХа, голод и замерзание, изможденные лица товарищей, грозные опасности, гибель близких друзей, ценнейших работников искусства, не оставлявших своего дела до последних дней существования. Но еще ярче встает в памяти творческий подъем, горение в работе, стойкое сознание долга, жажда работать наперекор всем трудностям, неустанная работа в тесном контакте с военными организациями, питающие ее патриотический подъем, тесная товарищеская сплоченность, слившая оставшихся в Ленинграде художников в единую семью.

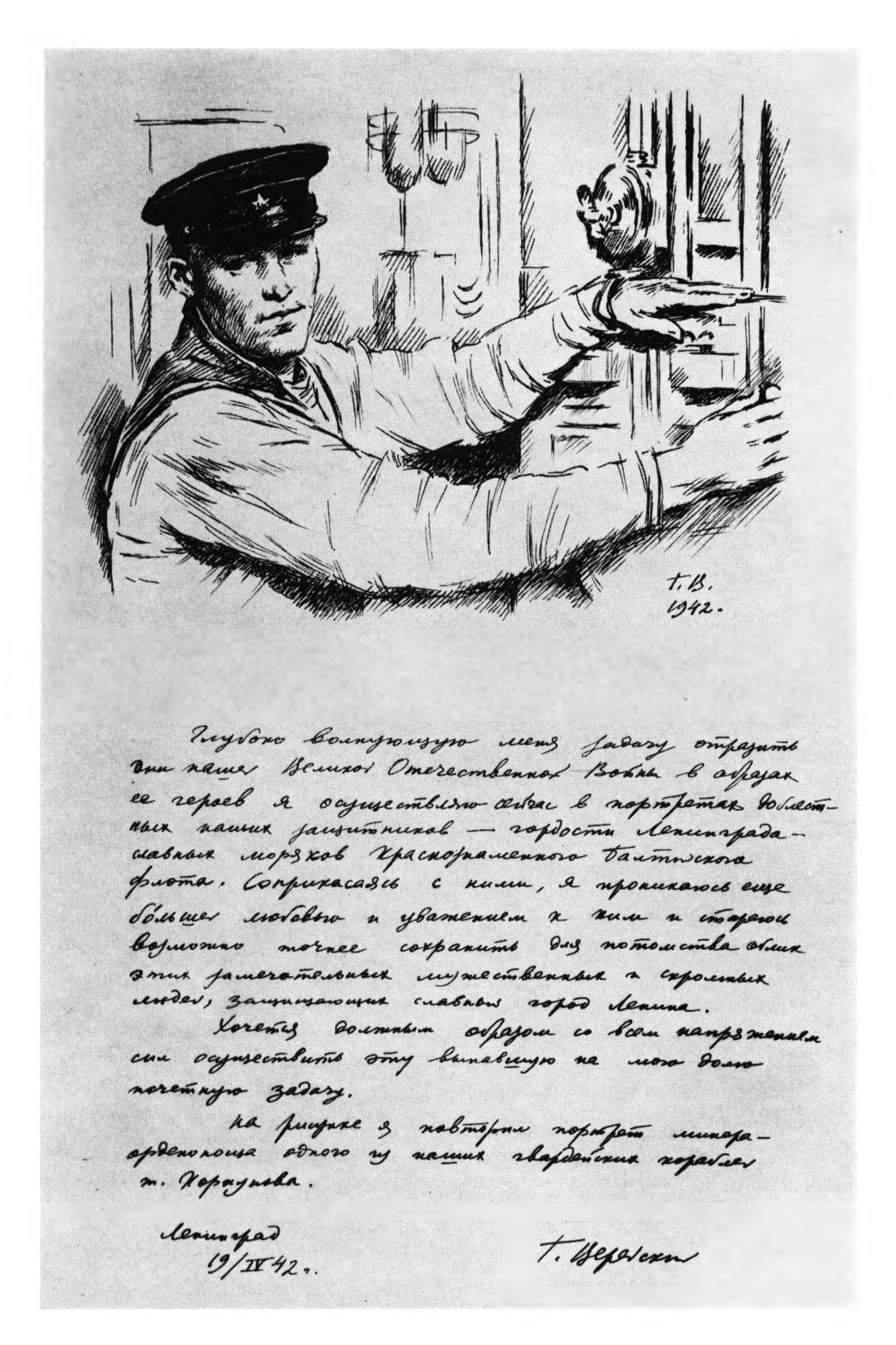
Дорогие друзья! Горячо желаю вам, чтобы эти черты еще более крепли в Новом году, чтобы они дали основу для создания новых выдающихся работ, еще более волнующих, еще более выношенных и совершенных, чем те, которые вы показали уже на вашей выставке и которые произвели такое сильное впечатление в Москве! Дорогие друзья, художники и работники Ленинградского Союза, так самоотверженно помогающие им в работе!

Горячо приветствую вас, поздравляю с Новым годом и желаю вам побольше сил и здоровья для выполнения вашего дела!

Мне, работавшему в дни войны в Балтфлоте, особо хочется приветствовать к Новому году славных героев Краснознаменного Балтийского флота. Я счастлив, что мне пришлось встретиться с некоторыми из них—героями Советского Союза Осиповым, Гумененко, Афанасьевым, командиром гвардейского корабля Мещерским, военкомом того же корабля Ковалем и другими героями-моряками, счастлив, что мне пришлось в живом соприкосновении с ними запечатлеть облик этих мужественных, смелых, скромных в своем подлинном героизме защитников Родины!

Дорогие товарищи-балтийцы, те, кого мне довелось знать лично, и все те, кого лично я не знаю, все, перед подвигами которых я преклоняюсь! Всем известна ваша боевая доблесть, ваша отвага и самоотверженность, ваша ярость в бою, наводящая ужас и страх на врага!

Поздравляю вас с наступающим Новым годом и горячо желаю вам новых славных побед, новых смертельных ударов по врагу и полного его разгрома в этом году, разгрома, предвестия которого мы уже видим в развертываемых сейчас событиях.

Г.В.
1942.

Глубоко волнующую меня задачу отразить дни нашей Великой Отечественной Войны в образах ее героев я осуществляю сейчас в портретах доблестных наших защитников — гордости Ленинграда — славных моряков Краснознаменного Балтийского флота. Соприкасаясь с ними, я проникаюсь еще большей любовью и уважением к ним и стараюсь возможно точнее сохранить для потомства облик этих замечательных мужественных и скромных людей, защищающих славный город Ленина.

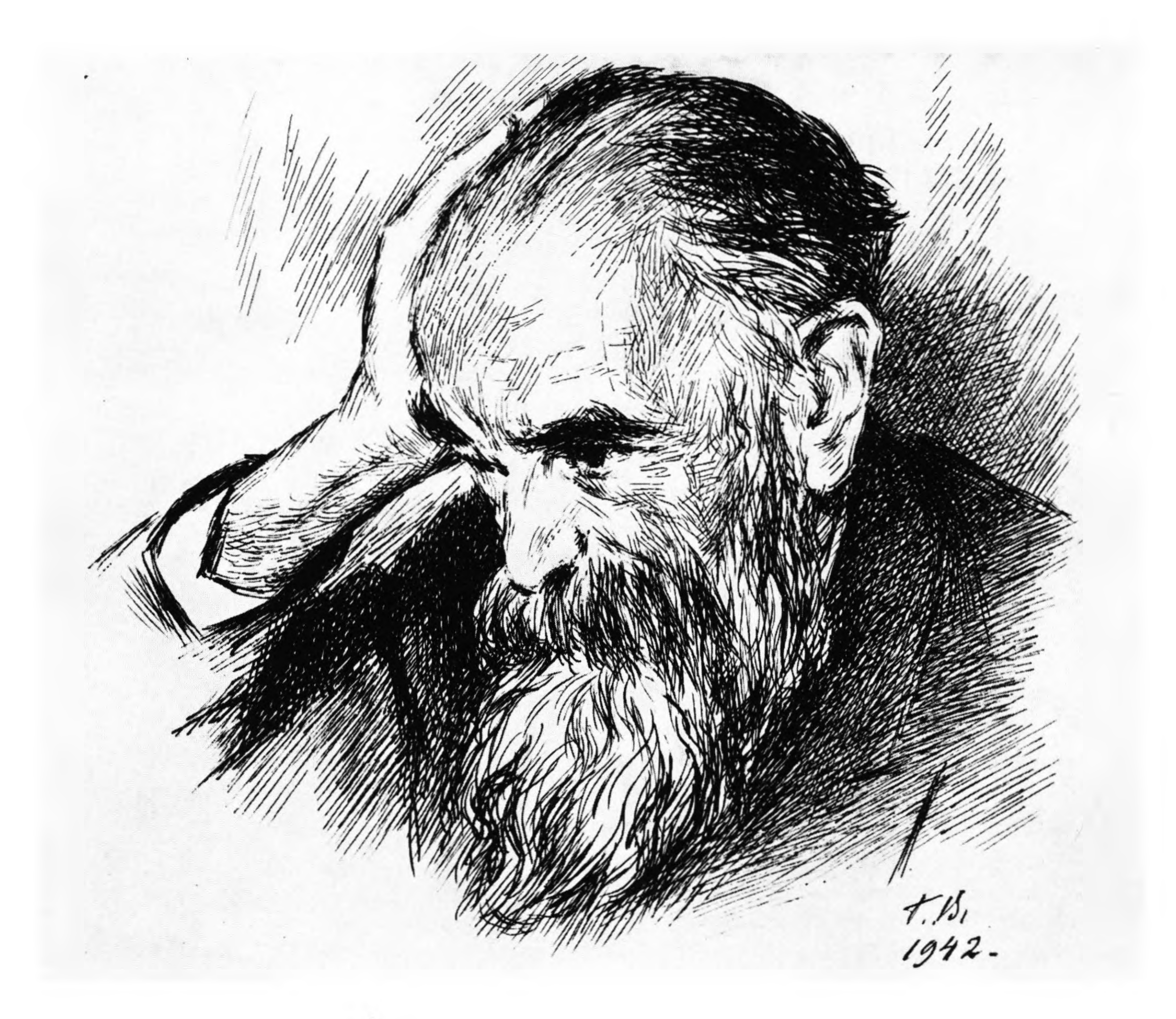
Хочется должным образом со всем напряжением сил осуществить эту выпавшую на мою долю почетную задачу.

На рисунке я повторил портрет минера-орденоносца одного из наших гвардейских кораблей т. Хорохунова.

Ленинград
19/IV 42 г.

Г. Верейский

Г. Верейский. Лист письма с рисунком. 1942

Г. Верейский. Портрет И. А. Орбели. 1942

Город-красавец! Непоколебимый и величавый, прекрасный и в эти дни тяжелых ранений. Колыбель революции и сокровищница культурных ценностей! Город Петра, Пушкина и Ленина!

Желаю тебе в этом Новом году вместе с окончательной победой над проклятым врагом, желавшим превратить тебя в груду развалин, полного восстановления и нового пышного расцвета в ближайшем будущем.

Москва, 1942 г., декабрь

А. ЯР-КРАВЧЕНКО

ХУДОЖНИКИ ЛЕНИНГРАДСКОГО ФРОНТА

19 июня 1941 года я выехал из Ленинграда в Москву для того, чтобы сдать картину. В эту ночь в «Стреле» мне не спалось. Вспоминалась дача на Карельском перешейке, где я недавно поселился с семьей. Дом сбежавшего финского барона расположился на пригорке в обрамлении высоких сосен. От веранды прямо к берегу Финского залива спускалась гранитная лестница. В лесу пели птицы, причудливо играли солнечные зайчики. Неподалеку находилась Куоккала, где в «Пенатах» жил великий Репин. Хотелось скорей возвратиться, сесть за этюдник и заняться самым любимым—писанием портретов на пленэре. Своему счастью я сам завидовал.

21 июня я с моими друзьями праздновал свое тридцатилетие. Сколько радости, задора было в нас. . . Будущее казалось прекрасным. Веселые, с песней мы шли по улицам ночной Москвы. Не забыть ту мягкую, теплую, летнюю ночь, буйный ливень, листву, изнемогающую под крупными каплями. . . Взяв машину, мы поехали на дачу к моему товарищу художнику Анатолию Шепелюку.

С каким удовольствием в последождевой свежести мы садились за стол на веранде. Природа, умытая дождем, под лучами восходящего солнца казалась особенно прекрасной. Легкий ветерок колыхал белоснежную, свеженакрахмаленную скатерть. Был провозглашен тост за первые часы моего четвертого десятилетия, но поднятые руки застыли. . . Радио сообщило, что началась война. . .

Прощай, мирная жизнь, прощайте неосуществленные мечты и планы!

Ленинград я застал изменившимся. Он был деятельно озабочен, аэростаты воздушного заграждения охраняли город, на крышах домов расположились зенитчики, создавалось народное ополчение. Город жил напряженной жизнью: эвакуировались заводы, учреждения, музеи, отправляли детей. Художники, разбившись на бригады, вместе с научными сотрудниками снимали с подрамников и накатывали на барабаны драгоценные полотна Эрмитажа и Русского музея, упаковывали в ящики уникальную скульптуру. Отряды моряков помогали грузить эти сокровища русского народа. Художники выпускали плакаты, мобилизующие всех на защиту Родины, на защиту Ленинграда. В эту работу включился и я, но был призван в армию.

Я попал в авиацию командиром маскировочного взвода и был отправлен на один из аэродромов, расположенных на Карельском перешейке. Здесь я встретил таких же сугубо штатских интеллигентов, как и я,—ученых, писателей, поэтов, инженеров, художников. Никто из нас не имел ни малейшего понятия о военном деле.

А. Яр-Кравченко. Портрет летчика П. А. Покрышева. 1941

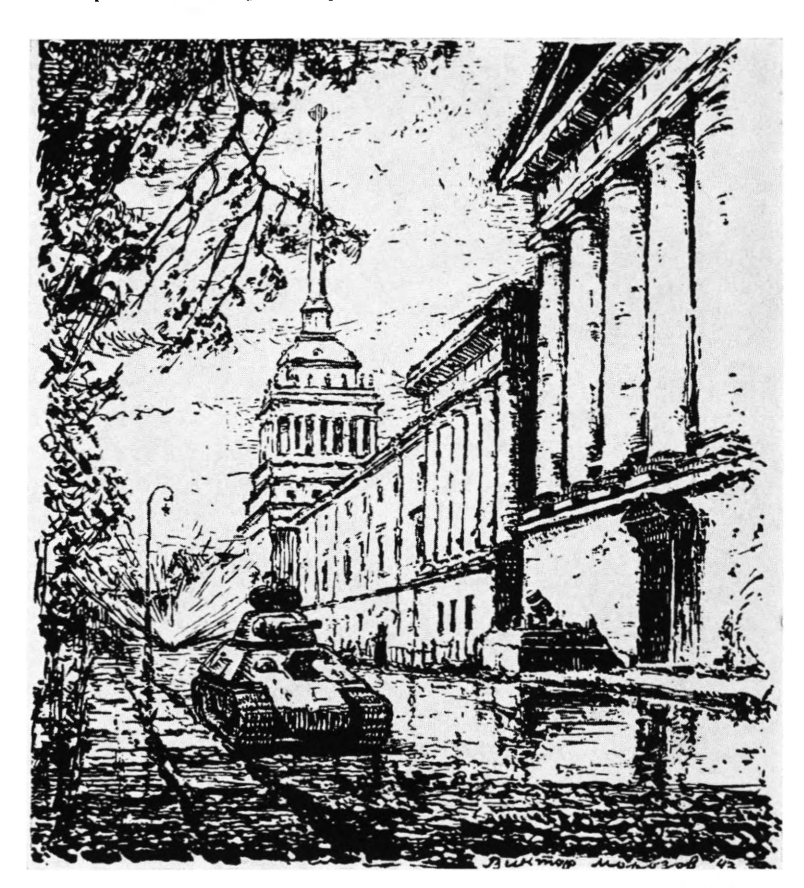
А. Яр-Кравченко. Герой Советского Союза В. Гречишкин. 1942

Началась суровая зима 1941 года. Фашисты отрезали все сухопутные пути, идущие к Ленинграду, но блокада была не полной. По Ладожскому озеру в Ленинград шло продовольствие, снаряды, боеприпасы, военная техника. В первых числах ноября 1941 года гитлеровцы предприняли новые наступательные действия и захватили Тихвин. С каждым днем становилось все труднее. Ленинград сел на свой голодный паек — «сто двадцать пять блокадных грамм, с огнем и кровью пополам». С крыш цехов Кировского завода можно было видеть передовые позиции противника. Из дальнобойных орудий, вкопанных у подножия Вороньей горы, фашисты вели почти непрерывный обстрел города. Авиация жестоко, варварски бомбила его с воздуха. Но Ленинград стоял гордо и неколебимо.

Я занимался маскировкой аэродромов, самолетов, командных пунктов, летних зданий и никогда не расставался с альбомом. Летчики, мотористы, оружейники, техники, их быт стали моей темой. Рисунки я пересылал в редакцию газеты «Атака» с попутчиками или,

В. Морозов. Танки у Адмиралтейства. 1943

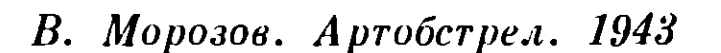

если бывала возможность, привозил сам, и они по три-четыре или почти в каждом номере газеты.

В жестоких боях выковывалось мастерство наших воинов. Теперь уже гитлеровцы не могли так безнаказанно хозяйничать на нашей земле и в воздухе. Летчики Ленинградского фронта стали беспощадно уничтожать врага. Количество сбитых вражеских самолетов росло с каждым днем. Харитонов, Жуков, Здоровцев впервые на Ленинградском фронте применили таран.

На третий день после легендарного подвига капитана Гастелло летчики-ленинградцы Черных, Косинов и Губин повторили огненный таран.

Я был направлен на курсы стрелков-радистов, по окончании которых стал принимать участие в военных операциях. А в короткие часы отдыха, в перерыве между боями, продолжал рисовать.

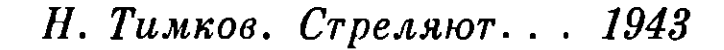

В. Морозов. Артобстрел. 1943

Как-то я делал рисунок в землянке ночных истребителей, когда летчики находились во второй готовности, то есть одетые и готовые сейчас же сесть в самолет. Играли в домино, говорили «про жизнь». Когда были рассказаны все биографии и все интересные случаи из жизни, меня попросили показать рисунки. Посмотрев их, кто-то из летчиков сказал: «Хорошо бы их напечатать в альбоме или книжке». Будучи в редакции корпусной газеты «Атака», я поделился этой мыслью с редактором Николаевым. Он тоже загорелся этой идеей, и мы решили на свой страх и риск издать первый альбом.

В здании одной из ленинградских школ, на Басковом переулке, в раздевалке первого этажа, разместилась типография газеты. На бетонном полу стояли печатная машина, станок «американка» и наборная касса. У стенки, затянутая в железо, круглая печь-голландка. Немного поодаль несколько железных солдатских кроватей. Тут создавалась, набиралась и печаталась «Атака»—одна из популярнейших воинских газет. Помещение типографии было промерзшее, с минусовой температурой. Иногда удавалось протопить печь обрезками бумаги и газет. Наборщики, верстальщики, печатники грелись, прислонясь спинами к чуть-чуть потеплевшей печке.

Я никогда не забуду, с какой любовью, с каким энтузиазмом и азартом делалась газета. А издание альбома было воистину подвигом. Окоченевшие, негнущиеся пальцы

Н. Тимков. Стреляют. . . 1943

прилипали к металлу, но лист не пускался в машину, пока из клише не было выжато все возможное. «Американку» вертели вручную печатники, наборщики, красноармейцы, сотрудники редакции и я сам. Обессиленные, сделав несколько оборотов, мы падали подле станка. Альбом издавался тиражом двести экземпляров, в нем было сорок рисунков. Каждый лист, рисунок и текст внимательно просматривались редактором Николаевым и секретарем редакции Алексеевым. Зимой в Ленинграде ночи длинные, лишь на несколько часов покажется тусклое, почти не дающее света солнце. Электричества не было, работали при коптилке.

В дни, когда издавался альбом, я круглосуточно находился в типографии. Ночью, устав до предела, раздевался и ложился в ледяную «постель». На металлической сетке кровати тоненький, излежанный стружечный матрац и такая же подушка. Укрывался отслужившим все сроки солдатским одеялом. Расстегнув хлястик, набрасывал шинель, а поверх всего, как шелковичным коконом, пеленался плащ-палаткой, оставив только отверстие для носа и рта. Утром, проснувшись, ощущал непривычную тяжесть у лица—вокруг отверстия, оставленного для дыхания, за ночь появлялся ледяной нарост.

Фронтовой альбом «Летчики-истребители в боях за Ленинград» имел большой успех, им стали награждать отличившихся в боях летчиков, а те, в свою очередь, посылали его в подарок родным и знакомым на Большую землю. Командование предложило мне продолжить работу над альбомами, но конкретизировало задачу—публиковать портреты только летчиков, имеющих на счету не менее трех сбитых фашистских самолетов.

Когда было издано еще три аналогичных альбома, командование авиацией Ленинградского фронта решило издать альбом «Герои воздушных боев за Ленинград». Этот альбом по замыслу был усложнен и очень отличался от первых четырех. Предполагалось, что он будет издан в папке, в которую войдут тетрадка с большой вступительной статьей заместителя командующего по политчасти 13-й воздушной армии А. А. Иванова и пятнадцать буклетов. В каждом из них помещался портрет героя-летчика, краткое описание его подвига, стихи А. Прокофьева и В. Саянова, посвященные герою, и на обороте—факсимиле Грамоты Президиума Верховного Совета СССР о присвоении летчику звания Героя Советского Союза. Я и художник Виктор Морозов, оформлявший альбом, работали над его подготовкой три месяца. Издать такой альбом в Ленинграде в самую тяжелую первую блокадную зиму было невозможно. Командование решило выпускать его в Свердловске, и в конце марта 1942 года В. Морозов, военный художник Л. А. Перепелов и я были командированы в Свердловск.

Так невероятно было после нескольких часов полета очутиться вне блокады, на Большой земле! Мы чувствовали себя пришедшими в новый, незнакомый нам мир. Поражало и весеннее солнце, которое светило по-особенному радостно, и дышащая тяжелым паром куча конского навоза с копошащимися в ней курами и галками и позабытое звонкое чириканье воробьев. Я долго не мог оторваться от этого зрелища жизни.

Главный редактор газеты «Уральский рабочий» Лев Степанович Шаумян организовал в редакции встречу с нами. По всему Свердловску на больших щитах с плакатами висели объявления: «Ленинград сегодня. Встреча с фронтовыми художниками и журналистами, приехавшими из осажденного Ленинграда».

Большой зал редакции был переполнен. Стояли даже на подоконниках. Мы выступали и по очереди рассказывали о жизни в осажденном городе. Наши простые рассказы поражали. Трудно было живущим в таком глубоком тылу поверить в то, что происходило в осажденном Ленинграде, трудно было представить, как жили и стойко держались люди в голоде, холоде, без света, без воды, под почти непрерывными бомбежками и артиллерийскими обстрелами.

После этой встречи мне предложили устроить выставку моих работ, которая и открылась 30 мая 1942 года в голубом зале Окружного Дома Красной Армии. Выставку открыл народный художник СССР скульптор Сергей Меркуров. С обзором выставки выступил искусствовед Осип Бескин. Он же написал большую статью к каталогу.

На выставке произошла интересная встреча. В июне 1941 года я рисовал летчика-истребителя Георгия Антонова, который одним из первых сбил фашистский «Юнкерс» под Ленинградом. Окончив первый сеанс, мы условились о встрече на завтра. Но в назначенное время встреча не состоялась—в тот день в воздушном бою Антонов, уничтожив еще два самолета, был сбит сам и эвакуирован в тыловой госпиталь. На открытии выставки Антонов подошел ко мне, и мы с ним по-братски обнялись и расцеловались.

Мы прилагали все усилия к тому, чтобы пятый альбом был издан в кратчайший срок. И наши усилия увенчались успехом.

К 30-летию газеты «Правда» работники печати предложили построить мощную танковую колонну «Работник печати». Этот призыв нашел у всех сотрудников горячий отклик. В Свердловске была издана книга стихов А. Прокофьева и В. Саянова «Гвардия высот» с моими рисунками и в оформлении В. Морозова, а также открытка с моим рисунком, изображающим подвиг трех ленинградских летчиков Героев Советского Союза Н. Черных, С. Коснова и Н. Губина. Средства от продажи книги и открытки поступили в фонд постройки танковой колонны.

Возвращаясь из Свердловска, мы сделали остановку в Череповце. Впереди Ладожское озеро, а там и Ленинград. Облачность низкая. В другое время погода считалась бы не очень благоприятствующей полету, а теперь все рады облачности—фашистская авиация зорко следит за Ладогой.

В самолет наш вошел генерал-майор. Мы, молодые лейтенанты, были немного смущены таким соседством. Всегда веселый, неунывающий шутник Виктор Морозов сразу присмирел, покручивая ус, исподлобья следил, куда сядет генерал. Он сел рядом со мной. Всеобщую напряженность немного разрядил взлет. Все наверно думали об одном и том же: проскочим или нет? Летели очень низко, почти касаясь волн озера.

— Товарищ Яр-Кравченко, вы с Большой земли? Были в отпуске или по делам службы?

Я повернулся, ко мне обращался генерал. Кто он? Откуда знает мою фамилию? Спрашивать не решился. Я ответил:

— Из Свердловска, товарищ генерал-майор. Там мы издавали фронтовой альбом, а кроме того, я показал свердловчанам свыше ста портретов летчиков—защитников ленинградского неба.

— Это из тех, что печатались в газете «Атака»? Знаю... знаю. Генерал Веров рассказывал мне, что ваши альбомы принесли большую пользу. Ведь, если не ошибаюсь, право попасть в альбом получает летчик, имеющий на счету не менее трех-четырех сбитых самолетов противника?

— Совершенно верно, товарищ генерал. Я даже не предполагал, что летчики так будут реагировать на нашу затею. Как-то приезжаю на аэродром, а они ко мне: «Ну, что ты приехал? Погода нелетная, горючки нет». А командир полка говорит: сладу с ними нет, все время ходят по пятам, просят: «Пусти, батя, в воздух, надо сбить хотя бы еще одного». Приезжаю в следующий раз, радостные бегут навстречу: «Рисуй, есть четыре на счету!»

Генерал молчал, долго пристально смотрел куда-то вдаль и потом медленно, отчеканивая каждое слово сказал:

— История не знала еще подвига, равного подвигу защитников Ленинграда. Вы делаете большое, очень важное и очень нужное дело. Народ должен знать своих героев и в этом благородном деле первое слово вам, художники.

Разговор наш прервал возглас: «Мессеры» в воздухе!» Все бросились к иллюминаторам. К нам приближалась девятка фашистских истребителей. С мыса Осиновец наши зенитные батареи открыли огонь. Вскоре головная машина загорелась и рухнула в Ладогу. Остальные повернули и так же стремительно, как и появились, скрылись в низко нависших густых, мохнато-рваных облаках. Все расселись по своим местам. Ничего особенного не произошло—это были военные будни.

— Нас прервали,—обратился ко мне генерал.—Вы сказали: «искусство тоже воюет». Вы как гражданин и художник очень правильно поняли назначение искусства.

Я рассказал генералу о том, что у нас на Ленинградском фронте есть много художников. Со многими из них я учился в Академии художеств, а потом, почти в каждом подразделении встречаются и талантливые самоучки. Все они, наряду с выполнением своего прямого воинского долга, делают в свободное время зарисовки, плакаты, карикатуры, и никто почему-то не подумает, что их творчество можно взять на вооружение. Мне кажется это бесхозяйственно.

— Совершенно верно, это самая настоящая бесхозяйственность. Искусство—великая сила. Оно должно воевать, его надо обязательно поставить на службу фронту... Ну, мы, кажется, дома.

Самолет шел на посадку.

Через несколько дней меня вызвал командир части и передал мне приказ явиться в Политуправление Ленинградского фронта. Я недоумевал: за какую-такую провинность?

Но приказ есть приказ, его не обсуждают. Меня проводили к начальнику Политуправления генерал-майору Кулику. Каково же было мое изумление, когда я увидел моего дорожного попутчика. От сердца отлегло. Генерал, приветливо улыбаясь как старому знакомому, вышел из-за стола, поздоровался и пригласил меня сесть.

— Садитесь, товарищ Яр-Кравченко. Я был под большим впечатлением от нашего разговора. Вызывал товарищей, посоветовались и решили поручить вам заняться объединением художников, находящихся на нашем фронте.

— Это отлично... Но смогу ли я?

— Поможем. Мне думается, следует устроить выставку художников и тем самым объединить их. Для этого мы создаем выставочный комитет и вас назначаем его председателем. Вы же возглавите и объединение фронтовых художников. Подберите людей. Я уже поручил выявить художников в наших частях. Потом надо будет созвать конференцию художников-фронтовиков и на ней совместно с представителями Политуправления обсудить все вопросы, связанные с устройством и проведением выставки.

Уже через день был создан выставочный комитет, в который вошли: Яр-Кравченко— председатель, художники А. Харшак и П. Луганский—заместители председателя и члены комитета—художник В. Морозов, журналист Б. Бродянский, представитель Политуправления Е. Чистяков и инструкторы Дома Красной Армии Непомнящий и Э. Подкаминер.

Вскоре была организована первая конференция художников-фронтовиков. На конференции выступили начальник Политуправления генерал-майор Кулик и его заместитель полковник Калмыков. Они говорили о задачах, стоящих перед художниками, о роли изобразительного искусства, которое должно стать одним из видов оружия, принятого на вооружение армии. Выступавшие художники рассказали о своей фронтовой жизни, о том, что ими сделано, и поделились планами на будущее. На конференции выяснилось, что наряду с хорошим отношением к художникам в частях были и безобразные случаи. Например, красноармеец А. Бугрин рассказал, что его командир роты, узнав, что он художник, стал издевательски относиться к нему. После этого выступления, в тот же день этот командир-самодур был разжалован в рядовые, а Бугрину были созданы условия для творческой работы.

Наша конференция воодушевила художников. Мы стали готовиться к выставке. Члены выставочного комитета разъехались по армиям, где встречались с художниками, консультировали их, оказывали необходимую помощь и одновременно выявляли новых художников.

В конце апреля 1943 года со всех концов фронта потянулись художники со своими работами в Ленинградский Дом Красной Армии. Всего было представлено одна тысяча восемьсот произведений, из которых выставочный комитет отобрал для выставки около четырехсот.

Залы Дома Красной Армии, отведенные под выставку, напоминали огромную мастерскую. Клубы папиросного дыма в холодном помещении стояли почти неподвижно. Сидя

на корточках, стоя, мы пилили фанеру, багет, строгали подрамники, натягивали холсты, вырезали стекла, окантовывали рисунки, сколачивали пьедесталы для скульптур. Вместе с нами работала старший научный сотрудник Эрмитажа Т. Фомичева.

Артобстрелы сменялись воздушными тревогами, на крышу дома падали осколки зенитных снарядов, вдребезги разлетались стекла окон, но никто из нас не уходил в укрытие.

16 мая 1943 года выставка торжественно открылась. Было особенно приятно, что несмотря на суровую блокаду, к этому дню был готов хорошо изданный каталог с вступительной статьей Б. Бродянского, со множеством фоторепродукций, выполненных фотографом С. Гасиловым. Был также отпечатан иллюстрированный пригласительный билет. Совсем как до войны.

В выставке участвовали тридцать семь живописцев, графиков и скульпторов: Ю. Балтрунас, А. Белов, В. Боголюбов, А. Бугрин, Б. Волков, Н. Володимиров, А. Воль, М. Габбе, А. Горбов, А. Горбенко, М. Гордон, А. Ефимов, Л. Зиверт, Н. Куликов, И. Киссель, Л. Коростышевский, В. Кочегура, П. Луганский, А. Лыбин, В. Морозов, Ю. Непринцев, Л. Орехов, Н. Пильщиков, Л. Петров, В. Печатин, А. Павлюк, С. Панкратов, А. Скворцов, Н. Смирнов, И. Скоробогатов, Н. Тимков, А. Харшак, Б. Шалютин, А. Шепрут, М. Юдин, А. Яр-Кравченко, П. Ярымбаш. Это были и вполне сформировавшиеся художники-профессионалы, и творческая молодежь, ушедшая в армию с первых курсов Академии художеств,

Н. Бабасюк. Боец. 1943

и самодеятельные художники. Все представленные на выставке работы, разные по степени мастерства, были посвящены большой патриотической теме, они запечатлели для будущего образы героев Ленинграда и их подвиги.

Осенью того же года выставка успешно демонстрировалась в Москве. В Центральном Доме Красной Армии заведовала выставочной деятельностью Е. А. Звиногродская. Благодаря ее энергии и большому опыту выставка была быстро оформлена и экспозиция сделана с большим вкусом. Приготовили и пригласительный билет, но печатать его не разрешали до предварительного просмотра выставки высоким армейским начальством. Наконец выставка была санкционирована, а на ее открытие дали срок два дня. За одни сутки был напечатан пригласительный билет, но как его распространить? Почта в то время доставляла местную корреспонденцию лишь на пятые сутки. Счастливая мысль осенила нас, мы с Екатериной Александровной решили использовать для распространения билетов вернисаж выставки «Фронт и тыл», которая открывалась на следующий день в Третьяковской галерее. Попросив в помощь себе взвод курсантов, мы раздали им пригласительные билеты, которые они и вручали посетителям.

В тот же день я встретил народного артиста республики Утесова, которого как старого ленинградца пригласил на открытие выставки военных художников Ленинградского фронта. Леонид Осипович до слез растрогался, вспоминая родной Ленинград, и вдруг предложил дать на выставке бесплатный концерт.

23 ноября состоялось открытие. Народу, несмотря на военное время, собралось видимо-невидимо. В соседнем зале был дан концерт. Прошло уже двадцать с лишним лет, но до сих пор мы, участники выставки, с большой, сердечной благодарностью вспоминаем замечательного артиста-патриота Леонида Осиповича Утесова, сделавшего для нас открытие выставки в Москве двойным праздником.

Первая выставка художников-фронтовиков убедительно показала, что искусство тоже воюет, что среди ее участников не было равнодушных—все активно и горячо боролись за разгром врага. Вместе с воинскими частями двигались художники, они жили в землянках, окопах, делили все тяготы и опасности боевой походной жизни.

Художник младший лейтенант Володимиров выставил большую картину, посвященную переправе через Неву на Ленинградском фронте, а старший лейтенант Луганский, помимо серии портретных зарисовок, гравюр на линолеуме и дереве, был представлен картиной «Политинформация в палате одного из ленинградских военных госпиталей», отличавшейся большой выразительностью и отличными живописными качествами. С интересными работами выступил младший лейтенант И. Киссель, лейтенант В. Кочегура («Взятие вражеского дзота», «Миномет на позиции» и другие), старший лейтенант А. Харшак («Партия зовет», «За что?») и многие другие военные художники. Выделялись на выставке две гуаши

художника-балтийца капитана Ю. Непринцева. В одной («Зимний пейзаж») изображены разведчики, несущиеся на лыжах в тыл врага. В другой — «Здесь прошел враг» — художник изображает одинокую сосну, к подножию которой привязан краснофлотец. Руки матроса вывернуты, ноги разуты, наполовину засыпаны снегом. Повязка пропитана кровью, чернеет на снегу бескозырка... Сколько драматизма в этой сцене. Художник сумел в герое-балтийце дать трагический образ огромной оптимистической силы. Смерть матроса утверждала жизнь, победу.

С великолепными лирическими пейзажами выступили на выставке краснофлотец Николай Тимков и лейтенант Виктор Морозов.

Акварели и гуаши Тимкова с большой художественной силой запечатлели образы фронтового города. В работе «Зима в блокированном Ленинграде» встает сумрачный город, силуэты зданий с насквозь промерзшими стенами, но город по-прежнему прекрасен и вели-

С. Левенков. В часы затишья. 1943

П. Белоусов.
Портрет капитана П. Сократова.
1943

чествен. С выразительной проникновенностью художник показал суровую настороженность города, колорит страшной зимы 1941/42 года. Вот забитые фанерой окна, с остатками наклеек на крошечных стеклянных обломках, наглухо закрытые ворота, две женщины и рядом—санки с водой, добытой из Невы.

Рисунки Виктора Морозова, экспонировавшиеся на этой выставке, полны изящества и красоты. Они также были посвящены жизни фронтового Ленинграда. Помимо рисунков и офортов, Морозов выставил великолепные иллюстрации к «Ленинградскому году» Николая Тихонова.

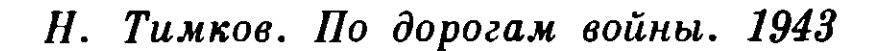
На выставке выделялись выразительные плакаты лейтенанта Гордона и красноармейца Ефимова, а также скульптурные произведения Габбе, Ярымбаша и Шалютина. Статуя Героя Советского Союза Свитенко, созданная Борисом Шалютиным, была последней его работой. За два часа до открытия выставки талантливый скульптор трагически погиб.

Шире всего, однако, на выставке был представлен портретный жанр. Многие военные художники запечатлели образы героев обороны города (художники Харшак, Белов, Бугрин, Волков, Воль, Пильщиков, Коростышевский, Балтрунас и другие). Особенно хочется отметить рисунки погибшего в 1941 году лейтенанта Горбова.

На эту выставку я представил тридцать семь произведений, из них—тридцать один портрет.

Картины, портреты, пейзажи, зарисовки, созданные военными художниками, славили героизм и стойкость людей, оборонявших Ленинград, советского человека—умного и храброго, сурового к врагу и нежного ко всему родному, близкому, дорогому, презирающему смерть во имя утверждения жизни.

Работы эти звали советских людей к справедливой мести за все испытания и беды, которые принес миру фашизм, к яростной схватке с врагом до полного его уничтожения.

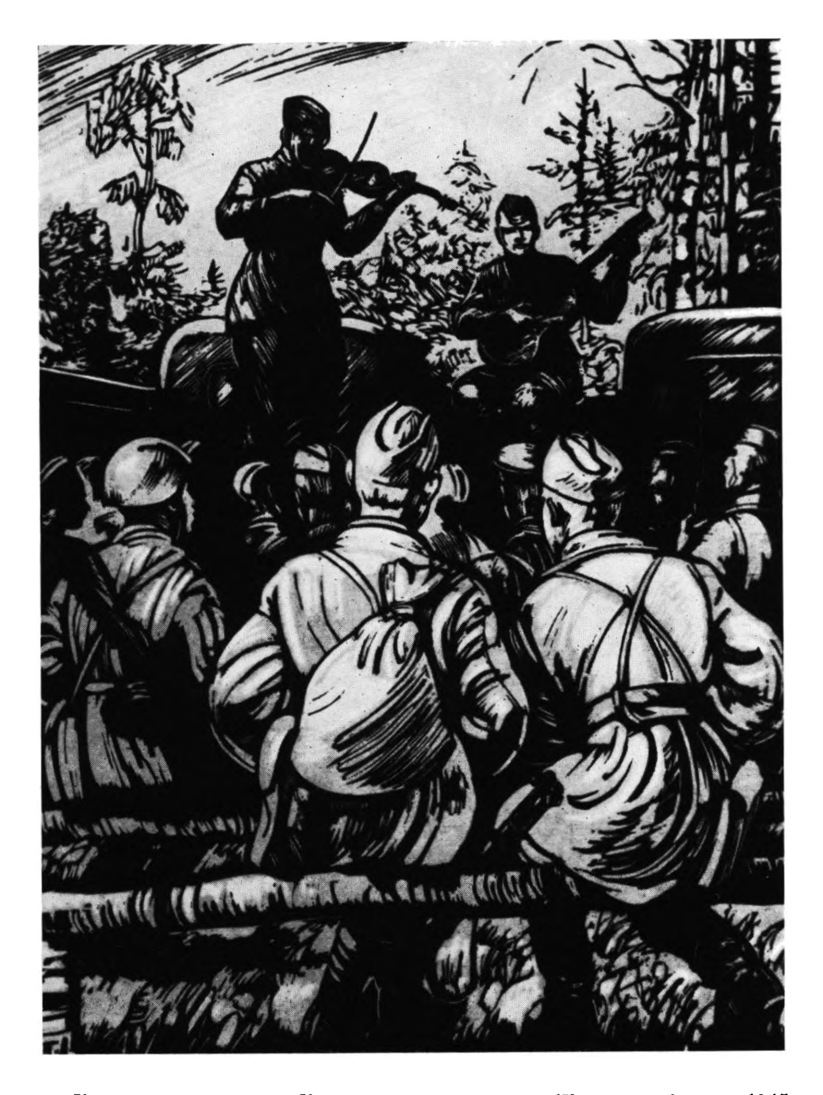
Н. Тимков. По дорогам войны. 1943

А. Яр-Кравченко. Герой Советского Союза Гашева. 1945

Газеты «Правда», «Красная звезда», «Комсомольская правда», «Литература и искусство», «Московский большевик», «Красный флот», «Вечерняя Москва», «На страже Родины», журнал «Ленинград» и другие уделили выставке большое внимание и дали ей высокую оценку. Все статьи в основном были единодушны в оценке выставки. Процитирую лишь некоторые из них.

«Осмотрев эту выставку, надолго уносишь с собой воспоминания о запечатленных на полотне или картоне эпизодах суровой и величественной жизни города-героя и его защитников. В залах ЦДКА повеяло дыханием города-фронта, прошелестели его боевые знамена.

П. Луганский. Концерт на фронте. Иллюстрация к книге «Жизнь солдата». 1945

Приветливо и просто глядят с портретов герои Ленинграда, перед мужеством которых преклоняется все человечество.

На выставке 411 произведений изобразительного искусства.

Каждое из них является подлинно историческим документом, правдиво показывающим, как живет, борется и побеждает израненный, но по-прежнему прекрасный Ленинград... Эти картины, акварели и рисунки выполнены не в мастерских. Они созданы в боевой обстановке, полной опасностей и лишений».

(«Московский большевик», 1943, 27 ноября)

«Беглая зарисовка, карандашный набросок, этюд или акварельный рисунок приобретают сейчас значение драгоценной художественной документации эпохи, документации, которой будут пользоваться не одни только искусствоведы и художники. Работы художников Ленинградского фронта... представляют собой как раз такую документацию, хотя слово это не совсем точно и уж во всяком случае далеко не полно выражает их сущность. Если это и документация, то полная страсти, выхваченная прямо из действительности и сохранившая полностью жаркое горение этой действительности».

(«Красный флот», 1943, 6 ноября)

«С чувством глубокого волнения проходишь по выставке художников-фронтовиков в Центральном Доме Красной Армии. Поражает не только то, что видишь произведения художников, которые живут и борются плечом к плечу с людьми, бесстрашно глядящими в глаза смерти, поражает высокий профессиональный уровень мастерства. Правда, нет больших работ, нет в полном смысле законченных вещей—все это скорей материал, но какой материал!»

(«Правда», 1944, 13 января)

...В январские дни 1944 года все виды и роды войск Ленинградского фронта обрушились на врага. 14 января началось полное освобождение Ленинграда от блокады. Шквал артиллерийского огня всех калибров, корабельных пушек, зенитных орудий, град снарядов и бомб уничтожал немецкие укрепления. За воздушным штурмом, артиллерийской подготовкой поднялась пехота, прикрытая стеною танков. Ленинград уже не оборонялся, а наступал. Великая эпопея завершалась. В итоге напряженных боев враг был далеко отброшен от города, а Ленинград—полностью освобожден.

Славную историческую победу под Ленинградом отметили неповторимым по яркости салютом. Были нарушены приказные нормы—салютовали все: каждое подразделение, каждый корабль. Яркий свет озарял ликующую толпу: незнакомые люди целовались, обнимались, поздравляли друг друга.

В эти дни была созвана вторая конференция фронтовых художников.

Тот факт, что несмотря на всю напряженность военной обстановки, Политическое управление Ленинградского фронта сочло нужным созвать нашу конференцию, подчеркивает большое значение, которое придавалось изобразительному искусству как боевому агитационному оружию.

На второй конференции обсудили итоги первой выставки, обменялись мнениями, провели критический разбор работ, а также поставили задачи на будущее. Решено было в ближайшее время устроить вторую выставку художников-фронтовиков.

31 мая 1944 года выставочный комитет обратился через газету «На страже Родины» с письмом к художникам-фронтовикам, в котором говорилось:

«...Выставочный комитет при Политуправлении Ленинградского фронта обращается ко всем художникам-фронтовикам с напоминанием о необходимости ускорить присылку работ,

М. Гордон. Афиша. 1944

предназначенных для выставки... Просьба к командирам частей и заместителям командиров по политчасти—содействовать там, где это допускает обстановка, окончанию начатых произведений и доставке их на выставку. Большую помощь в деле подготовки выставки должны оказать армейские Дома Красной Армии и клубы частей и подразделений...»

В мае 1944 года в залах Русского музея открылась вторая выставка работ художников Ленинградского фронта. В ней участвовало более семидесяти художников, представивших свыше семисот работ. Двери Русского музея после трехлетнего перерыва вновь широко распахнулись. Выставка была развернута в том самом отсеке, куда попал вражеский снаряд.

Бойцы Ленинградского фронта при активном участии военных художников своими руками восстановили поврежденную часть музея.

Среди произведений, экспонировавшихся на выставке, выделялась картина красноармейца Савинова, с большой проникновенностью показавшая героический штурм берега Невы в исторические дни прорыва блокады.

Интересно выступил на выставке воспитанник Академии художеств старший лейтенант Бантиков. Его картина, посвященная артиллеристам, остро и выразительно раскрывала героизм защитников города: в блокадную зиму на своих плечах бойцы поднимают на кручу орудие.

Красноармеец Соколов показал картину «Партизанская ночь», а картина ефрейтора Гурина «Обстрел на Невском проспекте» еще и еще раз воскрешала в памяти трагедию пережитой блокады.

Воспитанник Академии художеств, ученик И. И. Бродского лейтенант М. П. Железнов выставил картины «Подъем красного флага над Гатчиной» и «Десант в тылу врага».

По-прежнему на выставке широко был представлен портретный жанр. С портретами воинов Ленинградского фронта выступили старший сержант И. И. Голод, ефрейтор А. Н. Гурин, ефрейтор Н. И. Бабасюк, младший лейтенант И. Г. Киссель, лейтенант Н. И. Пильщиков и другие. Скульптурные портреты сержанта П. Д. Ярымбаша покоряли своей выразительностью.

Среди множества рисунков, иллюстрирующих различные стороны жизни фронта, выделялась серия «Жизнь солдата» лейтенанта П. И. Луганского, работа лейтенанта Н. Т. Куликова «От Ленинграда до Пскова», а также фронтовые рисунки капитана Ю. М. Непринцева и старшего лейтенанта А. И. Харшака.

Тонкие лирические пейзажи краснофлотца Н. Е. Тимкова и старшего лейтенанта В. В. Морозова, как и на предыдущей выставке, имели огромный успех. Но на этот раз в них преобладали уже новые мотивы: «Огни военной Невы», «Салют» и тому подобные.

Интересные плакаты показали на выставке лейтенант М. А. Гордон, красноармеец Л. Н. Орехов и старший лейтенант С. Ф. Панкратов.

В дни великой победы Красной Армии над германским фашизмом в Ленинграде в Академии художеств открылась третья выставка произведений художников Ленинградского фронта. На этой выставке я не участвовал. Вместе с моим другом, покойным художником Виктором Морозовым, вслед за частями Красной Армии мы отправились за Одер, чтобы запечатлеть победный марш наших доблестных войск. Среди множества рисунков, которые мы привезли из Германии, была зарисовка рейхстага, над которым реяло знамя Победы.

Л. ГУТМАН

ЛЕНИНГРАДСКИЕ СТРАНИЦЫ ИЗ ВОЕННОЙ БИОГРАФИИ ХУДОЖНИКОВ-МОСКВИЧЕЙ [1]

19 июля 1941 года небольшая группа московских художников, получивших назначение на Балтику, выехала из Москвы в Ленинград. В ее состав входили Борис Иванович Пророков, Соломон Самсонович Боим, Яков Дорофеевич Ромас и Иван Филиппович Титов. Четырем друзьям думалось, что отныне они будут работать вместе, одной бригадой, накапливая совместный опыт и помогая друг другу.

По прибытии в Ленинград выяснилось, что друзья должны будут расстаться: Пророков был назначен на Ханко. Боим оставлен на берегу, в самом Кронштадте. Ромас направлен в соединение легких сил, а Титов—на эскадру флота, как бывший военный моряк. Без какой-либо подготовки и специальных приготовлений каждому из четырех друзей предстояло «на ходу» включиться в жизнь боевых кораблей и береговых частей морской пехоты.

БОРИС ИВАНОВИЧ ПРОРОКОВ

Светлой июльской ночью 1941 года я оказался у берегов Ханко.

От грохота канонады в голове стоял звон. За прибрежными скалами полыхали пожарища. В стороне—маленький остров пылал, как огромный костер.

Шквальный огонь противника не пустил нас на берег... Ночевали на рейде. С непривычки так и не удалось уснуть.

На утро комиссар базы, просмотрев мои документы, взял трубку телефона и кому-то сказал:

— Ну вот, с художником проблема решена.

Тут же пришли два солдата с топорами. Оборудовали под землей «ателье». А уже через полчаса редактор принес истоптанный кусок линолеума.

— Не получится ли из этого,—спросил он,—карикатура в сегодняшний номер?..

Ханко, или Гангут—маленький полуостров на стыке Ботнического и Финского заливов. Как военно-морская база Ханко прикрывает с севера вход в Финский залив, подступы с моря к Ленинграду.

---

[1] Вскоре после окончания Великой Отечественной войны искусствоведом Л. И. Гутманом были проведены и записаны беседы с Б. И. Пророковым, С. С. Боимом, И. Ф. Титовым и Я. Д. Ромасом, а в дальнейшем — пополнены и обработаны на основании материалов, предоставленных самими художниками из своих архивов (дневники, заметки, письма военных лет). Публикуемые только двадцать пять лет спустя, они просмотрены заново. Литературную запись бесед подготовил для настоящего издания Л. Гутман. Эти записи и предлагаются вниманию читателя.

Вокруг полуострова рассыпаны сотни островков. С этих островков финны наблюдали, стреляли и наступали. Гарнизон советского Ханко не дрогнул от первых ударов немецко-фашистских сил. Напротив, с нашей стороны последовал ряд успешных контрударов. Сформированный на Ханко десантный отряд отнимал у финнов остров за островом. Гангут наступал...

Финны несколько раз переносили дату уничтожения Ханко. Однако намеченный их генеральным штабом план они так и не выполнили.

Уже в августе, с захватом фашистами Таллина, гарнизон Ханко остался отрезанным в глубоком тылу противника. Ни газет, ни писем с Родины. Только радио приносило невеселые вести.

Мне было приказано организовать в газете отдел сатиры и юмора. В те дни юмор оказался сильнейшим оружием пропаганды.

Комиссар базы Раскин был частым гостем нашей берлоги. Присев за мой дощатый столик и каждый раз дивясь, как из драного линолеума получаются рисунки, он давал какое-нибудь очередное конкретное задание.

— Подумай, — говорил комиссар, — как посмешнее и позлее показать обреченность фашистского продвижения. Гитлеровцы—у Москвы, Ленинграда и Ростова. Понимаешь? Подумай, а я ночью зайду, посоветуемся.

В газете почти ежедневно печатался отдел «Гангут смеется». Фельетонисты и художники спускались в подземелье редакции, прокопченные порохом, с автоматами на груди и гранатами за поясом. Это были простые матросы и солдаты. Отдел пользовался любовью. Матросам импонировало, что изъеденный снарядами, как оспой, Гангут смеется.

На острове Эльмхольм, в сорока метрах от противника, была землянка, вся оклеенная изнутри газетными карикатурами. И таких землянок было много.

Сорок первый давал мало тем для юмористики. А каждый день нужно печатать что-нибудь по возможности очень смешное. Однажды три дня юмор не появлялся в газете, и в редакцию пришла маленькая, но ехидная записочка: «Мы здесь и то не унываем, а «Гангут» что-то третий день не смеется».

Записочка пришла с самого дальнего острова Фуруэн, истерзанного вражеским огнем, а гарнизон его состоял всего из семи человек.

Утомляла резьба по линолеуму. При свете коптилки изготовлялось в день по пять-шесть клише. И все же у меня, как и у всех на Ханко, было чувство какого-то почти торжественного подъема. А если в часы утомления и трудновато приходилось порой от тягостных мыслей, то это лишь обостряло жажду деятельности, придавая смелость и даже озорство.

Гангут действительно не знал уныния. Сколько там было богатырского задора и задиристого смеха! И неслучайно гангутский ответ Маннергейму на предложение капитулировать напоминает письмо запорожцев турецкому султану.

Хмурым октябрьским утром с финской стороны, вместо батарей, загрохотали громковещатели: гарнизону Ханко зачитывался «приказ» Маннергейма. «Приказ» начинался так:

«Доблестные, героические защитники Ханко...» Продолжая в том же льстивом тоне, барон отдавал должное воинскому умению и беспримерному мужеству героических защитников Ханко. Заключительные слова «приказа», однако, звучали уже ультимативно: дан был срок «на размышление». В случае пренебрежения его «гуманностью» барон грозил в три дня сравнять полуостров с морем.

На следующее утро все наши части получили вместе с газетой «Красный Гангут» листовки «Ответ Маннергейму». В этом «ответе» барону матросским языком разъяснялась простая истина, что сдаваться в плен не в обычае большевиков.

«Сунешься с моря—ответим морем свинца!

Сунешься с земли—взлетишь на воздух!

Сунешься с воздуха—вгоним в землю!»—так ответили защитники Ханко на угрозы Маннергейма.

Листовка была иллюстрирована эпизодами из «биографии» барона. Рисунки печатались с линолеума и в значительной части тиража были раскрашены красками, серебром и бронзой. Несмотря на порядочный тираж, моряки сами с увлечением размножали листовку кто как мог. Затем всеми имеющимися средствами, от авиации до можжевелевых луков и стрел, листовки были отправлены на территорию адресата.

С этим ответным словом выступили и наши громковещатели. Вскоре на Ханко вновь обрушился град огня. Но полуостров так и остался полуостровом, а Гангут—непобежденным.

Постепенно привыкли к обстрелу. Ухо по свисту научилось определять калибр снаряда и батарею, с которой он летел. Конечно, когда снаряды рвались над головой и прижимали нас к земле, всегда делалось как-то скучно и к горлу подкатывал ком, но что поделаешь—война...

Финны во время этих бесконечных обстрелов разрушили наш водопровод. Туманными утрами осени мы выходили на улицу и ломали на лужах молодой лед, чтобы умыться. Когда объявлялась общая тревога, работали в полной выкладке, с винтовкой в руках. Часто так и спали.

На Ханко была улица Маяковского. Кто-то назвал именем великого поэта узенькую улочку, упирающуюся в море. Мы полюбили эту улицу и за название, и за росшие там клены, и за скалы позеленевшего гранита. Частенько мы бегали на улицу Маяковского с поэтом Михаилом Дудиным, обдумывая очередной номер газеты.

Когда мы уходили с Ханко, Дудин непременно хотел увезти дощечку с названием этой улицы, но война, как известно, не поощряет сентиментальностей, и табличка с именем Маяковского осталась на дне Балтики.

Работа художника в условиях Ханко была весьма разнообразна. Много энергии требовали листовки, предназначенные для войск противника. Первую такую листовку я вырезал на линолеуме и помню, как радовался, когда впоследствии у захваченного «языка», здоровенного пулеметчика, нашли эту листовку в потайном кармане.

В газете печаталось и много портретов. На линолеуме они, правда, получались грубовато, но все же оказывали свое полезное действие.

Когда артиллерия била по нашему участку, печатную машину не раз засыпало щебнем, а в стены впивались осколки. После того, как убило редактора и тяжело ранило печатника, типографию и редакцию укрыли под землей, но печатная машина осталась наверху. Наборщики под землей целый день работали в полусогнутом положении. Газета печаталась на оберточной бумаге.

Все эти неприятности не мешали, однако, издавать, кроме газет и листовок, еще и брошюры, сборники юмора и стихов.

От нас уходил однажды большой отряд моряков на Ленинградский фронт. Мы напечатали за ночь книжечку—«Храни традиции Гангута», составленную из рисунков и стихов. На обложке был изображен советский моряк, поражающий на скале вражеского солдата. Ночью, у трапа корабля, каждый, покидавший Ханко, получил такую книжечку.

К комиссару подошли два матроса:

— Есть предложение, товарищ комиссар. По этому проекту,—показали они на рисунок обложки,—воздвигнуть памятник на самой высокой скале Гангута...

Зимой, когда гарнизон Ханко перебрасывали в Ленинград, мне приказано было возглавить команду офицеров и бойцов редакции, типографии и Дома флота.

Мы погрузились на последний корабль. Полгода пребывания на Ханко спаяли людей настолько, что мы не могли представить себя вне этого коллектива. Мы думали о такой же дружной работе на Ленинградском фронте и готовились к ней. На всякий случай решили погрузить с собой ящик типографского шрифта, но нам не позволили: груз каждого был строго ограничен. Полагался только вещевой мешок с сухим пайком на десять суток (в Ленинграде был уже голод), белье и личное оружие.

Мы приняли решение за счет личной поклажи взять в вещевые мешки по два-три килограмма шрифта.

Начало похода обернулось для нас трагически: корабль подорвался на минах и был обстрелян финской береговой артиллерией.

...Лунная ночь, ледяной ветер, семибалльный шторм. Поддерживаем порядок на корабле и спасаем раненых. С небольшими потерями посчастливилось спастись и нашей команде. Мы отыскали друг друга на острове Гогланд и, не успев просохнуть, пошли с тральщиком на Кронштадт.

Лед уже сковывал залив. Ночь. Сырой снег и колючий ветер. Мы приткнулись на палубе в кормовой части. Ледяная вода поминутно окатывает с ног до головы, затекает за шиворот. За листовку с письмом Маннергейму матросы пустили нас в машинное отделение.

Команда, узнав что на борту газетчики с Ханко, потребовала юмористический выпуск. Нам принесли помятый кусок бумаги и разноцветные карандаши. Я взглянул на Мишу Дудина. Свернув свои длинные ноги змеей, он лежал на холодном железном полу машинного отделения, мокрый и печальный. Нас пригласили к комиссару.

— Поход тяжелый и опасный,—сказал комиссар.—Люди утомлены. Развернитесь по-гангутски. Команда просит.

Комиссар дал нам по стакану спирта, чтобы мы согрелись, и часика через два экстренный юмористический выпуск уже был вывешен.

Я позабыл, что в нем было написано и нарисовано. Помню только, что для создания этого пустячка потребовалось колоссальное волевое напряжение. Но и теперь, когда у меня почему-либо не ладится работа, я вспоминаю именно этот эпизод.

Когда мы пришли в Кронштадт, был морозный день. От выбитых черных окон становилось на душе еще холоднее. Подбегали худые ребятишки с прозрачными носами и просили хлеба.

Отсюда по льду залива мы пошли в Ленинград.

СОЛОМОН САМСОНОВИЧ БОИМ

Вместе с группой художников я еще в 1940 году был аттестован по военно-морскому флоту. Так—за год до войны—уже определилась моя военная служба. И вот, чуть ли не в первый день войны, по заданию Главного Политического управления Военно-Морского Флота я сделал плакат о боевых традициях советских моряков. На нем был изображен современный краснофлотец, за которым обозначалась четкая фигура старого моряка с «Авроры». Эта плакатная работа и ввела меня в круг военно-морских тем, которые вскоре заполнили жизнь флотского художника. А мотив этот по прибытии на Балтику почти полностью был повторен в рисунке на первой странице флотской газеты.

В Кронштадтском Доме Военно-Морского Флота передо мной была поставлена задача: развернуть работу по наглядной агитации. В «распорядок дня» входили и дежурство по Дому и военная учеба. День заполнен. Но очень скоро я понял, что все это... только еще продолжение полумирного существования.

Со мной работали четыре краснофлотца-художника. Мы оформляли ДВМФ и город. Содержанием работы служили злободневные события: мы рисовали плакаты и писали панно, отражая в них радиоинформацию «В последний час» и разъясняя положение на фронтах. Но с участившимися налетами на Кронштадт, а затем с блокадой Ленинграда обстановка резко изменилась. Сообщение между Ленинградом и Кронштадтом было до крайности затруднено, газеты и журналы стали поступать нерегулярно, и вся деятельность кронштадтских художников получила новое направление: необходимо было восполнить отсутствие регулярной информации.

Как это сделать? В нашем распоряжении была одна только допотопная плоская машина с ручным приводом. Что ж, делаем гравюры на линолеуме, которым в изобилии «снабжают» нас полы разбомбленных кронштадтских домов.

С некоторой робостью исполняю первый сатирический рисунок (этот жанр прежде отсутствовал в моей творческой практике). Конечно, рисунок меня далеко не удовлетворяет, но, приглядываясь к его воздействию на зрителя, понимаю, что он все же выполняет какое-то нужное в нашей обстановке дело.

Рисунок делался контуром. Резался на линолеуме. В этом виде и печатался на плоской машине. Так выпускались и плакаты, и листовки, и отдельные сатирические рисунки. Тексты к ним писали, главным образом, флотский поэт Всеволод Азаров и писатель Лев Успенский. Редактировал наши информационные издания помощник начальника ДВМФ Захар Авербух, ленинградский журналист, темпераментный, живой человек, вкладывавший в свою работу много любви и настойчивости.

А терпением и настойчивостью нужно было обладать в избытке. Ведь еще мало было отпечатать контурный рисунок. Лишь теперь начиналась самая трудоемкая, однообразная и, прямо скажу, скучная работа. Отпечатанные листы приходилось раскрашивать акварелью от руки. И так—сто пятьдесят экземпляров!

Тираж при всем том был чрезвычайно мал. Его не хватало для распространения на все корабли и во все береговые части нашего радиуса обслуживания. Мне запомнилось, как однажды два политрука чуть не подрались на наших глазах из-за последнего оставшегося номера... Так велика была нужда в наглядных формах информации!

Между тем даже этот малый тираж отнимал у нас все время без остатка, мы работали едва ли не сутки напролет. Громаднейшая нагрузка ложилась на каждого, и потому бывать в частях и на фронтах нам доводилось редко. Зарисовок в первые месяцы войны я сделал до чрезвычайности мало.

Первая военная зима уже была на исходе. Она меня ввела во флотскую среду и обстановку. Теперь я чувствовал себя значительно увереннее.

Наша работа была отмечена благодарностью начальника Главного Политического управления ВМФ. Вскоре пришел из Москвы приказ о переводе меня в редакцию большой флотской газеты «Красный Балтийский флот» на должность художника.

Редакция находилась в Ленинграде. Оставляю Кронштадт, людей, с которыми сработался, и в марте 1942 года по заснеженному заливу, простреливаемому с берегов и подвергавшемуся бомбежкам, добираюсь до Ленинграда.

Любимый город какой-то неузнаваемый, другой! Я словно увидел его заново, будто впервые почувствовал его внутреннюю красоту, необыкновенную, величественную. Да, военный Ленинград раскрыл передо мной гражданскую красоту города! Это было настолько неожиданно, что застало меня врасплох, но очарованный и городом, и его людьми, я очень скоро полюбил его совершенно особой, я бы сказал, «блокадной» любовью...

Именно в эти дни я увидел и почувствовал архитектуру города, как не чувствовал и не видел ее никогда прежде. Мне кажется, что в дни блокады Ленинград выявил и заставил особенно явственно звучать свою неповторимую архитектуру. Да, за огнями реклам, уличных фонарей, витрин, транспорта не всегда, пожалуй, виден был подлинный облик города. А теперь, вечерами, в сумерки, выделялись очертания неосвещенного Ленинграда и открывалось прекрасное небо. Зимой же город был живописно закидан огромными шапками снега.

С марта по сентябрь 1942 года я проработал в газете, много видел и много рисовал. По заданиям редакции ездил на корабли, бывал наездами в Кронштадте, выезжал в рас-

С. Боим. У печки. 1942

положение береговых частей. Рисовал с натуры—боевые действия, фронтовой быт, боевую подготовку. Познакомился с людьми, с героями флота, писал их портреты. За полгода газетной работы сделал до пятисот рисунков.

В сентябре меня вызвали в Москву для окончания работ, намеченных для всесоюзной выставки.

Ехал через Ладогу.

В Москве почти не выходил из дома. Сделал для выставки десять акварелей и, кроме того, сдал четыре портрета, написанных с натуры. За эти работы (уже потом, в Ленинграде, вместе со всеми ленинградцами) получил диплом.

Думал, что, вернувшись в Ленинград, буду по-прежнему работать в газете и еще больше прежнего рисовать... Но не тут-то было: получил назначение в Политуправление Балтфлота на должность главного художника.

Чего только мне теперь не приходилось делать, чем только не заниматься! Я инструктировал художников кораблей и береговых частей, самостоятельно выпускавших различные издания и изыскивавших самые разнообразные формы наглядной агитации. Часто мне самому приходилось принимать участие в создании плакатов, листовок, даже нот, в организации выставок. Поддерживал тесную связь с самодеятельными художниками. Приходилось много разъезжать. Это была исключительно многообразная и очень живая работа, чрезвычайно расширившая мое знакомство с флотом, но порой вовсе не оставлявшая времени для зарисовок, для собственного творчества. Зима 1942/43 года была особенно тяжелой. Несмотря на то, что уже действовала ладожская «дорога жизни» и даже ходили трамваи (правда, они как и люди, двигались дистрофически замедленно), вокруг царили голод и холод. Но ленинградцы держались мужественно, их стойкость, казалось, даже возросла. Все это фиксировали—глаз и память, иной раз—беглый эскиз или наброски.

В 1944 году со мной работала хорошо слаженная группа художников. В нее входили окончившие Академию художеств молодые, талантливые художники Юрий Непринцев и Николай Тимков, Анатолий Трескин. Временами к нашей группе прикомандировывались способные люди и непосредственно из частей.

Мы полностью овладели работой на литографских камнях и наладили выпуск автолитографий по разным видам наглядной агитации. Мне пришлось обучать своих товарищей технике литографирования. Хлопот хватало. И приправка, и печать, и корректура, и цензурирование, и даже получение бумаги для тиража—все это лежало на нас самих. Мы выпускали огромное число самых разнообразных листов: плакаты, сатирические обзоры, лубки.

Плакаты выходили и ко Дню Военно-Морского Флота, и к годовщине революции, они тематически связывались с приказами Верховного командования, посвящались текущим событиям, военной подготовке. Особенно много времени отнимал «Балтийский прожектор»—сатирическое обозрение типа былых «Окон РОСТА» (он выходил регулярно, с периодичностью в три—четыре недели). Лубки, привлекавшие нас разнообразием тем и широтой композиционных возможностей, выпускались в несколько красок и почти все посвящались боевой жизни флота, героике Краснознаменной Балтики.

Издавали мы в большом количестве и портреты героев Балтийского флота. В связи с этой работой мне приходилось бывать не только в Ленинграде и Кронштадте, но и на многих кораблях, в море.

Конечно, повсюду, где только представлялась малейшая возможность, я делал зарисовки. Работал преимущественно акварелью. Полюбил море, как заправский маринист. Понял красоту корабля, которую совершенно не чувствовал прежде. Так совершился во мне внутренний перелом творческого порядка: я стал себя ощущать настоящим военным художником.

В сентябре 1944 года меня командировали—по вызову из Москвы—на пленум Союза советских художников СССР.

Захватив с собой папки с зарисовками, сделанными на Балтике и в Ленинграде, я показал их командованию в Главном Политическом управлении ВМФ. Здесь сочли нужным

С. Боим. Первое солнце. 1943

развернуть выставку этих работ для широкого обозрения, и в итоге Союз советских художников организовал мою персональную выставку в помещении Московского фонда.

Привез я около двухсот работ. Отбирал сам, помогали товарищи и выставил меньше половины. Посмотрел и понял—кое-что все-таки сделано!

Выставка много дала мне как художнику: позволила взглянуть на себя «со стороны», понять ошибки, закрепить достижения. Только тут я понял, что обрел на войне большую тему. Хотя обычно работы делались в очень трудных, почти невозможных условиях, или именно благодаря этому, в них—как правило—сохранен трепет живого наблюдения, даже и в тех листах, которые рисовались по памяти. Захотелось еще больше рисовать. Не терпелось вернуться на «свое» море, на «свои» корабли. . .

Вот почему, когда мне предложили поехать с выставкой в Севастополь, я приложил все старания, чтобы меня вернули в Ленинград, на ставшую мне родной Балтику.

Памятный для меня день—двадцать вторую годовщину своего пребывания в рядах ВКП(б)—я провел не на корабле, а на берегу, в самом Ленинграде в обществе моих друзей—художников ЛОССХа. Именно в этот день я дал рекомендацию в члены ВКП(б) В. Н. Прошкину и рекомендовал в кандидаты двух Владимиров—Серова и Малагиса. Верные сыны народа, они в грозные блокадные дни показали пример патриотической деятельности в головном отряде ленинградских художников, работавших и много, и хорошо.

Помещение Ленинградского Союза напоминало тогда военный лагерь: здесь художники и работали, и жили. Многие подолгу вовсе не бывали в своих квартирах. Тут и писали, и рисовали, и гравировали, тискали на станках, печатали с литографских камней.

Деятельная творческая жизнь ленинградских художников очень поддерживала нас, москвичей, оказавшихся на Балтике.

Попадая с корабля на берег, фронтовой художник-москвич непременно заходил в ЛССХ.

Одно из таких посещений отмечено в моей тетрадке записью о некоторых ленинградских друзьях:

«Встретил художников. Выглядят скверно. Но духом бодры. Организовали выставку эскизов, посвященную Отечественной войне. Хорошая выставка! На ней нет ни холодного лоска, ни надуманности, ни бездушного эстетизма. Вещи все суровые и—сразу видно—пережитые сердцем.

Юра Петров рассказал о смерти своего отца, профессора Академии художеств Н. Ф. Петрова. Упал—кровоизлияние в мозг. Старику было семьдесят три года. Юра сам и могилу копал. Сейчас он стал главой семейства...

Серов похудел здорово и выглядит седым, косматым мальчиком.

Еще о Ю. Петрове... Город в тяжелом положении. Бомбежки, большие разрушения, холод, недоедание. Он рисует плакаты и одновременно урывает время, чтобы изучать норвежский язык. Прежде уже осилил итальянский...»

...Много работы флотскому художнику на корабле. Плакаты, листовки, лозунги с иллюстрациями—все это лежит на нем. Необходимость заставила, и я осилил даже цинкографию. Стал сам изготавливать клише. Гравировал на линолеуме. Начал выпускать «Боевой листок». Используя «американку» (печатную машину для мелких типографских работ, имевшуюся на корабле), мы вскоре стали печатать даже в три цвета.

Так к Новому, 1942 году в три краски выпустили газету «Октябрьский луч». Отпечатали к 11.00 31 декабря 1941 года. Гордились, что в три краски и раньше срока! Но... о, ужас!.. кто-то обнаружил чудовищную ошибку во всем тираже. Напечатали, оказывается, «1 января 1941 года»!

Что же делать? Решаем вручную переделать цифру на каждом экземпляре—к вечеру исправления внесены в весь тираж.

Когда я полностью включился в жизнь корабля, мой план работы выглядел примерно так:

1. Выпуск сатирических листов. Систематически, на самые злободневные темы. Каждые 2—3 дня.

2. Изготовление на линолеуме лубков в 2—3 краски. (Эти массовые картинки выпускались нерегулярно. Не всегда в нашем распоряжении было достаточное количество красок.)

3. Ведение регулярного отдела юмора в корабельной многотиражке—«Трассирующим снарядом».

4. По мере необходимости—иллюстрированные лозунги.

5. По возможности ежедневно—зарисовки, наброски, этюды к задуманным большим работам, а также выполнение картин для Ленинской комнаты корабля.

В течение первого года своего участия в корабельной жизни я собрал материалы и разработал эскизы на темы: «Потопление вспомогательного крейсера противника и двух эсминцев у острова Эзель» (в мастерской автора), «Тревожная ночь» (музей им. Айвазовского, Феодосия), «Боевая тревога». И еще, и еще многое другое.

Но дистрофическое состояние порой срывало выполнение хороших планов. Помню, в декабре, во время приступа слабости, приковавшей меня к койке в моей каюте, надо мной, в Ленинской комнате, собрался на митинг весь личный состав по поводу разгрома немцев под Москвой. А я лежу и сквозь палубу улавливаю глухо шум голосов, общее возбуждение и, наконец, могучее радостное краснофлотское «ура!»... И я—один в каюте—слабым голосом, но всем сердцем, вторю моим товарищам: «Ура!»

Канун 1942 года... 31 декабря. Получил от Яши Ромаса письмо. Поздравляет с наступающим. После дистрофической болезни и он начал снова работать над этюдами, эскизами. Увлекающаяся натура! Пишет, что решил заняться рыбной ловлей, обещает при удаче закинуть налима или свежего головля. Яша, Яша, ты все тот же днепровский бакенщик!

«Дорогой Ванюша,—пишет он. — Ох и соскучился я по всем вам, по нашей братве художникам, по природе, аж страсть».

...Получаю задание разработать план и начать работу над альбомом о боевых действиях нашего линкора.

С увлечением принимаюсь за это дело.

...Был у нас в гостях Костя Листов. С маленьким аккордеоном ходил из кубрика в кубрик. Пел задушевные песни. Ему вторили моряки. Потом в кают-компании много играл на рояле и пел...

...Работаю больше, чем в прошлом году. В разных техниках исполняю: «Пожар в Таллине», «Флот на рейде», «Бой», «Утро на баке», «Моряки сами строят корабли», «Рассказ бывалого матроса».

Наступили белые ночи.

На западе полыхает заревом заката розовое небо. Город умбристо-мрачный. Дали фиолетово-голубые. Над городом небо окутано фиолетовой дымкой. А дальше оно розово-зеленое и голубовато-серое. Все будто флейцем сравняли. И на этом фоне—бледно-голубой гордый Исаакий.

Передний план воды насыщен темными тонами.

Правый (противоположный) берег по тону несколько плотнее собора.

В небе—на разных высотах—множество аэростатов; они блестят серебром. От кораблей идут теплые дымы. Вода, как небо. Только волны фиолетовые и умбристые. С темной зеленцой.

Вдруг краснофлотец-наблюдатель докладывает: «Сверху идет миноносец!»

Бегу, делаю зарисовки.

...Характерно: в белые ночи нет падающих теней. Везде—свет, кругом—свет. Нет источника света. Все небо светится.

...Работаю над белыми ночами. Тема: «Нева 1943 года».

...Трудны белые ночи. Что светлее: небо или вода? Вот вопрос!

В результате этих моих ночных увлечений, на основе большого этюдного материала и множества зарисовок родилось, правда, не сразу, несколько картин. Как мне кажется, наиболее значительные из них: «Белая ночь», «Возвращение с позиции» (впоследствии подарена крейсеру «Киров»), «Августовские ночи», а также «Утро на Неве» (в мастерской автора). Первые две из названных картин после войны экспонировались на передвижной выставке кораблей и береговой службы Северного, Балтийского и Черноморского флотов, а последняя—на Всесоюзной художественной выставке 1946 года.

ЯКОВ ДОРОФЕЕВИЧ РОМАС

Колыбель революции, город Ленина.

Вот они, милые сердцу широкие нарядные проспекты и прямые улицы. Вот и набережные, одетые в строгий гранит...

Ленинград по приезде из Москвы показался мне таким же, каким был всегда. Разве только гораздо больше военных на улицах (сам я тоже в военно-морской форме, еще непривычной) и, пожалуй, у прохожих более озабоченный вид, нежели в прошлые времена.

Не думал, что вскоре, через самое короткое время, все вокруг изменится, что я по-новому увижу великий город Октября, на этот раз—со стороны моря, с ближайших оборонительных рубежей города-фронта, и что эти новые свои ощущения попытаюсь выразить в картине...

...В звании старшего политрука я прибыл на борт крейсера, занимавшего оборону Ленинграда в водах Балтики.

Солнечное сентябрьское утро не предвещало ничего дурного. По небу плыли редкие кучевые облака. Все было тихо часов до одиннадцати, когда фашисты открыли по кораблю огонь из тяжелых артиллерийских орудий.

Я в это время находился в аварийной партии (пост 3) под верхней палубой. Где-то вблизи грохнулся снаряд. Залязгало железо на палубе. Застучали осколки о борты корабля. Открыли и мы ответный огонь главным калибром. Оглушительно разорвался снаряд совсем рядом. Коридор и каюты моментально наполнились едким дымом.

Мы кинулись к шлангам. Но где, где очаг пожара? Я бросился отыскивать его. Дорогу неожиданно преградили какие-то железные листы. Оказалось, что взрывной волной вышибло двери в коридоре.

Огонь обнаружили в одной из кают. Ликвидировали. А дым так ел глаза (попытались работать в противогазах, но они лишь мешали), что мы не сразу уточнили дальнейший путь фугаса, угрожавшего новым очагом пожара. Пробив стенку в соседней каюте (парикмахерской) и ударившись об отопительную трубу, он упал и шипел, вот-вот готовый предать пламени все окружающее.

Снаряды рвались то вправо от нас—в воде (перелет), то влево—на стенке (недолет). Вдруг что-то нависло над нами и оглушительно ахнуло. Перекрывая орудийный грохот, донесся голос краснофлотца Жижеля:

— Осмотреться! Пожар в кают-компании.

Пробив верхнюю палубу, снаряд влетел в кают-компанию, все разбил в щепки—буфет, столы, стулья, привинченные к палубе. Начинался пожар, но в течение каких-нибудь двух минут огонь снова был ликвидирован. В это время раздался сильный, но глухой взрыв по правому борту, а вслед за ним—второй, сильнее первого, где-то наверху. Первый разбил судоремонтную мастерскую, а второй пробил восемь кают подряд. Уже разгоралось два новых очага пожара, но и они довольно быстро были ликвидированы.

И снова и опять—зловещий свист, удар, взрыв, огненная вспышка!

У одной из кают увидел человека. Подбегаю вместе с вестовым, всматриваюсь. Сразу и не опознать: лицо и руки цвета земли, только чистые глаза на выкате, взгляд—полный предсмертной тоски.

— Да это же политрук!

Поднимаю за спину, вестовой за ноги. Поздно, ни к чему; он умер раньше, чем мы донесли его до санчасти.

Мимо пронесли смертельно раненного в голову лейтенанта Пухова, а вокруг продолжал неистовствовать огонь. Рвались снаряды. Падали осколки. Оглушительный треск. Снова удар. Опять разрыв.

Прямым попаданием в первый кубрик были сметены подвесные койки. Над нами горели надстройки.

Мы отваливаем от стенки.

Впереди, с боков, позади нас то и дело рвутся снаряды, шлепаясь в воду. Наконец, становится тихо.

Выхожу на верхнюю палубу.

Да, мы родились под счастливой звездой! Множество разрушений и повреждений, но жизненный центр корабля не пострадал. Урон, понесенный кораблем, может быть быстро восстановлен. Невозвратимы только жизни товарищей! Стенка остается где-то в стороне. Снаряды больше не падают. Мы входим в полосу полной тишины.

Легкий ветерок. Тихая поверхность воды. Ласковое солнце. Даже не верится, что нами пережит мощный огневой налет противника (шесть прямых попаданий!).

Стали у элеватора. А через пять дней прямым попаданием у нас снесло всю надстроечную часть, потом разворотило носовую трубу. Кормой, самоходом мы отошли в Неву, к Балтийскому заводу.

Вдогонку нам летели снаряды, но только один из них упал метрах в двух от левого борта и повредил ют: изрешетил борт, леера, бронзовое имя корабля.

Быстро близился вечер. Чудеснейшая гамма ранней осени. Лучи оранжевого солнца еще играли в облаках. Предвечерний свет отливал бронзой на зелени и домах медленно проплывающих островов. Вдали выступали силуэтом здания элеватора и портовых складов. И страшную картину обстрела мягко окутывали нежные лирические тона природы.

Артудэль—залпы опустошения и смерти на фоне мирной и ласковой природы. Тогда же решаю обязательно разработать эту тему на холсте.

С такими чувствами, с такими мыслями прихожу на борт ставшего родным корабля в «лазарет», на Балтийский завод, где самоотверженные и мужественные ленинградские рабочие в короткий срок восстановили наш крейсер...

Неладно складывалась на протяжении многих лет моя жизнь художника: никак не удавалось делать то, к чему стремился, что подспудно жило во мне, и в итоге мои живописные ощущения всегда опережали техническое умение. Вот и сейчас, на корабле, так остро чувствовалась природа, вдруг, совершенно ясно увиделись все отношения вокруг, а умения передать их не хватало. И во мне поднималась ярость, какое-то неистовство: обуревало желание работать, работать много, долго, терпеливо, работать каждый день, используя любой свободный час, даже минуты...

Вспоминается один вечер, многому меня научивший...

Чудесный зимний вечер! Густой туман стелился по низу. Сквозь него ощущался заход солнца, именно ощущался, потому что самого солнца не было видно. Опаловая полоска окаймляла по верху этот незабываемый вечерний туман.

У стенки, во льду, дымил ледокол «Суртыл», рядом стояли два-три небольших транспортных судна. Все купалось в каком-то серебристом мареве. Работали лебедки, и вдали, еле заметно, двигался буксир. А горизонт сливался с туманным передним планом. Его полосу трудно было различить.

Необычайной красоты картина!

Взглянул на шкафут. Около «соток» стояли пушкари. Их лица казались бронзово-красными, полушубки—цвета банана, шапки—марс коричневый с кобальтом. Суровый вид. Замечательно живописно!

Эх, хотя и холодно, взяться бы за этюд! Так подсказывал непосредственный голос художника, но, что сделаешь ты, художник, когда ничего у тебя не приготовлено? А через двадцать—тридцать минут уже будет поздно, темно...

Запоминаю. Иду к себе в каюту. По памяти пробую сделать акварелью увиденное. Куда там! Получается ложь...

С этого вечера все свое художественное хозяйство я всегда держу в полной боевой готовности.

В холодные дни делаю этюды акварелью из иллюминатора. Стараюсь привести их в надлежащий порядок: наклеиваю на паспарту. Хоть на выставку! Когда накопилось акварелей порядочное число, отправил в Москву, в Главное Политуправление ВМФ и в оргкомитет Союза советских художников. Спокойнее и сохраннее!

Конечно, я не успокаивался на этих работах. Хотелось сделать лучше и больше. Но в отдельных этюдах уже радовала та непосредственность ощущения, которой я добивался и которая придавала им особенную свежесть и трепет самой жизни.

С обостренным ощущением природы и всей окружающей среды начал я работу над эскизом «Бортовой залп».

А ведь как трудно!

Иной раз увидел, почувствовал, а мороз перевалил за двадцать градусов,—где тут работать на воздухе. По памяти же просто невозможно передать тонкие отношения, увиденные в природе...

Однажды в зимний декабрьский день возвращался я на свой корабль. Передо мной раскрывался широкий вид на город. В домах стекла были тогда редкостью, стены изрыты осколками, как оспой. И все же—до чего изумителен Ленинград!

В тот день он был окутан тончайшей серебристой, чуть синеватой пеленой. Буксиры у набережной казались какого-то необычного цвета, кое-где разбавленного лимонным дымом. Этот лимонно-желтый оттенок как бы дополнял серебристо-синюю гамму широкой панорамы города. Силуэтом вычерчивался издали мост Лейтенанта Шмидта. Маленькими букашками казались идущие по нему люди. А за мостом—набережная, линия стройных домов, снег на крышах. И надо всем — прорываясь в небо — возвышается в серебристо-серой дымке Исаакий...

Город-фронт... Город-герой... Нужно обязательно сделать набросок!

Не раз потом возвращался я к этому мотиву. Именно он во многом определил состояние, которое я затем попытался выразить в картине «Зимние залпы».

Чуть отпустит мороз, несмотря на холод, пишу этюды. Однажды, помню, меня зачаровал тулуп на часовом у трапа. Это был редкостный по цвету тулуп, какой-то необычной выделки. Нечто среднее между неаполитанской желтой и разбеленной золотистой охрой. Воротник — золотистый, а изнутри мех — черный. Смотрю. Любуюсь. И решаю писать «На вахте».

На корабль пришел писатель Амурский. Пробыл недели три. Это было в январе. Както в кают-компании, после чая, читал нам свою брошюру «Люди нашего корабля». В сущности этюдный материал, неплохо написанный, нужный для будущего широкого полотна.

Присутствовали все командиры и политработники.

Прочитанное обсуждали активно. По существу. Деловито. Многие выступали с критикой чисто стилистической. Говорили тепло, дружески и со всей прямотой о недостатках.

Решил обязательно к 1 мая развернуть выставку своего этюдного материала и эскизов, затем тоже провести обсуждение. Будет не только интересно, но и полезно для дальнейшей работы!

Принялся за иллюстрации к брошюре Амурского. Трудновато: сначала не знал, какую технику можно применять в оригиналах, а какая противопоказана, опять же—делать ли иллюстрации в формате брошюры или произвольно—на увеличение или уменьшение. Амурский разузнал позднее: размер роли не играет; техника безразлична, лишь бы штрих почернее. Делаю тушью, пером с размывкой, но побаиваюсь, как бы не пропали полутона и нюансы.

Рука разошлась, и иллюстрации пошли хорошо.

Сделал шесть штук, а потом и седьмую: некоторые из них перекликались с темами этюдов и задуманных композиций. Среди них—«Проводы на сухопутный фронт», «Ремонт», «Переправа». Иллюстрации рисовал вечерами, а светлые часы старался использовать для работы над этюдами и эскизами.

Когда командира нашего крейсера переводили в штаб, он, прощаясь, просмотрел мои работы. Ему очень понравились «Зимние залпы». Решил сделать для него повторение. Работая над повторением, вдруг понял, что в этой картине потенциально заключен собирательный образ: боевые действия крупных кораблей в обороне Ленинграда. Эскиз расширился. Появился новый вариант, более глубокий.

Увлекся темой и работой.

И время, и мысли были теперь заняты исключительно «Залпами». После ряда набросков и эскизов нашел, наконец, правильное решение, программно-правильное. Так и представилась мне будущая картина: ведущий огонь корабль в скованной льдом Неве, на фоне заиндевевшего, но всегда прекрасного города Ленина... Корабль, как бы своей стальной грудью защищающий город...

Случалось так, что первоначально, до того, как в сознании сложилась эта картина в своем окончательном виде, я шел от конкретных фактов: места и обстановки. Потом стало ясно, что мне нужна не «протокольность» факта, а его образное обобщение, чтобы любой зритель, даже и никогда не видевший Ленинграда, уверенно сказал: «Да, это героический Ленинград!», чтобы любой зритель, даже никогда не видевший залпов военных кораблей, пережил радость узнавания и понял, что перед ним боевые действия героического флота Краснознаменной Балтики в блокадную зиму 1941 года!

Работа пошла: рисунки, акварели, этюды, эскизы, наброски. Потом—варианты. Наконец, перешел к маслу. И в то же время, не сдавая темпов, продолжал накапливать этюдный материал.

Если «Залпы» заняли главенствующее место в моей творческой работе на корабле, то задачи, выдвигаемые передо мной командованием, выводили меня за пределы этой темы. Делал наброски для картины «Ремонт корабля», а для кают-компании выполнил этюд «Гонки яхт».

К этому времени возникла идея подготовить альбом—документальную и художественно-живописную историю нашего крейсера.

А тут пришел еще и вызов на крейсер «Киров» к бригадному комиссару. У него состоялось совещание, на котором была поставлена задача перед художниками Балтийского

Я. Ромас. Зимние залпы. 1943

флота: создать иллюстрации к отчету о боевых действиях Балтфлота. Мне было предложено консультировать эту работу и руководить ею и, кроме того, самому иллюстрировать эпизоды из боевой жизни нашего крейсера. Срок, как всегда, короткий: всего пятнадцать дней.

Так—с иллюстраций к отчету Балтфлота—и началась моя работа. Практически она затянулась надолго. Сказался и недостаточный профессионализм подавляющего большинства иллюстраторов. На общих темпах в какой-то мере сказалась и моя болезнь (дистрофия): дважды за это время я лежал в лазарете, а по выходе оттуда передвигался медленно и с трудом. Ну, и не поспевал, конечно, просматривать работы других участников, выправлять недочеты, своевременно в процессе работы подавать практические советы. Но даже и в этот свой «дистрофический» период я постоянно думал об альбоме.

Среди иллюстраций, посвященных боевым действиям нашего крейсера, нашел себе место и «Бой 17 сентября», тот самый, о котором я рассказал в начале воспоминаний.

На флот как раз в это время прибыл Юра Петров, командированный Ленинградским Союзом советских художников. Приятный человек, прекрасный товарищ, отличный художник! Позднее героической смертью воина он пал под стенами родного города. Вечная ему память!

Петров быстро включился в работу над иллюстрациями. В первую очередь, для альбома эскадры. Кстати, и для этого альбома я сделал около тридцати листов акварелью и тушью.

Работая над альбомом, не переставал думать о «Залпах». Возникло еще несколько вариантов.

Шли месяцы.

Уже в мае 1942 года мою работу над альбомом по боевой истории нашего крейсера, по существу, можно было считать законченной. Но отсутствие таких материалов, как эбонит, хорошая кожа, качественный картон, тонкая бумага, побудило нас повременить с оформлением альбома. Командование крейсера считало, что альбом должен быть сделан хорошо и из хороших материалов. А летом, в июне, были уже готовы два тома общефлотского альбома.

Закончив работу над альбомом, возвращаюсь к работе над «Залпами». За две недели делаю шесть пастельных эскизов. К этому времени окончательно созревает композиция. Она строится на противопоставлении лиризма природы и жестокой военной действительности. Серебристо-серый колорит туманного Ленинграда. На переднем плане женщина с ребенком лет пяти тянет санки. А наш крейсер бьет по врагу — это залпы суровой военной зимы 1941 года!

Уже следует перейти к работе маслом...

Эскиз утвержден в Москве для выставки «Отечественная война».

Для написания «Зимних залпов» и других картин к выставке меня вызывают в Москву...

С. ПАНКРАТОВ

НЕВСКАЯ ДУБРОВКА, 1942 год

В минуты редкого фронтового затишья у меня в землянке всегда солдаты или офицеры. Я охотно выполняю многочисленные просьбы друзей-однополчан, делая им «на добрую память» портреты, которые они обычно отправляют вместе с письмами своим близким. Часто этот фронтовой подарок оказывается последним.

Рисую портреты по особому списку, составленному командиром полка и комиссаром — бойцов и командиров, особенно отличившихся в боях.

Сегодня ко мне в землянку пришел прославленный разведчик-артиллерист К. С. Демин. Богатырская фигура, смелый разлет бровей и ясные голубые глаза. На голове — папаха с таким длинным ворсом, что даже не видно звездочки. В полушубке, валенках он напоминает охотника-зверолова.

Видя мое удивление, он сказал, что папаху ему прислали во фронтовом подарке пионеры из Сибири, и поэтому он с гордостью ее носит.

— Пусть фашисты меня боятся,—говорит он с улыбкой и рассказывает эпизод на переправе.—Да что, ну переправились на тот берег, народу погибло очень много... Но фашисты долго будут нас помнить... Оказывается, он был в таком азарте, что фашистов перебил без числа, заменил убитого в бою командира, потом поднял бойцов и повел их в атаку. Много помогла четвертая морская бригада, отчаянные моряки, ничего не скажешь, а когда патроны и гранаты кончились, перевернул автомат и бил прикладом. И как о чуде смущенно говорит:

— И как видите, только немного «царапнули».

Это действительно было чудом. Ставлю одну «летучую мышь» у самого лица Демина, а другую у своего альбома. Рисую очень сосредоточенно, боясь пропустить выражение удивительного спокойствия в его глазах. Кончаю рисунок. Демин с видимым удовольствием подписывается под рисунком... Крепко жмем руки и обнимаемся на прощанье.

Тихий стук в землянку. Входит А. В. Томилина—маленькая хрупкая девушка в форме солдата. Говорит: «Товарищ лейтенант, меня к вам прислал полковник»,—а у самой руки трясутся и губы вздрагивают. Начинаю с ней общий разговор, чтобы она немного успокоилась. Оказывается, она во время только что окончившейся «операции» одиннадцать раз соединяла провод, порванный снарядами, и четыре раза была засыпана землей. После выносила раненых с поля боя.

Удивляюсь ее мужеству и внимательно рисую лучистые глаза с длинными ресницами. Интересуется, куда может попасть мой рисунок. Говорю ей, наверное, в ленинградскую

С. Панкратов. Бой у Вороньей горы. 1944

молодежную газету «Смена» или «На страже Родины». Робко просит: «Товарищ лейтенант, если напечатают где-нибудь, подарите его мне, пожалуйста, я его пошлю маме»,— подписывается под рисунком, за что-то благодарит меня и уходит.

Послал ее портрет в «Смену» и приложил к нему боевую характеристику, подписанную комиссаром полка Карпекиным. Портрет героини Ленинградского фронта, награжденной орденом Красной Звезды, был действительно напечатан в газете «Смена» и даже на первой полосе.

Когда я с автоматчиком пришел на седьмую батарею к комбату М. А. Андрееву, услышал очень странные звуки, которые меня поразили. Вхожу в землянку и вижу любопытную картину—сам Андреев сидит за столиком, а его ординарец вертит пальцем патефонную пластинку, так как пружина у патефона лопнула (из Ленинграда были посланы лучшим артиллеристам Невской Дубровки патефоны).

Андреев очень обрадовался, когда узнал, что я из Ленинграда. На радостях выпили по кружке фронтового спирта и стали друзьями. Человек беспримерного мужества и отваги, он был добрым другом и заботливым товарищем. Был у меня с ним разговор и о Пушкине. Делал у него зарисовки героев-артиллеристов и его самого.

Когда я после госпиталя был прикомандирован к двенадцатому Краснознаменному гвардейскому артиллерийскому полку, получаю письмо со множеством штампов и пометок: «Выбыл в другую часть». Оказывается, пишет мой боевой комбат Невской Дубровки Андреев из госпиталя, куда попал после очень тяжелого ранения.

«...Сережа,—пишет он,—если ты жив, то навести меня, пожалуйста, в госпитале. Покажи мое письмо полковнику, он тебя отпустит навестить умирающего друга... И если у тебя сохранился мой портрет, который ты рисовал в Невской Дубровке, то привези его, мне кажется, что я начну поправляться и, может быть, вернусь к моим артиллеристам на батарею. Здесь лежать мне очень тяжело, у меня перебиты обе ноги и рука, а также осколочное ранение в голову».

Благополучно прибываю в госпиталь к Андрееву, вхожу в палату и не вижу своего друга. Рядом на койке лежит страшный старик с одним глазом и еле слышно шепчет: «Сережа, неужели ты меня не узнаешь?» Я не поверил своим глазам—это был Андреев. Трудно было без слез смотреть на него... В памяти встал могучий образ грозного и боевого комбата.

Дарю ему рисунок, сделанный еще на батарее. Обрадовался, как ребенок, потом говорит: «Правда, Сережа, я был грозой фашистов?»—«Правда,—говорю ему,—ты поправишься и будешь еще на фронте...» Утешал его, как мог. Потом получил от него еще письмо, где он сообщал, что его как тяжелобольного отправляют далеко в тыл, в сибирский госпиталь.

Сегодня направился на батарею комбата Клочко. У самых капониров настиг меня шквальный артобстрел. Было прямое попадание в дзот, горел боеприпас... Взрывной волной меня бросило в воронку от снаряда. Когда немного пришел в себя, отправился на батарею. Налет кончился также внезапно, как и начался.

Вхожу в землянку комбата. Клочко сидит суровый и грустный. «Садись, лейтенант,—говорит,—рад гостю, только если будешь меня рисовать, то, уж извини, я такой и буду злой. Только сейчас погиб мой лучший наводчик Натекин—цены ему не было, и вот—убили»... Таким я его и нарисовал—густая черная шевелюра упирается прямо в потолок низкой землянки и суровые, страдающие глаза. Потом говорит мне: «Приходи завтра на батарею, если сможешь, увидишь похороны гвардейца». Прихожу утром на батарею—вижу гроб, сколоченный из досок ящиков из-под снарядов. В нем—восковой Натекин. У головы заботливой рукой боевого товарища воткнуты еловые ветви.

Клочко произносит речь над гробом, призывая отомстить фашистам за смерть боевого товарища, потом дает команду: «По фашистской сволочи—огонь!» Били по тому квадрату, из которого, по мнению Клочко, и был сделан обстрел нашей батареи. Больше сурового комбата Клочко я не видел.

А. ХАРШАК

ФРОНТОВОЙ АЛЬБОМ

Вести альбом фронтовых зарисовок я начал только со второй половины войны.

Первый год войны я не работал как художник и занимал должность помощника командира батальона связи 13-й стрелковой дивизии. Дивизия наша сражалась на Пулковском направлении, участок фронта был тяжелый. Особенно трудно мне было вначале, пришлось привыкать сразу и к военно-полевой жизни, и к тому, что ты—командир и несешь ответственность за жизнь вверенных тебе людей. В это время я делал только рисунки для окопного журнала своего батальона «Связист». Такие рукописные журналы были широко распространены в частях Ленинградского фронта, передавались из рук в руки, обходили землянки и блиндажи.

Однажды редактор дивизионной газеты «Вперед» попросил меня выполнить рисунок к праздничному ноябрьскому номеру. Работал я ночью в блиндаже при коптилке, и все же комбат «накрыл» меня за этим занятием. Время было трудное, спали мы по нескольку часов в сутки, не раздеваясь, и комбату было диковинно застать своего помощника за рисованием. Помню, как попало мне тогда «за картинки».

Но даже впоследствии, когда меня перевели на службу в редакцию армейской газеты, мне было не до рисования, и вести альбом зарисовок я начал только некоторое время спустя, когда армия перешла в наступление. Но и тогда работал урывками.

За зиму 1944 года мы успели пройти от Ленинграда до Чудского озера, очистив от врага западные районы Ленинградской области. Весна нас застала в городе Середка. Как только миновала распутица, мы получили приказ перебазироваться в район Пскова, тогда еще занятого гитлеровцами. Деревни там расположены часто. Обычно в поле зрения виднелось шесть-семь деревень, но все они представляли собой страшные, обезображенные войной пожарища. Мы ехали по зоне мертвой пустыни, и обугленные силуэты того, что когда-то было жилищем человека, снова и снова представали перед нашими глазами. Двигались без остановок, зарисовывать было некогда, но запечатлеть это страшное зрелище казалось мне необходимым. Поэтому, как только мы прибыли и обосновались на новом месте, я взял командировку и двинулся назад в «мертвую зону».

Шел я целый день и не встретил живой души. Вокруг—страшные следы варварских разрушений; обугленные, искореженные огнем деревья стояли странными неестественными силуэтами. Я шел от пожарища к пожарищу, мною владело чувство, близкое к исступлению,—чувство гнева, протеста, возмущения диким варварством.

Передо мной полотно железной дороги: каждый рельс взорван, каждая шпала выворочена. Гитлеровцы пускали паровоз со специальным краном, который рвал болты и тянул их из гнезд, а под каждый рельс подкладывали фугас. Все это навсегда врезалось в память.

Одна фронтовая зарисовка мне особенно дорога: выжженная пустыня, несколько изуродованных снарядами деревьев, кое-где возвышения дзотов, узкие щели ходов сообщения, мертвый, безжизненный пейзаж, а жизнь вся под землей. Это—наш передний край в ста метрах от врага... Рисунок получился скупым и напряженным. То ли моя собственная напряженность передалась в нем, то ли таит ее сам ландшафт переднего края...

Помню такой эпизод: в Середке наши войска раскрыли гнездо предателей-полицаев. Их тут же судил военный трибунал. На совести каждого из подсудимых было по нескольку десятков замученных советских людей. Эти выродки выдавали гитлеровцам партизан и раненых красноармейцев, которых прятали местные жители. Военный прокурор от лица народа требовал повесить предателей, и вот суд удалился на совещание. Суд проходил в бараке. Первый ряд—скамья подсудимых. Сидят эти девять, на лицах животный страх перед справедливым возмездием. Я зарисовал их по очереди, они на это не обратили внимания. Повесили двоих, остальных осудили на разные сроки лишения свободы. На следующий день рано утром я подошел к месту казни. Пасмурно, ветер раскачивает тела. Надо и это зарисовать. Но больше, чем на двадцать минут, выдержки не хватило.

В Гатчину мне удалось попасть вместе с передовыми подразделениями пехоты. Город горел, подожженный отступающими гитлеровцами. Горел и большой Гатчинский дворец. На обелиске—громадная металлическая свастика. Наши бойцы наводят орудие, чтобы сбить ее прямой наводкой.

Старинные пушки, которые стояли у дворца, исчезли—должно быть, пущены фашистами на переплав. Но статуя Павла I невредима: видимо, его прусский мундир пришелся оккупантам по вкусу. То тут, то там рвутся мины. Подходим к собору. В нашей группе несколько сотрудников фронтовой газеты «На страже Родины», в их числе Виссарион Саянов—полушубок нараспашку, рыжие усы, шутит.

Присутствие людей, вероятно, ощущается каким-то «шестым чувством», нас почему-то привлекла дверь, ведущая в подвал собора. Мы вскрыли ее, и что же? Все подвалы оказались битком набиты людьми. Они робко выходят оттуда, сперва смотря на нас с опаской, но, увидев звезды на шапках, бросаются к нам, плачут, глаза широко открыты, в них безумная радость—освободились!

После Гатчины мы не раз встречались с населением освобожденных районов, и у меня осталось много зарисовок: вот дети с печальными, все понимающими глазами, вот женщины, стойко вынесшие непомерную тяжесть гитлеровского режима, вот сироты, беженцы, всех не перечтешь...

Значительный раздел моих зарисовок составляют портреты фронтовиков. Во время сеанса между рисующим и портретируемым обычно устанавливаются отношения взаимной искренности, несмотря даже на случайный характер этой встречи.

Помню встречу с генералом Н. Симоняком. Герой Советского Союза Симоняк в годы Великой Отечественной войны руководил самыми ответственными участками на Ленинградском фронте. Он командовал легендарным гарнизоном на полуострове Ханко, его дивизия участвовала в операции под Красным Бором. Впоследствии он командовал ударной армией

во время генерального наступления под Ленинградом, окончательно освободившего город от вражеской блокады.

Это был храбрый человек, суровый, требовательный к себе. Когда я писал акварелью его портрет в 1943 году, его дивизия переформировывалась после боев по прорыву блокады и стояла на Малой Охте. Ночью был воздушный налет, соседний дом снесло бомбой. Я спрашиваю: «Вам было страшно ночью?»—он отвечает: «Да, опасность страшна всем, только одни теряют голову от страха, и это—трусы; другие способны подавить в себе страх и в момент опасности выполняют то, что обязаны делать, и это—честные и смелые люди; и врут те, кто говорит, что им безразлична опасность, что они не боятся. И еще,—добавил он,—на передовой все время находишься в действии, на каждую вылазку врага отвечаешь активно, обороняешься, наступаешь, а здесь, в городе, во время налета ты как в мышеловке сидишь и совершенно беспомощен. Ждешь, куда ударит»... Впоследствии я от многих слышал то же мнение.

А какие замечательные люди были в батальоне, где мы формировались, где я получил первое боевое крещение, где вступал в партию!

Комиссар Зайцев, умница и прекрасный психолог, тонко разбирался в людях. Никогда голоса не повысит, но поговорит так, что проймет самого толстокожего. А комбат Блохин, старый коммунист, член партии с 1905 года, питерский рабочий, прошедший всю гражданскую войну. Мне привелось встретить его после войны на Дворцовой площади в Ленинграде на первомайском параде—как радостна была эта встреча! Парторг батальона Петров, командир роты Булахов, все коренные ленинградцы, большевики, ополченцы...

Позже, работая в редакции армейской газеты, я постоянно ездил по частям и подразделениям нашей армии, много рисовал для газеты и просто так — для себя, в альбом. Передо мной прошла целая галерея замечательных советских людей, одетых в гимнастерки и шинели, в кителя и телогрейки; здесь сержанты и старшины, офицеры и рядовые бойцы, разведчики, саперы, пехотинцы, артиллеристы, кавалеры орденов Славы, Отечественной войны, Красной Звезды—Героев Советского Союза. Сколько рассказов я выслушал длинными вечерами в землянках, сколько судеб человеческих раскрывалось передо мной. А ведь в большинстве своем это были скромные рабочие пареньки, скупо рассказывавшие о совершенном ими примерно так: «Какой там подвиг! Просто выполнил задание: нужно было «языка» привести—я и привел; нужно было разминировать участок—и разминировал; нужно было подавить огневую точку противника—и подавил». И так все просто, без рисовки. Как повседневный, обыденный труд описывали они то, что требовало полного напряжения человеческих сил и многим стоило жизни.

В наступлении наша редакция двигалась на нескольких специальных машинах. Но там, где мы базировались, жизнь протекала в землянках, блиндажах или просто в домах.

Ряд зарисовок моего альбома посвящен жизни редакции нашей армейской газеты «Удар по врагу». В одних рисунках запечатлены различные места нашей дислокации, в других—люди фронтовой редакции, и среди них—писатель капитан Глеб Алехин за своей машинкой (он с ней никогда не расставался), Дмитрий Остров, наш поэт Л. Равич. И нако-

А. Харшак. Раненый мальчик Юра Микенас. 1942

нец, мой лучший фронтовой друг Виктор Васильевич Лебедев, всю войну прослуживший пулеметчиком в ПОГе (на Ораниенбаумском «пятачке») и только в 1944 году пришедший из дивизии к нам в армейскую редакцию. Виктор Васильевич — прекрасный художник, боец-коммунист, всегда подтянутый, молчаливый, а какая отзывчивая душа под личиной внешней суровости!

Однажды я отправился на передовую в полк, который готовился в эту ночь к наступлению. Бойцы как всегда перед боем очищали от всего лишнего свои вещевые мешки, пришивали подворотнички, писали домой письма. Все это происходило на лесной поляне.

А. Харшак. Строительство баррикад. 1942

В это время к нам подошел помощник командира полка и взволнованно зачитал полученную из дивизии телефонограмму с приказом командующего фронтом о прекращении боевых действий с 19.00 сегодняшнего дня в связи с капитуляцией противника. Известие ошеломило. Все словно очумели от радости, катались по земле, обнимались, швыряли в воздух все, что попадало под руку. Потом началась пальба из всех видов оружия— этакий стихийный салют Победы. Он продолжался до тех пор, пока не позвонили из штаба, что немцы волнуются; дескать—объявлено перемирие, а русские стреляют.

Я пошел на КП дивизии.

Сюда еще с ночи начали стекаться капитулирующие немецкие части. Гитлеровцы являлись и группами, и просто по одному.

КП дивизии помещался в усадьбе. Утром явился сам командующий дивизией СС, стоявшей против нас. Этот типичный представитель гитлеровского рейха был в походном обмундировании. Он приехал с двумя машинами—одна, амфибия, была доверху нагружена всякой снедью—окороками, курами и прочим добром. О винах тоже не было забыто. В пути машины засели в трясине, и генерал был вынужден прибыть в плен пешком.

Вскоре приехал наш командующий, и сразу же началось обсуждение условий капитуляции.

Я вышел из дому. У крыльца «Додж» и «Студебекер». В них несколько наших командиров, один генерал-лейтенант. Я понял: парламентерская комиссия! Такой случай упустить нельзя. Я попросил генерала взять меня с собой как сотрудника газеты. Он согласился, и мы поехали в «логово» врага...

Проезжая линию переднего края, я заметил, что вся наша техника, включая танки, приведена в боевую готовность. Даже орудия направлены вперед на случай провокаций.

Миновав нейтральную зону, мы, советские офицеры, попали в расположение немецких войск. Гитлеровская дивизия в полном боевом снаряжении выстроилась на шоссе по четыре человека в ряд, с орудиями и повозками, в полном походном порядке. Она заняла километра полтора по шоссе.

Мы проехали в штаб. Здесь на поле стояли танки, приготовленные к сдаче, было сложено обмундирование, боеприпасы и продовольствие. В кучу сбился табун верховых лошадей. Началась процедура передачи списков личного состава и разоружения капитулирующих частей.

Как ни интересно было все, что здесь происходило, но мне пора было возвращаться в свою часть. Обратный путь лежал вдоль всей немецкой колонны. Спина у меня прямотаки горела от их взглядов, и я облегченно вздохнул, когда эти полтора километра остались позади. И тут я увидел группу немцев, тщательно и аккуратно строивших концлагерь... для себя. Они плотно опутывали его колючей проволокой, мастерски устанавливали столбы—дело, видимо, было знакомое. Ну что же, стройте себе концлагерь, вы его вполне заслужили.

М. ТИХОМИРОВА

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФАРФОР

Среди работ ленинградских художников, созданных в годы блокады, особое место принадлежит изделиям из фарфора, выполненным на заводе имени М. В. Ломоносова небольшой группой энтузиастов своего дела. Этих вещей очень немного—всего около двадцати ваз, преимущественно небольших размеров, и два-три сервиза. Они интересны и значительны не только потому, что создавались в тяжелейших блокадных условиях, а в первую очередь, совершенно необычной для фарфора тематикой своих росписей. В основном это своеобразная художественная летопись жизни осажденного города, его героической борьбы и побед.

Патриотическая, гражданственная тематика получила свое яркое воплощение в советском фарфоре с первых же послереволюционных лет. Но так широко и многообразно она впервые прозвучала именно в этих немногих произведениях и прозвучала убедительно, впечатляюще. История создания этих вещей так же необычна, как они сами, и работа над ними была очень нелегкой. В первые же месяцы Великой Отечественной войны, согласно правительственному приказу, завод имени М. В. Ломоносова стал готовиться к эвакуации. Художники упаковывали коллекции своего музея, помогали в упаковке фарфора и Государственному Эрмитажу.

В августе 1941 года завод уехал в Ирбит. Многое было законсервировано на месте. Остались работать лишь некоторые цеха, служившие нуждам обороны. Газовые установки, предназначенные для обжига фарфора, приспособили для выпуска водорода, необходимого аэростатам воздушного заграждения. Тогда же прекратила свою деятельность художественная лаборатория. Ее руководитель Николай Михайлович Суетин и художники, остававшиеся в осажденном городе, работали на оборонных рубежах, рыли рвы и траншеи сперва у Мги и Колпина, потом в районе Автова, у Кировского завода и дальше, по направлению к «Пишмашу». Работать приходилось под бомбежками. Н. М. Суетин рассказывал, как несколько раз они видели вдали фашистские танки и спасались от них.

Художники Ломоносовского завода принимали участие в маскировке города, их руками были закамуфлированы корабли, стоявшие на Неве напротив завода. Выезжая на фронт, они оформляли выставки для воинских частей. Н. М. Суетин работал в партизанском крае и создал большую выставку, посвященную партизанскому движению. Ему же принадлежит торжественное оформление могилы Суворова, особенно почитаемой в дни войны,—здесь приносили присягу бойцы, идущие защищать Ленинград. Работали ломоносовцы и над плакатами. Е. П. Кубарская вспоминает, как ей довелось выполнить целую серию необычных плакатов, в композицию которых включались тексты и нотные записи новых военных песен. А предназначались они специально для наших траншей.

Перечень этих работ, очень важных и нужных в то время, можно было бы продлить еще и еще. Все они свидетельствуют о том, что художники фарфорового завода смогли успешно работать и вне своей привычной специальности, что они жили жизнью города и вносили свой вклад в общее дело. Многое выполнялось ими по поручению Союза художников, с которым они тогда были связаны, быть может, теснее, чем со своим законсервированным заводом. Но все же они не теряли с ним связи. Ведь и оборонные работы, и поездки на фронт, и впечатления от первой тяжкой блокадной зимы, бомбежек и пожаров, сам облик промерзшего, израненного города—все это им хотелось воплотить в «своем» материале в полную силу и готовились к этому каждый по-своему. Т. Н. Беспалова-Михалева и Е. П. Кубарская не только рисовали с натуры и по памяти, но и работали над эскизами будущих произведений. Л. И. Лебединская делала наброски, главным образом, по памяти, а потом выверяла все детали по натуре. Но так или иначе все они стремились к осуществлению своих творческих замыслов в материале. А это было возможно только на заводе, и надежда на такую возможность заставляла навещать его, хотя добираться туда было очень нелегко.

Об одном из таких посещений рассказала Л. И. Лебединская, о другом—Т. Н. Беспалова-Михалева. Это было весной 1942 года. У обеих в памяти—длинный путь, прерываемый бомбежкой, непривычная пустота заводского двора, когда-то такого оживленного, тишина в похолодавшем и почти обезлюдевшем здании, одна комната с печуркой, где можно было согреться... Правда, несколько человек—пожарная охрана—постоянно жили при заводе на казарменном положении. Среди них—художник Анна Адамовна Яцкевич, по ее просьбе причисленная к этой команде и прожившая на заводе всю блокаду. Обычно у нее оставались ночевать, так как на обратный путь в тот же день сил не хватало. Подолгу разговаривали, вспоминали ушедших на фронт И. И. Ризнича и В. Л. Семенова, беспокоились за художников, уехавших ранней весной 1942 года в эвакуацию,—Наталию Яковлевну Данько, Таисию Сергеевну Кучкину, Николая Алексеевича Кольцова и Людмилу Викторовну Протопопову. А сами были истощены, измучены тяжелейшей зимой, объединившей в себе голод и холод, бомбежки, обстрелы и пожары. Но хоть блокада и не была еще прорвана, город оживал.

В мае 1942 года на заводе восстановили один из цехов. Он предназначался для выпуска мисок, кружек и другой посуды, необходимой госпиталям. Конечно, это было далеко от художественной продукции. Но горн работал. И уже появилась возможность порой поставить в обжиг несколько вещей с росписью. Расписывать приходилось дома, на завод относить на руках. Горн работал с перебоями. Многое выходило из обжига испорченным, поэтому нужно было все делать заново. Но все эти трудности, как правило, отступали перед стремлением к творческой работе. И в июне 1943 года на весенней выставке ленинградских художников, которая состоялась в Союзе, уже были представлены работы в фарфоре. Это декоративные пласты Е. Н. Кубарской «Снайпер» и «Танковая атака» и круглый пласт Т. Н. Беспаловой-Михалевой «Партизаны», выполненные ими в условиях, которые мало назвать трудными. Но это было только начало.

Художественная лаборатория завода возобновила свою деятельность 10 сентября 1943 года. Н. М. Суетин вновь возглавил ее. Он сам собрал коллектив художников, отдав этому делу много сил и времени. Ходил по адресам, оповещал письмами, приглашал в Союз художников для конкретных переговоров. Об этом организационном периоде рассказывает З. О. Кульбах—теперь главный художник завода. До войны она работала на заводе как скульптор. В военное время, когда завод был законсервирован, перешла на работу в Пушкинский дом. Суетин позвонил ей туда в первых числах сентября, сообщил радостную весть о правительственном приказе, по которому художественная лаборатория должна возобновить свою работу в кратчайшие сроки, и пригласил в Союз для детального разговора. «Помню,— вспоминает Кульбах,—меня поразила организационная оперативность Николая Михайловича. Наш разговор происходил во вторник, и я предложила встретиться в пятницу, но он мне сказал, что дело это не терпит, и мы должны обязательно увидеться завтра. На следующий день я была в Союзе художников и узнала от него, что всего собрано девять человек, что для всех есть литерные карточки и нужно срочно приступать к работе.

Художники собрались на заводе. Многих по сравнению с довоенным составом не досчитывалась теперь лаборатория. Из Ирбита пришли грустные вести о кончине Данько, Кучкиной и Кольцова, которые уезжали из Ленинграда уже в очень тяжелом состоянии. Протопопова была в эвакуации. Ризнич и Семенов воевали. Да и многих еще поразбросала война. Начинали работу маленьким коллективом, в который входили художники: Александра Васильевна Щекатихина-Потоцкая, Тамара Николаевна Беспалова-Михалева, Елена Петровна Кубарская, Лидия Ивановна Лебединская, Анна Адамовна Яцкевич, Алексей Васильевич Скворцов (зав. лабораторией), Зигрид Освальдовна Кульбах (старший скульптор), а также Мария Петровна Кириллова (копиист) и Е. Лупанова (художник по росписи скульптуры). В коллективе были художники, уже давно зарекомендовавшие себя прекрасными работами, всем своим творчеством связанные с заводом, его традициями, спецификой работы с фарфором. А возглавлял группу тонкий знаток фарфора, прекрасный художник и энтузиаст Н. М. Суетин. Все это определяло успешное начало работы художественной лаборатории, несмотря на все трудности военных условий. А трудностей этих было немало. О разработке новых форм тогда еще и думать не приходилось. Белье использовалось старое. Формовщиков на заводе не было. Под руководством Кульбах сами учились формовать, отливали по старым формам. Маленькая лабораторная муфельная печь работала с перерывами. Расписывать вещи так же, как и раньше, приходилось дома и приносить для обжига на завод. И эти путешествия с хрупкими фарфоровыми вещами в руках особенно памятны всем художникам. Трамваи тогда уже ходили, но их было мало, а народу много, кроме того, нормальному движению препятствовали многочисленные артобстрелы, которыми были особенно «богаты» лето и осень 1943 года. Многие жили далеко от завода—на Васильевском, на Петроградской—приходилось ехать с пересадкой, а часто и идти значительную часть пути пешком. Никогда нельзя было предвидеть, что безопаснее. Лебединская рассказывает, как однажды они вместе с Щекатихиной-Потоцкой несли свои вазы и горевали, что упустили при пересадке на Невском трамвай. Но когда они дошли

Л. Лебединская. Сервиз «Ленинград в блокаде». 1944

до завода Ленина, то увидели улицу, засыпанную осколками стекла, и тот самый «упущенный» трамвай, разбитый прямым попаданием снаряда...

С осенью пришли холода. Паровое отопление на заводе не работало. Можно было погреться в единственной комнате с печуркой или же у муфельной печи в лаборатории. Но коллектив работал, и его изделия получали признание. К Октябрьским праздникам 1943 года, то есть всего через два месяца после возобновления работы лаборатории, Н. М. Суетин организовал небольшую выставку в Невском райкоме партии, где демонстрировались и предвоенные произведения (среди них были последние работы Данько), и несколько новых работ. В ноябре же открылась в Москве, в Государственной Третьяковской галерее, Всесоюзная выставка «Героический фронт и тыл». На ней демонстрировались произведения ленинградских художников, в том числе и художников завода имени М. В. Ломоносова. Отвозила в Москву эти вещи Е. Н. Кубарская. Дорога до Москвы была долгой и неспокойной. Поезда отправлялись непривычно—с Финляндского вокзала, шли медленно, часто останавливались. Бывало, что и попадали под обстрел. Кубарская все время беспокоилась за целость вверенного ей фарфора и говорила, что путь до Москвы показался ей бесконечным. В Москве, на выставке, ленинградский художественный фарфор

произвел большое впечатление. Патриотическая тематика произведений, их мастерство, эмоциональность и насыщенность—все это было отмечено в печати, оценено зрителями. Успех вдохновил художников на новые работы, и ленинградская летопись в фарфоре была еще пополнена в 1944 году.

Характерно, что уже в первых работах этой серии сложился тот определенный характер, которым, несмотря на различие авторских почерков, отмечена вся она в целом. Росписи выполнялись тогда главным образом на вазах, в классических приемах миниатюрной живописи по фарфору. И композиции строились так, чтобы тема раскрывалась несколькими сюжетами—одним основным и дополнительными, как бы детализирующими.

Здесь и эти принципы композиции и приемы росписи звучали необычайно органично и естественно. Художники стремились как можно полней и ярче передать не только впечатления от Ленинграда блокадных лет, но конкретные черты его облика, самые различные моменты жизни города того времени. И это им удалось, каждому по-своему. Вазы Яцкевич «Ленинград в блокаде», Кубарской «Враг у ворот» и «Ленинград в блокаде», Беспаловой-Михалевой «Ленинград в борьбе», «Дорога жизни» и «Прорыв блокады», Лебединской «Оборона Ленинграда», по существу, все многосюжетны. Войска, уходящие на фронт через Нарвские ворота, Аничков мост без коней, ленинградские огороды, Невский, заснеженный и пустынный, ленинградцы, везущие на саночках дрова, создающие рубежи обороны,—все это нашло свое отражение в этих работах. Была выполнена и роспись сервиза на тему «Ленинград в блокаде» (форма С. Чехонина). Она принадлежит Лебединской. Художница говорила, что ей хотелось как можно разностороннее показать военный Ленинград и многопредметный сервиз давал эту возможность. Здесь конкретность и достоверность изображений отвечают документальному характеру летописи. Горящий дом у Калинкина моста... Да, именно в него попала бомба. Подъезд Эрмитажа... Да, именно эта кариатида была ранена осколком снаряда. И в этой документальности, соединенной с мастерством исполнения, особая выразительность всей серии «блокадного» фарфора. Пусть серия невелика. Она воспринимается как своеобразная и значимая страница в истории советского фарфора. Ленинградская тематика была не единственной в работах художников завода блокадных лет. Росписи посвящались и победам наших войск, и героям войны. Среди работ 1944 года очень интересны росписи ваз Щекатихиной-Потоцкой «Александр Невский», «Дмитрий Донской», «Минин и Пожарский», выполненные художницей в свойственной ей свободной и красивой живописной манере. Весь маленький коллектив работал активно и плодотворно, готовясь к своему большому празднику—двухсотлетию завода, который должен был отмечаться в июне 1944 года. Яцкевич заканчивала юбилейную вазу с портретом М. В. Ломоносова, Лебединская—серию ваз «Героические женщины Ленинграда», Кубарская—большую вазу «Партизаны». И много еще работ готовилось к юбилею.

После снятия блокады в Ленинграде жилось и дышалось совсем по-иному. И хотя на заводе работали все с большим напряжением, делалось это с радостью и надеждой на скорую нашу победу. Пожалуй, труднее всех тогда приходилось Суетину, который был назначен главным художником готовящейся грандиозной выставки «Героическая оборона

Ленинграда». Но и в самое горячее время он находил часы для завода, подготавливая, организовывая его юбилейную выставку. А в газетах все чаще упоминались художники завода в связи с их новыми работами к юбилею. Выставка вышла большой и выразительной. Она демонстрировала весь двухсотлетний путь завода. И новые работы маленького героического коллектива художников занимали на ней видное место. Правительственным приказом от 27 июня 1944 года многие работники фарфорового завода были награждены орденами. В их числе—и «блокадная» группа художников.

Так Ленинградский фарфоровый завод имени М. В. Ломоносова вступил в третье столетие своей жизни—в городе, освобожденном от вражеской блокады, в дни, которые приближали нашу полную победу.

А. ТРОШИЧЕВ

В РАЙОНЕ ПЕТЕРГОФА

Сентябрь 1941 года. Фашист под Ленинградом.

Фашистами заняты ближайшие пригороды: Гатчина—Петергоф.

Город обстреливается с Дудергофских высот методическим огнем тяжелой артиллерии. Созданные на заводах и в учреждениях отряды местной противовоздушной обороны и ополчения находятся на казарменном положении, обеспечивая дежурства на крышах и ночное патрулирование улиц. Проводятся лекционные занятия, посвященные тактике и методике уличных боев и тому, как с наибольшей эффективностью использовать мелкокалиберную винтовку и гранату в условиях городского боя (другого оружия нет—все, даже учебные винтовки, отправлено на фронт).

Я в эти дни вступил—по призыву партии—в отряды политбойцов-коммунистов.

Помню ночь на 24 сентября.

С острова Голодай, где в течение нескольких дней нас обучали некоторым приемам обращения с противотанковой гранатой и с бутылками, наполненными горючей жидкостью, я вместе с коммунистами Василеостровского района иду в строю по настороженным улицам Петроградской стороны.

Рядом со мной коммунисты-художники, преподаватели Института живописи, скульптуры и архитектуры Виктор Васильевич Лебедев, Александр Дмитриевич Зайцев, Николай Ильич Андрецов...

Безлюдно, только в воротах домов то здесь, то там обнаруживается темным силуэтом фигура дежурного с противогазом через плечо, реже—с винтовкой.

Подходим к Госнардому. Здесь, в здании театра, собраны на митинг перед отправлением на фронт отряды политбойцов нескольких районов.

Народу очень много; забиты проходы, лестничные площадки, фойе и зал театра.

Но в эту ночь митинг не состоялся. Судьба подарила нам еще один день в городе и встречу с родными. Уже к утру, сперва через вездесущих мальчишек, а затем и через первых посетителей, удается сообщить родственникам о месте нашего пребывания. К полудню бульвар перед театром буквально кипит народом. Прощаясь, передают табак, свитера, варежки, так как снаряжены все мы совсем не по-осеннему.

В полночь 25 сентября открывается митинг...

После митинга, уже под утро, идем длинной колонной по Университетской набережной к морской пристани. Невольно взоры обращаются к силуэту матушки—Академии. Ведь в ее стенах прошли лучшие годы нашей юности, здесь мы мечтали о служении искусству, а позднее, уже по окончании Института, в этих же стенах вели преподавательскую работу. Суждено ли нам вернуться сюда?

Но вот мы уже в трюме десантной баржи. И опять задержка: налет фашистской авиации. К гудкам заводов присоединяются где-то совсем рядом хлопающие выстрелы наших зениток. Только утром, с восходом солнца, отчалили, наконец, от пристани. Многие из нас спали, убаюканные мерными всплесками балтийской волны. В Финском заливе, в районе Петергофа, сопровождающие нас военные суда застилают наш транспорт дымовой завесой. Слева и справа высоко вздымаются всплески от гитлеровских снарядов, а позднее, уже подле Ораниенбаума и от бомб с самолетов. Но все оканчивается благополучно. Только одна бомба попадает в борт корабля, стоящего у причала ораниенбаумской пристани. Так, сходу, получаем мы боевое крещение, и, быть может, поэтому на следующий день, на передовой линии и мины, и снаряды, и первые жертвы принимаются нами как нечто неизбежное.

Навсегда запомнились дни 5, 7 и 10 октября, насыщенные ожесточением непрестанных боев. Но с 10 октября Ораниенбаумский фронт, как говорят военные, стабилизировался. И мы и противник перешли к обороне, длившейся до января 1944 года. Это не значит, разумеется, что на нашем участке было тихо. Бои продолжались, но они не преследовали далеко идущих задач. То были либо разведки боем, либо схватки, ставившие себе целью улучшение позиций.

Участок Ораниенбаумского «пятачка», как его тогда называли, начинался в районе Старого Петергофа, примыкал к Петергофскому шоссе и уходил на запад, в район Котлов.

На всем своем протяжении этот «пятачок» обстреливался артиллерией противника. Через Кронштадт он соединялся зимой по ледовой дороге с Лисьим Носом, летом же и осенью связь с Ленинградом осуществлялась через Финский залив.

«Пятачок» сыграл немалую роль в обороне города Ленина.

В первые дни по прибытии на фронт я, разумеется, и не помышлял, что смогу быть полезен в качестве художника. Как и большинство товарищей, я считал, что искусство должно теперь уступить место винтовке и гранате.

Вместе с сотрудниками Института живописи, скульптуры и архитектуры я в течение лета 1941 года рыл противотанковые рвы—сперва в районе Новгорода, потом под Волосовым, а в августе уже под Гатчиной.

Сколько труда было вложено ленинградцами в эти работы, сколько надежд оставлено при переходе с одного рубежа на другой! И сколько раз, иногда не успев завершить начатое, они, присоединившись к отступающим частям, вновь и вновь брались, без жалоб и сетований, за кирку и лопату на новом оборонительном рубеже. Только реже слышались шутки, все суровее и суровее становились взгляды, обострялись лица, грубели руки.

На глазах менялся и облик моих товарищей, все более и более приближаясь к обычному облику солдата-бойца.

В конце октября меня и моего товарища Виктора Васильевича Лебедева отозвали с передовой в штаб батальона для выполнения задач, которые требовали зоркого и наблюдательного глаза и умения владеть карандашом. На нас возложили составление топографических схем. Систематически наблюдая в стереотрубу за противником, мы уточняли

зрительные ориентиры, наносили на карты огневые точки врага, рисовали с натуры так называемые панорамные съемки.

Эта работа сблизила меня с солдатами и командирами переднего края и дала ясное представление о мужестве и стойкости духа наших воинов, способных переносить с неистощимой бодростью величайшие лишения.

А условия нашего фронта были действительно тяжелыми.

Достаточно сказать, что обычные солдатские тяготы приумножались здесь особыми тяготами блокированного района: в декабре—январе паек был сведен до минимума, были участки, на которые в течение всей зимы горячая пища доставлялась только один раз в сутки. Среди солдат начиналась дистрофия, а затем появились и случаи смерти от истощения. К тому же непрерывные бои с осени и ранняя зима помешали отрыть окопы и землянки нужного профиля. Солдатам приходилось наверстывать это с наступлением морозов, причем начинать нужно было не с землянок, а с устройства огневых точек и других оборонительных сооружений.

Придешь, бывало, на передовую, в человеке еле душа теплится, только глаза живые: хоть бы весточку услышать отрадную с других фронтов или письмо от родных получить. В эти тяжелые дни как было отказать бойцу в его просьбе сделать «портретец», чтобы он мог послать родным свое изображение. Я начал постепенно приобщаться к рисунку и, отправляясь в окопы, не расставался отныне с карандашом и бумагой. А боец, прежде чем сесть позировать, непременно и помоется, и побреется, глядишь—и воротничок свежий подошьет к гимнастерке. И самому и другим любо—иным стал солдат, да и в землянке как-то по-другому стало: чище и уютнее.

Перед разведкой боем мне в ту зиму нередко приходилось выползать за передний край, чтобы уточнить на месте огневые точки противника и определить наиболее уязвимые участки его позиций. В сопровождении командира взвода или командира отделения, а чаще всего вдвоем со снайпером ползешь в маскхалате, поплотнее врываясь в снег, до тех самых пор, пока не доберешься чуть ли не до немецких землянок. Лежишь, смотришь, запоминаешь, чтобы затем обстоятельно доложить обстановку комбату и помочь ему избежать всевозможных случайностей при составлении плана и маршрута предстоящей операции.

Вот несколько выдержек из моих писем к жене. Письма эти скупы, как, впрочем, и ответные письма из Ленинграда. Ни у меня, ни у жены не поднималась рука писать о переживаемых нами трудностях. Хотелось ободрять друг друга, утешать, избегая всего, что омрачало бы душу.

12 января 1942 года

Сегодня температура—30°. День такой солнечный, сверкающий, что ослепляет блеском при выходе из блиндажа.

На днях я наблюдал вечернее освещение зимнего пейзажа. Заиндевевшие деревья и разбросанные домики прифронтовой деревни при зеленом небе были совершенно розовые, блестящие, как атлас.

13 января 1942 года

Чем дальше, тем все больше притупляются чувства, утрачивается острота впечатлений и глубина переживаний. Не есть ли это самозащита организма? И все же с какой болью прочитал я о разрушении фашистами музеев П. И. Чайковского и А. П. Чехова! Ведь это нельзя вернуть. Да и вспоминать будет тяжело, потому что к этим дорогим воспоминаниям непременно станут примешиваться гнусные образы фашистских надругательств над святыми для нас местами.

...Бывая много на природе, я с жадностью и с наивной радостью новизны, как в детстве, наблюдаю и отпечаток на снегу сидевшей здесь птички, и след пробежавшей между кочками мыши, и запушенную снегом ветку могучей ели. Лицом к лицу с родной природой я порой бываю совершенно счастлив, боготворю землю, небо, солнце...

Пусть же и вас не обделяет жизнь своими радостями и пусть на сердце будет легко, а сознание полно веры в счастливый исход событий...

Я обычно занят черчением карт и схем, оформляю газету, рисую портреты моих товарищей. Я уже перерисовал почти всех. У кого сохранилась связь с родными, посылают домой. Только свет плохой—мерцающая чуть-чуть коптилка.

25 января 1942 года

Жизнь наша меняется к лучшему. На днях увеличена дневная норма выдачи хлеба и закладки круп в супы. С наступлением морозов это весьма кстати.

Позавчера на рассвете ходил с товарищем выполнять одно поручение. В природе была такая святая красота, что от восторга я почувствовал даже спазмы в горле.

Нужно быть солдатом и познать блиндажную черноту, чтобы ощутить с такой силой свет и радость жизни!

31 января 1942 года

Завтра начало февраля. Дело идет к весне.

Я по-прежнему имею некоторую возможность рисовать. Рисунки всех удовлетворяют сходством, а для позирующих это ведь самое существенное. Желающих позировать много. Если доживу до теплых дней, то смогу с большой для себя пользой проводить свой досуг.

13 февраля 1942 года

Последние дни я живу особенно содержательной жизнью—рисую по заданию командования наших снайперов-истребителей. За этим занятием провожу целые дни. Упиваюсь работой и, мне кажется, имею некоторый успех.

В середине февраля 1942 года я был вызван из батальона в штаб полка для работы ко Дню Красной Армии. Контраст после передовой, конечно, большой.

Штаб полка располагался километрах в двух от передового края нашей обороны. Расстояние это не спасало от артобстрелов и тяжелых мин.

Землянки наши и здесь прятались под кронами старых елей. Лучшей являлась землянка клуба. Это был очень солидный блиндаж, вмещавший не одну сотню людей. Клуб освещался от движка и имел радиотрансляцию из Ораниенбаума.

С устройством клуба наш «Щит солдатской славы» с портретными зарисовками и стенная газета, которую мы с Лебедевым регулярно выпускали, переместились с улицы в закрытое благоустроенное помещение.

В эту же зиму мы осуществили такую затею.

На большом, в несколько метров, полотнище нарисовали шаржированный портрет Гитлера и сопроводили изображение немецким текстом, призывавшим солдат стрелять в своего фюрера как виновника войны. Разведчики вынесли портрет за передний край и установили его лицом к фашистским траншеям. Фашистское командование было поставлено в затруднительное положение и никак не могло решить: открывать ли стрельбу по портрету или же... воздержаться? В течение нескольких дней плакат оставался невредимым, а затем, в одну из ночей все же был «расстрелян» артиллерийским огнем. Фашисты выпустили по нему значительное количество снарядов, прежде чем поразили «цель».

Затея с портретом была подсказана нам Политотделом дивизии и осуществлялась как будто не только на нашем, но и на других фронтах.

Теперь мои портретные зарисовки с краткими аннотациями над ними не только монтировались на соответственно оформленном щите—некоторые из них гравировались и воспроизводились в дивизионной газете «За Родину».

Часть рисунков, выполненных на протяжении 1942 и 1943 годов, была показана на выставке художников Ленинградского фронта.

К весне 1943 года наш полк занял оборону в районе Старого Петергофа.

Штаб разместился на территории бывшего биологического института, а роты заняли позиции по линии: берег Финского залива, дворец Марли, канал Гранильной фабрики, Английский дворец.

28 марта 1943 года я писал жене:

«Дорогая Люда, сегодня я под впечатлением от всего увиденного за день, от тягостного общения с былой красотой, теперь поверженной в прах. Фашисты не пощадили ни дворцов, ни парков Петергофа.

От Английского дворца остался только фундамент. Маленький дворец, так называемая «собственная дача», и церквушка при нем в стиле Растрелли сожжены.

Гитлеровцы сожгли и разрушили их сознательно, с обычной своей методичностью. По цели было выпущено пятьсот тяжелых снарядов. Сохранился как бы остов былой красоты. Мраморная облицовка интерьеров, сохранив кое-где позолоту и орнаментику, превращена в труху. Полы и потолки рухнули. Во втором этаже частично уцелела облицовка камина—изразцы елизаветинского времени. Наличники рам, бронзовые ручки дверей, канделябры и бра валяются скрюченными от огня в кирпичном ломе. То же и с решетками причудливой орнаментики.

Перед дворцом—кладбище изувеченной мраморной скульптуры.

Мраморные скульптуры музыкантов, одетых в костюмы начала XVIII века и играющих на флейтах и цитрах, среди неразорвавшихся снарядов производят впечатление жуткого фарса. Некоторые повержены наземь, другие, совершенно целехонькие, недоуменно смотрят пустыми мраморными глазами в весеннее небо.

Тут же валяются разбитые, с напряженными мышцами, кариатиды, поддерживавшие некогда колонны второго этажа.

Окаянную работу фашистов довершают теперь дождь и ветер.

Вернувшись, я обратился в одну из инстанций с призывом взять под охрану исторические памятники. Ведь придет же время, когда государство будет по кусочкам собирать все относящееся к истории русской художественной культуры и свидетельствующее о творческом труде наших замечательных художников и народных умельцев. И чем больше мы сохраним сейчас этих «камней», тем легче окажется выполнение и без того сложных реконструктивных задач. Я убежден, что такие памятники, как сооружения Растрелли, Кваренги и Росси, в какое бы состояние их ни привели фашисты, непременно будут восстановлены, сколько бы кропотливого труда и средств эти работы ни потребовали.

Посылаю в письме плакат художника Жукова «На Запад!» Да, наши армии на юге ринулись на Запад, «и идут, идут неудержимо, как сама судьба».

В следующем письме, от 30 марта, я сообщал:

«К выставке, о которой тебе писал, я между делом приготовил до двадцати рисунков. Инструктор Политотдела говорил о намеченном совещании художников нашего «пятачка» и о предполагаемом устройстве общей выставки. Я предложил включить в особый раздел выставки зарисовки разрушений, причиненных фашистами Петергофу.

Вот если бы и мне представилась возможность участвовать в этой работе!»

Очередное письмо датировано первыми числами апреля:

«Вот уж и апрель постучался в окно. Как я любил это время—апрель и май, когда лопаются почки и появляются первые побеги, вестники воскрешающей жизни...

У меня—без перемен. Сегодня опять ходил рисовать руины, но мешала погода, и я ничего не успел сделать. И все же на какие-то минуты мне удавалось позабыть о войне, до того сильно воздействие природы с ее удивительными красками и звуками.

Устроители парков не зря любили фонтаны и водопады. Пожалуй, ничто другое не создает с такой полнотой ощущения смены времени года, как вода, сбегающая со стремнин и круч.

Эта мысль пришла мне в голову, когда я проходил по узкому мостику, искусно сложенному из диких камней и переброшенному через бурлящий пеной поток, рокот которого слышен метров за двести. Через неделю, когда сбежит верхняя вода, звуки будут уже иными, а летом поток либо умолкнет совсем, либо зазвенит струнами арфы.

...В парке, во всем, в любой мелочи совершеннейшим образом отразился стиль жизни XVIII века. Даже увечья, причиненные войной, не в состоянии отвлечь от исторических реминисценций, помешать дамам в кринолинах и вельможам в бархате и кружевах то и дело возникать в моем воображении.

Может быть, именно неуместность в этом парке пулеметных гнезд, батарей и солдатских шинелей так убедительно по закону контраста раскрывает настоящий смысл и минувшего и настоящего.

Парк тоже сильно пострадал. Дубы в два и более обхвата точно зубами перегрызены.

В апреле 1943 года состоялось совещание художников нашей дивизии. Одновременно при дивизионном клубе была устроена небольшая выставка. Художников представлено немного, всего шесть-семь человек.

На нас возлагалась задача сделать зарисовки Петергофа и Ораниенбаума для альбома Чрезвычайной правительственной комиссии по установлению ущерба, нанесенного фашистами культурным и историческим памятникам.

К сожалению, командование предоставило нам на эту работу всего лишь несколько дней, а погода, как назло, выдалась холодная, с моросящим дождем, и все мы очень мало успели сделать. И все же эти несколько дней явились для каждого из нас подлинным событием. Особые документы ограждали нас от всяческих подозрений и спросов: печать и подпись командира дивизии действовали магически. Мы могли ходить беспрепятственно через все посты, вплоть до боевых охранений за линией нашей обороны. Но, конечно, ходить в такие места нужно было с большой опаской. В. В. Лебедев и москвич-архитектор В. Н. Горбачев, работая в районе Английского дворца, едва унесли ноги, попав сперва на мушку фашистского снайпера, а затем и под минный обстрел».

. . .Трудно было оставаться в те дни равнодушным к оживающей природе.

В письме к жене я делился своими впечатлениями:

«Сегодня я совершенно счастлив, будучи в течение долгих часов один на один с природой. В парке, особенно к вечеру, у птиц полный переполох. Скворцы (их здесь много), соревнуясь, должно быть, между собой, заполняют своим посвистом весь парк. У ручья, им назло, тоже во всю мочь заливается певчий дрозд. Серые дрозды тоже пытаются включиться в общий хор, только где уж им!

На днях я видел летящих в вашу сторону журавлей и долго-долго любовался их полетом и «курлы-курлы», до тех пор, пока они совсем не растаяли в лазури неба.

А еще позднее, когда день стал ветреным, а простор залива лаково-синим, я увидел цепочку летящих гусей или лебедей. Они летели так низко над водой, что на краткие доли секунды терялись среди белых барашков, поблескивавших на солнце».

24 апреля 1943 года

«Сегодня опять ходил рисовать, воспользовавшись отсутствием моего командира. Мне даже весело стало, до того было похоже на лукавую мальчишескую выходку.

Сделал два рисунка, но без интереса. Хотелось побездельничать и, щуря глаза, долго-долго смотреть на солнце. Рядом чернели воронки от двухсоток и пятисоток, да и сами «поросята», не разорвавшись, валялись то тут, то там. А молодая трава, смятая металлом, настойчиво пробивала себе дорогу к солнцу. И не казалось странным сочетание: превращенный в щепы столетний дуб и цветущая у его корней былинка. . .»

В августе художники снова были привлечены к работе над альбомом, тема которого формулировалась так: «Фронтовой город—город-боец».

Мы делали натурные зарисовки Ораниенбаума и Петергофа: укрепления на улицах, завалы, дома, приспособленные к обороне, и прочее.

На этот раз не обошлось без курьезных инцидентов. Рисуя бойницы в угловых башнях Меншиковского дворца, мы с Лебедевым навлекли на себя серьезное подозрение, и нас арестовали артиллеристы, занимавшие дворцовый флигель. Ни предъявленные документы, ни наши веские доводы их не могли убедить. Принятые за шпионов, мы—без ремней, в сопровождении часовых—продефилировали через весь город до Особого отдела дивизии.

Как на грех, вскоре после нашего ареста начался жесточайший артналет фашистов на расположение артиллеристов. Город, правда, обстреливался ежедневно, но все же наш арест, получивший сразу же широкую огласку, произвел на местных жителей неприятное впечатление.

Работу пришлось вскоре вовсе прекратить, так как каждый военный и каждый житель прифронтового города, проявляя бдительность, задерживал нас по подозрению в шпионаже. Непрестанно отвлекаемые от работы, мы снова и снова шествовали на опрос к командиру ближайшего подразделения.

Прямым следствием проделанной нами работы был приезд на «пятачок» членов Чрезвычайной комиссии по учету ущерба, причиненного фашистами—писателя Н. С. Тихонова и главного архитектора Ленинграда Н. В. Баранова.

Николай Семенович Тихонов в романтических тонах описал нашу работу в своем известном «Ленинградском дневнике».

14 января 1944 года Ленинградский фронт перешел в наступление.

Преследуя противника, наша часть шла вдоль Кингисеппского шоссе на Нарву главной магистрали, по которой спешили уйти от преследования основные части фашистской группировки, девятьсот дней державшие город Ленина в осаде.

Наряду с радостью, что наконец-то, пришел и наш черед—гнать врага на запад, каждый день нас не оставляли страшные по силе огорчения: звучавшие в сводках населенные пункты оказывались на деле заросшим бурьяном пепелищами. Нередко среди руин или вдоль дороги стояли вкопанные в землю столбы с перекладинами с трупами партизан или местных жителей, чинивших диверсии оккупантам. А живые, за редким исключением, были угнаны в Германию.

Под впечатлением этих фашистских злодеяний на ленинградской земле, уже под Нарвой, мною было послано родным письмо:

30 августа 1944 года

«. . .Посылаю с письмом вырезку с актом Государственной комиссии о содеянном фашистами в Михайловском и Тригорском. Мне не удалось побывать в них, но эти места были святыми для меня. До сих пор я не переставал надеяться, что, может быть, какимлибо чудом им суждено будет избежать участи разрушения. Напрасное ожидание! . .

Я хочу оставаться на фронте с тем, чтобы самому видеть поверженной фашистскую Германию, самому топтать их землю и мстить, мстить, как это продиктует мое сердце и разум.

Пусть они узнают, что значит война в их стране, на их земле. Если бы только не выбыть из строя до того, как мы перейдем границу.

Только об этом я буду теперь просить судьбу...»

Приведу в заключение отдельные записи из моего дневника последних дней войны.

24 марта 1945 года

Вчера наши полки ворвались в пригород Данцига, городок Прауст. До Данцига— 10 километров. Долго был на участке прорыва фашистов линий.

И все же мне искренне жаль детей.

Наши солдаты также проявляют к ним участие: наделяют хлебом и конфетами.

27 апреля 1945 года. Штеттин

Штеттин сдан почти без боя...

Спустившись с высокого берега к воде, я провел на реке с полчаса, потрясенный картиной нависшего над рекой взорванного фашистами моста, потоком транспорта, клубами белого дыма от маскировочной завесы над переправой.

В 5 часов 45 минут 27 апреля я и капитан Сударенков, как некогда наши предки в своих боевых походах, омыли наши натруженные ноги в водах чужой реки. Наши бойцы поят лошадей.

9 мая 1945 года. 2 часа 10 минут. Загард

Только что сообщили о подписании акта о капитуляции Германии.

Итак, войне конец!

Сбылись слова: «Враг будет разбит, победа будет за нами».

Сажусь писать письма на Родину...

Среди многих надписей на стенах рейхстага с гордостью читаю надпись, сделанную при взятии Берлина кем-то из моих собратьев по оружию:

«Мы пришли от стен Ленинграда».

П. ЛУГАНСКИЙ

НА ЛЕНИНГРАДСКОМ ФРОНТЕ

В начале июля 1941 года мы, неумело намотав портянки, надели кирзовые сапоги и, пожалуй, с этого момента сразу почувствовали себя «военными». Мы, это командиры запаса—люди разного возраста, разных профессий: хозяйственники, научные работники, журналисты, писатели, артисты, художники, поэты и математики, геологи и кинооператоры, даже специалисты по выделке кожи.

Ленинградские художники М. И. Разулевич и Б. Ф. Семенов стояли где-то на правом фланге, недалеко от них Ю. П. Мезерницкий, чуть дальше Н. Н. Седиков... Некоторое время с нами маршировал скульптор Н. В. Томский. Это были курсы усовершенствования начсостава запаса (КУНСЗ), преобразованные затем в курсы младших лейтенантов.

Тяжело давалась нам военная наука. Командир взвода, занятый нашим обучением, снисходительно и в то же время с оттенком презрительного добродушия называл нас «интыллэгэнцией», а ведь именно ему надлежало сделать нас командирами стрелковых взводов и рот. Нужно было научить маршировать и стрелять, маскироваться и ползать, командовать, совершать большие переходы, знать винтовку, пулемет, гранату...

Учение было изнурительным. Лето стояло жаркое, и внезапный переход от привычных гражданских условий к новым, совершенно незнакомым, и к тяжелой физической нагрузке давался нелегко.

...Мне—как и другим художникам—очень тяжело было отказаться от привычной любимой работы. Хотя воинские уставы и не запрещали занятий рисованием, однако рисовать сразу стало невозможно уже хотя бы потому, что не в чем было носить бумагу, а тем более альбом.

Помог противогаз. В его сумке нашлось немного места и для альбома и для флакона с тушью. Правда, класть что-либо в противогазную сумку обычно строго-настрого запрещалось, но в те годы чего только не было в этих сумках, казалось, самой судьбой ниспосланных солдату!

Но когда же рисовать? Только на привалах, на теоретических занятиях, на политбеседах... А потребность рисовать ощущалась тогда как-то особенно остро, да и товарищи часто просили изобразить что-нибудь им на память. Чаще всего это были портретные наброски. Вообще же рисовал я, как говорят, «просто так», «для себя» и никак не думал, что двадцать лет спустя буду кому-нибудь показывать сохранившиеся у меня рисунки!

Ноябрь 1941 года. Зима началась рано. 7 ноября уже лежал снег.

Фронт рядом. На Ленинград летят «стервятники», в городе пожары.

Темной ноябрьской ночью наш батальон выступил из села Рыбацкого. Мы молча шли по левому берегу Невы. Я был назначен командиром стрелкового взвода. И вот мы идем в бой.

П. Луганский. Письмо. 1941

Оборона в районе Усть-Тосно была тяжелой. После упорных боев, примерно через двое суток, я получил приказ отвести взвод в тыл на отдых. Приказав подобрать оружие и запастись патронами, я последним покинул наш участок. Вскоре я был ранен в правую лопатку.

Легко представить себе переживания художника, который сперва считал, что его правая рука потеряна навсегда. И как он обрадовался, когда рука стала ему повиноваться! Все время хотелось что-то делать—рисовать, писать. Свободного времени было много. Иногда я вел записи. Привожу выдержки из дневника, который я вел в январе 1942 года.

«...Исполнилось два месяца моего пребывания в госпитале. Ранен 10 ноября около трех часов дня. Упал от удара в спину. Острой боли не ощущал. Плечо и рука как бы онемели.

Уходил я последним. Страшно было остаться одному, и я закричал шедшему впереди помкомвзвода (с ним еще шел помощник старшины): «Помогите!»...

Они вернулись и стали беспомощно суетиться вокруг, взять же меня на руки не могли, так как были нагружены винтовками (своими и подобранными), мешками и патронами.

Сказал, чтобы обрезали лямки моего вещевого мешка и противогаза. Так они и поступили, захватив все мое имущество с собой. Я сначала пополз, а затем поднялся на ноги, и, согнувшись, побежал. Хотелось скорее уйти, чтобы другая пуля не уложила на месте.

...Кое-как дошли до санитарной землянки, но не нашего подразделения. Раздобыли санки, и те же люди повезли меня по утоптанной тропинке. Санки были низкие, я видел лишь сапоги идущих и попадавшиеся изредка обезображенные, вздувшиеся трупы.

Потом опять санитарная землянка, перевязка, кружка горячей воды, поездка по железной дороге на вагонетке, запряженной лошадью. Снова перевязка, автобус, стоны раненых, операция, опять автобус, больница Мечникова и, наконец, блаженный сон в постели после стольких бессонных ночей.

...Пулю вынули. Храню ее как талисман.»

Эвакогоспиталь помещался в здании школы на Первой линии Васильевского острова и, вероятно, походил на многие госпитали тех дней. Здесь было и голодно, и холодно. Условия для лечения не очень благоприятствовали скорейшей поправке. Но все мы, раненые, невольно поражались скромному героизму санитарок. Слабые, истощенные, они выполняли непосильно-тяжелые работы, носили воду ведрами из Невы.

Лишения населения угнетали нас. Иногда нас навещали «не эвакуированные» родственники. Их рассказы были ужасны:

«Приходила Нина с Юлей. Они встретили Новый год у друзей, где угощения взвешивались на аптечных весах на граммы.

...Ура! Населению «прибавили хлеб». Рабочим—400 граммов (вместо 350), служащим—300 (вместо 200) детям и иждивенцам—250 (вместо 200). Большая радость!

Рисую для госпиталя большое панно «Политинформация в госпитале».

Вчера, когда я приступил к работе над этим панно, ко мне подошел раненый и, попросив разрешения высказать свое мнение, сделал много ценных замечаний. Я поразился меткости его наблюдений. Он филолог...

Морозная ночь. По снегу скользят деревенские сани-розвальни. Выехали днем, возвратились глубокой ночью. Впрочем «выехали» только сани; их тащат бойцы—кто за оглобли, кто впрягшись в веревочные лямки, кто подталкивает их сзади. Бойцам тяжело, тащить приходится то по дороге, то по глубокому снегу, а люди еще не окрепли после ранений. Только два-три дня тому назад поступили они из госпиталей, и вот сейчас везут продовольствие для отдельного батальона выздоравливающих.»

Тяжело приходилось «помпохозу». Нужно было подготовить холодное пустое здание к приему бойцов, поступающих из госпиталей, накормить, одеть их. Где достать материал для постройки нар, как соорудить кухню, баню, где раздобыть дрова? Из числа бойцов, поступивших в батальон выздоравливающих, необычайно трудно было подобрать столяров, печника, человека, умеющего наладить учет, зато в поварах недостатка не было. Когда потребовался повар, десятки бойцов наперебой утверждали, что у них по этой части имеется большой опыт.

И командованию батальона, и самому технику-интенданту вскоре стало ясно, что с задачей он справляется плохо. Он просит разрешения обратиться в Политотдел Невской оперативной группы по вопросу об использовании его по специальности. И вдруг оказывается, что художник, умеющий резать по линолеуму, там очень нужен, и ему быстро дают назначение. Он сдает дела новому «помпохозу», настоящему интенданту, который уже прежде был помощником командира полка. Любо-дорого смотреть, как пошло дело у нового помпохоза! Откуда-то появились швейная машина и портной, сапожная мастерская, даже несколько никелированных кроватей для начсостава. Как из-под земли!

— Дело мастера боится,—подумал я, покидая батальон. Ибо первым незадачливым помпохозом был именно я.

Назначение я получил в дивизионную газету. Это было в конце марта 1942 года.

Тускло светит коптилка. Даже для чтения этот «источник света» очень слаб, а я режу по линолеуму. Линолеум наклеен на деревянную колодку от старого клише, отшлифован и загрунтован белилами. Я готовлю «рисунок на две колонки».

В редакционной землянке идет подготовка очередного номера дивизионной газеты. Вычитываются гранки, делается макет, и пока идет прием сводки Совинформбюро (в определенные часы сводка диктуется по радио для редакций газет) я заканчиваю гравюру, для которой в макете уже учтено место.

Землянка сооружалась, видимо, наспех. Тесно и сыро. Здесь мы живем и работаем. «Столы» и «диваны» из земли, между ними прорыты проходы поглубже—это пол. На полу— жерди, на «диванах»—еловые ветки, на них мы спим.

Позднее мы жили в разных землянках, иногда больших, сухих, с потолками в несколько накатов, с аккуратно выложенным из толстых жердей полом, но в этой землянке было темно работать. Когда немного потеплело, я предпочитал рисовать и гравировать в кабине автомашины-типографии, устраивая на руле нечто вроде стола-пюпитра, или просто на берегу ручья, где столом служил пень или чемодан.

В другой землянке размещались наборщики, печатник, шоферы (они же вручную крутили «американку»).

В двух автомашинах-фургонах находилась наша типография—одна «американка», наборные кассы и небольшой запас бумаги. При передислокации в этих же автомашинах мы перевозили все наше имущество и размещались сами.

Наша дивизия держала оборону правого берега Невы, у ее истоков, в районе поселка Морозовка.

В то время ширилось снайперское движение. В нашей дивизии славились снайперы Вежливцев и Голиченков, которым—одним из первых—были присвоены звания Героя Советского Союза. На боевом счету Вежливцева уже тогда было сто тридцать девять уничтоженных фашистов, а счет Голиченкова приближался к двумстам.

С чувством большой ответственности работал я в нашей дивизионной газете. Тысячи бойцов (тогда еще не говорили «солдаты», говорили «бойцы») смотрят твои рисунки, наблюдают за твоей работой, а когда в газете помещен портрет их товарища, то, разумеется, сравнивают его с оригиналом. Никогда прежде и никогда в последующие годы не ощущал я такой тесной «связи со зрителем». Меня знали во многих подразделениях, со многими я был лично знаком, а те, кого мне приходилось рисовать, становились близкими друзьями.

Много раз рисовал я Героев Советского Союза Голиченкова и особенно Вежливцева. Он все не удавался мне. Поражало какое-то удивительное несоответствие его громкой славы грозного воина, дошедшей даже до немцев, с нежной женственностью лица, почти лишенного растительности.

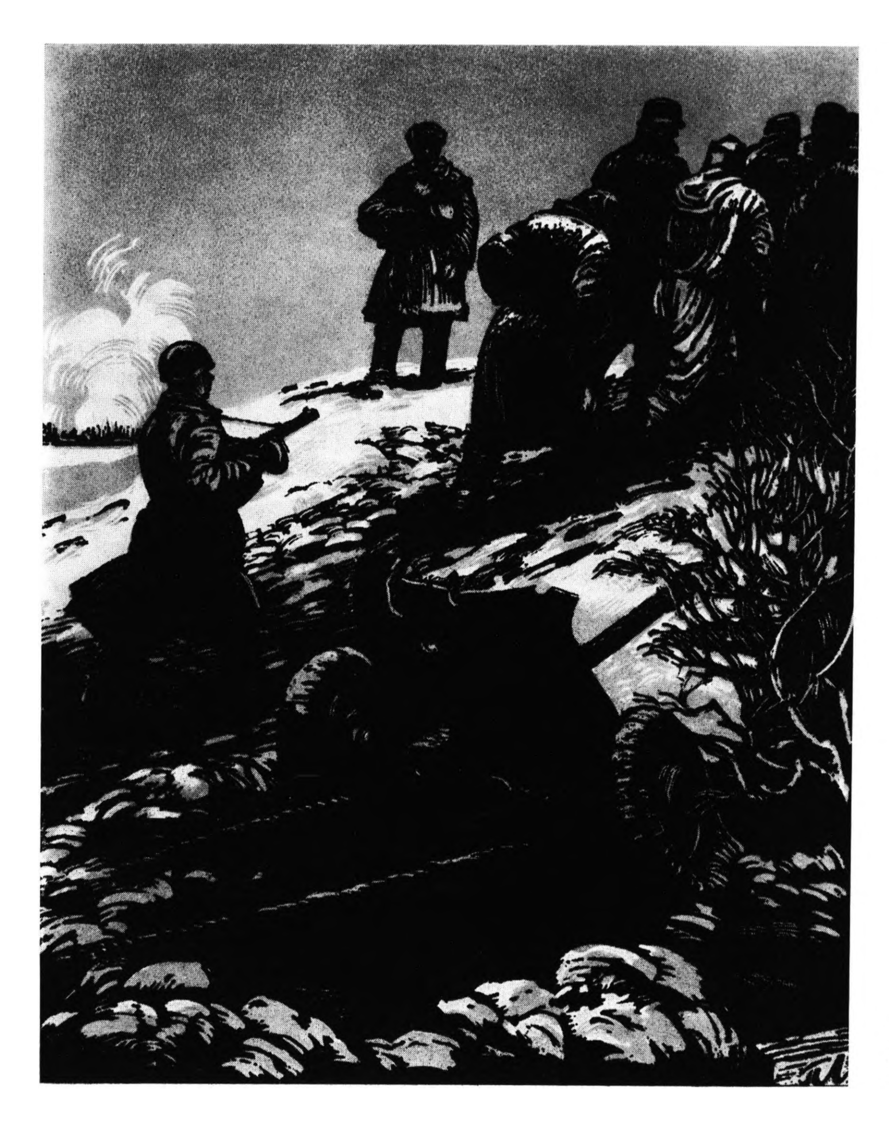
Наша газета систематически помещала на своих страницах портреты бойцов, совершавших воинские подвиги или успешно выполнивших боевое задание. Это были мужественные люди самых различных возрастов и характеров, даже одетые по-разному. Перед художником они представали в пилотках и ушанках, в касках и в капюшонах маскхалата, в фуражках, папахах, кубанках. Да и пилотки бывали разные—то острые, как киль корабля, то раздавленные, как лепешки, то надвинутые на лоб, то лихо заломленные набекрень, то торчащие где-то на затылке, совсем не так, как полагается по уставу—два пальца над бровью. А одежда! Тут и шинели, и ватники, и полушубки разных фасонов, и гимнастерки, и меховые жилеты, и разнообразные маскировочные халаты... Конечно, такое живописное разнообразие можно было наблюдать только находясь рядом с этими людьми, во фронтовой обстановке, так как в Ленинграде всем приходилось носить форму строго по уставу, иначе можно было попасть в комендатуру.

Получив задание нарисовать кого-либо из бойцов, я шел в расположение части (обычно—в расположение роты), иногда с трудом находя ее в лесу. Мне предоставляли здесь условия для работы смотря по обстоятельствам—в землянке или «на воздухе».

Сеанс продолжался от одного до двух часов. С самого начала я старался отвлечь портретируемого от мысли, что он позирует, рассказывал ему какой-либо интересный случай из жизни дивизии, задавал вопросы об его делах и делах его подразделения. Позировали мне охотно, тем более, что появление портрета в газетах свидетельствовало о признании боевых заслуг.

Ни разу мне не пришлось столкнуться с ироническим снисходительным отношением к моему занятию, что так часто бывает в обывательской среде. Никого здесь не удивляло, что вот идет война, а художник рисует...

Обычно за день я успевал сделать несколько портретов, иногда пять-шесть. На каждом кратко подписывал фамилию, имя, отчество, чем отличился, награды. Учитывая,

П. Луганский.
Ведут пленных. 1944

что портрет нужно будет потом гравировать, уменьшив до размера одной-двух газетных колонок, я, естественно, все внимание уделял лицу, стараясь уловить его характерные особенности, все время помня о необходимости последующей интерпретации портрета в гравюре. Несомненно, это накладывало отпечаток на характер рисунков, а их размер определялся как размерами папки, так и возможностью рисовать на вытянутой руке. Чаще всего это были рисунки карандашом или, если представлялась оказия, пером и акварелью. Даже приблизительно не могу определить, сколько портретов я тогда нарисовал, думаю, что исчислять их надо сотнями. К сожалению, из них сохранились весьма немногие.

На следующий день (а иногда и в ту же ночь) я гравировал свои рисунки.

Круг тем и характер рисунков был весьма разнообразен: только что окончив политический, почти плакатный рисунок, принимаешься за портрет или карикатуру, делаешь зарисовки на бытовые темы или компонуешь боевой эпизод.

Линогравюра—искусство больших масштабов. В нашем представлении это полуметровые эстампы, решенные крупными, декоративными пятнами, лаконичные, порой нарочито грубые. А в пятисантиметровой гравюре, находящейся в окружении газетного текста, нужно больше штриха, линии. К тому же бумага и краска были неважные, да и печатался тираж на видавшей виды «американке».

Поначалу в оттисках рисунки получались грязноватыми, грубыми, рыхлыми. Потом дело пошло лучше, гравюры я стал резать быстрее и добивался лучшего качества. Они вполне выдерживали весь тираж, а иногда и два-три тиража.

Иногда мне приходилось даже писать стихи к своим же сатирическим рисункам, просто потому, что больше некому было это делать.

Конечно, профессиональный поэт справился бы с такой задачей лучше, но что поделаешь, как мог, так и писал. Когда некоторое время спустя к нам прибыл новый секретарь редакции Б. Платонов, все стало на свое место: я рисовал, а он писал тексты.

Несколько раз я устраивал «персональные выставки». Здесь кавычки очень уместны, так как выставки эти были крайне своеобразными. Устраивается, предположим, слет снайперов. Деловая часть проходит на поляне, оборудованной сидениями из жердей и возвышением для ораторов. Недалеко от этой поляны находится стрельбище, к которому ведет аллея из картонных или фанерных листов, укрепленных на деревьях или кольях. На этих-то щитах и «экспонировались» мои рисунки-портреты бойцов. Для клуба я сделал два панно на темы, взятые из боевой истории дивизии (переправа и бой). Работая над портретами, я обычно предназначал их для газеты, но ставил перед собой и пластические задачи.

Еще в госпитале я начал вести своеобразный дневник «Штрих в день», намереваясь заносить в него ежедневно хотя бы один набросок (главным образом—по памяти) из того, что видел и наблюдал в течение дня. Не раз бывало, что в дневник попадало отнюдь не самое значительное, но все же это был интересный изобразительный документ времени. «Штрих в день» я вел довольно регулярно, пока находился в действующих частях.

В дивизии отношение ко мне было самое хорошее. Я повсюду имел доступ, ходил куда хотел, но в наиболее опасные места меня под тем или иным предлогом старались не допускать, «чтобы художник был цел». На то, как художник отрапортует или какова у него выправка, смотрели сквозь пальцы.

Как-то начальник клуба попросил меня дать ему мои рисунки для отправки на выставку художников-фронтовиков, организуемую в Ленинграде. Вскоре же я был вызван в город на открытие этой выставки в Доме Красной Армии. Возвратившись ненадолго в часть, я был снова отозван в Ленинград, сперва для участия в работе над коллективным альбомом «Воспитанники комсомола», а затем для работы в Музее обороны Ленинграда и в выставочном комитете художников Ленинградского фронта.

К. ИОГАНСЕН

ВОСПОМИНАНИЯ ВОЕННОГО ХУДОЖНИКА

Сразу же после начала Великой Отечественной войны руководство Ленинградского Союза художников обратилось к командованию Ленинградского (тогда Северо-Западного) фронта с предложением услуг художников для маскировки военных объектов.

Быстро был проведен трехдневный инструктаж—его проводили представители штаба фронта в большом выставочном зале Союза художников—и уже 26—28 июня первые группы, по два-три человека, начали выезжать в направлении надвигающегося фронта.

«Станция Дно, военный городок»—было написано на запечатанном конверте, который вручили мне и живописцу Перегудову. Нас группировали по принципу соединения различных специальностей: живописец и архитектор, график и скульптор и так далее. Одновременно с нами на фронт выехали В. В. Пакулин, В. Н. и А. Н. Прошкины, архитектор И. М. Чайко и некоторые другие.

Совет одеться попроще, то есть удобнее для полевых условий, приводил иногда к забавным осложнениям. Вспоминаю, как задержали живописца В. Кремера, в результате опоздавшего на инструктаж—он надел ярко-синий рабочий американский комбинезон и был принят за немецкого парашютиста.

Война надвигалась стремительно, и если первые дни на новом месте мы жили в комнате Дома приезжих, то очень скоро нашим «домом» стала траншея. Мы выходили оттуда на «работу» по руководству маскировкой в антрактах между бомбежками аэродрома, расписание которых, в силу немецкой педантичности, скоро стало для нас привычным.

За две недели работы по маскировке нам удалось сделать довольно много. Мы располагали людьми и грузовыми машинами и при помощи подручного материала (в том числе рыболовецких сетей из соседнего колхоза) укрыли ряд объектов в соответствии с разработанным нами планом маскировки. Мы конечно радовались, когда на сделанный нами фальшивый железнодорожный путь были сброшены неприятельские бомбы.

Однако обстановка осложнялась с каждым часом, и наступил день, когда после очередного налета штурмовой авиации противника мы получили приказ немедленно выехать в Ленинград. Это случилось буквально за день-два до ухода наших войск со станции Дно.

Примерно в таких же условиях проходила работа и в других группах. Кое-кто выезжал так же далеко, как и мы, другие находились ближе и смогли проработать несколько дольше. Всего, если мне не изменяет память, в группах маскировки работало человек пятнадцать.

В начале войны название «фронтовые художники» еще не появилось и такого рода выезды были первым выступлением художников, которые использовали свою специальность применительно к нуждам и задачам фронта. Тяжелые военные условия требовали

использования каждого из нас в качестве бойца, и потому, занятые непосредственной военной службой, мы только урывками, в часы короткого досуга, могли делать зарисовки или выполнять рисунки для боевых листовок и плакаты для своих частей.

Живописец старший лейтенант А. С. Бантиков был политруком в артиллерийских частях, лейтенант художник Н. И. Пильщиков—штурманом в авиации, а я в качестве старшего техника-лейтенанта сначала работал начальником службы маскировки авиабазы, а потом начальником административной части авиационных мастерских. Художники лейтенант П. И. Луганский, красноармеец Г. А. Савинов, лейтенант Г. Х. Розенблюм, ефрейтор Н. Л. Бабасюк и ряд других служили в пехотных частях.

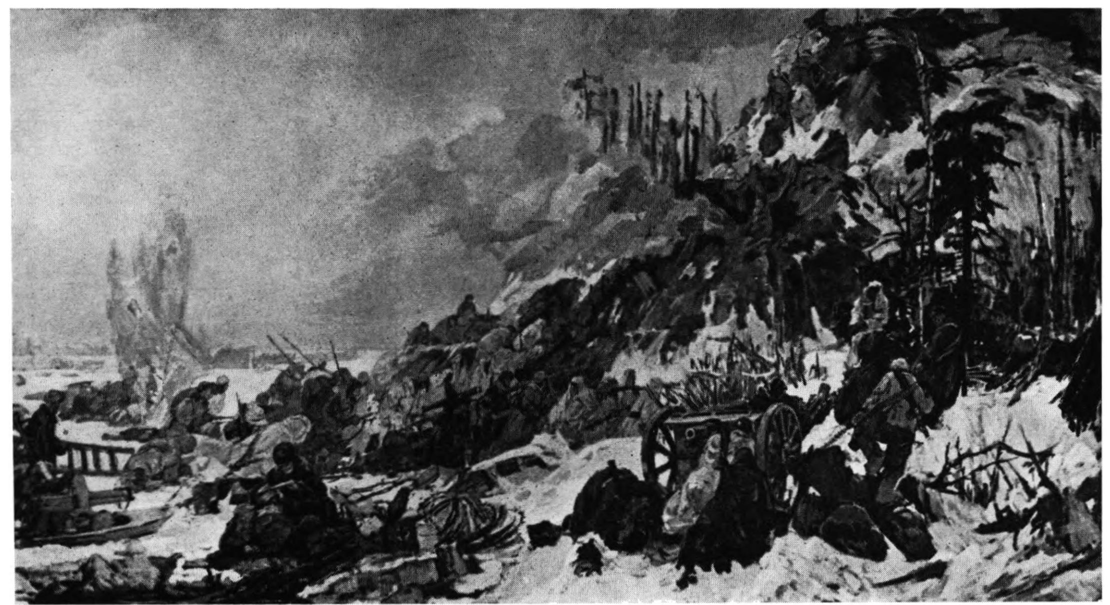
Только с начала 1943 года, после целого ряда крупнейших событий, как на нашем фронте, так и в общем ходе военных операций, командование и Политуправление фронта начало ставить перед художниками агитационно-политические задачи и мобилизовало их на выполнение специальных заданий, способствующих укреплению политико-морального состояния бойцов фронта и поднятию их боеспособности.

Одной из первых ласточек в этом направлении было участие художников в агитационно-пропагандистской работе при осуществлении частями Ленинградского и Волховского фронтов операции по прорыву блокады Ленинграда в январе 1943 года.

Художники лейтенанты административной службы М. А. Гордон, Н. Т. Куликов, Г. А. Савинов и другие работали в специальных выпусках армейских газет и боевых листков частей, осуществлявших операцию, делая многочисленные зарисовки и портреты.

Г. Савинов. Форсирование Невы. 1943

Весной 1943 года в 36-й запасной стрелковой бригаде Ленинградского фронта была организована выставка работ художников, находившихся в этой бригаде. Здесь экспонировались портреты и плакаты тридцати двух художников: Е. П. Ефимова, М. А. Гордона, Л. Н. Орехова, Д. Ф. Филиппова, В. А. Крючкова, Л. Г. Петрова и многих других. Выставка имела большое мобилизующее значение и затем показывалась в ряде батальонов и подразделений.

Летом 1943 года по заданию командования той же бригады (она уже стала дивизией), для проведения парадов частей, направляемых на фронт, нами были последовательно сооружены и оформлены на одном и том же поле два временных плаца-стадиона (в районе Озерков—там, где сейчас выстроен спортивный велотрек). Проект первого оформления делали мы с М. А. Гордоном, а второй проект выполнил я. Строились эти временные декоративные сооружения силами частей с привлечением всех художников дивизии, выполнявших декоративные элементы оформления.

Конечно, сейчас мы сочли бы это «строительство» незначительным, но принимая во внимание, что все происходило в осажденном городе, подвергавшемся артобстрелам и бомбежкам, а парады проходили под усиленной охраной барражирующих самолетов, моральное воздействие такого рода парадов было очень значительным.

На таком параде сводный хор и оркестр дивизии одним из первых на Ленинградском фронте исполнил песню Александрова «Священная война».

Трудно забыть те несколько дней и ночей, которые мы провели на месте строительства. Времени было так мало, что ночевать приходилось там же, в кузовах автомашин или на листах фанеры.

На сон оставалось только темное время суток—с двенадцати часов ночи до четырех часов утра.

Много пришлось поломать голову, чтобы создать «планировку» плаца на сыпучем песке, где не было вовсе растительности. Помогла простая выдумка: места, где полагалось быть «газону» размечались шнуром и засыпались свежескошенной травой. Такой декорации вполне хватало на три-четыре часа парада.

Помимо работ по устройству передвижной выставки и постройки стадионов, коллектив художников 36-й дивизии был занят и повседневной работой по выполнению плакатов наглядной агитации и пособий для учебных кабинетов батальонов, где проходила тактическая и боевая подготовка бойцов и офицеров дивизии.

Осенью 1943 года по инициативе Политуправления флота в Ленинградском Доме офицеров была организована первая выставка работ художников Ленинградского фронта.

Участниками на этот раз, кроме уже упомянутых художников 36-й дивизии, были художники из других соединений фронта, проводившие аналогичную работу в своих частях. Из воздушных сил фронта привлекли А. Н. Яр-Кравченко, В. В. Морозова, Н. И. Пильщикова и М. Б. Малобродского. Из артиллерии А. С. Бантикова, из войск связи Н. И. Бабасюка. В выставке участвовали также П. И. Луганский, В. А. Кочегура, А. И. Харшак, М. В. Юдин, Н. А. Тимков и другие.

Работая непосредственно в действующих частях, художники-фронтовики не были оторваны от художественной жизни родного города, не замиравшей даже в самые тяжелые месяцы блокады. Начиная с 1943 года они принимали участие своими произведениями, большей частью фронтовыми зарисовками и портретными этюдами, в выставках художников Ленинградского фронта. Первая из них была проведена в Ленинградском Доме офицеров осенью 1943 года, вторая—в залах Русского музея летом 1944 года и третья в здании Академии художеств в 1945 году, в июне месяце.

Многие художники фронта в 1943—1944 годах были откомандированы для работы по подготовке выставки «Героическая оборона Ленинграда», открывшейся в здании Соляного городка 1 мая 1944 года. Об этом значительно полнее могут рассказать товарищи, принимавшие непосредственное участие в организации выставочной работы, В. Н. Прошкин, Л. Л. Раков и многие другие. Я же хочу закончить свои краткие фронтовые записи воспоминанием, относящимся ко времени боевых операций под Выборгом (июнь 1944 года) и под Нарвой (сентябрь 1944 года), когда мы все были привлечены к срочной работе по оформлению фронтовых дорог.

По указанию Политуправления фронта нами в течение двух-трех дней были выполнены многие десятки плакатов на крупных фанерных щитах (увеличенные копии карикатур и рисунков из «Правды», «Красной Звезды» и других газет), которые устанавливались на путях подхода наших фронтовых частей, вплоть до переднего края. Для того чтобы выполнить эту работу, асфальтированный двор Дома офицеров был превращен в мастерскую, где мы рисовали по три-четыре плаката в день.

Работу фронтовых художников высоко оценило командование—большая их группа была награждена орденами и медалями, но главной нашей наградой оставалось сознание, что своим трудом мы принесли пользу фронту, делу освобождения Ленинграда, делу победы.

Л. КОРОСТЫШЕВСКИЙ

НА ФРОНТОВЫХ ДОРОГАХ

Когда я перебираю пожелтевшие от времени листы с моими фронтовыми рисунками, в памяти всплывают бесконечные военные дороги, езда на попутных машинах, полосатые шлагбаумы КПП, дорожные приключения и люди, которых я рисовал для страниц армейской газеты «Знамя Победы».

Замечательные советские люди, солдаты и офицеры, сержанты, старшины, кадровые военные или же вчерашние мирные труженики, сменившие пиджаки и рабочие спецовки на защитные гимнастерки, те, которые стали снайперами и минометчиками, артиллеристами и саперами или же бойцами Народного ополчения, танкисты, летчики, связисты, девушки-регулировщицы с флажками в руках и автоматами на шее, ленинградские женщины с суровыми лицами и сухими глазами, которые рыли траншеи и рвы, чтобы преградить путь врагу к родному городу.

И Ленинград. Сперва настороженный и встревоженный с силуэтами привязанных аэростатов в розовом небе, а потом страшный, темный, ожесточенный в снежных сугробах, с зарницами вспышек разрывов на черных облаках, плакатами, наклеенными на завьюженные стены домов, которые спрашивали тебя: «Что ты сделал для защиты города?» и с сигналами тревоги, с мерным тиканием радиометронома в часы затишья.

Для того чтобы обеспечить газету портретами героев, зимой и летом, в зной и непогоду на попутных машинах, пешком и верхом, с картой и компасом, по изрытым воронками фронтовым дорогам и узкими траншеями ходил и ездил я, выполняя задания редакции. Эти рисунки я делал пером, тушью или же итальянским карандашом на коричневой бумаге, с учетом возможного их дальнейшего воспроизведения в штриховых клише для газеты.

Поездки на передний край обогащали меня новыми, яркими впечатлениями, хотя и были связаны со многими трудностями и часто с опасностями. Некоторые встречи позабылись, но иные прочно врезались в память. Хотя оригиналы многих портретов не сохранились, я до сих пор помню обветренные, покрытые густым загаром лица прославленных снайперов-истребителей, орденоносцев Ивана Пронькина, Николая Рогулина, Ивана Михайлова, Минура Макеева, Павла Иванова.

Я рисовал одного из самых отважных и умелых воинов нашего участка фронта Михаила Миронова, когда он был еще старшим сержантом. Через два года я увидел его капитаном с Золотой звездой Героя Советского Союза на груди.

Именно на нашем участке фронта зародилось движение снайперов-истребителей, которое впоследствии охватило весь Ленинградский фронт, и мои портретные зарисовки безусловно способствовали росту этого патриотического движения.

Война была для меня такой же неожиданностью, как и для миллионов моих соотечественников. Но я не мог уже оставаться на прежней мирной работе в газете «Ленинские искры», где до того проработал немало лет и, несмотря на уговоры моих товарищей, отправился в редакцию военной газеты «На страже Родины».

Это было на второй или третий день войны, когда формировались штаты сотрудников для армейских газет Ленинградского фронта. Один из знакомых журналистов сказал: «Вот кто нам нужен, хочешь к нам в газету?» Я тотчас же дал согласие и уже на другой день, одетый в новое обмундирование, ехал на открытой полуторке на Карельский перешеек, в небольшой поселок с поэтическим названием Валкиярви, что в переводе значит «Белое озеро».

Газету «Знамя Победы» нужно было обеспечить и агитационным плакатом, и политической карикатурой, и портретной зарисовкой с натуры, а также «шапками», заголовками, концовками и заставками. Вот тут-то и пригодился мой опыт.

Помню, в середине мая 1943 года редактор вызвал меня вместе с корреспондентом Николаем Кондратьевым и приказал нам выехать в одну из частей, чтобы подготовить очерк и портрет сержанта Кожахметова, отличившегося минувшей ночью в жестокой схватке с врагом.

Несколько часов тряски на попутной машине, и мы в части.

Замполит указал роту, в которой служил Кожемет Кожахметов. Взволнованно и несвязанно он рассказал нам о том, как на его пост навалился взвод финских автоматчиков и он вместе с сапером Усмановым расстрелял атакующих огнем из ручного пулемета. К ногам Кожахметова упала граната, но он успел ее швырнуть обратно за бруствер. Пока Кондратьев беседовал с Кожахметовым, я успел нарисовать портрет сержанта. На следующий день в газете был напечатан портрет и очерк о «Богатыре Кожахметове», и о его подвиге узнала вся армия.

Помню, при прорыве второй линии Маннергейма я рисовал младшего лейтенанта, кавалера орденов Красной Звезды и Славы Владимира Трофимовича Рубченкова. С нами был еще сотрудник нашей редакции поэт Вадим Сергеевич Шефнер. Мы втроем сидели на краю маленького окопчика. Неожиданно начался сильный артиллерийский и минометный обстрел.

Первым желанием было спрятаться в окоп; но Шефнер, прыгая в окоп, случайно сбил с меня пенсне, и я, растерявшись, остался сверху, так как места для меня уже не осталось. Я старался теснее прижаться к траве, на меня падали комья земли, казалось, время тянется бесконечно. Но на этот раз все обошлось без последствий, если не считать разбитого стекла. Что делать? Пришлось портрет заканчивать с одним стеклом в пенсне. Через неделю я узнал, что гвардии младшему лейтенанту Владимиру Трофимовичу Рубченкову за мужество и отвагу, проявленные при прорыве вражеской обороны, присвоено звание Героя Советского Союза.

И еще вспоминаю. Рисовал я лейтенанта Владимира Николаевича Давыдовского. Это был еще совсем юный мальчик, скромный и застенчивый, с пушком на верхней губе и

удивленными широко раскрытыми серыми глазами. Глядя на него, не верилось, что он несколько часов тому назад вернулся из вражеской траншеи и привел «языка».

Он долго смотрел на рисунок, потом нерешительно попросил: «Не могли бы вы подарить мне потом этот портрет, я его пошлю домой». Я пообещал выслать портрет после опубликования его в газете, но слово свое не сумел сдержать: через день Владимир Давыдовский снова пошел в разведку и был убит.

А вот с бывшим снайпером, младшим лейтенантом Сафроновым, инженером Кировского завода, я встретился уже после войны в кинотеатре на Загородном проспекте. Мы не виделись больше пятнадцати лет, но все же узнали друг друга.

Фронтовые пути-дороги не забываются. Разве я могу забыть своих товарищей военных корреспондентов нашей газеты, с которыми вместе шагали по дорогам войны и по-братски делили трудности и заботы, лишения и радости. Писатели Михаил Дудин, Илья Авраменко, Александр Дымшиц, Николай Атаров и в особенности Вадим Шефнер и Николай Глейзаров принимали самое живое участие в создании уголка юмора нашей газеты. Мы вместе часто спорили в поисках нужной веселой и острой шутки-темы.

Газеты, сводки Информбюро, радио давали возможности почти в каждом номере помещать политические карикатуры. Правда, одна тема повторялась довольно часто, как наиболее близкая нам всем: еще задолго до победы я изображал желанный и неизбежный час расплаты над бесноватым фюрером Гитлером, колченогим доктором Геббельсом, палачом Гиммлером и всей сворой взбесившихся фашистских псов. Доставалось и Маннергейму— бывшему царскому холопу, залившему страну голубых озер ручьями крови солдат Суоми.

Иногда карикатура выходила за рамки газетной полосы. Моя новогодняя газетная карикатура изображала Гитлера, отрывающего листок календаря 1942 года, как бы утверждала грядущие победы. Помню, в первые же дни нового 1943 года по заданию редакции я выехал в Ленинград и неожиданно на стенах домов, израненных осколками снарядов, на заборах, седых от инея, увидел свой новогодний плакат. Сделанный для «Знамени Победы», он был размножен издательством «Искусство» и появился на улицах осажденного города. Под этим плакатом были помещены стихи поэта Бориса Тимофеева:

В страхе день за днем считая,
Жмется гитлеровцев стая,
Сорок третий новый год—
Их с лица земли сотрет...

Работая в газете, я принимал участие в трех выставках художников Ленинградского фронта. Правда, не на всех мне удалось побывать, но на открытии первой выставки художников Ленинградского фронта в 1943 году я присутствовал. Она была организована благодаря энергии и упорству товарищей-художников А. Н. Яр-Кравченко, В. В. Морозова и П. И. Луганского.

С тех пор прошло много времени, отгремели залпы салютов Великой Победы, но фронтовые дороги Отечественной войны, дороги, изрытые гусеницами танков, протоптанные солдатскими сапогами, никогда не сотрутся из памяти.

М. ДУДИН

НА ОСТРОВЕ ХАНКО

Взрослые, за редким исключением, забывают об этом, но мальчишки всего мира наверняка знают, что самым интересным местом в каждом доме является чердак. В этом их не надо разубеждать. Это бесполезно.

Мы не были мальчишками, когда весной сорокового года наша бригада выгрузилась на полуострове Ханко. Почти все в нашем взводе понюхали порох финской войны и знали, чем он пахнет. Разведчики Виктор Чухнин, Борис Утков, Николай Кутузов и Борис Волков были мобилизованы в армию из художественных училищ. Они всегда думали, что война для них что-то временное, что недалек день, когда снова можно будет взяться за кисти. Они были по душе своей истинными художниками. Хозяйственный Коля Кутузов умудрился пронести в противогазе через всю финскую войну набор масляных красок.

На полуострове готовились к обороне. Земляные и плотницкие работы, военные занятия и чистка коней выматывали до основания. И все-таки мы находили время, чтобы заглянуть на чердаки аккуратных финских домиков, мы чутьем мальчишек догадывались, что там для нас что-то есть очень необходимое. Выдирая из журналов, подбирали репродукции Сезанна и Матисса, Врубеля и Серова, Домье и Курбе. У каждого из нас под матрацем была своя Третьяковская галерея, свой Лувр. Это были бесценные сокровища. Мы спорили о Пикассо и восхищались Саврасовым. В свободные минуты ребята забирали самодельные палитры и отправлялись на этюды в заросли иван-чая, росшего на крепостных валах времен Петра I. Борис Волков, пожалуй, самый работящий и упорный, сделал даже персональную выставку своих этюдов в Доме флота. Борис Утков написал маслом большой пейзаж: разлапистые финские сосны, округлые валуны и лиловатый снег. Эта картина висела в нашем клубе. Все это делалось урывками, в свободную минуту между нарядами и караулами, делалось самозабвенно и жадно.

Ранней весной сорок первого года демобилизовался наш старший товарищ Андрей Украинский, и Коля Кутузов сделал и разрисовал ему на память портсигар, на котором затейливо был изображен путь Андрея Украинского домой в Таганрог. Коля был мастером миниатюры.

Началась война. Казарму нашу разбило снарядами, и палаточный городок был ненадежным укрытием от осколков, и его пришлось свернуть. Краски и карандаши опять перекочевали в противогазы.

На полуострове выходило две газеты: «Защитник Родины» и «Красный Гангут». У нас не было своей цинкографии, и мы пользовались клише, которые нам присылали из Ленинграда. Это были случайные клише, и они не украшали газету. Первым на линолеуме стал резать Борис Утков. У меня до сих пор сохранилась эта листовка «Дерись с врагом, как

дрался Сокур»—рисунок очень неуклюжий, но все-таки на нем можно было разобрать человека в пилотке с красной звездой, поднимающего винтовку над поверженными врагами. Важно было то, что была найдена возможность оживлять газету своим иллюстративным материалом, на «гангутскую» тему. А надо сказать, что мы были в своем роде единственным участком от Баренцова до Черного моря, который не отступал.

Уже были сданы Эзель и Даго, готовился к сдаче Таллин. Это было, кажется, в конце июля. И вот тогда с каким-то случайным транспортом к нам на полуостров Ханко, с направлением Политуправления флота прибыл интендант второго ранга художник Борис Иванович Пророков. Он был из тех взрослых людей, которые наверняка знают, что самое интересное место в доме—чердак.

Борис Иванович стал душой редакции «Красный Гангут». Мне посчастливилось с ним вместе проработать до самой эвакуации гарнизона—до декабря 1941 года.

Редакция и типография располагались в подвале разбитого дома.

Мы разыскивали старые зонты, выпрашивали в госпитале ланцеты и делали из них штихеля. Мастером по изготовлению этих инструментов был Ваня Шпульников. Мы обдирали полы в уцелевших домиках, и Борис Иванович резал на линолеуме. Каждый день в газете появлялся отдел «Гангут смеется». Ленинград был в кольце. Стонали под фашистами Киев и Ростов. Железные дивизии Гудериана рвались к Москве, а мы на полуострове Ханко, у «черта на куличках», каждый день выпускали «Гангут смеется». Мы умудрялись даже печатать книжки и листовки. Это была уверенность в правоте своего дела. И «душой» этой уверенности в редакции был Пророков.

Я вспоминаю последний день перед эвакуацией. Мы отпечатали последние прощальные листовки и брошюру «Храни традиции Гангута» и пошли проститься со своим Гангутом. Мы наклеивали листовки на оставшиеся заборы и деревья. Мы встретили лошадь, брошенную и никому не нужную. Она оставалась на Ханко, ее не могли взять на транспорт. Мы приклеили последнюю листовку на круп лошади: «Мы идем бить фашистскую сволочь. И будем бить ее по-гангутски!» Лошадь нехотя пошла в сторону границы.

В нашей низенькой комнатенке в редакции всегда толпился народ: разведчики и катерники, летчики и саперы. Борису Ивановичу не надо было называть пароль. Его знали на полуострове все. «Наш художник»,—говорили о нем. И он действительно был здесь повсюду своим человеком. Все, что бы он ни делал, он делал со вкусом и как-то незаметно. Он был очень внимательным к людям и даже застенчив в этой внимательности. На редкость изобретательный в своей нелегкой работе, Пророков всегда старался сделать так, будто это придумал не он, а его товарищ. Он любил людей. И ему платили тем же.

Наш теплоход при эвакуации на траверзе «Таллин—Хельсинки» наскочил на две мины и вдобавок получил два или три тяжелых снаряда. Он стал тонуть и сел на банку. Случилось так, что на теплоходе самым старшим по званию командиром оказался Борис Иванович Пророков. И он незаметно взял все на себя. Его слушались. Его распоряжения выполняли беспрекословно. Многие обязаны Пророкову жизнью своей в ту трагическую ночь.

Пророков воевал и на Ленинградском фронте, под Новороссийском и Керчью, был во время штурмов в Выборге и в Берлине, был свидетелем капитуляции японской армии в Корее.

Он стал мастером. Отличным мастером в великолепной плеяде советских художников. Мастером со своей темой, со своим ни на кого не похожим пророковским почерком, лаконичным и точным.

Много лет спустя я пришел на выставку «Советская Россия» и вместе со всеми долго стоял около новой серии работ Бориса Ивановича Пророкова. Серия, исполненная гуашью и тушью, называется: «Пусть это никогда не повторится». О ней не расскажешь словами. Ее надо смотреть. Она берет за живое. Это страстный крик в защиту человека.

Покидая полуостров Ханко, мы выпустили последний номер «Красного Гангута». На второй полосе газеты была шапка:

«И слово нас связавшее — «гангутцы» —
На всех фронтах нам будет, как девиз!»

Пусть это сказано неуклюже, но точно и правильно. Не так-то уж много нас, гангутцев, уцелело. Но те, кто остались в живых, свято хранят эту традицию. Трудом и судьбой своей они стоят на страже Человека. Этой благородной идее мира и отдает свой редкий талант великолепный художник Борис Иванович Пророков. Он как бы говорит своей кистью:

— Внимание, люди!

В. КУРДОВ

В СОЮЗЕ ХУДОЖНИКОВ

Первые дни войны. Мы все приносим свои эскизы в Союз художников для издания плакатов. В комнате отдыха народу много, художники сидят на окнах, стоят в дверях, комната набита битком.

За столом выездная редакция издательства «Искусство». Вижу Владимира Васильевича Лебедева и рядом Владимира Александровича Серова. Они и принимают плакаты.

Обсуждение идет открыто, откровенно, при всех, ни у кого никаких обид.

Живем в Союзе на казарменном положении. В правлении и бухгалтерии вплотную стоят кровати. Манизер уехал в Москву в командировку и не вернулся. Над всеми нами главенствует Володя Серов, он стал председателем Союза.

Работаем вместе на хорах большого выставочного зала, помогая друг другу. Можно сказать, мы рисуем листы всем коллективом. Оказывается, совсем не так уж важен авторский престиж: важно, чтобы плакат вовремя увидели ленинградцы.

В один солнечный летний день неожиданно мы стали свидетелями первого воздушного налета на город. Впервые видим свастику на фюзеляжах бомбардировщиков, так низко летят над нами фашисты. От падающих бомб содрогается земля. Бросив работу, из окон наблюдаем, как по чистому голубому небу от горизонта ползет вверх огромное плотное облако. Вот оно закрыло уже половину неба. Это вовсе не облако, это клубы белого дыма. Горят бадаевские склады, догадывается кто-то из нас. Все понимаем, что впереди голод, но работу не бросаем, только становимся молчаливее.

Мы живем дружно.

Обычно работаем под мирное щелканье радиометронома в бывшей биллиардной, рядом с экспериментальной литографской мастерской. Это удобно. В литографской мастерской у круглой печки стоят, грея озябшие руки, художники. С нами представитель старых питерских рабочих, не унывающий мастер-пробопечатник Иван Михайлович Пожильцов.

Стеллажи и табуретки хорошо горят в печке. Сгорели и подставки для работы на камне. Только деревянные ребера неприкосновенны—они под охраной у Ивана Михайловича.

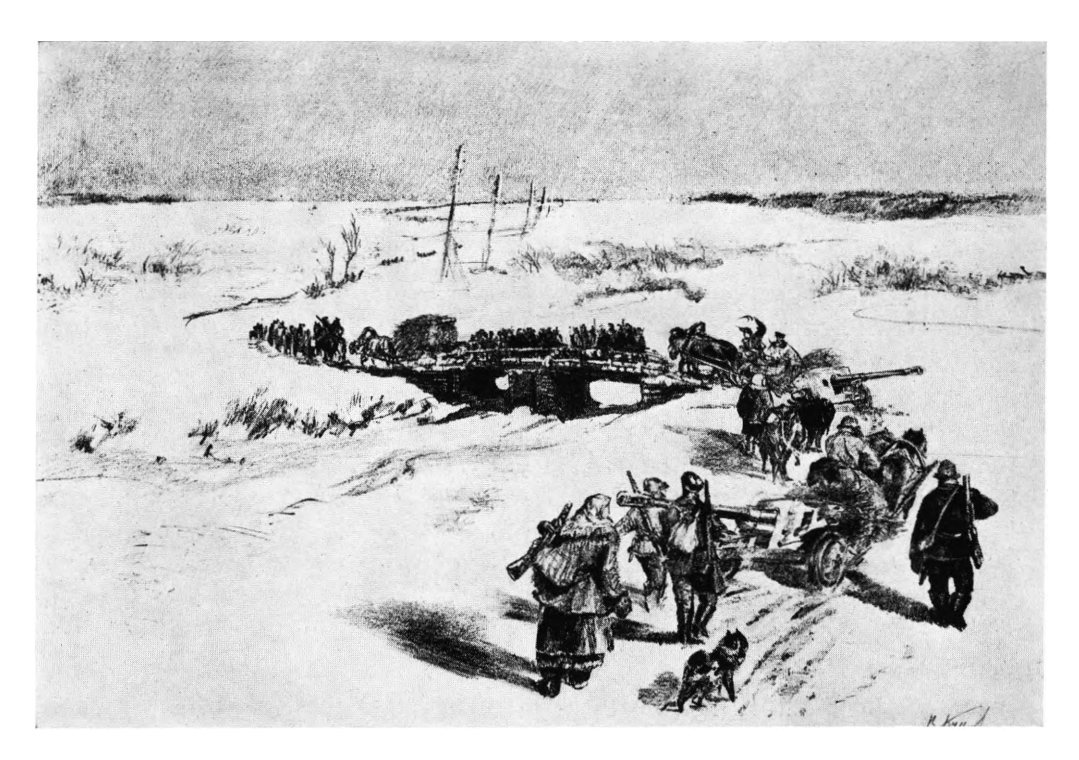
Вместо ушедшего в армию подмастерья Юры подручным рабочим встал у станка наш товарищ—художник Саша Ведерников. В черном длинном пальто, в шапке, в валенках и рукавицах из последних сил крутит он литографский станок.

За маленьким письменным столом, в углу у шкафа, работает изнуренный голодом человек. Это неизменный друг художников, писателей и поэтов на протяжении многих десятков лет Самуил Миронович Алянский, ставший в тяжелые дни блокады особенно близким и дорогим нашему коллективу. Именно он был мудрым редактором и душой «Боевого карандаша» в военные годы.

С. Юдовин.
В мастерской художника.
1944

Смотрю напечатанную пробу очередного листа «Боевого карандаша» нашего учителя и друга, темпераментного и подвижного Николая Андреевича Тырсы. Николай Андреевич всегда с альбомом и чемоданчиком, где приготовлено все для работы, заражает нас своей творческой энергией и жаждой жизни. Смотрю и любуюсь его листом «Тревога». Это великолепно! Что это, плакат? Эстамп? Неважно, как определит это искусствоведение. Горячее сердце художника-патриота взывает с листа бумаги к людям доброй воли. Тогда никто из нас не подозревал даже, что это последняя работа художника, Николая Андреевича Тырсы.

В. Курдов. Партизанский обоз. 1943

Оказывается, собранная вместе энергия хотя и небольшой группы художников и поэтов становится могучей побеждающей силой.

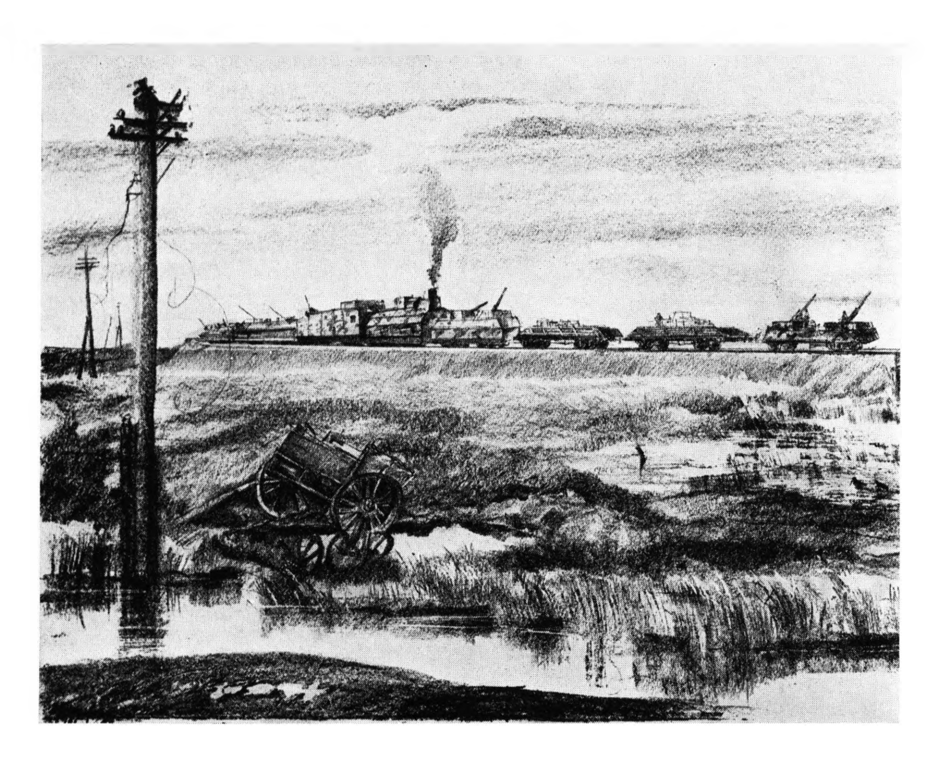
Одиночные усилия отдельных художников, как правило, не выдерживали испытания в годы войны. Таков приговор времени. И неслучайно к нам в опустевший Союз художников на боевой огонек «Боевого карандаша» потянулись многие наши товарищи.

В биллиардной на диване постоянно сидят или лежат обессиленные голодом товарищи. Мертвые остаются с нами вместе много дней, не мешая. В комнате холодно, и трупы замерзают.

Ежедневно, точно в определенный час, начинается воздушный налет. Эта немецкая аккуратность вызывает досадную улыбку. Надо бросать работу, спускаться в подвал вниз, слушать и ощущать сотрясения от разрывов бомб и ждать часами отбоя тревоги.

Мне не хочется идти в бомбоубежище, стараюсь незаметно остаться в комнате, тогда за работой можно забыть даже про налет. Но не тут-то было: в дверях появляется дежурный и гонит меня в подвал. Там, в бомбоубежище, сидя на полу, хором поем песни, и только Юрочка Васнецов умоляет нас слезно: «Не пойте, ребята! Не пойте! Нехорошо».

Однажды к нам в Союз пришли представители Политуправления Ленинградского фронта. Лица усталые, измученные. Видимо, не одни сутки провели без сна.

В. Курдов. Бронепоезд. 1945

Серов собрал нас, и мы узнали, что завтра же на всех улицах города должны быть расклеены плакаты, мобилизующие население на защиту города.

«Враг у ворот» — суровая правда. У Нарвских ворот!

— Мы, военные, сделали все, — сказали пришедшие, — и ждем помощи от вас, товарищи художники.

Сутки мы не выходили из мастерской. Все вместе вручную крутили литографский станок.

Никакой паники! Ленинград не сдадим!

К утру плакаты были готовы.

В самые тяжелые дни блокады Серову необходимо было по делам Союза пойти в Смольный к секретарю обкома партии. Нужно было пешком шагать через весь город. Сил для этого было мало, к тому же артиллерийские обстрелы делали передвижение по улицам крайне опасным.

Серов ушел в Смольный с самого утра. Нам не работалось. Все ждали его возвращения. Только к вечеру он вернулся усталый, но веселый. Помню, как мы обступили его и без конца расспрашивали о встрече и разговоре в Смольном. Оказалось, что во время беседы Серов сделал карандашный рисунок — портрет Попкова, который тут же показал.

Затем Володя вынул из кармана большое яблоко и по крохотному кусочку разделил его между нами (этим яблоком угостил его в Смольном Попков).

Поход Серова в Смольный не был безрезультатным. Нам, художникам, в качестве премии и благодарности за нашу работу разрешили получить убитую артснарядом лошадь. На другой же день была снаряжена санная экспедиция на Охту, и лошадь была доставлена в Союз художников. Ура!

В Союзе со мной жил мой добрый друг, собака, черный пойнтер Чайльд-Гарольд.

Сначала он спал у меня под кроватью. На него я получал паек в Обществе кровного собаководства. Это были снетки пополам с крысиным пометом. В мое отсутствие и во время воздушных налетов он начинал выть, и многим это было не по душе. Пришлось собаку перевести в кочегарку, которая тогда еще топилась.

Однажды ночью меня разбудил кочегар и сказал, что собака сдохла. Утром у кочегарки уже стояли женщины со двора и просили для своих детей кусочек мяса. Днем я зашел в кочегарку взять на память ошейник. Пахло очень вкусно. Кочегары сидели и с аппетитом ели куски вареного мяса с солью. Пригласили попробовать и меня. На столе лежало сердце моего Чайльда. Я знал старый охотничий обычай: чтобы унаследовать храбрость зверя, охотник должен съесть его сердце, что я и сделал. Оставшиеся от собачьего пайка снетки я по одной щепотке варил еще долгое время.

Когда в городе не стало ни света, ни воды, я и Коля Муратов перебрались жить к Васе Власову на Васильевский остров. У него еще оставались дрова, было тепло, и Нева близко. Топили печку, ставили самовар, все вместе пили чай с маленькими жареными кусочками хлеба, спорили об искусстве. К нам часто заходил Георгий Семенович Верейский. Так мы отогревали душу. Несколько раз в день, затаив дыхание, слушали сводки с фронта.

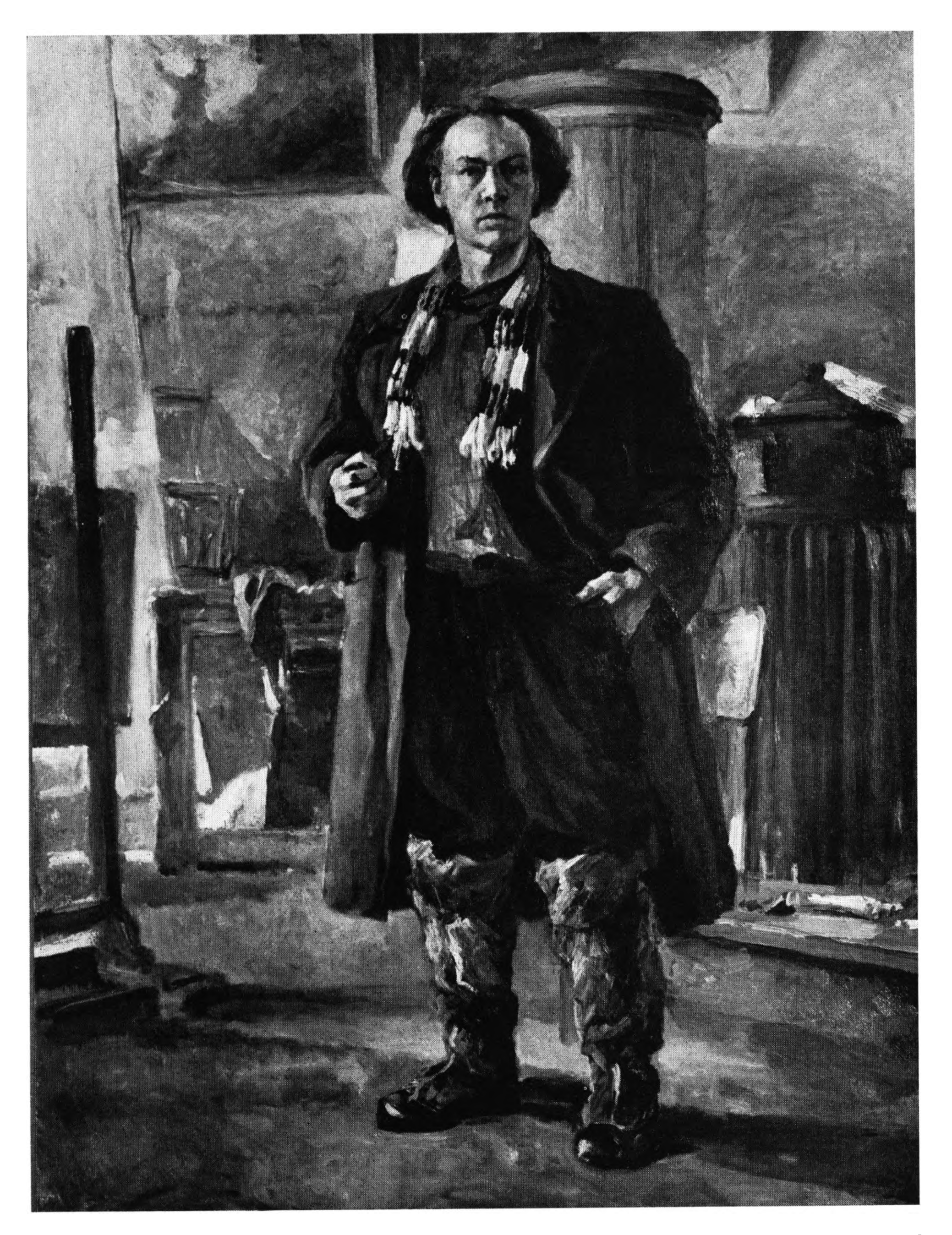
В Союзе давали дрожжевой суп, прозрачный, как слеза, и фиолетовые кишки. За ними ходили по очереди. Коля Муратов ослабел совсем, и я иногда возил его на саночках через Неву в Союз.

Муратино (так мы называли товарища) не теряет юмора и погоняет меня, как извозчик свою клячу.

За многие недели обросли так, что стали похожи на пещерных жителей. Поставили посередине комнаты таз и устроили баню. Пришел Саша Ведерников и подстриг нас, как заправский парикмахер. В большом трюмо увидели себя такими худенькими, маленькими и усохшими, что стало жалко самих себя.

Такими сохранились в моем сознании воспоминания о тяжелых днях блокады. Воспоминания отрывочные, во многом случайные, но, возможно, вместе взятые, они помогут восстановить картину и атмосферу трудных и героических дней.

Однако картина тех далеких времен была бы неполной, если не сказать хотя бы несколько слов о человеке, который неутомимой своей энергией цементировал наш творческий коллектив, в трудные минуты поддерживал наши нравственные и физические силы. Таким человеком был для нас Владимир Александрович Серов.

В. Серов. Автопортрет. 1942

С утра будят Серова, приходят с неотложными делами и просьбами. Еще в постели в руках у него телефонная трубка, он звонит к военкому, в бюро продкарточек, в политуправление, быстро одевается, быстро ест, одновременно слушает и решает многие вопросы. Пришедшие протягивают ему на подпись различные бумаги и бесконечные ходатайства и просьбы.

Огромная внутренняя сосредоточенность и ясность понимания неотложных задач дня чувствуется в каждом его движении—уверенном, точном. Серов вникает во все сам, не упускает из поля зрения ничего, каждую бумажку редактирует по-своему. Тут же подвигает табуретку с палитрой, разбирает кисти, начинает работать, слушая доклады о сложной жизни Союза.

Кругом начатые работы. Огромные холсты, портреты, рисунки к плакатам. Рядом лежат полушубки, каски, автоматы—наши и фашистские. То и дело стучат в дверь: идут художники и искусствоведы, бойцы и партизаны, писатели и рабочие, артисты, партийные работники.

В эти минуты удивительная энергия и страсть обуревают Серова. Я видел его худым и голодным, видел его озябшим, но никогда не видел вялым и безразличным.

Пусть нарисованный мною портрет—всего лишь эскиз, набросок, такой же незавершенный, как и помещенные выше воспоминания, но будем надеяться, что этот пробел восполнят мои товарищи, художники Ленинграда.

А. ПАХОМОВ

ЛЕНИНГРАДСКАЯ ЛЕТОПИСЬ

Великая Отечественная война застала меня в моей родной деревне Варламово Вологодской области. На лето я уезжал туда почти ежегодно, и это были обычно самые плодотворные для моей работы месяцы. В тот год я сделал там для Гослитиздата двенадцать страничных иллюстраций и оформление к книге Решетникова «Подлиповцы» (книга не вышла, и оригиналы пропали в редакции) и намерен был выполнить серию эстампов на некрасовские темы. Я успел закончить несколько эстампов: «Школьник», «В полном разгаре страда деревенская», «Молодые» и «Притча о Ермолае Трудящемся».

Война грянула как неожиданное и колоссальное несчастье. Мне кажется, в деревенской тиши это особенно остро чувствуется, да еще в дни, когда природа пышно расцветает и все поглощены работой страдной поры. Плач и причитанье там не скрыты за каменными стенами, их видишь на улице, слышишь из раскрытых окон. Потянулись на железнодорожную станцию мобилизованные с котомками, и я с ними. Продолжать прежнюю работу психологически было невозможно: скорее в Ленинград, там скажут, что надо делать для войны. «Нужны плакаты и открытки,—сказали в Ленинграде,—надо дежурить на крышах и дома, и в Союзе художников». Я и начал плакат на тему «Все на крыши, на охрану наших домов!»

«Плакат на эту тему надо согласовать с пожарной охраной,—сказали мне в издательстве, когда я принес эскиз,—и надо получить визу такого-то (я забыл фамилию) специалиста-пожарника». Контакт с пожарником у меня не получился, мне хотелось сделать плакат призывный, мобилизующий, а он мыслил его как плакат инструктивный. С большим трудом я кое-как довел этот лист до конца, и он вышел с лозунгом: «Товарищи! Укрепляйте группы самозащиты в домах! Зорко охраняйте свои жилища, свои предприятия от вражеских налетов!»

Работа над этим плакатом меня не удовлетворила, я чувствовал его художественную неполноценность, а времени, драгоценного военного времени ушло на него слишком много! Я пошел к директору Детиздата Д. И. Чевычелову и попросил его получить разрешение на издание плакатов для подростков. Разрешение было получено, и я начал работать с большей свободой, чувствуя свою ответственность прежде всего перед зрителем. Были сделаны, мной же литографированы и под моим наблюдением напечатаны плакаты: «Ребята, заменим отцов и братьев, ушедших на фронт! Поможем убрать урожай!», «Ребята, защищайте Родину! Выслеживайте врага, сообщайте взрослым!», «Металлом по фашистам!» (о сборе металлолома).

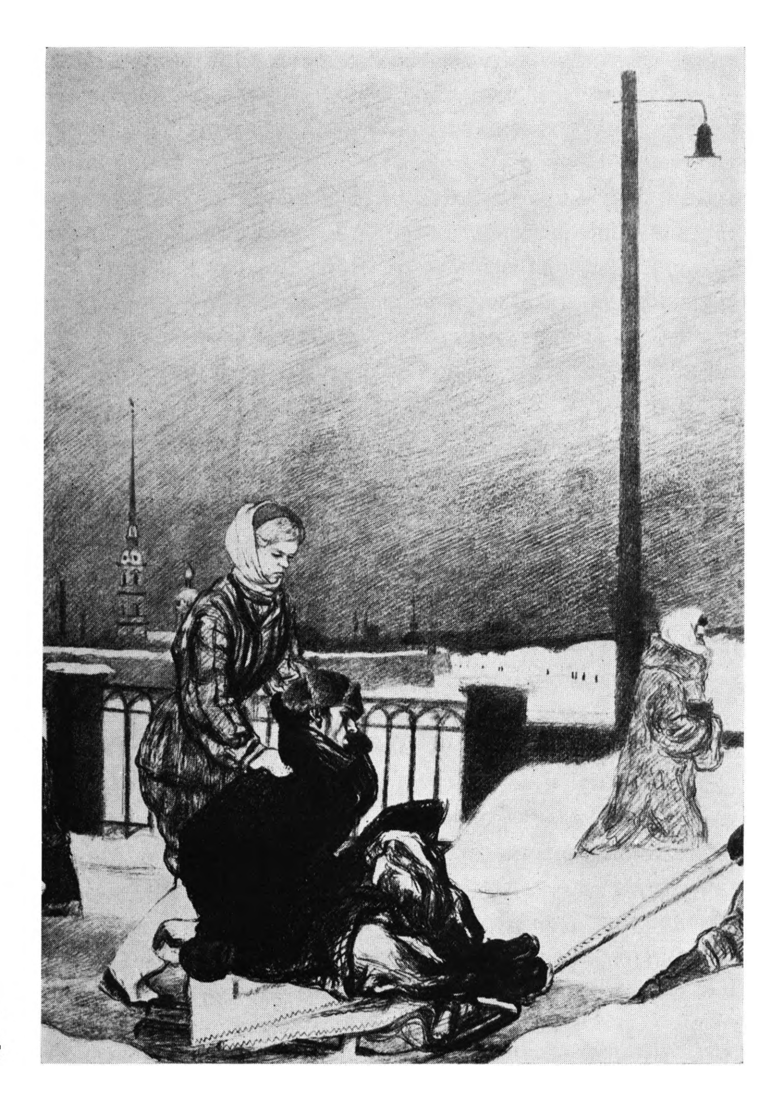
В этой работе был перерыв. Кажется, в июле, мы, группа художников, поехали в район станции Молосковица рыть противотанковые рвы.

В то лето и осень я сделал еще несколько акварелей для открыток. Сделал обложку журнала «Костер», проиллюстрировал книжечку военных рассказов В. Каверина и за всей этой работой не заметил, как вдруг (так мне показалось) делать стало нечего, жизнь замерла. Издательства эвакуировались или же свернули свою работу, не было электроэнергии, типографские машины не работали. Особенно остро почувствовался и холод и голод. У меня была довольно большая библиотека по искусству, многие книги я, купив, не успевал в свое время как следует просмотреть, и вот я решил, что настало время этим заняться. Лежа под грудой одеял, я внимательно просматривал книгу за книгой. После напряженной работы и постоянной спешки это тихое занятие было особо приятным. Пролежав так неделю или две (сейчас я не помню, а мои дневники, к сожалению, не сохранились), я почувствовал острую потребность что-то делать. Стал ходить по городу, наблюдать. Зашел в больницу Эрисмана, это недалеко от меня. Теперь уже не помню, почему именно я попал в отделение физиотерапии. Там сделал ряд рисунков—раненые бойцы на различных лечебных процедурах. Потом стал рисовать в морге.

Я люблю великое классическое искусство, люблю воспетое им человеческое тело и в рисунке, и в живописи, и в скульптуре. Я с увлечением когда-то изучал пластическую анатомию, и только что, лежа в постели, подряд несколько дней любовался репродукциями с произведений великих мастеров, славящих человека. И вот тут, в морге, я увидел много, очень много обнаженных тел—людей, погибших от голода, бомбежек и обстрелов.

А. Пахомов.
Везут в стационар. Эскиз.
1942

А. Пахомов.
Везут в стационар.
1942

Чувство острой душевной боли возникло у меня при виде истерзанного голодом или снарядами прекрасного человеческого тела. И я стал ежедневно в светлые часы ходить рисовать в морг. Я совсем не старался изображать ужасы войны, такого намерения у меня отнюдь не было, однако все, кто видел эти мои работы, находят, что впечатление от них страшное, что показывать на выставке их не следует.

Сделав в морге сотни рисунков, я решил навестить знакомый мне детский сад. Войдя в здание, я сначала подумал, что детский сад эвакуирован: мертвая тишина, и в комнатах мороз и иней. Оказалось, что все дети—и младшие, и средние, и старшие, и даже школь-

ники—жили в единственной обитаемой комнате, в большом зале, где раньше, до войны, проводились музыкальные занятия, устраивались интересные праздничные игры и спектакли. В зале было темно. Тесно стояли кроватки, одна возле другой. Был день, а окна завешены темными шторами. Ребята сгрудились вокруг железной печурки, труба которой была выведена в форточку. При свете коптилки воспитательница читала книгу. Не все слушали, но сидели смирно, не было обычной непоседливости и озорства. Я был тут раньше своим человеком, я пристроился и стал рисовать ребят при свете печурки и рисовал подряд несколько дней, пока не сделал серии рисунков (сейчас они в Русском музее). Вскоре на основе этих рисунков я сделал эстамп «Детсад в 1941 году». Это был один из первых (кажется, именно первый) эстамп будущей серии — «Ленинград в дни блокады».

Однажды, когда я во дворе своего дома колол дрова, ко мне подошла закутанная до глаз (как на Востоке) женская фигура и спросила: не знаю ли я, где художник Пахомов? Выяснилось, что это посланец Института по переливанию крови. Институт имеет задание военного командования создать атлас по переливанию крови и приглашает меня сотрудничать. Я, конечно, согласился. Не просто рисовать что придется, а рисовать для обороны, по заданию военного командования, это то, что психологически хотелось делать прежде всего. В институте я встретил художников В. М. Конашевича, В. Д. Двораковского и Д. И. Митрохина. Митрохин был очень слаб, и его приняли в Институт на жительство. Я сделал ряд рисунков для атласа, стал донором и исполнил эстамп «Доноры» (также один из первых в серии «Ленинград в дни блокады»), который потом был репродуцирован в атласе, хотя в первоначальный план атласа такой рисунок не входил.

Я узнал, что в Ленинградском Союзе художников председательствует В. А. Серов, что в Союзе идет работа, литография работает, выпускаются листовки по заданию военного командования, плакаты «Боевого карандаша». И сразу же сел за работу над эскизом плаката, а сделав эскиз, понес его Серову. Он принял меня очень радушно. Его внимание привлекли убитая женщина и ребенок (они были сделаны на основе зарисовок в морге), но в целом плакат он нашел неприемлемым для печати. Сейчас я уже не помню почему, очевидно, изображенная в плакате сцена была слишком примитивна: фашист, убив женщину с ребенком, надевает снятый с нее деревенский кожух. Но главный результат моего визита к Серову был не в этом. Он убедил и заверил меня, что начатая мной работа по изображению жизни нашего города так же важна и нужна, как и работа над листовками и плакатами, что в Союзе скоро будет выставка и чтоб я не стремился работать только над плакатом, считая это единственным нужным делом. Мне радостно было услышать это. Я все время страдал от мысли, что вот вся наша страна истекает кровью, а я не работаю на оборону, рисую для себя, и неизвестно, нужны ли кому-нибудь эти рисунки. Оказывается, эти рисунки тоже нужны, надо «рисовать» ленинградскую жизнь, так же как плакаты и листовки.

Перед войной я много рисовал с натуры. Быстрый карандашный линейный рисунок с непозирующей натуры—в деревне, в колхозах, в сельскохозяйственных коммунах, где я бывал,—был моим любимым занятием. Сам я не придавал большого значения этим наброс-

кам, но многие художники ставили их даже выше моих основных работ. Для блокадной серии я делал очень мало набросков. Сначала не имел разрешения на зарисовки, а когда получил его, отважиться рисовать было не так-то просто. Население с такой подозрительностью относилось к рисующему, видя в нем диверсанта и шпиона, что работа моя превращалась в непрерывное объяснение. Подходил какой-нибудь военный и успокаивал недоверчивых, что-де удостоверение на зарисовки настоящее, не поддельное. Но военный и успокоенные прохожие уходили, появлялись новые, и опять надо было объясняться и отбиваться. Главная же причина, конечно, была не в этих трудностях. Просто события были столь значительны, что, мне казалось, и отражены они должны быть не в набросках, а в форме наиболее монументальной: в проработанном эстампе большого формата. Сейчас, когда эстампное дело необычайно расширилось, мои листы среднего, скромного размера, а в то время они выглядели непривычно большими.

Путем наблюдения и размышления над увиденным возникала та или иная идея композиции, и я без предварительных зарисовок приступал к ее претворению в эстампе. И уже в процессе работы я обращался к натуре, чтобы сделать действующих лиц и пейзаж живыми и убедительными. Когда я с почти готовой композицией приходил, например, в штаб МПВО, мне охотно позировали, было видно, для чего я рисую, или, когда я располагался с почти готовым рисунком на улице, чтобы уточнить в нем пейзаж, недоразумений с прохожими почти не было, всем было совершенно ясно, что это действительно свой художник, а не диверсант.

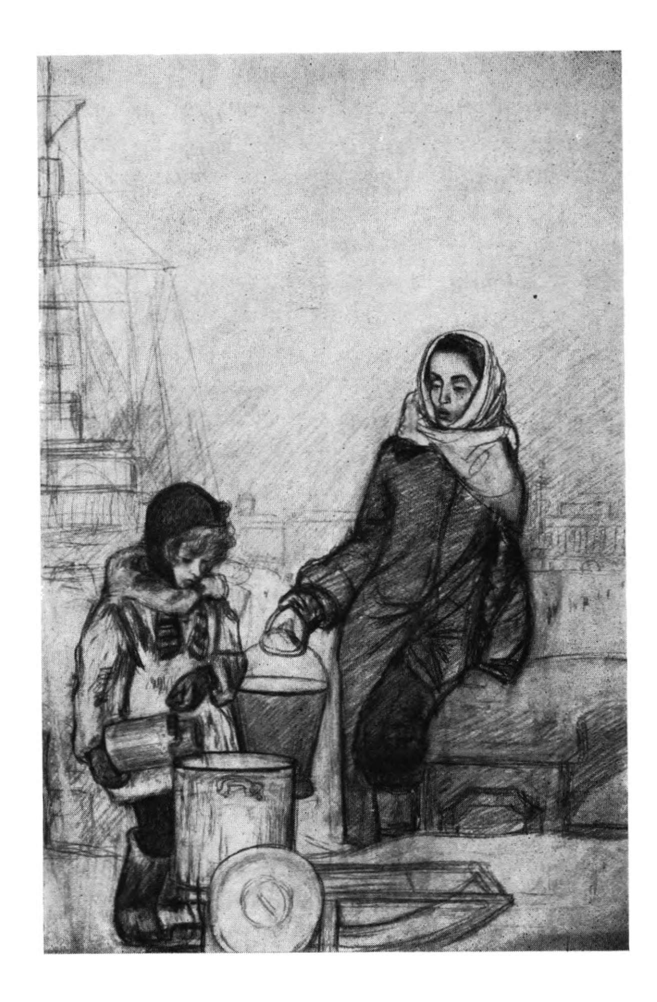
Далеко не всегда композиция, возникшая в сознании, гладко переходила на бумагу: выяснялись неожиданные просчеты.

Хотелось изобразить все то новое, что принесла с собой война и блокада. Вид ленинградских улиц был необычным: исчезли трамваи, автобусы, автомобили, мало стало прохожих, появились снежные сугробы; люди на саночках везли разную поклажу; люди в шубах и валенках, на велосипедах. Такую уличную сцену я и решил нарисовать. Я изобразил закутанную женщину, везущую на саночках по Дворцовому мосту, среди сугробов, завернутого в белую простыню умершего ребенка. Тут же был военный-велосипедист, спешившийся при встрече с другими бойцами. Среди них — девушка в военной форме, что тоже было явлением новым в самом начале Великой Отечественной войны. Однако рисунок мне не нравился. Похоже на старинные рисунки иностранцев, изображавших уличные сцены древней Москвы. Специфика блокады выражена, но главного нет. Вспомнились мне и неудачи первых рисунков при иллюстрировании мной в 1938 году некрасовской поэмы «Мороз, Красный нос». Я рисовал молодую, здоровую, красивую женщину в старинном русском сарафане и рубахе за старинным крестьянским ткацким станком или за прялкой, или за шитьем, и все получались благополучные, даже какие-то этнографические рисунки. Не было некрасовской боли за долю русской крестьянки.

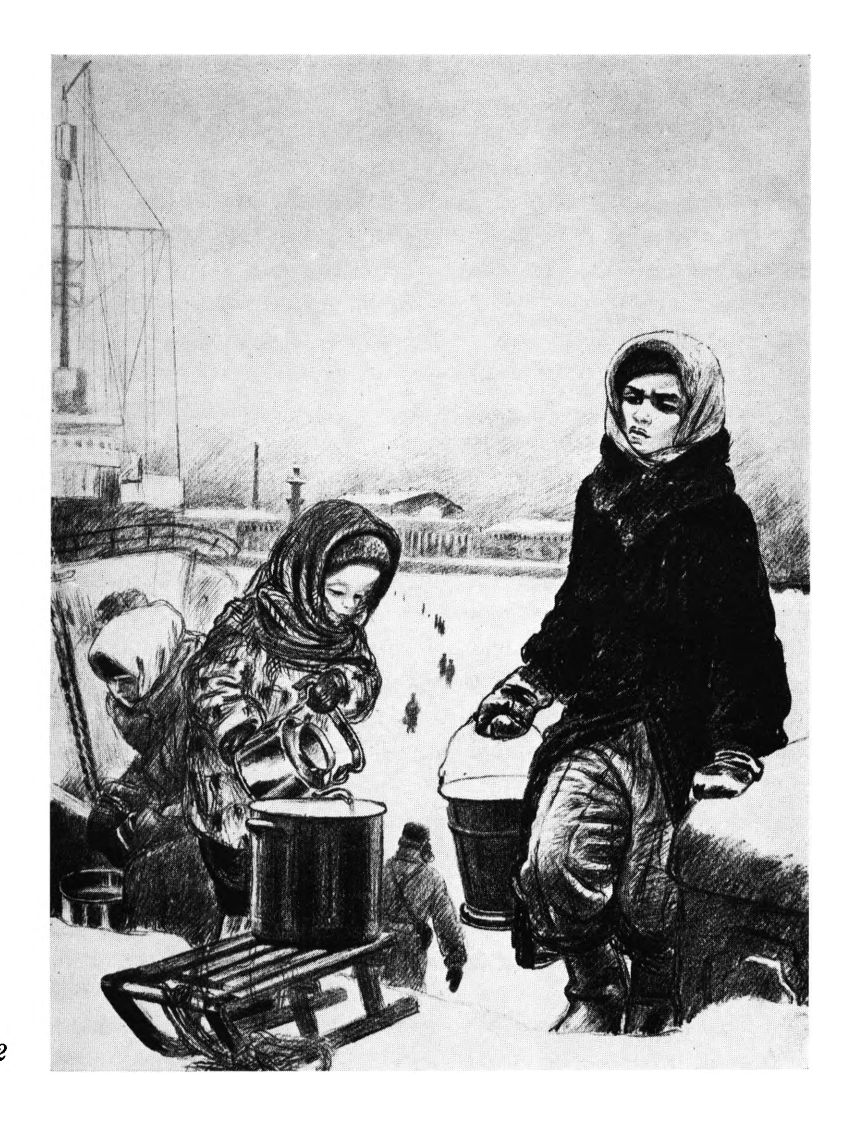
И только когда я притушил эту этнографичность, красоту и здоровье Дарьи (оно в прошлом!) и прежде всего выявил горе и страданье русской крестьянки, я почувствовал, что найден верный тон:

И ты красотою дивила,
Была и ловка и сильна,
Но горе тебя иссушило,
Уснувшего Прокла жена!

И в данном случае, в этой блокадной сцене, было собрание блокадной этнографии, блокадного неблагополучия, но собрание холодное, равнодушное. И только, когда я нарисовал крупным планом на детских санках изможденного голодом ленинградца, которого девушка МПВО поддерживает за плечи, чтобы он не упал («В стационар»), я почувствовал, что найден верный тон. Не семейное горе женщины и не ужасы блокады, а страдающий Ленинград, боль за человека, забота о человеке стала темой рисунка. Чтобы не перегружать рисунок и не ослаблять впечатления от главного, я отодвинул военных велосипедистов на второй план.

А. Пахомов. За водой. Эскиз. 1942

А. Пахомов. За водой. 1942

Но и там они, спокойно занятые своим разговором, вносили равнодушие в композицию, а если бы их наделить явной реакцией сочувствия к сцене переднего плана, это нарушило бы суровую правду блокадных дней. Пришлось убрать военных из композиции совсем.

Автолитография «За водой» была одной из первых работ блокадной серии. Она также является результатом строгого отбора впечатлений, а не зарисовкой, фиксацией факта. В те блокадные дни, в осажденном Ленинграде, хождение за водой, сцены у проруби порой почти ничем не отличались от подобных сцен где-нибудь в русской деревне, где это

явление обычно. Так было у проруби на Кронверкском канале на Петроградской стороне, куда как раз я и ходил за водой. Отсутствие гранитной набережной, девевья и кустарники делали этот уголок Ленинграда похожим на деревенский или пригородный пейзаж. И многие ленинградцы, приходившие туда за водой, внешне могли сойти за жителей деревни. И, чтобы сцену «За водой» сделать именно «блокадной», ленинградской, драматичной, недостаточно было показать душевное состояние людей, выражение их лиц. Выражение лиц могло показаться непонятным и странным, если бы все прочие компоненты этой сцены не были очень разборчиво отобраны по признаку их особой специфики. И не только типичный, знакомый всем ленинградский пейзаж, вмерзший в Неву военный корабль, но и такие детали, как белая шубка на девочке и сочетание ватных брюк с фетровыми ботами на женщине, мне кажется, показывают необычность, «блокадность» этой сцены и усиливают ее драматизм.

По первоначальному замыслу ведро с водой нес мужчина, возможно ленинградский профессор. Сначала мне казалось удачной находкой—профессор с ведрами на коромысле. Что может быть необычнее этой картины! Но, сделав первый эскиз, я понял, что это не выражает правды жизни. Мужчины редко встречались на улице и у проруби также. Даже на заводе, проходя из цеха в цех, можно было видеть всюду только женщин и подростков, подростков и женщин. Я заменил мужскую фигуру женской. Однако и тут не сразу взял правильный тон. Стремясь выявить специфику изображаемого явления, показать, что это происходит не где-то в глухой деревне, а в Ленинграде, попавшем в беду, я нарисовал женщину, несущую ведро, и девочку, выливающую воду из бидона в бак, слишком «городскими», хрупкими и изящными. У зрителя это могло не вызвать сочувствия: им тяжело, потому что они неженки, не привыкли к тяжелой работе—пусть привыкают, их не жалко. Значит, надо показать людей выносливых, но исхудавших, истощенных голодом. К этому решению я и пришел.

Что же касается работы «В очаге поражения», которую сам я очень ценю, то она была сделана на основе только представления и рассказов дружинниц МПВО, а не впечатлений; таких сцен мне не довелось наблюдать, я видел пострадавших только на носилках. Но, видя только что разрушенные дома, я часто поражался причудливости этих разрушений. Дом вдруг оказывался распоротым бомбой, и мы видели все его внутренности, видели щемящие душу признаки человеческого уюта—висящую, каким-то чудом уцелевшую картину или коврик над кроватью на высоте третьего этажа, когда сама кровать и, возможно, спавший на ней человек рухнули вниз и лежат в этой груде кирпича, мусора, лома и искореженных железных балок. Эти впечатления я впоследствии попытался высказать в композиции «После налета», где трепещущая на ветру уцелевшая занавеска и беспокойные голые ветви деревьев как бы поют реквием погибшим. Но ранее того я представил себе, как по полуразрушенной лестнице распоротого дома (а такую я видел на улице Воскова) из уцелевшей половины здания выносят раненых. С носилками там не пройти. Вынос на руках, бережность, с которой девушки МПВО несут пострадавшего, осторожное нащупывание каждого последующего шага,—все это и психологически и пластически на-

прашивалось на бумагу. Чтобы проверить и уточнить свое представление, я обстоятельно расспросил в нашем (районном) штабе МПВО, как выносят и как полагается выносить пострадавших в таких условиях. После этого я приступил к работе над композицией «В очаге поражения». Кстати, название этому листу дали в штабе МПВО, а впоследствии, кажется в 1943 году, художник Федор Богородский, со свойственной ему экспансивностью, говорил мне: «Знаешь, как мы в Москве назвали эту твою работу—«Снятие со креста!» Эта реплика Богородского мне показалась весьма остроумной, и мне самому стало казаться, что эта композиция чем-то напоминает многочисленные картины классиков на тему «Снятие со креста», хотя во время работы мне не приходили в голову подобные ассоциации. Очевидно, бессознательно сказалась моя любовь к искусству Возрождения.

Как провожают на фронт народное ополчение, я тоже не видел. Но я жил во фронтовом городе, чувствовал его пульс, его настроение, и мне нетрудно было найти образное выражение этой темы, представить себе это событие. Враг был у ворот города, сознание необходимости и долга участвовать в борьбе было всеобщим. Это настроение я хотел выразить в этом листе.

После того как первые листы «В стационар», «За водой», «В очаге поражения», «Проводы на фронт народного ополчения» и «Доноры» были сделаны и были хорошо приняты моими друзьями-художниками и зрителями наших выставок, работа над «летописью» ленинградской жизни стала моим основным любимым и почти единственным занятием. Поэтому перечислять здесь все листы серии в хронологическом порядке и рассказывать о каждом листе в отдельности было бы, я полагаю, весьма утомительно. Я скажу только о некоторых из них.

Часто говорят, что для художников, для работников искусств наша богатая событиями жизнь дает необычайно широкий выбор ярких, интересных тем. Это верно, верно и то, что большинство художников не замыкается в себе, живет жизнью своей страны, и все темы, даваемые жизнью, им близки и дороги. Однако трудность заключается в том, чтобы найти воплощение темы в художественном образе, увидеть мысленно завязку композиции. Я люблю изображать человека и всегда стремлюсь раскрыть тему через образ героя и его психологию. Очень часто моя работа над темой начинается с изображения конкретного человека, которого я беру крупным планом, фрагментарно, и только впоследствии окружаю его другими фигурами и аксессуарами, развивающими тему.

Свои ранние композиции я строил обычно из двух-трех фигур, заполнявших собой почти всю площадь листа. Все мое внимание было сосредоточено на фигурах, на их характеристике и действии, и они располагались так, что почти не оставляли просветов, через которые мог бы быть показан пейзаж или интерьер, а часто были изображены просто на белом поле без окружающей среды. Эта тенденция была закреплена моей длительной работой над иллюстрацией, где я мог показать фрагмент события, полагаясь на то, что все событие известно читателю из текста.

В эстампе, во всяком случае, в эстампе того, если можно так сказать, монументального плана, в котором выполнялась моя серия, композиция не могла быть фрагментарной.

Она должна была полностью образно показать явление и быть понятной без каких-либо пояснений. Здесь полагаться на текст не приходилось. Поэтому мне нужно было преодолеть в себе эту тенденцию к ограничению композиции показом только человеческих фигур.

Однако и здесь часто процесс работы над композицией шел по главной линии уточнения центрального образа, который постепенно обрастал аксессуарами, дополняющими и расширяющими основную мысль.

Так, начав работать над темой «Салют 27 января 1944 года», я хотел раскрыть ее не через декоративный показ световых эффектов, а через выражение радости людей, только что переживших блокаду. Эта тема нашла свое выражение в образе раненой девушки с перевязанной рукой. На ее лице—улыбка, проступающая сквозь грустные мысли и воспоминания о недавно пережитом. Эта девушка и обнявшая ее подруга явились в моем представлении первыми, кто мог образно выразить тему ленинградского салюта. Раненая девушка могла, конечно, присутствовать на салюте и в Москве, но там это был бы частный случай, а для Ленинграда этот образ, по моему мнению, являлся обобщенным, символичным; такие девушки вынесли на своих плечах все тяготы ленинградской жизни, ежедневно работая под обстрелом.

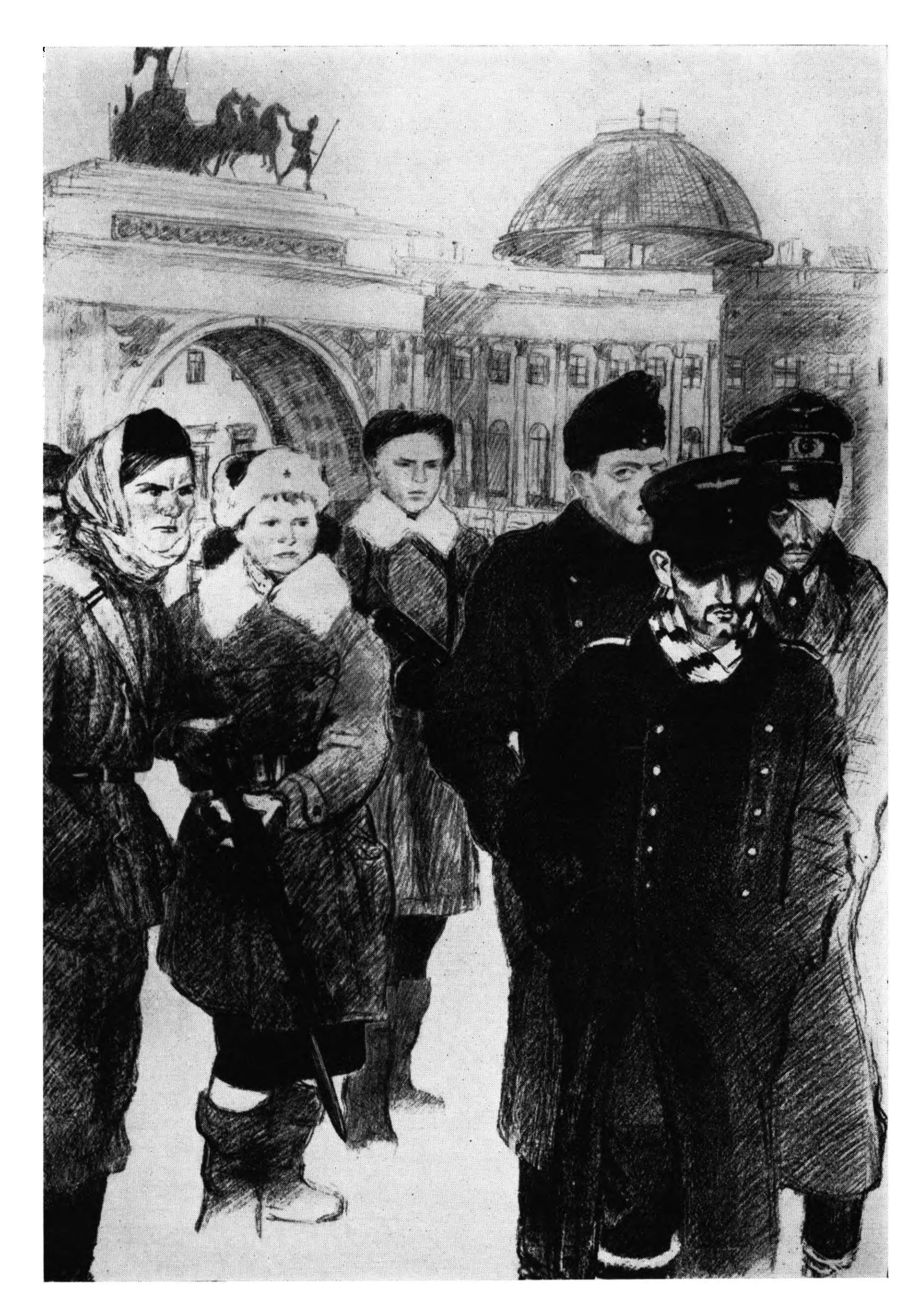
Чтобы развернуть событие до необходимой в эстампе полноты, показать весь его масштаб, я расширил композицию вправо, влево и вверх, ввел другие фигуры, ленинградский пейзаж, озаренное лучами прожекторов и взрывами ракет небо. Каждый элемент композиции я старался вводить обдуманно. Я ввел мать, самозабвенно целующую свое дитя, тревога за жизнь которого снималась салютом освобождения. Я ввел еще ряд девушек и подростков, тех, кто тогда в основном работал на ленинградских предприятиях; в центре—воины Советской Армии.

Всю группу я поместил на Кировском мосту, сжав ее с двух сторон каменными парапетами. Так это и было в действительности: Кировский мост был переполнен людьми во время салюта, но я изобразил группу именно на мосту, а не в другом месте города, так как, по моей мысли, каменные парапеты, сжимающие группу, как бы напоминали об окружении, о блокаде города, о том, что это салют в честь снятия блокады.

Тот же путь—от основного образа к полному показу явления—определил мою работу над эстампом «Раскрытие Медного всадника».

После снятия блокады, будучи в Москве, я неожиданно представил себе, как будет раскрываться Медный всадник. Я представил себе изумительную по монументальной лепке голову Петра I, которой в свое время я восхищался в Русском музее (вблизи, крупным планом, в музее она производит особо сильное впечатление), и рядом с головой Петра—наших девушек МПВО, которые, несомненно, будут трудиться и над раскрытием памятника.

Надо сказать, что, на мой взгляд, дружинницы МПВО стали основной фигурой, главным героем в блокадном городе, их мы видели всюду. Молодые девушки, призванные в дружины МПВО, занимались буквально всем: выносили раненых и убитых после вражеских налетов, выявляли ослабевших и отправляли их в больницы и стационары,

А. Пахомов. Пленные в Ленинграде. 1944

устраивали беспризорных детей, собирали трупы умерших на улицах и в квартирах, убирали снег, несли дежурство на крышах, на наблюдательных вышках МПВО, заделывали разрушения от вражеских снарядов, они были и сестрами, и санитарками, и плотниками, и каменщиками, и штукатурами, и кровельщиками.

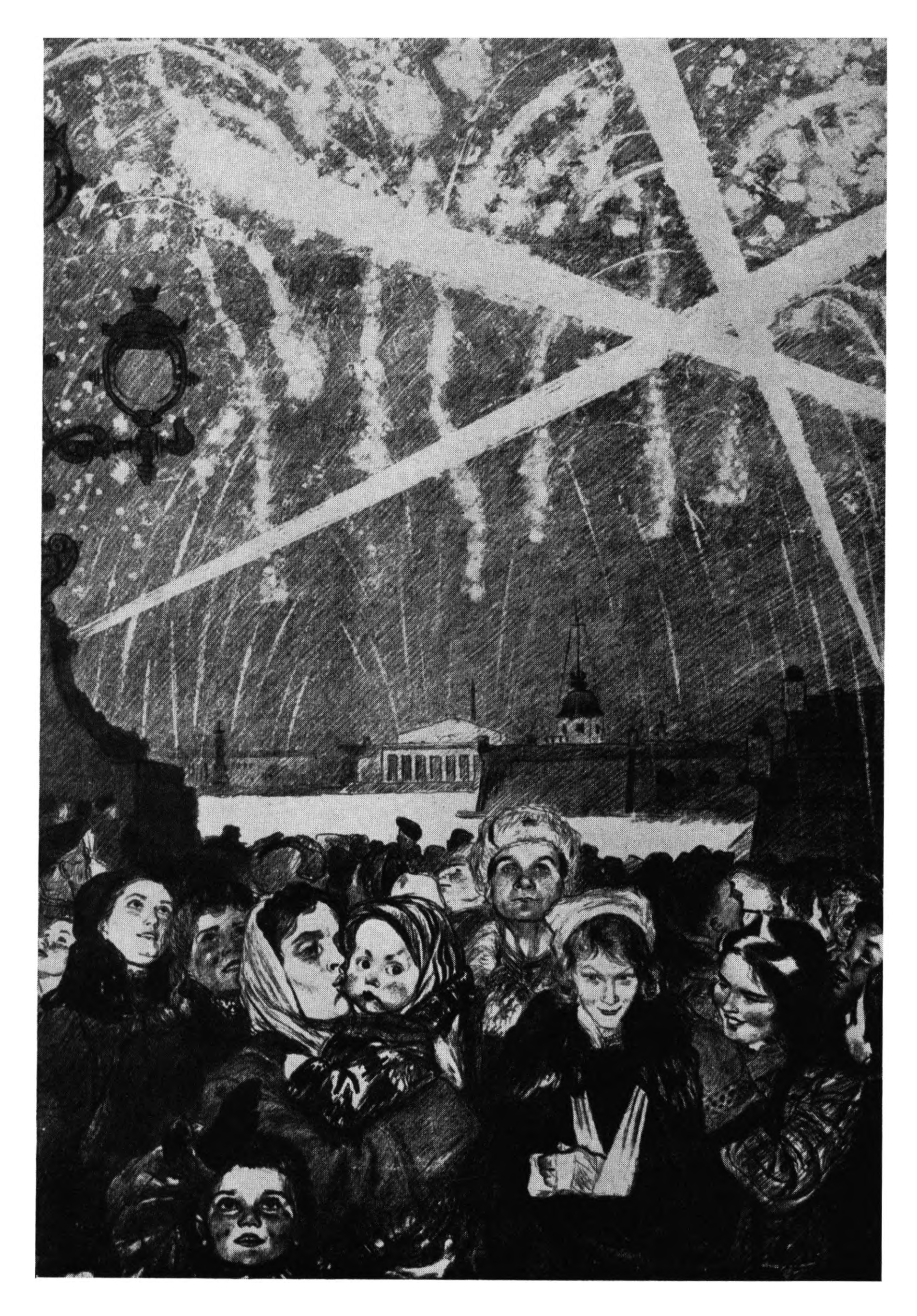
Мне очень понравилась мысль выразить тему бережного отношения нашего народа и государства к памятникам искусства в пластическом сопоставлении наших тружениц, живых девушек МПВО с бронзовой, мощно вылепленной головой Петра, и я не замедлил явиться с альбомом и карандашом, как только наступил момент раскрытия памятника, зашитого в первые же дни войны в двойной футляр из досок и засыпанного песком.

Надо сказать, что, взобравшись на леса, увидев голову памятника вблизи, я был сильно разочарован. Точно это была не та голова, что я видел в Русском музее. Там была мощь и красота сильной, монументальной лепки, а здесь голова мне показалась красивенькой и прилизанной. Я ринулся в Русский музей, чтобы проверить себя, но, увы, Русский музей еще не распаковал своих коллекций, и голова Петра не могла мне быть показана.

Первый вариант композиции воспроизводил крупным планом голову Петра и голову лошади и рядом с ними двух девушек, разбирающих покрытие. Несмотря на определившуюся и, как мне казалось, хорошо завязавшуюся композицию, рисунок не удовлетворил меня своей фрагментарностью.

Это было зерно композиции, но не вся композиция. Не всякий зритель без пояснения мог разобраться, что тут изображено. В ряде вариантов, последовательно расширяя рамки композиции, я дошел до того, что включил туда не только Исаакиевский собор, но и Адмиралтейство, впал в другую крайность, у меня получился пейзаж с фигурами людей. Пришлось проделывать обратный путь, и в конечном счете, мне кажется, в окончательном варианте я все же ослабил впечатление от сопоставления девушек и головы Петра тем, что дал слишком много среды, окружения. Композиция стала понятней, более полно рассказывающей о событии, но менее впечатляющей.

Как я уже сказал ранее, серия «Ленинград в блокаде» не состоит из непосредственных зарисовок с натуры, это композиции, сделанные на основе наблюдения и размышления, и, как полагается в композициях, все элементы их взяты с большим отбором. Однако мне хотелось бы особо подчеркнуть, что забота о достоверности, о подлинности изображаемого была моей первостепенной заботой. Например, сам я не видел, как после прорыва блокады вели пленных по улицам Ленинграда, но как только я узнал об этом событии, я стал обстоятельно расспрашивать очевидцев. На основе расспросов и набросал примерную схему композиции, а саму композицию я выполнял в помещении на Выборгской стороне, где временно находились пленные фашисты. Мне отвели помещение для работы, я обходил все комнаты, выбирал себе, на мой взгляд, наиболее характерные типы. Меня весьма удивила готовность еще недавно заносчивых победителей повиноваться и служить. Позировали они идеально, не только не шевелились, но, казалось, не дышали; когда я уронил резинку, позирующий пленный стремглав бросился ее поднимать.

А. Пахомов. Салют Победы. 1945

И конвой, а прежде всего девушку-бойца, я рисовал доподлинный, там же. Там, на месте, я сделал не только черновик композиции, но и торшон. Неудачные места я вырезал и выбрасывал, а взамен подкладывал чистые куски торшона. К концу работы эта композиция состояла из девятнадцати кусков.

Работа на торшоне имеет то преимущество, что автолитография может быть целиком выполнена с натуры, а не на основе черновиков и натурных зарисовок. Так, композицию «Для фронта (Василий Васильевич)» я рисовал на месте, в цехе у станка, и Василий Васильевич мне специально не позировал, он работал, и я работал.

Проходя мимо Марсова поля, я часто видел там сохнущее белье. Я решил сделать композицию («На Марсовом поле в затишье») и выполнил ее целиком там—на зенитной батарее под открытым небом и частично в землянке командира. Во время работы меня иногда заставала тревога; естественно, возникло желание сделать и второй лист—«На Марсовом поле в тревогу». Во время тревоги я только наблюдал, а рисовал этих же бойцов, когда они освобождались. Примерно так же я рисовал почти все листы. У меня была постоянная дружба со штабом МПВО Петроградского района (я жил на Кировском проспекте), командир МПВО с большим пониманием относился к моим нуждам и охотно давал наряды бойцам на позирование. Все герои мои не ряженые, а подлинные, живые люди тех блокадных дней, начиная с композиции «В стационар», где я изобразил художника Ярослава Николаева, и кончая девушкой-милиционером на перекрестке у Кировского моста. Я полагаю, что серия «Ленинград в блокаде» может считаться и вымыслом художника и одновременно совершенно достоверным документом времени.

Ю. НЕПРИНЦЕВ

ВОЕННЫЕ ГОДЫ

Первое, что возникает в памяти, когда я думаю о начале войны, это привычный путь вдоль гранитных набережных в Академию художеств, и на этом пути—множество взволнованных лиц; величаво спокойная гладь Невы под ослепительным солнцем и—серебристые аэростаты воздушного заграждения, уже реющие в голубом небе. По-новому и с необычайной силой раскрывалась тогда привычная красота города. Ее хотелось впитать, вдохнуть, запомнить, пронести через то темное, загадочное, неизвестное, что предстояло пережить.

В длинных коридорах Академии все жило новой, непривычной жизнью—напряженной, собранной, сосредоточенной. Знакомые лица казались неуловимо изменившимися...

А в мастерской на мольберте незаконченное полотно—моя аспирантская работа, вокруг—этюды Череменецкого озера, где я был осенью. Казалось, все это принадлежит давнему прошлому, и, выходя из мастерской, я как бы закрыл дверь к нему.

Первые дни пролетели стремительно, и каждый из них был шагом вперед по дороге войны.

...Эллинг одного из судостроительных заводов. С высоты в розовом свете раннего утра ясно видны корабли на стапелях—еще недостроенные и уже совсем готовые к спуску. Здесь мы с архитектором М. К. Бенуа составляем проект маскировки завода. А вскоре и новая работа: вместе со скульптором С. З. Кляцкиным выполняю первые эскизы боевых плакатов.

...Жаркие июльские дни. Первые воздушные тревоги. Добровольческий истребительный батальон, где нас учат ползать по-пластунски на нагретой солнцем земле острова Голодай. И, наконец, курсы переподготовки командиров Краснознаменного Балтийского флота в Ленинграде. На этих курсах, кроме меня, нет никого из художников, и я долгое время совсем не встречаюсь с товарищами по профессии. Но и я уже не художник, а курсант, которому вскоре предстоит стать фронтовиком.

Время так заполнено занятиями, что его не остается даже на беглые зарисовки. Да и не думалось тогда об этом. Но видел я и запомнил все с особой остротой. Дни попрежнему были солнечны и жарки, но в них уже ничего не оставалось от обычной летней безмятежности. Над городом пылало жаркое военное лето, и сам город день ото дня изменял свое лицо.

Однажды в последних числах августа, когда бои шли уже на самых подступах к Ленинграду, нас, курсантов, направили строить огневые точки в здании Академии наук.

Поначалу сам этот факт показался невероятным. Но он вполне согласовывался с тем, что мы видели на пути через город.

Мы прошли по Невскому, мимо домов, уже укрепленных бойницами, и Адмиралтейская игла больше не сверкала на солнце—ее покрывал темный защитный чехол. В садах еще играли дети, но лица встречных были сосредоточены и суровы. Все шли быстро и деловито—чувствовалось, что время каждого строго распределено. Многие несли лопаты. На Марсовом поле, где уже стояли зенитные батареи, девушки копали щели-убежища. И над всем нависала незримая, но ясно ощутимая туча грозной опасности. Таким, готовым сражаться за каждый свой дом, я запомнил Ленинград тех дней.

Потом сомкнулось кольцо блокады, и сентябрь обрушился на город первыми бомбежками, ошеломил первыми жертвами, тут же рядом, на знакомых улицах.

Бомбежки становились все упорнее, длительнее, и тоскливый вой сирены воздушной тревоги раздавался в одни и те же часы с такой точностью, что по нему можно было проверять время.

Семьи многих курсантов, в том числе и моя, оставались в городе, а отпусков домой мы совсем не получали. Близкие часто навещали нас, но мы занимались так напряженно, что зачастую на свидание с ними выбегали буквально на несколько минут. И вот наши жены, сестры, матери старались добраться до улицы Росси, где помещались наши курсы, перед началом вечерней бомбежки, с тем, чтобы укрыться в нашем бомбоубежище. Туда же обязаны были спускаться и мы, прерывая занятия на время воздушной тревоги. Незабываемыми остались эти встречи в полутемном подвале старинного здания! Счастье видеть дорогого человека и говорить с ним омрачалось мучительной болью при каждом разрыве бомбы, несущей смерть и разрушение там, наверху. Постоянно терзали гнетущие мысли о том, что каждая из этих нежных и любящих женщин, чьи глаза блестят здесь, рядом, может еще сегодня на пути домой оказаться жертвой такой же бомбы. Все это тяжелым камнем ложилось на сердце, отравляя и без того горькую радость мимолетных встреч.

Наступили ранние морозы. В вечерних сумерках над площадью Ломоносова вставала луна, освещая черные силуэты молчаливых домов с затемненными окнами. А с неба доносился уже хорошо знакомый и ненавистный, переливчатый гул самолетов и дробный стук зениток, постепенно приближающийся к центру города. И так—всю осень...

В конце ноября я был направлен с курсов в Балтийский полуэкипаж, где стал ожидать назначения на фронт. Здесь я встретился с двумя художниками—Н. Е. Тимковым и Г. А. Савиновым, которые служили на флоте еще до войны. Они работали при клубе. Здесь же я увидел многие вещи Тимкова, вошедшие позднее в его серию гуашей «Ленинград в блокаде», в которой облик города военных лет запечатлен с большой достоверностью и высокой эмоциональностью.

От Тимкова и Савинова я узнал о трагической гибели молодого художника-декоратора Анатолия Коломойцева. Я был близко знаком с этим живым и ярким человеком, одаренным художником, незадолго до войны радовался успеху его последней работы. Я имею в виду балет «Сказка о попе и работнике его Балде», к которому Коломойцев создал прекрасные декорации и костюмы. Коломойцев ушел добровольцем на фронт,

Ю. Непринцев. Партизанка-минер. 1943

несмотря на свою болезнь—туберкулез легких, и погиб при выполнении боевого задания, как разведчик, на одном из участков Ленинградского фронта.

В полуэкипаже комплектовались тогда маршевые роты. Я был включен в состав одной из них в качестве командира взвода. Вскоре пасмурным, уже совсем по-зимнему, морозным утром наша рота отправилась к месту своего назначения в один из артиллерийских дивизионов на Неве.

Недолгим был наш путь на фронт, и это заставляло со всей остротой ощутить, как тесно кольцо вражеской блокады, сжимающее наш город.

По еще темным и безлюдным, настороженным и притихшим улицам трамвай быстро доставил нас к Володарскому мосту. А там всего километров двадцать пять оставалось пройти пешком до Ивановских порогов, где стоял дивизион.

Левый берег Невы до Усть-Тосны был захвачен вражескими войсками, и мы шли по правому берегу лесом в обход, чтобы нас не заметил враг. Но даже и этот небольшой переход—первый в непривычной фронтовой обстановке— был тяжел для нас, еще совсем неопытных солдат. Многие очень устали, кое-кто натер ноги, а полученный в дорогу паек был по-ленинградски скуден,—все это волновало меня, командира, который был еще неопытнее иных солдат.

И вот—первый фронтовой привал в лесу. Утомленные бойцы сидят прямо на снегу среди темной зелени елей. Кто разулся и поправляет сбившиеся портянки, кто грызет сухарь, а кто просто отдыхает в неудобной позе, переменить которую не хватает сил. Наконец, только под вечер, прибыли мы к месту назначения и не успели еще осмотреться и расположиться в землянках в лесу, как грянули первые залпы вражеского обстрела. Он был упорным и длительным. У меня на глазах гибли люди, с которыми я только что прошел свою первую фронтовую дорогу.

А незнакомый лес, сумеречный и холодный, грозно вставал вокруг в грохоте разрывов и казался гиблым местом.

В годы войны мне не раз приходилось бывать и под более сильным огнем, но это первое испытание запечатлелось в памяти особенно ярко, как и все впечатления того первого фронтового дня. Много позже, уже по памяти, в 1943 году я стремился передать в гуаши «Разведчики» настроение того тревожного заснеженного вечернего леса, а первый привал сыграл свою роль через десять лет при поисках композиции картины «Отдых после боя (Василий Теркин)».

Но тогда все эти впечатления накапливались и откладывались в памяти как-то помимо сознания, помимо тех основных дел, которые занимали все время и все мысли.

Мой взвод, в числе других, был назначен нести охрану дальнобойной батареи. Все наши дни были заполнены караульной службой, боевой подготовкой и работами по укреплению подступов к дивизиону. Лес был вскоре изучен до малейшего кустика, и даже в глубокой темноте зимней ночи каждый из нас легко находил нужную землянку.

Рядом, в деревне Ивановские пороги, находился наблюдательный пункт, в котором мне часто приходилось бывать по службе. Вокруг, в маленьких землянках, располагались

Ю. Непринцев. Снайпер. 1943

наши посты, и по пути я обязательно заходил то в одну, то в другую. В этих землянках сосредоточивалась вся наша жизнь, проходили короткие часы отдыха, и самые разнообразные воспоминания связываются у меня с тем, что доводилось видеть и слышать в тесном кружке бойцов у наспех сколоченного дощатого стола. Здесь делились вестями из дома, здесь можно было услышать стихи Пушкина и Маяковского, а иногда после морозной темноты ночного леса землянка встречала нас и песней. От песни этой, обычно негромкой и задушевной, сразу становилось легче на душе и сердце, и именно это ощущение я попытался передать в эскизе «В землянке», написанном тоже в 1943 году.

В подобной обстановке, весной 1942 года, мне довелось впервые познакомиться с поэмой А. Твардовского «Василий Теркин», которая печаталась тогда отдельными главами

в «Правде». Чтение вслух каждой новой главы вошло у бойцов в традицию. В землянке на нарах располагались слушатели вокруг чтеца, чадящее пламя коптилки колебалось от взрывов смеха и выхватывало из темноты то чей-то смеющийся рот, то оживленно-внимательные глаза, то лицо, на котором не оставалось и тени обычной суровой напряженности. Бывая на этих чтениях, я каждый раз снова и снова поражался жизненной правде и огромной силе воздействия образа, созданного Твардовским.

Конечно, тогда было еще бесконечно далеко до замысла моей будущей картины, но все же именно эти впечатления явились первыми подступами к ней—наряду с портретами лучших людей нашей роты, которые я готовил в немногие свободные часы для Доски почета. Она висела прямо на дереве у входа в клуб, под который мы отвели самую большую землянку. Ни один из этих портретов, конечно, не сохранился.

Приходилось мне применять свою профессию художника и в чисто военных целях.

С весны 1942 года я был переведен в управление дивизиона. По заданию штаба я должен был делать детальные зарисовки вражеского переднего края, расположенного на противоположном берегу Невы. Эта работа требовала большой точности изображения, и я рисовал с наблюдательных постов через стереотрубу. Иногда я устраивался в одном из деревянных домов, на чердаке, а иногда и на дереве, маскируясь ветками. Зарисовки с натуры я делал карандашом, а потом по памяти раскрашивал акварелью. Эти мои зарисовки сосредоточивались в пункте, откуда производилось управление артогнем, и использовались для упрощения ориентировки его прицела.

Весной и летом 1942 года я написал портреты нескольких наших снайперов, однако только акварелью, так как других материалов под рукой не было. Обычно я писал их на опушке леса, у какой-либо землянки. Мы располагались прямо на поваленных стволах, и фоном для этих портретов служил лесной пейзаж.

Много приходилось мне работать и для нашей летней клубной палатки, рисовать плакаты и оформлять дивизионную стенгазету. Помимо этого, я занимался и организацией фронтовой самодеятельности. Мне удалось не только сколотить хорошую концертную бригаду бойцов, но и выступить в роли оформителя и режиссера одного концерта-представления. Репетировали мы тут же, в лагере, в свободное от боев время. Особенно удачной оказалась острая злободневная клоунада, остроумно сочиненная и разыгранная самими бойцами. С этим концертом мы ездили с батареи на батарею, и везде он пользовался большим успехом.

Летом приезжали к нам и профессиональные концертные бригады. Артисты выступали прямо на лесной лужайке, пренебрегая грохотом снарядов, рвавшихся совсем неподалеку. Особенно любили бойцы замечательного комика А. Д. Бениаминова и веселого жонглера Савченко. С Бениаминовым, кстати, я не раз встречался на военных дорогах, а в 1944 году в Таллине даже нарисовал его. Но в ту суровую первую военную зиму 1941 года смех и песни были редкими гостями в наших землянках. Помимо тревожных вестей с фронтов, на сердце тяжелым грузом ложились мысли о Ленинграде, испытывавшем небывалые лишения.

Только в начале 1942 года мне удалось—впервые после ухода на фронт—побывать в Ленинграде. Я ехал, зная, что в жизни города произошли страшные изменения, но в полной мере не мог, конечно, себе их представить.

Помню, как ясным морозным утром я сошел с попутной машины у Литейного моста. Город был занесен снегом и окутан небывалой тишиной. Я шел по Литейному, по наледи, между сплошными стенами сугробов, мимо домов со слепыми, темными окнами. Светало, но город казался неживым, и вдруг, на углу улицы Пестеля, около булочной, передо мной предстала цепь безмолвных теней, прижавшихся к стене,—очередь за хлебом... Дальше иду по улице Пестеля, и вот на углу Моховой—разрушенный бомбой дом, и в верхнем этаже неведомо как сохранившаяся часть комнаты. Видны ультрамариновые обои, зеркало в золоченой раме, полураскрытый шкаф. Еще дальше, слева—черная громада выгоревшего здания. И вот Соляной переулок, знакомый подъезд и, наконец, я—дома! Холодны и темны привычные комнаты, на дорогих людей больно смотреть, так они худы и слабы, так огромны их глаза, обведенные коричневыми тенями, так болезненно замедлены их движения...

Но вот в печурке запылал тут же расколотый мною старый буфет, не поддававшийся ослабевшим рукам, а на стол, рядом с крошечными кусочками глинистого блокадного хлеба, легла моя солдатская буханка. Пришла соседка, жена художника Е. Б. Словцова, и завязался неспешный разговор об эвакуации Академии художеств, о смерти чудесного человека и тонкого художника А. А. Горбова, о смерти С. З. Кляцкина, с которым в начале войны я рисовал плакаты, об удивительных человеческих судьбах и о многообразных деталях ленинградской блокадной жизни, трагической и гордой во всех ее проявлениях.

Однако более всех рассказов поразило меня то, чему я стал непосредственным свидетелем. Я пробыл тогда в Ленинграде всего три дня, но увидел и пережил так много и остро, что впечатления эти до сих пор живы. Как мне забыть утонувший в снегу Невский, по которому среди сугробов брели, пошатываясь и спотыкаясь, укутанные во что попало бесформенные человеческие фигуры с иссохшими, потерявшими признаки возраста лицами? Чувствовалось, каким невероятным усилием воли люди подчиняют себе свои истощенные тела. Многие тащили за собой маленькие детские саночки. На санках—ведра и бидоны с водой, иногда—вконец ослабевший человек, а порой и длинный, до странности узкий сверток, в котором угадывались очертания человеческого тела. Поистине небывалой силой духа веяло от этих людей, чьи физические силы на пределе. Но в черных провалах глаз—мужество и воля к жизни. Я невольно всматривался в эти лица, до странности схожие между собой, почти в каждом обнаруживая спокойствие и сосредоточенную волю,—забыть их я не смогу никогда...

В те дни я много ходил по знакомым улицам, с трудом узнавая их в снежном хаосе, заполнившем город... У Исаакиевского собора стоят троллейбусы, когда-то давным-давно остановившиеся у кольца, сейчас заледенелые и занесенные снегом до самых окон. На широкой ослепительной белизне Невы—темные корабли; они словно прижались, пристыли к гранитным спускам. У дымящихся на жестоком морозе прорубей толпятся

молчаливые очереди за водой. А над Невой на фоне светлого неба четко вырисовывается черная рука Медного всадника, оставшаяся свободной при укрытии памятника и упрямо простертая вперед из огромного бесформенного сугроба.

Но отчетливее всего запомнил я Марсово поле. В тот день оно расстилалось в настороженной тишине огромной снежной пустыней. Над ним в голубоватом морозном тумане висело киноварное солнце без лучей. Заиндевевшее кружево крон молодых лип блестело и искрилось.

В один из тех дней я побывал в Союзе художников. Зайдя в мастерскую В. А. Серова, встретил у него И. А. Серебряного, Н. А. Павлова, В. Б. Пинчука. Все они очень худы и бледны, но бодры и деятельны. Особенно непривычно выглядит исхудавший Серов в военной одежде. Жизнь в его мастерской кипит. У железной печурки кто-то рисует плакат. Тут же обсуждается чья-то работа. Повсюду эскизы и наброски. На мольберте—начатое полотно. Это—боевой штаб художников. Меня забросали вопросами о фронтовых делах, и я—в который уже раз!—снова ощутил одновременно и боль и гордость за братьев-ленинградцев.

В течение 1942 года я неоднократно приезжал в Ленинград. Я видел, как ранней весной, когда начал сходить снег, все, кто хоть сколько-нибудь держался на ногах, выходили с лопатами и кирками на очистку города. А в апреле веселые трамвайные звонки уже снова звенели на улицах. Солнце грело все сильнее. Открывались окна, забитые досками, заложенные подушками. На скамеечках у ворот грелись под весенним солнцем те, кто в зимние страшные месяцы побывал на краю смерти, и на их страдальческие, исхудалые лица возвращались живые краски.

Но с приходом весны вновь начались воздушные налеты, особенно свирепые после зимнего короткого затишья.

И все же Ленинград воспрянул к жизни. Пайки были увеличены, люди окрепли. Летом 1942 года были вывезены на Большую землю все, кто не мог больше работать и участвовать в обороне города. Оставшиеся деятельно готовились к очередной зиме. Повсюду зеленели огороды, их можно было видеть в самых неожиданных местах: в Летнем саду, на Марсовом поле, во многих дворах и маленьких скверах. А в сентябре девушки в ватниках энергично ломали старые деревянные дома на окраинах, заготавливая топливо для города.

Все, что я видел, навсегда западало в душу, оставалось в сознании как материал для задуманной серии «Ленинград в блокаде». Но приступить к этой желанной работе я смог только в следующем году.

Осенью 1942 года я был переведен в Ленинград и приказом Военного Совета КБФ прикомандирован к Политуправлению в качестве художника. Нас было здесь трое—москвич С. С. Боим и мы с А. В. Трескиным—ленинградцы. Тогда же познакомился я и с Г. П. Татарниковым, художником Дома флота. Жили мы на казарменном положении в самом Доме флота, помещавшемся в ту пору в здании училища имени М. В. Фрунзе. Тут же была и наша мастерская.

Ю. Непринцев. В землянке. 1944

Работали мы очень много. Рисовали листовки и плакаты для наших боевых частей, а также подготавливали всевозможные материалы для пропаганды среди войск противника. Часто выезжали мы и в части, на подводные лодки, на корабли, рисуя повсюду портреты героев. Размножали портреты автолитографским путем на картографической фабрике Геологического издательства, как правило, двухтысячным тиражом. В немногие свободные часы мы делали зарисовки с натуры или пытались по памяти передать виденное и пережитое ранее. Работали, главным образом, гуашью.

Одна из первых моих командировок на фронт в качестве художника состоялась в знаменательные январские дни 1943 года.

Я был направлен в часть железнодорожной артиллерии, непосредственно участвовавшую в прорыве блокады.

Эта часть в течение суток поддерживала своим огнем наше наступление. Стрельба была такой интенсивной, что люди стояли у орудий в одних тельняшках, несмотря на двадцатиградусный мороз, и от них буквально шел пар. Так мне довелось быть свидетелем осуществления одной из важнейших операций Ленинградского фронта.

После прорыва блокады жизнь в Ленинграде стала во всех отношениях гораздо легче, но все же город по-прежнему оставался фронтовым. Воздушные налеты производились теперь реже, но зато артобстрелы достигли небывалой силы и длились порой по десять—двенадцать часов подряд. Они стали как бы неотъемлемой частью городской жизни, привычной, но опасной и раздражающей помехой во всех повседневных делах. Пропуска выдавались отныне только на право хождения во время воздушной тревоги, а при артобстреле все, и военные и гражданские, обязаны были укрываться. За хождение под обстрелом полагался штраф в десять рублей. Зачастую приходилось выстаивать в каком-нибудь подъезде долгие часы. Многие с готовностью платили штраф и шли дальше, показывая квитанцию очередному милиционеру и произнося стереотипную фразу: «Я уже оштрафован!» Иногда это не помогало, и оштрафованного все же заставляли укрыться, но порой милиционер «входил в положение» и пропускал дальше, если, конечно, снаряды не ложились где-нибудь совсем поблизости. Артобстрелы уносили много человеческих жизней, разрушали здания. Я не раз видел страшные последствия обстрелов и пытался рассказать о них в ряде рисунков.

Несмотря на смертельную опасность, ежечасно угрожавшую каждому ленинградцу, город в целом уже не имел того трагического облика, который был ему присущ в первый год войны. Правда, к лету 1943 года улицы стали еще более малолюдны, днем на Невском на протяжении целого квартала можно было иногда заприметить всего несколько человек, но ведь в Ленинграде к тому времени остались только работоспособные люди, и каждый из них был занят на своем посту. Деловитость, подтянутость, дисциплина сказывались на всех сторонах ленинградской жизни—и в удивительной чистоте улиц, и в четкой работе аварийных бригад, быстро ликвидировавших последствия артобстрелов. Город, несмотря ни на что, работал и жил полнокровной, насыщенной жизнью.

Я понемногу продолжал работу над своей блокадной серией, включая в нее все новые сюжеты, стремясь передать специфические черты Ленинграда второго года войны.

Неслучайно все большее место в моей серии занимают образы ленинградских женщин. Их самоотверженный героический труд должен быть запечатлен! Совсем юные девушки из бригад МПВО бесстрашно тушили пожары, выносили раненых из разрушенных домов, разбирали завалы, ремонтировали дома. На заводах женщины выполняли самые тяжелые, казалось бы, чисто мужские работы, и не было тогда такого дела в Ленинграде, которого не вершили бы женские руки.

Летом 1943 года я часто встречался с художниками и с писателями. Заходил в ЛССХ, бывал и в «Астории», где жили многие деятели искусств, приданные армии и флоту, но не находившиеся на казарменном положении. Там я познакомился с А. А. Кроном, работавшим тогда над пьесой «Офицер флота», с Б. Бродянским, много писавшем о фронтовых художниках, с поэтом В. Б. Азаровым, портрет которого нарисовал. Виделся я там не раз и с художниками В. В. Морозовым и А. Н. Яр-Кравченко, служившими в авиационных частях. Яр-Кравченко вместе с Бродянским готовил альбом «Небо Балтики», а Морозов иллюстрировал книгу очерков Н. С. Тихонова «Ленинградский год».

Часто бывал я и в Исаакиевском соборе, где хранилось музейное имущество пригородных и некоторых ленинградских музеев. Здесь работала моя жена, и, приходя сюда, я попадал в крайне своеобразную обстановку.

На южном портике собора, отгороженном от площади высоким глухим забором, среди дворцовой мебели, ковров и драпировок, проветривавшихся днем на вольном воздухе, то тут, то там блестело золото петергофских статуй и переливалась парча старинных церковных риз. Здесь же музейные работники проверяли сохранность картин, переживших тяжелую зиму в надежном, но сыром подвале собора, и готовили лекции для воинских частей.

К этому времени относится моя работа над портретами для альбома «Небо Балтики».

В мае 1943 года открылась первая выставка художников-фронтовиков в Доме Красной Армии. Я принял в ней участие двумя вещами. Это были гуаши «Разведчики» и «Здесь прошел враг». Над последней вещью я много работал. В образе истерзанного врагами красноармейца, привязанного к одинокому дереву на берегу застывшего сурового моря, я пытался передать стойкость и героизм моряков Балтики.

Выставка была небольшой, но впечатляющей. Особенно запомнились мне тонкие и взволнованные ленинградские пейзажи Н. Е. Тимкова и выразительные работы А. И. Харшака.

Вскоре в Москве состоялось открытие всесоюзной выставки «Фронт и тыл». В ней были выставлены две мои гуаши «Огороды» и «Греются на солнце», написанные по непосредственным впечатлениям 1942 года.

В начале октября 1943 года началась подготовка большой выставки «Героическая оборона Ленинграда». Для нее было отведено вместительное помещение бывшего Соляного городка, и в работу включились почти все художники, архитекторы и музейные работники, находившиеся в городе.

Мне было поручено руководить оформлением отдела, посвященного Краснознаменному Балтийскому флоту. Сам я смог написать только два полотна (портрет снайпера Антонова и Шлиссельбургскую крепость), так как был по горло занят проектированием экспозиции отдела и организацией группы флотских художников. В нее включились С. С. Боим, Н. Е. Тимков, И. И. Ризнич, А. В. Трескин, Г. П. Татарников и ряд художников из флотской самодеятельности. Работа была трудной и кропотливой, выполнять ее приходилось в очень неблагоприятных условиях, так как художники несли немалые обязанности каждый в своей части, дислоцировались в разных местах, а мне приходилось координировать их деятельность и проверять по ходу дела все их работы. Я занят был тогда целые дни напролет.

Незабываемым событием для всех ленинградцев явилось снятие блокады. На улицах города-героя люди смеялись и плакали, обнимали и поздравляли друг друга. Вечером 27 января над Невой гремел салют и над городом, жившим в темноте уже третий год, рассыпались сверкающие огни фейерверка. Я был в это время на набережной и видел вокруг себя лица, озаренные глубокой, трепетной радостью, прекрасные лица людей, перенесших тяжелейшие испытания и не сломленных ими. Я счастлив, что видел их такими, и воспоминание о первом салюте на Неве никогда не изгладится в моей памяти.

Дальше события хлынули стремительным потоком. Я часто выезжал на корабли, продолжая напряженную работу по подготовке выставки. Она открылась 30 апреля 1944 года. Все, кто работал на ней, делали ее с любовью, и хотя приходилось очень спешить и многое представлялось нам самим далеко не совершенным, выставка—по общему признанию—производила в целом сильное впечатление.

К осени Политуправление КБФ перебазировалось в Таллин. Нас, художников, поместили на улице Харидуси в странном доме, чем-то напоминавшем корабль. Здесь обосновался Дом флота. Мне очень понравился Таллин — и своими узкими старинными улицами, и широким взморьем у Пириты, и великолепным парком Кадриорг. Мне удалось сделать много таллинских зарисовок, хотя наша основная работа — над плакатами и листовками — была в то время особенно интенсивной.

Иногда я приезжал в Ленинград — он был теперь неузнаваем. Его улицы стали вновь многолюдными, и по вечерам на них зажигались фонари. Повсюду разбирались укрепления. Город залечивал свои раны, дома застраивались лесами, и повсюду можно было встретить девушек МПВО в комбинезонах, с ведрами известкового раствора и кистями в руках.

В начале 1945 года я был направлен Пубалтом в творческую командировку для зарисовок на кораблях и в частях флота, расположенных на Балтике. Поездка была богата яркими впечатлениями, стремительно сменявшимися, как в калейдоскопе. Многое удалось мне тогда зафиксировать в беглых зарисовках и композиционных набросках. По разбитым войною дорогам, окаймленным начинавшими цвести деревьями, под щедрыми весенними дождями бурно стремился на запад поток наших войск. По пути вставали разрушенный Кенигсберг и маленькие городки—Гранц и Раушен, с остатками их провинциального тихого уклада, скомканного войной, с островерхими красными кирхами и аккуратными двухэтажными домиками.

Я зарисовывал и разрушенные заводы, и домики, крытые черепицей, и бронекатера на Висле, и выступления наших артистов под открытым небом, рисовал, пользуясь каждой остановкой, каждой свободной минутой. А вокруг котлом кипела дорога победоносного наступления, приближавшего конец ненавистной войны.

День великого праздника Победы застал нас в Гдыне. Это был день всеобщей радости, и мы праздновали его вместе с поляками на набережных древнего польского города, в котором каждый, кто имел оружие, стрелял в воздух, а ракеты освещали следы недавних уличных боев и затопленный у входа в порт фашистский броненосец. Но думал я тогда о Ленинграде и ленинградцах, жалея, что не довелось мне встретить этот великий праздник в родном городе с близкими сердцу людьми.

С тех пор прошли годы. Образам советских патриотов, героев Великой Отечественной войны я посвятил картины «Здравствуй, Ленинград», «Последняя граната», «Лиза Чайкина», «Отдых после боя (Василий Теркин)», «Пей, сынок, пей!» и много других произведений. Перед многим я остался в долгу, многое еще требует воплощения. И, видимо, к этой теме, теме героизма простого советского человека в годы Великой Отечественной войны, я еще не раз буду возвращаться в своих новых работах.

М. ПЛАТУНОВ

О МОЕЙ СЕРИИ «ЛЕНИНГРАД В БЛОКАДЕ»

Я художник, а не писатель, и потому надеюсь на снисхождение читателей к форме и стилю моего повествования.

То, о чем я буду говорить, нашло отражение в моих работах. Моя серия «Ленинград в блокаде» может служить как бы иллюстрацией ко всему тому, о чем я рассказываю.

Ленинград в годы Великой Отечественной войны подвергся страшным испытаниям. Все разрушительные силы, которыми располагали фашисты, были брошены на него, но он выдержал и голод, и холод, и артиллерийские обстрелы, и воздушные налеты, и пожары. Ленинградцы — голодные, измученные — самоотверженно защищали свой бессмертный город и умирали как герои на войне.

Голод — страшное мучение, выпавшее на долю жителей Ленинграда. Смерть не щадила никого: ни молодых, ни старых, ни женщин, ни детей. Холод также подкашивал силы. Из-за небывалых морозов и отсутствия топлива город производил впечатление насквозь промерзшего, безжизненного. Улицы кое-где оживлялись одинокими фигурами, бредущими в магазин за получением пайка или везущими на детских санках воду с Невы, так как водопровод не действовал.

На таких же санках, связанных по трое в длину, увозили умерших на кладбище. Иногда не хватало сил, и тогда тело дорогого человека приходилось оставлять на улице. Переулки, площади, дворы, лестницы были полны трупами, которые время от времени увозились на кладбище грузовыми машинами.

Измученным людям стоило больших трудов привезти или принести воду с Невы. На всю жизнь я запомнил молодую девушку с провалившимися глазами, худую, едва стоящую на ногах у опрокинувшихся санок с разлившейся из ведра водой и горько плачущую из-за постигшей ее беды. Как много было проявлено к ней участия, сколько успокаивающих ласковых слов услышала она от женщин, неизвестно откуда появившихся и окруживших ее. Когда кто-то привез девушке с Невы ведро воды, со слезами радости шопотом благодарила она за услугу, пряча в платок, укутавший ее голову, виноватую улыбку, вернее гримасу, напоминающую улыбку.

Все жители города в одинаковой степени испытывали ужасы голода, холода, обстрелов, пожаров, и это, очевидно, еще более сплачивало их. Кто был чуть посильнее, считал своим долгом оказать помощь более слабому. Измученные и исстрадавшиеся люди зачастую делились последними крохами, кто чем мог.

В доме, в котором я жил, нашлось всего двое мужчин, способных нести дежурство во время воздушных налетов — мне было тогда 56 лет и еще один товарищ постарше меня, но вскоре умер. Днем и ночью во время тревог мы дежурили на чердаке, видели, как

в разных частях города возникали пожары от зажигательных бомб, как горели Американские горы в саду Народного дома, освещая весь город зловещим заревом. Во время этого дежурства упала зажигательная бомба и на наш чердак.

В начале сентября 1941 года днем, часа в четыре, громадное, черное, зловещее облако поднялось над городом. Это горели продовольственные склады. Зарево пожара было видно и ночью. Необычное освещение делало город своеобразно красивым. В серии «Ленинград в блокаде» этот пожар мною запечатлен.

Жизнь города с каждым днем все более и более замирала. Ночные налеты и артиллерийские обстрелы не прекращались.

Ленинградский Совет предложил художникам отобразить блокадную жизнь города и ее героику. Нам были выданы особые разрешения на право работы в любом месте города и беспрепятственное передвижение по улицам в любое время. Однако очень немногие могли приняться за эту работу. Некоторые к этому времени уже погибли от обстрелов и голода, другие уехали на фронт и воевали с оружием в руках, третьи были больны и не в состоянии двигаться.

ЛССХу иногда удавалось доставать для членов Союза кое-какое продовольствие, а в феврале 1942 года были получены пайки от Ленсовета.

Встречаясь в помещении Союза, мы порой с трудом узнавали друг друга, так изменился наш внешний облик. Собравшись, грелись у «буржуйки». Подрамники, картины, холсты шли на дрова. А при следующей встрече всегда кого-нибудь не хватало; причина одна — болезнь, смерть.

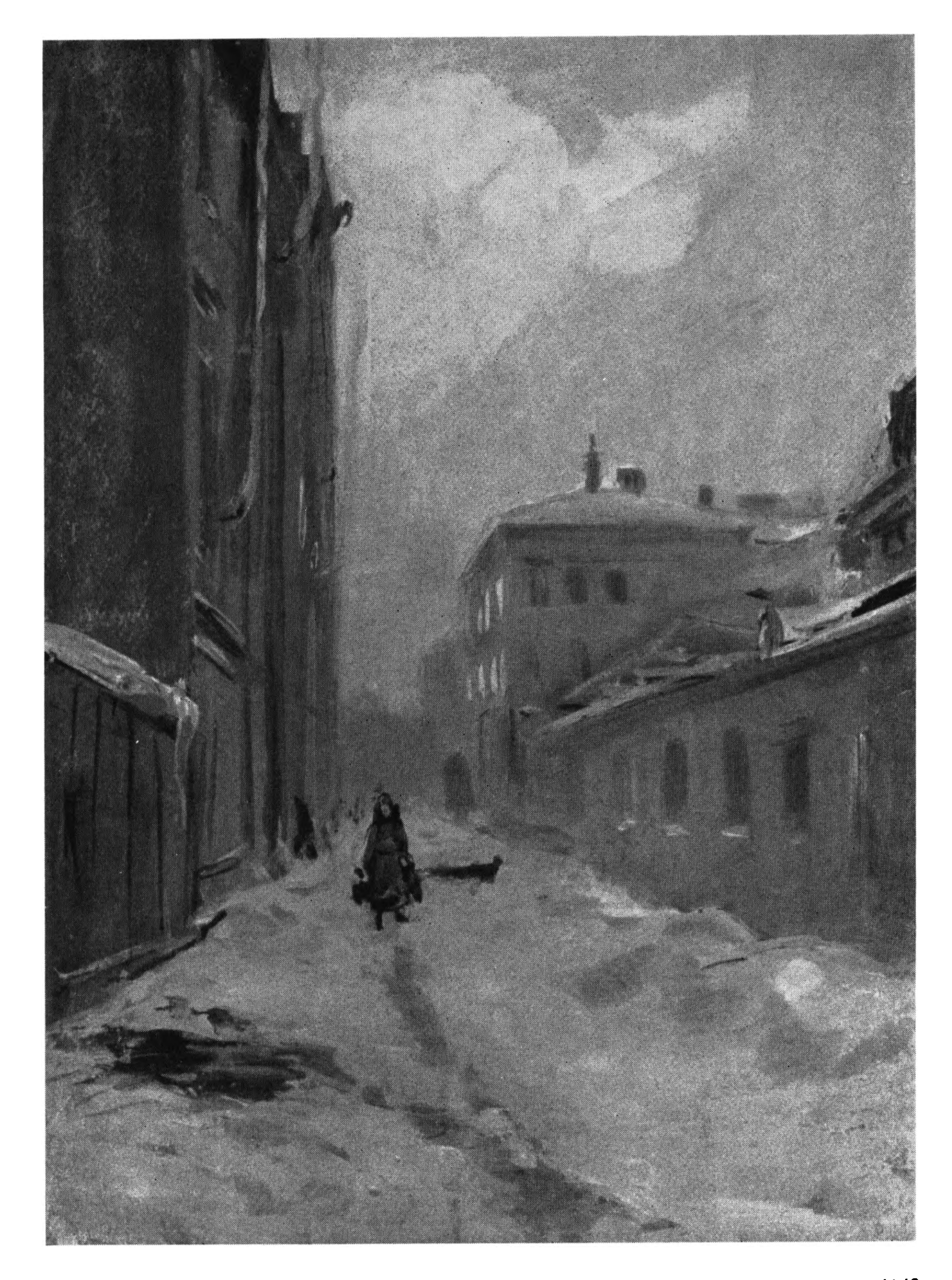
Силы с каждым днем все иссякали. Ходить по городу в поисках материала и впечатлений при отсутствии транспорта было очень трудно. Трамваи, троллейбусы, автобусы стояли на пути своего обычного следования, застрявшие в снежных сугробах. Я только и мог ходить от квартиры на Васильевском острове до Союза художников и обратно.

Работу мне затруднял мороз. Часто приходилось ограничиваться только рисунком с натуры, записями, сделанными на его полях в повествовательной форме, и впечатлениями, а продолжать работу уже дома, где все-таки было чуть потеплее, чем на улице. Вся серия, около ста пятидесяти рисунков, исполнена мною таким образом в технике гуаши.

До отъезда я все время работал над серией «Ленинград в блокаде». Тему эту я предполагал широко развить, мне хотелось изобразить быт и жизнь ленинградцев, оборону города и самый город. Что же он представлял собою в дни блокады?

Притаившись во тьме и насторожившись, Ленинград готов был в любую минуту защитить себя. Он был торжественно грозен, несмотря на обстрелы, пожары, налеты.

Город не чувствовал себя обреченным, хотя испытывал все ужасы войны. Он мною изображен и в осенние дни, и зимой — засыпанный снегом, насквозь промерзший, затемненный во время ночных налетов, пожаров, тревог. Изображая его таким, легко было впасть в ошибку, приговорив его к гибели, но (судя по отзывам зрителей и художников в Москве и Ленинграде) мне удалось избежать этой ошибки, и я рад, что моя серия не производит впечатления обреченности, а, наоборот, полна оптимизма.

М. Платунов. Соловьевский переулок. 1942

М. Платунов. Обстрел. 1942

Я уже говорил, что серия создавалась мною на основе рисунков, сделанных с натуры, и впечатлений. К этому методу я прибегал не только потому, что отсутствовали мало-мальски подходящие условия для длительной работы с натуры: холод постоянно сковывал мои руки и все мое тело. Обилие быстро меняющихся мотивов вызывало желание не упустить ни одного из них, занести в свой альбом хотя бы в виде беглого наброска, рисунка, записи, а то и просто зафиксировать в памяти. Так я и поступал. Все мотивы, которые я впоследствии изображал, я черпал из своей памяти и, опуская второстепенные детали, стремился главным образом к тому, чтобы передать состояние городского мотива, его содержание, свой замысел. Наблюдая жизнь, художник, как правило, запоминает главное, суть того, что его интересует; вполне естественно, что некоторые детали при этом выпадают.

Возвратившись домой, я сразу же садился у окна, где посветлее, и под свежим впечатлением выполнял работу в цвете. Я не сразу нашел материал и технику, которые вполне отвечали бы содержанию. Самым подходящим материалом оказалась гуашь с ее матовой и бархатистой поверхностью, в которой легче добиться тональности, присущей городу.

Чувство, волнующая тема и желание были моими помощниками в работе, а холод, голод и слезы — спутниками.

В январе 1942 года в малом зале Союза художников была устроена выставка произведений, исполненных группой художников в минувшие месяцы войны. Посетителей на этой выставке было очень мало, да и в тех необычных условиях рассчитывать на большее не приходилось.

Выставка оказалась очень интересной, она пробудила в нас новые силы, вызвала страстное желание создавать произведения, которые явились бы и художественными, и историческими документами героической истории Ленинграда в годы Великой Отечественной войны.

Ленинградский Совет проявил в это тяжелое время особую заботу о художниках.

В начале февраля 1942 года нас, троих художников — Я. С. Николаева, Г. Н. Бибикова и меня, — направили на излечение в диспансер. Николаев и я представляли собой фигуры вне всякого объема и едва держались на ногах, третий же — Бибиков, не производил такого унылого впечатления, стоял на ногах более твердо и даже помогал нам обоим по пути в лечебницу, поддерживая нас под руки.

Вскоре меня поместили в хороший диспансер (в гостинице «Астория»), но ни уход, ни питание не восстанавливали сил. Я настолько ослабел, что, не кончив лечения, по предложению Ленсовета и Союза художников, был срочно эвакуирован из Ленинграда. 9 марта 1942 года мы с женой выехали в город Йошкар-Ола Марийской АССР.

В эвакуации, располагая значительным материалом, я продолжал свою работу почти в течение года, до самого своего отъезда в Москву, куда я был вызван для показа серии в Комитете по делам искусств и художественной общественности столицы.

Пятьдесят моих вещей разных размеров были приобретены Комитетом. Серия таким образом была разрознена, и я решил восстановить ее, чтобы сохранить ее единство. В течение трех лет (1944—1946) я работал над новой серией, которую показал Ленинграду в 1947 году, затем — на Московской промышленной выставке и, наконец, в 1959 году на юбилейной выставке в Академии художеств СССР.

Л. РОНЧЕВСКАЯ

ИЗ ПЕРЕЖИТОГО

Одним из первых незабываемых впечатлений начала войны явилась для меня эвакуация Эрмитажа и Русского музея.

Когда стало известно, что предстоит эвакуация из Ленинграда музейных ценностей, десятки и сотни художников по собственному почину пришли в музеи с предложением участвовать в снятии и упаковке произведений искусства. Реставратор Русского музея Т. И. Дец организовал из нескольких художников бригаду по снятию картин. Он в течение одного дня научил нас наматывать на валы большие полотна. На следующий день мы делали работу, которую раньше имели право производить только многоопытные реставраторы. Но время не ждало, и сроки были даны кратчайшие.

Когда в Русском музее работы были завершены, мы перешли в Эрмитаж.

Привычные представления о хорошо известных картинах в эти дни иногда решительно менялись. Лежавшие на полу полотна, лишенные золотых рам, неожиданно оказывались необычайно современными по технике. Помню, в Эрмитаже я как-то увидела отогнутый угол свернутой в рулон картины. Она меня поразила силой импрессионистического наложения красок. Видна была только нога и плиты пола. Это оказался Тинторетто.

Когда мы пришли в Эрмитаж, там кишел людской муравейник. Работали художники и искусствоведы; отряды моряков в белых робах перевозили скульптуру. Мимо нас пронесли античные вазы. Здесь я впервые ощутила то чувство локтя, то дружеское единение людей самых разных профессий, которое потом стало для блокадников столь привычным.

После эвакуации музеев потянулись бесконечные дежурства на крышах в жаркие ночи лета 1941 года. Но и здесь мы увидели наш город по-новому. Никто никогда еще не видел его таким. Розовое море крыш, дали залива, небо в аэростатах. Видно было, как работают наши верхолазы-альпинисты, коммуфлируя шпили и купола.

В то время я поступила на курсы медсестер. Происходя из медицинской семьи, я легко разбиралась в лекарствах, да и некоторые навыки по уходу за больными у меня были. Кончить курсы мне, однако, не довелось. Меня отправили на практику в Куйбышевскую больницу на Литейном.

Одно из моих первых дежурств выпало на ту страшную ночь, когда прямым попаданием бомб были разрушены два корпуса этой больницы и уцелело только терапевтическое отделение. Фашистские изверги специально бомбили госпитали. Видимо, я держалась достаточно хладнокровно, и на следующий день старшая сестра потребовала моего перевода на постоянную работу, так как сестер не хватало.

В бомбоубежище этого госпиталя раненые в течение длительных воздушных тревог читали вслух детям, сбегавшимся сюда во время бомбежек. Малыши спали, а старшие,

сидя на чемоданах, слушали с большим интересом. Это был живой материал для моих первых рисунков ленинградской серии.

Зимой меня перевели во вновь открытый стационар для гражданских, помещавшийся во Дворце пионеров. Все это время с трудом удавалось делать зарисовки в блокноте. Только спустя два года эти беглые наметки приобрели некоторую форму.

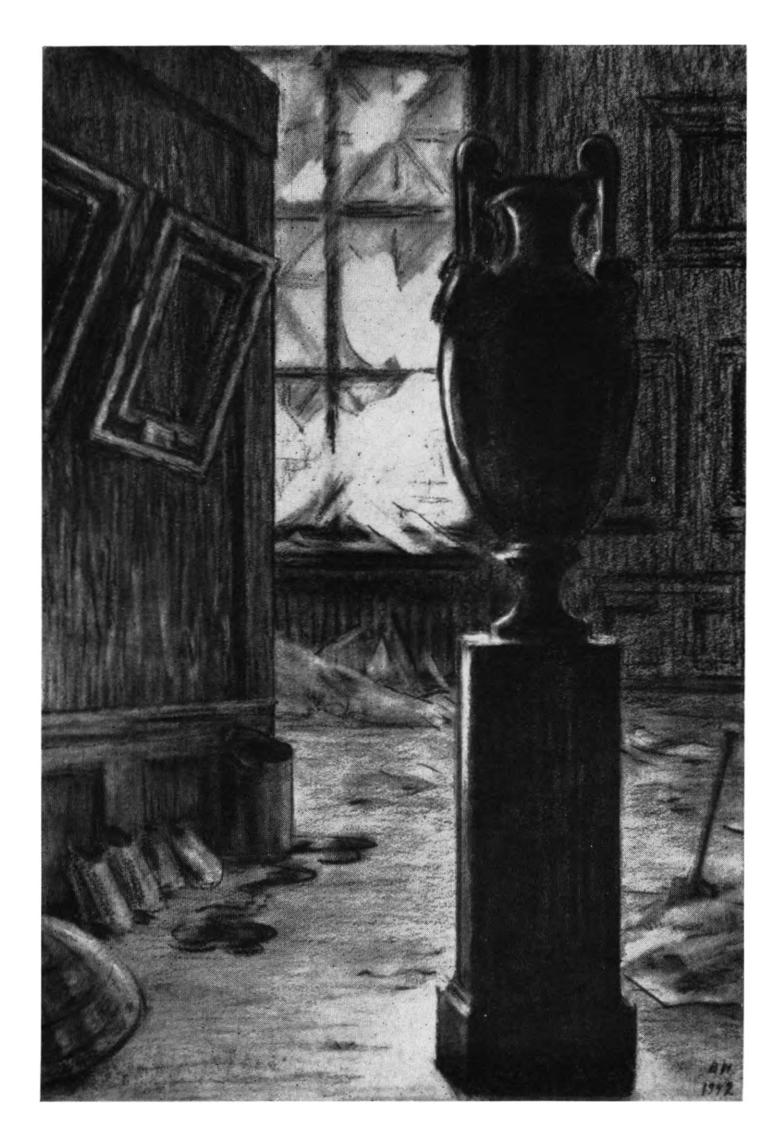
Период моей работы во Дворце пионеров, зима 1941/42 года, был тягчайшим в истории блокады. Дежурства мы несли суточные. Самым тяжелым для нас, медсестер, временем была ночь. О еде было запрещено говорить. Но нас постоянно мучил не только голод, но и холод. Все окна были наглухо забиты досками, чтобы во время бомбежек избежать ранений от стекла, так что и днем во Дворце царил полумрак. С трех часов дня мы уже ходили с мигалками в руках по темным коридорам. Ночью, во время обхода, меня поражала игра света на заиндевевших колоннах и на таблице Менделеева, покрытой изморозью в самой большой нашей палате — зале химии Дворца пионеров.

С февраля мне пришлось перейти в госпиталь на 8-й Советской улице, а с весны выяснилось, что осажденному городу и армии нужны художники, и в этом было что-то необычайное, нас поднимающее. Художников... искали!

Дом Красной Армии в это время был центром наглядной агитации. Здесь в мастерской художников выпускались стенгазеты, подборки для выставок, плакаты, исполнялись рисунки на темы о фашистских зверствах, о партизанском движении. За всеми этими материалами сюда приезжали из воинских частей с разных концов фронта. Мастерская не успевала выполнять заказы. Сроки давались короткие, военные.

Художники непосредственно подчинялись начальнику Дома Красной Армии Лазареву, о котором у всех нас остались самые светлые воспоминания.

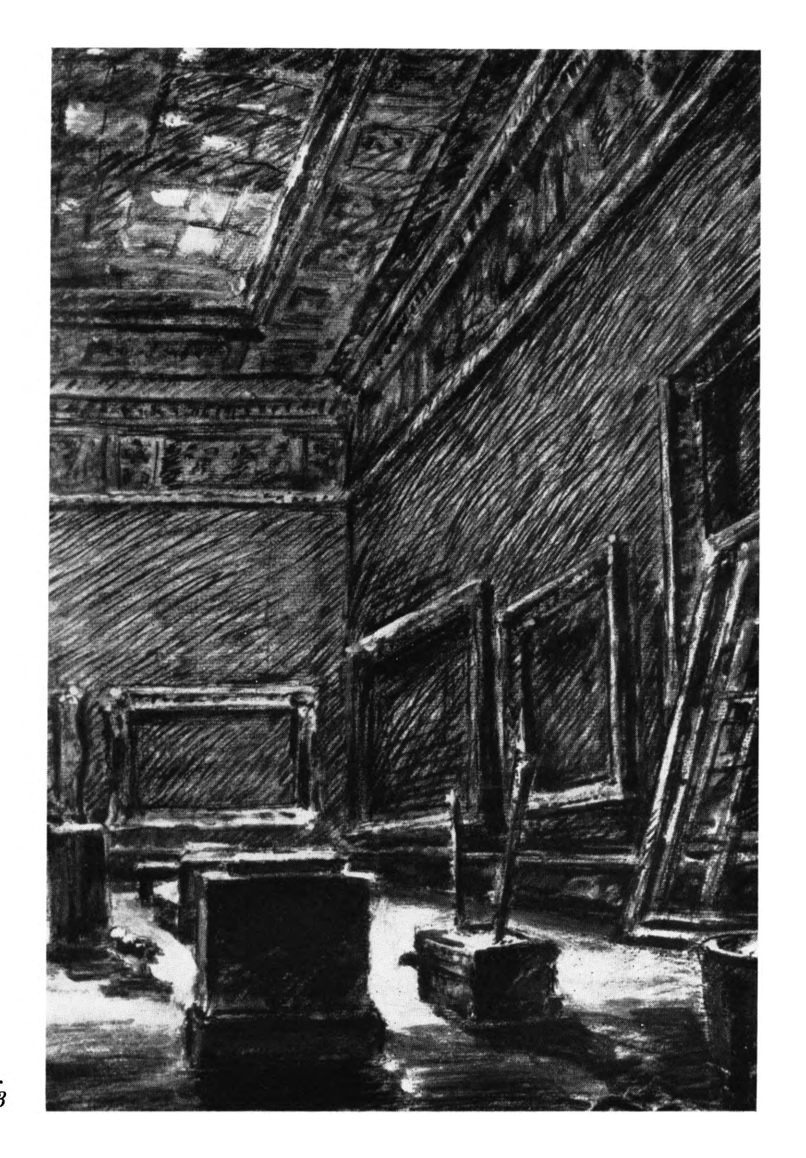
Осенью 1942 года было решено приводить к торжественной присяге курсантов военных училищ на могилах великих полководцев, погребенных в Ленинграде. В связи с этим было приказано срочно привести в порядок и соответственно оформить могилы Александра Невского и Суворова в Лавре, Кутузова — в Казанском соборе. Мне с бригадой было поручено оформить могилу Александра Невского. Было уже очень холодно. Немцы ожесточенно бомбили кладбища Александро-Невской лавры, так как здесь стояли мощные зенитные установки. Для работы нам отвели здание надвратной церкви, выходящей на Красную площадь (ныне площадь Александра Невского). В Лавру была доставлена машина шелкового трикотажа, голубого и алого, чтобы можно было подобающим образом украсить могилы и задрапировать их. Это было роскошью, так как уже давно из-за отсутствия красителей в Ленинграде выпускались только белые ткани. Нам предоставили в неограниченном количестве и керосин (электричества не было). Работать приходилось днями и ночами, еду нам привозили прямо в Лавру. Был сделан большой бюст Александра Невского, саркофаг задрапирован голубым и алым трикотажем, висели флаги в форме хоругвий, в люнеты собора были вставлены полукруглые панно, исполненные гризайлью — изображение Невской битвы и битвы на Чудском озере. Главным художником был Н. М. Суетин. Работа над этим оформлением доставила нам огромное удовлетворение.

В. Милютина.
Разрушения в Эрмитаже. 1942

С зимы 1942/43 года началась моя шефская работа у летчиков. Многие художники работали в ту пору в подразделениях Красной Армии, в госпиталях, на аэродромах. Мне пришлось проработать около двух лет на второй авиаремонтной базе, где комиссаром был К. И. Цал, а начальником Н. К. Крылов.

Сражения за небо Ленинграда не утихали ни днем, ни ночью, и наша авиаремонтная база работала с полной нагрузкой. Постоянно сменяющийся поток машин новых и все более совершенных конструкций, непрестанные прибытия и отбытия летчиков и бортмехаников,

В. Кучумов.
Зал Русского музея. 1943

картины ночных ремонтов истребителей в темных ангарах — все это давало замечательный материал для художника, но времени хватало только на зарисовки. Работали мы с семи утра до двенадцати ночи, а нередко нас будили и ночью, когда нужно было сделать по трафарету гвардейский значок на машине, которая пришла вечером израненная, ночью ремонтировалась, а с рассветом должна была снова идти в бой.

Вскоре нам пришлось перейти на казарменное положение: ходить домой было слишком долго и опасно.

В пустом ангаре мы создали, по указанию комиссара, что называется «на ровном месте», настоящий клуб — с картинами, панно, постоянными стендами для выставок, сценой и т. д. В этом клубе проводились все торжества, все собрания, политработа и учеба. Сколько нужно было оптимизма, уверенности в победе, убежденности в роли и значении наглядной агитации для того, чтобы в осажденном городе, да притом почти что на аэродроме, заново создавать такой «Дом культуры»!

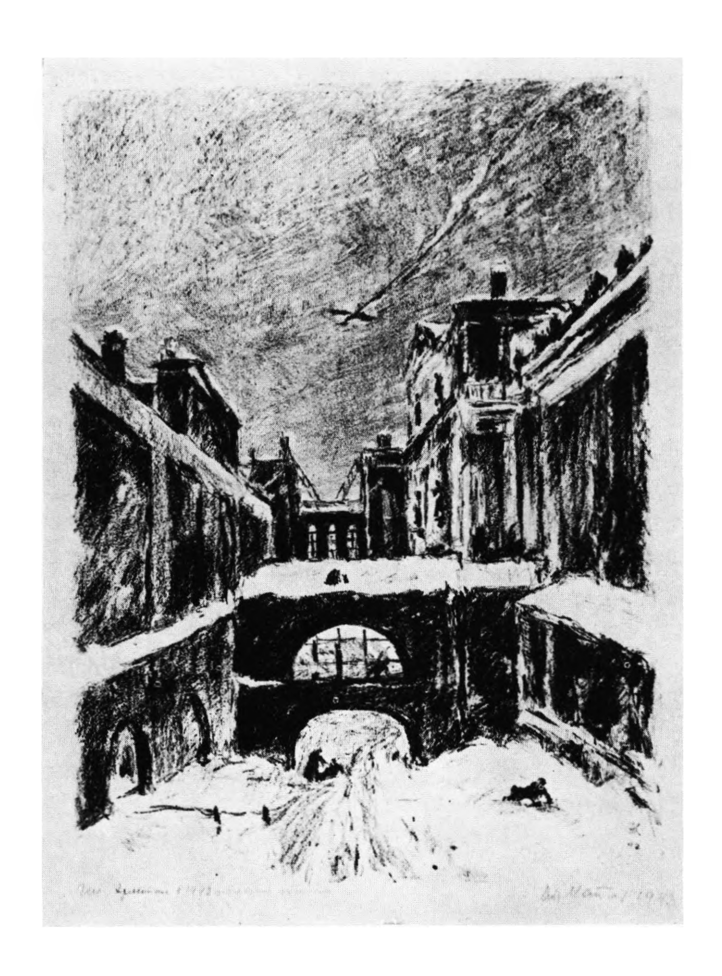
Помню, как наш комиссар, все тот же «легендарный Цал» (как мы его сейчас называем) в дни тяжелых отступлений дал приказ — выполнить за четыре дня «копию» с картины Сурикова «Переход Суворова через Альпы». Намечалась какая-то конференция начсостава, и за остававшиеся до нее четыре дня «копия» действительно была выполнена в размере 2×3 метра на авиационной фанере — частично с репродукции (да простит мне Суриков!) и частично на память. Ведь оригинал путешествовал в то время в Сибири!

Припоминаю эпизод, связанный с работой на базе и характеризующий отношения Цала к своим подчиненным. В середине зимы 1942/43 года я как-то получила увольнительную домой, но в ту самую ночь, когда я с удовольствием отсыпалась на собственной кровати, наш район подвергся сильной бомбежке. Решив хоть поесть чего-нибудь, я стала рубить дрова для печурки. Дровами должны были мне послужить стулья чертовски прочной работы. Рубить их следовало умеючи и на свежую голову,— словом, не в том состоянии, в котором я была. Одна из ножек, отскочив, рассекла мне бровь. Все лицо залило кровью. С перебинтованной головой идти на работу в часть было невозможно, и я осталась дома. На третий день ко мне ворвалась наша завклубом — младший лейтенант Аня (ее фамилии сейчас не помню) с десятидневным пайком для меня. Оказывается, комиссар послал ее на машине искать художника по госпиталям пострадавшего района и передать мне паек, чтобы побыстрей поправлялась. Помнится, я постыдилась тогда сказать о происхождении моей «раны». Дело, конечно, не в этом пустяковом эпизоде, а в том внимании, каким окружала армия работавших у нее художников, и в том чувстве своей необходимости, которое мы в дни войны постоянно испытывали.

Летом 1943 года ряд художников был откомандирован обкомом партии на торф. Вместе с художником Е. М. Афанасьевой мы были направлены на торфоразработки в район станции Рахья. После блокадного Ленинграда и постоянных обстрелов царившая здесь тишина, хотя и была весьма относительной (воздушные бои за небо Ленинграда велись непрестанно), все же казалась нам какой-то нереальной.

Мы работали по двенадцать часов в сутки, но чувствовали себя как солдаты, прибывшие в отпуск с фронта.

Для нас и здесь оказался непочатый край работы. В то время на торфе — единственном источнике топлива, сохранившемся у осажденного города, — работали все студенты оставшихся в Ленинграде высших учебных заведений и представители всех учреждений города. Здесь можно было встретить людей самых разных профессий — от домохозяек и работниц до балерин и научных сотрудников. В основном тут были молодые женщины, загорелые до темной бронзы, как на курорте. Вечером, направляясь в клуб, они сменяли

А. Каплун.
У Эрмитажа во время обстрела. 1942

спецодежду землекопов на свои довоенные девичьи наряды, и узнать их уже было невозможно.

Единственным большим зданием в Рахье являлся клуб — деревянный дом с резьбой на коньках и наличниках, бывший до революции не то трактиром, не то домом управляющего разработками. От Рахьи до Синявинских болот — неприступной оборонной линии Ленинградского фронта — было по прямой около пятидесяти километров. Звуки боев до нас, конечно, не долетали, но стекла клуба дрожали и звенели круглые сутки от артиллерийских залпов, а ночью весь горизонт пылал багровым заревом.

Здесь, на станции Рахья, мы наблюдали беспрерывные бои за небо над городом Ленина. Окрестное население от мала до велика участвовало в оцеплении лесов и рощ, куда приземлялся на парашюте сбитый летчик — наш или не наш, — это в путанице воздушного боя часто трудно было определить. В этих облавах участвовали и неустрашимые подростки от семи лет, и древние бабки.

На торфе мы делали все — стенгазеты, портреты передовиков, даже помнится, какие-то декорации. Е. М. Афанасьева писала свои безупречные шрифты на фанере так же высокопрофессионально, как в былое время на листах ватмана.

Кормили нас обильно, и нашей зарплатой был хлеб — валюта Ленинграда. Мы даже могли слегка подкармливать своих близких. Когда один из нас ездил в Ленинград отвозить сэкономленный хлеб, другой с замиранием сердца ходил вечером его встречать к прибытию поезда. В то лето обстрелы ленинградских улиц были особенно кровавыми, и всегда могло случиться, что товарищ вовсе не возвратится. Часто поезда вообще не шли из города или в город, приходилось добираться до Ленинграда через Всеволожскую на попутных машинах.

Своеобразен был пейзаж и быт этих «дорог войны» с их подтянутыми девушками-регулировщицами на перекрестках, с машинами любых марок и назначений, спешащих обратно в осажденный Ленинград. Если вы «голосовали», стоя на дороге, то любая машина, вплоть до генеральской, брала вас без каких-либо расспросов и доставляла в город, куда надо: в кипевший от разрывов, как котел, Ленинград зря никто не ехал.

В. ИВАНОВ

СТРАНИЦЫ НЕЗАБЫВАЕМОГО

В январский день суровой, военной зимы 1943 года мне, тогда лейтенанту инженерных войск, командованием было приказано прибыть в осажденный Ленинград для выполнения необычного и удивительного, в обстановке тех дней, задания.

Мне поручалось сделать художественное оформление пьесы И. В. Бахтерева и В. А. Разумовского «Полководец Суворов» для театрального агитвзвода при Ленинградском Доме Красной Армии и Военно-Морского Флота имени С. М. Кирова. Легко понять мою радость от предстоящей возможности хоть на короткий срок вернуться к любимому занятию, взять в руку кисть, побывать в родном городе, увидеть друзей по театру.

Прибыв по назначению, я встретился с постановщиком спектакля режиссером В. Н. Лебедевым и узнал, что большой коллектив ленинградских артистов (преимущественно добровольцев из народного ополчения) сформирован в агитвзвод при Доме Красной Армии и Флота для выступлений в войсках Ленинградского фронта. Ко Дню Советской Армии коллектив будет готовить большой патриотический спектакль.

Мне предстояло написать эскизы декораций, костюмов и бутафории, раздобыть в блокированном городе необходимые для постановки материалы, найти специалистов для выполнения всех работ, а это было особенно трудно, так как все ленинградские театры (за исключением Музкомедии) были эвакуированы в глубокий тыл.

Но вскоре выяснилось, что небольшая группа работников мастерских Театра имени С. М. Кирова осталась в городе, несет оборонную вахту и бережно охраняет оставшееся имущество театра, а возглавляет группу прекрасный специалист и милейший человек, художник-скульптор театра С. А. Евсеев. Эти замечательные люди, физически очень истощенные, с необыкновенной энергией и любовью взялись за работу над спектаклем и выполнили ее превосходно.

Постановочный план спектакля мы заранее решили. Оформление было основано на простой системе меняющихся декоративных ширм и живописных задников. Весь спектакль заключался в парадную раму портала с воинскими доспехами и специально сшитым для спектакля занавесом.

Настало время писать эскизы, однако в моей полевой сумке не было ничего необходимого для этой цели, а купить было негде. И только основательно обследовав свою заброшенную и поврежденную артобстрелом комнату, я нашел там чудом сохранившийся этюдник с красками и кистями.

С таким «трофеем» можно было возвращаться в агитвзвод и приступать к своему делу — писать эскизы, изучать исторические материалы. В этой связи не могу забыть помощи, оказанной мне сотрудниками театральной библиотеки на улице Росси. В жестоких

С. Мочалов. Зенитки на набережной. **1942**

условиях блокады они бережно сохраняли ценнейшие альбомы постановочного отдела и ослабевшими руками подобрали превосходные материалы по историческому военному костюму и оружию.

Закипела работа. На основании документов мне был предоставлен широкий выбор материалов для постановки из кладовых Театра имени С. М. Кирова. Тогда это, как и многое другое, казалось мне сказкой, но не в сказке, а наяву актеры сами строили декорации, а вся женская половина агитвзвода днем и ночью кроила и шила костюмы и апплицировала декорации, готовились парики и гримы, не в сказке, а под реальной крышей дома на улице Салтыкова-Щедрина писал я занавесы к «Измаилу» и «Переходу через Альпы».

Огромную радость и прилив новых сил принесло нам замечательное событие — 18 января 1943 года войска Ленинградского и Волховского фронтов соединились! Кольцо прорвано! Окончательная победа близка! Ленинградские поэты рассказывали об этом событии вдохновенно и прекрасно...

Настал долгожданный вечер премьеры.

Вспоминается зрительный зал Дома Красной Армии в полном блеске сверкающих люстр. В креслах — воины нашего Ленинградского фронта. Высшее командование одето в новую, недавно утвержденную парадную форму. В зале много взволнованных, заметно похудевших ленинградцев в гражданском. Это — воины нашей ленинградской оборонной промышленности. Женщины в военном, женщины в гражданском.

Улыбки, рукопожатия. Поздравления. Сегодня здесь все, как в обычный праздничный вечер далеких мирных дней. И это чувствует каждый.

И кажется — нет больше за высокими окнами зала ни заснеженных и темных улиц осажденного города, ни тревожного, отдаленного гула вражеского обстрела...

Спектакль начинается. Медленно гаснут люстры... Под мощные звуки торжественной увертюры П. И. Чайковского «1812 год» в исполнении духового оркестра Ленинградского гарнизона открывается сцена. На ней — сверкающий золотистым атласом занавес. В центре его—скрещенные знамена. Одно—бело-голубое, боевое, суворовское, пробитое пулями давних сражений. Другое — наше, советское, гвардейское, алое.

На авансцену четким шагом выходит солдат. Остановился в центре. Он в плащпалатке, в каске, с автоматом на груди. Простой и мужественный. Смолкают звуки увертюры...

Неожиданно и звонко зазвучала труба: «Слушайте все»! И заговорил солдат. Крылатыми птицами полетели в зал взволнованные стихи поэта М. Дудина о трудном и славном пути русского солдата, о скорой грядущей победе. И стал тогда всем еще дороже и ближе суровый и мужественный образ советского воина. Герой уходит со сцены под гром рукоплесканий...

Так рождался «Полководец Суворов», так начинался спектакль.

Те из ленинградцев, кому удалось видеть его в ту грозную пору, думается, будут вспоминать о нем с самыми теплыми чувствами.

Итак, приказ выполнен. Простившись с друзьями, я возвращался в свою часть...

Иду по израненным улицам родного города... Холодный февральский ветер треплет расклеенные на стенах афиши: «Дом Красной Армии и Флота имени С. М. Кирова. Сегодня и завтра «Полководец Суворов»... Слышу отдаленные разрывы снарядов у Литейного моста... Но на улицах спокойно. Я уверен — и сегодня и не раз еще пойдет «Полководец Суворов» в любимом городе. Город жив. Он победит.

Теперь, спустя почти тридцать лет, я держу в руках пожелтевший листок программки этого спектакля — и живо вспоминаю незабываемое.

А. ОСТРОУМОВА-ЛЕБЕДЕВА

ИЗ ДНЕВНИКА

21 июля 1941 г.

...До сих пор ни одна бомба не упала на Ленинград, хотя тревоги бывают часто. Сегодня ночью тревога была в половине первого, вторая—в половине пятого. Я проснулась, и так как сильно стреляли зенитные орудия, то заснуть снова уже не могла. Оделась и вышла во двор посидеть на скамеечке. Было очень рано, часов пять утра. Небо ясное. Солнце еще не освещало зданий города, но ярко блестело на аэростатах, которые в огромном количестве усеивали небо. Они, как серебряные корабли, плавали в нежно-голубом эфире. Тросы не были видны, и, казалось, аэростаты свободно парят в небе...

23 июля

...Умерла известный художник Елизавета Сергеевна Кругликова — мой друг, дорогой и верный. Какая для меня потеря! 22 июля мы хоронили ее на Волковом кладбище. Собралось много народа. Говорили прощальные слова В. П. Белкин, А. А. Брянцев и другие. И вдруг раздалась воздушная тревога. И было так странно: открытый гроб с покойницей, освещенный заходящим солнцем. Вокруг большая группа народа. Кругом зелено, ярко. Прозрачное небо. И надо всем этим завывание сирен и тревожные, громкие гудки заводов и фабрик. Над головой шум моторов летающих самолетов. Было грустно и тяжело.

31 августа

...Тяжело переживаю несчастье моей Родины и моего народа. Остро болею душой. Так и полетела бы в самую гущу, чтобы принять удары и на себя. Кажется, мне легче было бы тогда. А то сидишь копной — немощной и никуда негодной. Физическая оболочка уже износилась, а душа жаждет подвига, работы.

Жуткое время сейчас. Страшно жить и в то же время хочется жить.

16 ноября

...Я всем существом своим, умом, душой и сердцем сознаю, что нам сдавать Ленинград нельзя. Погибнуть, но не сдаваться!

Голод. Ведь подумать только, что заключается в этом слове, сколько драм, сколько страданий, сколько безвестных смертей!

Мне жаль смотреть на моих племянников Петю и Бобу. Они, как бумага, бледные, худые. День ото дня становятся апатичнее и угнетеннее.

Поражает количество покойников, которых везут по городу по всем направлениям, на телегах или просто на детских салазках. Не видно за ними провожающих: редко один, два человека.

9 декабря

...Мы сидим без электричества вот уже пятый день. Сейчас самые короткие дни в году. Только около десяти часов появляется дневной свет, а в половине третьего уже начинает темнеть. Даже коптилки нельзя употреблять — в них нечего наливать. Мы иногда много часов подряд сидим все вместе в темноте, а то и в одиночку, кто лежит, кто ходит по темной комнате.

Это невероятно угнетающе действует на настроение, на психику человека.

17 декабря

...Сегодня опять большая радость — наши воины отбили у врага г. Калинин и несколько других городов.

Теперь уж наверное мы отстоим Ленинград. Может, я до этого и не доживу, но об этом не горюю. Мысль, что в Ленинград фашисты не войдут, что его улицы и площади не будут осквернены их присутствием, что они не будут грабить наш Эрмитаж и музеи, эта мысль мне дает такую радость, которую трудно передать словами.

1942

1 января

...Едим столярный клей. Ничего. Схватывает иногда нервная судорога от отвращения, но я думаю, что это от излишнего воображения. Он, этот студень, не противен, если положить в него корицу или лавровый лист. Едим рыбий клей и варим щи из лечебной беломорской капусты.

Советский человек даже в страшных условиях блокады находит силы бороться со всеми невзгодами. Его бесстрашие, отвага, способность к сопротивлению — поразительные...

17 января

...Часто ночью, а иногда и днем мне вдруг покажется, что окружающая меня действительная, реальная жизнь есть только страшный сон, наполненный кошмарными видениями. Так неприемлема действительность!..

Какой нормальный, не сумасшедший человек за несколько лет до этого мог предположить, что когда-нибудь Ленинград будет переживать такие тяжелые испытания; будет в непроницаемой блокаде, многие дома и здания будут уничтожены бомбами и снарядами, жители его тысячами будут искалечены и убиты, будут умирать от голода, что в городе не будет дров, воды и электричества. Кто мог предположить, что наш прекрасный город будет претерпевать такие ужасы? Но безумие Гитлера не имеет границ. Он посягнул на наш прекрасный город, а мы не может отдать его. Не можем и не должны!

20 января

...Под вечер стук во входную дверь. Входит женщина в белом халате поверх шубы и вносит ящик, наполненный продуктами. Она их выложила на стол. Это были: сливочное

масло 400 г., мяса 500 г., мука 2 кг., горох 400 г. и сахар 400 г. Можете себе представить, как мы все были этим довольны, как обрадованы. Нам можно будет немного отдохнуть от наших суррогатов.

Это товарищ Жданов принял во внимание мой возраст и распорядился прислать продукты на дом.

20 февраля

...Вчера вечером после долгого перерыва была воздушная тревога. Завыла сирена. И такая тоска охватила мою душу, и сердце замерло. К этому привыкнуть нельзя. Воздушная бомбежка так случайно, так бессмысленно приносит гибель людям, разрушает и давит постройки.

Умер от истощения Иван Яковлевич Билибин, наш замечательный график, иллюстратор и стилист. Ни один из художников не сумел так почувствовать и воспринять русское народное искусство, которое широко распространялось и цвело среди нашего русского народа. Иван Яковлевич его любил, изучал, претворял его в своих прекрасных графических произведениях.

Подробностей его смерти не знаю, только слышала, что последнее время он жил в подвале Академии художеств, так как его квартира от бомбежки стала нежилой...

22 февраля

...Вчера и сегодня гуляла. Стоит сильный мороз. Яркое солнце блестит на выпавшем снегу, сверкает тысячами искр на оградах, на заборах, на малейших выступах. Деревья, покрытые инеем, удивительно нежно рисуются на ярко-голубом небе необыкновенной чистоты и прозрачности. Иногда деревья своими вершинами в инее, освещенные солнцем, очень выпукло выделяются на синем небесном фоне. А когда ветви деревьев в тени, тогда они серебристо-холодными тонами почти сливаются с небесной синевой.

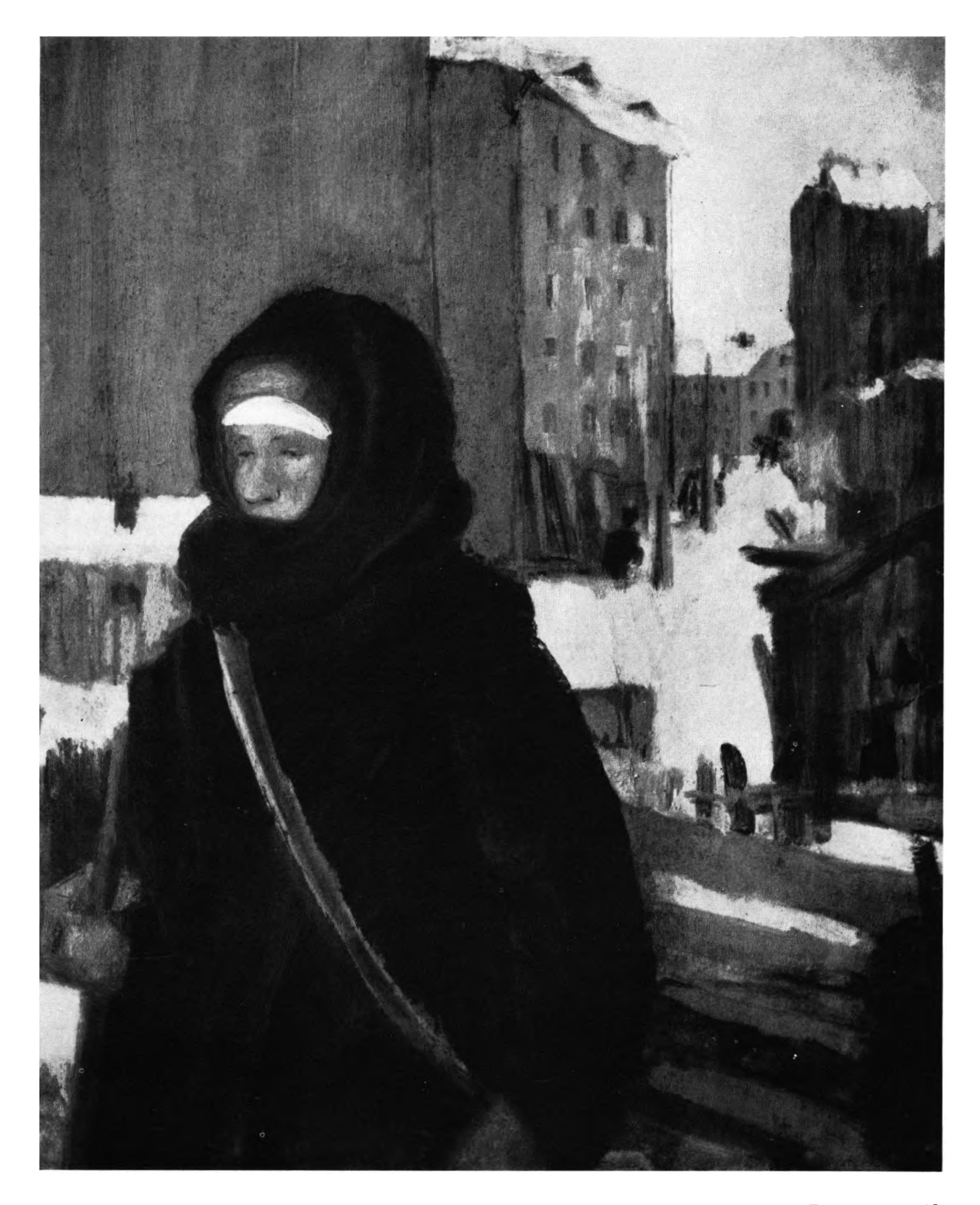
Я шла и думала: «Если бы мне сейчас надо было бы в красках передать всю эту нежную красоту — деревья в инее, небо и снежное пространство Невы, то какие трудные живописные задачи пришлось бы мне решать!»

Как хочется работать! Во мне еще действует заряд, с которым я родилась, который так безостановочно всю жизнь толкал меня на работу. Но в городе на улицах работать нельзя.

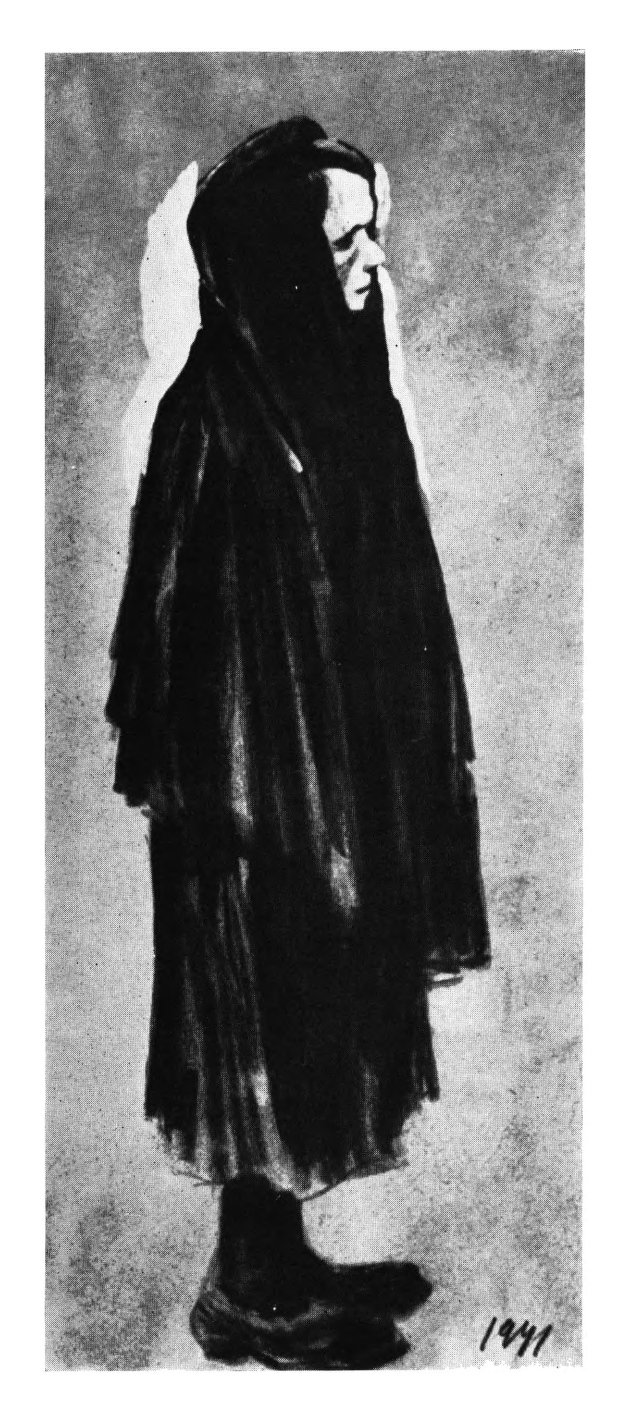
17 апреля

...Какой сумбурный и странный день! Неожиданно приехали ко мне два незнакомых гражданина. Они были в полушубках и валенках. Апрель в том году был очень холодный и стояли морозы. Это были Борис Ив[анович] Загурский и Андрей Андр[еевич] Бартошевич. Они приехали посмотреть, как я живу, что работаю и чем они могли бы мне быть полезны?

Я сидела в спальне за моим большим столом. Окна после бомбежки 4 апреля были забиты кусками фанеры, тюфяком и моими старыми этюдами. Маленькая коптилка светлым сердечком освещала бумагу. Я писала мои «Записки».

А. Анушина. Блокада. 1942

Б. Лео. Ленинград. Блокада. 1941

Л. Хижинский. Разрушенный Петергоф. 1942

Они узнали от меня, что я понемногу работаю живописью и гравюрой, пишу второй том моих «Записок», собираюсь участвовать весной на выставке, посвященной героическому Ленинграду. «Только, — сказала я, — меня надо подкормить, иначе я скоро выйду из строя здоровых людей».

«Да, да за этим мы и приехали к вам», — в один голос сказали они и предложили мне, если я сегодня дам им согласие, послезавтра на самолете отправить меня в Москву и там устроить в хороший санаторий. Я отказалась, сказав: «Что я там буду делать без архива, без необходимого материала для продолжения моих «Записок». Так долго жить и страдать в Ленинграде, чтобы перед самым его освобождением покинуть его! Я не могу жить и не работать!»

Они сообщили о выдаче мне продуктовой рабочей карточки и ежемесячного академического пайка, а также о том, что на мое имя в Союзе художников есть продуктовая посылка от московских художников.

Точно из рога изобилия посыпались на меня блага...

С этого дня началось мое физическое возрождение. Я, хотя и очень медленно, стала восстанавливать свои ослабевшие силы. Академический паек был невелик. Он строго был рассчитан на одного едока. А нас было двое, и потому продуктов хватало только на две недели...

Бывали такие обеды: щи из крапивы, в которые были брошены полторы чайные ложки манной крупы (последние), второе блюдо — салат из листьев одуванчиков и третье — чай без сахара.

13 июня

...Неожиданно приехал А. А. Бартошевич. Он повез меня в горком партии, чтобы проконсультироваться по поводу альбома, который решили послать от имени ленинградских женщин женщинам Шотландии в ответ на присланный ими приветственный альбом с несколькими тысячами женских подписей.

«Конечно, — думала я, — в нашем альбоме должен быть отражен наш прекраснейший и пленительный город».

В горкоме партии беседовали с работником горкома, которому было поручено организовать все это дело...

Альбом был окончен 19 июня. После пяти дней напряженного труда. Он нам удался. Размер его был довольно большой—30 см × 44 см. Для него была сделана коробка, обтянутая чудесной золотой парчой. Переплет из тонкого сурового полотна был украшен старинной вышивкой шелками.

На форзацах—два больших герба с флагами, советским и шотландским, исполнены были художницей В. В. Милютиной в ярких тонах с преобладанием красного, бирюзового и вызывали в зрителе бодрое чувство.

На титульном листе была моя акварель, изображающая статую Ленина, что стоит перед Смольным. На верху этого листа надписи: «Женщинам Котбриджа, Эйдри и Уирсайда».

Первая страница имела мою гравюру «Смольный и пропилеи» и надпись художественным шрифтом—«Смольный», а ниже крупными буквами—«Ленинград».

На всех остальных страницах альбома были помещены мои подкрашенные литографии, цветные и черные гравюры—все виды Ленинграда, и на каждой приветствия от разных женских ленинградских организаций. Весь текст был написан художественным графическим шрифтом.

Гравюры в альбоме выглядели очень хорошо, тем более, что художница В. В. Милютина сделала вокруг них графические рамки, и это их связывало воедино со страницами текста.

На левой стороне страниц были приклеены карманы для помещения в них листов с подписями нескольких тысяч русских женщин.

Альбом производил впечатление гармонии, единого художественного стиля и давал сильное и яркое представление о Ленинграде.

Над альбомом работало несколько человек: А. А. Бартошевич—как организатор, я—своими гравюрами, а В. В. Милютина, Я. И. Рубанчик и Б. П. Светлицкий работали как графики.

Работали с большим напряжением и усилием, так как нас торопили, а главное, все мы были голодные дистрофики.

Милютина была бледна, как бумага. У Светлицкого от истощения умирала жена. Он сам был очень слаб и даже одну ночь провел у меня, чтобы не тратить сил на ходьбу. Были белые ночи, и он, встав в половине пятого утра, успел окончить свою работу.

Здесь же за столом трудились два лучших в городе переплетчика. Они были суровы (женщина и мужчина), молчаливы, но работали сосредоточенно и хорошо.

Как был принят наш альбом у нас и за границей, мы узнали только много времени спустя. Альбом был весьма одобрен и в Англии помещен в музей. В Ленинграде альбома почти никто не видал. И это жаль, так как он был очень хорош.

21 августа

Ездила на трамвае на Васильевский остров, на заседание в память умершего 5 апреля талантливого художника Павла Александровича Шиллинговского. Собралось много народа (крепкий народ ленинградцы!). Конечно, организатором этого заседания был наш энтузиаст Петр Евгеньевич [Корнилов], который и выступил с докладом о жизни и творческом пути художника. Потом говорил [М. В.] Доброклонский о графическом наследии художника. Было много тепла выражено по адресу умершего художника.

На стенах висели его великолепные офорты и многие другие произведения.

Налетов в этот день, к счастью, не было.

Многих из знакомых художников и искусствоведов я не узнавала, так они от голодовки изменились так же, как и я сама.

1 октября

...Сегодня я окончила новую маленькую гравюру—памятник Петру Великому Фальконета. Сделала ее в три дня. Работала с упоением, с восторгом. Чувствовать, как управляемый мною инструмент бежит по блестящей доске—да ведь это чувство ни с чем несравнимо. Гравер, что скрипач: его штихель—смычок, вырезанная линия—поющая струна.

Очень боялась начинать. Прошло четыре года, как я резала последний раз книжный знак для художника Д. И. Митрохина. С тех пор много воды утекло. Сил убавилось, сердце не так работает, рука дрожит. Но как только взяла инструмент, тотчас же почувствовала прежнюю уверенность, гибкость и послушание руки. Начала с самого опасного и ответственного места. Решила—если здесь сорвется, то не буду продолжать гравюру. Резала очень осторожно, в рискованных местах оставляла запасы. Но первый же оттиск меня успокоил. В общем гравюра резана довольно грубо. К сожалению, дерево на доске во многих местах крошилось.

Дни были темные... Электрического освещения не было, и я, когда бывало солнце, старалась досочку держать в солнечном луче, падавшем на мой стол, и вместе с лучом передвигалась по столу.

Вырезала другую гравюру: мальчики удят рыбу. Набережная Невы, справа край судна, вдали Литейный мост и внизу у воды группа ребят-рыболовов.

Написала две акварели: «Окрестности Невеля» и «Летний сад в инее» (обе приобретены Русским музеем).

Сделала еще девять цветных литографий видов Ленинграда, размером в почтовое письмо и другие литографии...

28 октября

...Чудесные осенние дни. Гуляя по проспекту Карла Маркса, зашла на места целого ряда разрушенных построек. Одни развалились от снарядов и бомб, другие разобраны на дрова. Груды исковерканных железных балок, рельс. Земля блестит от толстого слоя мелко битого стекла. Кучи ломаного кирпича. Глубокие ямы, наполненные водой и всяким мусором. Везде торчат исковерканные железные кровати, чаще ножками вверх.

Зачем я туда забрела? Да нарвать цветов! Трудно поверить, что в конце октября цветут полевые цветы. Но это так. Ни разу не было мороза. Странно было видеть среди этого городского запустения, хлама и железа свежие густые кустики полевой ромашки. На зеленых высоких стеблях целые созвездия белых цветов с желтыми середками. Они мне говорили, что природа, пока земля существует,—вечна, возрождаясь беспрерывно, неустанно, принося в дар красоту и умиротворение...

4 ноября

Неожиданно узнала, что мне присвоено правительством звание заслуженного деятеля искусств РСФСР. Я не страдаю честолюбием и никогда не страдала, но, узнав об этом, была очень тронута, но еще более радостно мне было, когда я прочла в телеграмме обращение ко мне, как к «ленинградскому патриоту». Мне было это очень дорого.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Письмо А. П. Остроумовой-Лебедевой Н. Г. Григорьевой

Июнь 1942

...Вчера Петр Евг[еньевич] Корнилов принес мне телеграмму, присланную из Москвы Комитетом по делам искусств председателю Управления по делам в Ленинграде, гласящую о том, что Комитет считает необходимым вывезти каких-то шесть художников, в том числе и меня, в Ярославль, где база Академии художеств.

Я ответила председателю Управления по делам искусств, что ехать не могу и не хочу. Пишу ему: сейчас я очень тороплюсь окончить второй том моих «Автобиографических записок», так как был поднят в Управлении вопрос о немедленном их напечатании и издании. Потом у меня заключен договор с ЛССХом о приготовлении картин на выставку, которая будет в августе. У меня для нее ничего еще не сделано. Потом у меня будет творческий вечер, где я буду читать выдержки из глав 2-го тома, который еще не напечатан. Читать буду по просьбе президиума музыкального общества в бывшем помещении Друзей камерной музыки. Это будет, если доживу, в первой половине июля.

Меня страшно увлекает работа, и я лихорадочно тороплюсь, но я знаю, что силы у меня уже не те.

Председатель Управления по делам искусств очень заботится обо мне. Выхлопотал мне продуктовую карточку 1 категории, еще мне назначили академический паек, который меня и Нюшу очень поддерживает. Потом ученые за фронтом, из Казани, на свои средства прислали продуктовые подарки, и я была включена в список получающих.

Письмо А. П. Остроумовой-Лебедевой Н. Г. Григорьевой

14 сентября 1943 года

[. . .] Самое главное и самое тяжелое, что я сейчас переживаю,—это разрыв между моей внутренней художественной динамикой, которая все время меня толкает дальше работать, начинать новые работы, делать дальнейшие шаги, и физическими падающими силами, с ослабевшим зрением, с нетвердыми руками, с легкой утомляемостью. Делаю вещи, и все плохо. Меня они не удовлетворяют и огорчают. . . Стараюсь перейти на литературную работу. Здесь не нужна такая точность глаза и руки, как художнику. Вышли в продажу десять моих открыток Ленинграда. Шесть—отпечатки моих «маленьких Петербургов» в черном на желтом фоне и четыре оригинальные литографии видов Ленинграда. . .

Письмо главного врача больницы им. Филатова А. П. Остроумовой-Лебедевой

[Ноябрь 1942 года]

. . . Сегодня мне передали Ваш подарок больнице—6 Ваших гравюр. Я не думаю, чтобы меня обрадовало что-нибудь больше, чем этот подарок. Подарили бы больнице новую автомашину или 500 куб. метров дров—я не испытал бы такого волнения, какое испытал, когда получил гравюры, шесть чудесных произведений искусства, в которых отразилась часть души нашего города. Я долго смотрел на них, и два чувства волновали меня.

Вы не знаете ни больницы, ни ее людей. Вы кое-что слышали о наших усилиях победить трудности, сделать ее, невзирая ни на что, уютной и красивой. Вы захотели нам помочь. Сами захотели. Никто с Вами об этом не говорил. Я не сумею охарактеризовать—что это такое, но знаю, что это то, что навсегда останется неизгладимым в памяти тех, кто будет перебирать воспоминания обороны Ленинграда.

В Ваших гравюрах с предельной глубиной отразилась простая и глубокая любовь к нашему городу. Они учат и помогают любить Ленинград. Они требуют от каждого, кто на них смотрит, всего, что он может дать для сохранения и защиты города. И то, что Вы остались здесь и пережили в тяжелых условиях весь первый год блокады, еще раз подчеркивает значение того, о чем говорят Ваши гравюры—искренней, настоящей любви.

Вот это я почувствовал, получив Ваш подарок, и об этом мне захотелось Вам написать.

Примите глубокую благодарность от моих товарищей и меня. Мне бы очень хотелось быть Вам чем-нибудь полезным.

Письмо В. Конопатина А. П. Остроумовой-Лебедевой

6 октября 1943 года

Глубокоуважаемая Анна Петровна.

Пишет Вам ленинградец, не видевший Вас ни разу, но знакомый с Вашими работами, живые и неугасающие впечатления о которых и заставляют писать.

После нескольких месяцев пребывания на переднем крае я нахожусь в относительно мирной обстановке. На небольшой высоте, поросшей редким, молодым ельником,—наш лагерь. Здесь и моя землянка, она уютна после того, что было,—тепла, вечерами крохотная коптилка освещает, как ясное солнышко, весь мой малый мир на уголке стола...

Один из моих друзей, систематически снабжающий меня «печатным словом», прислал Ваши последние открытки.

Одинаково долго смотрю я на них и на фотографию своей любимой дочери... Ваши работы отличны тем, что в них, и только в них есть душа и смысл Ленинграда. Ваши рисунки совершенны потому, что чрезвычайно скупыми средствами (размер, количество красок, линий, немногословность темы) Вы добиваетесь максимальной выразительности, без единого лишнего штриха.

Мои впечатления не единичны, мои слова—не слова сноба, живущего в башне из слоновой кости. Я реален и прозаичен с головы до ног, моя профессия мирной поры—инженер, но я ленинградец, и то, что я пишу Вам, является естественным и логичным для каждого здравомыслящего человека.

Для чего я пишу Вам?

Для того, чтобы Вы в миллионный раз узнали о силе и действенности Вашего таланта сейчас, в 1943 году.

Вы, кудесница, обладаете даром, доходящим до самого низа, самой гущи человеческой.

Пережитая пора должна найти полное отражение в Ваших работах, и только Вы это можете дать.

Простите за непрошенное, нескладное, неряшливое письмо, так хотелось написать Вам.

Шлю пожелания долголетия, здоровья.

Искренне уважающий Вас В. Конопатин.

В начале сентября я под минометным огнем отлеживался в воронке, глядя на темное, звездное небо. Не встанешь, не пойдешь, ждешь удобной возможности перебраться дальше. Вспомнились Ваши сфинксы у Академии художеств, и спокойно стало на сердце. Вот за это спасибо Вам!

Н. БЫЛЬЕВ

ИЗ ДНЕВНИКА

Эти заметки делаю в карманной записной книжке. Она вдвое меньше почтовой открытки и всегда при мне. На первой странице коротко: Ленинград. 1941. Стремлюсь заносить сюда свои впечатления в любую подходящую минуту. Это—наброски с натуры, работа в момент восприятия, а не воспроизведение по памяти. Важно схватить явление в том освещении, в котором оно предо мной предстало. В слово «освещение» вкладываю такой смысл: событие, первое непосредственное впечатление от него и тут же—возникшие по его поводу мысли и высказывания, особенно высказывания тех, кто рядом со мной, моих «соседей по моменту»,—как отнеслись, что ощутили, что сказали...

Услышанное—это такой летучий материал, который требует немедленного закрепления, записи. Не то—выветрится и будет утрачен безвозвратно. Нашей памяти свойственно легко удерживать общий смысл слов, но не сами слова. А иной раз услышишь слово такое меткое, образное, какое самому ни за что не придет на ум. Пересказывать по смыслу—это черная копия с красочного полотна.

Я заношу в книжку впечатления всегда наспех, по горячему следу, не дописывая и сокращая. Пишу карандашом. Жалею, что не знаю стенографии.

Записи, сделанные в сумерках или вслепую, в темноте, приходится затем расшифровывать.

Июнь 1941 года

27 июня прихожу в «Боевой карандаш». Вижу на столе оттиск первого листа «Фашизм—враг человечества». Его нарисовали коллективно. Из сосредоточенно работающих тут товарищей, двое—Николай Евгеньевич Муратов и Юрий Николаевич Петров—хорошо мне знакомы по Детиздату, где я несу общественную нагрузку—состою профгрупоргом художников-графиков.

Никакой особой церемонии представления меня не состоялось. Я сказал: «Хочу работать с вами. Какие есть задания?»—«Заданий сколько угодно в газетах,—ответил мне Петров.—Главное—делать надо быстро. Сегодня—сообщение, завтра—лист. В этом—весь смысл работы. Берите бумагу, уголь и приступайте».

У меня был замысел. Сюжет эпический: русский богатырь, сражающий поганого змея.

Сделал эскиз. Подошли Ю. Петров и И. Астапов, посмотрели, сказали:

— Годится. Пойдет.

Подписи к рисунку делаю сам. Варьирую отрывок из былины и беру строфу из казачьей песни.

Заглавие листа ищу на слух, варианты произношу в полный голос, без конца повторяю их и прислушиваюсь к ним, шагая вечером по Невскому домой.

На заглавие понадобились сутки. Наконец, оно сложилось в две рифмованные строки:

«Освобождать народы—в том из веков в века
есть участь благородная российского клинка».

Эскиз с таким заголовком утверждаем в Смольном. Теперь лист надо срочно литографировать.

Литография для меня—неведомое дело, чистейшая магия. А главный маг—мастер-печатник Иван Михайлович Пожильцов.

Поступаю в ученики мага. Необходимо немедленно постичь тайны растирания туши пальцем на блюдце с кипяченой водой, фактуры карандаша по корешку, заливки по гладкому камню, выцарапывания иглой, лихого протаскивания камня под прессом. На первые свои оттиски смотрю как на воочию свершившееся чудо.

Мой первый лист—«Богатырь»—расклеен по городу. Итак, пробу я сдал. Коллектив принял меня в свои ряды (остальные товарищи вместе с 1939 года, с финской, и я среди них—самый меньшой).

Не хватает опыта, зато в избытке сомнения: «Так ли делаю?» А сомнения порождают неуверенность, неуверенность же—страшный тормоз в любой работе. Ведь совсем еще недавно покинул я Комсомольск-на-Амуре, планировкой которого занимался свыше пяти лет, с самого основания города в тайге, и теперь в графику только вхожу.

Июнь—июль 1941 года

В большом просторном доме Ленинградского Союза советских художников (ЛССХ) со множеством хорошо обставленных комнат и мастерских «Боевой карандаш» начал свою деятельность очень скромно и непритязательно, расположившись на антресолях выставочного зала.

23 июня 1941 года, на второй день Великой Отечественной войны, четверо или пятеро художников-графиков, карандашистов времен финской кампании, расставили тут три канцелярских стола и уселись сочинять сообща первый лист: «Мы им покажем». Ждали свежих газет для уточнения темы.

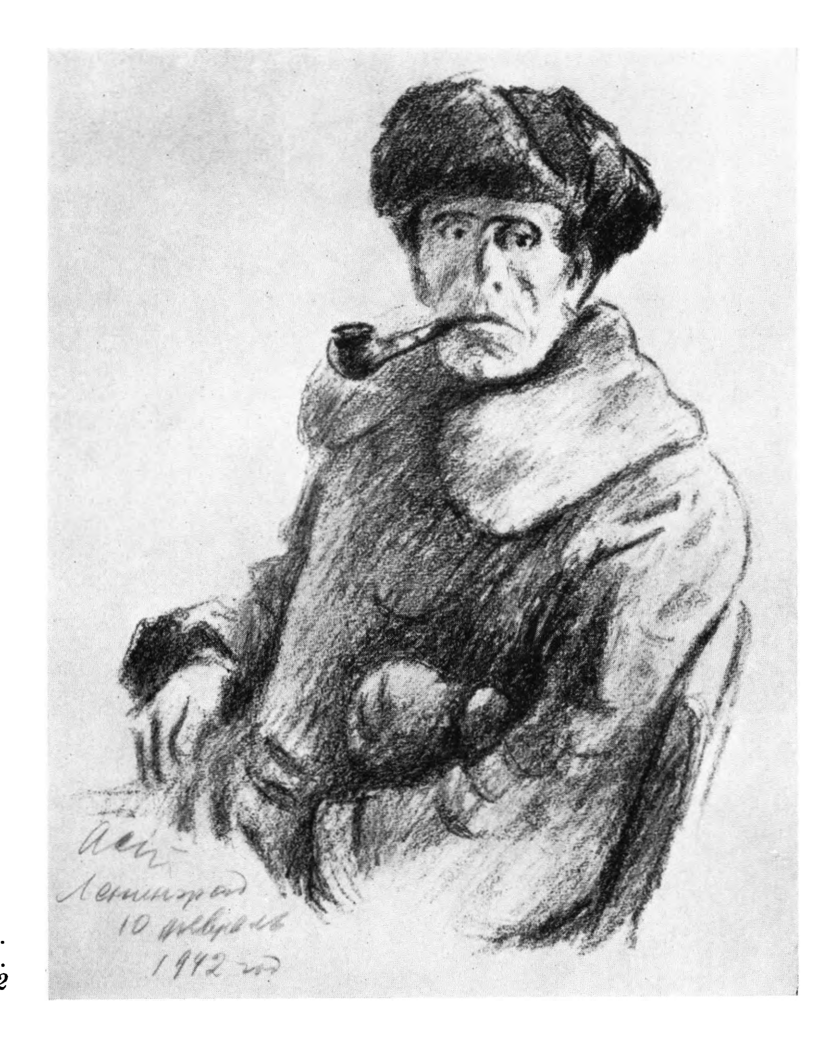
Самуил Миронович Алянский — заведующий издательством художников — взял на себя административную сторону дела и стал главной ходовой пружиной «Боевого карандаша». Через какую-нибудь неделю антресоли под стеклянной крышей выставочного зала стали в Ленинградском Союзе художников самой популярной творческой мастерской. С каждым днем прибывали художники, желавшие в жанре агитлистов «Боевого карандаша» послужить своим умением делу защиты Родины.

Привлекаются писатели: рисунки должны быть дополнены острым и запоминающимся призывным текстом.

В коренниках—поэт Борис Тимофеев.

Алянский вслух читает всем сводки Совинформбюро. Читки эти, как кресало, высекают искры замыслов.

Каждый высказывается—что у кого мелькнуло, кто чем загорелся.

И. Астапов.
Портрет художника Г. Арямнова.
1942

Эскиз и оригиналы тут же, из-под руки автора, сообща обсуждаются; их критикуют, подсказывают варианты, предлагают поправки. При этом — никаких обид. Их не полагается.

Это у нас зовется «бомбежкой». В дальнейшую работу идет только тот лист, который устоял «под бомбежкой».

Июль 1941 года

Художник, обладающий трубным гласом, — Иван Астапов.

Работу он начинает с уголка. Лист крепит кнопками к доске на мольберте, работает рукою на весу.

Петров работает на столе. Его лист лежит горизонтально. Рисует карандашом и углем. Время от времени, встав со стула, подолгу задумчиво смотрит свою работу. В один из таких моментов я делаю с него шаржированный набросок.

Муратов начинает рисунок твердым чертежным остро заточенным карандашом. Прорисовывает, не боится десяток раз стереть резинкой, добиваясь остроты и выразительности. Затем рисунок обводит тушью—в контраст с четкими карандашными линиями—тупой лохматой кистью, дающей жирный рваный штрих.

Муратова и Петрова почти всегда видишь рядом. Слышны их дружелюбные «Юрочка», «Коленька». У Петрова неизменно подтянутый вид. Шелковая рубашка. Идеально накрахмаленный воротничок. На отутюженном пиджаке орден Красной Звезды. У склоненного над работой Муратова—вечно свисает изо рта зажеванная папироса, надо лбом чуб спутанных волос. Он частенько ходит «освежиться» холодным пивом или «подкрепиться» стаканчиком вина. Петров иронизирует по этому поводу. Но безуспешно. Сообща сочиняют листы: «Разгильдяи-болтуны в дни войны втройне вредны» и «Слухи—врага оружие».

Время от времени снизу, из нашей литографии, с пробными оттисками листов прибегает сухощавый длинный чубатый парень с густыми подвижными бровями. Они прыгают у него вверх-вниз, то выскакивая на лоб, то нависая над глазами. Это—Иван Холодов. Он помогает товарищам литографировать цвет.

К этой же работе привлекли и Василия Кобелева, опытного колориста.

Покончив со своими очередными заданиями в литографской мастерской, Кобелев и Холодов также усаживаются на антресолях за эскизы. У этих — при поисках композиции—сразу же идет в ход акварель. Кобелев мажет краской по бумаге, то и дело обсасывает кисточку.

Как всегда поразительно быстро, смело и точно работает карандашом Владимир Тамби. На его эскизах—сражающиеся машины. Он знает их на память так же хорошо, как художник академической школы знает человеческую фигуру.

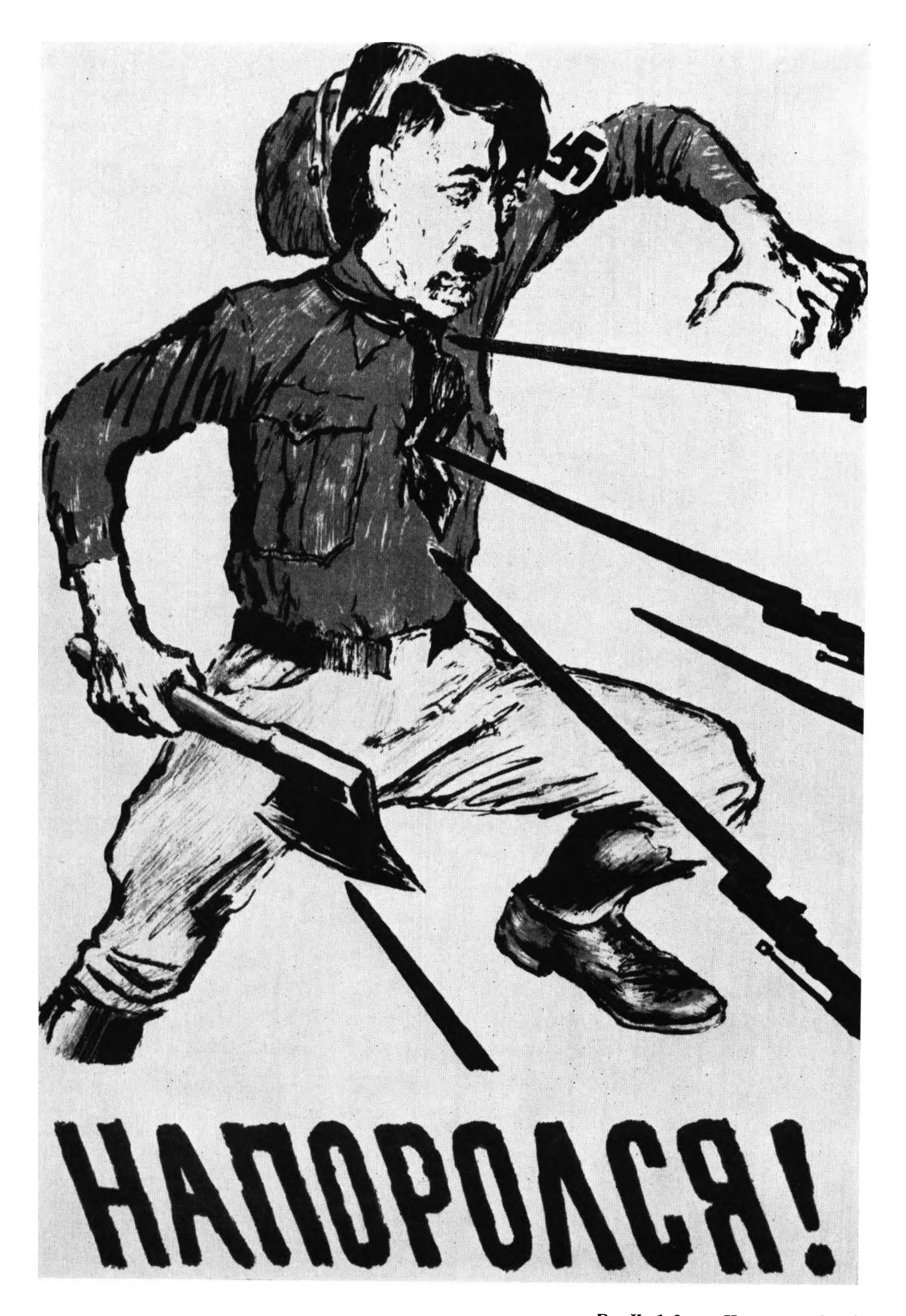
Рисуя фашистские танки и самолеты, никто из нас не обходится без его консультаций.

Совершенно своеобразный художник, талант, не имеющий, пожалуй, примера в истории искусств.

В эпоху техники—романтик техники, певец машин, сооружаемых человеком для покорения стихий и пространств. И в этом смысле, быть может, он самый современный рисовальщик на планете. Когда-нибудь, в эпоху завоевания звезд, в папках этого художника-мечтателя потомки найдут прообразы своих летательных машин, как мы находим прообраз самолета в набросках Леонардо.

Воспроизводя мир машин, Тамби не мог удовлетвориться обычными средствами рисования. Он изобрел свою особую, схожую с эстампной, технику выполнения. Его рисунки замечательны по пятну, цвету, фактуре. К сожалению, лучшие работы Тамби мало известны. Рисунки для Детгиза—только его профессиональный заработок.

В «Боевом карандаше» он принадлежал к числу тех, кто 23 июня втащил на антресоли выставочного зала первые канцелярские столы.

В. Лебедев. Плакат. 1941

Художник Геннадий Епифанов—куратор текстовой части. Ему, отличному знатоку шрифтов, поручены «шапки» листов «Боевого карандаша».

Кто хочет уединиться, тот отправляется с мольбертом в малый зал, чтобы в тишине дать выпупиться своей идее.

Ефим Хигер—председатель секции графиков—взял на себя редактирование. С ним советуемся о замыслах. Алянский оформляет первые гонорары.

У «Боевого карандаша» широко распахнуты двери для всех художников, желающих работать в жанре политической сатиры.

У каждого карандашиста эскизов и замыслов всегда больше, чем вышедших листов. Чем это объясняется? Когда нет попадания в цель, то о причине, естественно, хочется поразмыслить. Для фронтового города, каким становится Ленинград, нужны темы, соответствующие самым насущным задачам дня, оценка и отбор производятся по признакам политической значимости, достоинства исполнения и мастерство не всегда играют первую роль.

Художник театра Борис Гурвич недели две добросовестно просиживает с нами полностью все положенное время с раннего утра до позднего вечера: он сочиняет сатирическую параллель между гитлеровским нашествием и крестовыми походами. С каждым днем вид у него все более озабоченный: эскизы—по мнению требовательного к себе автора — все еще недостаточно готовы для товарищеской «бомбежки». Тогда Алянский поручает Гурвичу оформление уличных щитов «Боевого карандаша».

Гурвич мгновенно ожил. И вот наши листы висят на здании Ленинградского Союза художников, на Невском, в окнах салона, на Литейном, еще где-то. Народ теперь видит их в сериях; интерес к ним живейший.

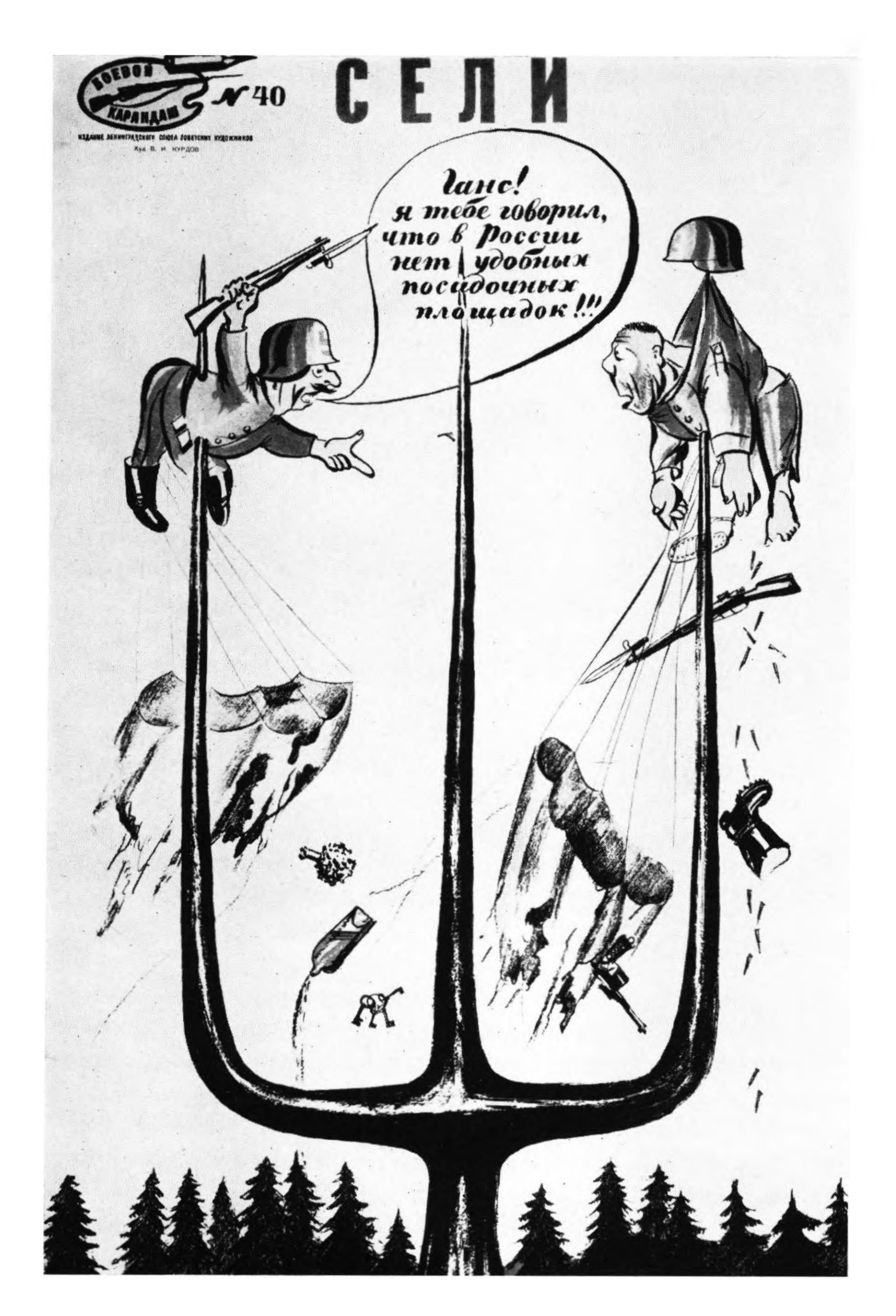
«Боевой карандаш» внезапно обогнал привычный уличный плакат и занял в Ленинграде положение лидера наглядной агитации. Найдена новая форма агитлиста. Сохраняя единство приема, она вмещает самые разнообразные жанры и индивидуальности художников. Постановляем работать с девяти до девяти без воскресений и выходных.

В обиходе у карандашистов два термина «мы» и «наши».

«Мы»—это те, кто в обязательном порядке, в силу добровольно принятого на себя долга ежедневно работают в коллективе—в выставочном зале и в литографии. «Наши», но не «мы»—это те, кто приходит и уходит. Иные присаживаются рядом с нами за откидные мольберты и рисуют эскизы, но потом сворачивают свой лист и исчезают на неопределенное время.

Когда оригиналы увезены на просмотр в Смольный—у карандашистов отдых. Работается вяло. В ожидании результатов сидим, беседуем, принимаем гостей. Чаще всего—это наши же товарищи со своими горестями. Можно также успеть сходить по каким-нибудь делам или просто пройтись посмотреть, что делается в городе.

Но вот из Смольного вернулись листы. Авторы одобренных оригиналов—именинники. У них закипает работа по литографированию. Остальные, крякнув, берутся за новые замыслы.

В. Курдов. Плакат. 1941

Век фото и кино. Но художник, рисовальщик все же незаменим, помимо много прочего хотя бы потому, что достойный изображения эпизод не указывает заранее ни своего адреса, ни времени действия для своевременного прибытия на место фото- или кинорепортера.

Остается полагаться на художника, который готов удовлетвориться беглым описанием, чтобы представить себе факт и изобразить его.

Героические эпизоды на листах «Боевого карандаша» не вызывают сомнений в достоверности изображенного и в глазах зрителей равносильны документальным фотографиям.

Тема обычно подается в нескольких кадрах. Это основной прием «Боевого карандаша».

...Иллюстрируем сводки Совинформбюро. «Колхозники—верные помощники Красной Армии»—таков лист Астапова. Петрову также ближе всего иллюстрация. Николай Кочергин пришел с иллюстрациями: героические эпизоды. Старик Жаба нарисовал по памяти хорошо известный ему сюжет: кавалерийская атака. Это—лубок. На мою долю выпало нарисовать историю в картинках о бойце, победившем в единоборстве фашистский танк. «Шапку» к листу беру прямо из газетной заметки: «Инициатива и сметка». Листами иллюстративного характера прославляется героизм, пропагандируются вдохновляющие примеры.

В адрес врага направлено острие сатиры.

Истинный сатирик в «Боевом карандаше» только один Муратов. «Своим дарованием он всем нам поддает перцу»,—как-то сказал о нем Н. А. Тырса.

«Романтик техники» Володя Тамби также вдруг проявил себя сатириком. Его тема, разумеется, морская, с кораблем: «Умей распознавать врага, храни родные берега». Но он не мастак изображать «фрицев». Ему придали в подкрепление Муратова.

Приходил Владимир Васильевич Лебедев. Принял участие в нашей «бомбежке». Критиковал, советовал с карандашом в руках.

На улицах расклеен его плакат «Напоролся!». Гитлер повис на штыках.

Через месяц-другой это непременно сбудется!..

Июль—август 1941 года

Теснота, духота и мухи заставили покинуть антресоли и спуститься в зал. Но ненадолго. Стеклянный потолок зала закрашивают суриком, чтобы не блестел на солнце и не мог служить ориентиром для вражеской авиации. В зале оранжевый сумрак. «Боевой карандаш» снова переселяется, на этот раз к окнам в боковой отсек, за полотняные выставочные щиты.

Во время переселения нас настигла кинохроника. По полу между столами протянулись черные змеи электропроводов. Большеголовые прожекторы обступили и уставились в карандашистов своими стеклянными ликами... Энергичный кинооператор бойко репетирует с художниками:

— Сделайте вид! Станьте так! Станьте этак!

Лето необычайно жаркое. Сперва мы отваживались развешивать на спинках стульев только воротнички и галстуки, теперь дело доходит до рубах. Работаем полураздетые,

И. Астапов.
Художник Ярослав Николаев. 1942

приносим глубокие извинения при появлении посетительниц. Даже Петров засучил рукава и расстегнул рубаху, так что видна стала его узкая грудь. Он зарисовывает мои руки, «крученые, как у Делакруа»,—по его выражению.

— Эте не дар небес, а результат труда,—поясняю я,—ежедневные гимнастические упражнения. . .

Становится голодновато. Все же не прекращаю делать по утрам разминку. Выносливость мышц в военной обстановке может понадобиться больше, чем когда-либо.

Привычным купаниям в Неве нет возможности уделить время.

Сделал чудесное открытие: можно купаться в прачечной во дворе Дома художников, напустив воду в чан для полоскания белья. Окунаюсь ежедневно.

Хожу на занятия по стрельбе из нагана. Они организованы Д. И. Чевычеловым в Детгизе. Редакция помещается на мансардном этаже здания филармонии. Стреляем в коридоре.

Введены карточки на хлеб, по килограмму на человека. Выдают пополам: черный и белый. В булочной на углу Невского и улицы Толмачева еще продается коммерческий круглый хлеб.

Часто приступаем к работе спозаранку, еще до восьми утра. В литографской мастерской есть радиорепродуктор. В восемь передается сводка.

«По приказу командования наши части оставили...» Мрачнеем. Сосредоточенней углубляемся в работу. Никаких поблажек себе.

Уже приходится подтягивать ремешки.

Дома у меня оказалась полная наволочка сухарей. Каждый день приношу с собой бумажный кулечек. Хрустим сообща. У меня появилось прозвище: Коля, дай сухарик.

В зале читают лекции художникам по противопожарной и противохимической защите.

«Боевой карандаш» слушает их из своего отсека, из-за щитов, не отрываясь от работы.

Ю. Васнецов и многие другие художники и художницы призваны по трудповинности и отправлены в пригороды рыть противотанковые рвы и окопы. Работы идут под частыми пулеметными обстрелами с фашистских самолетов.

В городе обстановка все напряженней.

Художники составили взвод народного ополчения. Во дворе изучаем винтовку и гранату. Маршируем строем на стадион лесгафтовцев.

На военных занятиях—штыковой бой, стрельба по мишеням, метание гранаты.

Участники первой империалистической и гражданской войн художники В. П. Белкин и И. П. Королев—наши командиры.

На поле стадиона разбиваемся на группы. Военному делу обучают студентки-физкультурницы, девушки в голубых, красных, коричневых лыжных костюмах. С военных занятий уже в пору темных августовских сумерек, в 9—10 часов вечера, забегаем в «Боевой карандаш» за папками и портфелями и спешим по домам.

Над городом в вечернем небе висят аэростаты заграждения—препятствие для пикирующих бомбардировщиков.

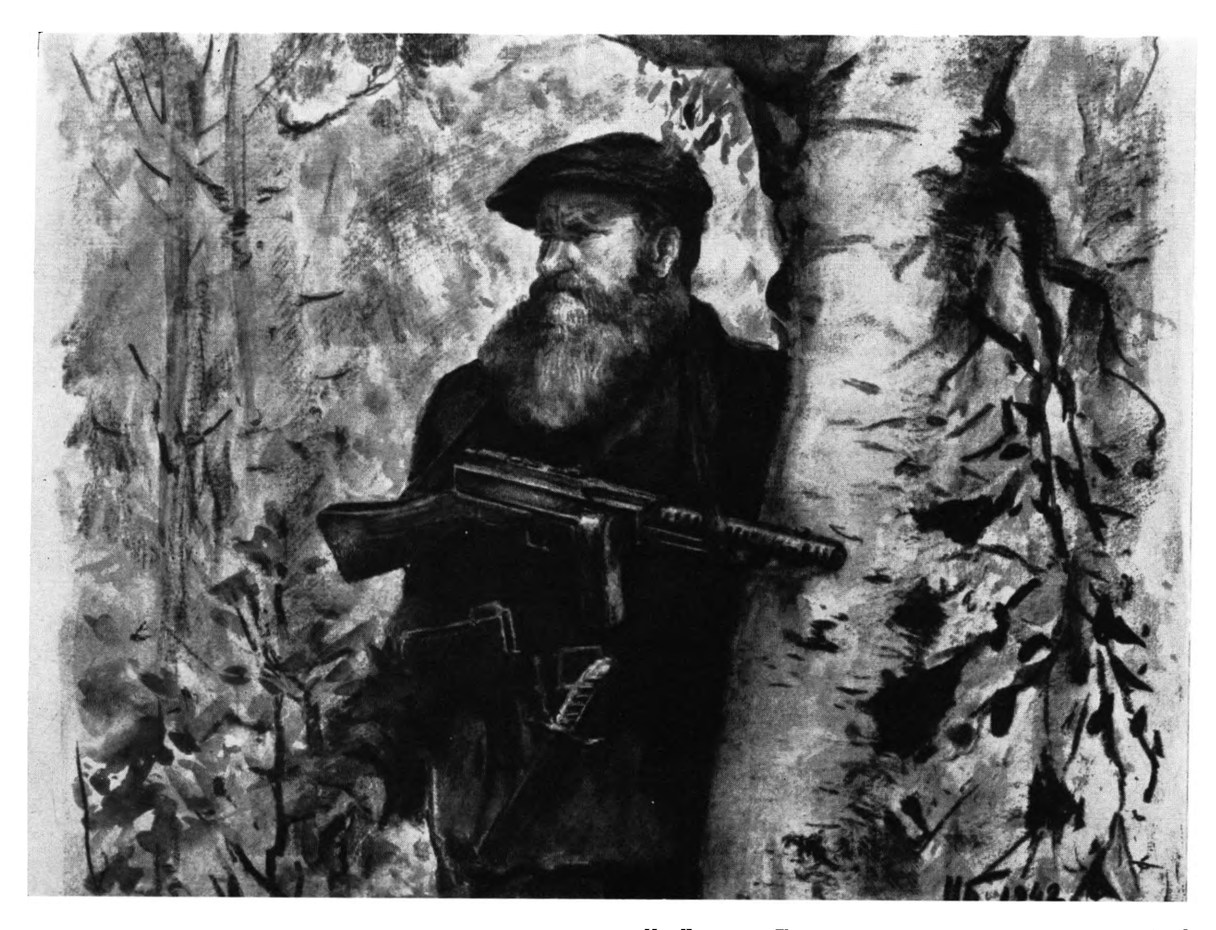
Порой встречаешь красноармейцев, несущих на коротких стропах аэростат. Серебристо-серый слон, не касаясь мостовой, плавно движется между домами.

Город затемнен. Окна зашторены синей светонепроницаемой бумагой.

Медного всадника одевают землей. Другие памятники тоже.

Кони с Аничкова моста убраны.

Горевшие на солнце золотые шпили Петропавловской крепости и Адмиралтейства и купол Исаакия верхолазы покрывают черной краской. Всюду к витринам магазинов пристраивают ящики, заполненные гарью и песком.

Н. Быльев. Партизан с трофейным оружием. 1942

Частые воздушные тревоги. Гитлеровские самолеты пытаются, но не могут прорваться к городу. Их отгоняют наши летчики и зенитчики. Днем высоко в небе белые вензеля — след фашистских разведчиков.

У нас бывает все. «Боевой карандаш» как-то естественно, без малейших усилий с нашей стороны, стал центром жизни в ЛССХе. Товарищи, от самых важных до самых скромных, приходя в Союз, никак не минуют нас.

В «Боевом карандаше» все запросто. Вид нашей группы, неизменно сосредоточенно работающей, по-видимому, благотворно влияет на нервы гостей. Художники приходят, чтоб посидеть среди нас, поделиться своими тревогами и заботами.

Кто вернулся с рытья окопов, натерпевшись страху под обстрелом, кто ищет совета — гложут мучительные «за» и «против» эвакуации. Приходят сюда поплакать и матери детишек, застрявших где-то на даче, судьба которых пока неизвестна. . .

Мы всегда готовы подбодрить, утешить, постараться шуткой развеять тяжкое душевное состояние товарища. Дело вовсе не в какой-то особой стойкости самих карандашистов. Но очень многих художников события выбили из привычной творческой колеи, а мы, непрерывно занятые работой, абсолютно не имеем времени взвинчивать себя и расстраиваться.

Первый налет гитлеровцев на город. Горят бадаевские склады с продовольствием.

У Исаакия, в сквере, народ роет «щели».

Щели лучше, чем бомбоубежище. Только при прямом попадании бомбы—гибель. А упадет рядом—лишь попугает. Нет опасности, что засыпет грудой кирпича.

В сквере на сторожке наклеен наш плакат с призывом к ленинградцам:

«Овладевай оружием!»

Нам предложили перейти на казарменное положение.

В комнатах по второму этажу поставлены койки с ватными матрацами.

Всем выдали противогазы.

Остаемся ночевать в Союзе.

Домой продолжают ходить Астапов и Петров.

Меня вызвал Браиловский и назначил начальником штаба МПВО.

Моя обязанность—расставлять посты охранения, высылать им смену, принимать рапорты, по сигналу воздушной тревоги всех загонять в убежище, самому дежурить у телефона.

В бомбоубежище приходится торопить. Бравируют или в самом деле бесстрашные? Конечно, от большой фугаски наши подвалы вряд ли спасут.

Одно бомбоубежище имеет вход со двора, другое—под черной лестницей.

Когда я не на дежурстве в штабе, то сам обязан по тревоге спускаться в подвал. Мне тоже не очень хочется—никак не верится, что именно мне угрожает эта бомбежка. Но надо показывать пример.

Мы бегаем в убежище под черной лестницей. Отсиживаясь до отбоя, угощаем с Томским друг друга трубочным табаком (Увы! Я с голоду начал покуривать).

Томский знает рецепт, как сварить табак с медом и гвоздикой, и я в полутьме убежища записываю рецептуру на клочке бумаги.

Появился Валя, Валентин Курдов. Давно я не видел его—ни разу с начала войны. По профлинии, по Детгизу, он ведь тоже «мой». Оказывается, работал по маскировке аэродромов—вот почему не было его видно. Я ему рад.

Стремлюсь «принять» и как можно гостеприимней; от души «угощаю» всем, что имеется у художников «Боевого карандаша».

— Вот тут мы сидим! Выбирай себе место, какое больше нравится. Вот—стол с вырезками из журналов. Попадаются любопытные. Бумага—вот тут. Плюр—тут. Торшон тоже имеется.

Литографские карандаши у меня замечательные. Я тебе дам карандаш! Все, что понадобится, тебе предоставим!

Г. Верейский.
Художник Валентин Курдов. 1942

Курдов как-то слишком уж сдержанно и, я бы сказал, даже сухо благодарит.

Оказывается, на глазах у карандашистов разыгрывается забавная комедия положений: гость «принимает» хозяина и любезнейшим образом разъясняет этому хозяину, чем тот может воспользоваться в собственном доме!

— А если хочешь работать сразу на камне,—продолжаю я,—тоже предоставим. Сейчас как раз имеются хорошо шлифованные мелкие корешки.

Тут Курдов не выдерживает:

— Послушай, Коля Быльев, перестань, пожалуйста, за мною ухаживать и все это мне так пре-до-ста-влять! Ты в «Боевом карандаше», с позволения сказать, только что вылупился, а я зачинал его еще в войну с белофиннами. И нынешний первый лист— «Фашизм—враг человечества»—сделан тоже при моем участии...

Бывает же так!.. Совершенно нехотя такую иной раз совершишь бестактность...

Пал Шлиссельбург.

Всякое железнодорожное сообщение с городом прервано. Мы в кольце.

11 сентября наши части отступили из Красного Села и Петергофа.

Завтра, 12 сентября, ожидается штурм Ленинграда. Что будет? Может быть, завтра придется драться на улицах...

12 сентября снижен хлебный паек.

13 сентября: второй день идет беспрерывный тяжелый бой у Пулкова, в Детском, Павловске, Петергофе и на левом берегу Невы.

Фашисты не прорвались.

Ночь предстоит без сна.

В тот же час, что и вчера, по-немецки пунктуально с ясного звездного неба донесется отвратительный ноющий гул моторов фашистских бомбардировщиков. Повиснут над городом осветительные ракеты. С нарастающим воем станут падать бомбы. Рухнут где-то дома, запылают пожары. Торопливо захлопают зенитки.

Ну, а простой горожанин—любой из нас—чем может он воспрепятствовать воздушным пиратам?

...При налетах полагается с верхних этажей спускаться в подвалы. Но в этом мало проку: быть засыпанным кирпичом хуже, чем сразу погибнуть. Страшишься обычно не за себя—за родных, близких. Возможность собственной гибели допускаешь и вместе с тем в нее не веришь.

Отсиживаться страшней, чем дежурить на посту.

Особенно неспокойно становится на душе ночью после отбоя воздушной тревоги. Какие вести принесет утро? Кого из близких не досчитаешься?

Весь день налеты. Воздушные тревоги длятся долго. Сигнал отбоя, короткая передышка, и снова сирена.

Мы обязаны оставлять работу и спускаться в убежище. Три раза так и делали, на четвертый—надоело, продолжали работать.

С опозданием пошли обедать.

«Боевой карандаш» прикреплен к столовой Текстильного института, в подвале на углу улицы Герцена и Кирпичного переулка.

Дежурить оставили Ивана Холодова. Я обещал побыстрее управиться и прийти на смену—отпустить его пообедать.

В столовой застает нас пятая воздушная тревога. Каменный пол под нами вдруг подпрыгнул и стены пятиэтажного здания содрогнулись. Звук сильного взрыва, и мгновенно—мертвая тишина. Все напряженно прислушиваются. Большая бомба упала где-то совсем рядом...

Наконец, отбой. Нас выпускают из подвала. Напротив, на месте большого дома—груда рухнувших стен...

В душе вскипает лютая ненависть, желание отомстить.

В. Слыщенко. Мои соседи. 1941

Пока мы были в столовой—на наш квартал сыпались зажигательные бомбы. Две упали на дом ЛССХа. Холодов вовремя оказался на крыше и сбросил вниз зажигалки. Воздаем товарищу должное: он—герой дня.

На углу Моховой и улицы Пестеля фугаска срезала половину дома. В пятом этаже на уцелевшем простенке комнаты висит мой плакат с богатырем.

«Боевому карандашу» срочное задание из Политуправления армии. Приравнивается к боевой операции. Надо немедленно дать плакаты, возбуждающие ненависть к врагу. Военные вкратце разъяснили нам обстоятельства.

Ю. Н. Петров сделал отличный графический лист «Фашистский плен—это пытки и смерть».

Плакат выразителен и красив. Он в духе испанских работ Петрова.

Я избрал форму лубка. Тема: «Ни одна армия не позорила себя такими гнусными, бесчестными уловками, как фашистская армия. В совхозе «Выборы» трусливые гитлеровские

бандиты выгнали всех женщин и детей и, прикрываясь ими, стали наступать на наши окопы».

У меня на глазах Муратов с поразительной быстротой нарисовал лист «Три поросенка».

Декабрь 1941 года

Наши ближайшие соседи—Серов, Серебряный, Пинчук и Казанцев. Они живут в комнате правления. Казанцев—он там младший—порой навещает нас, но не как представитель от коллектива соседей, а «от себя лично», по милой своей человеческой простоте.

Свои обязанности перед художниками Серов как председатель нашего Союза выполняет в полную меру. Выглядит он лучше нас и сохраняет завидную работоспособность. На одной из летучек я сделал с натуры дружеский шарж на него цветными карандашами.

Серов рисует полные решимости лица защитников Ленинграда, контрударом отражающих врага. В этих рисунках он выражает чувства всех нас. Однако с его рисунками мы знакомимся только по репродукциям—их печатает «Ленинградская правда».

Скульптор Вениамин Пинчук целыми днями читает «Войну и мир». Ждет, когда впечатления от всех нагрянувших грозных событий соберутся в фокусе замысла и смогут найти творческое отражение в материале скульптуры. Товарищи относятся к нему в общем нежно, хотя и иронизируют: «Наш Веня все читает. Совсем зарылся носом в книгу».

Вечер в декабре 1941 года

Синий город. Иссиня-черные громады домов с фасадами, чуть прорисованными синим снегом по линиям карнизов и подоконников.

Синее полотно заснеженных улиц. Темно-синее небо. Ярко-синие звезды. Нигде ни единого живого золотого огонька. Темные силуэты прохожих. Движения их вялы. Почти все с саночками. Саночки теперь заменяют портфели и сумки: людям не под силу держать поноски в руках.

Высокий мужчина, нетвердо ступая, волочит за собой на веревке кусок фанеры. Фанера—это оконное стекло Ленинграда.

В помещении литографии—круглая печка. Топим ее, чем бог даст, главным образом старой мебелью, подиумами из покинутых мастерских.

Подсушиваем крошечные ломтики хлеба, превращая их в «горенки». Не в гренки, а именно в «горенки», потому что они так съеживаются и чернеют, что превращаются чуть ли не в угольки.

Все же «горенка» еда более экономичная, чем мягкий ломтик хлеба—ее гораздо на дольше хватает.

Муратов, положив в рот чайную ложку жидкой кашицы или крошечную «горенку», произносит, как заклинание:

«Мгновение, остановись! Ты—прекрасно!»

В. Слыщенко. Мать с детьми. 1943

Но заклинание не помогает. Наслаждение жевать сухую крошку хлеба—как ни растягивай этот процесс—быстро кончается. Крошка проглочена. Во рту снова пусто. В желудке все то же ощущение голода.

В ожидании своей очереди подогреть в печке ложку кашицы или подсушить «горенку» мы толкуем о судьбах Родины и о военных перспективах, об искусстве, о товариществе, о хороших и плохих поступках.

Январь 1942 года

Секрет успешного преодоления тяжких испытаний—в степени собственной моральной подготовленности, в душевной закалке, в натренированности, в способности выдерживать удары, в том, что в спорте именуется «хорошей формой».

Кто жалуется—тот теряет свою хорошую форму или уже утратил ее.

Состояние безразличия—скверный признак. Первыми умерли те, кто поддался чувству душевного безразличия, кто слег в оцепенении, у кого недостало воли понуждать себя

к действию наперекор почти непобедимому стремлению истощенного организма к покою. Если к покою понуждал инстинкт самосохранения, то в данном случае он действовал, как предатель.

Казанцев вернулся с Большой земли.

— А сколько усачей на фронте развелось! Ух ты! Командиры, через одного—усач!

Дальше сообщение Толи Казанцева еще более сенсационно:

— У Ладоги на дорогах сколько луку валяется! Просыпан с автомашин...

— Что ж не подобрал в сумку? Эх ты!..

— Как-то в голову не пришло... Думал, вам выдают...

Думал...

Вот что значит—чуть подкормили человека, ему уж и «в голову не пришло»...

Каждый день к нам кто-нибудь да пожалует.

Иной входит, для проформы постучавшись, иной заглядывает, приоткрыв дверь без стука; во взгляде вопрос: как, дескать, не прогоните, не помешаю?

— Можно! Заходи!

Бывает и так: дверь распахивается, и человек входит. Видимо, стало невмоготу. Сбежал от одиночества.

Частый гость—Стрекавин. Является по вечерам из своей берлоги—она где-то наверху по черной лестнице, ни разу у него не был. В полной темноте, наощупь, пробирается он по коридорам к нам «на огонек». Подсаживается к буржуйке, затевает разговор. Говорит, слегка запинаясь. Обычные темы его—о судьбах нашего искусства; у него мысли интересные, ни у кого не одолженные, свои.

Хозяева обычно принимают гостей, лежа на топчанах. И частенько случается, что по слабости своей под говор вдруг засыпают.

Наведывается скульптор Боголюбов. Он почернел, как икона. Видно, нелегко у него на душе. Говорит афоризмами. Своими парадоксальными изречениями он как бы подпирает себя среди невзгод, не дает себе пошатнуться духом.

Вячеслав Пакулин—всегда «громкий». Никак не безмолвная, унылая тень. Я считаю: это очень, очень хорошо!

Врывается—заявляет:

— Вот это номер, я вам доложу. Току нет и не будет! На станции лопнули трубы, и ток весь вытек. Готово дело! Оставайтесь при коптилке. Ну, и кончен бал!

Или:

— Я вам доложу, я был возмущен этим: сколько вырезали сразу талонов! У всех вырезали по два, а у меня выхватили три. Подохнем, если по три будут выхватывать. Вот это будет номер, я вам доложу, блоха да муха! Ну, и готово дело! Кончен бал!

Подобные вопли хоть кого, даже самого вялого, скиснувшего заставят очнуться, поднять голову. Очень хорошо! Говорят, в биографии Пакулина был цирк. Теперь это превосходный живописец, пейзажист лирико-эпического толка. Он ничуть не крепче любого из нас. Один лишь отмороженный нос его—румяный, а впалые щеки—совсем зеленые.

Замерзает, как и все мы. Влез вот в женино пальто—какая-то на нем пятнистая, под ягуара, меховушка. Шея раз десять обмотана шарфом, на ногах дамские фетровые боты, заправленные в мужские галоши. Но духом он поупрямее многих.

Живут Вячеслав Пакулин и его жена—художник Мария Александровна Федоричева—в убежище, то есть, попросту говоря, в подвале.

Федоричева плетет маскировочные сети. Пакулин копошится в красках, кистях, готовит холсты—он что-то замыслил.

Не проходит и дня, чтобы не притащился Г. А. Арямнов. Этот не скрывает, что раскис,—ноет, охает.

— Братцы, пустите погреться...

— Грейся. Только там уже все прогорело. Сам растопи...

— Я сам, я сам, ох-хо-хо...

— Постой-ка, постой! Что это ты берешь? Мы еле-еле себе нарубили. Это оставлено на утро.

— Где же мне взять?

— Сообрази где-нибудь...

— Дайте, братцы. Я утром вам стул из дому принесу. (Он живет где-то по соседству, на улице Дзержинского.)

— Ну ладно. Тут у меня под топчаном припрятан кусок кресла. Возьми его, разруби. Но только, чтоб утром принес, как обещал.

Он снимает с плеч ремень, на котором подвязан портфель, бросает на пол, охая рубит топором остатки кресла, подбрасывает щепки в печурку, садится на пол против открытой дверцы, разувается, греет опухшие пудовые ноги.

При свете коптилки делаю с него набросок. Очень характерная фигура: дистрофик.

Январь—февраль 1942 года

Страшная стужа на улице, мороз и в наших стенах.

Как ни пеленаюсь в сорок одежек—на моем тощем теле все болтается. Овчинный тулуп запахивается теперь так, что пуговицы приходятся на левый, а петли—на правый бок. Коченею. Крови мало—не греет.

Томительно ждать до шести вечера, когда затопим печурку (раньше нельзя: дров нет, каждая раздобытая щепка на учете). Только тогда можно будет с кружкой кипятка доесть третью, последнюю дольку дневного хлебного пайка...

Я нащупываю хлеб рукой. Вот он, тщательно завернутый в бумажку (на это употреблен чистый почтовый конверт), в сумке из-под противогаза у меня на боку. Мучительно голодно. Искушение огромно. Противостоять ему так тяжело... Но надо держаться стойко до шести часов.

Чтобы отвлечься, плетусь на парадную лестницу. Хлопнула наружная дверь. Мимо прошел Виктор Прошкин. Что-то необычное в его облике сразу привлекло внимание. Что же? Чистое лицо! Чистое и какое-то умиротворенное.

Среди нас, привычно и безнадежно чумазых, он, казалось, сияет, как до блеска начищенная кастрюля среди закопченной посуды. Шапка его не нахлобучена по самую переносицу, видны на висках волосы, прилизанные и влажные. Счастливец, побывал где-то в бане! Он разогрелся, ему сейчас тепло, на нем чистое белье... И нехотя позавидуешь... Он быстро прошел к себе с видом человека, тайно полакомившегося, однако лишенного возможности поделиться лакомством с друзьями. Ведь ни одна городская баня не работает...

Прошкин избегает расспросов.

Секрет все же открылся. Оказывается, поблизости, на Гороховой, некий предприимчивый житель подвального этажа устроил у себя в комнате настоящую баньку. Соорудил каменку, полок, запасал воду, жарко натапливал. Стоимость мытья—паек хлеба...

В швах моего «егерского» белья завелись проклятые «танкетки». Но отказать себе в пайке хлеба у меня нет возможности.

Теперь мне известно, что такое старость,—глубокая старость, девяностолетняя.

Это—немощь дряхлости и еще отупение, душевное безразличие.

Природа порой наделяет глубоких стариков благотворным равнодушием, отнимает у них остроту чувств и живость разума, как бы для того, чтобы облегчить человеку расставание с жизнью и устранить бесполезные муки бессильного протеста против надвигающейся смерти. Но быть молодым и при этом наблюдать себя в состоянии одряхления и апатии, вот что воистину страшно.

Сидишь согбенный на табурете возле буржуйки. Из топки вывалилась головешка, чадит. Надо ее поднять, бросить обратно. Надо... Конечно, надо... Но, оказывается, не такое это простое сейчас дело. Надо встать... Нагнуться? Нет, невмоготу шевельнуться... Может быть, случайно кто-нибудь зайдет, пусть и поднимет... Никто не идет... Придется самому...

И вот собираешься с духом. Напрягаешь волю: все же я должен заставить себя встать и нагнуться! Усилием воли преодолеваешь свою скованность, привстаешь с табуретки, опираясь не нее, медленно приседаешь на непослушных, совсем слабых ногах, сползаешь на пол за головешкой...

Если мне суждено выжить, я смогу рассказать, что такое старость: я был стариком.

Обросший бородой, опухший Н. Ф. Лапшин метался в поисках шприца для камфары.

В темном коридоре ЛССХа он открывал подряд все двери.

— Умирает жена... жена моя... товарищи, есть у кого-нибудь шприц?

Молчание.

— Товарищи, прошу вас... умоляю... шприц.

Вялый голос: «Откуда же у нас, милый Николай Федорович?»

Лапшин притворяет за собой двери. Слышим, как он, удаляясь, плетется по коридору.

Жена Лапшина умерла.

— Слышали, товарищи,—Лапшин слег. Не встает.

— Не встает? Значит—плохо...

Остался сынишка Миша. Он эвакуируется из Ленинграда...

Холодов сидит на полу перед буржуйкой и что-то долго варит в закопченной жестянке из-под краски.

— Что ты, Ваня, варишь?

— Да вот Вася Кобелев дал кусочек столярного клея... Если бы лаврового листа сюда...— И помолчав немного:—Лавровый лист, он, конечно, не имеет решающего значения, но вкус придает...

— Смотри: готов у тебя клей-то. Закипел.

— Пусть поостынет, таким рот обожжешь.

Он осторожно снимает жестянку с буржуйки и ставит возле себя на пол.

Увлекшись воспоминанием, Холодов, жестикулируя, задевает и опрокидывает свою баночку с клеем. На глазах—слезы.

— Опять я голодный остался... Ну, что это такое? Пропало последнее спасение больного человека...

При всем желании прийти на помощь погибающему товарищу, что ты можешь сделать?

Сказать ему: «Ваня, не отчаивайся. Не дадим тебе умереть. Чем можем—поделимся...»

А делиться нечем...

— Крепись, как-нибудь... до завтрашнего дня...

В комнате молчание...

28 января, когда сумерки уже перешли в ночь, в двери темной нашей комнаты после робкого стука просунулась чья-то голова.

— Кто это?

— Я, Замятин...

Художника Владимира Замятина я знаю давно.

Среди товарищей он всегда выделялся какой-то исключительной мягкостью натуры, душевностью. С первого же взгляда внушал симпатию, расположение. Я обрадовался, увидя его живым.

— Входите, входите!

— Товарищи! Большая неотложная просьба: там в вестибюле на диване две женщины-художницы. Ольга Николаева Афанасьева и Нина Иосифовна Коган. Обе в очень плохом состоянии. У Коган больная рука: гангрена. Ольга совсем слаба. Нельзя ли привести их сюда, к вашей печурке обогреться?

— Нет, это невозможно! Здесь и так повернуться негде, притом—видите—одни мужчины. Все—дистрофики. Через каждые полчаса текут, как худые бочки. Внизу есть комната с печкой—канцелярия. Поместите их туда...

— Пожалуйста, разрешите. Я вас всех очень, очень прошу...

— Поймите: мы не можем... Обратитесь к Серову или Малагису.

— Никто не хочет помочь... Никто... В вестибюле на морозе обе они, вероятно, к утру помрут.

Он отворачивается и беззвучно плачет.

— Владимир Романович! Володя! Ну, не надо... Успокойтесь...

— Знаете, нервы уже не выдерживают... Рука у Коган в бинтах, страшно ее мучает. Она четырнадцать дней без всякой врачебной помощи. Ольга не держится на ногах. Привожу их в больницу—там не принимают. А уже ночь. На санках едва дотащил их сюда. Посторонние люди помогли...

— Хорошо, Володя. Где там ваши женщины? Доставляйте их сюда. Как-нибудь устроим переночевать.

И вот, кряхтя, мы сдвигаем свои топчаны, притаскиваем еще два недостающих, с немалым трудом устанавливаем их в нашей тесноте и устраиваем дам. Во всеуслышанье объявляется условие: мужчин и женщин здесь нет, все—равные, все—товарищи...

В комнате «Боевого карандаша» поселились Ярослав Николаев, Юрий Бибиков и Эдуард Будагоский.

Припоминаю: у сапожника — соседа по моей комнате на Фонтанке—видел я большую жестяную банку с мазью для сапог. Не гуталин, а какое-то сало, ворвань, должно быть. Это — идея!

Соберусь с силами, схожу, предложу на обмен табак.

Январь 1942 года

Василий Петрович, сосед мой, сапожник, дал мне сапожной мази и не взял за это ничего. Я принес в газете большущий кусок, с килограмм примерно. Запах — рыбный и отдает дегтем. В общем — съедобно!

На буржуйке поджарил на этой мази «горенку». Горит «горенка» здорово, но все же она не сухая, пропитана жиром... Желудок будет этому рад и, надеюсь, не запротестует.

Ольга Афанасьева дала свой кусочек хлеба, попросила поджарить. Попробовала и сказала: «Ничего».

Начадил и навонял в комнате жиром отчаянно. Но у нас конвенция — не фыркать по поводу запахов.

Все же, что такое эта сапожная мазь? В основном, допустим — ворвань. Но я толком не знаю, из чего состоит ворвань. Нет ли там вредных примесей? Достать бы словарь, посмотреть. Взять, однако, негде... У Анатолия Рожнова сестренка — студентка рыбного техникума. Попросил разузнать у нее. Он мою просьбу исполнил. Ворвань — это самый низший сорт рыбьего жира или сала тюленей, китов, оставшийся после вытапливания высших сортов. Он загрязнен мелкими кусочками печени, желчью, но никакой отравы специальной туда не кладут.

Ну, значит — живем!

Ежедневно теперь я ем поджаренный хлеб. В нашем положении такую дивную сапожную мазь куда полезней съедать, чем смазывать ею сапоги. Между прочим, чувствуется все же, что она предназначена для кожи, — дело свое знает. Как будто бы — так мне кажется — моя кожа на теле становится чуть-чуть мягче, чуть-чуть менее пергаментной.

Вот что значит — организм получает жиры!

Когда доем весь кусок мази, опять схожу к сапожнику.

Ярослав Николаев с эмалированной кружкой в руках — с такими кружками обычно чистят зубы — стоит с растерянным видом у буржуйки.

— Я хотел разогреть себе суп и как его... это... А суп — видишь, как его... это... пролил.

И продолжает с теми же чрезвычайными усилиями:

— У меня есть к тебе предложение: я дам тебе свой крупяной талон, а ты... как его... это... А ты на него получишь, и мы с тобой... как его... это...

— Милый Ярослав, зачем же «мы с тобой»? Сам съешь! Ну, давай скорее талон!

Голод и холод парализовали работу «Боевого карандаша». Обессиленные и замерзающие дистрофики, мы более не в состоянии ежедневно работать в коллективе. Положение таково, что вынуждены «рассредоточиться» (конечно, с надеждой, что это временно, до лучших дней).

Встречаемся ежедневно у раздаточного окошка нашей столовки.

Почерневшие, страшно исхудавшие, с самыми разнокалиберными посудинами в руках, подолгу стоим в очереди за тарелкой дрожжевого супа и кишковой котлеткой.

Где-то на ленинградских складах найдены бочки соленых кишек, предназначавшихся для колбасных изделий. Из этих кишек делается теперь фарш, а из фарша — паровые (без поджарки, без жира) котлетки.

Разжевать такую котлетку невозможно — надо откусывать и глотать.

Астапов живет дома. Петров — на кораблях. Курдов и Муратов перекочевали на Васильевский остров — к Власову. Он сманил наших товарищей обещанием тепла — у него запас березовых дров.

Муратов до того ослабел, что Курдов привозит его через Неву на саночках.

Мы, здесь живущие, успеваем, конечно, одними из первых стать в очередь у раздаточного окошка.

Курдов, застав большой хвост, непрочь примазаться поближе. Пропускаю его впереди себя, вру стоящим за мною: «Да, да был... стоял». Тень прежнего Муратова ожидает его, согнувшись на стуле, в полусумрачном, неуютном зале. Ведь Курдову предстоит везти эту тень и в обратный путь.

Жадным и ревнивым взглядом следим за поварихой, кладущей с противня каждому из нас в судок или плошку кишковые котлетки.

Курдов бормочет мне:

— Ладно, Коленька, придет время, схожу на охоту, принесу уточку. Поедим с тобой уточку...

Он не хочет оставаться в долгу и готов щедро отблагодарить за оказанную услугу.

...Холодова и Тырсы нет в живых. Их переправляли на Большую землю. Но они, не выдержав истощения, скончались в дороге.

Из карандашистов остались жить в здании ЛССХа только Кобелев и я.

А почему бы не быть съедобными дровам? Ведь у иного полена дух такой вкусный — винный! Состав древесины и сахара один и тот же, только строение молекул различное...

И еще вот жаль, что нельзя нам встать на землю да пустить, как дерево, корни и соками из земли насытиться. Нет, сейчас зима. Земля мерзлая. Значит из этой затеи все равно ничего бы не вышло...

Досадно вспоминать, как небрежна была наша сытость, какой безрассудной была она, какой мотовкой! Мы на всех зубах жевали, а то и того проще: на язык и — гам! — не прожевав, в глотку.

А теперь, точно зайцы, кусаем одними передними зубами — так, дескать, подольше ешь, стало быть, наедаешься сытнее.

А уж попал кусок на язык — пусть хоть полчасика полежит. Между прочим, говорят, что это действительно полезней для организма. Шведский король вот в свои восемьдесят шесть еще играет в теннис. Когда его спросили: каким образом он сохранил такую необыкновенную бодрость, король ответил, что каждый кусочек пищи обязательно прожевывает столько раз, сколько ему лет.

Город обратился в какой-то лабиринт ущелий среди угрюмых домов...

Я и товарищи мои подчас выходим на улицу, чтобы поохотиться за съестным. Как мышата: чем бы поживиться... Взять хотя бы аптеку. Иной раз удается выудить там какую-нибудь скляночку или пилюльку с питательной жижицей. Но ведь это — ничтожная малость, сущая ерунда. А все-таки...

Есть, конечно, люди не чета нам — с особым охотничьим нюхом. Эти заранее знают, в каком магазине и в какой день можно по карточкам получить продукты покачественней: рис, а не пшено, шоколад, а не леденцы. Кой-кто умудряется выгодно обменивать свою мебель — стильную столовую или спальню — на кусок конины, кулек крупы. А по слухам, есть в городе и такие, что еще едят из припасов, да так, что по тарелкам размазывают. Но как я тут ни напрягаю свою фантазию — представить этого себе никак не могу.

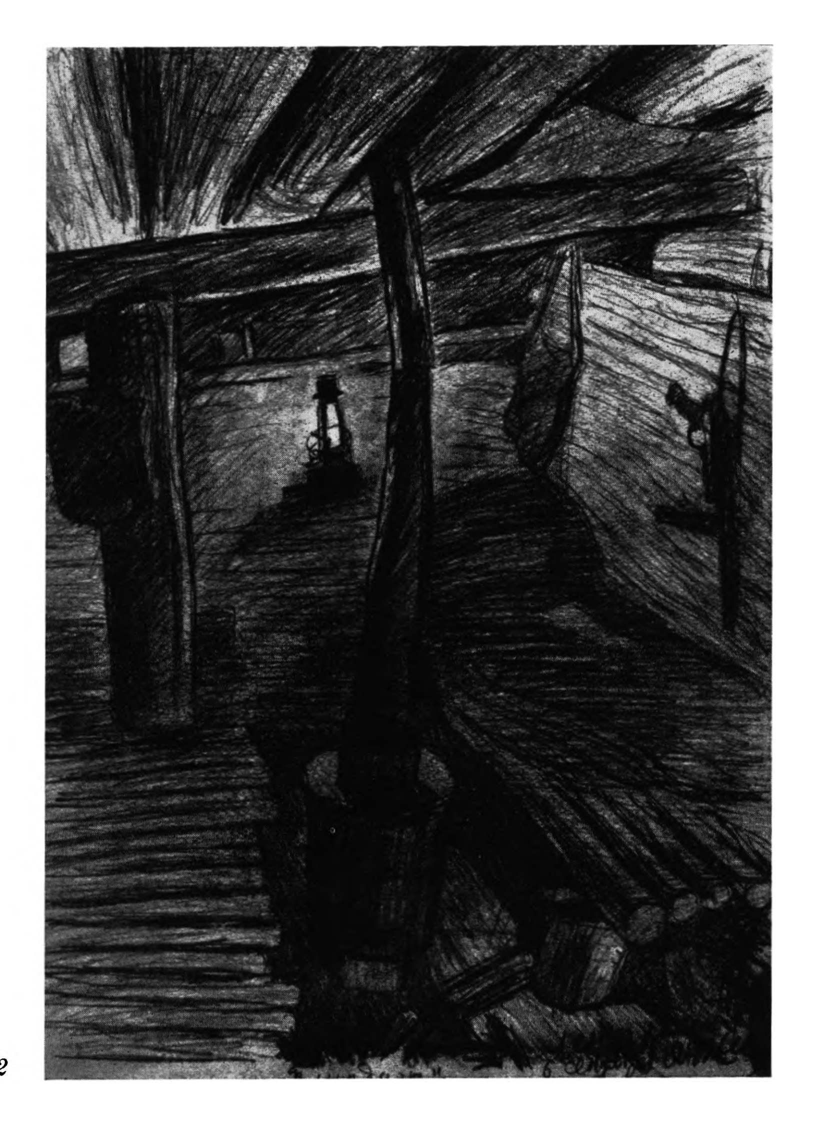
Как же сейчас работает «Боевой карандаш»? Над чем?

Литография замерла. Возможностей тиражного размножения нет. Мой лист «Не зная страха» (на тему о презрении к смерти во имя исполнения воинского долга), на оригинале которого уже стояла виза «печатать», так и не вышел тиражом. Другой лист — «Ворона в павлиньих перьях» — остался в эскизе.

Но все же работа не заброшена. Уверен, что Астапов, Муратов, Курдов немало набросали в портфель «Боевого карандаша». Это предположение подстегивает меня.

Я задумал и — когда бываю в состоянии — пытаюсь работать над эскизом сатирического листа «Лиса и Ленинград». Подписи к рисункам сочиняю в подражание басне:

Голодная лиса в чужой забралась сад.
Вдруг перед нею Ленинград.
Цеха, дворцы совсем вблизи виднелись,
И у лисы глаза и зубы разгорелись,
...С какого бока
Лиса к нему ни подойдет —
Хоть видит око, да зуб неймет.

И. Астапов. Блиндаж. 1942

Работа движется трудно, медленно, от случая к случаю.

Основное время уходит на тяжкие заботы о том, чтобы не протянуть ноги.

У нас, художников, особая привилегия: нас невозможно разлучить с нашим трудом, потому что материал для работы всегда у нас под руками. И писателей, конечно, тоже. Если художник и не в силах тотчас же воспроизвести в материале волнующие его образы, он наблюдает, запоминает впрок. Мысленно рисует: линии идут так-то, объемы такие-то, цветовые отношения такие-то... Здесь кобальт, здесь охра по фиолетовой подгрунтовке... Великое благо труда в том, что он врачеватель—помогает переносить тяжкие беды.

Февраль 1942 года

Морозы лютые. О том, чтобы взять в руку на улице карандаш хоть на пять минут, — нечего и думать. Выхожу на Исаакиевскую площадь или к Петру, подолгу стою и наблюдаю, а запомнив хорошенько, — спешу домой и рисую по памяти. Стараюсь не пропустить ни одного дня без того, чтобы в светлые часы хоть немного, но поработать.

Расчистил место у окна и рисую. В моей коричневой замшевой папке материал подкапливается. Пером (черной тушью) повторяю с набросков, которые — в десяток штрихов — удается все же сделать на улицах. На листе с рисунками делаю записи и ставлю гриф: «Д. в.» — «Дневник впечатлений».

Такой рисовальный дневник начал еще с осени. Жаль, нет сил. Не хватает на все затеи.

Хотя выдают только ломтик хлеба (неизвестно, из чего он) и кишковые котлетки с кипятком, хотя в меню нашем заняли место жмыхи, декстрин, столярный клей и даже сапожная мазь, но и на таком, почти совершенно непригодном «горючем» мы обязаны двигаться. Пусть еле-еле, на «самых малых оборотах», но двигаться во что бы то ни стало, ибо мы не имеем права позволить себе «заглохнуть».

О еде мы не говорим. За это — штраф.

Теодор Осипович Певзнер, отличнейший художник, тонкий рисовальщик, стал одной из первых жертв голода. Он умер в стационаре, который был открыт в верхних этажах «Астории».

Загоскин умер 2, а на 3 февраля был назначен его отъезд. Иван Холодов уехал 3 февраля и умер в дороге под Тихвином. Николай Федорович Лапшин умер 22 или 23 февраля. Алексей Почтенный — 26 февраля. Какая горестная хроника.

Апрель 1942 года

Брезжит свет весны и пробуждает дух деятельности.

Пахомов нарисовал Ярослава Николаева на санках и внес в наши стены атмосферу мастерской.

Пример расшевелил. Ярослав Сергеевич Николаев притащил мольберт и раскрыл ящик с красками. Для разгона сделал этюд женской головы с Александры Латаш. Затем написал маслом эскиз: войска на марше у ростральных колонн. В замысле у него — эвакуация Эрмитажа, в которой он принимал деятельное участие. Посмотревшись в зеркальце, сказал: следовало бы сделать автопортрет.

Желание работать крепнет у всех. Сил настоящих ни у кого, конечно, нет, но в мыслях нечто новое: нельзя «упустить время». Окружающая обстановка быстро меняется. Днем наша комната теперь зачастую на запоре — все на зарисовках.

Вскоре объявляем просмотр эскизов к весенней выставке. Рисую партизана. Мне позирует В. Кобелев. Использовал этюд весенних деревьев, сделанный на кладбище 3 апреля, в тот день, когда я хоронил художника В. А. Зверева.

Открылись Казачьи бани.

— Верно ли это?

— Официально сообщено!

С Васей Кобелевым сговорились помыться и побрели. Перешли мост через Мойку, а на второй, более крутой мост через канал Грибоедова взойти не смогли — ноги совсем ослабли, на льду никак не слушаются. Потоптались, потоптались и вернулись назад в «аквариум полудохлых рыб» — так прозвали мы нашу комнату.

Через два дня решил вторично попытаться попасть в баню. Товарища-попутчика не нашлось. Пошел один и добрел.

Касса закрыта.

В сумрачном, неосвещенном вестибюле несколько разочарованных теней, таких же, как я.

Кто-то сказал:

— Там все же моются.

Я взошел по мраморной лестнице и открыл первую попавшуюся дверь. Никто меня не остановил. Вхожу в раздевалку. Нет ни души. Прошел дальше в мыльную. Совершенно пустой, серый, нетопленный зал. Вдали уловил стук тазов и голоса. Пройдя два мрачных мыльных зала, — а в этих банях они очень большие, — подошел к двери в парную, за которой и гремели тазами.

Открыл дверь, шагнул и увидел сюжет из Гойи. Мылись женщины — костлявые, угловатые. Груди у всех висят, как пустые мешочки.

Я стою у дверей в валенках, в тулупе, шапке. Ни одна даже не взглянула в мою сторону.

Соображаю, что парные женского и мужского отделений обычно располагаются рядом. Значит, за стенкой должна быть еще парная. Пойду посмотрю. А не найду — вернусь и стану мыться вместе с женщинами.

Действительно, рядом я нахожу вторую парную, в ней никого нет. Хорошо натоплено. В кране горячая вода.

Как давно не видел я свои ноги! Какие они стали! Мышц почти нет. Палки. Потому-то они и не держат. Ноги тотчас застыли — по полу несет холодом. Я укутываю ноги в овчинную безрукавку, которую носил под тулупом, и сначала моюсь сверху по пояс. Нелегкое это дело. Движения вялые, руки едва слушаются. Затем я вытираюсь насухо, надеваю овчину на плечи, запахиваюсь в нее и принимаюсь за мытье своей цокольной части.

Вдруг — звонкие голоса. Дверь распахивается и вваливается ватага здоровущих девиц в ватниках и ушанках.

Увидев меня, все прыснули.

— Какой цыпленок! Сиди, сиди! Мы тебя сейчас вымоем!

Это присланные с Большой земли милиционерки. Пришли мыться взводом. Для них-то и была приготовлена парная, в которую я забрался. Они складывают у дверей свою одежду и с шумом и хохотом, плескаясь из шаек, занимают скамью вокруг меня. Крепкие, пышущие здоровьем. Какой разительный контраст с тем, что только что видел я за стеной!..

Я на их полные ноги, руки, станы, груди смотрю, как на чудо. Как будто очутился в ожившем полотне Рубенса.

Но что такое истощение? Это не только физическая немощь, это — отупение души, вялость восприятия, безразличие. Я не в состоянии как художник наблюдать и оценить внезапно представшую передо мной великолепную обнаженную натуру. Мне все равно. Я не задерживаюсь ни на минуту дольше, чем нужно, чтобы помыться и одеться, и — ухожу.

Март 1942 года

В первой комнате справа по коридору восседает Владимир Ильич Малагис.

Ему поручено сложнейшее дело: распределять права на питание, выдавая соответствующие талоны.

Несмотря на спокойную и даже флегматичную внешность, чувствуется, что он находится в постоянном душевном напряжении, при распределении благ он должен оставаться объективно справедливым к товарищам.

У него вид хранителя тайны. Загадочен, как сфинкс. К нему проходят поодиночке. Наступает и мой черед получить у него дополнительный талон на соевое молоко или хвойный витамин.

Апрель 1942 года

Вчера, 1 апреля, московские художники прислали нам, ленинградцам, воистину братский подарок!

Получаем по 700 граммов (!!!) шоколаду, концентраты гороха и пшенной каши, по 2 банки сгущенного молока и свыше килограмма рассыпчатого печенья! Целую страницу отвожу под восклицательные знаки. Ошеломлены свалившимся на нас счастьем. ЛССХ гудит, как улей в первый весенний день. Общее ликование! Сказочный пир! Кто решил, что помрет, — отменил решение...

6 апреля правление утвердило меня членом Союза советских художников.

Ареопаг просматривал мои работы. Отмечены были акварели. Было сказано: «Хотя Быльев и считает себя карикатуристом, судя по выставленным шаржам на товарищей по «Боевому карандашу», но особенно хорошее впечатление производят его акварели. Есть все данные, что его мастерство в этой области окрепнет и разовьется».

Я в недоумении: пусть так, пусть акварели и впрямь выглядят мило, но они всего лишь — задушевная беседа, разговор в полголоса. Почему же мой громкий голос, услышанный в городе за стенами Союза — плакаты «Боевого карандаша», — не удостоились даже упоминания...

Товарищи поздравляли: «Быльев, с тебя приходится!»

Мы распили флакончик одеколона (предварительно дав отстояться ему с марганцовкой), он сохранился в моем «нз» (неприкосновенном запасе). Закусили печеньем и шоколадом — дарами московских художников.

27 апреля 1942 года

Ярослав Николаев по всем правилам поварского искусства приготовил для меня угощение: кусочек баранины. Кроме того, он представил мне на рассмотрение проект памят-

ника. Памятник изображает мой тулуп (почти без меня), установленный на пьедестале из охапки дров и бочки с соевой сырковой массой. На памятнике надпись:

Быльеву-Протопопову
благодарный ЛССХ

Так отмечен был день моего рождения. По документам мне сегодня тридцать пять. Но фактически это — неверно. Мне никак не тридцать пять. Совсем недавно мне было за девяносто. Немощь, полное одряхление. Сейчас мне лет шестьдесят, не меньше, но я надеюсь, твердо надеюсь, придет день и мне действительно станет тридцать пять.

Май 1942 года

Вчера, 1 мая, мы подбирали на улице Герцена у наших дверей горячие осколки шрапнели.

Серов откуда-то возвращался и вошел в парадную буквально в момент разрыва снаряда. Я нашел осколок и у нас на дворе. Вечером женщины носили из Сада трудящихся охапки сбитых сучьев — на топливо.

Пахомов рисует в нашей комнате Ярослава Николаева для задуманного им листа «В стационар». От природы худощавый, с изможденным лицом, Ярослав одет в пальто, шапку, бурки, усажен на детские санки в вялой позе. Подлинный тип блокадного дистрофика! Пахомов говорит о себе, что отлежался, поднакопил малость силенок, собрался с мыслями и приступает к работе.

Он рисует Ярослава не с одной точки, а передвигаясь время от времени то вправо, то влево, садится то ближе, то дальше — в зависимости от того, в каком ракурсе выигрышней будет та или иная зарисовываемая деталь.

Такой прием никогда не приходил мне в голову. Я решил испробовать его при случае.

В комнате нашей натоплено, но Пахомов работает, не снимая своей лохматой ушанки, козырек и уши которой как-то дико, по-скифски торчат во все стороны.

Делаю с него шаржированный набросок.

23 мая 1942 года

Пришли военврачи из госпиталя — дайте нам художника!

Правление рекомендовало меня.

Эвакогоспиталь № 97 — наш сосед. Он размещен в здании ВИРа —Всесоюзного института растениеводства — на Исаакиевской площади.

Разговор деловой. Предложены условия: художник оформляет помещения госпиталя в удобное для него время. Госпиталь предоставляет художнику усиленное питание и необходимое лечение.

Ну что ж — условия отличные! Знакомлюсь с администрацией: начальник — товарищ Березин, комиссар — товарищ Незабудкин, начклуба — товарищ Лейкин.

Все трое тут же дают задание. Начклубу необходимы плакаты для клуба. Начальник госпиталя просит дать проект оформления вестибюля, подобрать колеры для окраски стен —

пожизнерадостней, посветлей. Комиссар просит по шефской или по любой другой линии раздобыть, что возможно, для украшения залов, где лежат раненые, и для столовой — скульптуры, картины.

Все ясно.

24 мая 1942 года

Принес в госпиталь «Боевой карандаш». Из папок в литографии отобрал наиболее подходящие — 13 листов. Такие, как «Овладевай оружием» и «Умейте, патриоты, вести расчет с врагом», не взял: кто попал в госпиталь — уже всему этому научился. Когда перед начклубом развернул плакаты, подошло несколько раненых; смотрят с интересом, вслух читают подписи. Один говорит:

— Э-э! такие мы уже видели!

Я смутился: выходит, что не смог предложить ничего нового.

— Где же вы их видели?

— Да где-то на вокзале наклеены были. В Красном или Дудергофе. Еще осенью, когда мы там были. До гитлеровцев.

— Какие же листы вы видели?

— Да этот вот, например, и вот этот.

Раненый указывает лист с парашютистом на штыке у повара: «О том, как делается отбивная котлета и как на вертеле дичь подают» (плакат И. П. Королева) и мой лист «Инициатива и сметка».

Я припоминаю: Алянский или Горбунов — кто-то из них — говорил в свое время, что лист «Инициатива и сметка» получил много отзывов из армии.

Съедаю настоящий бульон, рисовый плов с мясом и компот из чернослива. Предел мечтаний! Дважды в день без всяких талонов будут в госпитале меня так питать.

25 мая 1942 года

Геббельс целый день икает.
Гитлер скис — болят бока...
Не бывать вам в Ленинграде,
Два фашистских дурака!

Частушку сказал раненый.

— Товарищ художник, годится плакат нарисовать?

— Годится, — отвечаю. Про себя же думаю: многое годится и необходимо бы нарисовать, только некому... Голодная зима раздробила коллектив карандашистов. Курдов да я, если бы даже и пожелали, не в силах одни выпустить листы.

Литография без печатников.

26 мая 1942 года

Где раздобыть картину? Скульптуру? Прошелся по пустым мастерским — ничего нет.

Были у меня этюды на холсте моего отца, мариниста М. Протопопова. Всю жизнь он работал в Крыму, там и умер в 1927 году. Этюды его и принес из дому в ЛССХ еще осенью, когда перешел на казарменное.

Отобрал 19 штук крупных — примерно 80 × 50, написанных в солнечные дни: голубые небеса, синее море, охристые берега. Отнес в госпиталь. Их тотчас же без рам развесили по палатам. Комиссар очень благодарил: для раненых это самые подходящие картины — с видами знойного лета.

Мы получили разрешение на зарисовки по Ленинграду. Делать их необходимо — это долг художников.

Если в мае блокада будет ликвидирована, то облик города, стойко выдержавшего осаду, быстро изменится.

К сегодняшним нашим рисункам не пропадет интерес и через сотню лет.

Здоровье улучшается. Сердце крепнет. Ноги перестали опухать. Даже разрешаю себе выпить вечером кружку кофе. Еда не жирная, но количество достаточное. Имею три льготных обеда ежедневно. Каждый состоит из двух тарелок супу и одного мясного блюда — две котлетки, или два кусочка солонины, или ложка гуляша (без костей), с прекрасным гарниром — 100 граммов гороховой каши или лапши. Роскошь! Ем без всякого стеснения — надо накопить силы для работы.

В длинные светлые дни надо будет всюду походить, побольше увидеть!

Вся эта замечательная еда идет в Ленинград через Ладогу.

Возить стали еще с ноября на подводах и автомашинах. Фашист непрерывно обстреливает и бомбит ледяную дорогу. Шоферы и возчики работают в опаснейших условиях, многие погибают.

Каждый кусок, святой кусок, который мы сейчас съедаем, это — не только пища, это — знак и доказательство необычайного мужества и беззаветной заботы о нас ладожцев. Словно слышишь их призыв к нам, ленинградцам: не падайте духом, возрождайтесь, накапливайте силы — во имя победы над врагом!

Почему же не было у нас ни одного листа «Боевого карандаша», посвященного героям-ладожцам?

На Университетской набережной зенитки у самого парапета. Вокруг каждого орудия бруствер из мешков с землей.

На граните набережной крупно, черной краской выведено: «Смерть фашистским захватчикам!».

Зенитчики в белых полушубках.

Рисовать с натуры здесь не разрешено. Я долго наблюдаю с тротуара, стоя под стеной университета.

Закрыв глаза, воспроизвожу картину по памяти, мысленно рисую. Рукой делаю движения, будто бы держу карандаш. Натыкаюсь на провал в памяти в зрительном представлении, открываю глаза, всматриваюсь в незапомнившуюся деталь, и снова, прикрыв глаза, мысленно ее прорисовываю.

Так я работаю до тех пор, пока не появляется уверенность, что все хорошо запомнил и смогу нарисовать по памяти. Делаю это в тот же день.

У Академии художеств застала тревога. Бьют зенитки. Наблюдаю за стрельбой.

Приходили представители рыбаков.

— Не найдется ли среди художников желающих поработать сезон с рыбаками — ловить рыбу в Неве? Люди нужны...

И в голодном воображении — дымящаяся уха... А поесть наверняка можно будет досыта... До чего же заманчиво! Голова идет кругом...

— Как, есть у товарищей желание?

Желание, бесспорно, есть. И не малое. Но все же мы, к сожалению, вынуждены отказаться: в замыслах у всех — Ленинград. Каждый из нас видит свой долг в том, чтоб запечатлеть свой город.

Теперь есть возможность заняться профессиональной работой.

Ем одуванчики. Научила художница Щекатихина-Потоцкая, жена Билибина. Во Франции это обычное блюдо, салат «Писанли», еда французских пролетариев.

Листья едят до цветения растения. Их следует намочить и слить две-три воды, чтобы ушла излишняя горечь, а потом готовить, как всякий салат — с уксусом, солью, сахаром, сметаной.

Какой у нас сахар? Какая сметана? Простокваша из соевого молока — вот что у нас сметана! Хожу к Адмиралтейству в парк, выискиваю побеги одуванчика, набиваю ими сумку от противогаза.

Салат получается горьковатый. Возможно, я недостаточно вымачиваю листья. Но он поистине чудодейственный — сразу же чувствуешь прилив сил, крепче стоишь на ногах. Истощенный организм, очевидно, очень чуток к витаминам.

Буду есть салат каждый день.

На основании собственного опыта веду агитацию среди товарищей за салат «Писанли». Сегодня ходили к Адмиралтейству собирать одуванчики вместе с Эвенбах. Наткнулись на оторванную кисть руки.

Все же не так изображаем мы Гитлера, как следовало бы. Принятое карикатурное изображение продиктовано, конечно, патриотическим желанием всячески унизить врага.

Но на наших рисунках Гитлер выглядит каким-то условным картонным человечком, сморчком, злым паяцем, а это не вызывает ни смеха, ни негодования. Гитлер — изверг, изображение его должно возбуждать чувство непримиримой и беспощадной ненависти. Потому необходим иной характер изображения — реалистический, действующий и впечатляющий так, как впечатляют документальные изображения.

Гитлер будет побежден. Что с ним сделают? Будут судить и приговорят. К чему? Конечно, к смерти. Но это слишком легкая кара злодею. Сначала следовало бы его и всех его кровавых подручных рассадить по железным клеткам, как хищных зверей, и в таком виде провезти через все разрушенные ими города. А чтобы внешне человеческий облик этих чудовищных выродков, сидящих в клетках, не вызвал в слабом сердце неуместного сострадания — рядом с клеткой, впереди и позади ее, надо везти улики их злодеяний — увеличенные документальные фотографии пожарищ и замученных людей. Наши сердца требуют возмездия!

Если станет сил, то непременно примусь за такой рисунок. Думается, будет в нем выражена мечта всенародная.

Третий час дня. Опять зовут на уборку снега. Надо идти. Но в душе — досада, чувства взъерошились недовольством, и на уме — не пойти, отказаться под вполне благовидным предлогом: дескать, плохо мне, заболел... Эх, лукавая, нечистая мыслишка!

В дверях появляется наш бригадир Стрекавин. Властно и бесцеремонно подгоняет: долго ли, черт возьми, буду приглашать вас!

Экий держиморда... Впрочем, нет: молодец! Поступает правильно. Соблазн увильнуть подавлен. Я уже готов подчиниться. Что называется — торжествует сознание долга...

На двор выхожу все же угрюмо, с недовольной миной и нехотя присоединяюсь к товарищам, разбирающим ломы и лопаты.

Куда поведут сегодня? Опять в чужой двор? Нет, сегодня идем на перекресток к Никольскому рынку очищать трамвайные пути. Ну, это еще куда ни шло... Обещают с первого мая пустить трамваи!

С начала апреля все ленинградцы работают по очистке дворов и улиц от снега и льда; работающие на производстве — по три часа в день, не работающие — по шесть часов. Всеобщая повинность. Зима простояла суровая, без единой оттепели. Еще намертво замурована морозами всяческая грязь и зараза. Нельзя допустить, чтобы весна, такая долгожданная для каждого из нас, наградила город эпидемиями...

Лом, проклятый, до чего же он тяжел! Сколько в нем весу? Поди, пуда два будет? Нет, откуда же два? Не тяжелее же лом ведра воды — значит, килограммов десять. Вот показатель, как я еще слаб!

Лом поднимаешь с натугой. Долбишь им с частыми передышками. Не хватает ни сил, ни дыхания. Нагружать лопатой сколотые глыбы в корзины — не легче. Свозим их на санках и сваливаем за решетку канала.

Работая, все мы размялись, согрелись и заметно повеселели. Усталости все больше и больше, а на душе все лучше и лучше! Куда девалась недавняя угрюмость!

Слышны шутки, видны улыбки. Некоторые даже смеются. И когда мы шабашим, я испытываю приятное удовлетворение. Какая целебная сила в физическом труде!

Накануне Первого мая, буквально на другой день после того, как повсюду закончили очистку улиц от снега, над городом прошел первый весенний ливень. Он смыл остатки грязи. Каким свежим, умытым выглядит сегодня наш Ленинград!

Приписка:

Пахомов оказался всех проницательней. Когда работал наравне с другими по очистке улиц, он внимательно примечал и образно задумывал как рисовальщик. И вот перед нами один из его блокадных эстампов: «На уборке снега».

Май 1942 года

Ярослав Николаев в одной из больших пустующих мастерских на верхнем этаже пишет автопортрет. Я зашел к нему в часы работы.

Он стоял перед холстом и смотрелся в карманное зеркальце, взялся за кисти и сделал несколько мазков на холсте. Рядом с мольбертом стояло кресло, а на нем лежали какие-то странные предметы: лоскут материи, кажется, кусок жести и еще что-то в таком роде.

— Это для чего?—спросил я.

— С этого я и пишу. Беру цветовые отношения.

В комнате «Боевого карандаша» появляется необыкновенное существо: девушка, приветливая, миловидная.

— К вам можно?

— Можно. А вы к кому?

— К вам.

— Ко мне?

— Не к вам именно одному, а ко всем.

— Очень хорошо. Значит вы зашли к нам в гости? Как же вас зовут?

— Валя.

— Сколько же вам, Валечка, лет? Наверно, лет двадцать?

— Да, скоро будет двадцать.

— Присаживайтесь, Валечка.

— Да нет, что присаживаться. Лучше я что-нибудь для вас сделаю. Вот что, милые мои дистрофики: давайте помоем ваши руки.

— У нас, Валечка, не руки, а медвежьи лапы.

— Ну давайте помоем ваши медвежьи лапы.

И Валечка приносит воду и всех заставляет старательно вымыть закопченные, пергаментные руки.

— Ну, теперь всем вам надо принять витамин «С». Вот вам витамин.

— Ах, Валечка, золотко, чем же отблагодарить вас? Хотите бутерброд со жмыховой икрой и кружечку кофе? У нас это наравне с какао и пирожными.

— Нет, спасибо, я ничего не хочу. Теперь немножко приберем комнату.

И Валя в нашем задымленном «аквариуме полудохлых рыб» принимается за генеральную уборку. Мы, как можем, пытаемся ей помогать, но она нас мягко отстраняет.

Комната преобразилась. Непривычная чистота, совсем другой воздух.

Валечка собирается уходить.

— Товарищи, как же это так? Чем-то надо Валю отблагодарить. Она для нас так много сделала.

Но тут говорящего перебивают:

— Да, что вы, товарищи,—не видите, что ли, какой Валя человек? Если хотите, чтоб она больше никогда к нам не пришла—угощайте, благодарите ее. Наоборот, надо ее побранить—тогда она будет довольна и опять к нам придет!

Откуда явилась к нам эта девушка, кем она была—для нас так и осталось тайной. Лишь потом мы сообразили, что это был вездесущий наш комсомол.

Жизнь налаживалась.

Г. ЛЕБЕДЕВ

ИЗ ДНЕВНИКА

10 апреля 1942 года

Ночные тревоги, истерическое завывание сирен и судороги оскорбляемой земли остались позади.

Сейчас в ясные дни производятся только артиллерийские обстрелы. Где-то, совсем низко, над крышами пятиэтажных домов, с хрюканием и хрипом проносятся тяжелые снаряды. В густой и вибрирующей апрельской синеве, отчетливо выговаривая «пок!», они рвутся, покрывая кровью случайных прохожих стройные портики александровского ампира.

Город живет обычной жизнью осажденной крепости. Пульс слабый, но ровный, без перебоев.

11 апреля

Сегодня узнал о смерти Николая Андреевича Тырсы. Где-то в Вятке или Вологде он отморозил ноги и получил гангрену. Накануне эвакуации он приходил ко мне прощаться.

— У меня такое желание работать!— говорил он.— Везу с собой лучшие краски. Уж вы, Георгий Ефимович, позаботьтесь о моих вещах.

Выставка его работ, которой я был отчасти инициатором, была прервана войной. Все картины остались у нас, в Русском музее. Когда рядом во дворе упала фугасная бомба, а выставочный корпус Бенуа раскололся надвое, пришлось в лютый мороз, шатаясь от слабости, переносить его картины и рисунки в другое крыло здания. Об этом Николай Андреевич не знал; я берег его нервы.

Стоя у двери и прощаясь, он глухо говорил о том, что его поездка не будет длительной, что хорошо было бы поселиться нам в одной квартире; что общую кухню можно было бы отделать в голландском духе...

На нем были неуклюжие, разбившиеся валенки. Апостольская борода поседела. Во всей фигуре сквозило что-то обреченное.

24 апреля

Полыхают кроваво-алые пожары. За Нарвской заставой глухо бормочет пулемет. В городе стоит немая зловещая тишина. Только изредка она нарушается многозначительным винтовочным выстрелом...

Взбираюсь на крышу музея. В городе—ни огонька. Где-то в Стрельне бушует пламя. От сторожевой будки, что у вентиляционной трубы, отделяется темная бесформенная фигура дежурного пожарника. Происходит ритуал «доклада»: «Товарищ директор, на посту все спокойно, никаких происшествий не случилось...»

Обхватив чугунные перила, я вглядываюсь во тьму, прислушиваюсь к тихому дыханию города и впитываю в себя почти материализованное настроение тревоги осажденного города.

Бомбежки учащаются. «Мессершмиты» налетают днем штук по 40—50. Пикируют. Их встречают наши ястребки. Меж разорванных облаков начинается жужжание встревоженных пчел. Стонет и охает воздух. Где-то высоко строчат пулеметы.

2 мая

Несмотря ни на что, пульс жизни крепнет. Продовольственная карточка уже не заслоняет весь мир. На днях ко мне зашел Л. Пумпянский и от имени Института театра и музыки предложил работу по культуре XVIII века для большого художественного альбома. Издание вряд ли состоится, но самый факт разговора на подобную тему симптоматичен.

Нека[1] увлекается историей, я—искусством и философией. Это тоже хороший признак.

В книжных магазинах бойко распродаются и «Избранные произведения Лермонтова», и романы Стендаля, и «Мифы древней Греции», и политические брошюры.

Каждый из нас испытывает чувство выздоровления после тяжелой, смертельно опасной болезни. Явления предстают в новых ракурсах. В красках и запахах вещей мы узнаем впечатления детства.

3 мая

Сегодня рано утром была тревога. В самый разгар артиллерийской стрельбы я вдруг услышал, как в монотонное жужжание «Мессершмита» вплелся какой-то другой, инородный звук. Я вышел из-под колонн. В голубом безоблачном просвете, на страшной высоте, среди постоянно возникавших взрывов, испуганно метались птицы. Это были журавли. Впереди летело двое, а немного поодаль, вразброд, нарушив традиционный треугольник, беспорядочной стаей неслись остальные.

10 мая

Один из наиболее острых моментов во всей моей жизни—тушение зажигательных бомб, упавших в садике перед главным фасадом. Рядом горит крыша Музея этнографии. Багровое зарево освещает низкие тучи. Я, Фармаковский, Эмме и кто-то еще засыпаем песком шипящую гадину, она брыжжет огнем, слепит глаза, воняет, не желает сдаваться. И все это время над головой—басовый, тяжелый гул «Хейнкеля». Весь организм тревожно ждет страшного удара фугасной.

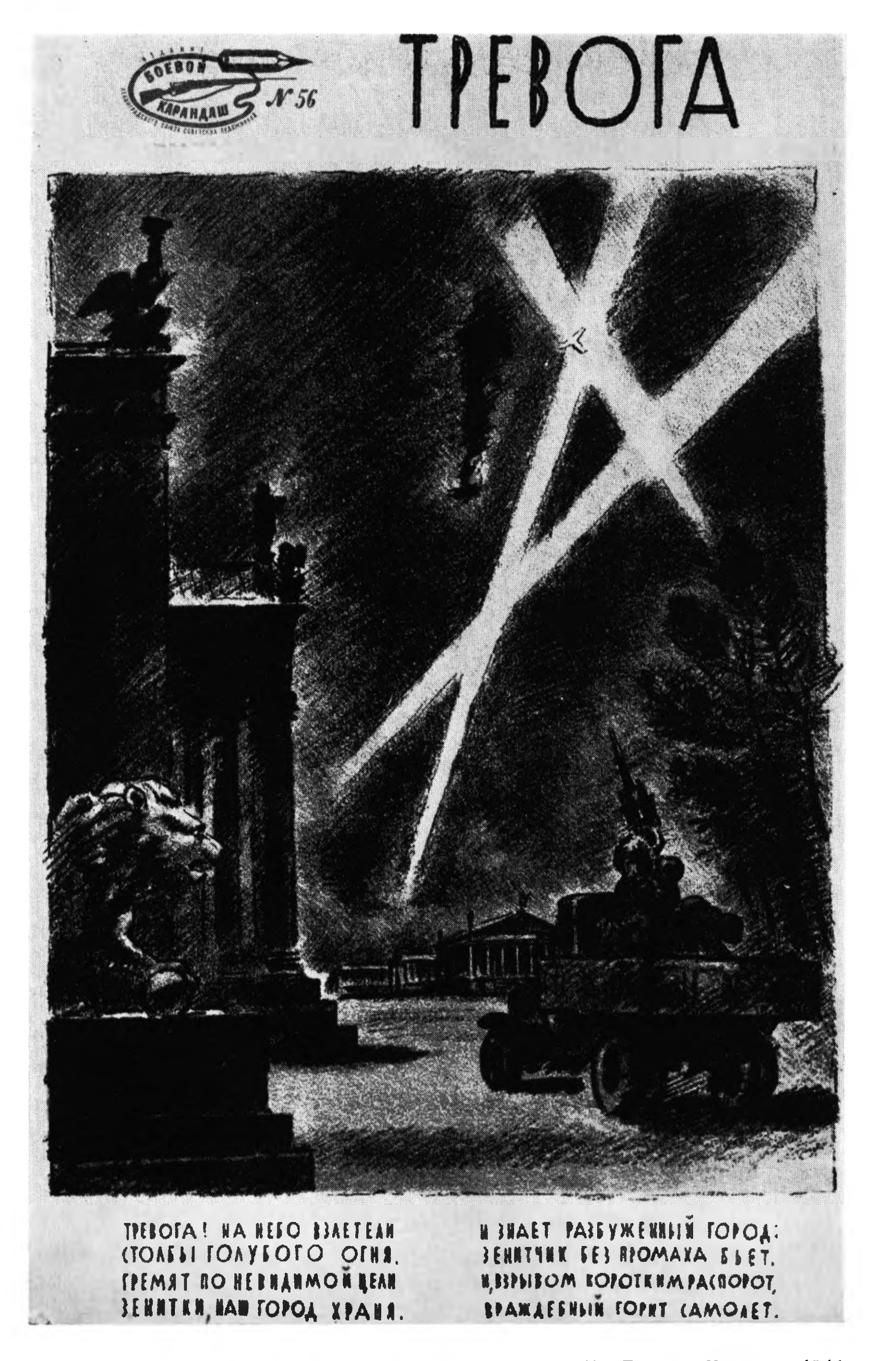
Самое гнусное—это то, что «он» нас видит, а мы только догадываемся о его присутствии. Как в кошмаре Эдгара По. Хочется проснуться, вздохнуть полной грудью.

Непрерывно гремят зенитки. В их оркестр врывается дискантовый вой осколков; они шлепаются где-то совсем близко, сбивают листья с кустов, барабанят по крышам.

Вскоре, сидя в бомбоубежище и немного успокоившись, я пытаюсь дать себе отчет в происшедшем. Что же, собственно, произошло? Как будто ничего особенного, значительного, необычного. Мы сделали только то, что делают сейчас многие ленинградские мальчишки. Но почему же так бьется сердце, зачем эта бледность щек и нервная дрожь пальцев?

---

[1] Н. А. Лебедева, жена автора.

Н. Тырса. Плакат. 1941

18 мая

После длительного перерыва вчера была ночная тревога. На свой пост под колонны главного здания пришлось бежать, рискуя быть продырявленным шальным осколком. Ночь стояла теплая, светлая. Лучи прожекторов казались прозрачными. В облаках там и здесь зарницами вспыхивали разрывы. Не знаю, чем объяснить,—то ли привыкли, то ли успокоились нервы, но люди ведут себя без торопливости и ажиотации.

Сегодня утром окно в моем кабинете открыто. Чирикают пташки. По-весеннему гулко и радостно звучит музыка радио.

Вчера целый день, как дальняя гроза, грохотала фронтовая канонада. И сейчас вот слышны отдаленные выстрелы.

24 мая

Запись на эвакуацию продолжается. Город заметно опустел. Несмотря на весьма слабое трамвайное движение, прохожих на улицах мало. Невский производит грустное впечатление. Стены Гостиного двора почернели от копоти пожара, через провалы окон синеет небо. Много зданий изуродовано бомбами и снарядами. Всюду дыры, щели и вмятины от осколков.

Обедать в Большой драматический театр хожу вместе с М. В. Фармаковским. На обратном пути с полчаса греемся на солнышке в россиевском сквере[1]. Скамейки свободны. Только кое-где одинокие фигуры уставших людей. Лениво говорим о положении на фронте, о раскопках Шлимана и Эванса, о культе Аполлона на острове Делосе, о Бэконе и Гоббсе, о «Политике» Аристотеля. По образованию Мстислав Владимирович филолог, некоторое время преподавал латынь в Петергофской гимназии, читал «Записки о Галльской войне» и «Энеиду» в оригинале, иллюстрировал Софокла. Этим в большой мере и определяется тематический круг наших бесед.

26 мая

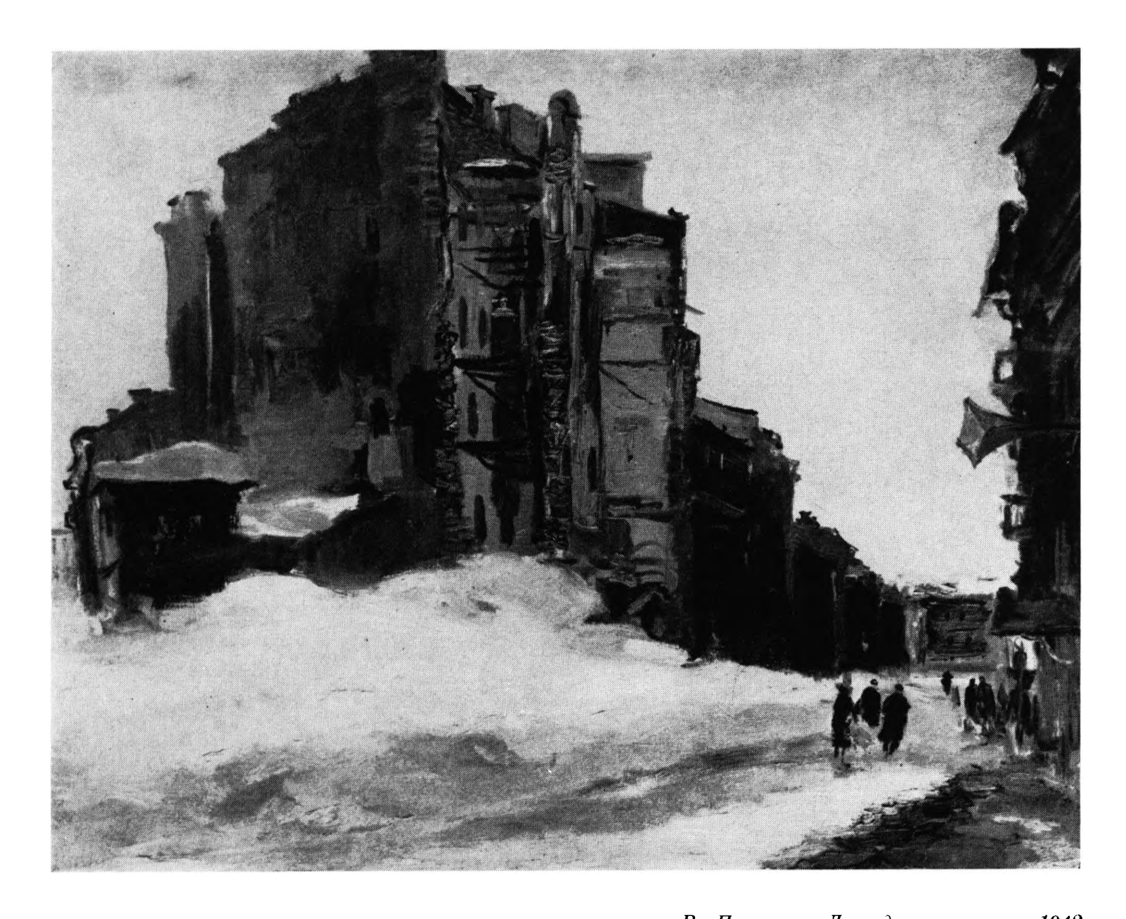
За последнее время облик города резко изменился. Весенняя кампания по очистке снега отчасти уничтожила страшные следы запустения и смерти, угнетавшие психику в течение длинной суровой зимы.

Спешно уничтожаются следы осенних бомбежек. Рядом с Домом книги на Невском огромную брешь закрыли фанерой, а фанеру раскрасили и даже нарисовали исчезнувшие колонны, карнизы и окна. Получилось фальшиво и жутко — как вставная челюсть или накладные букли.

29 мая

Тепло, тихо, солнечно. Начала распускаться зелень. Кусты в музейном садике совсем бархатные. Весело чирикают воробьи. По вечерам вычерчивают арабески ласточки. Видел в россиевском сквере детей на прогулке. Поразила не их худоба и бледность, а взрослая серьезность, медлительная важность и вялость движений. Мы разговаривали в это время

[1] Сквер на площади Ломоносова.

В. Пакулин. Демидов переулок. 1942

с художником А. Ф. Пахомовым. Он прервал фразу на полуслове и немигающими глазами провожал процессию до тех пор, пока я не отвлек его внимание каким-то посторонним, пустяковым вопросом.

1 июня

Настоящее летнее утро. Окна в моем кабинете раскрыты настежь. Вещи жадно вбирают солнечные лучи; от них веет ласковым живым теплом. Вода в графине подрагивает; весело прыгают и мечутся на потолке зайчики. Пернатые безумствуют: чириканье, писк, трели; не слышно только бархатного воркования голубей. В городе совсем деревенская тишина. Вот-вот загорланит петух и промычит корова.

19 июня

Вчера на территорию музея упало семь тяжелых снарядов. Ранило женщину, копавшуюся на грядках. В выставочное здание угораздили два снаряда.

П. Бучкин. В бомбоубежище. 1941

Если бы наводчик взял правее метров на пятьдесят—разнесло бы тогда всю нашу квартиру.

Рвущийся рядом шестидюймовый снаряд—эффектное зрелище. Осколки—величиной с детскую голову.

Я бросился на место аварии сразу же. В стене—огромная дыра. Внутри—густой синий едкий дым и пыль. Под ногами хрустит стекло. Один снаряд попал в толстую двутавровую железную балку; ее свернуло в спираль и далеко отбросило.

3 июля

Жизнь между тем идет своим чередом. Вчера с Некой были на спектакле Театра музыкальной комедии. В зрительном зале—ящики с песком, кирки, ломы и огнетушители. Блестящий зал Александринки напоминает кинотеатр в перерыве между двумя сеансами. Многие в фуражках и шляпах.

Какая-то супружеская чета благоговейно прожевывает ужин. Уйма военных. Есть фронтовики. Их узнаешь по петлицам, по густому загару и по той жадности, с которой они впитывают невечные ценности прифронтовой культуры. Сзади нас, через два ряда,—старший сержант, Герой Советского Союза. На груди орден Ленина и Золотая Звезда. Вид скромный, лицо простое, молод. Когда я оглядываюсь на него, он застенчиво смотрит вниз.

П. Бучкин. В бомбоубежище Академии художеств. За чтением. 1941

22 июля

В центральной «Правде» появилась фотография с изображением Петергофского дворца, изуродованного фашистами. Статуй и фонтанов нет; торчат трубы и полуразрушенные стены. Восстановить этот ансамбль, конечно, нельзя—интерьеры и скульптурные группы уникальны. Наши дети будут знать о Петергофе только по старым фотографиям и рассказам отцов.

10 августа

Вчера были в филармонии на Седьмой симфонии Шостаковича. Она исполнялась в первый раз. Съезд был знатный. Машины запрудили Михайловскую, вплоть до Невского, и часть площади[1]. Преобладало «руководство», старший и высший командный состав. Трансляция по радио, киносъемка.

Дирижировал Элиасберг. Оркестр—с бору по сосенке, так как многие—в Омске. Впечатление тем не менее огромное.

Исполнение этой симфонии—факт прежде всего политический. Подтверждается это и составом слушателей премьеры и набранными крупным шрифтом выдержками из Алексея Толстого и Емельяна Ярославского:

«Седьмая симфония возникла из совести русского народа, принявшего без колебаний смертный бой с черными силами...»

---

[1] Улица Бродского и площадь Искусств.

«Седьмая симфония...—это выражение... торжествующей правды советского народа над всеми реакционными силами мира»... А в качестве эпиграфа слова самого Шостаковича:

«Нашей борьбе с фашизмом, нашей грядущей победе над врагом, моему родному городу—Ленинграду—я посвящаю свою 7-ю симфонию».

В то же время для меня ясно, что Седьмая симфония—знаменательный и яркий факт мирового искусства. Полностью ее может воспринять лишь тот, кто пережил в Ленинграде осень и зиму 1941—1942 годов. Личное, индивидуальное и общее, историческое переплелись в ней так органически, что говорить о человеке и народе как раздельных объектах творческого сознания здесь нельзя. Монументальный пафос вызывает образы античной трагедии.

11 августа

Снова приходил Л. Пумпянский. Я дал окончательное согласие на статью «Культура и искусство XVIII века». Статья должна быть пособием для художников и режиссеров-постановщиков, поэтому акцент на источниковедение. Размер—3 авторских листа, срок—1 ноября. На днях подпишу договор...

28 августа

В четыре дня написал монографическую брошюру о Сурикове для Партиздата. Очень устал.

3 сентября

Надо готовиться к отопительному сезону. Музей получил для разборки хороший новый деревянный дом в Озерках. Вчера ездил туда с инженером и Новомлинским. На месте оказалось, что дом сносу не подлежит. Сегодня — в райисполком. Дали дом на другой улице в тех же Озерках. Как будем перевозить лес—неизвестно. Машин нет, а от трамвая далеко.

8 октября

Осень. Дождливая и холодная. В садах и парках запылали деревья—береза, клен и ясень. Этакое красно-оранжевое неистовство, настоящая оргия горячих тонов. За городом—в Парголове, Озерках—тихо, задумчиво и грустно. В редкие солнечные дни в воздухе плывет паутина. Покрытые травой улицы и переулки имеют мирный вид. Прохожих почти не видно. О войне напоминают только тяжелые и глухие раскаты канонады, долетающие из города. Вообще за городом чудесно. Будто не было всех ужасов зимы—голода и смерти.

Сегодня идет снег. Мокро. Город готовится к праздникам.

По заданию Управления по делам искусств принимаю на себя руководство праздничным оформлением двух районов: Кировского и Ленинского. Вчера, в связи с этим, ездил в Московско-Нарвский дом культуры. Бригада художников во главе со скульптором В. Б. Пинчуком пишет огромные плакаты.

В. Милютина. Висячий сад Эрмитажа. Огороды. 1942

17 декабря

И я, и Нека полегоньку опухаем. Особенно по утрам, после сна. Пережить бы зиму, вытянуть бы эти три-четыре месяца...

Редкие ночные тревоги и частые артиллерийские обстрелы. На днях особенно пострадал район около Аничкова моста. Мы с Некой видели неразорвавшийся снаряд. Его везли на санках. Этакий боров пудов на двадцать. Можно себе представить, какие разрушения он бы произвел, если бы разорвался.

Улицы пустынные. Прохожих мало.

1943 год

8 января

Ночь с шестого на седьмое прошла в непрерывных страшных тревогах. В течение суток уснул минут на двадцать—тридцать. И прошедшая ночь не была спокойной. Мороз— градусов пятнадцать—двадцать. Под ногами скрипит. Небо усыпано крупными, чистыми и дрожащими звездами. Слабый фосфорический свет на снегу. Великолепно сияет созвездие Ориона.

Под колоннами здания Росси, в бомбоубежище, тусклый свет коптилки и знакомые до последней морщинки лица. Г. М. Преснов захлебывается в восторгах от волжских воспоминаний. Мы говорим о Ферапонтовом монастыре; о водах Шексны, отражающих тихие, «нестеровские» ели; о ярославских фресках, которые каким-то чудом предвосхитили акаде-

мические композиции XVIII века—эта тема меня особенно интересует в связи с проблемой национальной специфики русского искусства; о Николае Эрнестовиче Радлове, на днях умершем в Москве от сонной болезни; о Парфеноне; об истории покупки сфинксов, которые так органически вплелись в ампирные линии Петербурга...

А днем январскую синеву узорит наглый юркий «Мессершмит»...

9 января

Сегодня идем в филармонию. Увертюра Чайковского «1812 год» и симфония Скрябина. Нека спрашивает, удобно ли пойти в валенках. Сейчас можно пойти хоть в мексиканских мокасинах. Это никого не удивит.

10 января

Вчера вечером, сидя в зале филармонии, Нека заклинала:

— Запомни! Это должно остаться в памяти навсегда.

Я почувствовал себя Геродотом. И с той же мерой исторической ответственности.

Валенки, ушанки, телогрейки, шинели... Кадр из блаженной памяти 1919—1920 годов. В зале температура ниже нуля. Валентину Васильевну я почти уверил в том, что контрабасисты будут играть в рукавицах: у них, дескать, инструмент грубый—выдержит. Хоры пусты. Партер заполнен только на одну шестую. Среди блестящих, белых с красным бархатом рядов—одинокие, черные, зябко скорченные фигуры.

Потолстевший Нечаев. Еще кто-то в боярской шапке.

Сверкающая зала, когда-то слышавшая Листа, напоминает опустевшую после торжественной литургии церковь.

На эстраду выходят музыканты. Те же валенки, телогрейки. Только концертмейстер (скрипка) Аркин—в кургузом пиджачке. Четыре контрабасиста, худые, мрачные и странно напоминающие свои инструменты. Затем выпархивает Элиасберг. Он во фраке. В зале—вздох удивления.

Я успокаиваю Неку:

— Будет прыгать—согреется. Ведь музыка патетическая.

Тонкий изящный силуэт Элиасберга на фоне красного шелка вызывает воспоминания о героях Гофмана. Когда-то я пытался иллюстрировать «Мастера Глюка», пользуясь именно таким эффектом. Судорожный растопыр пальцев и трепет фалдочек фрака—в этом есть какая-то особая, почти мистическая выразительность.

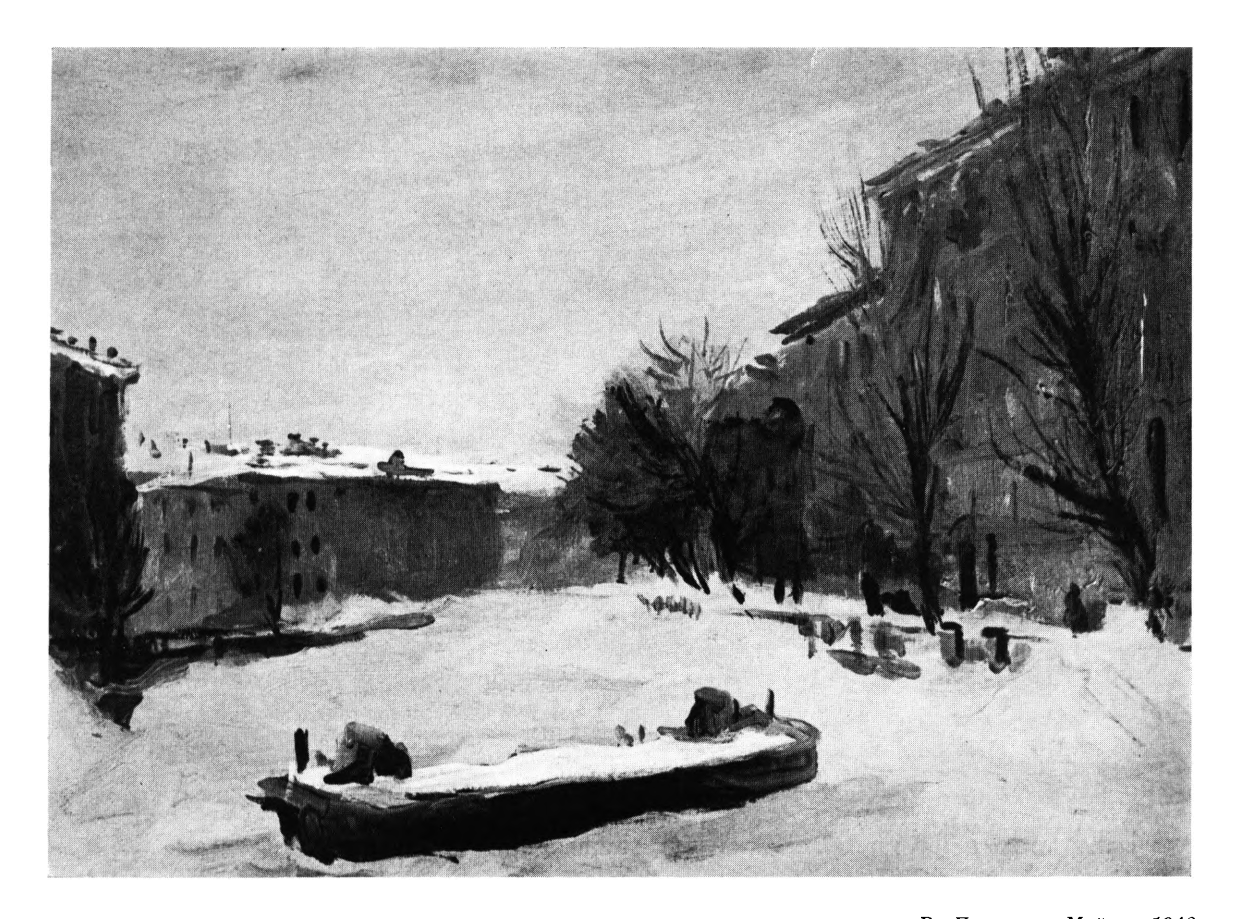
Самое замечательное—увертюра «1812 год». Она начинается торжественной темой «Спаси, господи, люди твоя»... Эта же тема—под мощный звон колоколов—и завершает увертюру. Нечто грандиозное, захватывающее и подлинно патриотическое!

Весь вечер прошел под обаянием замечательной музыки.

А ночью—две тревоги.

15 января

Непрерывные ночные тревоги. Выбился из сил от бессонницы. Нека остается в постели. Это и усталость и привычка: нервы постепенно притупляются. Мне же, как начальнику объекта, нельзя позволить себе подобную роскошь.

В. Пакулин. Мойка. 1943

Вчера вечером—жестокий артиллерийский обстрел. По улицам люди бегут от подворотни к подворотне. Ночью отчетливо слышны бьющиеся в лихорадке пулеметные очереди.

Адские морозы. Притом—ветер. Наша уборная замерзла. Замерз и водопровод. Переходим в бытовые условия прошлой зимы.

Жду вызова из Москвы на конференцию по вопросам консервации художественных ценностей. Заходил А. А. Бартошевич. Умоляет прийти в Союз художников на совещание критической секции.

Сейчас, когда я делаю эту запись, слышны сильные взрывы. Содрогается пол и звенят в пианино струны. При всем том принимаюсь за «Бовари».

18 января

— «В последний час. Еще одна крупная победа Красной Армии! Прорыв блокады Ленинграда! . .»

. . .Станция Сенявино, Шлиссельбург, Дубровка, рабочие поселки № 1, 2, 3, 4. . .

Часов в пять вернулась из школы Нека. Рассказала о митинге. Один из мальчиков предложил:

— Постоим 3 минуты в положении «смирно!» Это в честь тех, кто пал за Ленинград.

Многие плакали. Ведь у каждого на фронте отец, брат.

Затем читали «Пулковский меридиан» В. Инбер. Это великолепно по жизненной правдивости. Каждая строчка—как страница из личного дневника.

Вот тема пищи:

Лежу и думаю. О чем? О хлебе.
О корочке, обсыпанной мукой.
Вся комната полна им. Даже мебель
Он вытеснил. Он близкий и такой
Далекий, точно край обетованный.
И самый лучший — это пеклеванный.

Или—обрывки архитектурного пейзажа:

Фанерные щиты, сарай, забор,
Полусгоревшие дома-калеки,
Остатки перекрытий и столбов —
Все рубят для печурок и гробов.

Помню, зимой 1941—1942 года я выдавал доски на гробы для умерших сотрудников музея. Но скоро досок не стало—запасы иссякли. И я говорил уже с раздражением:

— Ну, скажите, зачем покойнику гроб? Отвезите его в простыне. А доски кончились. Кроме того, живому древесина нужнее.

28 января

Какое-то светопреставление! Днем чудовищные артиллерийские обстрелы. Разрывы грохочут над головой. Крупная шрапнель. Только вышел вчера из-под ворот, как вверху оглушительно рвануло, в сгустке черного дыма блеснула молния, кругом зацокали крупные осколки. Наши военные утверждают, что это—бризантные снаряды. Калибр во всяком случае крупный: дрожат стены, и хлопают двери.

Из районного штаба ПВО телефонные звонки:

— Ввиду создавшейся обстановки усилить посты наблюдения и противопожарной защиты.

Когда идешь под открытым небом, собираешь всю волю, чтобы идти, а не рысить. Что-то повелительно толкает тебя в спину. Необходимо определенное усилие, чтобы не приседать, когда над головой, воя, проносится снаряд.

Впрочем, все это довольно однообразно в описании, хотя необычайно свежо и многообразно в переживании.

Разговор с Ю. Н. Дмитриевым:

— Никогда так много не работал и никогда не было такой жадности к умственной деятельности, как сейчас.

— Это—верное наблюдение.

6 февраля

Вызов в Москву. Собираюсь с Фармаковским выехать десятого. Лекция о Левитане по радио.

1 марта

Только сейчас, в дни войны и тягчайших исторических испытаний, начинаешь понимать и чувствовать все значение этого слова—«Родина». Мне противен эстетизированный мир «чистого искусства», ибо нет подлинного искусства без любви к Родине.

29 марта

Лекция по радио о Сурикове прошла успешно. Благодарность радиоцентра и радиослушателей. Звонки из Управления. Даже из «Ленинградской правды». Просят написать ряд статей по общим вопросам литературы.

Лекция в офицерском батальоне. Устал. Угощают густым супом и картошкой. Очень просят лекцию повторить—ведь состав у них меняется. Но сейчас так часты тревоги, что нет сил плестись на улицу Воинова.

2 мая

Перечитываю «Войну и мир». Капитан Тушин, конечно, останется невредим. Николай Ростов, конечно, будет продолжать заниматься делами своего эскадрона. Жужжанье пуль и жестокая сеча—только эпизоды, из которых и тот, и другой выйдут целыми и невредимыми.

Совсем иное положение у человека, который не является персонажем литературного произведения. Фабула его жизни еще не закруглена. Герой ни в чем не уверен. Роман может быть и не написан. В данный момент, например, когда я пишу эти строки, я не знаю, что может произойти через полчаса, через час, в течение дня. Опасность непрерывно висит над головой. Дневник может быть оборван на полуслове.

Вчера был жестокий день. С утра до вечера, через каждые полчаса, воздух разрывался осколками снарядов. Обстрел—«психический». Фашисты (в который раз!) пытались ошеломить население, привести его в состояние депрессии. В Пассаж ударило четыре снаряда, у Елисеева—один; из пожарной охраны мне сообщили: попадание в Инженерный замок, в трамвай на углу Садовой и Инженерной (много жертв), на Невском против нас... Наконец, с оглушительным грохотом рвануло совсем рядом: у квартиры Лансере (метров двадцать от нас) и у главного здания музея, у входа в газоубежище. Я побежал на места «происшествий». Огромные гранитные глыбы цоколя здания вырваны и отброшены в сторону; по проходному двору, у квартиры Лансере, бегает лошадка, испуганная взрывом. Она невредима. Но она в истерике. Ее кожа мелко дрожит...

17 мая

Меня привлекли к работе Чрезвычайной комиссии по учету ущерба, причиненного Ленинграду войной. Сегодня у главного архитектора города Н. В. Баранова организационное заседание. Нас человек пятнадцать. Писатели, артисты, художники, архитекторы. В частности, писатели: В. В. Вишневский, В. М. Саянов, Б. М. Лихарев, артисты: Е. М. Грановская, В. П. Полицеймако, О. Г. Казико. Условились о порядке и характере составления актов.

8 июня

Ночью, во время тревоги, лазил на крышу музея. Вид—фантастический. Непосредственности восприятия мешают въевшиеся литературные штампы: Петропавловская крепость, конечно, как «декорация», «свинцовые воды Невы» и прочая, и прочая. Но то, что совершается в стороне фронта, на юге, еще не отложилось в шаблонные строки. Правее темной громады Александринки вспыхивает алое зарево и медленно гаснет. Это—«катюша». За Кировским заводом—зеленоватая зарница и через несколько секунд тяжкий взрыв; стреляют фашисты. Над горизонтом повисла красная звезда; это—фронтовая ракета. Воздух—теплый и ласковый—трепещет в лихорадке пулеметных и автоматных очередей.

После тревоги сворачиваюсь калачиком и плотно закрываюсь одеялом. Уютно. И совсем не страшно.

14 июня

В своей статье о весенней художественной выставке я пишу о том, что художник должен при любых обстоятельствах смотреть на мир глазами профессионала: «Тальма,—напоминаю я,—даже в минуты сильнейшей скорби подходил к зеркалу, чтобы увидеть, какие изменения произвело на его лице переживаемое им чувство. Себастьян Бах при первых криках своего новорожденного ребенка не забыл отметить, к какой гамме принадлежат услышанные им звуки. Так было положено начало одной из его фуг».

Примеры интересные, заимствованные мной у кн. Одоевского, автора давно и незаслуженно забытого.

5 августа

Страшный день. Два тяжелых снаряда попали в музей. Один из них—метрах в пятнадцати от нашей квартиры. Пыль, известка, битое стекло, запах пороха. В главном здании—в библиотеке и академическом зале—хаос из обломков кирпича, сломанных рам и мрамора.

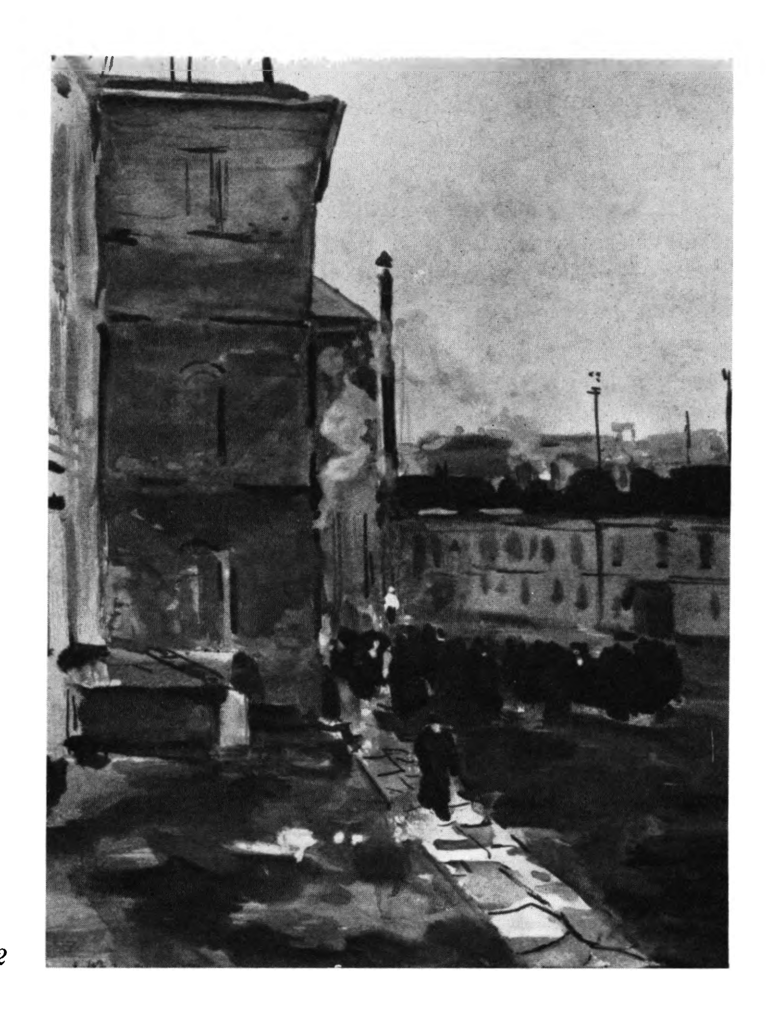
Все еще стреляют. Руки дрожат. И, несмотря на это, я только что поужинал.

Продолжаю обдумывать следующую главу своих «Крепостных художников». Обрадовался известию о получении литерного питания: я отнесен в группу профессоров; следовательно—сахар, следовательно—масло. И это волнует. Какая же цепкая и неистребимая вещь—жизнь!

И снова бьют и бьют. Совсем близко. Сбегаю вниз.

7 августа

Художник В. А. Николаев погиб так. Он шел возле Казанского собора. Метрах в ста от него рванулся снаряд. Николаев бросился к подворотне. Но второй снаряд упал за его спиной уже метрах в пятнадцати. Осколок величиной с тарелку сильно ударил его в спину, вырвал позвоночный столб, легкие и сердце и глубоко всадил в кирпичную стену соседнего дома.

Н. Тимков. Этюд. Ленинград. 1942

8 августа

Художник Пахомов рассказывал:

— Утром я, знаете, гимнастикой занимаюсь. Вчера вылез на крышу, разделся, облился водой... В это время в соседний дом—снаряд. Меня кирпичом обсыпало, а волна опрокинула на бок. Немного ушибся. Затем нагишом, весь в грязных потеках, сбежал вниз.

13 сентября

Вернисаж выставки В. М. Конашевича.

На выставке встретил А. П. Остроумову-Лебедеву:

— Анна Петровна,—говорю,—теперь Ваша очередь. Вам нужно показать молодежи, как следует делать вещи.

Она испуганно замахала руками.

— Что вы, что вы! У меня уже ничего не выходит. Изменяет зрение. Да и психология у меня уже старушечья.

Она говорила искренне. А глаза—молодые!

25 сентября

И снова обстрелы, обстрелы, обстрелы. Сегодня—час назад—на территорию музея упало шесть снарядов.

В здание советского отдела угораздил снаряд, но не разорвался. Я вбежал в помещение, когда оно еще было наполнено дымом и пылью. Снаряд мирно покоился на полу, еще горячий.

Если бы я не задержался в столовой минут на пять (брал табак), мне было бы хуже; один из снарядов разорвался на моем пути именно минут за пять до того, как я прошел. В записи подобная арифметика однообразна и скучна, но я добросовестно заполняю сии анналы, ибо, если буду жив, все это предстанет впоследствии живо и выразительно.

Пишу спустя час. В музей попало еще десять снарядов.

Юрий Николаевич Дмитриев ранен в ногу. Алтынова убита. Убит начальник радиостанции, что у нас на дворе. Убито еще четверо посторонних на нашей же территории.

29 сентября

Дни складываются так.

Обстрелы. Ликвидация последствий обстрелов. Союз художников. Мастерские живописцев и скульпторов.

1944 год

8 января

А жизнь идет своим чередом.

Пишу «К вопросу о национальной специфике русского искусства XVIII века». Шипят сырые дрова в печке. Голос диктора:

— Район подвергается артиллерийскому обстрелу. Движение по улицам прекратить! Населению укрыться!

Звенит посуда в шкапу. Дрожит пол.

С. ВИШНЕВЕЦКАЯ

ИЗ ДНЕВНИКА

С 11 января 1942 года и до конца войны я служила художником Политуправления Краснознаменного Балтийского флота (Пубалта) и одновременно была военным корреспондентом «Правды». Я периодически вела дневник, выдержки из которого публикуются ниже.

1942 год

12 января

Прозрачное, розовое, морозное московское утро. Автобус подвозит нас к белому самолету. Быстрая посадка... Шум моторов, самолет отрывается от земли и берет курс на Ленинград.

Столица уже позади. Мысленно шлю ей прощальный привет.

Машину ведет молодой летчик. При виражах кажется, что земля превращается в грандиозную гору. Затем самолет снижается... Пятнадцать минут длится заправка, сдаем часть военного груза, и снова — в полет!

Вот и Ладога... Перелетаем линию фронта. Серый лед озера сливается с туманным, зеленоватым ленинградским небом. Летим на бреющем полете. Стрелки-наблюдатели на местах. А высоко в небе, над нами идет воздушный бой. Наши ястребки гонят прочь от озера фашистского аса, охраняют наш путь... Все в порядке!

Через несколько минут приземляемся. Ленинград!

Летевшие со мной офицеры мгновенно растаяли в морозном тумане... Я осталась одна на пустынном аэродроме, с чемоданчиком и авоськой. В них 25 килограммов продуктов, которые так нужны друзьям в Ленинграде. О моем приезде никто не предупрежден... Где в данный момент базируется Политуправление Балтийского флота, куда я направлена, не знаю. Вокруг — ни души... Снег, холод. Быстро надвигается вечерняя тьма...

Страшно... Одиноко... И как спасенье — голубой лучик из прорези затемненной фары! Тарахтит мотор — подъехал почтовый пикап. Уговариваю шофера подвезти меня в город, предлагаю буханку хлеба... Я знала, куда еду и что меня ждет. Но то, как он буквально выхватил из моих рук хлеб, с какой жадностью он и его спутник тут же съели всю буханку, потрясло меня.

— Куда везти? Задумалась... Попробую в «Асторию», там — либо госпиталь, либо живут журналисты, что-нибудь да разузнаю...

Когда-то сиявший огнями вестибюль гостиницы тонет во мраке. Едва мерцает огонек керосиновой коптилки. Закутанный в платок, сидит человек, в котором с трудом узнаю старого администратора гостиницы.

С. Вишневецкая за работой. 1942

Увидев меня, он засуетился: приезд человека с Большой земли был в те времена событием для каждого ленинградца. Выяснив, кто я, зачем приехала, кого ищу, устраивает мне ночлег. Это, впрочем, нетрудно, так как «Астория» пустует: два-три военных корреспондента — вот и все обитатели огромного отеля.

Утро... Мой первый, долгожданный день в Ленинграде. Темно — окна наглухо забиты... Нет воды... При свете московского огарка одеваюсь и иду в Пубалт.

Передо мной суровый, замерзший, белый город. Даже сейчас, в своей ледяной скованности, он прекрасен.

Памятник Петру стоит, обшитый досками, засыпанный снегом. Из этой белизны грозно чернеет не уместившаяся в укрытии простертая бронзовая длань...
Торосы льда вдоль пустынных улиц. Оборванные, покрытые инеем провода повисли над улицей.

В снегу застыли брошенные среди города автобусы и трамваи. Зияют провалы в разрушенных домах. На Неве — вмерзшие в реку военные корабли.

Прохожих мало, а те, которые встретились мне на пути, — страшны. В Москве мне много рассказывали о трагедии Ленинграда. Но одно дело услышать, другое — увидеть.

Перехожу мост Лейтенанта Шмидта. Где-то близко разорвался снаряд. Еще, еще разрывы... Видимо, артиллерийский налет на город. Но люди привычно идут дальше, и я не останавливаюсь...

Вот и штаб командования Балтийского флота. Короткая беседа с начальником Пубалта В. А. Лебедевым. При Политуправлении еще не сформирована группа военных художников. Наши москвичи, ранее мобилизованные на Балтику, — Я. Ромас и И. Титов — работают пока на кораблях. Меня как военного корреспондента «Правды» временно зачисляют в оперативную группу писателей при Политуправлении Балтийского флота, которую возглавляет Всеволод Вишневский.

... Первый обед в кают-компании: 300 граммов хлеба, тарелка горячей воды, в которой плавают крупинки пшена, две ложки каши с крохотным кусочком сушеного мяса... В комнате необыкновенно тихо. Командиры едят сосредоточенно, молча. Аккуратно разрезают половину своей порции хлеба на тонкие ломтики, посыпают солью, а оставшийся кусочек бережно заворачивают в бумагу.

В полутьме (сегодня город света не дал), как умею, рассказываю командирам о столице. Поражаюсь тому напряженному вниманию, с которым меня слушают, той жадности, с которой впитывают каждое слово о Москве эти отрезанные от Большой земли люди.

... Вечер... Сижу на своей койке и записываю при том же драгоценном огарке пережитое за последние сутки.

1 марта

Сегодня солнечно... Морской ветер пахнет весной. Неужели приходит конец лютой блокадной зиме?

Я театральный художник, и писать военные корреспонденции — новое для меня дело. Вести «живописную» хронику Ленинграда — тоже не так просто. Как передать дыхание войны, которое преобразило все — и людей, и улицы, и небо? А ведь это действительно так! Даже небо необыкновенно военное: то ли облака какие-то грозные, то ли силуэты аэростатов придают ему особую настороженность. Контуры многоэтажных развалин трагически вписаны в его туманные дали. И я изо дня в день хожу и рисую, рисую наспех, а вечерами пишу о людях, о городе-фронте, о кораблях...

В оперативной группе писателей я чувствую себя как-то неловко, хотя все товарищи по группе — А. Крон, В. Азаров, А. Тарасенков, Г. Мирошниченко, Н. Чуковский — стараются душевно помочь мне войти в работу, подсказывают темы, редактируют мои первые корреспонденции, а перед общими выездами группы старательно «заправляют» мой пояс с кобурой, чтобы все было «по форме».

Куда ни пойдешь — на корабли, на завод, в редакцию, в райком, в дом партактива, в любой дом культуры,— везде наблюдаешь одно и то же: в немыслимо трудных условиях, под непрерывным обстрелом изнуренные голодом и холодом люди отдают все свои силы обороне города.

8 марта

Женский день! Он приобрел особое значение в нашем городе (я уже с гордостью пишу в нашем), ибо женщины-ленинградки заслужили всеобщее уважение и восхищение.

Впервые в жизни мне пришлось выступать в качестве докладчика: седьмого марта — по радио, утром восьмого — на корабле, днем — на Кировском заводе. Готовилась несколько дней... Задание дано — надо его выполнять.

На корабле я рассказала морякам о трудовой доблести ленинградок. А женщины-работницы слушали на заводе мой рассказ о боевых делах балтийцев.

Линия фронта всего в нескольких километрах. Это чувствуется. Завод — как боевой лагерь! Стены выщерблены осколками снарядов. Во многих корпусах пробиты крыши. Ряд цехов вышел из строя. Но работа кипит день и ночь, и никаким бомбежкам ее не сорвать. Места ушедших на фронт заняли их жены, сестры, даже матери.

8 марта фашисты особенно яростно обстреливали город. Досталось и Кировскому заводу. Вокруг почти беспрерывно рвались снаряды, где-то зазвенели стекла, но никто не прервал моего доклада.

...Потом мы долго вместе сумерничали под вой снарядов и попросту, по-женски, делились своими мыслями, желаниями, надеждами.

10 мая

Военный Совет принял решение создать группу художников при Пубалте (Ю. М. Непринцев, С. С. Боим, Я. Т. Ромас, И. Ф. Титов и другие). Меня перевели в эту группу.

Наконец-то я почувствовала себя вполне на месте.

5 июня

Сижу в своей «каюте» на форту Первомайском. В окно льется аромат черемухи — единственного здесь деревца. Моя «каюта» — это маленькая комната в деревянном домике на окраине форта, у самого моря, — все остальное: бетон и металл. Сейчас — 3 часа утра. Только что отбомбили «Юнкерсы» и ушли, потеряв несколько самолетов.

Спать не хочется. После налетов нервы взбудоражены.

На Балтике — потрясающей красоты белые ночи. Непреходящая заря!

Смотрю на притихшее море, и кажется, сама природа отдыхает после шквала, который пронесся час тому назад над нами...

Еще 1 июня, в дождливое серое утро, шестивесельная шлюпка доставила меня из Кронштадта на форт.

С моря он показался мне не то огромным кораблем, не то скалой, вынырнувшей из моря... Суровы и просты очертания этого искусственного каменного островка. На фоне низких иссиня-серых туч — знакомый ритм вздернутых к небу стволов зенитных орудий.

Рыже-серые волны яростно рвутся к волнорезу, окаймляющему форт и, разбиваясь белой пеной о камни, откатываются обратно...

Открылись боны, перекрывающие вход в бухту, и мы подошли к пирсу.

С. Боим. Зенитная батарея на набережной Невы. 1942

Знакомлюсь, отдаю документы... Прошу военкома форта Суворова показать мне его «хозяйство».

Растерянно гляжу... Какое-то нагромождение бетона, шатров из маскировочных сетей с нашитыми зелеными и коричневыми тряпками, дерна... И всюду орудийные башни, батареи... С чего я начну? Что и как рисовать?

Увлеченный показом «хозяйства», военком заметил, наконец, что я хожу в насквозь промокшем кителе (шинель забыла в Кронштадте). Без долгих разговоров велел накормить меня и отправить на отдых.

С каким облегчением я вытянулась на койке, оставшись одна в отведенной мне «каюте»! Но не прошло и нескольких часов, как от страшного грохота задрожали тонкие деревянные стены. За окном блеснули яркие огневые вспышки. Казалось, все ходуном ходит.

Осторожный стук в дверь, и передо мной худенький парень, краснофлотец Николай Кириллов. Он передает приказание немедленно идти в укрытие — на форт летит эскадрилья «Юнкерсов» — и ведет меня в бетонное «убежище».

Темно и душно. Ухают орудия форта, слышны взрывы. Все наверху — каждый на своем боевом посту, а я запрятана здесь. Для чего же я приехала? Видеть и рисовать войну или сидеть в этом бетонном ящике? Решила нарушить приказ комиссара и потихоньку выбралась на «боевую улицу» форта. Над головой кружат фашистские самолеты, отчаянная пальба зенитных батарей. На меня никто не обращает внимания, все заняты своим делом.

Я беспрепятственно добираюсь до наблюдательного пункта. Здесь тихо поворачивает свои огромные раструбы звукоулавливатель, здесь стереотрубы и дальномеры и — вровень с землей — окошечко подземного помещения КП.

Я была ошеломлена тем, что увидела и услышала здесь. Волнами, одна за другой, шли в небе десятки «Юнкерсов», сбрасывая сотни зеленовато-голубых парашютов, к которым были подвешены черные ящики (мины — догадалась я). Самолеты то исчезали, то вдруг появлялись в свете лучей прожекторов.

Из Кронштадта, с Лисьего Носа, из Ораниенбаума, с фортов протянулись сверкающие лучи. Они шарят по небу, то сливаясь в один светящийся купол над заливом, то разъединяясь, то снова скрещиваясь. Все небо — в коричневых облачках разрывов. Уцелевшие «Юнкерсы» мечутся и сбрасывают бомбы куда попало... Форт пока невредим.

Налеты продолжаются — из ночи в ночь. И вслед за отгремевшими боями наступает блаженная тишина розовых зорь...

10 июня

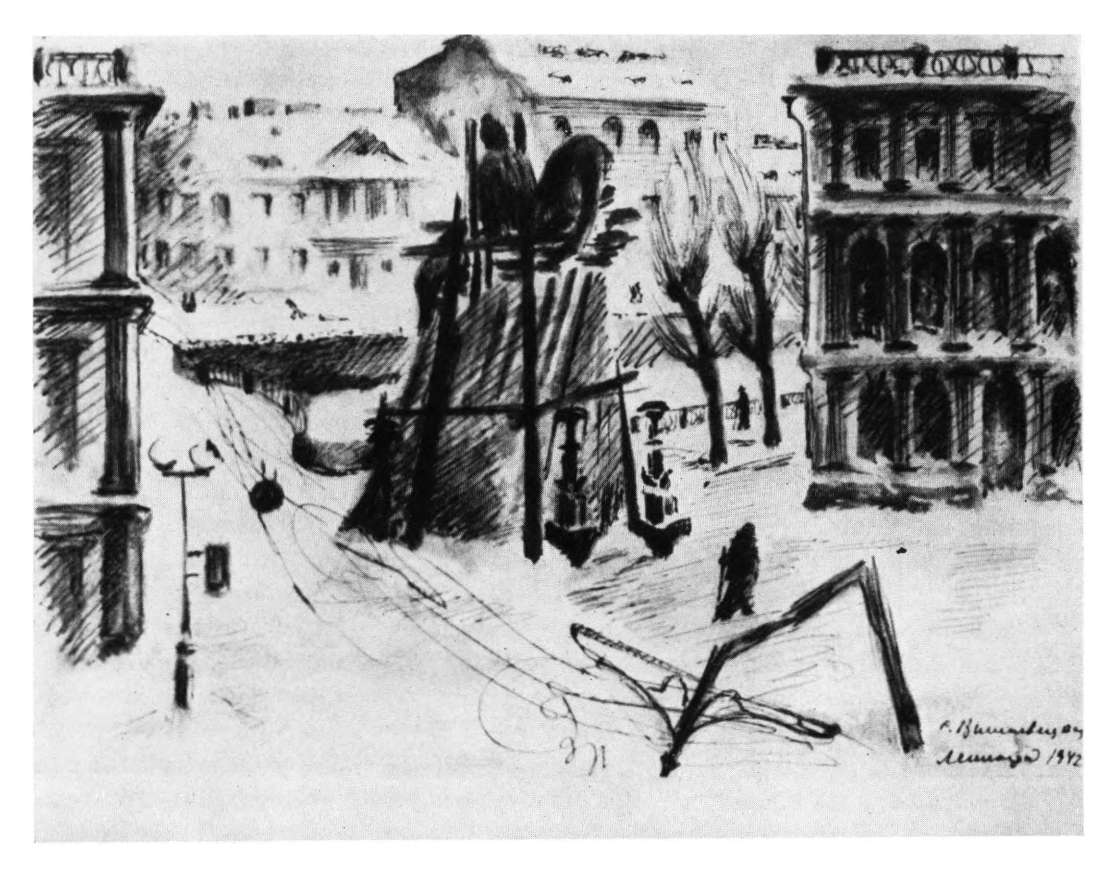
Под вечер выезжаю на шлюпке в море. С воды пишу форт... Рисую до сумерек. Надо успеть вернуться до очередного налета. Матросы торопят, наваливаются на весла и мчат шлюпку с художницей к «дому».

Где бы я ни рисовала — около меня всегда собирается несколько краснофлотцев. Сначала смущалась — теперь привыкла. Они ревниво следят за моей кистью, горячо обсуждают мои первые (не театральные) работы с натуры.

Кроме «Форта в бою» я начала еще три вещи. Дает себя знать привычная «театральность» видения, от которой не так-то легко избавиться, но все же, мне кажется, есть в этих работах то, что волнует меня: война и природа.

Сегодня, в то время, как я работала над гуашью «Зенитная батарея в бою» и моряки терпеливо стояли (ради меня) на своих местах у зениток, вдруг появились три «Хейнкеля». Разведчики! Днем они редкие гости... Команда «К бою». Четкие силуэты боевых расчетов и наблюдателей. Все движения точны, собранны, уверенны. Нет суеты... Напрягаю зрительную память, всматриваюсь в яростную борьбу зениток с самолетами. Бросилась в глаза интересная деталь: никто из матросов не расстается в бою с бескозыркой. Металлические шлемы так и лежат рядками на батарее. Схватка длилась недолго... Радостные возгласы — один из налетчиков, пачкая небо черным дымным хвостом, падает в море. Остальные — быстро удрали...

Торопливо прибавляю на своем этюде след дымного хвоста...

С. Вишневецкая. Исаакиевская площадь. 1942

27 июля

Снова в Ленинграде.

Вчера в «Правде» был напечатан мой очерк и фотография картины «Форт в бою». То-то обрадуются друзья на Первомайском!

12 августа

Была в Кронштадте с 4 по 10 августа.

Видела встречу подводных лодок, вернувшихся из боевой операции и проводы двух других в поход.

Сейчас заканчиваю две картины: «Встреча подлодки» и «Проводы подлодки».

Надо для памяти записать все по порядку.

Поздно ночью пришла на катере в Кронштадт, на базу Подплава. Спала не раздеваясь.

Часа в четыре утра меня разбудили. Когда прибежала на пирс — все уже были в полном сборе.

Балтийская ночь на исходе... Море почти белое, розоватое небо, легкие серо-охристые облака. Тихо на кораблях, стоящих на рейде. Возвращаются из ночных дозоров катера...

На пирсе скромная арочка, увитая зелеными гирляндами из хвои. Приветственный лозунг на кумачовой полосе. В руках выстроенных на пирсе подводников — букеты цветов. Несколько краснофлотцев едва сдерживают двух визжащих поросят. Это — традиционный подарок возвращающимся из успешного похода командам. И где только их достают в голодном Ленинграде! С минуты на минуту лодки должны показаться.

Всматриваемся в серую даль. Даже норд-ост, бушевавший всю ночь, затих. Кажется, что и облака вместе с нами застыли в ожидании. Наконец, мы услышали шум моторов, и в бухту влетели катера, встретившие на подступах к Кронштадту подлодки. Вскоре показались и лодки — они медленно, торжественно подходят к пирсу, команды выстроены на палубе. В утренней тишине гремит приветственный марш...

Подлодки у самого пирса — покрытые ржавчиной, с разъеденной морской солью окраской, с глубокими вмятинами и задраенными пробоинами. А люди! Небритые, отекшие, бледные, у некоторых отрасли бороды... Но какая радость в глазах! И семь транспортов противника сброшены со счета, и живы, и дома... Нелегко им это далось!

Вот их уже обнимают, вручают цветы, поросят.

Внезапный взрыв хохота... Из подлодки два краснофлотца выводят пленного офицера в морской форме, в руках он держит на вешалке штатский серый костюм. Это капитан, взятый с подбитого транспорта, — он так и сдался в плен, не желая расстаться со своим костюмом... Бывают курьезы и на войне!

В 7 часов утра банкет — водка, консервы, голубцы! Ну и роскошь! Взяла интервью у командира лодки Осипова (потопил пять транспортов!). Очень занятный — то вставляет английские словечки: «You know», «You see»,[1] то — «ядрено сало». А в общем — острый флотский рассказ об отчаянно-рискованном походе. Увы, рассказ этот слишком «колоритен» для прессы!

Мне пошли навстречу: размаскировали на два часа и даже вывели на залив одну из подводных лодок. Я сделала все возможное, чтобы побыстрее ее написать, очень боялась, как бы из Петергофа по лодке не шарахнули фашисты. Но все обошлось благополучно. Ведь без натуры—соврешь обязательно. А я дала себе слово быть точной в своих военных работах.

Через два дня провожала в поход две подводные лодки. Как все было непохоже на встречу! В глубоких сумерках сидела с краснофлотцами на пирсе. Некоторые передали мне письма к родным... Комиссар и командир лодки собранны, серьезны—они ведь отвечают и за жизнь вверенной им команды и за исход операции. Сумерки сгущаются все больше и больше... Наконец отходит первая подлодка-малютка. Вскоре, бесшумно оторвавшись от пирса, уходит в темноту и вторая.

Мы не расходимся, пока обе лодки не скрываются за Кроншлотом.

---

[1] «Вы понимаете». «Вы видите».

1 сентября

Первые холодные дни. . . Прозрачное осеннее небо. . . Солнечно. . . Сегодня тихо, ни налетов, ни артобстрелов, только издали слышен гул артиллерии. . . Закончила «Встречу» и «Уход» подводных лодок. Очень трудно дались мне обе картины. Но наши художники говорят, что эти вещи лучше, чем серия о форте «П». Возможно. Я сама чувствую большую свободу, меньшую зависимость от «техники». Может быть, потому, что на форту я пережила мое первое боевое крещение и стремилась все передать «буквально»?

2 сентября

Вишневский, Азаров и Крон пишут героическую музыкальную комедию для Театра музкомедии—к XXV годовщине Октября. Мне предлагают делать оформление, но мой начальник, полковой комиссар Мельник, против, да и я не хочу: жаль отрываться от работы на фронте. . . Поэтому прошу срочно отправить меня на залив с заданием написать картину «Катер в дозоре». Поеду снова на форт, оттуда—в дозор. Недавно получила с форта, от художника клуба Ольховского и от Кириллова, письмо: «Исполнили вашу просьбу-приказание, были на выставке (художников-балтийцев). . . Бывайте у нас, будем очень рады». Вот и приеду, ведь форт Первомайский теперь мой подшефный.

4 сентября

Вечером заседали: распределяли премии по флотской выставке. Это—мое детище. Разыскала художников, собрала материал почти из всех флотских соединений. Работы нашей группы при Политуправлении КБФ плюс самодеятельные работы дали хорошую (по военному времени) выставку маринистов. Есть очень одаренные художники, например, краснофлотец Николай Тимков. Я нашла его во флотском экипаже, он окончил Академию художеств. Мельник обещал забрать его к нам, в IV отдел Политуправления. До сих пор на Балтике работали, главным образом, Ромас и Титов (на кораблях), Непринцев, Боим и я—по заданиям Пубалта.

15 сентября

Ходила в дозор с катером. Ребята в команде хорошие, особенно командир катера—Травченко, совсем еще молодой, украинец.

Вышли в море в полной тьме. Начинало штормить. . . Дошли почти до самого финского берега и здесь стали на якорь, на всю ночь. Я легко переношу любую качку, но качка в дрейфе—отвратительна.

Зато я поняла, что такое сентябрьская военная ночь на Балтике. Она непроглядно черна, и тем отчетливее видны зарева пожаров и взрывы то в Петергофе, то в Ораниенбауме, то на финском берегу. Все время взлетают в небо желтые и зеленые ракеты, и наши и фашистские. Они повисают в воздухе, как большие опустившиеся звезды,—так мне кажется издали. По всему плесу и вражеским берегам шарят наши прожектора. Пролетели на запад наши бомбардировщики. Я запомнила, сколько их—все ли вернутся?

Наш катерок мал, как муха, на нем небольшая пушка и один пулемет. Под нами—заминированные воды залива, напротив—вражеские батареи. Вдруг нас заметят? Но враг боится фортов и вряд ли решится обнаружить себя. Для того мы стоим у него под самым носом, чтоб чуть что—сообщить координаты.

Очень замерзла и спустилась с командиром в рубку, чуть не свалившись по пути за борт: на катере проходы узкие, а поручни по колено. Да к тому же качка. . . Сидим, пьем горячий чай. Командир рассказывает мне свою простую, хорошую жизнь. Бывший машинист (водил поезда), он с первого дня войны на этом кораблике, все с той же командой. Высаживали десанты, доставляли грузы, сбивали самолеты, а сейчас—тихо, нет «боевых эпизодов».

Эти люди не считают свои еженощные дозоры, сопряженные с опасностью подорваться на мине, быть обнаруженными и уничтоженными вражеской батареей, настоящей боевой жизнью. Для них это обычная работа, будни. . .

Согрелись. . . Опять вышли на палубу. Уже часа три утра. . .

На горизонте светлеет и ширится полоса наступающей зари. Внезапно вдали возник вертикальный луч прожектора, он словно вонзился в небо и снова исчез. Мне объяснили, что это с аэродрома сигналят нашим самолетам. Вскоре мы действительно услышали рокот моторов и над нами низко, низко пролетели возвращающиеся с задания бомбардировщики. Нескольких не досчитались. . .

В этом мутном рассвете все кажется призрачным. . . Но вот на вражеском берегу замелькали вполне реальные светящиеся точки. Это—фары. Вдоль берега проходит автоколонна! Немедленно даем радио на форт, и вскоре грохочут батареи первомайцев. Прямое попадание! Команда оживилась. «Хоть к концу дозора насолили врагу!»

17 сентября

Все-таки придется работать над оформлением спектакля «Раскинулось море широко». Сегодня утром звонили на форт из Военного Совета, велели срочно выезжать. Вопрос решен—ведь почти все театральные художники Ленинграда в эвакуации.

Из-за шторма не выпускают ни катер, ни шлюпку.

Пользуюсь этим, чтобы зарисовать ряд деталей на катерах и еще кое-что уже для спектакля.

25 сентября

Опять у меня новая «каюта». На этот раз я живу в театральной уборной актрисы Е. И. Тиме, в бывшем Александринском театре (теперь здесь работает Музкомедия). Вместо обычной койки—маленький малиновый бархатный диван с позолотой и очень много зеркал, от которых я совсем отвыкла.

Второй час ночи. . . В театре совершенно пустынно, ни души, если не считать единственного моего соседа—пожарного, который одиноко бродит взад и вперед по полутемной огромной холодной сцене. . .

Заперлась здесь дней на десять. Достали мне электрическую печку и плитку, так как театру дают ток. Пахнет горячим столярным клеем. Макет занял всю комнату. Сроки неслыханные: три дня на черновой план и эскизы; к 1—2 октября окончить макет. Ведь 7 ноября премьера! Но решение уже есть—я увидела его еще там, на заливе. Это будет сплав впечатлений от форта и подплава. Я смогу во всю ширь сцены Александринского театра размахнуть панораму Балтики, показать ленинградцам то, что лежит пока в папках.

10 октября

Мастерские Ленсовета взялись выстроить все станки. Флот дает костюмы. Катер мы оснастим настоящими мачтами, кнехтами, фонарями и прочими деталями, взятыми с затопленных и разрушенных катеров. Все это уже привезли на двух грузовиках инженеры с Балтийского завода. Ленфронт дает пулеметы, автоматы, а для сцены в парикмахерской парикмахерский трест дал все, вплоть до настоящих зеркал. Таким образом отсутствие бутафорского цеха будет восполнено. Я втянулась в работу и, пожалуй, увлеклась.

25 октября

Ночи напролет работаем на сцене. Красим, фактурим, монтируем декорации. Мои помощники—хористы (красят декорации), балет (шьют кулисы и прочее) и мальчонки — ученики из ремесленного училища вместо рабочих сцены. Все полуголодные, большинство — дистрофики. И все же приходится сурово требовать, требовать и требовать.

Днем я экономлю свой военный паек, я ночью делюсь им с мальчонками. Но это ведь так мало! Очень мешают артобстрелы. Вчера опять вылетели стекла. Дует, холодно.

К моей панораме еще не приступали. Только вчера узнала, что в Ленинграде остался отличный живописец, декоратор Кировского театра, автор памятника В. И. Ленину у Финляндского вокзала С. А. Евсеев. Говорят, он здоров и в состоянии помочь.

«Члену Военного Совета Н. К. Смирнову

Рапорт

Товарищ Корпусной комиссар!

Разрешите доложить, что у меня возникают серьезные опасения за выполнение театром в срок оформления спектакля. . . Театру осталось доделать немного, но панораму—небо и море—пока некому писать, а это—100 квадратных метров живописи. Город станки сдал, а в театре катер до сих пор не выстроили,—все уперлось в отсутствие людей, а те, которые есть,—дети и дистрофики. Прошу Вашего приказания обеспечить приглашение декоратора Евсеева (для написания панорамы) и, если можно, откомандировать, на время хотя бы, двух-трех краснофлотцев—столяров в подмогу ребятам-ремесленникам. Кроме того, ночью на пустой желудок очень тяжело работать. Может быть, можно им увеличить на время ночных монтировок хлебный паек.

С. Вишневецкая»

2-3 ноября

Кажется, все будет в порядке. Мои просьбы (да и авторы поднажали) Военный Совет КБФ выполнил.

Николаю Яковлевичу Янету нелегко отучить труппу от обычных опереточных «выходов» и т. п. Ведь мы ставим героическую музыкальную комедию с очень сильными драматическими эпизодами. Это им впервые! На последних репетициях и Янет (он и постановщик спектакля и исполнитель одной из главных ролей), и Колесникова, и Болдырева, и Орлов отлично играли. К команде на катере тоже не придерешься.

31 декабря

Почти два месяца ничего не записывала. Было не до того. . . К концу работы полюбила и театр, и спектакль. 7 ноября состоялась премьера. Несмотря на отчаянные бомбежки и обстрелы (как всегда в праздничные дни), театр был полон. Зрители сидели в шубах, в валенках. Очень горячо приняли спектакль. Кедрову (командир катера), Колесниковой и Болдыревой преподнесли корзины с. . . картошкой, капустой и кусками хлеба.

В «Правде» напечатана отличная рецензия Н. С. Тихонова.

В конце сентября нам разрешили поселиться рядом со штабом КБФ, в домике на Песочной, 10[1]. У меня там своя маленькая мансарда-мастерская с круглой железной печкой и удобным рабочим столом. Даже не верится. . .

По ночам наш домик качает от пальбы и взрывов, как утлый челн. А я чувствую себя в глубоком тылу. В мансарде тепло, топится печка, с соседнего завода дали электрический ток. На улицах больше людей, ходят трамваи, и хотя нормы питания все еще очень скупы, но люди немного подкрепились за лето и кое-что запасли: овощи, сушеные ягоды, грибы.

Однако психологически вторая зима дается труднее. Очевидно, ощущение блокады давит на душу. Мы все знаем, что наш фронт готовится к прорыву в 1943 году. Скорей бы!

По радио передают новогоднее выступление Всеволода Вишневского. Сейчас он придет за мной и мы отправимся к Вере Инбер встречать Новый год. 1943-й должен быть годом прорыва блокады и вообще годом победы. . . Но нужно еще много, много сделать каждому из нас.

Общими усилиями ленинградцы и фронт отстояли и сохранят наш город. Сохраним же и мы, художники (в меру наших сил и таланта), его образ для будущего—образ Ленинграда в 1942 году.

---

[1] Ныне ул. Профессора Попова. Там теперь установлена мемориальная доска памяти Вс. Вишневского.

А. БЛИНКОВ

ИЗ ДНЕВНИКА

11 марта 1942 года

Сегодня узнал: нас забросят в бригаду Васильева. Если позволит погода, самолет сделает посадку,—в противном случае придется прыгать с парашютом. . .

А в Союзе плохо. В коридорах темно и холодно. Как тени слоняются люди. Худые, с заостренными скулами, они еле передвигают опухшие ноги.

На дворе уже светает. Спать не могу. Слышно, как кашляет Ярослав Николаев. Он совсем стал похож на цаплю: широкий шарф отделяет голову от плечей, и кажется, что голова существует совсем отдельно.

. . . Зашел попрощаться с Вячеславом Пакулиным. В сыром подвале, в кромешной темноте, надоедливо журчит вода. Кран не закрывают, чтобы струйки не замерзли. Вячеслав при свете коптилки взвешивает на аптекарских весах какое-то снадобье. Он лечит всех от голодных поносов. Под столом—доски, подрамники, в углу—санки с этюдником и холстом. Он возит все это за собой, когда отправляется на этюды. Как странно: Вячеслав страшно боится обстрелов и бомбежек, но на этюдах не обращает внимания даже на рвущиеся вокруг снаряды!

Было грустно прощаться. Вячеслав заставил меня выпить напоследок его лекарство—смесь марганцовки с какой-то гадостью. Уверял, что теперь я гарантирован от желудочных заболеваний. Концы веревки, которой он подпоясан, отбрасывают на каменный пол длинные трепещущие тени.

Прощай, Вячеслав! Прощайте, друзья!

До свидания, многострадальный родной Ленинград!

20 марта

Тяжелый день. Беспрерывно рвутся снаряды. Машины пришли к вечеру, но выехать не удалось из-за воздушной тревоги. Колонну загнали на обширный двор сортировочного пункта (Фонтанка, 90).

21 марта

Выехали на ладожский лед возле Борисовой Гривы. Лед—словно треснувшее зеркало. День серый и ветреный. Вокруг замерзшие воронки, разбитые кузовы машин, лежит хвостовое оперение самолета с черной свастикой. Вдали виден черный от копоти берег. Это Лаврово, а за ним дальний путь по Ладожскому каналу через Ручьи, Войбоколово, Ратницы, Чаплино, Новую Селивестровку, Старую Ладогу. . .

22 марта

Ночевал в поезде, и снова в путь—через Хвилово, Миликец, Стрельну, Остров.

Станция разбита. До деревни фашисты не дошли трех километров, но повсюду следы разрушений. Они тянутся вплоть до Тихвина. Враг, уползая, оставил на обочинах дорог

транспортеры, танки, артиллерию. Под снегом множество трупов; это—ранние. Более поздние—на снегу, лица у них словно из зеленоватого фарфора.

Так вот оно, поле боя! . .

Наконец мы в Тихвине.

Всматриваюсь—и не узнаю.

Старинные рубленые дома превратились в груду расщепленных обуглившихся бревен.

Начальник колонны решил двигаться дальше без заправки.

Начался воздушный налет. Машины рассредоточились. Тревожные гудки паровозов и взрывы без конца. Бомбят вокзал и составы. И снова развалины, гарь и смерть. . .

Большой Двор, Павловский Конец, Митево, Заголодино. А вот и граница Чагодощенского района. Совсем другой мир, тихий, нетронутый, с палисадниками, скворешнями. Все так, как до войны.

23 марта

Большой аэродром, гул моторов. «Работают» на Волховский фронт.

Дороги тяжелые, фронтовые. Начинаются отроги Валдайской возвышенности. Боровичи, Кончанское. И вот я в Валдае.

Прощаюсь с шофером и начальником колонны. Солдаты жмут мне руку, желают успеха. До оперативной группы—пять километров. Иду пешком. Ноги, словно тумбы. Сильно болят колени, валенки промокли. Регулировщик остановил полуторку, усадил меня в кабину.

В Валдае застрял. Поднялась температура, а нужно двигаться дальше—болеть нельзя. Погода стоит сырая, снега тают, через неделю сообщение с партизанским краем прекратится.

Приходил врач. Ноги, оказывается, болят от авитаминоза.

Я вижу много людей. Ежедневно в штаб приходят командиры отрядов, партизаны, возвращающиеся из госпиталей, ожидающие переброски в свои отряды.

Гордин спит два часа в сутки. Комната небольшая, прокуренная. Тут же у передатчика сидит радистка и стучит, стучит ключом... Морзянка нагоняет дремоту, которую ежеминутно прерывает звон местного телефона. Звонят из Тихвина, Бологого, Ленинграда, г. Калинина.

До сих пор все еще не решено, пойду ли я через линию фронта с возвращающейся из Ленинграда делегацией партизан и колхозников или полечу самолетом.

Часто бомбят Валдай. Сегодня вот уже четырнадцатая тревога. Дом ходит ходуном. В черном небе десятки прожекторов, в скрещенных лезвиях их лучей, как золотая оса, фашистский самолет.

Весна! Но она—днем, ночью стоят еще холода. Это хорошо! Партизаны рассказывают, что дух тевтонский пасует перед сильными морозами. На Северо-западном фронте фашистские части голодают, много заболеваний.

Рисую партизан. Все четверо—пожилые люди.

Снова тревога...

А. Блинков. Партизанские тропы. 1943

31 марта

Римма, радистка, злится—трудно наладить связь.

Утро безоблачное, в воздухе множество самолетов. Из репродукторов несутся обрывки немецкой речи; наши летчики здорово бранятся.

Глаза у Риммы злые, зеленые—как у кошки. Вновь падают бомбы, и уже совсем близко.

Одна упала в озеро за домом, разбила мостки и лодку. Римма приняла из Ленинграда радиограмму. Наконец-то!

Выеду с возвращающимся из Ленинграда обозом. Обоз находится за Ловатью, километрах в ста тридцати от Валдая, и ожидает прибытия боеприпасов для партизан. Завтра

десять машин, груженных взрывчаткой, патронами и оружием, выйдут к обозу. Маршрут определить трудно, вокруг сильные бои. Линия фронта беспрерывно меняется.

В тот же день меня познакомили с комбригом Васильевым. Вместе составили план работы. Договорились, что я буду не в бригаде, а в действующих отрядах. Васильев просил достать пластилин — для скульптора, находящегося в бригаде. Сейчас он работает только в дереве. Мне не стоило большого труда убедить комбрига, что дерево — замечательный материал и что оно как нельзя лучше подходит для портретов партизан. Фамилия скульптора Барбаш. Все же радировал в Ленинградский штаб и просил достать пластилин через Серова.

Выехали в три часа ночи. Десять — пятнадцать машин — целый пороховой погреб на колесах. Фары погашены, гул самолетов сопровождает нас.

Первый населенный пункт — город Крестцы. Наполовину сгоревший и разрушенный, он разбежался по горбатым сопкам, ощетинившись многочисленными остриями крыш, весь в кирпичных язвах.

Рассветает. Вскоре двигаемся дальше. Просыпающийся день раскрывает перед нами картины страшных боев. Вдоль дорог огромные воронки и трупы лошадей, опутанные паутиной проволочных спиралей.

Едем весь день. Чем ближе к Старой Руссе, тем сильнее и интенсивнее канонада. Снаряды рвутся в лесочке в пятистах—шестистах метрах от нас. Путь лежит через этот участок леса. Машины останавливаются. А дорога узкая-узкая. По обеим ее сторонам почти двухметровая стена рыхлого грязного снега. Начальник колонны посылает связного узнать обстановку. Оказывается, фашисты перекрыли дорогу впереди нас. Решаем ехать через Парфино на фанерный завод, что километрах в шестнадцати от Старой Руссы.

Двигаемся осторожно, медленно, стараясь не отставать от головной машины. Из-под буксующих колес валит белый пар. Кажется, никогда нам не выбраться из этой грязи и талого снега. Линия фронта слева, мы двигаемся вдоль нее.

Каким-то чудом все же добираемся до фанерного завода. Завод весь в дыму. Его только что бомбили. Деревня сожжена до тла.

Машины въезжают на заводскую территорию. Нас здесь ждут. Несколько человек во главе с комиссаром партизанского отряда встречают подле крайней избы. Это—база агентурной разведки партизан. Она работала, когда на заводе были фашисты, она действует и сейчас, являясь связующим звеном между партизанскими отрядами во вражеском тылу и армейским командованием.

...Ночью вышел на улицу. Сплошной гул покрывает все звуки. Зарницы, похожие на грозу, меркнут при вспышках осветительных ракет. До переднего края—три километра. Где-то бомбят. При этом дребезжат в избе стекла и качается кузов машины.

Бужу попутчика, бывшего секретаря Сивковского райкома партии Уинченко. Пора в путь.

И снова дорога. Вспышки осветительных ракет вырывают из тьмы фанерные штабеля и уставших солдат, идущих по липкой грязи.

Рамушево—где слышал я название этого населенного пункта? Уинченко напомнил: в сводках Совинформбюро.

Эта деревня запомнилась мне навсегда. Не раз переходила она из рук в руки. Это—ворота в шестнадцатую вражескую армию. Гитлеровцы настойчиво, с фанатическим упорством обороняли эти «ворота», оставляя в канавах и воронках штабеля тел, прижатых к мерзлой земле пулеметными очередями.

Вокруг—горы трупов.

Вот молодой белокурый немец-ефрейтор. Вьющиеся волосы вмерзли в ком черной земли. Умирая, он мог видеть поворот дороги и своих бегущих солдат. А вот и сами солдаты. Смерть настигла их, и они падали, падали в грязный снег и теперь лежат серо-зелеными пятнами на истерзанном поле. Нет, никогда не будет принадлежать им наша земля!

...Безымянная деревня. Она тоже почти разрушена. Огромные тополи выворочены с корнем. В уцелевших домах расположился медсанбат. Люди чувствуют себя тревожно, каждый час обстановка на участке меняется.

Перетаскиваем груз в разбитый сарай на краю деревни. Поблизости дом. Нетрудно догадаться, что здесь жил учитель: книжная полка, обложки Некрасова и Короленко, ученические тетради с пометками.

Дом пятистенный. Передняя комната разбита противотанковыми снарядами, от печи остался один дымоход. Здесь стояли гитлеровские солдаты: на полу бутылки из-под шнапса...

Невдалеке—группа женщин. Очевидно, местные. Они живут в землянках и окопах. Пожилая женщина и девочка-подросток в больших валенках копаются в огороде, доставая из-под снега мерзлую картошку. Уинченко подзывает их и дает им концентраты. Женщина плачет.

...Снова в путь. Едем по меньшей мере четыре часа, проваливаясь в глубокие холодные ручьи, вытаскиваем лошадей, дважды переправляемся через взбухшую, готовую тронуться каждый миг Ловать.

Постреливают справа, и обоз сворачивает влево—без дороги, по целине. Долго двигаемся вдоль реки и наталкиваемся на минное поле. Обоз спускается с высокого берега на лед и идет вверх по течению, пока не попадает под минометный огонь,—фронт здесь не стабилизирован. Переезжаем реку в последний, третий раз. Окопы, дзоты. Подводчик рассказывает, что в августе фашисты сложили здесь мост из трупов своих солдат и переправляли пехоту.

Короткая передышка. А вечером—снова в дорогу! Обоз идет вперед. Отставать нельзя. Двигаться, двигаться!

Лошади падают ежедневно. Несчастных животных пристреливают. Груз раскладывают по другим саням.

Дорога переходит в болото—о нем давно и с беспокойством говорили в обозе. Тянется оно километров на десять. В болоте оказалась вода: большие зеркальные окна из талого снега, предательские кочки.

Наконец добираемся до озера. На льду—вода. Лошади местами идут в ней по брюхо. Груз тоже в воде. Ящики с запалами для мин перекладываем повыше. Люди мокрые, усталые. . .

Вечереет. Лошади и груз покрываются инеем.

Наконец добираемся до спасительного сухого кряжа с могучим ельником. Запылали костры. Из бригады навстречу нам вышло человек десять партизан. С жадностью дымят махрой—соскучились по куреву. От них узнали, что штаб бригады перебазировался в Семеновщину.

На следующее утро обоз приходит в Верболово. Но обоз ли это?

Он представляет собой странное зрелище. Вот стоит человек. На ногах у него голенища от валенок, а ступни обмотаны—одна солдатской ушанкой, другая портянкой. Рядом девушка поправляет волосы. Полушубок на ней задубел, полы торчат на манер балетной пачки. Юбка в клочьях, из-под нее видны голубые рейтузы, едва прикрывающие красные, в ссадинах коленки.

Только сейчас, когда миновала опасность и остались позади нечеловеческие трудности перехода, я впервые по-настоящему понял, что вот эти девушки и вот эти обросшие щетиной колхозники, решившие в страшную военную зиму помочь блокированному Ленинграду,—подлинные герои, свершившие великий подвиг. Но сейчас в мире идет жестокая война, и этот подвиг—лишь маленький эпизод титанической борьбы всего советского народа.

Подошел Уинченко. «Ну как, художник,—картина?!»—кивнул в сторону обоза.

Я промолчал, но подумал: вот если бы большой художник сумел отразить в своем произведении высокий смысл подвига этих русских людей, родилось бы замечательное произведение искусства! . .

В. БОРИСКОВИЧ

ИЗ ДНЕВНИКА

На шестой день войны—27 июня—группа ленинградских художников была направлена организовывать маскировку военных объектов. Разъехались мы по двое. Мне должен несколько помочь опыт недавней работы в кино по созданию военно-учебной картины о маскировке.

Первый объект—Пушкинский аэродром. Попытка «живописать» руками трех тысяч людей на площади в несколько километров. Вместо кистей—лопаты, вместо красок—песок, торф, земля.

Стремительность фашистского наступления вынудила командование перебросить меня с товарищем на другую ближайшую к Ленинграду «точку», в сторону финской границы.

Работа на новом объекте шла эффективно. В осуществлении маскировки принимала участие группа испанских ребят, эвакуированных в 1939 году из Испании. Они работали с исключительным энтузиазмом, а при налетах фашистской авиации ни за что не хотели укрываться в щели. Рассыпавшись по полю, они простирали к небу сжатые кулаки и выкрикивали проклятия тем, кто, летая на таких же самолетах, несколько лет тому назад убивал их братьев, отцов, матерей. Они хотели мстить за Гернику, за разрушение города своей родной, солнечной Испании.

...Идут дни. Получаю назначение в аэродромный отдел фронта. Но спустя двадцать семь дней я уже демобилизован—за невозможностью использовать меня по специальности. Маскировать нечего, так как фронт слишком близко. Сам город становится фронтом.

...Замыкается кольцо. Город щетинится укреплениями, дзотами, эскарпами, надолбами. Работаем лопатой и ломом.

Последние эшелоны увозят стариков, детей, больных.

...Осень сорок первого. Кольцо сомкнулось. Первые раны Ленинграда. Регулярные налеты. Обстрелы...

Наступает зима. Под белым покровом улицы, дома. Мороз проникает в нетопленные жилища, покрывает инеем стены комнат, охлаждает кровь людей, теряющих силы в борьбе с новым, беспощадным врагом — голодом.

Первые, обессилевшие, уходят из жизни.

Ночные дежурства по зданию Союза художников. Помогаю Я. М. Гуминеру добрести до его ложа в мастерской, укрыться всем, чем только можно.

— Утром разбуди меня!

Утром он не проснулся...

Попрощался со мной Г. П. Тарасов. Он ушел, еле передвигая ноги, в снежно-белесую темноту. Домой. Навсегда...

Десятки и сотни близких — друзей и знакомых и тысячи, многие тысячи незнакомых ленинградцев героически — скромно и тихо — ушли от нас в эту первую жестокую блокадную зиму. Но даже на пороге гибели они верили в жизнь, в ее конечное торжество. А в оставшихся росла и накапливалась ожесточенная сила сопротивления, сила ненависти, которая помогла городу выстоять и победить.

...Полуподвальное помещение в здании Большого драматического театра имени А. М. Горького. Здесь собирается у фантастически дымящей печурки группа художников. Серые лица с глубокой чернотой в провалах обесцветившихся глаз. Кашляя и задыхаясь, мы работаем над проектами укрытий нашей ленинградской монументальной скульптуры.

Хороший жар дает дерево венского стула! Мы с женой сидим у огня маленькой железной печки,

— Стучат!

Появляется «фигура», подобная всем ленинградским «фигурам» зимы сорок первого года, напоминающая большого младенца, укутанного заботливой мамашей. Это — художник Н. П. Аввакумов, живущий через три дома от нас. Немного обогревшись, он задает неожиданный вопрос:

— Нет ли у вас плитки столярного клея? Его можно варить! Получается изумительный, очень питательный студень.

Жена получает рецепт приготовления питательного студня. Делим оставшиеся плитки клея. Еще один освоенный продукт питания.

Как-то В. В. Пакулин, с которым мы одно время встречались ежедневно, пытаясь осуществить совместно задуманную работу, похвастал:

— Я достал в аптеке миндальные отруби — не вкусно, но, вероятно, питательно.

На другой день он не пришел. Встревоженный, я отправился к нему под вечер, благо жил он недалеко от меня, на Литейном. Пакулин лежал с сильным отравлением «питательными» отрубями.

— Уж больно они были горькие... Ничего, выживем!

И он выжил, чтобы возобновить и продолжить свою работу над замечательными пейзажами блокадного Ленинграда.

Зимой этого же года Театр Краснознаменного Балтийского флота, базировавшийся в здании Дома культуры Промкооперации, начал работу над спектаклем «Похождения бравого солдата Швейка». Для встреч с работниками театра мне приходилось совершать путь от улицы Жуковского, по заснеженным, омертвевшим улицам, длившийся два-три часа.

В памяти спуск с Кировского моста. Солнечное утро. Сугробы искрящегося снега. В тишине, не заглушаемой отдаленным гулом орудий, как-то неестественно звонко скрипит под ногами снег.

Человек, идущий впереди меня, поскользнулся и упал. Пытаюсь помочь ему встать. Долгие попытки ни к чему не приводят — слишком мало сил и у него, и у меня...

Вокруг ни души. Снег ослепительной белизны, и небо, голубое безоблачное, с зигзагами самолетных следов.

— Ты иди, товарищ... отдохну, вот...

Новая попытка поднять его уже вызывает сопротивление.

— Говорят тебе — иди! Я отдохну... Иди же!

...Часа через четыре возвращаюсь обратно... Человек лежит в той же позе...

Эскизы и чертежи к спектаклю я выполняю дома у окна с полуметровым куском стекла. В остальных окнах стекла, выбитые взрывной волной, заменены живописью двадцатых годов.

Холсты и фанеры, густо записанные маслом (дань увлечения «фактурой»!), служат плохой защитой от ветра, снега и холода. Большую часть работы выполняю при свете крохотного ночника-самоделки, горящего тусклым язычком пламени на невообразимой смеси горючего.

В апреле начинаю работу в Театре музыкальной комедии (это единственный театр, не эвакуированный из города) над спектаклем «Лесная быль» — о днях сегодняшних, о партизанах.

Сцена Театра имени А. С. Пушкина, где базировалась Музкомедия, требовала оформления большого масштаба, решаемого средствами живописи. Выполнение всей работы осуществлялось мною совместно с театральным художником Цорном. Нам приходилось работать при дневном освещении, так как произвести светомаскировку огромного количества стекол декорационного зала было невозможно.

Рано утром карабкаемся под крышу театра в мастерскую. Наши дистрофические, обессиленные руки с трудом удерживают тяжелые декоративные кисти. Работа все же спорится — хочется поскорее показать ленинградцам первый спектакль, созданный в городе-фронте.

Ставшие давно привычными налеты фашистской авиации вызывают желание наблюдать воздушные бои с крыши театра, попасть на которую из мастерской очень просто. Это — законные перерывы в работе, дающие отдых руке, костенеющей от напряжения работы большими тяжелыми кистями.

Дымки разрывов пестрят на безоблачном весеннем небе. А внизу ранняя желто-оливковая зелень лип Сада отдыха хранит тайну клодтовских коней, притаившихся здесь под могучими стволами в надежном земляном укрытии...

Я художник при армейском Доме Красной Армии. Здесь уже работал один художник, отозванный командованием из части для работы по специальности. С ним я устроился в землянке, служившей нам обоим и жильем, и «мастерской». Здесь мы вершили все наши «творческие» дела: оформляли агитмашины, писали плакаты и карикатуры, готовили оформление армейского ансамбля.

Писали мы только небольшие холсты, размер которых диктовался габаритами нашей «мастерской». Тематика—эпизоды из боевой деятельности частей Седьмой отдельной. Выезд «на натуру»—к переднему краю—позволяли делать зарисовки, служившие нам материалом.

Условия и сроки не могли, конечно, способствовать созданию полноценных художественных произведений, но своей работой мы тоже «стреляли» по врагу.

В. Борискович. Из фронтовых зарисовок. 1942

При нашей армии организуется театральная труппа. Ядро составили профессиональные актеры—бойцы и командиры. Были поставлены два спектакля—«Русские люди» и «Фронт».

Пьесы ставились по тексту, печатавшемуся в газете. В итоге выпуск спектакля не намного отставал от публикации пьесы.

При оформлении спектаклей нужно было учитывать условия их показа в землянках и блиндажах. Для того чтобы написать хотя бы самые примитивные и очень условные декорации, все же требовались клеевые краски. В расположении армии был обнаружен карьер с белой глиной (ее пользовали для зимней маскировки танков). Но как быть с красителями? Анилины у меня «дома». Еду через Ладогу по «дороге жизни» в Ленинград... Ветер, снег, холод проникает сквозь щели кузова и брезент. Несмотря на полушубок и валенки, чувствуем, что замерзаем. Долгий, исключительно трудный для водителя путь...

В. Борискович. После боя. 1942

Гудение самолетов. Разрывы зениток, и далекие, гулкие удары об лед...

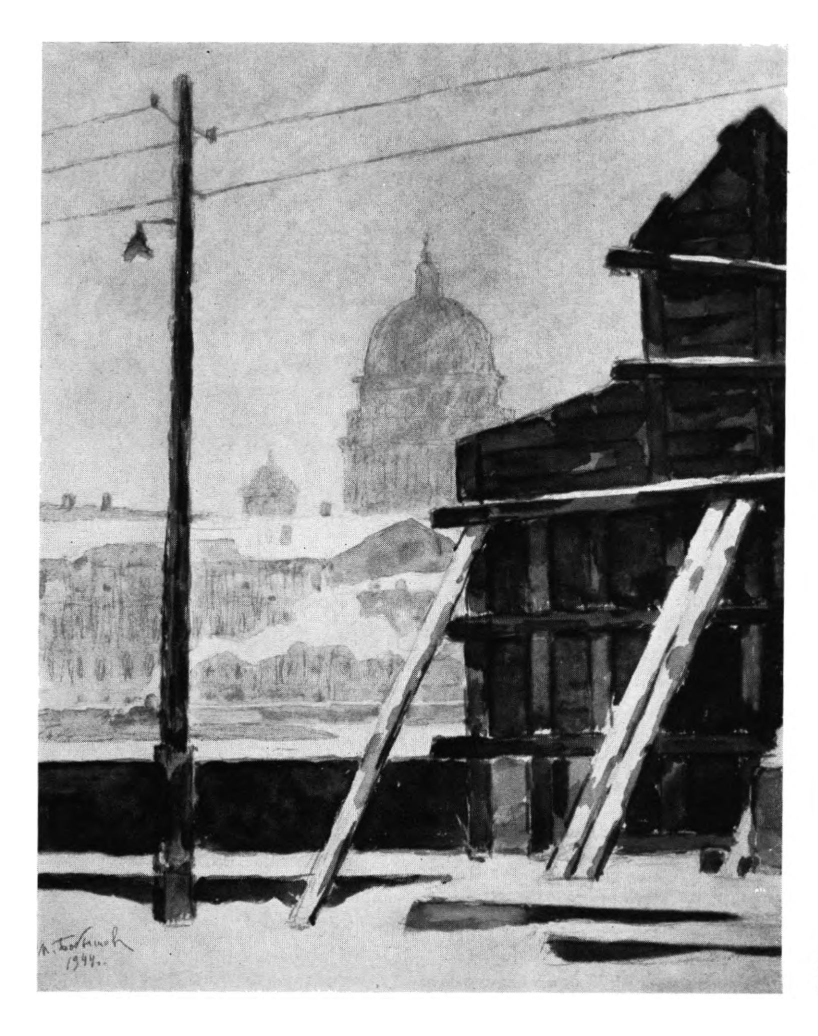
Город поражает своим спокойствием. Неожиданный, уже позабытый сигнал тревоги заставляет нас, «фронтовиков», бросаться в ближайшую подворотню.

...Дома! Какая неузнаваемая, темная закопченная комната! Кажется, здесь холодней, чем на улице. Вот и она, наша печурка! Ведь на ней мы варили «питательный» клей, подбрасывая в огонь дерево венских стульев и щепки с разбитых домов. Вот и доска, на которой я оцепеневшими пальцами рисовал эскизы первого блокадного спектакля!

Холод, однако, дает себя знать. Но где раздобыть топливо? Оглядываю наше былое обиталище. Вот! Задняя стенка книжного шкафа. Небольшое усилие, и веселый огонек в печурке возвращает комнате «уют» прошлой зимы.

Найдены анилины, большие кисти. Через день—в обратный путь на Большую землю.

Белая глина с анилинами дала отличные клеевые краски. Благодаря ее жирности можно обходиться почти без клея.

М. Бобышов.
Героический Ленинград. 1942

...Декорации написаны. Выпущен первый спектакль—«Русские люди». Начинаем работу над «Фронтом», но актеров не хватает. Приходится и мне вспомнить юношеские увлечения и взяться за исполнение роли одного из героев...

Первые спектакли идут в помещении сельского клуба, оказавшегося в расположении штаба армии.

Некоторая громоздкость пьесы «Фронт» не позволила показывать его на фронтовых точках. Зато спектакль «Русские люди» побывал абсолютно на всех участках Седьмой отдельной.

В июле сорок третьего сменяю привычное оружие—карандаш и кисти—на автомат и ручной пулемет.

М. Бобышов.
Зашивка витрин. 1941

Я перестал быть художником, но вместе с тем во мне возникло некое подобие раздвоения, какое-то странное чувство объективного восприятия собственных действий как действий солдата. Я стал видеть себя как бы со стороны, извне, частицей огромной массы советских воинов, борющихся с фашизмом.

Но в этом солдате постоянно всегда присутствовал и художник, мысленно рисовавший, запоминавший и профессионально оценивавший все, что совершалось и происходило вокруг.

. . . Синявинский участок фронта. Район седьмого, восьмого, девятого поселков... Голое—до самого горизонта—пространство. Коричневато-серая, точно вспаханная земля. Поселки?.. Отсутствуют даже малейшие признаки их былого местонахождения. Кое-где редкие, одиноко и мертво торчащие волосинки древесной растительности...

Образ войны складывается не из динамических моментов—так называемых «боевых эпизодов», служащих обычно предметом изображения на картинах и иллюстрациях. Охватываемая глазом военная действительность поражает масштабом и стихийностью действия

В. Милютина. Доигрывают спектакль в убежище. 1941

разрушительных сил, западает глубоко в сознание, и отдельные ярко выразительные частности постепенно собираются в едином образе родной природы, искареженной стихией войны, которую развязал проклятый гитлеризм.

...В декабре наша часть перебрасывается на Ораниенбаумский «пятачок». Снова Ленинград, ночной марш по спящим улицам родного города. Посадка на самоходные баржи. В следующую ночь—путь через Финский залив, мимо Кронштадта, на «пятачок».

Залив остановился—мелкие иглистые льдинки сопровождают наш путь своим непрерывным звенящим шуршанием. Высадка. И снова ночной марш—по величественно-спокойной полосе берега.

Тринадцатого января 1944 года «пятачок» начал артиллерийскую подготовку. Симфония оглушающего звона и грохота длится несколько часов подряд.

Она звучит в нашем сознании именно оркестровой музыкой, музыкой наступления, музыкой близкой победы...

Мы идем в тыл отступающего противника. Пятнадцать часов почти безостановочного движения. Лес. Заснеженные громады сосен и елей, строгих и спокойных. Нога проваливается в толщу нехоженого снега. Взвод, в котором я нахожусь, прокладывает дорогу. Ручной пулемет—«оружие на изготовке»—становится все тяжелей. Но чувство усталости уже привычно.

Пичужка, вспугнутая нами, тоненьким звоном пропела нам напутствие. Пересекаем давно неезженную дорогу: на ней следы какого-то крупного зверя. Темнеет. На фоне угасающего неба—стена леса, с краю подстриженная ровно и аккуратно, точно ножницами садовника. Подобие поляны. Кое-где торчат одинокие деревья с редкими сломанными ветвями. Это—тот же, некогда стройный лес. Его мощные останки укрыты снеговым покровом—серо-синие бугры с торчками выброшенных рук-ветвей.

Ночью подходим к деревне, расположенной близ железной дороги, которую нам надлежит перерезать. Разведка показала, что деревня оставлена фашистами, но неожиданно на повороте дороги вспыхнули фары, к счастью, не осветившие нас. Мы стали «обтекать» деревню.

Состояние необычайного спокойствия. Выбираю место, наиболее удобное для обстрела из пулемета. Устраиваюсь на снегу, устанавливаю прицел. Второй номер готовит запасные диски: ждем сигнала—ракету.

Метрах в ста, у одного из деревенских домов, вспыхивает пятнышко ручного фонарика. Приглушенно заработал мотор. Поправляю прицел...

Ракета! Начинается бой...

Чиркнули по шлему скользящими щелчками пули автоматной очереди. Ослепительный удар! Вся голова моя будто взрывом красно-белого света расколота на части... Булькающий звук стекающей на снег крови проясняет сознание. Отползаю в сторону, прижимаюсь к стене одинокого строения. Скомканный бинт индивидуального пакета неуклюже привязываю к рваной мокрой массе, там, где правый глаз, где переносье. Пока только одна мысль: кажется, жив!

...Охватывает полузабытье. В черноте мерцание беспредметных форм невообразимой яркости молниеносно чередуется со вспышками боли ослепительного света...

Сознание пробуждается от ощущения полной тишины.

Бой кончился... Кто здесь, в деревне? Свои? Чужие?

Двое суток на ногах—до медсанбата. Обрывки видения сквозь непрерывные вспышки света в левом, «живом» глазу. Нервное возбуждение отвлекает от боли, не дает выкристаллизоваться мысли о потере зрения...

Фронт Ораниенбаумского «пятачка» соединился с Ленинградским. Раненых транспортируют в Ленинград. В машине наступает реакция—боль затопляет сознание.

Госпиталь. Голова и лицо покрыты бинтами. Узенькая щель для левого глаза. Боль при мысли о возможной потере зрения пересиливает физическое страдание.

Случайно подслушанный разговор: «Правый глаз у него, по-видимому, погиб, а левый, возможно, сохранит процентов тридцать».

Долгие дни, бесконечные бессонные ночи—и одна неотступная, неотвязная мысль:

— Глаза... Зрение... Единственное достояние художника! Лишиться всего... Неужели?!

Кошмаром преследует читанный в юности роман Киплинга «Свет погас».

Первая операция. Два с половиной часа руки врачей творят свое целебное дело. Лоб, переносье, глаза... Глаза! Вся боль сконцентрировалась в них.

После операции:

— Правый глаз, пожалуй, тоже будет видеть.

Но он не видит. И я не верю врачам. Утешают!

Несколько месяцев в состоянии депрессии. Надежда и отчаяние... Отчаяние и снова надежда... Наконец, долгожданный момент снятия повязки.

— Закройте левый глаз; поднимите веко правого.

Мерцание... Свет... Неясные контуры...

— Вижу!

Сначала—в тумане, затем яснее. Открываю левый и... все вдвойне! Как бы два прозрачных изображения, наложенные—со сдвигом—одно на другое. Мне объясняют: отсутствует координация мускулов, каждый глаз видит самостоятельно.

Неужели навсегда? Нет, в течение трех-четырех дней зрение постепенно приобретает обычную синхронность.

Охватывает неодолимое желание запечатлеть виденное, пережитое, те образы русской природы, искареженной стихией войны, которые, не тускнея, жили в моем сознании в бесконечные дни «закрытых глаз».

Наконец мне разрешено понемногу работать. В полевой сумке сохранились кое-какие «орудия производства». И главное: уцелели клочки бумаги, на которых в редкие минуты фронтовых передышек я делал беглые наброски и памятные заметки.

Сперва робко, затем все смелее и смелее и, наконец, лихорадочно торопясь, я погрузился в работу над своими «Пейзажами войны».

Когда я стал хорошо передвигаться, мне выделили стол в комнате дежурных врачей, за которым я мог работать уединенно и без помех.

...По просьбе врачей принялся делать «портретные» зарисовки ранений. Рисуя лицо человека с открытой раной, в которой виден живой, пульсирующий мозг, с трудом преодолевал тяжелое, неприятное чувство. Но постепенно профессиональная привычка брала верх, и я уже с подобием творческого интереса искал выразительности в необычных, деформированных лицах с печатью боли и страдания.

В промежутке между двумя пластическими операциями я имел возможность выходить на улицу и наблюдать ленинградскую жизнь конца сорок четвертого года. Ритм жизни Ленинграда изменился до неузнаваемости. Уже не видно серых, измученных, голодных лиц, исчезла пугающая обреченность замедленных движений ленинградцев. Нет больше и непроходимых завалов, разбитых домов, льда и снега, столь памятных по первым блокадным зимам. Город залечивает свои раны.

В ноябре я был выписан из госпиталя с «ограниченной годностью» и стал работать вместе с группой художников Военно-медицинского музея.

Экспозиционно-тематические задания командования музея не давали мне возможности продолжать работу над «Пейзажами войны». Сказывались и последствия ранения. Возникали рецидивы, снова и снова приводившие меня в госпиталь. Однако болезненность рецидивов была незначительной, и каждое очередное возвращение в госпиталь позволяло мне продолжать любимую творческую работу.

9 мая 1945 года я находился в госпитале на Суворовском проспекте. Вечером мы, несколько «ходячих больных», обманув бдительность медперсонала, выбрались на крышу, чтобы отсюда принять участие во всенародном торжестве.

Вот он—салют Победы!

Непередаваемо чувство гордости за наш великий народ, который, пройдя через годы борьбы и страданий, горя и крови, беспредельным напряжением всех сил отстоял свободу и независимость своей Родины и проложил ей светлый путь в коммунистическое будущее!

И. БРОДСКИЙ

АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ В ОСАЖДЕННОМ ЛЕНИНГРАДЕ

За долгую историю своего существования Академия художеств была свидетельницей многих исторических событий и потрясений. Но впервые она оказалась в осажденном городе, охваченном железным кольцом блокады.

Великая Отечественная война резко изменила характер деятельности Академии. Свыше двухсот преподавателей и студентов ушли в первые месяцы войны на фронт. Партийный комитет Академии направил добровольцев в народное ополчение, истребительные батальоны, отряды МПВО. С рюкзаками, гранатами, винтовками, пулеметом уходила в партизанский отряд группа студентов. Т. Т. Шевченко, Г. Л. Чепец, М. К. Поплавский, М. О. Дунец, С. И. Линдин поклялись беспощадно и метко бить врага. Стал партизаном педагог, историк античного искусства П. Н. Шульц. Ушли в армию профессор М. К. Каргер, доцент А. Д. Зайцев, ассистенты В. Л. Анисович, А. А. Трошичев, С. А. Гельберг и другие.

После краткого митинга в круглом дворе Академии с лопатами и кирками отправился на строительство оборонительных укреплений трудовой эшелон Академии. В нем участвовало свыше ста пятидесяти человек. Студентки, работницы, преподаватели, натурщицы, сотрудники показали себя отличными землекопами. Работая в Лужском и Гатчинском районах, они первые на своем участке приняли боевое крещение, подвергшись бомбежке вражеских самолетов. Оставшиеся в городе педагоги, студенты и служащие Академии активно участвовали в местной противовоздушной обороне.

С наблюдательной вышки, расположенной на здании Академии, далеко видны широкие проспекты, набережные и площади нашего города. Мягким силуэтом высится купол Исаакиевского собора, у подножья которого Медный всадник, бережно укрытый мешками с песком. Поднявшемуся на вышку ночью, в часы воздушной тревоги, открывалось незабываемое зрелище. Десятки прожекторов освещали небо, озаряемое вспышками орудийных залпов и огненными росчерками трассирующих пуль. Город мужественно принимал удары хищного врага, напавшего на него под покровом ночи. Студенты Академии были отличными наблюдателями. Районный штаб высоко ценил их работу. Они хорошо знали город, быстро ориентировались в нем и, заметив ракету или мигающее светом окно, сразу же сигнализировали штабу. Каждый удар снаряда, каждое падение бомбы воспринимались с особой болью. Фашистские варвары хладнокровно расстреливали величайший из музеев, каким является наш город. Это наполняло всех гневом и жаждой мести. Каждый выстрел врага множил число его ненавистников.

Не раз гитлеровцы обращались с призывами к ленинградской интеллигенции, суля ей поблажки или угрожая расправой. Они стремились любыми приемами надломить ее волю и стойкость, но это еще больше сплачивало нас.

Несмотря на тяжелые условия, бомбардировку и артиллерийский обстрел, Академия ни на один день не прекращала своей деятельности. Коллектив педагогов и студентов был охвачен желанием служить всеми возможными средствами обороне города.

В короткие сроки силами сотрудников музея Академии и студентов были упакованы в ящики и спущены в подвалы наиболее ценные музейные экспонаты. Большие копии картин Рафаэля и Тициана были сняты со стен и накатаны на валы. Студенты участвовали также в консервации памятников Петру I, Николаю I и других монументов города.

Много сил педагоги и студенты уделяли политической агитации. В июле 1941 года был проведен конкурс на политическую карикатуру, в котором участвовало пятьдесят два человека. Были премированы и рекомендованы к печати работы Л. М. Торича, М. Б. Ваксера, А. Г. Рочегова, Е. Г. Мелик-Богдасаровой.

Академик Н. Ф. Петров был известен как тонкий живописец интимных интерьеров, мастер лирических пейзажей. Когда командование Ленинградского фронта обратилось к Академии с просьбой помочь в создании выставки трофеев Советской Армии, Николай Филиппович выбрал тему: «Поле, усеянное вражескими танками». Художник быстро изучил особенности танкового боя и военную технику и в короткий срок написал картину, которая вызвала всеобщее одобрение. В этой выставке участвовал своими работами весь коллектив педагогов Академии. Вспоминаются картины Р. Р. Френца «Красная конница в атаке», М. П. Бобышова «Подвиг Гастелло», Б. А. Фогеля «Атака минных катеров», В. А. Серова «На разгром врага», А. И. Заколодина «Потопление фашистских транспортов». Большой скульптурный фриз был выполнен В. А. Синайским и группой учеников. Выставка получила высокую оценку командования Ленинградского фронта, выраженную в специальном приказе Политуправления.

Многие педагоги участвовали в маскировке военных и промышленных объектов. Академики архитектуры Л. В. Руднев и А. С. Никольский, профессора И. И. Фомин, М. И. Рославлев, А. И. Заколодин возглавляли маскировочные работы на крупнейших заводах города и на кораблях Балтийского флота. Часто в Академию с фронта приезжали бойцы и командиры, чтобы получить указание по маскировке.

В грозные дни сентября, когда над Ленинградом нависла непосредственная угроза вторжения врага, все мужчины и женщины, способные носить оружие, вошли в рабочие батальоны Академии, чтобы с винтовкой или гранатой в руках защищать родной город. В те дни монументальное здание Академии с массивными стенами и сводчатыми перекрытиями напоминало хорошо подготовленную к длительной обороне крепость. Окна второго этажа, выходящие на Неву, были превращены в амбразуры. У пулеметов заняли боевые посты краснофлотцы. В Рафаэлевском зале бойцы рабочего батальона получали винтовки, гранаты и бутылки с бензином. А когда враг выдохся и был остановлен у стен города, Академия снова стала жить своей жизнью. Начались занятия в средней художественной школе и в институте, библиотека заполнялась до отказа, и только по сигналу воздушной тревоги студенты отрывались от мольбертов, чертежных досок, печатного станка и становились пожарными, санитарами, бойцами команд МПВО. Везде, где только мороз

Разрушенная живописная мастерская в Академии художеств. 1942

не сковывал рук, где горела хотя бы коптилка, рисовали, лепили, читали. Периодически заседал ученый совет. Были проведены защиты докторской диссертации П. А. Шиллинговского и кандидатской—И. А. Бартенева.

Многие педагоги просили послать их на фронт, чтобы иметь возможность сделать рисунки и этюды для своих картин.

Большим событием в жизни Академии явилась дипломная сессия, а вслед за ней и выставка дипломных работ, вызвавшая большой интерес общественности. В октябре 1941 года по распоряжению правительства были откомандированы из армии для окончания дипломных работ студенты, а уже в декабре состоялась сессия. Из окончивших институт тридцати восьми дипломантов шестнадцати были присуждены дипломы 1-й степени.

Высокую оценку Государственной экзаменационной комиссии получили картины Н. А. Виноградова «Петр I на строительстве русского флота», эскизы декораций Е. П. Доб-

рынина к хроникам Шекспира, иллюстрации М. А. Таранова к «Повестям Белкина» Пушкина, скульптура И. И. Сысоева «Материнство», архитектурные проекты В. А. Короля («Судостроительная верфь»), В. И. Кочедамова и С. Б. Сперанского («Библиотека Академии наук СССР») и другие.

Многие из окончивших Институт Академии художеств после защиты вновь вернулись в ряды Красной Армии.

...В переполненном зале музея Академии, где происходила сессия, много военных. Это студенты Академии, бойцы Ленинградского фронта, пришли посмотреть работы своих товарищей. На большом мольберте картина дипломанта Ф. С. Пустовойтова «Возвращение с работы».

Вечернее небо. Купы деревьев вдоль дороги—знакомый каждому русский пейзаж. На телеге—усталые, но радостные, возвращающиеся с поля колхозники. Тема мирного, счастливого труда. Удивительно сильным было ощущение подлинной и большой значительности этой темы. Картина вызывала у всех одно чувство: враг посягнул на самое дорогое, самое близкое. Он хочет отнять у нас право на свободный труд, сделать нас рабами. Этому не бывать! И сам дипломант, уже одетый в шинель, чтобы завтра вернуться в ряды Красной Армии, рассказывает о том, что он заново ощутил свою тему, почувствовал близость ее к нашим военным дням.

Гулко гремят за большими окнами выстрелы кронштадтских батарей. Воздушный бой происходит над самым городом. Сессия на время прекращает занятия. Студенты, педагоги—каждый занимает свой пост в штабе объекта, на вышке, в команде связи. После отбоя сессия продолжает свою работу. Участники ее направляются к Литейному двору Академии, где находятся скульптурные мастерские. Только на днях здесь разорвалась большая фугасная бомба, а в студенческое общежитие попал снаряд. Дипломник И. И. Сысоев показывает свои работы. Десятки этюдов ребят, детских головок и в центре большая фигура матери с ребенком. Тему высокого гуманизма—«Материнство»—молодой скульптор раскрыл в образе сильной советской женщины-матери. И снова—острое ощущение актуальности мирной темы. Сысоев недавно вернулся с фронта. Раненый, находясь на излечении, потеряв один глаз, он работал с исключительным упорством и смог завершить свой диплом. Можно было бы назвать еще ряд картин и скульптур, которые с фанатической любовью к искусству, с невиданной самоотверженностью, вопреки всем лишениям и невзгодам, были исполнены в дни, когда озверелый враг пытался голодом и блокадой задушить наш город.

Невозможно забыть тот праздничный день, когда все окончившие институт собрались со своими учителями, чтобы отметить получение диплома. Не было произнесено ни одной шаблонной речи. Все говорили с горячей искренностью и гордостью за советскую школу, родную Академию.

Многие из участников этого вечера вскоре ушли бойцами на фронт. И не красными словами были их клятвы отдать жизнь за город Ленина, за Родину. Не все вернулись обратно—пали смертью храбрых на поле боя.

П. Бучкин.
«Есть нечего, да еще бомбят . . .» 1941

Вскоре после сессии в залах Академии открылась выставка дипломных работ. Нужно представить себе засыпанную снегом Университетскую набережную, поврежденное осколками снарядов здание Академии, с выбитыми стеклами, баррикады и противотанковые завалы на Васильевском острове, чтобы понять, каким энтузиазмом веяло от вывески на фасаде здания Академии: «Здесь открыта выставка дипломных работ по живописи, архитектуре и скульптуре». Вот по лестнице замечательного Деламотовского вестибюля, занесенной через выбитые стекла снегом, подымается группа красноармейцев. Вот краснофлотцы, пришедшие с кораблей, стоящих недалеко от Академии, посмотреть выставку. Они долго рассматривают картину Виноградова «Петр I на строительстве русского флота». Громадные скелеты будущих кораблей высятся на правом плане картины. Тяжелый, нагруженный балками воз, надрываясь, тянут в гору сильные деревенские лошади. Петр стоит в группе своих приближенных и озирает величественную панораму строительства.

«Картина Виноградова рассказала нам о величии нашей родины и напомнила о тех победах, которые одержал впоследствии петровский флот над врагами России. Верные боевым традициям русского флота, мы, балтийцы, будем громить фашистскую нечисть, пробравшуюся в наши воды». Такую запись сделали в книге отзывов бойцы Краснознаменного Н-ского корабля.

«Выставка дипломных работ Академии художеств доставила большую радость,—записал там же заслуженный учитель Н. А. Соколов.— Она является украшением в суровой жизни нашего города. Спасибо Академии художеств».

Выставка была достойным ответом фашистам, пытавшимся деморализовать ленинградскую интеллигенцию, убить ее духовную жизнь.

Советская общественность высоко оценила творческую деятельность Академии в дни войны.

В передовой статье газеты «Литература и искусство» от 4 апреля 1942 года отмечалось: «В том же героическом городе Ленина, где зародилась симфония Шостаковича, в декабре, в самые тяжелые дни осады состоялась дипломная сессия Академии художеств.

За всю свою почти двухвековую жизнь старейшая русская художественная школа не видела события, по значению равного этой сессии. Некоторые из молодых художников вернулись в Академию после ранений на фронте и успешно защитили свои дипломные работы.

...Это была заявка художественной молодежи на полноценное художественное творчество, это был ее ответ варварам, громившим из дальнобойных орудий бессмертные творения русской классической архитектуры». Бойцы Ленинградского фронта — студенты Академии в короткие часы побывок в городе не упускали случая повидать своих товарищей и педагогов. Они были дорогими гостями в Академии.

В партийный комитет и дирекцию шли письма с близких и далеких фронтов, они окрыляли оставшихся в Ленинграде глубокой верой в победу. В архиве Академии художеств хранится пачка этих фронтовых писем—волнующих документов героической обороны Ленинграда. Это свидетельства великого мужества, бесстрашного подвига во славу любимой Родины. Нельзя без волнения читать письмо студента Академии артиллериста капитана В. А. Воробьева к своему учителю профессору Л. Ф. Овсянникову: «Мы мстим фашистам за их величайшие преступления, за миллионы растерзанных жизней, за разрушение города, за архитектуру, за искусство. Когда я передаю команды на свою батарею, то часто в уме думаю: «Вот вам, гады, за Ленинград, вот за Академию художеств...» Я выполняю свой долг перед родиной так, как требует от меня мой долг коммуниста—бойца Красной Армии. Я никогда и ни перед чем не остановлюсь для выполнения своего долга. Не пожалею ничего ради уничтожения врагов. Если придется, я готов так же, как севастопольские братья, броситься под танк, опоясавшись гранатами, но врага не пропустить».

Каждое слово этого письма звучит как клятва. Капитан Воробьев, дважды орденоносец, отдал свою жизнь Родине. Пали смертью храбрых на поле боя директор Института Академии, ее воспитанник В. Я. Родионов, студенты К. Я. Веремеенко, К. Л. Иофик,

В. Серов, И. Серебряный, А. Казанцев. Прорыв блокады Ленинграда. 1943

В. М. Свердлов, Н. П. Рыбаков, Е. Г. Фалько, З. Б. Зальцман, М. А. Дровненко и многие, многие другие, чьи имена значатся на мраморной доске, установленной в Академии художеств.

Наступила суровая военная зима 1942 года. Более учащенными стали бомбежки Академии художеств, в котором был расположен батальон для выздоравливающих. К зиме осажденный город оказался в особенно трудном положении. Голод душил ленинградцев. Но и в эти трудные дни самоотверженно, часто до последних минут жизни, вдохновенно работали, рисовали, лепили, писали.

Условия, в которых жили педагоги и студенты Академии, ухудшались с каждым днем. Главным теперь стала забота о спасении жизни многих людей. При поддержке Ленинградского городского комитета партии в Академии был создан один из лучших в городе стационаров для дистрофиков. И все же утраты, понесенные от голода, были велики. Академик архитектуры Г. И. Котов, профессора И. Я. Билибин, А. И. Боргман, Б. Л. Богаевский, Я. Г. Гевирц, Д. И. Киплик, О. Р. Мунц, П. С. Наумов, А. И. Савинов, В. А. Фролов, П. А. Шиллинговский, доценты А. А. Грубе, А. Е. Карев, С. А. Павлов, Л. И. Пумпян-

ский, К. П. Фурсов, старший научный сотрудник Б. Ф. Белявская, педагоги средней художественной школы А. С. Лалаянц, В. Е. Плакс, Т. Г. Сережников—вот далеко не полный мартиролог погибших в дни блокады.

Но даже в эти тяжелые и, казалось бы, беспросветные дни жизнь в Академии не замирала. Измученные голодом, в шубах и шапках, часто под артиллерийским обстрелом, собирались в парткоме активисты, чтобы решать вопросы, связанные с шефством в частях Советской Армии, с политико-массовой работой на заводах, в госпиталях.

На одном из собраний ученый совет Академии принял обращение к деятелям искусства Англии и Америки, в котором писалось:

«В бессильной злобе, вызываемой героическим отпором нашей Красной Армии, фашисты бессмысленно бомбят с самолетов и обстреливают из дальнобойных орудий улицы, площади, сады и парки нашего чудесного города. Они разрушают дома, больницы и школы, музеи. В эти дни ожесточенной войны мы участвуем, охваченные глубоким энтузиазмом, в культурном и художественном развитии нашей родины. Мы призываем английских и американских художников объединить свои усилия с нашими, чтобы систематически показывать неодолимую силу развития и неиссякаемой творческой мощи демократии».

Общежитие, где в сводчатом подвальном помещении, за толстыми стенами академического здания, жили со своими семьями педагоги, напоминало творческий клуб. До глубокой ночи, в холодной комнате, писал свои акварели «Ленинград в дни войны» М. П. Бобышов. Он создал творческие документы большой художественной силы, запечатлевшие облик города, его защитников и варварство его разрушителей.

Какой любовью к искусству надо обладать, чтобы работать так неустанно, как И. Я. Билибин! В темном бомбоубежище он делал при свете коптилки исключительные по тонкости и виртуозности рисунка иллюстрации к русским былинам.

Никогда не забудется новогодний вечер в «профессорском доте» (как шутя называли общежитие для педагогов), на котором Иван Яковлевич Билибин прочел свою «Оду на 1942 год». Написанная в торжественном державинском стиле, она хорошо выражала пафос сурового времени. Вот несколько отрывков из нее:

Когда во дни суровой бури
Исходит кровью род людской,
Когда стал черным цвет лазури,
Когда и гром, и свист, и вой
Переполняют всю вселенну,
И потрясенну и смятенну
Стеченьем горя и невзгод,
Смертей, увечий и стенаний,
Встречаем мы наш Новый год...
Герои! сыновья Отчизны,
За вас, за наших славных пьем!
И пусть тевтоны правят тризны,
За них не мы слезу прольем!
Для нас и слава и победы,

Для них — позорище и беды!
И долгий стыд, и долгий срам...

...Заканчивался самый тяжелый период блокады. Коллектив Академии художеств прошел через все великие испытания и показал высокий пример патриотического служения Родине. В войне прошла проверку вся система идейного воспитания советского студенчества, проявились лучшие качества нашей молодежи, как высоко сознательных советских граждан.

В феврале 1941 года, когда по ледовой трассе Ладожского озера началось движение, Академия художеств, после шестимесячного пребывания в осажденном Ленинграде, была эвакуирована в Самарканд, а затем, в январе 1944 года, переведена в Загорск, где она разместилась в зданиях Троице-Сергиевой лавры.

Для охраны здания Академии, ее музейных и научных ценностей в Ленинграде оставалась группа сотрудников, во главе с доцентом В. Ф. Твелькмейером, проявившим много энергии на этом посту. В июле 1944 года Академия была реэвакуирована в Ленинград. Пока не наступила осень, нужно было провести восстановительные работы, чтобы обеспечить начало учебного года. Педагоги, студенты, служащие Академии с энтузиазмом взялись за трудовые работы.

Четыре вражеских бомбы и десятки снарядов, попавшие в здание Академии (один из них разрушил мастерскую, где жил и умер Тарас Шевченко), нанесли ему значительный ущерб. Вскоре помещения Академии были приведены в состояние, годное для работы. В течение 1945 года студенческий состав был полностью укомплектован, а профессорско-преподавательский состав пополнен новыми силами. «Кочевой» период в жизни Академии закончился. Начался новый этап ее послевоенного развития.

Л. РАКОВ

ВЫСТАВКА «ОБОРОНА ЛЕНИНГРАДА»

До Великой Отечественной войны мне по роду моей музейной и преподавательской работы не приходилось сколько-нибудь близко соприкасаться с ленинградскими художниками.

Положение изменилось поздней осенью 1943 года, когда я должен был оставить военно-политическую работу в армии, чтобы принять участие в подготовке выставки, посвященной обороне Ленинграда.

Выставка создавалась по решению Военного Совета Ленинградского фронта. Партийные и советские организации, крупные промышленные предприятия и культурные учреждения, все управления Ленинградского фронта и Балтийского флота, воинские соединения и части, даже отдельные граждане, узнавшие о создании выставки, стали готовить экспонаты и присылать памятные предметы, связанные с жизнью Ленинграда в условиях блокады.

Организация выставки была поручена Ленинградскому фронтовому Дому Красной Армии имени С. М. Кирова. В его помещении на Литейном проспекте с октября 1943 года закипела напряженная работа, не прекращавшаяся ни днем, ни ночью, и только в конце января 1944 года деятельность по подготовке выставки была перенесена в залы отремонтированного к этому времени здания бывшего Сельскохозяйственного музея в так называемом Соляном городке.

Ленинградский Союз художников с самого начала принял активнейшее участие в создании выставки, а командование направило в распоряжение Дома Красной Армии всех художников, находившихся в воинских частях.

Вот тут-то мне и довелось работать в тесном контакте с ленинградскими художниками. Об этом времени у меня сохранились самые лучшие воспоминания.

Когда мы приступали к работам, город еще находился в осаде. Артиллерийские обстрелы продолжались, и не раз мы беспокоились о судьбе товарищей, задержанных на пути сигналом тревоги. Но мы твердо знали, что скоро и на нашем фронте будет праздноваться победа и что недалек день, когда оборона Ленинграда станет славной страницей истории.

Нелегкая задача стояла перед устроителями выставки: в короткий срок, в течение каких-нибудь четырех месяцев надо было собрать весьма разнообразный материал и прежде всего—вещественные «первоисточники»: самолеты прославленных летчиков, фюзеляжи которых расписаны десятками красных звезд (по числу сбитых вражеских самолетов), орудия лучших артиллеристов фронта (звезды на их стволах отмечали количество уничтоженных батарей и долговременных огневых точек), личное оружие погибших героев, их документы, ордена, обагренные кровью, комсомольские билеты... А блокадный паек — 125 граммов хлеба, выпеченного со всевозможными примесями и заменителями,—такой «экспонат» тоже должен был занять свое место на выставке, показанный сквозь заиндевевшую витрину

холодной булочной. А такие потрясающие документы, как записная книжка ленинградской девочки Тани Савичевой, листки которой нельзя читать без гнева и боли. А фотоснимки опаснейшей работы бойцов и командиров МПВО, разряжающих упавшие на ленинградские улицы бомбы замедленного действия... Да мало ли что еще следовало собрать или отразить в картинах, скульптурах, панорамах...

На долю художников выпала труднейшая и почетнейшая задача—обобщить в своих произведениях то, что не могло быть выражено скупым языком отдельных предметов или документов. Художникам предстояло создать правдивые образы защитников Ленинграда—воинов и трудящихся города-героя, боровшихся с лютым врагом в условиях беспримерных лишений. Надо было раскрыть мысли и чувства ленинградцев, их беззаветный патриотизм, показать руководящую роль ленинградской партийной организации, этой «души обороны», дать представление о той всенародной заботе и огромной помощи, которую вся страна оказывала осажденному Ленинграду.

Музейные работники, мобилизованные для выставочной работы изо всех «законсервированных» в ту пору ленинградских музеев, должны были вместе с художниками-оформителями решать не менее сложные задачи. Ведь надо было так организовать материал, чтобы его разнообразие не мешало восприятию отдельных экспонатов, чтобы выставленное оружие не мешало, а помогало раскрытию целостной картины, чтобы панорамы действительно помогали понять экспонированные рядом с ними документы, чтобы посетитель возможно полнее воспринял значение и смысл подчас внешне маловыразительного экспоната, воплощающего, однако, существенно важные типические черты блокадного героического Ленинграда.

Рассказывая об этой сложнейшей, я бы сказал—музейно-режиссерской работе, необходимо прежде всего назвать имя главного художника выставки Н. М. Суетина.

Это был человек большого художественного опыта, еще в предвоенные годы оформлявший советские павильоны на всемирных выставках в Париже и Нью-Йорке. Обладая острым политическим чутьем и строгим вкусом, Суетин всегда стремился к простому экономному, самому лаконичному и выразительному решению. Он не терпел ничего лишнего, внешнего, украшательского. В соответствии с его замыслом простые кумачовые щиты, вытянутые в два ряда вдоль стен главного зала — зала Победы, так же, как и скромные узкие кумачовые стяги безупречных пропорций, декорировавшие железные подпорки потолка, превратили огромный манеж (центральное помещение бывшего музея с асфальтированным полом, предназначенное для демонстрации сельскохозяйственных машин) в подлинно триумфальный зал.

Бывало видишь, как изучает Суетин проект экспозиции, выполненный архитекторами-оформителями с изысканным щегольством, а потом, вооружившись огрызком карандаша, начинает менять пропорции стендов, снимать декоративные детали. Мы понимаем цель его усилий: все станет простым, строгим, стройным. Но, признаюсь, всякий раз страшновато было наблюдать, как грубые карандашные штрихи безжалостно прочеркивали элегантную акварель.

Работа с Н. М. Суетиным явилась прекрасной школой для его ближайших сотрудников по оформлению выставки (и продолжателей его дела в последующие годы, когда выставка превратилась в музей) архитекторов К. Л. Иогансена и В. А. Петрова.

С самого начала было решено сделать центральный манеж залом Победы. Но, разумеется, его оформление могло быть окончательно определено только после того, как разгром врага станет реальностью. 14 января 1944 года небывалые раскаты артиллерийских залпов известили ленинградцев о начале операции. Стремительный натиск наших войск из района Ораниенбаума и от Пулковских высот взломал укрепленную оборону противника и открыл путь широкому наступлению, полностью освободившему Ленинград и его окрестности. Это победоносное сражение у Пулковских высот и решено было запечатлеть на панно главного зала во всю его высоту и ширину, то есть на полотне в несколько сот квадратных метров. Между тем до первоначально намеченного срока открытия выставки (ко дню Красной Армии—23 февраля) оставался всего лишь один месяц. Только энергия художников В. А. Серова и А. А. Казанцева могла обеспечить своевременное завершение этого грандиозного панно. А ведь нужно было досконально изучить место боя, выбрать выразительный участок, ознакомиться с характером и ходом сражения. Захваченные трофеи позволяли соорудить на первом плане панораму, для которой были привезены вражеские доты, вырыты окопы, набросано оружие и изготовлены макетные фигуры поверженных фашистских солдат в подлинном обмундировании и снаряжении.

Жаль, что нет фотографий, которые запечатлели бы В. А. Серова, расхаживающего по этому колоссальному полотну, намного превосходившему самые большие театральные декорации, и «прописывающего» те или другие места, в то время как мастер макетного дела И. Я. Цепалин с группой своих помощников «сооружал» вражеские укрепления.

Примерно таких же размеров панно—«Бой под Синявиным»—создал А. А. Казанцев для соседнего, Трофейного зала. К потолочным стропилам был подвешен дальний бомбардировщик Краснознаменного Балтийского флота, бомбивший военные объекты Берлина еще в первые месяцы Отечественной войны. В центре зала возвышалось огромное—240 мм.— орудие, обстреливавшее Ленинград из района Урицка. Пройдя мимо трофейных орудий всевозможных типов и калибров, мимо вражеских танков всех систем, посетитель останавливался, наконец, перед панно А. А. Казанцева. Первый план его был занят панорамой (работы И. Я. Цепалина), представлявшей неприятельскую позицию, по которой прошлись залпы наших «катюш».

Важным условием успеха работ наших художников являлось превосходное знание ими своего «материала», всего того, о чем рассказывали их произведения. Когда Я. С. Николаев писал «Ладожскую трассу» (для зала «Голодная блокада»), по всему было видно, что его работа — результат глубоких переживаний и обширных личных наблюдений художника. Многим памятна чудесная панорама Ладоги в студеный день с фигурой бойца-регулировщика в маскхалате на первом плане, с вереницей грузовиков, переполненных эвакуируемыми ленинградцами; потом сумерки сгущались, в руках регулировщика зажигался фонарик, вспыхивали фары автомашин—длинная цепочка огней тянулась до самого горизонта.

Скульпторы В. В. Исаева и А. А. Стрекавин не раз побывали на заводах, прежде чем приступили к созданию группы «Женщины-литейщицы», ставшей центральным экспонатом зала, посвященного показу ленинградской промышленности в 1943 году. Монументальные фигуры одетых в комбинезоны женщин представлены в мощном движении, в момент, когда они опрокидывают ковш и струя расплавленного металла выливается в формы. Скульптура эта как бы подводила итог всему показанному в зале, ярко характеризовала самоотверженный труд ленинградок, способствовавший превращению осажденного города в один из крупнейших арсеналов страны.

Эта группа производила сильнейшее впечатление не только своим содержанием и пластической стороной, но и чрезвычайно выразительным, смелым, новаторским приемом—сочетанием условной белизны гипса с огненно-красной струей раскаленного металла, наполнявшего ковш и опоки: здесь была использована подсветка.

Известно, в каких необычайно трудных условиях создавались гравюры С. Б. Юдовина, литографии А. Ф. Пахомова, картины В. В. Пакулина. Эти художники не работали специально для выставки обороны, но их вещи составляли существеннейшую часть ее экспозиции, будучи одновременно и вдохновенными произведениями искусства, и бесценными документальными свидетельствами.

Успех многих картин, написанных художниками-фронтовиками, находит себе объяснение в том, что каждый из них, прибывший из воинской части, рассказывал о действиях того рода войск, к которому сам принадлежал. Большое полотно Г. А. Савинова «Форсирование Невы у деревни Марьино при прорыве блокады» было выполнено с такой правдивостью и исторической точностью, какие доступны только участнику сражения. А. С. Бантиков в картине «Морская пехота на защите Ленинграда в 1941 году» воспел подвиг моряков-балтийцев; он испытывал внутреннюю необходимость выразить этим полотном переполнявшие его чувства любви и уважения к своим боевым товарищам.

Со страстью и волнением писали свои полотна о подвигах балтийских моряков Ю. М. Непринцев (ряд панно зала Краснознаменного Балтийского флота, картины «Орешек—бастион русской славы», портрет снайпера-балтийца Антона и другие), Н. Е. Тимков (ряд панно для того же зала и для зала Ладожской трассы и другие), А. В. Трескин (ряд панно зала Краснознаменного Балтийского флота, картина «Бой морских катеров в Ирбенском проливе» и другие).

Панно работы художников А. С. Бантикова и Г. Х. Розенблюма в зале, посвященном первым дням войны, рассказывало о проводах бойцов народного ополчения. Здесь можно было узнать многих студентов Академии художеств, многих художников, а среди провожающих—их родных и друзей.

В одном из залов было устроено нечто вроде выставки фронтовых художников. Здесь были представлены работы С. И. Левенкова, лейтенанта 45-й гвардейской пехотной дивизии. В ряде картин он запечатлел важнейшие этапы боевого пути своего соединения и написал десятки портретов героев дивизии. И. М. Жмайлов, солдат инженерных войск, посвятил панно, выставленное в Инженерном зале, действиям саперов. Н. Л. Бабасюк, солдат-

связист, выставил картины о работе связистов, Н. И. Пильщиков, служивший в авиачастях, рассказал о подвигах летчиков. Художники, занятые темами партизанской войны в Ленинградской области, либо сами являлись участниками партизанского движения (художник Т. Т. Шевченко, скульптор Л. Н. Барбаш), либо издавна были связаны своей работой со штабом ленинградских партизан, как, например, А. А. Лепорская, оформлявшая этот раздел выставки. Можно по-разному судить о достоинствах и недостатках тех или иных работ (многие из них, конечно, не были вполне «доведены»), но все они были созданы людьми, превосходно знавшими то, о чем вели рассказ, и пронизаны огромным патриотическим чувством. К тому же каждая из них являлась неоценимым документом героической обороны города.

Решение Военного Совета перенести срок открытия выставки на 1 мая 1944 года позволило значительно пополнить экспозицию.

Чтобы дать ясное представление об участии ленинградских художников в устройстве выставки, необходимо упомянуть еще о ряде работ. В. А. Серов исполнил панно «Враг у ворот», эскиз «Заседание партийного актива в Смольном в начале войны» и картину «Партизанка»; И. А. Серебряный—панно «Выступление А. А. Жданова на сессии Верховного Совета 18 июня 1942 года» и совместно с В. А. Серовым и А. А. Казанцевым панно «Встреча войск Ленинградского и Волховского фронтов»; Н. А. Павлов—рисунки «Слет снайперов Ленинградского фронта в Смольном» и «Вручение гвардейского знамени 45-й дивизии».

Скульптор В. Я. Боголюбов выставил свою работу «Передача А. А. Жданову подарка от партизан—трофейного автомата», В. Б. Пинчук—барельеф В. И. Ленина и бюст А. А. Жданова, М. Р. Габбе—группу «Укрытие Медного всадника». Следует указать также произведения М. А. Гордона (например, панно «Разгром немцев под Волховым»), П. П. Григорьянца и П. И. Луганского («Взятие гвардейцами Синявинского плато»), В. А. Раевской («Снайпер Смолячков»), Г. Х. Розенблюма («Бой за Сестрорецк»), В. А. Палеха («Артиллерия флота поддерживает наступление пехоты»), Н. К. Шестакова («Отражение воздушного нападения на Кронштадт»), Т. И. Ксенофонтова («Бой за Колпино»), Г. В. Павловского («Работа в очаге поражения»), А. Т. Бугрина («Поражение фашистских войск под Тихвином»), Н. Х. Рутковского, П. А. Горбунова, В. Н. Прошкина. Большое впечатление производили панорамы, выполненные В. В. Кремером, Тарасюком, А. А. Блинковым, В. А. Власовым и уже упоминавшимся И. Я. Цепалиным. Над оформлением раздела «Культурная жизнь Ленинграда в 1943 г.» работал К. С. Козьмин. Большое количество карт было выполнено В. Г. Сергеевым.

Вот далеко не полный список художников и их работ, которые были представлены на выставке.

В заключение упомяну об одном обстоятельстве, хотя тем, кто помнит это время, оно ясно и без пояснений: все военные художники работали бесплатно, они выполняли приказ, боевое задание. Те же, кто находился на гражданском положении, получали самое незначительное вознаграждение, которое в период существования карточной системы имело почти

символическое значение. По сути дела весь их огромный труд являлся в самом высоком смысле слова добровольной общественной работой, выполненной с большой энергией и вдохновением.

В январе 1945 года в Ленинград приехал М. И. Калинин, чтобы вручить ленинградским трудящимся высшую правительственную награду—орден Ленина.

Посетив выставку и делясь впечатлениями, он отметил, что художникам Ленинграда удалось правдиво, полно и ярко рассказать о бессмертном подвиге города-героя.

И. КРЕСТОВСКИЙ

ОХРАНА ПАМЯТНИКОВ

В субботу 21 июня 1941 года я приехал на дачу к семье, которая жила в маленьком деревенском домике в местечке Красницы, в нескольких километрах от Вырицы. На даче я бывал только наездами и то больше с субботы на воскресенье.

Радостно было смотреть на веселые лица трех моих мальчуганов, собиравшихся отправиться на следующий день в далекую прогулку. Но осуществиться этой прогулке не было суждено. Едва мы кончили свой воскресный завтрак, как вбежала соседка и сбивчиво, торопясь и волнуясь, сообщила, что началась война. Я немедленно, с первым поездом уехал в город.

Ленинград напоминал потревоженный муравейник. Все улицы были заполнены торопившимися куда-то людьми. У репродукторов стояли толпы, слушавшие последние известия.

Вскоре я получил письмо от Государственной инспекции охраны памятников, подписанное ее начальником архитектором Н. Н. Белеховым. Он официально уведомлял меня, что по решению Ленгорисполкома я мобилизован для руководства работами по укрытию и маскировке памятников Ленинграда и садово-парковой скульптуры. Когда я пришел в инспекцию, там уже шло заседание, в котором участвовали архитекторы, директора пригородных дворцов-музеев, представители Эрмитажа, Русского музея и многие другие.

Решался вопрос о срочном укрытии памятников и эвакуации музеев. Музейные работники обратились в Союз советских художников с просьбой оказать им помощь в упаковке картин и других произведений искусства.

Мне было поручено организовать скульпторов в бригады, распределить их по скульптурно-художественным объектам и осуществить общее руководство работами по укрытию монументальной скульптуры.

К каждому памятнику были прикреплены скульптор, архитектор, техник-строитель и группа рабочих. Все участвующие в укрытии памятников освобождались на это время от рытья окопов и других работ оборонного характера.

Главные памятники и скульптурные комплексы Ленинграда были распределены между скульпторами И. И. Суворовым, М. М. Демьяновым, В. В. Эллоненом, Н. В. Дыдыкиным, Г. А. Симонсоном, Н. Я. Тальянцевым, Я. А. Троупянским, Тушиным и другими.

В реставрационных мастерских, помещавшихся сначала на улице Росси, а затем в Большом драматическом театре, образовался как бы маленький штаб по проведению всех работ, связанных с укрытием памятников и эвакуацией музейных произведений искусства. Здесь с утра до ночи велась напряженная работа—предлагались и разрабатывались разнообразные способы хранения памятников. Все предложения рассматривались Научно-экспертным советом, и только после утверждения им проект претворялся в жизнь.

Попутно с укрытием и маскировкой производились точные обмеры и зарисовки памятников, с теодолитной засечкой их высот и увязкой с различных точек к постоянным реперам на соседних зданиях. Все получаемые данные вычерчивались на ватмане и записывались в особые журналы. Это были разумные меры предосторожности на случай повреждения памятников при бомбардировках и обстрелах. Располагая несколькими высотными точками, увязанными к реперам, можно было относительно легко восстановить скульптуру на пьедестале в первоначальном положении, если бы она была сильно повреждена или сдвинута со своего места воздушной волной.

Помимо обмеров и чертежей, производилось фотографирование памятников со всех сторон, что, конечно, тоже могло оказать большую помощь при их восстановлении.

Некоторые памятники решено было засыпать песком, обнеся их предварительно деревянной опалубкой из досок (памятники В. И. Ленину, Петру I, М. И. Кутузову и М. Б. Барклаю-де-Толли, С. М. Кирову, А. В. Суворову). У других же памятников решили засыпать пьедесталы песком, а скульптуру укрыть специальными матами, сделанными из простых мешков, заполненных песком и простеганных дратвой.

Подобными матами была покрыта конная статуя памятника Николаю I. Маты сшивались друг с другом, образуя вокруг скульптуры как бы броню из песка. Когда полностью была закрыта вся скульптура, а пьедестал «обшит» первой, предварительной опалубкой, памятник производил сказочное впечатление: будто огромный, неуклюжий средневековый рыцарь на коне взошел на высокий пьедестал.

Впоследствии, после демаскировки памятников в 1945—1946 годах, пришлось очень пожалеть, что не все ленинградские памятники были укрыты. Под матами патина сохранилась полностью, без малейшего изъяна, а у скульптур, просто засыпанных песком, патина во многих местах пострадала. Объясняется это тем, что укрытие проводилось осенью, когда шли дожди.

Песочные маты, по укрытии ими скульптуры, сейчас же покрывались рубероидом или толем и плотно обвязывались мягкой проволокой или веревкой. Поверх этого укрытия скульптура имела второй защитный слой—дощатую опалубку, засыпанную песком.

Засыпка пьедестала памятника Николаю I потребовала очень много песка. Во время работы песок успел сильно промокнуть от дождей. Зимой он примерз к скульптурам на пьедестале, а весной, при оттаивании, отодрал верхний слой патинировки, обнажив нижний второй, малахитово-зеленый, грунтовочный слой[1]. Все четыре женские фигуры на углах пьедестала, барельефы и арматура между ними покрылись большими зелеными пятнами, которые впоследствии, при общей реставрации памятника, пришлось подпатинировать либо раствором ляписа, либо черной печенью.

Такие же пятна появились и на памятниках Петру I, Кутузову, Барклаю-де-Толли и на других монументах, непосредственно засыпавшихся песком.

---

[1] В XVIII и XIX веках бронзовая скульптура патинировалась в два слоя: первый—изоляционно-грунтовочный, второй—патинировочный (тонирующий).

Памятник В. И. Ленину надежно укрыт. 1942

При демаскировке памятника Николаю I была замечена любопытная подробность, дотоле, по-видимому, никому не известная и не бросившаяся в глаза даже нам, когда укрывали монумент. Дело в том, что при ближайшем рассмотрении на крутом императорском подбородке оказалось выгравировано красивыми витиеватыми буквами весьма краткое и весьма неприличное русское слово. Видимо, при постановке памятника, в последний момент, перед самым снятием лесов, какой-то смельчак из числа чеканщиков выразил таким способом свое отношение к Николаю I.

Памятник Петру I работы Растрелли был закопан в яме, вырытой среди газона тут же, подле пьедестала. Конную статую Петра срезали автогеном в железных каркасах ног, проходивших через плинт. Статую, снятую подъемным краном, до погружения в яму густо смазали тавотом, обернули толстой белой бумагой, а поверх покрыли рубероидом и обмотали веревками. Ее положили в яму на бок, на заранее подстеленный толь. Землю, засыпанную в яму, разровняли и покрыли дерном.

Была закопана в землю и бронзовая конная статуя памятника Александру III работы Трубецкого. Ее зарыли в бывшем Михайловском саду под стеной Русского музея, поместив в яму всего лишь на половину и сделав над ней высокую земляную подсыпку в виде холма. Казалось бы, укрытие вполне хорошее, но за холмом поставили высокую

радиомачту и военный пост. К счастью, бомбы воздушных пиратов, щедро сбрасываемые на здание музея, не попали в укрытый монумент.

В Михайловском саду была также закопана замечательная скульптурная бронзовая группа «Анна Иоанновна с арапчонком» работы Растрелли. Помню, с каким трудом и предосторожностями спускали ее на толстом деревянном щите по мраморной лестнице великолепного вестибюля Русского музея, а затем она во весь рост «медленно шествовала» по нижнему вестибюлю и, наконец, на деревянных катках, подложенных под толстый щит, выехала на террасу, чтобы вновь торжественно опуститься по лестнице к своей глубокой временной «могиле», тщательно выложенной досками по бокам и по дну.

Незабываем был момент, когда бронзовая Анна Иоанновна, стоя во весь рост, медленно опускалась в «могилу», постепенно погружаясь все глубже и глубже. Скульптуру не покрывали тавотом и не засыпали землей, что могло повредить очень красивую патину. Поверх ямы, зарыв в землю, положили толстый деревянный щит и засыпали его песком. Никто не мог бы догадаться, идя по аллее к лестнице музея, что он проходит над временным пристанищем прекрасного произведения искусства.

Знаменитые кони Клодта с Аничкова моста были закопаны в глубокие ямы, вырытые для них в Саду отдыха.

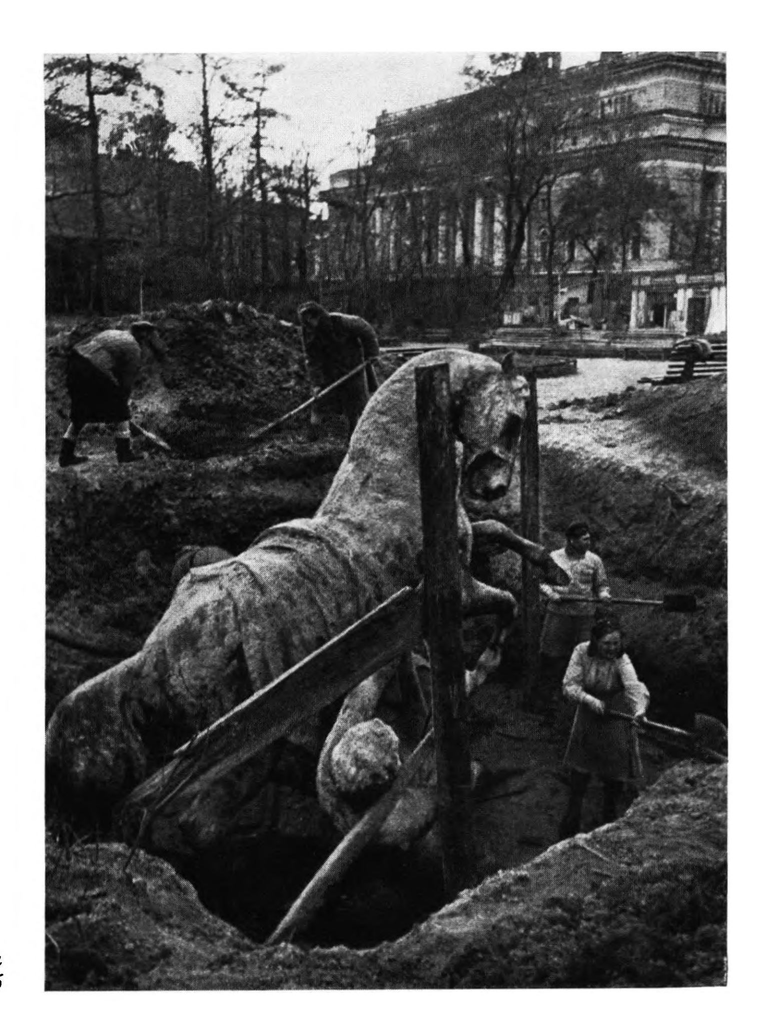
Любопытное зрелище представляла собой перевозка четырех замечательных конных групп. Они медленно двигались по Невскому, водруженные на специальные деревянные помосты, лежавшие на катках, буксируемых тягачами. Народу собралось много. Все с интересом провожали любимые скульптуры к месту их временного захоронения.

Ямы выкопали глубокие, но не в полную меру, так как почвенная вода заливала их. «Ведь статуи испортятся, как можно опускать их в воду?»—раздавались голоса. Но группы не были опущены в яму, пока их не покрыли толстым слоем тавота, не окутали вощанкой и не обмотали поверх всего рубероидом. Погрузить группы с головами коней не удалось—головы торчали из ям. Пришлось делать подсыпку, вследствие чего в Саду отдыха появились четыре кургана, покрытые дерном.

Предполагалось снять с пьедестала и знаменитый Медный всадник, чтобы спрятать его на дне Невы. Место захоронения в Неве хотели зафиксировать теодолитной съемкой с разных точек, «привязав» их к имеющимся поблизости реперам. Но от этого намерения, как сказал мне Н. Н. Белехов, было решено отказаться после визита в Инспекцию старого архивариуса, работавшего в Центроархиве.

Архивариус рассказал, что среди бумаг 1812 года, касающихся нашествия Наполеона, сохранился любопытный документ-письмо, адресованное неким древним старожилом Санкт-Петербурга императору Александру I.

В письме старожил просил царя, чтобы памятник Петру I, что на Неве, не снимали с пьедестала и не прятали его, как это хотели сделать в связи с нашествием Наполеона, а оставили бы на месте. Старожил писал, что ему явился во сне сам император Петр I и повелел уведомить царя, чтобы памятник не снимать, и добавил: «Покуда я стою в граде сем—ни один враг не вступит на землю его!»

Освобождают от укрытия клодтовских коней. 1945

Это сообщение произвело в инспекции сильное впечатление, и все единодушно решили: Петра не снимать, а сделать особо прочное оснащение и засыпать двойным количеством песка. Так и сделали.

Любопытное зрелище представлял собой памятник, когда гранитная скала еще до обшивки скульптуры деревянной опалубкой была засыпана песком. Фигура будто выросла и стала еще более монументальной. Казалось, что бронзовый гигант мчится по земле. Я поднялся к скульптуре и, с интересом осмотрев ее, ознакомился с тончайшей лепкой головы, рук, ног и свободным, широким обобщением форм коня. Я вплотную увидел выразительную, сильную лепку лица, доведенную до тончайших деталей и нюансовых переходов из формы в форму. То же увидел и в лепке кистей рук, особенно заинтересовавшись лепкой

правой кисти, столь соответствующей энергичному, повелевающему жесту. Лепка ладони и тыльной стороны кисти поразила меня своей тонкой и подробной разработкой деталей, столь прекрасно обогащающих силуэт руки при рассмотрении снизу.

Памятник А. В. Суворову также предполагалось снять с пьедестала и спрятать в одном из подвалов служебного корпуса Мраморного дворца. К счастью, намерение это не было приведено в исполнение и памятник укрыли на месте. Процент прямого попадания в такие маленькие объекты очень мал, а от осколков и взрывной волны памятники были надежно укрыты. Во время бомбардировок с воздуха одна из фашистских бомб попала именно в тот самый подвал служебного корпуса Мраморного дворца, куда намеревались спрятать бронзовую фигуру Суворова.

Работа по укрытию памятников шла буквально днем и ночью. Нам часто приходилось прятаться от обстрелов и воздушных налетов в блиндажи и ближайшие бомбоубежища.

Помню, как однажды начался артиллерийский обстрел Исаакиевской площади. Я и рабочие в это время были на лесах памятника Николаю I. Мы стремглав скатились с лесов вниз и бросились бежать в ближайшее на площади бомбоубежище Института почвоведения. У главного входа в институт стояли, прижавшись к стене, две молодые девушки. Мы звали их укрыться в убежище, но они наотрез отказались: «Обстрел сейчас кончится, а нам некогда с бомбоубежищем возиться, да там и душно», — ответили они. Большое здание содрогалось от разрывов. Толчки ощущались и в глубоком подвале. Но вот обстрел площади кончился, огонь был перенесен на улицу Дзержинского. Гражданам разрешили покинуть бомбоубежище.

Выйдя на площадь, мы были потрясены ужасным зрелищем: на том месте, где стояли девушки, была лужа крови и разорванные человеческие тела, перемешанные с окровавленными лохмотьями платьев, а совсем близко от них в гранитном цоколе и на панели — две большие пробоины от двух снарядов и вокруг все камни изрешечены осколками.

Ужасное зрелище! Образы девушек долго потом стояли перед моими глазами.

Одновременно шли работы и по укрытию статуй Летнего сада и Музея-некрополя.

День ото дня Летний сад все больше и больше покрывался траншеями, в которые с великими предосторожностями опускались мраморные статуи. Их не окутывали бумагой, рубероидом или толем, как это делали с мраморной скульптурой на Лазаревском и Тихвинском кладбищах, а просто погружали в траншеи и засыпали песком и землей, а поверх сеяли семена травы, так что еще до заморозков места захоронений покрылись зеленой травкой, а на следующий год летом вся трава газонов сравнялась, и если бы места захоронений не были тщательно зафиксированы и отмечены на планах Летнего сада, обнаружить статуи при демаскировке было бы весьма затруднительно.

Работами по Летнему саду руководил молодой талантливый скульптор Г. А. Симонсон, умерший в блокаду от голода.

На Лазаревском и Тихвинском кладбищах многие мраморные скульптуры, окутанные при захоронении бумагой и рубероидом (или толем), оказались при демаскировке испачканными гудроновой смолой, которая просочилась сквозь сгнившую бумагу.

Медный всадник освобождают от укрытия. 1945

Скульптуры же Летнего сада нисколько не пострадали ни в цвете, ни в прочности мрамора. Не пострадали и закопанные во дворе бывших Конногвардейских казарм мраморные Диоскуры с конями работы Трискорни. Группы после войны были установлены на гранитных пьедесталах перед бывшим Конногвардейским манежем у Исаакиевской площади.

Работы по укрытию памятников в большинстве своем были закончены до первого снега рано наступившей зимы 1941/42 года.

Зима как-то внезапно и сразу установилась. Выпал глубокий снег, покрыв землю белой пеленой. Жители города, убирая панели, с трудом сгребали снег в большие кучи. Дороги не расчищались, сил не хватало, да и езда по улицам почти замерла.

Голод в блокированном городе все больше и больше усиливался. Рабочие получали по двести граммов хлеба в сутки, служащие — по сто пятьдесят, а все прочее население — по сто граммов.

Работавшие по укрытию памятников имели продовольственную рабочую карточку от Инспекции охраны памятников. Я часто бывал в инспекции в связи с работами. Она тогда помещалась, как и Управление по делам искусств, в Большом драматическом театре.

Трудно было ходить в полной темноте по сложному лабиринту театральных переходов. В кромешной темноте люди натыкались друг на друга, то и дело вспыхивали спички, реже мелькали огоньки карманных фонариков. Я сделал из моих старых восковых эскизов и остатков минерального воска тонкие свечи с фитилями из хлопчатобумажных веревочек. Этими свечками мы пользовались дома, и я применял их также при ходьбе по лабиринтам театра.

Обстрелы города усиливались, по улицам стало очень опасно ходить. В конце ноября весь пассажирский транспорт остановился. Трамваи, троллейбусы, автобусы стояли посреди улиц, занесенные снегом. Работы по укрытию памятников пошли очень медленно, к счастью, они близились к концу.

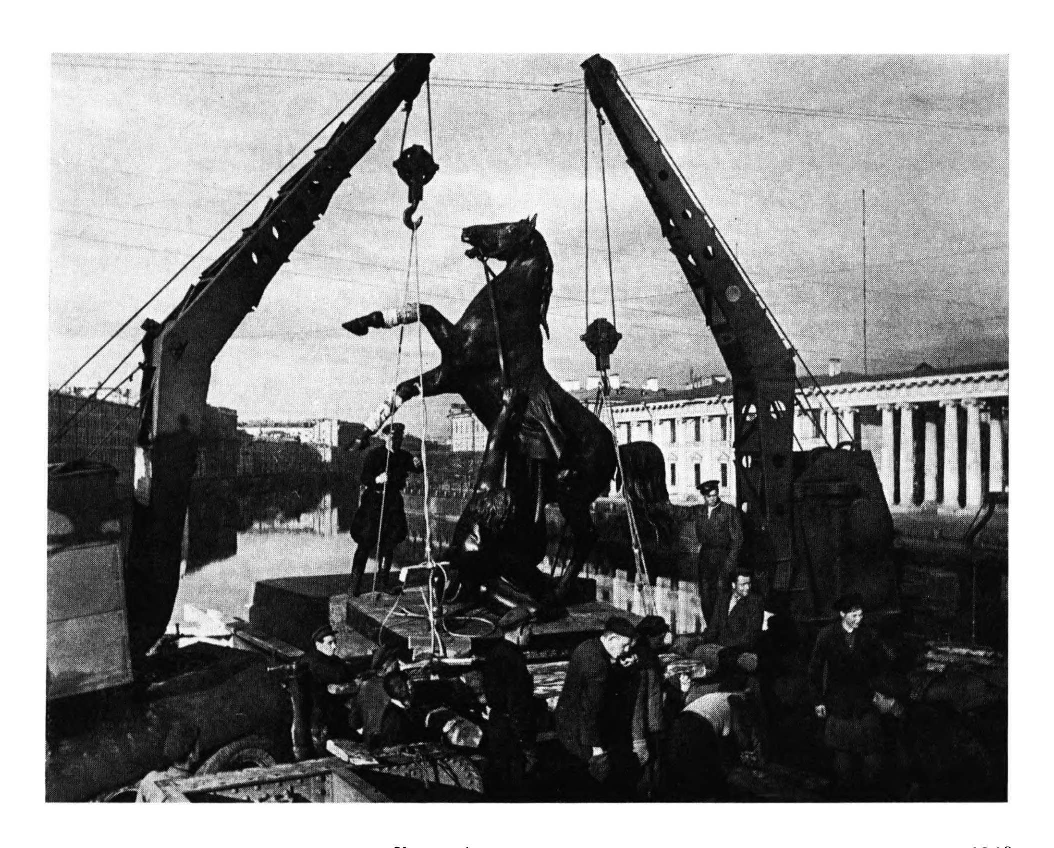
Посещать инспекцию стало трудно и опасно. Враг усиленно обстреливал Фонтанку и прилегающие к ней улицы. Жертвой обстрела стал сотрудник инспекции архитектор Н. Д. Зезин, который был убит взрывной волной недалеко от Большого драматического театра.

Помню похороны Зезина. По дороге на кладбище траурной процессии приходилось из-за артиллерийского обстрела несколько раз останавливаться; провожающие прятались в ближайшие блиндажи и бомбоубежища, дроги с покойником оставались на улице, с привязанными к столбам лошадьми.

Однажды в полдень, когда все служащие инспекции были на работе, фашисты усиленно обстреливали набережную Фонтанки. Два снаряда один за другим попали в подъезд и покольную часть театра. Здание содрогнулось, на главном фасаде были выбиты стекла и посыпалась штукатурка. Не вызывало сомнений, что, если враг продолжит обстрел театра, все находящиеся в нем будут заживо погребены под обломками здания. Но, к счастью, повторных выстрелов не последовало. Зато входная дверь в театр была настолько испорчена, что открыть ее не представлялось ни малейшей возможности. Пришлось выбираться черным ходом.

К середине декабря работы по укрытию памятников были полностью закончены. И это к счастью для работавших, так как ко всем невзгодам прибавились страшнейшие морозы, 35—40 градусов ниже нуля.

28 февраля 1942 года я с семьей эвакуировался из Ленинграда. Мы нашли дружеский и гостеприимный приют в Ростове-Ярославском. В начале июня 1944 года я получил от Государственной инспекции охраны памятников вызов в Ленинград. Наладив семейные дела, я в конце июня выехал в свой родной город, где меня сразу же привлекли к ответственной работе по консервации скульптуры и орнаментально-декоративных убранств в сгоревших

Кони Аничкова моста занимают свои старые места. 1946

во время Великой Отечественной войны пригородных дворцах-музеях городов Пушкина, Павловска, Гатчины, Стрельны.

Мне поручили собрать бригаду и приступить к выполнению задания по Павловскому дворцу. В моей бригаде, работавшей в Павловске, приняли участие скульпторы Т. Ф. Линде, С. П. Богаткина и реставратор Эрмитажа Е. А. Румянцев. Спустя некоторое время был приглашен скульптор Р. К. Таурит, возглавивший бригаду, состоявшую из квалифицированных лепщиков. Помимо наших двух бригад, в Павловском дворце работала бригада учащихся Высшего художественно-промышленного училища под руководством опытного педагога по орнаментальной лепке А. И. Большакова.

В Гатчине, куда мне приходилось ездить для консультации, работали две смешанные бригады скульпторов и лепщиков. В работе по Гатчинскому дворцу приняли участие скульпторы В. С. Драчинская, А. Ф. Гунниус, Т. С. Кирпичникова, братья А. Е. и М. Е. Громовы и другие.

Из погоревших скульптурно-орнаментальных украшений приходилось выбирать наиболее уцелевшие фрагменты и, прежде чем приступить к снятию гипсовых форм, необходимо

было предварительно закреплять их соответствующими растворами смол и олифой; только после этого возможно было начать работу. Погорелый гипс до закрепления его был настолько слаб, что при малейшем прикосновении рассыпался в пыль.

К зиме главнейшие работы были закончены. Бригады разошлись, кроме бригады скульптора Р. К. Таурита, которая продолжала работать всю зиму.

Консервация скульптуры и декоративных орнаментаций с последующим снятием с них гипсовых форм была проведена по всем дворцам настолько удачно, что при воссоздании сгоревших до тла дворцов все скульптурные украшения удалось восстановить с сохраненных эталонов.

Теперь при посещении Павловского дворца никто из непосвященных не может даже представить себе, что все красивое убранство интерьера было во время войны предано огню, а все залы и анфилады дворца провалились вглубь, в первый этаж, образовав кучи из земли, балок, кровельного железа, мусора, пепла, доходивших до второго этажа, а обгорелые, закопченные, полуразрушенные стены тянулись кверху, зияя своей неприкрытой, уродливой наготой.

Трудную и бесконечно ценную работу вели и ведут музейные научные работники, скульпторы, лепщики, архитекторы, реставраторы, отдавая все свои силы, знания, умение воссозданию замечательных ансамблей архитектуры, скульптуры и парков.

В первые годы, сразу же после войны, наши архитекторы, скульпторы, бронзолитейщики, чеканщики и другие мастера реставрации демаскировали и восстанавливали замечательные памятники города и пригородов. Особенно напряженная работа велась по воссозданию фонтанов и скульптуры Большого каскада в Петергофском парке. Фонтаны были разрушены, а скульптуры похищены фашистами во время Отечественной войны. Теперь наши памятники, возрожденные из огня и пепла, сверкают вновь в прежнем своем величии, являя собой большую духовную и художественную культуру нашего народа.

П. БАЛТУН

ПОД НАДЕЖНОЙ ОХРАНОЙ

В первый же день Великой Отечественной войны замерла привычная жизнь Русского музея — необычно тихо стало в его обезлюдивших залах.

Чувство глубокой тревоги за сохранность огромных ценностей одной из крупнейших сокровищниц русской художественной культуры охватило нас, сотрудников музея.

Это не было, однако, чувством растерянности; наоборот, мы были готовы к немедленным действиям.

Оперативно обсудив план мероприятий, продиктованный условиями военного времени, мы сразу же стали проводить его в жизнь. Первоочередными задачами были следующие: немедленное свертывание музейных экспозиций, перемещение картин, скульптур и других произведений искусства из залов, из запасников верхних этажей и из выставочного здания, что на канале Грибоедова, в нижние помещения главного здания, под его фундаментальные своды; упаковка в ящики экспонатов, в первую очередь основных коллекций, и подготовка их к эвакуации; и, наконец, принятие защитных мер к сохранению зданий в случае вражеских налетов и бомбежек.

Это сложное, многообразное и ответственное дело требовало строгого взаимодействия всех научных и хозяйственных отделов музея и очень четкого разделения труда внутри коллектива.

Началась необычная работа, потребовавшая напряжения всех сил нашего научного и технического персонала, преимущественно женщин, так как многие сотрудники-мужчины в первые же дни войны отбыли в ряды Красной Армии.

Июньские белые ночи позволяли вести работу чуть ли не круглосуточно, и только необходимость отдыха прерывала работу на краткие часы. Спали мы тут же в служебных помещениях.

Мы, конечно, не смогли бы выполнить своими силами сложный комплекс трудоемких работ по снятию со стен огромных картин, их переноске, передвижению тяжелых скульптур, если бы к нам на помощь не пришли трудящиеся Ленинграда, художники, студенты. При их содействии переносились с места на место драгоценные экспонаты, покрывались огнестойким суперфосфатом деревянные перекрытия, проклеивались бумагой стекла окон, разгружалась баржа с песком на канале Грибоедова, устанавливались в залах, на чердаках и в других помещениях ящики с песком, бочки с водой и другие противопожарные защитные средства. Десятки плотников и столяров готовили ящики для упаковки вещей.

Под наблюдением и участии научных работников вещи снимались со стен, перемещались и упаковывались. Работой непосредственно руководили заместитель директора по научной части Г. Е. Лебедев, а также заведующие отделами: живописи — А. Н. Савинов,

Пустые залы Государственного Русского музея. 1942

древнерусского искусства — Ю. Н. Дмитриев, скульптуры — Г. М. Преснов, графики и рисунка — П. Е. Корнилов, прикладного искусства — Б. Н. Эмме.

Много труда и инициативы в дело консервации музея вложил главный хранитель профессор М. В. Фармаковский.

Исключительную сложность представляла упаковка таких гигантов, как «Медный змий» Бруни, «Последний день Помпеи» Брюллова, «Государственный совет» Репина и других больших полотен. Одно только снятие их со стен требовало участия десятков людей. Затем картины нужно было вынуть из рам, освободить от подрамников и, наконец, накатать на валы так, чтобы красочный слой не был поврежден даже при длительном хранении полотен в свернутом состоянии. Поэтому валы для картин применялись диаметром более метра, а длина самого большого вала составляла свыше десяти метров.

Эта работа производилась с большой осторожностью — при участии и консультациях М. В. Фармаковского — опытным реставратором Т. И. Децом и помогавшими ему научными работниками.

Валы с картинами упаковывались в специальные ящики. Естественно, что такие ящики, а их было несколько, не могли по своим размерам вместиться в обычные вагоны; поэтому для их отправки предусматривались железнодорожные платформы, а на случай непогоды заготавливались для укрытия ящиков специальные брезенты.

Картины меньшего размера наравне с памятниками древнерусского искусства, скульптурой, фарфором, стеклом, тканями и произведениями графики упаковывались в ящики с учетом характера вещи, ее объемов, размеров и веса.

Сознание величайшей ответственности перед народом за сохранность уникальных памятников русского искусства множило наши силы. Научные сотрудники, технический персонал, а также десятки и сотни людей, ежедневно приходивших на помощь музею, работали, не покладая рук.

В течение восьми дней была завершена подготовка к эвакуации вещей так называемой первой категории.

В число эвакуируемых коллекций вошли редчайшие памятники древнерусского искусства XII—XVII веков, картины Аргунова, Угрюмова, Рокотова, Левицкого, Боровиковского, Лосенко, Бруни, К. Брюллова, произведения Репина (среди которых были «Запорожцы», «Бурлаки», «Государственный совет»), Сурикова, включая «Покорение Сибири Ермаком», «Переход Суворова через Альпы», «Взятие снежного городка», «Степан Разин». Эвакуации подлежали широко известные произведения Венецианова, А. А. Иванова, Верещагина, Поленова, Васнецова, Крамского, Шишкина, Левитана, Серова, Врубеля и многих других выдающихся русских художников, так же, как и редчайшие произведения графики, неповторимые предметы прикладного и народного искусства, скульптуры Шубина.

Таким образом, в первую очередь вывозились ценности, представлявшие собой гордость и славу русского искусства и определявшие положение Государственного Русского музея как сокровищницы национальной художественной культуры.

Свертывание музейных экспозиций, упаковка и перемещение экспонатов в более надежные по условиям военного времени помещения сопровождались сложным учетом вещей и организацией их охраны.

Начиная от огромных картин и тяжелых скульптур и кончая мельчайшими предметами прикладного искусства — изделиями из золота, фарфора, стекла и миниатюрами, — все было внесено в соответствующие акты. Описи составлялись по ящикам. Вся документация оформлялась в нескольких экземплярах. Организованная и четкая топографическая система учета экспонатов обеспечивала контроль за их передвижением и местом нахождения.

Наконец, все работы, связанные с подготовкой вещей к эвакуации, были закончены. Прибыло воинское подразделение для сопровождения экспонатов.

Ранним утром 1 июля 1941 года началась эвакуация. Когда тронулась на станцию первая машина с драгоценным грузом, многие не могли сдержать слез.

Эвакуированные коллекции, сопровождаемые небольшой группой работников музея, были доставлены к месту назначения — город Горький, где их разместили в специально отведенных помещениях.

В музее же продолжались работы по дальнейшей консервации вещей и, в частности, была подготовлена к отправке в глубокий тыл еще одна часть коллекции. Но вывезти ее уже не представилось возможным — город замкнуло кольцо вражеской блокады.

В середине августа музею было дано указание перебазировать наши ценности из г. Горького на Урал. Вновь в г. Горький для этой цели выехала небольшая группа наших сотрудников. В начале сентября все вещи в полной сохранности были доставлены в Пермь, где и хранились долгие военные годы вместе с эвакуированными коллекциями ряда других художественных музеев страны.

Блокада Ленинграда навсегда останется в памяти поколений свидетельством стойкости и мужества советских людей. В Русском музее, как и на всех предприятиях осажденного города, продолжал самоотверженно трудиться небольшой коллектив сотрудников.

Вражеские бомбардировки и артобстрелы нанесли зданиям Русского музея значительный ущерб. На территории музея было сброшено около десяти фугасных бомб и ста зажигательных и разорвалось свыше сорока артснарядов. Перестало действовать отопление, не стало освещения, вышел из строя водопровод, вылетели стекла из окон и фонарей на крыше.

Все работники музея вне зависимости от возраста принимали самое деятельное участие в ликвидации последствий вражеских налетов и артобстрелов.

В этой сложной обстановке необходимо было сберечь хранившиеся в помещениях экспонаты от действия резких температурных колебаний и повышенной влажности, производить обработку тканей и других материалов химическими препаратами и принимать многие другие меры для обеспечения сохранности вещей.

Несмотря на все возраставшие трудности и физическое изнеможение, сотрудники музея находили время и силы даже для научной работы. Они не раз читали лекции и доклады в воинских частях и госпиталях. После снятия блокады был устроен ряд художественных выставок.

На протяжении всех лет войны работники музея честно выполняли свой долг, оберегая драгоценные памятники русской культуры.

Наступил День Победы. В Ленинград были возвращены полностью сохраненные коллекции. 9 мая 1946 года, в знаменательный день первой годовщины со дня окончания разгрома фашистской Германии, залы Русского музея после пятилетнего перерыва были вновь открыты для посетителей.

А. КОСТИН

ЛУБКИ, ПЛАКАТЫ, ОТКРЫТКИ

Грянула война. Жизнь города с первого дня перестраивалась на военный лад. «Все для фронта, все для победы над врагом». Этой задаче была подчинена работа заводов и фабрик, транспорта и связи, ей посвятили свой труд деятели науки и техники, литературы и искусства.

На передний край борьбы с фашизмом выступили и ленинградские художники. Их боевым оружием стали плакаты, газетные карикатуры, художественно оформленные призывы, портреты полководцев, героев Великой Отечественной войны. Художественные открытки рассказывали о великом военном прошлом русского народа, о боевых эпизодах войны, о красоте родной природы, милой сердцу каждого советского человека.

Все эти виды печатной пропаганды воспитывали жгучую ненависть к фашистским захватчикам, звали бойцов Советской Армии и всех трудящихся страны на новые боевые и трудовые подвиги. Они боролись с дезорганизаторами трудовой дисциплины, паникерами и распространителями ложных слухов, призывали к бдительности, стойкости и мужеству.

Весь период Великой Отечественной войны я работал в секторе печати Ленинградского горкома партии, где ведал участком наглядной пропаганды и агитации.

Смольный. Непрерывно звонит телефон. Журналисты, издатели, художники сообщают о своем желании идти добровольно на фронт сражаться за Родину. Многие художники лично являлись в Смольный, оставляя вместе с заявлением об отправке на фронт свои произведения: эскизы плакатов, открыток, лубков. Каждый из них от всего сердца стремился помочь Родине.

Первый плакат принес в городской комитет партии художник М. А. Андреев. Работа была здесь же рассмотрена, одобрена и передана в печать. На плакате крупным планом был изображен воин Красной Армии, бегущий рядом с танком, с винтовкой на перевес. Плакат призывал: «За честь, за Родину, за Свободу. Вперед за нашу победу!» Воин был похож на автора. М. А. Андреев явился в Смольный в боевой форме солдата-пехотинца и заявил:

— Если удастся, постараюсь написать еще один плакат. А сейчас уезжаю на фронт. Прощайте.

Через два-три дня в горком партии принес плакат другой художник-боец Г. Зайцев. В нем женщина-медсестра вместе с воинами Красной Армии идет в бой на врага. Текст на плакате гласил: «Слава боевым подругам!»

Так с первого же дня войны началась напряженная работа.

Вскоре в Смольный пришла группа художников во главе с В. А. Серовым. Живой, энергичный, Серов разложил на столе все оригиналы плакатов, написанные художниками,

Л. Магнушевский. Листовка. 1941

которые пришли вместе с ним, — Н. А. Павловым, Я. С. Николаевым, А. А. Казанцевым, С. М. Мочаловым, скульптором В. Б. Пинчуком.

В. А. Серов изобразил на своем плакате «Защитим город Ленина!» четыре поясных фигуры: красноармейца, краснофлотца, рабочего и работницу, идущих в бой. Лица их — суровы и мужественны. На заднем плане вооруженные ленинградцы, лавиной движущиеся на врага. На горизонте — знакомые очертания родного города. Плакат этот имел огромное мобилизующее значение.

Плакат художников Я. С. Николаева и Н. А. Виноградова изображал бойцов трех поколений: отца, сына и внука. В касках, с шинельными скатами и винтовками через плечо, воины идут смело и решительно, полные сознания своей силы и непобедимости. На втором плане — войска Красной Армии. Подпись гласила: «На Отечественную войну».

Плакат художника В. В. Лебедева «Напоролся!» отличался большой лаконичностью. На фоне карты Европы был изображен Гитлер, напавший на нашу страну и напоровшийся на миллионы советских штыков. Следует сказать, что, когда плакат этот был напечатан и расклеен по городу, он первое время вызывал у зрителей недоумение: в горькие дни отступления наших войск плакат звучал несколько парадоксально. Однако вскоре события под Москвой, затем под Ленинградом и Сталинградом доказали правоту художника, и плакат «Напоролся!» почти до конца войны можно было видеть на витринах, на щитах, на стенах домов.

Бил тревогу за судьбу советской Отчизны плакат художника С. А. Толкачева. Его текст немногословен: «Родина зовет!» На фоне идущих в бой частей Красной Армии изображен во весь рост воин-горнист. Четкий и ясный рисунок углем. Этот плакат также долгое время висел на улицах и проспектах города, призывая ленинградцев защищать свою Родину.

Рассмотрение и утверждение оригиналов было делом недолгим. Их утвердили и немедленно сдали в печать.

Вместе с авторами представленных плакатов мы прошли к заведующему отделом пропаганды и агитации Н. Д. Шумилову, под руководством которого был разработан тематический план широкой наглядной печатной агитации — издания плакатов, лубков, призывов, художественных открыток, боевых листков.

В скором времени в целях осуществления этого плана Ленинградское отделение Союза художников организовало большую мобильную группу художников, которые до этого, быть может, никогда не писали плакатов, но впоследствии оказались талантливыми мастерами агитационных жанров. В эту группу входили И. С. Астапов, В. А. Власов, М. А. Гордон, А. А. Казанцев, Н. М. Кочергин, Т. И. Ксенофонтов, В. И. Курдов, С. М. Мочалов, Я. С. Николаев, Н. А. Павлов, А. Ф. Пахомов, Ю. Н. Петров, скульптор Б. В. Пинчук, К. И. Рудаков, И. А. Серебряный, В. А. Серов, С. А. Толкачев и другие.

С этих пор в городской комитет партии плакаты стали поступать один за другим. Правление Ленинградского отделения Союза художников развернуло среди художников большую организаторскую работу, которая продолжалась до конца войны, а затем и в период восстановления разрушенного хозяйства Ленинграда.

Художник И. А. Серебряный представил плакат «Накося, выкуси!» — такой же лаконичный, как плакат В. В. Лебедева «Напоролся!» В нем старый машинист показывает наглому Гитлеру шиш. Плакат отличался сатирической остротой и вызывал у зрителей улыбку.

Не уступает этому листу по силе и плакат А. М. Любимова «Заготовки царей в Берлине». Художник использовал сообщения печати о том, что Гитлер с первых дней войны назначил своими наместниками в Москве и Киеве каких-то потомков дома Романовых. Но, получив крепкий удар советских войск под Москвой, забыл о них совсем. Автор зло высмеял Гитлера и «заготовленных царей». Он изобразил «монархов» одетыми в мантии рядом с пушкой, тщетно ожидающими своего «назначения».

Плакаты ленинградских художников вызывали возмущение зверствами, творимыми фашистскими варварами на оккупированной земле. Плакат В. А. Серова «Воин Красной

С. Мандель. Листовка. 1941

Армии, спаси!» приковывал внимание каждого ленинградца. Люди отходили от листа, стиснув зубы и сжав кулаки. Больно было смотреть на молодую мать, прижавшую к груди своего ребенка, которым угрожал озверелый гитлеровец. Огромное впечатление производил плакат А. А. Казанцева «Освободи!» Художник изобразил одинокую фигуру истощенного малыша за колючей проволокой в фашистском лагере смерти. Измученное лицо и взгляд ребенка производили тяжелое впечатление на зрителя, будили гнев и ненависть к врагу.

Не менее выразителен другой плакат того же художника. На нем изображен ребенок с забинтованной головой и руками — жертва вражеских артиллерийских обстрелов. На зрителя смотрят печальные глаза мальчика, в которых блестят слезы. В этой работе художнику удалось с большой силой передать муки и страдания детей осажденного города. Плакат призывал: «За кровь, за слезы наших детей — смерть фашистским захватчикам!»

Большую роль в воспитании ненависти к врагу сыграли сатирические плакаты «Боевого карандаша». В первые дни Великой Отечественной войны его организаторы и постоянные участники художники И. С. Астапов и В. И. Курдов явились в городской комитет партии с предложением об увеличении периодичности выпуска этих плакатов и более широком привлечении к участию в нем художников-плакатистов и карикатуристов. Был разработан тематический план издания и создана редакционная коллегия, в состав которой вошли В. А. Серов, И. С. Астапов, В. И. Курдов, Н. И. Муратов, В. Д. Двораковский, В. А. Гальба и поэт-сатирик Б. Н. Тимофеев.

Плакат «Боевого карандаша» пользовался у трудящихся блокированного Ленинграда, у воинов Советской Армии и флота огромным успехом, его можно было видеть не только на проспектах, площадях и улицах Ленинграда, но в красных уголках и клубах заводов и фабрик, школах, воинских частях, в блиндажах и окопах Ленинградского фронта, на кораблях Балтийского флота.

Памятен для меня день, когда, вскоре после разгрома фашистов под Москвой, собралась небольшая группа художников в помещении Союза. В нетопленной, насквозь промерзшей комнате председателя правления, вокруг стола, при одиноко горевшей стеариновой свече сгрудились художники В. А. Серов, И. А. Серебряный, К. И. Рудаков, В. Б. Пинчук, Н. А. Павлов, С. М. Мочалов, А. Ф. Пахомов, И. С. Астапов, В. И. Курдов, В. Д. Двораковский, С. Б. Юдовин, А. И. Медельский, Я. С. Николаев, А. А. Казанцев, Т. И. Ксенофонтов, П. П. Григорьянц. Я доложил об обстановке на фронте, подтвердил радостную весть о первом крупном поражении фашистских полчищ и просил художников продолжать работу над новыми плакатами.

Все были очень оживлены и радостны. Кутаясь в шарфы и грея окоченевшие руки кто у свечи, кто своим дыханием, художники просили дать темы для плакатов. Я предложил ряд сюжетов, отражающих основные условия, необходимые для обеспечения победы над врагом. Они сводились к следующему:

— Стоять насмерть! Ни шагу назад!

— Воспитывать у ленинградцев лютую ненависть к фашистским захватчикам.

— Истреблять фашистских солдат и офицеров беспощадно. Развернуть среди наших бойцов-фронтовиков широкое снайперское движение. Открывать личные счета каждого бойца-снайпера по уничтожению фашистов.

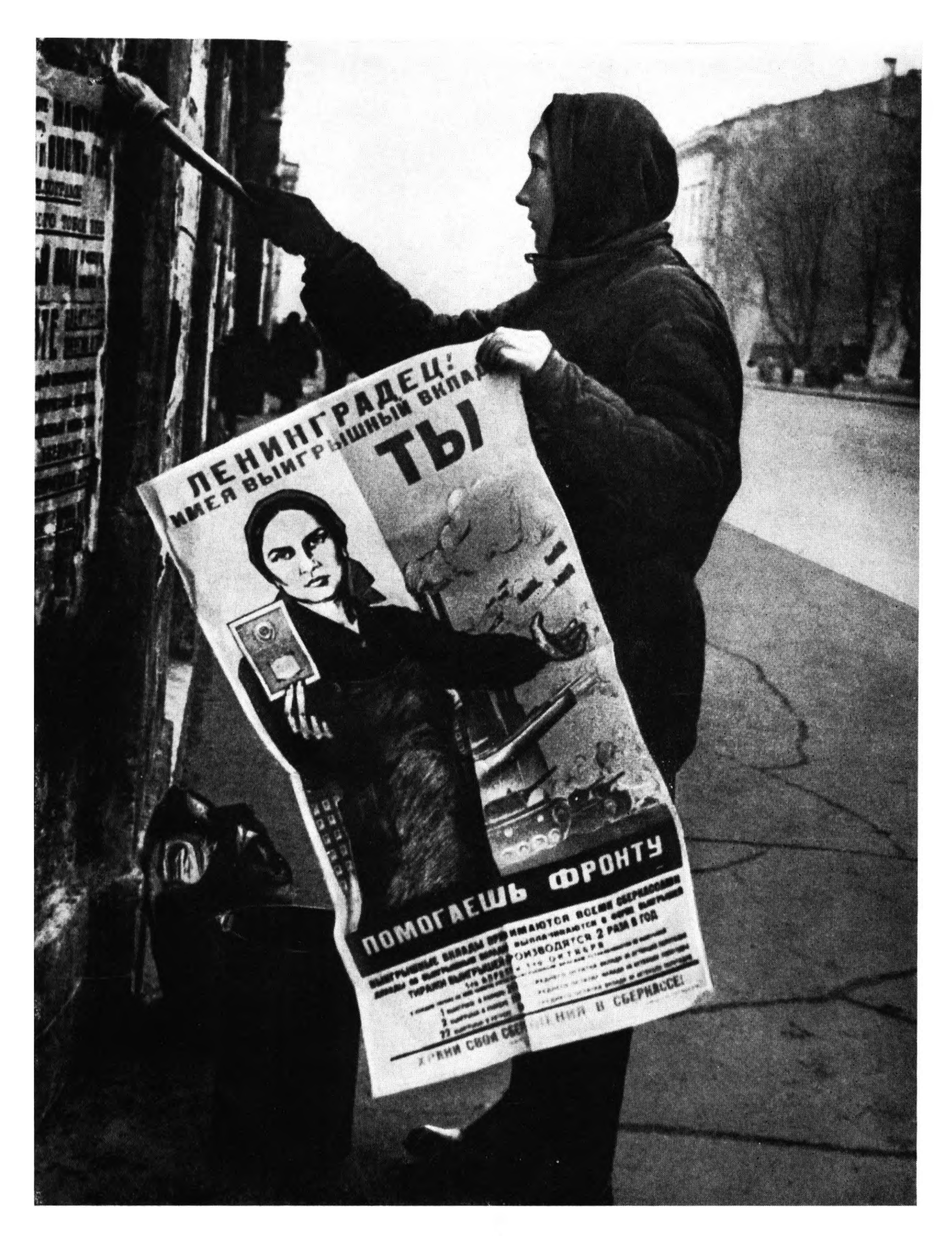
— Быть бдительным, разоблачать вражеские происки в тылу, бороться с паникерами и дезорганизаторами воинской и трудовой дисциплины.

На основе этих задач были намечены конкретные темы плакатов и «Боевого карандаша». Художники с новой энергией взялись за кисть и карандаш. Был создан плакат, посвященный разгрому под Москвой. Он состоял из трех сюжетов, разоблачающих хвастливость Гитлера и его генералов. Этой же теме был посвящен двухсюжетный плакат В. А. Серова «Били, бьем и будем бить». Один сюжет изображал разгром гитлеровских псов-рыцарей на Чудском озере, другой—разгром фашистов под Москвой. Тот же художник создал плакат, посвященный прорыву блокады Ленинграда.

ПОЗОР
ТРУСУ!

М. Ваксер. Плакат. 1941

Расклейка плакатов на улицах Ленинграда. 1944

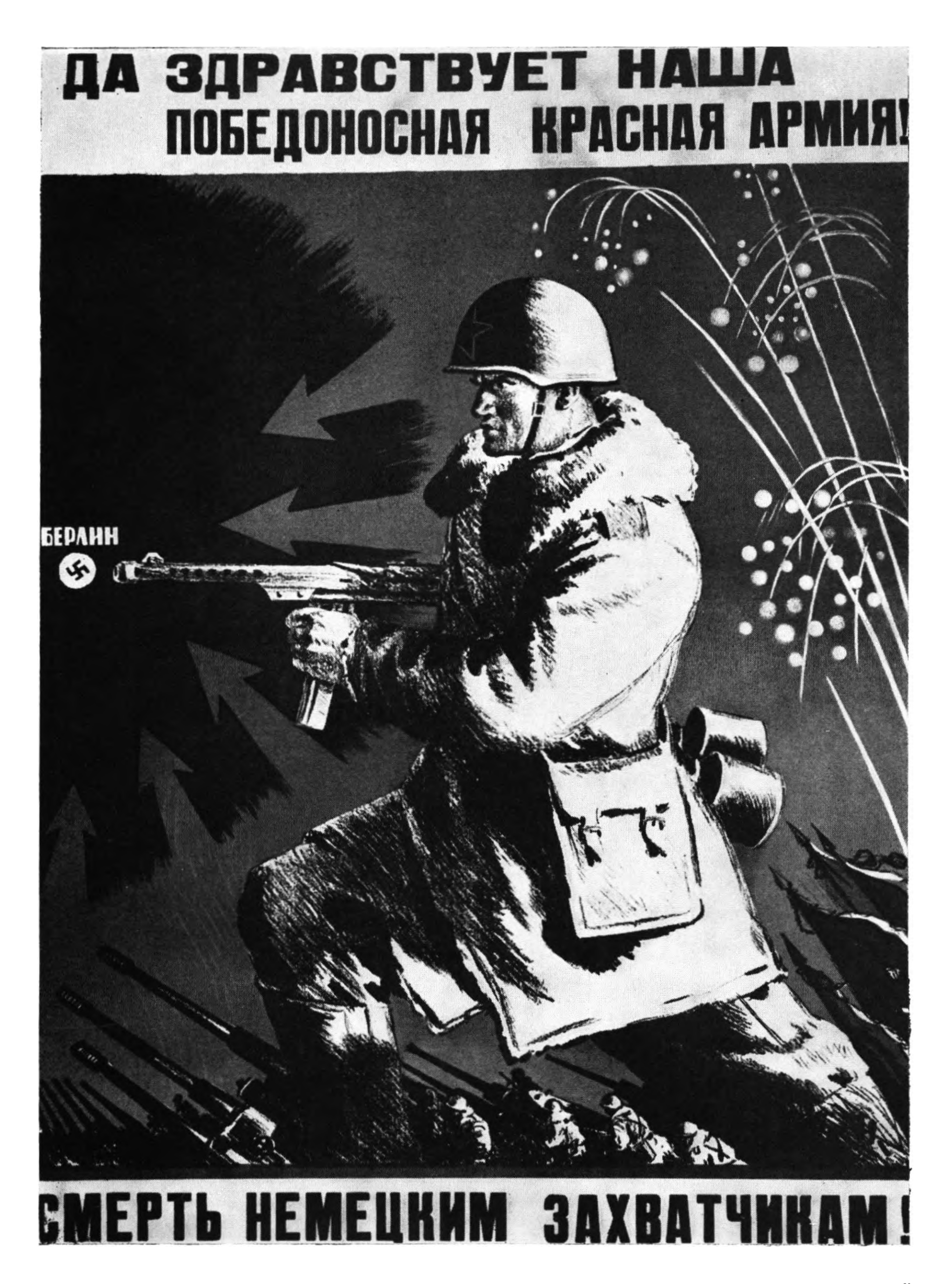

А. Галеркин. Разрушенный Берлин. 1945

После прорыва блокады увеличился приток продовольствия с Большой земли. Увеличился паек. Художникам и полиграфистам, активно работавшим на оборону Ленинграда, выдали рабочие карточки.

В последующие 1942—1943 годы на улицах города появлялись плакаты не только о войне, но и о героическом труде ленинградцев. Они призывали вырабатывать больше оружия, боеприпасов, обмундирования, восстанавливать разрушенное хозяйство города. Лучшими среди них были работы В. А. Серова «Мы отстояли Ленинград, мы восстановим его!», И. А. Серебряного «А ну-ка взяли!», Т. И. Ксенофонтова «Советские юноши и девушки! Самоотверженно трудитесь на помощь фронту!»

Эффективной и массовой формой печатной пропаганды и агитации являлись и художественные открытки. Издаваемые огромными тиражами, они проникали в глубину народных масс, прославляя боевые и трудовые подвиги советских людей.

Н. Кочергин. Плакат. 1945

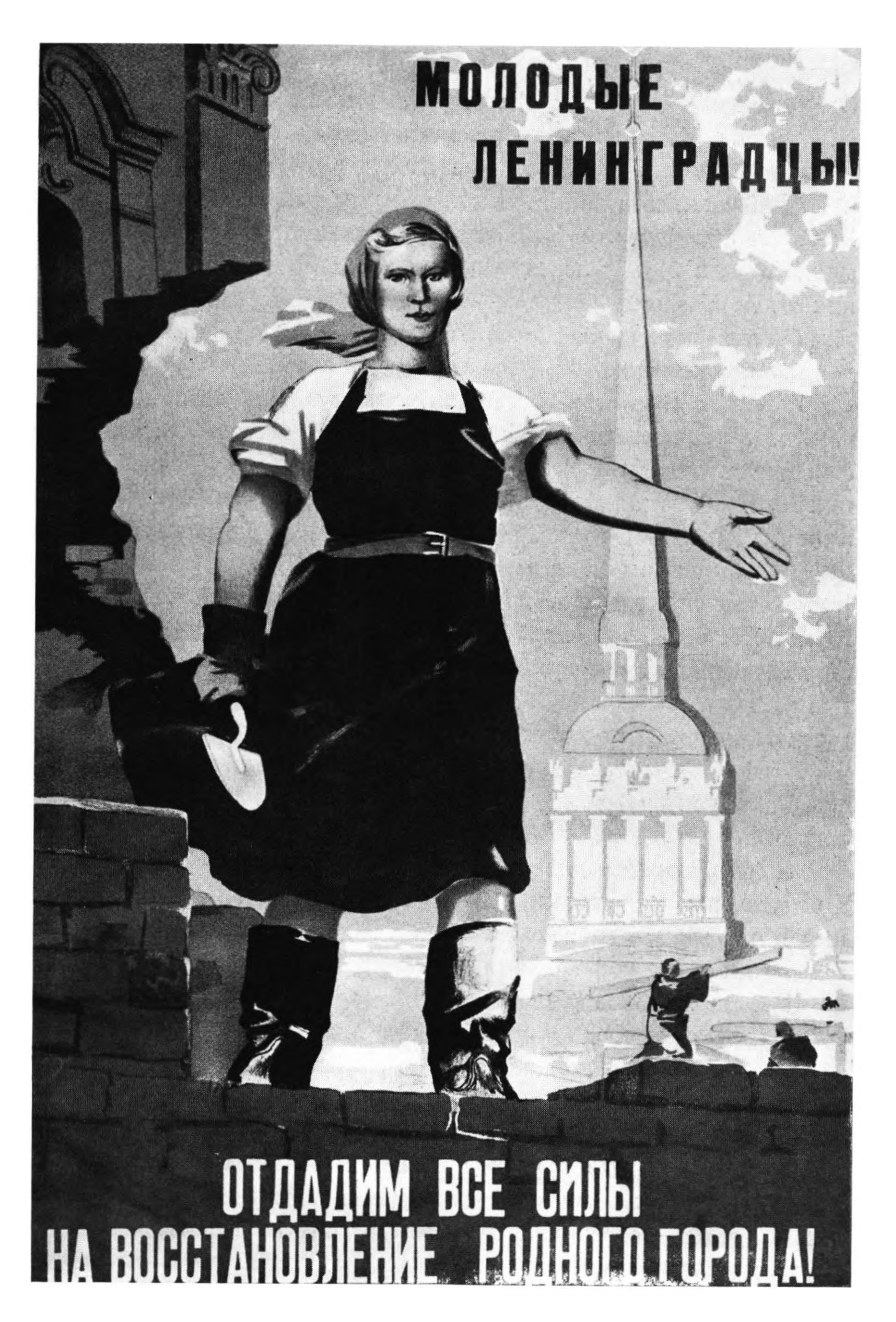

У «Окон ТАСС». 1942

Одной из первых в дни войны была издана открытка художника К. И. Рудакова «В штаб с донесением». Затем вышли его же открытки «От врага» и «Папа, бей фашистов! (письмо на фронт)». Открытки-репродукции картин В. А. Серова «Расстрел» (с текстом «Мы этого никогда не забудем») и «Здесь прошел враг» также имели широкое распространение.

Неутомимо трудился в эти годы участник первой империалистической войны художник И. А. Владимиров. Был выпущен ряд открыток-репродукций его картин, отразивших славные боевые действия советских воинов, партизан. Среди них «Бой в Тихвине», «Налет партизан на вражеский отряд», «Пожарные спасают» и другие.

Огромную роль играли открытки, прославлявшие героев Ленинградского фронта. Эту работу успешно выполняли художники-фронтовики Н. И. Пильщиков и Ю. М. Непринцев.

Т. Ксенофонтов. Плакат. 1945

Были созданы многочисленные открытки по их портретным зарисовкам героев-летчиков Ленинградского фронта: И. Харитонова, П. Голиченкова, В. Харитонова, Г. Петрова, П. Бринько, И. Пидтыкана, снайперов-истребителей и танкистов.

Художница О. Д. Жудина написала для открыток портреты снайперов В. Куташкина и И. Добрика, создала автолитографии героев Советского Союза гвардии генерал-майора Н. Симоняка, рядового И. Лашева и других.

Жизнь и борьбу ленинградцев широко и разносторонне осветил в открытках художник Н. А. Павлов.

Серию рисунков-пейзажей блокадного Ленинграда, воспроизведенную в открытках, создал архитектор-художник В. А. Каменский. Его акварели «У Исаакиевского собора», «У Нарвских ворот», «На Аничковом мосту» и другие тонко передают настроение незабываемых первых месяцев войны, наполненных тревогой за судьбу своей Отчизны, за родной Ленинград. Открытки с произведений М. А. Шепилевского «Пожар Госнардома», «В осенний вечер», «Зимняя стоянка», «Отряды морской пехоты уходят на фронт» и другие производили неизгладимое впечатление, напоминали о суровых героических днях.

Борьбу славных ленинградских партизан в тылу врага запечатлел в своем произведении (также репродуцированном) «Обоз с продовольствием из партизанского края трудящимся города Ленина» художник А. А. Казанцев.

Талантливый мастер, неутомимо работавший все девятьсот дней блокады, А. Ф. Пахомов создал целую сюиту графических рассказов об участии юношей и девушек в обороне города. Его рисунки-открытки «Тушение зажигательных бомб», «На посту МПВО», «Папа, убей врага!» и многие другие расходились многотысячными тиражами.

Были репродуцированы также произведения Н. М. Кочергина, посвященные восстановлению Ленинграда.

Любовь ленинградцев к своему родному городу-герою воспевали в своих работах такие замечательные художники, как А. П. Остроумова-Лебедева, С. Б. Юдовин. Воспроизведенные в открытках, их пейзажи Ленинграда блокадных дней являются выдающимися произведениями советской графики.

Весьма широкое распространение среди бойцов Ленинградского фронта и моряков Балтийского флота, среди тружеников осажденного Ленинграда получили иллюстрированные открытки-песни «Синий платочек», «Чайка», «Табачок», «Котелок», «Песня о дружиннице», «Город-крепость» и многие другие. Совместный труд композиторов, поэтов и художников был оценен народом — открытки-песни расходились огромными тиражами.

Всего за первые три года войны в Ленинграде было выпущено двести шестьдесят восемь названий плакатов, тиражом два миллиона пятьсот семьдесят четыре тысячи экземпляров; лубков — сорок девять, тиражом пятьсот три тысячи экземпляров; открыток — триста тридцать четыре, тиражом шесть миллионов семьсот шестьдесят восемь тысяч экземпляров; портретов — шестьдесят девять, тиражом триста семнадцать тысяч экземпляров; плакатов «Боевой карандаш» — восемьдесят два, тиражом пятьсот семьдесят три тысячи экземпляров; «Окон ТАСС» — семьдесят четыре, тиражом сто тридцать пять экземпляров.

В заключение нельзя не отметить огромное политическое значение работы газетных художников-карикатуристов Лео, В. А. Гальбы, Н. Е. Муратова, М. К. Бекташева, карикатуры которых остро били врага, вызывали у защитников Ленинграда жгучую ненависть к фашистским поработителям.

Знаменательным событием в культурной жизни ленинградцев в суровые дни блокады явилась организация выставки картин ленинградских художников в павильоне Росси. Тот, кто побывал на этой выставке, не забудет ее до конца своих дней. Выставка производила на зрителей потрясающее и неизгладимое впечатление.

Это было в начале зимы 1942/43 года. Шел легкий, пушистый снежок. На окраинах города громыхали орудия. В Сад отдыха, в павильон Росси шли солдаты, офицеры, политработники, одетые в полушубки и валенки, шли моряки, летчики, бойцы МПВО, шли рабочие и служащие заводов. Всем хотелось увидеть произведения, созданные в осажденном городе.

Зал павильона небольшой. В нем разместилось всего два-три десятка полотен. Огромное впечатление производили на зрителей картины В. А. Серова «Расстрел», «Здесь прошел враг» и картина Я. С. Николаева «За что?» Истощенный голодом, но сильный духом, Ярослав Николаев скупыми мазками написал картину потрясающей силы. У Невы, на последней ступени гранитной лестницы лежит убитая осколком снаряда женщина с исхудалым лицом, это — голодная мать, только что спустившаяся к реке, чтобы зачерпнуть воды для своих детей. Комок к горлу подкатывался у каждого, кто смотрел на эту картину.

Бойцы, посмотревшие выставку, рвались в бой и били врагов яростно, беспощадно. Это были картины, написанные сердцем и кровью.

Труд ленинградских художников в дни войны и блокады показывает, как прекрасно жили, героически боролись и умирали наши отцы и братья за свою Родину.

БИОГРАФИЧЕСКИЕ СПРАВКИ ОБ АВТОРАХ

Издательство выражает глубокую благодарность за оказанную помощь в работе над сборником Ленинградской организации Союза художников РСФСР, Научно-библиографическому архиву Академии художеств СССР, А. М. Смирновой, В. И. Цветкову и всем, предоставившим материалы для этой книги.

Андреева-Петошина Анна Васильевна. 1898—1944. Скульптор. В годы Великой Отечественной войны находилась в осажденном Ленинграде. Работала над циклом скульптурных произведений. Участница выставок «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны», «Великая Отечественная война», «Ленинград в дни блокады»[1].

Ардентова Ксения Васильевна. Родилась в 1914 г. Искусствовед. В годы Великой Отечественной войны находилась на Урале.

Балтун Петр Казимирович. Родился в 1904 г. Искусствовед. В годы Великой Отечественной войны — директор Государственного Русского музея. Руководил консервацией и эвакуацией основных его коллекций. Директор филиала Русского и других эвакуированных на Урал художественных музеев.

Блинков Александр Александрович. Родился в 1911 г. Живописец, график. Доцент Высшего художественно-промышленного училища имени В. И. Мухиной. В годы Великой Отечественной войны состоял в народном ополчении, был командирован в партизанские отряды Ленинградской области. Один из создателей партизанского отдела Музея обороны Ленинграда. Участник выставок «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны», «Великая Отечественная война», «Ленинград в дни блокады», «Героическая оборона Ленинграда».

Боим Соломон Самсонович. Родился в 1899 г. График. В годы Великой Отечественной войны служил в Кронштадте. Работал в области военно-политического плаката и других видов наглядной агитации в Кронштадтском Доме Военно-Морского Флота. Главный художник Политуправления Балтфлота. Участник выставок «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны», «Великая Отечественная война», «Ленинград в дни блокады», «Ленинград—Балтика» (персональная; Москва, 1944).

Боголюбов Вениамин Яковлевич. 1895—1954. Скульптор. В годы Великой Отечественной войны находился в осажденном Ленинграде. Работал над циклом скульптурных произведений «Великая Отечественная война». Один из создателей агитрельефов. Участник выставок «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны», «Ленинград в дни блокады», «Весенняя выставка ленинградских художников», I выставка работ художников Ленинградского фронта, «Героический фронт и тыл», «Героическая оборона Ленинграда».

Борискович Владимир Григорьевич. Родился в 1905 г. График. В годы Великой Отечественной войны работал на маскировке военных объектов, художником в Театре Краснознаменного Балтийского флота, в Театре музыкальной комедии. Служил в действующей армии. Участник выставки «Героический фронт и тыл».

Бродский Иосиф Анатольевич. Родился в 1909 г. Искусствовед. Доктор искусствоведения. Заслуженный деятель искусств РСФСР. Профессор Института живописи, скульптуры и архитектуры имени

---

[1] Здесь и далее приводятся данные по каталогам художественных выставок военных лет: «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны» (Москва, 1942). М.—Л., «Искусство», 1942; «Великая Отечественная война» (всесоюзная; Москва, 1942). М., изд. Государственной Третьяковской галереи, 1943; «Ленинград в дни блокады» (Произведения ленинградских художников 1941—1942 гг.). Пермь, 1943; «Весенняя выставка ленинградских художников» (Ленинград, 1943). Л., изд. ЛССХа, 1944; «Первая выставка художников-фронтовиков» (Ленинград, 1943). Л., Воениздат народного комиссариата обороны, 1943; «Третья выставка работ художников Ленинградского фронта» (Ленинград, 1945). Л., Воениздат народного комиссариата обороны, 1945; «Героический фронт и тыл» (всесоюзная; Москва, 1943—1944). М., изд. Государственной Третьяковской галереи, 1945; «Героическая оборона Ленинграда» (Ленинград, 1944). Л.—М., «Искусство», 1945; Сведения об участниках второй выставки художников-фронтовиков (Ленинград, 1944). См.: Елена Клочкова. Друзья по искусству — товарищи по оружию.— Сб. «Подвиг века. Художники, скульпторы, искусствоведы в годы Великой Отечественной войны и блокады Ленинграда». Л., Лениздат, 1969, с. 206, 207.

И. Е. Репина. В годы Великой Отечественной войны состоял в истребительном батальоне, был ученым секретарем Всероссийской Академии художеств.

Бычьев-Протопопов Николай Михайлович. Родился в 1907 г. График. В годы Великой Отечественной войны находился в осажденном Ленинграде. Участвовал в выпусках художественно-агитационных плакатов «Боевой карандаш». Участник выставки «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны».

Верейский Георгий Семенович. 1886—1962. График. Народный художник РСФСР. Действительный член Академии художеств СССР. В годы Великой Отечественной войны находился в осажденном Ленинграде. Участвовал в выпусках художественно-агитационных плакатов «Боевой карандаш», работал над портретами воинов Советской Армии. Участник выставок «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны», «Великая Отечественная война», «Героический фронт и тыл».

Вишневецкая Софья Касьяновна. 1899—1962. Художник театра. В годы Великой Отечественной войны работала художником при Политуправлении Краснознаменного Балтийского флота, военным корреспондентом газеты «Правда».

Гриценко Марина Николаевна. 1901—1971. Искусствовед. В годы Великой Отечественной войны принимала активное участие в подготовке и проведении всесоюзных художественных выставок «Великая Отечественная война», «Героический фронт и тыл».

Гунниус Александра Федоровна. Родилась в 1890 г. Скульптор. В годы Великой Отечественной войны командирована на партизанскую базу в Кавголово. Участвовала в работе по консервации скульптур и декоративного убранства Гатчинского дворца. Участница выставки «Героический фронт и тыл».

Гутман Лев Иосифович. Родился в 1898 г. Искусствовед. Автор ряда статей по вопросам русского и советского искусства.

Дормидонтов Николай Иванович. 1898—1962. График. В годы Великой Отечественной войны находился в осажденном Ленинграде. Один из организаторов выставки ленинградских художников в Москве. Участник выставок «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны», «Великая Отечественная война», «Ленинград в дни блокады», «Весенняя выставка ленинградских художников», «Героический фронт и тыл».

Драчинская Вера Семеновна. Родилась в 1892 г. Скульптор. В годы Великой Отечественной войны находилась в осажденном Ленинграде. Несла дежурства по МПВО. Работала над циклом скульптурных произведений. Участвовала в работе по консервации скульптур и декоративного убранства Гатчинского дворца.

Дудин Михаил Александрович. Родился в 1916 г. Поэт. В годы Великой Отечественной войны — участник обороны полуострова Ханко. Работал во фронтовых газетах. Автор сборников стихов «Фляга» (1943), «Военная Нева» (1943), «Дорога гвардии» (1944), «Костер на перекрестке» (1944).

Земцова Анна Марковна. Родилась в 1904 г. Искусствовед. В годы Великой Отечественной войны — заведующая отделом выставок Ленинградского Союза советских художников.

Иванов Вячеслав Вениаминович. 1906—1969. Художник театра. В годы Великой Отечественной войны служил в действующей армии. Автор художественного оформления спектакля по пьесе И. В. Бахтерева и В. А. Разумовского «Полководец Суворов» (Ленинградский Дом Красной Армии и Военно-Морского Флота имени С. М. Кирова, 1943).

Иогансен Кирилл Леонардович. Родился в 1909 г. Архитектор и художник декоративно-прикладного искусства. Профессор Ленинградского высшего художественно-промышленного училища имени В. И. Мухиной. В годы Великой Отечественной войны работал по маскировке военных объектов и организации военных кабинетов боевой подготовки и наглядной агитации. Один из организаторов Музея обороны Ленинграда. Участник II, III выставок работ художников Ленинградского фронта.

Исаева Вера Васильевна. 1898—1960. Скульптор. В годы Великой Отечественной войны работала в бригаде по созданию скульптурных агитплакатов, была командирована на партизанскую базу в Кавголово. Участница выставок «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны», «Ленинград в дни блокады», «Весенняя выставка ленинградских художников», «Героический фронт и тыл», «Героическая оборона Ленинграда».

Кирпичникова Татьяна Сергеевна. Родилась в 1899 г. Скульптор. В годы Великой Отечественной войны находилась в осажденном Ленинграде. Участвовала в эвакуации художественных ценностей Эрмитажа, в консервации скульптур и декоративного убранства Гатчинского дворца. Участница выставок «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны», «Ленинград в дни блокады», «Весенняя выставка ленинградских художников», «Героический фронт и тыл».

Конашевич Владимир Михайлович. 1888—1963. График. Заслуженный деятель искусств РСФСР. В годы Великой Отечественной войны находился в осажденном Ленинграде. Сотрудничал в журнале «Костер». Принимал деятельное участие в работе Детского отдела Ленинградского Гослитиздата. Участник выставок «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны», «Весенней выставки ленинградских художников». Персональная выставка (Ленинград, 1943).

Коростышевский Лев Израилевич. Родился в 1909 г. График. В годы Великой Отечественной войны служил в действующей армии. Работал художником армейской газеты «Знамя Победы». Участник I, III выставок работ художников Ленинградского фронта.

Костин Александр Владимирович. 1904—1968. Журналист, партийный работник. В годы Великой Отечественной войны работал инструктором отдела пропаганды и агитации Ленинградского горкома ВКП(б), исполнял обязанности заведующего сектором печати.

Кофман Георгий Маркович. Родился в 1908 г. Журналист. В годы Великой Отечественной войны — редактор ленинградских «Окон ТАСС».

Крестовский Игорь Всеволодович. Родился в 1893 г. Скульптор. Заслуженный деятель искусств РСФСР. Профессор Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. В начале Великой Отечественной войны находился в Ленинграде. Руководил работами по укрытию и маскировке архитектурных памятников и садово-парковой скульптуры. Участвовал в работе по консервации скульптур и декоративного убранства пригородных дворцов в Павловске, Гатчине, г. Пушкине, Стрельне.

Курдов Валентин Иванович. Родился в 1905 г. График. Заслуженный деятель искусств РСФСР. В годы Великой Отечественной войны был командирован в партизанский отряд Ленинградской области. Один из создателей художественно-агитационных плакатов «Боевой карандаш». Участник выставок «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны», «Ленинград в дни блокады», «Весенняя выставка ленинградских художников», «Героический фронт и тыл».

Лебедев Георгий Ефимович. 1903—1958. Искусствовед. В годы Великой Отечественной войны заместитель директора Государственного Русского музея по научной части. Деятельный участник эвакуации и консервации художественных ценностей Государственного Русского музея.

Линде Татьяна Федоровна. 1893—1971. Скульптор. В годы Великой Отечественной войны находилась в осажденном Ленинграде. Работала над скульптурными произведениями. Участвовала в работе по консервации скульптур и декоративного убранства Павловского дворца. Участница «Весенней выставки ленинградских художников».

Лишев Всеволод Всеволодович. 1877—1960. Скульптор. Доктор искусствоведения. Народный художник СССР. Действительный член Академии художеств СССР. В годы Великой Отечественной войны находился в осажденном Ленинграде. Участник выставок «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны», «Великая Отечественная война», «Ленинград в дни блокады», «Героический фронт и тыл».

Луганский Петр Иванович. Родился в 1911 г. График. В годы Великой Отечественной войны — командир стрелкового взвода, художник дивизионной газеты. Участник выставок «Весенней выставки ленинградских художников», I, II, III выставок работ художников Ленинградского фронта, «Героическая оборона Ленинграда».

Непринцев Юрий Михайлович. Родился в 1909 г. Живописец. Народный художник СССР. Действительный член Академии художеств СССР. Профессор Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. В годы Великой Отечественной войны — участник оборонительных боев Ленинградского фронта, командир взвода. Художник Политуправления Краснознаменного Балтийского флота. Участник I, II выставок работ художников Ленинградского фронта, выставок «Героический фронт и тыл», «Героическая оборона Ленинграда».

Николаев Ярослав Сергеевич. Родился в 1899 г. Живописец. Заслуженный деятель искусств РСФСР. В годы Великой Отечественной войны находился в осажденном Ленинграде. Работал над серией картин, посвященных блокаде. Участник выставок «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны», «Великая Отечественная война», «Ленинград в дни блокады», «Весенняя выставка ленинградских художников», «Героический фронт и тыл», «Героическая оборона Ленинграда».

Остроумова-Лебедева Анна Петровна. 1871—1955. График. Заслуженный деятель искусств РСФСР. Народный художник РСФСР. Действительный член Академии художеств СССР. В годы Великой Отечественной войны находилась в осажденном Ленинграде. Работала над графическими произведениями и вторым томом «Автобиографических записок». Участница «Весенней выставки ленинградских художников».

Панкратов Сергей Федорович. Родился в 1905 г. График. В годы Великой Отечественной войны служил в войсках Ленинградского фронта. Выпускал фронтовые листы «Окон ТАСС». Участник I, II, III выставок работ Ленинградского фронта.

Пахомов Алексей Федорович. 1900—1973. График. Живописец. Народный художник РСФСР. Действительный член Академии художеств СССР. Профессор Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. В годы Великой Отечественной войны находился в осажденном Ленинграде. Работал над плакатами, графической серией «Ленинград в дни блокады» (1942—1944). Участник выставок «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны», «Великая Отечественная война», «Ленинград в дни блокады», «Весенняя выставка ленинградских художников», «Героический фронт и тыл», «Героическая оборона Ленинграда».

Пинчук Вениамин Борисович. Родился в 1908 г. Скульптор. Народный художник СССР. Действительный член Академии художеств СССР. Профессор Института живописи, скульптуры и архитектуры

имени И. Е. Репина. В годы Великой Отечественной войны находился в осажденном Ленинграде. Нес дежурства по МПВО, возводил оборонительные сооружения. Работал над плакатами, скульптурными произведениями. Участник выставок «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны», «Великая Отечественная война», «Ленинград в дни блокады», «Весенняя выставка ленинградских художников», «Героический фронт и тыл», «Героическая оборона Ленинграда».

Платунов Михаил Георгиевич. 1887—1972. Живописец. Заслуженный деятель искусств РСФСР. В годы Великой Отечественной войны находился в осажденном Ленинграде. Работал над циклом гуашей «Ленинград в блокаде» (1941—1942). Участник выставки «Героический фронт и тыл».

Пророков Борис Иванович. 1911—1972. График. Народный художник РСФСР. Член-корреспондент Академии художеств СССР. В годы Великой Отечественной войны служил на полуострове Ханко. Сотрудник фронтовой газеты «Красный Гангут», юмористического журнала «Полундра». Исполнял плакаты и сатирические листы «Балтийского прожектора». Консультант Главного Политуправления Военно-Морского Флота по вопросам наглядной агитации.

Прошкин Виктор Николаевич. Родился в 1906 г. Живописец. Профессор Ленинградского высшего художественно-промышленного училища имени В. И. Мухиной. В годы Великой Отечественной войны был командирован в партизанский отряд Волховского фронта. Работал на маскировке военных объектов. Ответственный секретарь правления ЛССХа. Участник выставок «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны», «Ленинград в дни блокады», «Весенняя выставка ленинградских художников», «Героический фронт и тыл», «Героическая оборона Ленинграда».

Раевская-Рутковская Варвара Аркадьевна. Родилась в 1895 г. Живописец. В годы Великой Отечественной войны находилась в осажденном Ленинграде. Несла дежурства по МПВО, выполняла общественные задания ЛССХа. Участница выставок «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны», «Великая Отечественная война», «Ленинград в дни блокады», «Весенняя выставка ленинградских художников», «Героический фронт и тыл», «Героическая оборона Ленинграда».

Раков Лев Львович. 1904—1970. Историк. Кандидат исторических наук. В годы Великой Отечественной войны—лектор фронтового Дома Красной Армии. Организатор выставки «Героическая оборона Ленинграда». Директор Музея обороны Ленинграда.

Ромас Яков Дорофеевич. 1902—1969. Живописец. Народный художник СССР. Действительный член Академии художеств СССР. В годы Великой Отечественной войны служил в Краснознаменном Балтийском Флоте. Командир пулеметной роты. Работал над историей боевых действий флота. Участник выставки «Великая Отечественная война».

Рончевская Людмила Алексеевна. Родилась в 1907 г. Живописец. В годы Великой Отечественной войны участвовала в эвакуации художественных ценностей Государственного Русского музея и Государственного Эрмитажа. Работала медсестрой в госпитале, художником в авиаремонтной базе и на торфоразработках. Участница «Весенней выставки ленинградских художников».

Серебряный Иосиф Александрович. Родился в 1907 г. Живописец. Народный художник РСФСР. Член-корреспондент Академии художеств СССР. Профессор Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. В годы Великой Отечественной войны был командирован в партизанский отряд Ленинградского фронта. Один из организаторов Музея обороны Ленинграда. Участник выставок «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны», «Великая Отечественная война», «Ленинград в дни блокады», «Весенняя выставка ленинградских художников», «Героический фронт и тыл», «Героическая оборона Ленинграда».

Серов Владимир Александрович. 1910—1968. Живописец, график. Народный художник СССР. Действительный член Академии художеств СССР. В годы Великой Отечественной войны — председатель Ленинградского Союза советских художников. Работал над плакатами «Боевого карандаша», картинами о блокаде Ленинграда. Участник выставок «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны», «Великая Отечественная война», «Ленинград в дни блокады», «Весенняя выставка ленинградских художников», «Героический фронт и тыл», «Героическая оборона Ленинграда».

Стрекавин Александр Алексеевич. Родился в 1899 г. Скульптор. В годы Великой Отечественной войны находился в осажденном Ленинграде, один из создателей агитрельефов, был командирован на партизанскую базу в Валдай. Участник выставок «Работы ленинградских художников в дни Великой Отечественной войны», «Великая Отечественная война», «Весенняя выставка ленинградских художников», «Героический фронт и тыл», «Героическая оборона Ленинграда».

Тимофеев-Еропкин Борис Николаевич. 1899—1964. Поэт, языковед. В годы Великой Отечественной войны принимал активное участие в выпусках художественно-агитационных плакатов «Боевой карандаш».

Титов Иван Филиппович. Родился в 1902 г. Живописец. Заслуженный деятель искусств РСФСР. В годы Великой Отечественной войны — художник Политуправления Балтийского флота. Работал над плакатами, сатирическими листами, картинами о боевых действиях флота. Участник выставок «Великая Отечественная война», «Весенняя выставка ленинградских художников», «Героический фронт и тыл».

Тихомирова Марина Александровна. Родилась в 1911 г. Искусствовед. В годы Великой Отечественной войны — музейный работник, вела лекционную работу на Ленинградском фронте. Одна из организаторов восстановительных работ дворцов и парков Петродворца.

Трошичев Александр Александрович. Родился в 1908 г. Живописец. Доцент Института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина. В годы Великой Отечественной войны — участник боев под Ораниенбаумом. Сотрудник дивизионной газеты «За Родину». Военный корреспондент армейской печати. Участник II выставки работ художников Ленинградского фронта.

Фролова-Багреева Лидия Федоровна. Родилась в 1907 г. Живописец. В годы Великой Отечественной войны работала художником по культурно-шефскому обслуживанию Советской Армии и Военно-Морского Флота. Одна из организаторов выставки «Зверства, грабежи и насилия фашистских захватчиков» (1943). Участница выставок «Весенней выставки ленинградских художников», «Героический фронт и тыл».

Харшак Александр Исаакович. Родился в 1908 г. График. В годы Великой Отечественной войны служил в действующей армии. Художник армейской газеты «Удар по врагу». Участник I, II выставок работ художников Ленинградского фронта.

Яр-Кравченко Анатолий Никифорович. Родился в 1911 г. Живописец, график, народный художник РСФСР. В годы Великой Отечественной войны служил в действующей армии. Корреспондент корпусной газеты «Атака». Председатель объединения ленинградских художников-фронтовиков. Участник «Весенней выставки ленинградских художников», I, II выставок работ художников Ленинградского фронта.

СОДЕРЖАНИЕ

ХУДОЖНИКИ ГОРОДА-ФРОНТА

ВОСПОМИНАНИЯ
И
ДНЕВНИКИ
ЛЕНИНГРАДСКИХ
ХУДОЖНИКОВ

Редактор В. И. Серебряная
Оформление и макет Э. И. Копеляна, И. З. Копеляна
Художественно-технический редактор В. С. Воронина
Корректор Е. Е. Ротманская

Сдано в набор 9/II 1973 г. Подписано в печать 3/IX 1973 г. Формат 84×100[1]/16 (бумага мелованная). Печ. л. 27,75. Печ.-привед. л. 43,29. Уч.-изд. л. 33,955. Изд. № 32658. Тираж 20 000. М-43686. Цена 4 р. 11 к. Заказ 7082.

Издательство «Художник РСФСР». Ленинград, Большеохтинский пр., 6, корпус 2. Ордена Трудового Красного Знамени Ленинградская типография № 3 имени Ивана Федорова Союзполиграфпрома при Государственном Комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. Ленинград, 196126, Звенигородская ул., 11.